

РОБЕРТ МАККАММОН

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

**МАСТЕРА
ОСТРОСЮЖЕТНОЙ
МИСТИКИ**

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

Роберт Маккаммон

КУСАКА

Львов
СИГМА
1996

Мастера остросюжетной мистики

Выпуск 42

Robert McCammon

THE STINGER

Роберт Маккаммон
КУСАКА : роман

Copyright © by Robert McCammon

ISBN 0-7515-0074-2

KYCAKA

Мотоцикл с ревом вырвался за пределы Окраины, унося светловолосого паренька и темноволосую девушку прочь от оставшегося позади ужаса.

В лицо пареньку, крутясь, летели дым и пыль; он чувствовал запах крови и собственного взмокшего от страха тела. Девушка, дрожа, прижималась к нему. Они мчались к мосту, но фара мотоцикла была разбита, и парнишка правил, ориентируясь в сочившемся сквозь облака дыма тусклом фиолетовом сиянии. В горячем тяжелом воздухе пахло гарью: запах поля боя.

Колеса подпрыгнули. Мальчик понял: они въехали на мост. Бетонные обочины моста сузились, он сбавил скорость и вильнул, чтобы разминуться с колпаком, потерянным, должно быть, одной из тех машин, что недавно промчались на другой берег, в Инферно. То, чему ребята стали свидетелями несколько минут назад, не шло из головы, и девочка со слезами на глазах то и дело оглядывалась, повторяя имя брата.

«Почти проскочили, — подумал парнишка. — Прорвемся! Про...» Прямо перед ними в дыму что-то выросло.

Парнишка тормознул и начал выруливать вбок, но понял: времени слишком мало. Мотоцикл столкнулся с возникшей на дороге фигурой, и мальчик потерял управление. Он выпустил руль, почувствовал, что девушка тоже слетела с мотоцикла, а потом перекувырнулся в воздухе и заскользил, немилосердно обжигаемый трением.

Он лежал, свернувшись клубком, хватая ртом воздух, и, с трудом удерживаясь в сознании, думал: «Точно, Бормотун. Бормотун... заполз на мост... и устроил нам бенц».

Мальчик попытался сесть, однако он был еще слишком слаб. Левая рука болела, но пальцы двигались — хороший признак. Ребра казались осколками бритвы, а еще ему хотелось спать, закрыть глаза и будь что будет... но мальчик не сомневался: тогда он больше уже не проснется.

Пахло бензином. Мальчик сообразил, что у мотоцикла пробит бак. Через пару секунд раздалось БА-БАХ!, замерцало оранжевое пламя. На землю с грохотом посыпались куски металла. Задыхаясь, парнишка встал на колени и в отсветах огня увидел, что девушка лежит на спине примерно в шести футах от него, разбросав руки и ноги, как сломанная кукла. Рот был в крови, натекающей из нижней разбитой губы, на щеке — багровый синяк. Но она дышала, и когда он окликнул ее по имени, ее веки затрепетали. Мальчик попытался приподнять ей голову, но нащупал какой-то желвак и решил, что лучше ее не трогать.

А потом услышал шаги, два башмака: один цокал, второй шаркал.

С бешено колотящимся сердцем мальчик поднял голову. Со стороны Окраины к ним кто-то ковылял. На мосту горели ручейки бензина, но это существо шагало сквозь огненные потоки, не останавливаясь, поджигая отвороты джинсов. Оно было горбатое — нелепая, злая пародия на человека, — а когда подошло поближе, мальчик увидел, что полный зубов-иглок рот кривит ухмылка.

Он загородил девушку своим телом. Шаги приблизились: цок-шарк, цок-шарк. Мальчик привстал, чтобы дать отпор, но боль прострелила ребра, не давая вздохнуть, стреножила его, и он опять повалился на бок, сипло дыша.

Добравшись до них, горбатое ухмыляющееся существо остановилось и уставилось себе под ноги. Потом оно пригнулось, и над лицом девушки скользнула рука с металлическими, зазубренными по краям ногтями.

Силы оставили мальчика. Металлические когти вот-вот должны были размозжить девушке голову, содрать мясо с костей — он и глазом не успел бы моргнуть — и мальчик понял, что в этой долгой страшной ночи спасти ей жизнь можно только одним способом...

РАССВЕТ

Вставало солнце. В призрачных дрожащих волнах жаркого марева ночные твари расползались по норам.

Пурпурный свет приобрел оранжевый отлив. Тускло-серый и уныло-коричневый отступили под натиском густо-малинового и жженого янтаря. От печных труб кактусов и высокой, до колен, полыни протянулись лиловые тени, а грубо обтесанные глыбы валунов засветились алой боевой раскраской апачей. Краски утра смешались и растеклись по канавам и трещинам в неровной шероховатой земле, заискрились румяной бронзой в узкой извилистой ленте Змеиной реки.

Когда свет начал набирать силу и от песков пустыни вверх поплыл едкий запах зноя, мальчик, спавший под открытым небом, открыл глаза. Тело одеревенело, и пару минут паренек лежал, глядя, как безоблачное небо затопляет золотом и вспоминая свой сон — что-то про отца, который пьяным голосом безостановочно выкрикивал его имя, с каждым разом коверкая его все сильнее, пока оно по звучанию не начало походить на ругательство, — но, может быть, ему это только казалось. Как правило, сны мальчика нельзя было назвать хорошими или добрыми, а уж те, в которых куражился его отец, и подавно.

Мальчик сел, подтянул колени к груди, опустил на них острый подбородок и стал смотреть, как над цепями зазубренных кряжей, далеко на востоке, за Инферно и Окраиной, взрывается солнце. Восход всегда ассоциировался у него с музыкой, и сегодня парнишка услышал неистовый грохот воющей на полную катушку гитары-соло из «Айрон мэйден». Ему нравилось здесь спать, пусть даже затекали мышцы, ведь он любил одиночество, а еще — краски пустыни ранним утром. Через пару часов, когда солнце действительно начнет припекать, пустыня станет пепельной и, ей-ей, можно будет услышать, как шипит воздух. Если в середине дня не найти тени, Великая Жареная Пустота испечет твои мозги, превратив их во вздрагивающую золу.

Но пока было хорошо: воздух оставался мягким, и все (пусть ненадолго) сохраняло иллюзорную красоту. В такие моменты мальчику удавалось представить себе, будто он проснулся за тридцать семь от Инферно.

Он сидел среди тесно нагроможденных камней, на плоской вершине большого, как грузовик, валуна, за округлую форму прозванного в здешних местах Качалкой. Качалку густо покрывали нанесенные краской из распылителя граффити непристойности, рисунки и лозунги вроде «ХРЕН В ЗУБЫ ГРЕМУЧКАМ». Все это скрывало от глаз остатки индейских пиктограмм трехсотлетней давности. Валун стоял на вершине бугра, заросшего жесткой щетиной кактусов, мескито и полыни, примерно в сотне футов над землей. Обычно мальчик спал именно здесь — с этой выгодной позиции были видны границы его мира.

На севере чернела резкая прямая полоска: это шоссе №67, появившись из техасских равнин, подрезало бок Инферно, на две мили становилось Республиканской дорогой, пересекало мост через Змеиную реку и, миновав убогую Окраину, снова превращалось в шоссе №67 и исчезало на юге, где среди раскаленной пустыни высились горы Чинати. Насколько хватал глаз мальчика, дорога была пустынной, только над валявшейся у обочины какой-то падалью — броненосцем, песчаным зайцем или змеей — кружили стервятники. Птицы устремились вниз попить, и паренек пожелал им приятного аппетита.

К востоку от Качалки лежали плоские, перекрещивающиеся улочки Инферно. Среди приземистых кирпичных зданий центрального, «делового», района лежал маленький прямоугольник Престон-парка с маленькой белой эстрадой, коллекцией кактусов, высаженных городским советом по благоустройству, и белым мраморным ишаком в натуральную величину. Парнишка тряхнул головой, вытащил из внутреннего кармана выгоревшей джинсовой куртки пачку «Уинстона» и прикурил от зажигалки «Зиппо» первую за день сигарету. «Мое вечное идиотское везение, — подумал он. — Прожить жизнь в городе, названном в честь осла». Опять-таки, скульптура обнаруживала изрядное сходство с мамашей шерифа Вэнса.

Выстроившиеся вдоль улиц Инферно деревянные и каменные дома отбросили на песчаные дворы и растрескавшийся от жары бетон лиловые тени. На Селеста-стрит, над стоянкой подержанных автомашин Мэка Кейда, обвисли многоцветные пластиковые флажки. Стоянка была обнесена восьмифутовой изгородью из проволоочной сетки, поверх которой шла колючая проволока. Большой красный плакат призывал: «ВЕДИТЕ ДЕЛА С КЕЙДОМ, ДРУГОМ РАБОЧЕГО ЛЮДА!» Парнишка догадывался, что все эти машины до единой собраны из частей краденых автомобилей; самая приличная колымага на стоянке не могла проехать и пяти сот миль. Еще Кейд активно снабжал мексиканцев наркотиками. Впрочем, продажа подержанных машин

давала Кейду деньги лишь на карманные расходы — свой настоящий бизнес Мэк делал в иной области.

Еще восточнее, там, где Селеста-стрит пересекалась с Брасос, на краю парка, отражая огненный шар солнца, оранжево сияли окна Первого техасского банка Инферно. Три этажа делали его самой высокой постройкой в Инферно, если не считать видневшегося на северо-востоке серого экрана «Старлайта» — кинотеатра под открытым небом. Бывало, усевшись здесь, на Качалке, Коди бесплатно смотрел фильм, выдумывая свои диалоги, ерничал, валял дурака — словом, проводил время в свое полное удовольствие. «Да, времена и впрямь меняются», — подумал мальчик. Он затаился и выпустил пару колечек дыма. Прошлым летом кинотеатр закрылся, обеспечив пристанищем змей и скорпионов. Примерно милей севернее «Старлайта» стояло небольшое блочное здание с крышей, похожей на коричневый струп. Парнишка видел, что засыпанная гравием стоянка пуста, но около полудня она должна была начать заполняться. Клуб «Колочая проволока» был единственным заведением в городе, какое еще получало доход. Пиво и виски мощно утоляли боль и обиды.

Световое табло на фасаде банка написало электрическими лампочками: 5:57. В следующий миг надпись изменилась и сообщила температуру воздуха — 78 градусов по Фаренгейту. На четырех светофорах Инферно замигал желтый предупредительный огонь, но все они моргали вразнобой.

Мальчик не знал, пойдет сегодня в школу или нет. Возможно, он просто прокатится по пустыне туда, где дорога сходит на нет, или, может быть, наведается в зал игровых автоматов и попытается побить собственные рекорды на «Метком стрелке» и «Пришельцах из галактики». Он посмотрел туда, где за Республиканской дорогой виднелись Средняя школа имени У.Т.Престона и Инфернская бесплатная начальная школа — два низких, длинных кирпичных здания, напоминавших парнишке тюрьму, какой ее изображают в кино. Школы, обращенные фасадами друг к другу, выходили на общую стоянку. За средней школой было футбольное поле, на котором давным-давно выгорела скудная осенняя трава. Ни новой травы, ни новых матчей этому полю было не видать. «Все равно, — подумал мальчик, — престонские «Истинные патриоты» выиграли только два матча за сезон и заняли в округе Презайдио самое последнее место. Так кого это колышет?»

Вчера он прогулял, а завтра, в пятницу 25 мая, старшекласники будут учиться последний день. Пытка выпускными экзаменами была позади, и мальчика вместе со всем классом ожидало прощание со школой... если он сдаст задание по труду. Значит, на сегодня, пожалуй, стоило сделаться паинькой и отсидеть последние уроки или хотя бы заглянуть в школу, узнать, что делается. Может, Танку, Бобби Клэю Клеммонсу или еще кому захочется свалить куда-нибудь порычать моторами, а может, требуется вложить ума кому-нибудь из

сволочных мексикашек. Если так, он будет счастлив пойти поганцам навстречу, честное слово.

Светло-серые глаза мальчика за завесой дыма сузились. Когда он смотрел на Инферно вот так, сверху вниз, ему становилось тревожно, его охватывали злость и раздражение, словно зудела болячка, которую невозможно почесать. Он решил, что причина в том, как много в Инферно тупиков. В Кобре-роуд, пересекавшейся с Республиканской дорогой и убегавшей на запад мимо оврага, по дну которого текла Змеиная река, было почти восемь миль, но и за городской чертой улица шла мимо все новых и новых свидетельств провалов и неудач: медного рудника, ранчо Престона, немногочисленных старых, доживающих свои последние дни ферм. Набирающий силу солнечный свет не делал Инферно симпатичнее, лишь выявлял рубцы и шрамы. Выжженный пыльный город умирал, и Коди Локетт понимал, что на будущий год к этому времени здесь не останется ни души. Инферно ожидали запустение и забвение — многие дома уже опустели. Их обитатели собрали вещишки и отправились на поиски лучшей доли.

С севера на юг, деля Инферно на восточную и западную части, шла Трэвис-стрит. Восточная часть города почти сплошь состояла из деревянных обшарпанных, сколько ни крась, домиков, которые в середине лета превращались в пыточные печи. В западной, где жили владельцы лавчонок и «сливки общества», преобладали дома из белого камня и кирпича-сырца, а кое-где во дворах пускали ростки дикие цветы. Но и этот район быстро пустел: каждую неделю еще кто-нибудь сворачивал дела, а среди чалхлых бутонов расцветали объявления «ПРОДАЕТСЯ». В северном конце Трэвис-стрит, на другой стороне заросшей повиликой стоянки, стояло двухэтажное общежитие из красного кирпича. Окна первого этажа были закрыты металлическими листами. Дом этот построили в конце пятидесятых, в годы городского расцвета, но теперь он превратился в лабиринт пустых комнат и коридоров, которые заняли и превратили в свою крепость «Отщепенцы» — компания, где верховодил Коди Локетт. Если после захода солнца на территории «Отщепенцев» ловили кого-нибудь из «Эль куэбра де каскабель» — «Гремучих змей», шайки подростков-мексиканцев — ему или ей можно было только посочувствовать. А территорией «Отщепенцев» считалось все к северу от моста через Змеиную реку.

Так и должно было быть. Коди знал, что мексиканцы затопчут кого угодно, дай только волю. Они перехватят твою работу и деньги, да при этом еще и наплюют тебе же в рожу. А значит, они должны знать свое место и получать по рогам, если переступят границы. Вот что день за днем, год за годом вбивал Коди в голову его папаша. «Этимоченые, — говорил отец Коди, — все равно что псы, которым надо то и дело давать пинка, — пусть знают, кто хозяин».

Но иногда Коди задумывался — и тогда не понимал, какой от мексиканцев вред. Они сидели без работы так же как и все остальные.

Однако отец Коди говорил, что именно мексиканцы доконали медный рудник. Что они портят все, к чему прикоснутся. Что они погубили Техас и не успокоятся, пока не погубят всю страну. «Еще немного, и они начнут трахать белых женщин прямо на улицах, — предостерегал Локетт-старший. — Напирать им по первое число, пусть попробуют на вкус пылицу!»

Иногда Коди верил отцу, иногда — нет. Это зависело от его настроения. Дела в Инферно обстояли плохо, и парнишка понимал: у него в душе тоже неладно. «Может, легче дать под зад коленом мексиканцу, чем позволить себе слишком много думать», — рассуждал он. Так или иначе, все это свелось к задаче не пускать «Гремучек» в Инферно после захода солнца — эта обязанность перешла к Коди от шести предыдущих президентов «Отщепенцев».

Коди встал и расправил плечи. Солнце освещало его кудрявые русые волосы, коротко подстриженные на висках и лохматые на макушке. В левом ухе блестела сережка — маленький серебряный череп. Юноша отбрасывал длинную косую тень. В нем было шесть футов роста. Долговязый и крепкий, он казался недружелюбным, как ржавая колючая проволока. Лицо парнишки складывалось из жестких углов и рубцов, мягкость отсутствовала полностью — острый нос, острый подбородок. Даже густые светлые брови сердито щетинились. Он мог переиграть в гляделки гремучую змею и поспорить в беге с зайцем, а ходил таким широким шагом, словно хотел перемахнуть границы Инферно.

Пятого марта ему исполнилось восемнадцать, и он понятия не имел, что делать с остатком своей жизни. Думать о будущем мальчик избегал. Мир за пределами ближайшей недели (считая с воскресенья, когда он закончит школу вместе с еще шестьдесятю тремя старшеклассниками) представлялся нагромождением теней. Поступить в колледж не позволяли отметки, а на техническую школу не хватало денег. Старик пропивал все, что зарабатывал в пекарне, и большую часть того, что Коди приносил домой со станции «Тексако». Но Коди знал, что заливка бензина и возня с машинами от него никуда не уйдут, если ему самому не надоест. Мистер Мендоса, хозяин заправочной станции, был единственным хорошим мексиканцем, какого он знал — или дал себе труд узнать.

Взгляд Коди скользнул к югу, за реку, к маленьким домишкам Окраины, мексиканского района. У четырех ее узких пыльных улочек не было названий, только номера, и все они, за исключением Четвертой, заканчивались тупиками. Самой высокой точкой Окраины был шпиль католической церкви Жертвы Христовой, увенчанный крестом, блескующим в оранжевом солнечном свете.

Четвертая улица вела на запад, к автомобильной свалке Мэка Кейда — двухакровому лабиринту автомобильных корпусов, сваленных грудями отдельных частей машин, выброшенных покрышек, обнесенных оградой мастерских и бетонных ремонтных ям. Все это

окружал девятифутовый глухой забор из листового железа, а поверху тянулся еще фут страшной гармошки колючей проволоки. Коди видно было, как за окнами мастерских вспыхивают факелы электросварки; визжал пневматический гаечный ключ. На территории автодвора в ожидании погрузки стояли три гусеничных трейлера. У Кейда работали круглосуточно, в несколько смен, и благодаря своему предприятию он уже обзавелся громадными кирпичными хоромами в стиле «модерн» с бассейном и теннисным кортом. Резиденция Мэка находилась примерно двумя милями южнее Окраины, то есть значительно ближе к мексиканской границе, чем к городку. Кейд предлагал Коди поработать на автодворе, но Коди кое-что знал о Мэковых делишках, а к такому тупику мальчик еще не был готов.

Коди повернулся спиной к солнцу (тень легла ему под ноги) и скользнул взглядом вдоль темной полоски Кобре-роуд. В трех милях от Качалки рыжел огромный, похожий на рану с омертвевшими, изъязвленными краями кратер медного рудника «Горнодобывающей компании Престона». Кратер окружали пустые конторские здания, очистной корпус с алюминиевой крышей, заброшенное оборудование. Коди пришло в голову, что оно напоминает останки динозавров с сожженной солнцем пустыни шкурой. Минувя кратер, Кобре-роуд уходила в сторону ранчо Престона, следуя за вышками высоковольтной линии на запад.

Мальчик опять посмотрел вниз на тихий город (население около тысячи девятисот человек быстро сокращается), и ему почудилось, будто он слышит, как в домах тикают часы. Солнце заползло за ставни и занавески, чтобы огнем располосовать стены. Скоро зазвонят будильники, вытряхивая спящих в новый день. Те, у кого есть работа, оденутся и, спасаясь от подталкивающего в спину времени, отправятся к трудам праведным либо в последние магазины Инферно, либо на север, в Форт-Стоктон и Пекос. А в конце дня, подумал Коди, все они вернутся в свои домишки, вопьются глазами в моргающие экраны и станут, как умеют, заполнять пустоту, пока часы, будь они неладны, не шепнут: пора на боковую. И так — день за днем, ныне, и присно, и до той минуты, когда закроется последняя дверь и уедет последняя машина... а потом здесь некому будет жить кроме пустыни, которая, разрастаясь, двинется по улицам.

— Ну а мне-то что? — Коди выпустил из ноздрей сигаретный дым. Он знал: тут для него ничего нет и никогда не было. Если бы не телефонные столбы, кретинские американские и еще более кретинские мексиканские телепередачи да наплывающая из приемников двузычная болтовня, можно было бы подумать, что от этого проклятого города до цивилизации тысячи миль, сказал он себе и окинул взглядом Брасос с ее домами и белой баптистской молельней. Узорчатые кованые ворота в самом конце Брасос вели на местное кладбище, Юкковый Холм. Его действительно затеняли чахлые юкки, над которыми поработал скульптор-ветер, но это скорее был бугор, чем

холм. Мальчик ненадолго задержал взгляд на надгробиях и старых памятниках, потом вновь внимательно присмотрелся к домам. Большой разницы он не заметил.

— Эй, чертовы зомби! — крикнул он, повинуясь внезапному порыву. — *Подъем!* — Голос Коди раскатился над Инферно. Ему вторило эхо собачьего лая.

— Таким, как ты, я не буду, — твердо сказал мальчик, зажав сигарету в углу рта. — Клянусь Богом, нет.

Он знал, к кому обращается, поскольку, произнося эти слова, не сводил глаз с серого деревянного дома у пересечения Брасос с улицей, называвшейся Сомбра. Коди догадывался: старик знать не знает, что он вчера не вернулся домой ночевать — впрочем, папаше все равно было наплевать на это. Отцу Коди требовались только бутылка и место для сна.

Коди взглянул на школу имени Престона. Если задание не будет сегодня сдано, Одил может устроить ему веселую жизнь, даже сорвать к чертям выпуск. Коди терпеть не мог, когда какой-нибудь сукин сын в галстук-бабочке заглядывал ему через плечо и распоряжался, что делать, поэтому нарочно работал с проворством улитки. Однако сегодня работу нужно было закончить. Коди понимал: за те шесть недель, что ушли у него на паршивую вешалку для галстуков, можно было намастерить полную комнату мебели.

Солнце сверкало ослепительно и немилосердно. Яркие краски пустыни начинали блекнуть. По шоссе №67 в сторону города ехал грузовик с непогашенными фарами. Он вез утренние газеты из Одессы. На Боуден-стрит с подъездной аллеи задним ходом выбрался темно-синий «шевроле», и какая-то женщина в халате помахала мужу с парадного крыльца. Кто-то открыл дверь черного хода и выпустил бледно-рыжего кота, который немедленно погнал кролика в заросли кактусов. На обочине Республиканской дороги ныряли за своим завтраком канюки, а другие хищные птицы неспешно кружили над ними в медленно струящемся воздухе.

Затянувшись в последний раз, Коди выбросил сигарету. Он решил перед школой перекусить. В доме обычно водились черствые пончики; это его устраивало.

Повернувшись к Инферно спиной, парнишка стал осторожно спускаться по камням к красной «Хонде-250». Ее он два года назад своими руками собрал из утильсырья, купленного на свалке Кейда. Кейд много чего продал тогда Коди, а у того хватило ума не задавать вопросов. Регистрационные номера с мотора «Хонды» оказались стерты, как исчезали почти со всех моторов и частей корпусов, какими торговал Мэк Кейд.

Внимание мальчика привлекло еле уловимое движение у его обуви в ковбойский сапог правой ноги. Коди остановился.

Тень паренька упала на небольшого коричневого скорпиона, припавшего к плоскому камню. На глазах у Коди членистый хвост

изогнулся кверху, и жало пронзило воздух — скорпион защищал свою территорию. Коди занес ногу, чтобы отправить гаденыша в вечность.

И на миг замер, не опуская ноги. От усиков до хвоста в скорпионе было всего около трех дюймов, и Коди понимал, что раздавит его в два счета, но храбрость этого создания восхитила его. Оно сражалось с великанской тенью за кусок камня в выжженной пустыне. «Глупо, — размышлял Коди, — но смело». Сегодня в воздухе слишком сильно пахло смертью, и Коди решил не добавлять.

«Все твое, *амиго*», — сказал он и прошел мимо. Скорпион вонзил жало в его удаляющуюся тень.

Коди устроился в заплатанном кожаном седле. Хромированные выхлопные трубки «Хонды» пестрели тусклыми пятнами, красная краска облетела и полиняла, мотор порой пережигал масло и капризничал, но мотоцикл уносил Коди, куда тому было угодно. Далеко за пределами Инферно, на шоссе №67, мальчик выжимал из «Хонды» семьдесят миль в час, и мало что доставляло ему большее наслаждение, чем хриплое урчание мотора и свист ветра в ушах. Именно в такие минуты, в минуты полной независимости и одиночества, Коди чувствовал себя свободнее всего. Потому что знал: зависеть от людей — губить собственные мозги. В этой жизни ты одинок, так лучше научиться находить в этом удовольствие.

Он снял с руля и натянул защитные очки-«консервы», сунул ключ в зажигание и с силой нажал на стартер. Мотор выстрелил сгустком жирного дыма. Мотоцикл задрожал, словно не желая пробуждаться. Потом машина под Коди ожила, точно верный, хоть подчас и упрямый конь, и Коди покатил вниз по крутому склону в сторону Аврора-стрит; за ним тянулся шлейф поднятой колесами желтой пыли. Не зная, в каком состоянии найдет сегодня отца, Коди начал ожесточаться. Может быть, удастся прийти и уйти так, что старик и не узнает.

Коди взглянул на прямое как стрела шоссе №67 и поклялся, что очень скоро, может быть, сразу после выпускного вечера, выведет «Хонду» на эту проклятую дорогу, помчится на север, куда уходят телефонные столбы, и ни разу не оглянется на то, что покидает.

«Я не буду таким, как ты», — присягнул мальчик.

Но в глубине души он боялся, что видит в зеркале лицо, с каждым днем чуть больше похожее на отцовское.

Он прибавил газ и так рванул по Аврора-стрит, что заднее колесо оставило на мостовой черный след.

На востоке висело жаркое красное солнце. В Инферно начинался новый день.

ВЕЛИКАЯ ЖАРЕНАЯ ПУСТОТА

Джесси Хэммонд по привычке проснулась примерно за три секунды до того, как на столике у кровати зазвенел будильник. Когда он замолчал, Джесси, не открывая глаз, потянулась и ладонью прищлепнула кнопку звонка. Принюхавшись, она уловила манящий аромат бекона и свежесваренного кофе. «Завтрак готов, Джесс!» — позвал из кухни Том.

— Еще две минутки, — она зарылась головой в подушку.

— Две большие минутки или две маленькие?

— Крохотные. Малюсенькие. — Джесси заворочалась, устраиваясь поудобнее, и почувствовала чистый, приятно мускусный запах мужа, идущий от второй подушки. — Ты пахнешь, как щенок, — сонно проговорила она.

— Пардон?

— Что? — Джесси открыла глаза, увидела яркие полосы света, падавшего сквозь жалюзи на противоположную стену, и немедленно зажмурилась.

— Как насчет глазуньи? — спросил Том. Они с Джесси легли почти в два часа ночи, засидевшись за бутылкой «Синей монахини». Но он всегда был легким на подъем и любил готовить завтрак, а Джесси даже в лучшие дни требовалось определенное время, чтобы прийти в себя и раскачаться.

— Мне не жарко, — ответила она и снова попыталась открыть глаза. Ослепительный свет раннего утра опять предвещал зной. Всю прошлую неделю один девяностоградусный день сменялся другим, а сегодня по девятнадцатому каналу синоптик из Одессы предупредил, что температура может перевалить и за сто. Джесси понимала: жди неприятностей. Лошади впадут в сонное оцепенение и станут отказываться от еды, собаки сделаются угрюмыми и начнут без причины кидаться на людей, а у кошек наступит затяжная полоса безумия, они одичают и будут отчаянно царапаться. Со скотом тоже станет не

совладать, а ведь быки, чего греха таить, опасны. Вдобавок был самый сезон для бешенства, и больше всего Джесси боялась, что чья-нибудь кошка или собака погонится за диким кроликом или луговой собачкой, будет укушена и занесет бешенство в городок. Всем домашним и прирученным животным, каких только сумела вспомнить Джесси, она уже сделала прививку, но в округе всегда находились такие, кто не приносил своих любимцев на вакцинацию. Джесси решила, что сегодня неплохо было бы взять пикап, поехать в один из небольших поселков по соседству с Инферно (например, в Клаймэн, Пустошь или Раздвоенную Грядку) и провести разъяснительную работу касательно бешенства.

— Доброе утро. — Том стоял над ней, протягивая кофе в синей глиняной кружке. — Выпей, придешь в себя.

Джесси села и взяла чашку. Кофе, как всякий раз, когда его готовил Том, оказался чернее черного. Первый глоток заставил ее сморщиться, второй ненадолго задержался на языке, а третий разослал по телу заряд кофеина. Что, надо сказать, пришлось Джесси очень кстати. Она никогда не была «жаворонком», но, оставаясь единственным ветеринаром в радиусе сорока миль, давным-давно усвоила, что ранчеры и фермеры поднимаются задолго до того, как солнце окрасит румянцем небосклон.

— Прелесть, — удалось ей выговорить.

— Как всегда. — Том едва заметно улыбнулся, подошел к окну и раздёрнул занавески. В стеклах очков засияло ударившее ему в лицо красное пламя. Он посмотрел на восток, за Селеста-стрит и Республиканскую дорогу, на среднюю школу имени Престона, прозванную «Душегубкой» — уж очень часто ломались там кондиционеры. Улыбка начала таять.

Джесси знала, о чем думает муж. Они говорили об этом вчера вечером, уже не в первый раз. «Синяя монахиня» приносила облегчение, но не исцеляла.

— Иди-ка сюда, — сказала она и поманила Тома к кровати.

— Бекон остынет, — ответил он, неторопливо растягивая слова, как положено уроженцу восточного Техаса. Джесси же говорила бойко, она росла на западе штата.

— Пусть хоть замерзнет.

Том отвернулся от окна, ощутив голой спиной и плечами горячие солнечные полосы. Он был в линялых удобных брюках защитного цвета, но еще не успел натянуть носки и ботинки. Он прошел под вентилятором, лениво вращавшимся под потолком спальни, и Джесси, облаченная в чересчур просторную для нее бледно-голубую рубашку, подалась вперед и похлопала по краю кровати. Когда Том сел, она принялась сильными загорелыми руками разминать ему закаменевшие от напряжения плечи.

— Все обойдется, — спокойно и осторожно сказала она мужу. — Это еще не конец света.

Он молча кивнул. Кивок вышел не слишком убедительный. Тому Хэммонду исполнилось тридцать семь. Он был чуть выше шести футов, худощав и в отличной форме, если не считать небольшого брюшка, требовавшего утренних пробежек и упражнений для пресса. Светло-каштановые волосы, отступая к темени, открывали то, что Джесси называла «благородным челом», а очки в черепаховой оправе придавали Тому вид интеллигентного, а может, и слегка испуганного школьного учителя. Кем, собственно, Том и был: он в течение одиннадцати лет преподавал общественные науки в средней школе имени Престона. Теперь же, с надвигающейся смертью Инферно, его педагогическая деятельность заканчивалась. Одиннадцать лет Душегубки. Одиннадцать лет он наблюдал смену лиц. Одиннадцать лет, а он так и не поборол своего злейшего врага. Тот по-прежнему был здесь, он был вечен, и все эти одиннадцать лет Том каждый день видел, как он старательно сводит к нулю все его, Тома, усилия.

— Ты сделал все, что мог, — сказала Джесси. — Ты же знаешь.

— Пожалуй. Или нет? — Уголок рта Тома изогнулся книзу в горькой улыбке, а в глазах засветилась печаль. Через неделю, считая с завтрашнего дня, дня закрытия школы, он останется без работы. Во всем штате на его анкеты откликнулись только одним предложением разъездной работы — проверять грамотность иммигрантов, которые кочуют с места на место, собирая урожай дынь. Правда, он знал, что мало кто из его коллег уже нашел новое место, но пилюля от этого не становилась слаще. Ему прислали красивое письмо с гербовой печатью штата. Там говорилось, что ассигнования на нужды образования в следующем году будут срезаны на порядок и в настоящее время прием учителей на работу заморожен. Конечно, поскольку Том так долго проработал в этой системе, его поставят на очередь как претендента, спасибо, сохраните это письмо. Многие его коллеги получили такие же письма — и отправили их на хранение в корзину для мусора.

Но Том Хэммонд знал, что рано или поздно какая-нибудь работа да подвернется. Экзаменовывать рабочих-переселенцев было бы, честно говоря, не так уж плохо — но переезды отнимали бы уйму времени. Весь прошлый год Тома денно и ночно грызли воспоминания обо всех тех учениках, которым ему довелось преподавать общественные науки, — их были сотни, от рыжеволосых сынов Америки до меднокожих мексиканцев и ребят-апачей с глазами как пулевые отверстия. Сотни: обреченный на гибель товар, влекущийся по бесплодным землям уже искореженными колесами. Том проверял — за одиннадцать лет, при том, что в каждом старшем классе училось в среднем от семидесяти до восьмидесяти человек, только триста шесть ребят были зачислены первокурсниками в колледж штата или технический колледж. Остальные уехали или пустили корни в Инферно, чтобы работать на руднике, пропивать получку и растить ораву детворы, которой, вероятно, предстояло повторить судьбу родителей. Но рудник

закрылся, а тяга к наркотикам и криминальной жизни больших городов усилилась. Усилилась даже в Инферно. В течение одиннадцати лет перед Томом мелькали лица: мальчики — шрамы от ножа, татуировки, натуженный смех, девочки — испуганные глаза, обкусанные ногти, а в животе уже растет, тайно шевелясь, младенец.

Одиннадцать лет... и сегодня наступил последний день. Старшеклассники выйдут с последнего урока, и все закончится. Вот что неотступно преследовало Тома: сознание того, что он может вспомнить, вероятно, человек пятнадцать ребят, избежавших Великой Жареной Пустоты. Великой Жареной Пустотой окрестили пустыню между Инферно и мексиканской границей, но Том знал: еще это состояние духа. Великая Жареная Пустота была способна высосать из черепа подростка мозг, заменив его наркотическим туманом, выжечь честолюбие и иссушить надежду. Вот что буквально убивало Тома: на протяжении одиннадцати лет он сражался с Великой Жареной Пустотой, и она неизменно побеждала.

Джесси продолжала массаж, но мышцы Тома не расслаблялись. Она знала, о чем думает муж. О том самом, что медленным огнем жгло ему душу, обращая ее в золу.

Неподвижный взгляд Тома был устремлен на полосы, пламеневшие на стене. «Еще бы три месяца. Только три!» Он вдруг увидел потрясающую картину: день, когда они с Джесси закончили Техасский университет и вышли в поток солнечного света, готовые потягаться со всем миром. Казалось, с тех пор прошел целый век. В последнее время Том много думал о Роберто Пересе; лицо мальчика стояло у него перед глазами, и он знал почему.

— Роберто Перес, — сказал он. — Помнишь, я говорил про него?

— По-моему, да.

— Он учился у меня в выпускном классе шесть лет назад. Парень жил на Украине, и оценки у него были не очень высокие, но он задавал вопросы. Он хотел знать. Но сдерживался, чтобы не написать контрольную слишком хорошо, потому что это было бы проявлением заинтересованности. — Снова появилась горькая улыбка. — В тот день, когда Роберто получил аттестат, его уже поджидал Мэк Кейд. Я видел, как Перес сел в «мерседес» Кейда. Они уехали. Потом его брат сказал мне, что Кейд нашел Роберто работу в Хьюстоне. Платят хорошо, но что за работа — не вполне понятно. Однажды брат Роберто пришел ко мне и сказал, что я должен знать: Роберто прикончили в Хьюстонском мотеле. Неудачная попытка продать кокаин. Парню выстрелили в живот из дробовика. Но семья Пересов не винила Кейда. О нет. Ведь Роберто посылал домой уйму денег. Кейд подарил мистеру Пересу новый «бьюик». Иногда после занятий я проезжаю мимо дома Пересов; «бьюик» стоит во дворе перед домом на бетонных блоках.

Том резко поднялся, подошел к окну и снова раздернул занавески. Он чувствовал, как жара за стенами дома набирает силу и дрожит, поднимаясь от песка и бетона, разогретый воздух.

— На последнем уроке у меня будет класс, где есть двое ребят, напоминающих мне Переса. Ни тот, ни другой ни разу не получали за контрольную работу больше тройки с минусом, но я же вижу их лица. Мальчики слушают; что-то откладывается. Но оба делают ровно столько, сколько надо, чтобы не вылететь из школы. Ты, вероятно, знаешь их: это Локетт и Хурадо. — Он взглянул на жену.

Джесси кивнула. Она не впервые слышала от Тома эти фамилии.

— Ни тот ни другой не стали держать экзамены в колледж, — продолжал Том. — Когда я предложил им попробовать поступить туда, Хурадо расхохотался мне в лицо, а Локетт посмотрел на меня так, словно я вывалился из собачьей задницы. Но завтра они учатся последний день, понимаешь? Кейд будет их ждать. Я знаю.

— Ты сделал что мог, — сказала Джесси. — Дальше их забота.

— Правильно. — Том стоял в обрамлении малинового света, словно на фоне домны. — Этот город, — тихо проговорил он. — Этот проклятый, Богом забытый город. Здесь ничто не может расти. Господь свидетель, я начинаю верить, что здесь от ветеринара толку больше, чем от учителя.

Джесси попыталась улыбнуться, но не слишком успешно.

— Ты занимайся своими скотами, а я займусь своими.

— Угу. — Вымученно улыбаясь, Том вернулся к кровати, обхватил затылок Джесси ладонью так, что пальцы утонули в темно-каштановых коротко подстриженных волосах, и поцеловал жену в лоб. — Я люблю тебя, док. — Он прижался щекой к волосам Джесси. — Спасибо, что выслушала.

— Это я тебя люблю, — ответила она и обняла мужа. Они посидели так. Через минуту Джесси поинтересовалась: — А как там яичница?

— И правда. — Том выпрямился. Его лицо было менее напряженным, но глаза еще оставались тревожными, и Джесси знала, что, каким бы хорошим учителем Том ни был, о себе он думал как о неудачнике. — Думаю, она уже не только поджарилась, но и остыла. Пошли, примемся за нее!

Джесси выбралась из кровати и пошла за мужем через короткий коридор на кухню. Там под потолком тоже крутился вентилятор. Шторы на западных окнах Том задернул. Свет в той стороне еще отливал алым, но небо над Качалкой становилось все голубее. Том уже давно наполнил четыре тарелки беконом, яичницей (сегодня болтуньей, а не глазуньей) и тостами. Тарелки ждали на маленьком круглом столике в углу.

— Подъем, сони! — крикнул Том в сторону детской, и Рэй откликнулся лишенным энтузиазма мычанием.

Джесси подошла к холодильнику и щедро плеснула молока в свой мощный кофе, а Том тем временем включил радио, чтобы поймать Форт-Стоктон, в половине седьмого передающий новости. В кухню вприпрыжку вбежала Стиви.

— Мам, сегодня лошадкин день! — сказала она. — Мы едем к Душистому Горошку!

— Едем, едем. — Джесси поражало, как можно быть с утра такой энергичной, даже если тебе всего шесть. Она налила Стиви стакан апельсинового сока, а девчурка, одетая в ночную рубашку с надписью «Техасский университет», взобралась на стул. Она уселась на самый краешек, болтая ногами, и принялась за тосты. — Как спалось?

— Хорошо. Можно мне сегодня покататься на Душистом Горошке?

— Может быть. Посмотрим, что скажет мистер Лукас. — Джесси надумала съездить к Лукасам, которые жили шестью милями западнее Инферно, и устроить тщательный осмотр их золотистому паломину по кличке Душистый Горошек. Душистый Горошек был животным деликатным. Тайлер Лукас и его жена Бесси вырастили его из жеребенка. Кроме того, Джесси знала, как Стиви ждет этой поездки.

— Ешь завтрак, ковбойша, — сказал Том. — Чтобы усидеть на диком коне, надо быть сильной.

Они услышали, как в гостиной щелкнул телевизор и начали переключаться каналы. Из динамика загрохотал рок. В задней части дома находилась спутниковая антенна, которая принимала почти три сотни каналов, связывая Инферно по воздуху со всеми частями света.

— Отставить телевизор! — крикнул Том. — Иди завтракать!

— Только минуточку! — по обыкновению взмолился Рэй. Он был теленаркоманом и особое пристрастие питал к скудно одетым моделям из видеоклипов МТВ.

— *Сейчас же!*

Телевизор со щелчком выключили, и в кухню вошел Рэй Хэммонд, четырнадцать лет от роду. Он был тощий, долговязый как каланча, глазастый (совсем как я в его возрасте, подумал Том) и носил очки, немного увеличивавшие глаза: не сильно, но достаточно, чтобы мальчик заработал в школе кличку «Рентген». Он жаждал контактных линз и телосложения Арнольда Шварценеггера; первое было ему обещано после шестнадцатилетия, а второе было бредовой мечтой, недостижимой никаким качанием мышц. Светло-каштановые волосы Рэя были коротко подстрижены, лишь на макушке торчали выкрашенные в оранжевый цвет шипы, избавиться от коих его не удавалось уговорить ни отцу, ни матери, и он был гордым обладателем гардероба, состоявшего из пестро-полосатых рубаш и вареных джинсов, которые заставляли Тома с Джесси думать, что, мстительно совершив полный круг, шестидесятые вернулись. Сейчас, однако, костюм Рэя составляли ярко-красные пижамные штаны. Желтоватая впалая грудь была открыта.

— Доброе утро, пришелец, — сказала Джесси.

— Доброе утро, пришелец, — спопугайничала Стиви.

— Привет, — Рэй плюхнулся на стул и страшно зевнул. — Сок. — Он протянул руку.

— Пожалуйста и спасибо, — Джесси налила ему стакан сока, подала и посмотрела, как сын вылил его в устрашающую глотку. Рэй, который в мокрой одежде весил всего около ста пятнадцати фунтов, ел и пил быстрее оравы голодных ковбоев. Мальчик занялся яичницей с беконом.

Сосредоточенная атака на тарелку преследовала определенную цель. Под утро Рэю приснилась Белинда Соньерс, блондиночка, которая на английском сидела на соседней с ним парте, и подробности сна еще проникали в сознание. Если бы у него встало здесь, за столом, при предках, возникла бы опасность нешуточной неловкости, поэтому мальчик сконцентрировался на еде, которую считал самым раскрепасным делом после секса. Не то, чтобы он имел опыт, конечно. Прыщи у Рэя вскакивали так, что на следующие несколько тысячелетий он мог забыть о сексе. Рэй до отказа набил рот тостом.

— Где пожар? — спросил Том.

Рэй чуть не подавился, но сумел проглотить тост и накинулся на яичницу: эфемерный порнографический сон снова заставил его карандаш дернуться. Правда, через неделю (считая от сегодняшнего дня) он сможет забыть и о Белинде Соньерс, и обо всех прочих кошечках, дефилирующих по коридорам средней школы имени Престона; школу закроют, двери запрут, сны превратятся в горячую пыль. Но, по крайней мере, впереди лето — уже хорошо. Хотя, если учесть, что весь город прикрывает дела, лето обещало быть занятым, как расчистка чердака.

Джесси с Томом уселись за стол, и Рэй снова обуздал свои мысли. Стиви, сияя на солнце красными шариками в русых волосах, уплетала завтрак. Она понимала, что девочки-ковбои в самом деле должны быть сильными, чтобы объезжать диких лошадей — но Душистый Горошек был славным коньком, которому и в голову бы не пришло брыкаться и сбрасывать ее. Джесси взглянула на настенные часы — идиотскую штуку в форме кошачьей головы, у которой глаза бежали из стороны в сторону, отсчитывая уходящие секунды. Без четверти семь. Джесси знала, что Тайлер Лукас встает ни свет ни заря и уже ждет ее появления. Конечно, она не думала, что при осмотре обнаружит у Душистого Горошка какие-нибудь неполадки, однако лошадь была в годах, а Лукасы души в ней не чаяли.

После завтрака, пока Том и Рэй убирали тарелки, Джесси помогла Стиви надеть джинсы и белую хлопчатобумажную футболку с нарисованными на груди Джетсонами. Потом она вернулась к себе в спальню и скинула ночную рубашку, обнажив крепкое небольшое тело женщины, которой нравится работа на свежем воздухе. У нее был «техасский загар»: коричневые до плеч руки, темно-бронзовое лицо и тело контрастирующего с загаром цвета слоновой кости. Она услышала щелчок: включили телевизор. Рэй, еще не отбывший с отцом в школу, опять приклеился к ящику, но ничего страшного Джесси в этом не видела. Мальчик жадно читал, его мозг впитывал

информацию, как губка. Причин тревожиться из-за прически сына и его вкуса в одежде тоже не было; он был хороший парнишка, куда более робкий, чем притворялся, и просто старался по возможности ладить со сверстниками. Джесси знала прозвище сына и не забывала, что иногда быть молодым нелегко.

Жесткое солнце пустыни прибавило морщинок на лице Джесси, но она обладала здоровой естественной красотой, которая не нуждалась в подспорье из баночек и тюбиков. К тому же Джесси знала, что от ветеринаров ждут не побед на конкурсах красоты, а возможности вызывать в любое время суток и каторжной работы, и Джесси не разочаровывала. Ее руки были загорелыми и крепкими, а от того, за что ей приходилось ими браться в течение тринадцати лет работы ветеринаром, любая упала бы в обморок. Кастрировать злобного жеребца, вытащить из родовых путей коровы застрявшего там мертворожденного теленка, извлечь гвоздь из трахеи пятисотфунтового хряка-рекордиста — все эти операции Джесси проводила успешно, так же как и сотни других, самых разнообразных, от обработки поврежденного клюва канарейки до манипуляций на инфицированной челюсти добермана. Но Джесси годилась для такого дела; ей всегда хотелось работать с животными — еще в детстве она тащила домой с улицы всех бродячих кошек и собак в Форт-Уорте. Она всегда была сорванцом, а то, что Джесси росла вместе с братьями, научило ее уворачиваться от ударов — однако она не только получала затрещины, но и давала сдачи и до сих пор живо помнила, как в девять лет выбила старшему брату зуб футбольным мячом. Теперь всякий раз, как они говорили по телефону, он смеялся над этим и поддразнивал Джесси: дескать, не поймай он мяч зубами, тот уплыл бы в Мексиканский залив.

Джесси прошла в ванную, чтобы попудриться детской присыпкой и почистить зубы, прогнать изо рта вкус кофе и «Синей монахини». Она быстро пригладила короткие темно-каштановые волосы. От висков к затылку ползла проседь. Стареем, подумала Джесси. Конечно, это потрясает меньше, чем растущие у тебя на глазах дети — кажется, только вчера Стиви лежала в пеленках, а Рэй ходил в третий класс. Да, бесспорно, годы летели. Джесси подошла к шкафу, вытащила порядком поношенные удобные джинсы и красную футболку, оделась. Потом настала очередь белых носков и кроссовок. Она взяла темные очки и бейсбольную шапочку, задержалась в кухне, чтобы наполнить водой две фляги (никогда нельзя знать, что может приключиться в пустыне), и с верхней полки шкафа в коридоре взяла всегда лежавший там ветеринарный саквояж. Стиви прыгала вокруг, как боб на раскаленной жаровне, — ей не терпелось тронуться в путь.

— Мы поехали, — сказала Джесси Тому. — Увидимся часа в четыре. — Она наклонилась и поцеловала мужа, а он запечатлел поцелуй на щеке Стиви.

— Будьте осторожны, ковбойши! — сказал он. — А ты присматривай за мамочкой!

— Присмотрю! — Стиви вцепилась в руку матери. Джесси задержалась у дверей, чтобы снять с вешалки бейсболку поменьше и надеть ее на Стиви.

— Пока, Рэй! — крикнула она, и тот ответил из своей комнаты:

— Чао-какао!

«Чао-какао? — подумала она, выходя со Стиви на солнце, которое уже палило вовсю. — Что, интересно, случилось с простым «Пока, мам?»» Ничто так не заставляло Джесси в тридцать четыре года чувствовать себя ископаемым, как непонимание языка, которым изъяснялся ее родной сын.

Они прошли по каменной дорожке, миновав небольшую постройку из необработанного белого камня; ближе к улице была выставлена небольшая вывеска: «ВЕТЕРИНАРНАЯ ЛЕЧЕБНИЦА ИНФЕРНО» и ниже — «Джессика Хэммонд, ветеринар». У края тротуара, за белым «сивиком» Тома, стоял ее пыльный «форд»-пикап цвета морской волны; над задним сиденьем, там, где почти все возили винтовки, была укреплена проволочная петля-удавка, которой Джесси, к счастью, приходилось пользоваться всего несколько раз.

Через минуту Джесси уже ехала по Селеста-стрит на запад, засунув Стиви под ремень безопасности. Девочка с трудом переносила заключение. На первый взгляд она была хрупкой, нежной, точно фарфоровая кукла, но Джесси отлично знала, что Стиви — человек чрезвычайно любопытный и не робеет, добиваясь своего; малышка уже понимала животных, радовалась, когда мать брала ее с собой на фермы и ранчо, и не боялась дорожной тряски. Стиви — Стивени Мэри в честь бабушки Тома (Рэя называли в честь деда Джесси) — обычно вела себя спокойно и словно бы вбирала окружающее большими зелеными глазами чуть более светлого оттенка, чем глаза Джесси. Джесси нравилось, когда дочка была рядом и помогала ей в ветеринарной лечебнице. На будущий год Стиви пойдет в первый класс... там, куда в конце концов занесет Хэммондов. Ведь после того, как в Инферно закроются школы, массовый исход из города продолжится: закроются последние магазины, опустеют последние хутора. Работы для Джесси не станет, как не станет ее для Тома, и им останется только одно: сняться с насиженного места и пуститься в путь.

Слева за окном промелькнули Престон-парк, аптека Рингволда, бакалея, справа — «Ледяной дворец». Джесси проехала по Трэвис-стрит, чуть не раздавив здорового кота миссис Стелленберг, прошмыгнувшего перед самым грузовичком, и выехала на узкую Сёркл-Бэк-роуд, которая шла вдоль подножия Качалки и, оправдывая свое название, поворачивала обратно, чтобы влиться в Кобре-роуд. Перед тем, как повернуть на запад и поехать быстрее, Джесси задержалась перед желтой мигалкой.

Благословенный ветерок заносил в окно резкий, сладковато-горький привкус пустыни и трепал волосы Стиви. Джесси подумала, что, похоже, прохладнее сегодня уже не будет и они с чистой совестью могут наслаждаться этими минутами. Кобре-роуд вела их мимо сетчатой ограды и железных ворот медного рудника Престона. На воротах висел амбарный замок, однако забор находился в столь плачевном состоянии, что перелезть его мог бы и ревматический старец. Небрежно наклеенные плакаты предостерегали: «ОПАСНАЯ ЗОНА! ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН!» За воротами, где некогда отбрасывала тень богатая медной рудой рыжая гора, был огромный кратер. В последние месяцы существования рудника там то и дело рвался динамит, и из разговора с шерифом Вэнсом Джесси поняла, что в кратере до сих пор остаются неразорвавшиеся заряды, но лезть туда за ними дураков нет. Джесси понимала, что рано или поздно рудник истощится, но никто не ожидал, что руда закончится так пугающе окончательно и бесповоротно. С той минуты, как пневматические отбойные молотки и бульдозеры начали вгрызаться в пустую породу, Инферно был обречен на гибель.

Пикап запрыгал по рельсам: в обе стороны от рудника, на север и на юг, шла железнодорожная ветка. Стиви (спина у нее уже взмокла) прильнула к окну. Она заметила луговых собачек. Они сидели неподвижными столбиками на бугорках возле своих нор. Выскочив из зарослей кактусов, через дорогу стрелой промчался дикий кролик. Высоко в небе медленно кружил гриф.

— Ты как? — спросила Джесси.

— Отлично, — Стиви налегла животом на ремень. В лицо девочке дул ветер, небо было синее-синее и, казалось, будет тянуться вечно — может быть, целых сто миль. Девочка вдруг вспомнила, о чем давно хотела спросить:

— Почему папа такой грустный?

«Конечно, Стиви все чувствует», — подумала Джесси. Иначе и быть не могло.

— Собственно говоря, он не грустный. Просто школа закрывается. Помнишь, мы тебе говорили?

— Да. Но ведь школа закрывается каждый год.

— Теперь она больше не откроется. А из-за этого уедет еще много людей.

— Как Дженни?

— Вот-вот. — Маленькая Дженни Гэлвин с их улицы уехала с родителями сразу после Рождества. — Мистер Боннер собирается в августе закрыть бакалею. К тому времени, я думаю, почти никого не останется.

— Ой. — Стиви задумалась. В бакалее все покупали еду. — И мы уедем, — сказала она наконец.

— Да. И мы.

Тогда, значит, мистер и миссис Лукас тоже уедут, поняла Стиви. А Душистый Горошек: что будет с Душистым Горошком? Выпустят ли его на свободу, или загонят в вольер для перевозки, или сядут на него и ускачут в дальние края? Над этой загадкой стоило подумать, но девочка поняла, что чему-то приходит конец, и от этого где-то под сердцем шевельнулась грусть — чувство, с которым, по соображениям Стиви, должно быть, хорошо был знаком папа.

По изрезанной канавами земле были разбросаны островки польни. Над ними возвышались цилиндрические башни кактусов. Примерно в двух милях за медным рудником от Кобре-роуд отделялась черная гудроновая дорога; она стремительно убегала на северо-запад, под белую гранитную арку с тусклыми медными буквами: «ПРЕСТОН». Джесси посмотрела направо и сквозь струившийся от земли горячий воздух увидела в конце черной дороги зыбкий силуэт большой асиенды. «Пусть и вам повезет», — подумала Джесси, представив себе женщину, которая сейчас, вероятно, спала в этом доме на прохладных шелковых простынях. Должно быть, у Селесты Престон только и осталось, что простыни и дом, да и то вряд ли надолго.

Они ехали через пустыню. Стиви, не отрываясь, глядела в окно; личико под козырьком бейсболки было задумчивым и спокойным. Джесси поерзала на сиденье, чтобы отлепить футболку от его спинки. До поворота к дому Лукасов оставалось около полумили.

Стиви услышала высокое гудение и подумала, что над ухом вьется комар. Она хлопнула по уху ладошкой, но гудение не исчезло, оно становилось все громче и тоньше. Ушам стало больно, словно их кололи иголкой.

— Ма, — морщась, пожаловалась девочка. — У меня ушки болят.

По барабанным перепонкам Джесси тоже ударила острая колющая боль, но тем дело не кончилось: заныли задние коренные зубы. Она несколько раз открыла и закрыла рот и услышала, как Стиви сказала: «Ой! Что это, мам?»

— Не знаю, ми... — Мотор пикапа вдруг заглох. Просто заглох, без перебоев и одышки. Они катились по инерции. Джесси нажала на педаль газа. Она только вчера заполнила бак, он не мог быть пустым. Теперь уши болели по-настоящему, барабанные перепонки пульсировали, отзываясь на высокую, мучительно-неприятную ноту, напоминающую далекий вой. Стиви зажала уши руками, в глазах ярко заблестели слезы. «Что это, мам?» — снова спросила она с панической дрожью в голосе. — «Мама, что это?»

Джесси потрясла головой. Звон набирал громкость. Она повернула ключ зажигания и вдавила акселератор, но мотор не завелся. Джесси услышала, как потрескивают ее наэлектризованные волосы, и мельком увидела свои часы: они точно сошли с ума и отсчитывали время с бешеной скоростью. «Вот уж будет, что рассказать Тому», — подумала она, вздрагивая от боли в коконе пронзительного звука, и хотела взять Стиви за руку.

Девочка шарахнулась в сторону, широко раскрыла глаза и вскрикнула:

— Мама!

Она увидела, что к ним приближалось. Теперь это увидела и Джесси. Воюя с рулем, она изо всех сил нажала на тормоз.

По воздуху, теряя горящие куски, которые, крутясь, уносились прочь, мчалось что-то вроде объятая пламенем паровоза. Он пронесся над Кобре-роуд, пролетел около пятидесяти футов над пустыней и мелькнул в каких-нибудь сорока ярдах от пикапа Хэммондов. Джесси разглядела раскаленный докрасна, отороченный языками пламени цилиндрический контур. Едва пикап съехал с дороги, как пылающий предмет пронесся мимо него с пронзительным воем, от которого Джесси оглохла и не слышала собственного крика. Она увидела, как хвостовая его часть взорвалась; взметнулось желто-лиловое пламя, во все стороны полетели обломки. Что-то устремилось к пикапу, так стремительно, что казалось неясным, смазанным пятном. Раздалось металлическое «бам!», и пикап содрогнулся до основания.

Передняя шина лопнула. Джесси липкими от пота, руками никак не могла остановить грузовичок, который все ехал и ехал по камням сквозь заросли кактусов. Звон в ушах мешал слышать. Она увидела отчаянное личико Стиви в потоках слез и сказала по возможности спокойно:

— Ш-ш, уже все. Все кончилось. Ч-ш-ш.

Из-под смятого капота бил пар. Джесси повернула голову и увидела, как пылающий предмет пролетел над низким краем и скрылся из глаз. «Господи! — потрясенно подумала она. — Что это было?»

В следующий миг послышался страшный рев. Его услышала даже оглохшая Джесси. Кабину пикапа заполнила крутящаяся пыль. Джесси схватила Стиви за руку, и пальцы малышки намертво вцепились в нее.

Рот и глаза Джесси были забиты песком, кепочку унесло в окно. Когда завеса пыли рассеялась, она увидела три серо-зеленых вертолета. Они плотным клином летели на юго-запад в тридцати или сорока футах над пустыней, преследуя пылающий объект.

Перелетев через краж, вертолеты скрылись из глаз. Синеву поднебесья чертило звено реактивных самолетов: они тоже держали курс на юго-запад.

Пыль улеглась. К Джесси начал возвращаться слух. Стиви всхлипывала, мертвой хваткой вцепившись в руку матери.

— Уже все, — сказала Джесси и услышала собственный скрипучий голос. — Все. — Она бы и сама заплакала, но мамы не плачут. Сердито застучал двигатель, и Джесси спохватилась, что упирается взглядом в гейзер пара, бьющий из небольшой круглой дыры в центре капота.

III

КОРОЛЕВА ИНФЕРНО

— Ёлки-палки, ну и тарарам! — громко объявила седая женщина в розовой шелковой косметической маске и села в постели. Ей казалось, что от шума дрожит весь дом. Она сердито стянула маску, скрывавшую глаза, светлые и холодные, точно льды Арктики. — Таня! Мигель! — крикнула она прокуренным голосом. — Идите сюда!

Она подергала шнур у кровати. В глубине загородной резиденции Престонов залился звонок, требуя внимания слуг.

Однако страшный рев уже оборвался. Он звучал всего несколько секунд. Впрочем, этого хватило, чтобы перепугать ее и прогнать сон. Она откинула простыни, вылезла из постели и стремительно прошла к балконным дверям — вылитый ходячий смерч. Когда она настежь распахнула их, жара буквально высосала воздух у нее из легких. Женщина вышла на балкон и, ладонью прикрывая глаза от слепящего солнца, сощурилась в сторону Кобре-роуд. В свои пятьдесят три года она и без очков видела достаточно хорошо, чтобы разглядеть, что пронеслось в опасной близости от ее дома: на юго-запад, поднимая под собой пыльную бурю, мчались три вертолета. Через несколько секунд они исчезли за пылью, оставив Селесту Престон в такой ярости, что она готова была рвать и метать.

К дверям балкона подошла Таня — коренастая, круглолицая. Она собралась с духом, готовясь выдержать бешеную атаку.

— Си, сеньора Престон?

— Ты где была? Я думала, нас бомбят! Что, черт возьми, происходит?

— Не знаю, сеньора. Наверное...

— Ай, ладно, принеси-ка мне выпить! — фыркнула хозяйка. — А то нервишки совсем разыгрались!

Таня ретировалась в глубины дома за первой на сегодня рюмкой спиртного для хозяйки. Селеста стояла на высоком балконе с мозаичным полом из красной глиняной мексиканской плитки, стискивая узорчатые кованые перила. С этой выгодной позиции видны были

конюшни, корраль и манеж — естественно, бесполезные, поскольку все лошади ушли с аукциона. Кольцо гидронированной подъездной аллеи охватывало большую клумбу с жалкими останками пионов и маргариток, побуревшими на солнце: система опрыскивания давно вышла из строя. Лимонно-желтый халат прилипал к спине; пот и жара еще пуще разожгли ярость Селесты. Она вернулась в относительную прохладу спальни, сняла трубку розового телефона и, тыча наманикюренным пальцем в кнопки, набрала номер.

— Контора шерифа, — растягивая слова, ответил чей-то голос. Мальчишеский голос. — Полицейский Чэффин слушает...

— Дайте Вэнса, — перебила она.

— Э-э... Шериф Вэнс на патрулировании. Это...

— Селеста Престон. Я желаю знать, кто летает на вертолетах над моей собственностью в... — она нашла глазами часы на белом ночном столике, — в семь часов двенадцать минут утра! Эти сволочи мне чуть крышу не снесли!

— На вертолетах?

— Ты плохо слышишь? Кому говорят: три вертолета! Пролети они чуть ниже, они все простыни с меня спули бы, черт дери! Что творится?

— Э-э... не знаю, миссис Престон. — Помощник несколько оживился, и Селеста представила себе, как он сидит за рабочим столом, весь внимание. — Если хотите, я свяжусь с шерифом Вэнсом по радию.

— Хочу. Скажите ему, чтобы живо ехал сюда. — Она повесила трубку раньше, чем молодой человек успел ответить. Вошла Таня и на одном из последних серебряных подносов подала ей «коровую Мэри». Селеста взяла бокал, стебельком сельдерея размешала жгучие перчинки и в два глотка выпила коктейль почти до дна. Сегодня Таня добавила чуть больше табаско, чем обычно, но Селеста и не поморщилась.

— С кем мне сегодня надо чесать язык? — Она провела заиндевелым краем стакана по высокому, прорезанному морщинами лбу.

— Ни с кем. В расписании чисто.

— Слава тебе, Господи! Что, шайка проклятых кровососов дает мне передышку, а?

— Встреча с мистером Вейцем и мистером О'Конором у вас назначена на утро понедельника, — напомнила Таня.

— То понедельник. К тому времени я, может, умру. — Она допила то, что оставалось в бокале, и поставила его на поднос. Бокал звякнул. Ей пришло в голову, что можно бы вернуться в постель, но она уже слишком завелась. Последние полгода одна головная боль сменяла другую, не говоря уж о моральном ущербе. Иногда Селесте казалось, что она — боксерская груша Господа. Она знала, что много раз в жизни поступала подло, нечестно и некрасиво, но расплата за грехи оказалась весьма своеобразной.

— Что-нибудь еще? — спросила Таня. Темные глаза смотрели бесстрастно.

— Нет, все. — Но не успела Таня дойти до массивной полированной двери красного дерева, как Селеста передумала. — погоди. Сейчас.

— Да, сеньора?

— Только что... я не хотела тебя обидеть. Просто... знаешь, такие времена.

— Я понимаю, сеньора.

— Хорошо. Послушай, если вам с Мигелем захочется когда-нибудь отпереть бар для себя, ваяйте, не стесняйтесь. — Селеста пожала плечами. — Незачем спиртному пропадать зря.

— Я учту, миссис Престон.

Селеста знала, что разговор напрасный. Ни Таня, ни ее муж не пили. Впрочем, может, оно и лучше: у кого-то в этом доме должна оставаться ясная голова, хотя бы для того, чтобы держать на расстоянии стервятников в человеческом образе. Глаза Селесты встретились с Таниными.

— А знаешь, тридцать четыре года ты зовешь меня или «миссис Престон», или «сеньора». Тебе ни разу не хотелось назвать меня Селестой?

Таня замялась. Покачала головой.

— Не раз, сеньора.

Селеста засмеялась; это был искренний смех женщины, которая хлебнула нелегкой жизни, когда-то гордилась грязью, оставшейся у нее под ногтями после родео, и знала, что победа и проигрыш — две стороны одной медали.

— Ну и фрукт же ты, Таня! Я знаю, что ты всегда любила меня не больше, чем пердеж пьяницы, ну да ничего. — Улыбка Селесты растаяла. — Мне по душе, что вы остаетесь здесь в эти последние месяцы. Вы не обязаны.

— Мистер Престон всегда очень хорошо к нам относился. Долг платежом красен.

— Вы свой долг вернули. — Миссис Престон прищурилась. — Скажи-ка мне одну вещь, только не ври: первая миссис Престон лучше сумела бы расхлебать эту чертову кашу?

Лицо второй женщины оставалось бесстрастным.

— Нет, — сказала она наконец. — Первая миссис Престон была женщина красивая и изящная... но вашей смелости у нее не было.

Селеста хмыкнула.

— Да, зато с головой все было в порядке. Потому-то сорок лет назад она и удрала из этой проклятой дыры!

Таня резко свернула на знакомую почву.

— Что-нибудь еще, сеньора?

— Не-а. Но очень скоро я ожидаю шерифа, так что держите ухо востро.

Таня, держась очень прямо и чопорно, покинула комнату и простучала каблуками по дубовому полу длинного коридора.

Селеста прислушалась. Как пусто и гулко в доме без мебели! Конечно, кое-что еще осталось — например, кровать, туалетный столик и обеденный стол внизу, — но немного. Она прошла в глубь комнаты, достала из затейливо украшенной серебряной шкатулки тонкую черную сигару. Хрустальная французская зажигалка ушла с аукциона, поэтому Селеста прикурила от спички из коробка с рекламой клуба «Колочая проволока». Вернулась на балкон, выдохнула едкий дым и подставила лицо безжалостному солнцу.

«Опять будет пекло». Впрочем, бывало и хуже. Ничего, однажды неразбериха с юристами, с властями штата и с налоговой инспекцией закончится, неприятности рассеются, как облако под сильным ветром, и она заживет по-своему.

— По-своему, — повторила она вслух, и морщины вокруг рта стали резче. Селеста задумалась, как далеко ушла от деревянной лачуги в Гэлвистоне. Теперь она стояла на балконе тридцатишести-комнатной асиенды в испанском стиле, на ста акрах земли — пусть даже в доме не осталось мебели, а угожья были каменистой пустыней. В гараже стоял канареечно-желтый «кадиллак», последняя из шести машин. На стенах дома, там, где раньше висели полотна Миро, Рокуэлла и Дали, зияли пустоты. Картины ушли с аукциона одними из первых, вместе со старинной французской мебелью и коллекцией Уинта, насчитывавшей почти тысячу чучел гремучих змей.

Банковский счет Селесты был заморожен крепче шариков эскимо, но этой проблемой занимался целый полк далласских юристов, и она знала, что теперь в любой день ей могут позвонить из конторы, в названии которой стоит целых семь фамилий, и скажут: «Миссис Престон? Хорошие новости, золотко! Мы отследили недостающие фонды, и налоговое управление согласилось на проплату задним числом, посредством ежемесячных взносов. Конец неприятностям! Да, мэм, старый Уинт все ж таки позаботился о вас!»

Насколько Селеста знала, старый Уинт был жук из жуков. Он лавировал среди правительственных уложений об инвестициях и положений налогового законодательства, корпоративных законов и президентов банков, как техасский смерч, а на второй день декабря старика хватил удар, и расплачиваться со всей бандой пришлось Селесте.

Она посмотрела туда, где на востоке виднелся рудник, а за ним Инферно. Шестидесят с лишним лет назад сюда из Одессы в поисках золота явился Уинтер Тедфорд Престон с мулом по кличке Инферно. Золото от него ускользнуло, но он отыскал малиновую гору, о которой мексиканские индейцы рассказали, что она сложена из священной целебной пыли. Хотя официальное образование Уинта составляло семь классов школы, природа наделила его чутьем геолога, и он смекнул, что пахнет не священной пылью, а богатой медью рудой. Рудник Уинта начался с одной-единственной дощатой хижины, пятидесяти мексиканцев и индейцев, пары фургонов и множества лопат.

В первый же день раскопок из земли достали дюжину скелетов, и тогда-то Уинт понял, что мексиканцы больше ста лет хоронили в горе своих мертвецов.

Потом в один прекрасный день мексиканец с кайлом вскрыл сверкающую жилу первоклассной руды. Она стала первой из многих. В двери Уинта застучали новые техасские компании, тянувшие через штат телефонные кабели, линии электропередач и водопровод. А сразу за рудной горой выросло сперва несколько палаток, потом — деревянные и глиняные дома, следом — каменные строения, церкви и школы. Проселочные дороги засыпали гравием, потом замостили. Селеста вспомнила, что Уинт говорил: однажды ты оглянешься и на месте бурьяна увидишь город. Городской люд, главным образом рудничные рабочие, избрали Престона мэром; Уинт под влиянием текилы окрестил город Инферно и поклялся воздвигнуть в его центре памятник своему верному старому мулу.

Но хотя порывов было множество, Инферно так и не перерос город одного мула. Здесь было слишком жарко и пыльно, слишком далеко до больших городов, и стоило выйти из строя водопроводу, как горожане в мгновение ока начинали умирать от жажды. Но народ все прибывал, «Ледяной дворец» подключился к водопроводу и замораживал воду в ледяные глыбы, воскресными утрами звонили церковные колокола, хозяева лавчонок делали деньги, телефонная компания тянула линию и обучала операторов, а шаткий деревянный мост, соединявший берега Змеиной реки, заменили бетонным. Забили первые гвозди в доски Окраины. Уолта Трэвиса выбрали шерифом и через два месяца застрелили на улице, впоследствии названной в его честь. Преемник Трэвиса держался на своей должности, пока его не избили так, что он оказался в двух шагах от райских врат и очнулся уже в поезде, который мчался на север, к границе штата. Постепенно, год за годом, Инферно пускал корни. Но так же постепенно «Горнодобывающая компания Престона» жевала красную гору, где спали умершие сотни лет назад индейцы.

Селеста-стрит раньше называлась Перл-стрит, по имени первой жены Уинта. В междужёнье она была известна, как Безымянная. Такова была сила влияния Уинта Престона.

Селеста в последний раз затянулась сигарой, затушила ее о перила и выкинула. «Эх, доброе было времечко», — негромко сказала она. С тех самых пор, как Селеста встретила Уинта (она тогда пела ковбойские песенки в маленькой гэлвистонской закуской), они жили как кошка с собакой. Селесту это трогало мало — она могла переорать бетономешалку и руганью загнать Сатану в церковь. Правда заключалась в том, что, несмотря на Уинтовых баб, пьянство и карты, несмотря на то, что он почти тридцать лет держал ее в неведении относительно своих дел, она много лет была влюблена в мужа. Когда меньше трех лет назад машины заскребли по дну и отчаянные взрывы не вскрыли ни единой новой жилы, Уинт Престон увидел: его мечта

умирает. Сейчас Селеста понимала, что Уинт тогда помешался: он бросился снимать деньги со счетов, распродавать акции и облигации, собирая наличные с неистовством маньяка. Но куда он дел почти восемь миллионов долларов, осталось тайной. Может быть, открыл новые счета на вымышленное имя; может быть, уложил всю наличность в жестяные коробки и зарыл в пустыне. Как бы то ни было, заработок всей жизни сгинул, и, когда налоговое управление подступилось к вдове, требуя выплаты задним числом огромных штрафов и налогов, платить оказалось нечем.

Теперь этой передерягой занимались юристы. Селеста отлично знала, что она сама — всего-навсего сторож, en route обратно к кабачку в Гэлвистоне.

Она увидела, как сине-серая патрульная машина шерифа свернула с Кобре-роуд и не спеша поехала по гудрону. Селеста ждала, обеими руками вцепившись в перила: несгибаемая маленькая фигурка на фоне трехсоттонной громады пустого дома. Она стояла совершенно неподвижно. Машина проехала по кругу подъездной аллеи и остановилась.

Открылась дверца, и медленно, чтобы не потеть, появился мужчина, весивший в два с лишним раза больше Селесты. И бледно-голубая рубашка на спине, и кожаная ленточка внутри светлой ковбойской шляпы пропитались потом. Живот вываливался из джинсов. Наплечная кобура, короткие сапоги из ящеричьей кожи. Шериф Вэнс.

— Быстро же вы, однако! — язвительно крикнула Селеста. — Если бы дом горел, я бы сейчас стояла на пепелище!

Шериф Эд Вэнс замер, поднял голову и обнаружил на балконе Селесту. В подражание своему любимому герою, сорвиголове из фильма «Дерзкий Люк», он был в темных очках с зеркальными стеклами. В выпирающем животе урчал вчерашний ужин: энчилады с бобами. Шериф ослабил.

— Кабы дом горел, — проговорил он тягучим и сладким, как горячая патока, голосом, — надеюсь, у вас хватило бы здравого смысла позвонить пожарным, миссис Престон.

Селеста промолчала, неподвижно глядя сквозь него.

— Чэффин мне перезвонил, — продолжал шериф. — Сказал, вас обужжали вертолеты. — Он старательно изобразил, что исследует безоблачное небо. — Тут нигде ни единого.

— Их было три. Летали над моей собственностью. Я такого шума в жизни не слыхала. Я хочу знать, откуда они и что происходит.

Шериф пожал толстыми плечами.

— По мне так вроде везде тишь да гладь. Все тихо-мирно. — Усмешка шерифа стала шире и теперь больше походила на гримасу. — По крайней мере, было. До сих пор.

— Они улетели вон туда. — Селеста показала на юго-запад.

— Ну ладно, может, если я потороплюсь, так подрежу им нос. Вы этого от меня хотите, миссис Престон?

— Я хочу, чтобы вы ели свой хлеб не даром, шериф Вэнс! — холодно ответила она. — То есть полностью контролировали то, что делается в округе! Я заявляю, что три вертолета чуть не вышибли меня из кровати, и хочу знать, чьи они! Так понятно?

— Да вроде. — Гримаса намертво прилипла к квадратному щекастому лицу с двойным подбородком. — Теперь-то они уж в Мехико, не иначе.

— Да плевать, хоть в Тимбукту! Эти сволочи могли вломиться ко мне в дом! — Упрямство и тупость Вэнса приводили Селесту в ярость. Будь ее воля, Вэнса никогда бы не переизбрали шерифом, но он долгие годы лебезил перед Уинтом и на выборах легко одержал победу над соперником-мексиканцем. Однако Селеста видела его насквозь и знала, что за веревочки дергает Мэк Кейд, а еще понимала (нравилось ей это или нет), что теперь Мэк Кейд стал правящей силой в Инферно.

— Вы лучше успокойтесь. Примите таблетку от нервов. Моя бывшая жена всегда так делала, когда...

— Видела вас? — перебила Селеста.

Шериф зычно, но невесело расхохотался.

— Нечего злиться, миссис Престон. Не к лицу такой леди, как вы. — «Показала свою натуру, стерва?» — подумал он и нетерпеливо спросил: — Так, стало быть, вы хотите подать заявление о нарушении тишины неизвестными на трех вертолетах, пункт приписки или владелец неизвестны, место назначения неизвестно?

— Совершенно верно. Что, для вас это слишком трудно?

Вэнс хмыкнул. Он не мог дожидаться, когда эту бабу пинком под зад вышвырнут из города; тогда он возьмется откапывать коробки с деньгами, которые спрятал старый Уинт.

— Мне кажется, я справлюсь.

— Надеюсь. За то вам и платят.

«Ишь, барыня, — подумал он, — чеки мне выписываешь не ты, это уж точно!»

— Миссиз Престон, — спокойно сказал он, словно говорил с недоразвитым ребенком, — лучше идите-ка с этого пекла в дом. Неужто охота, чтоб мозги сварились? Да и нам ни к чему, чтобы вас хватил удар, правда? — Он одарил ее своей самой приятной, самой невинной улыбкой.

— Делайте, что сказано! — фыркнула она, а потом повернулась к перилам спиной и демонстративно вернулась в дом.

— Есть, мэм! — Вэнс шутовски козырнул и сел за руль; влажная рубашка немедленно прилипла к спинке сиденья. Он завел мотор и поехал от асиенды обратно к Кобре-роуд. Пальцы крупных волосатых рук, державших руль, побелели. Шериф свернул налево, к Инферно, и, набирая скорость, проорал в открытое окно:

— Нашла дурака, чтоб тебя!

ГОСТЬ

— По-моему, придется идти пешком, — говорила Джесси в то время, как Селеста Престон поджидала на балконе шерифа Вэнса. Она немного успокоилась, Стиви тоже перестала плакать, но, подняв капот пикапа, Джесси сразу увидела, что спущенная шина — их самая мелкая неприятность.

Неизвестный предмет, продырявивший капот пикапа, пробил насквозь и двигатель. Развороченный металл раскрылся, как цветок, а то, что пробило его, влетело прямо в глубь мотора. Никаких признаков того, что это такое, не было, только пахло оплавленным железом и горелой резиной да двигатель с шипением выпускал пар из своей раны. Поездки для пикапа кончились довольно надолго — не исключено, что машина созрела для свалки Кейда. «Черт!» — сказала Джесси, разглядывая мотор, и сейчас же пожалела об этом — ведь Стиви непременно запомнит словечко и ляпнет его в самый неожиданный момент.

Стиви смотрела в ту сторону, где исчезли горящий «паровоз» и вертолеты. На чумазом личике подсыхали следы слез.

— Что это было, мама? — спросила она, широко раскрыв настороженные зеленые глаза.

— Не знаю. Что-то большое, это уж точно. — «Вроде летящего по воздуху горящего трейлера с прицепом», — подумала Джесси. Большой чертовщины она еще не видела. Потерпевший аварию самолет? Но где же крылья? Может быть, метеорит... однако предмет показался ей металлическим. Что бы это ни было, вертолеты гнались за ним, как гончие за лисой.

— Вон кусочек от него, — сказала Стиви, показывая пальцем.

Джесси посмотрела. Примерно в сорока футах от них в гуще срезанных кактусов из песка что-то торчало. Джесси двинулась туда. Стиви за ней. Обломок величиной с крышку люка был странного сине-зеленого цвета, такого темного, будто он намок. Края обломка дымились; шедший от них жар Джесси ощутила уже за пятнадцать

футов от предмета. В воздухе стоял сладкий запах, напомнивший ей запах жженого пластика, но блестел загадочный предмет, как металлический. Правее лежал еще один обломок, трубка, а рядом — обломки поменьше. Все они дымились. Джесси велела Стиви: «Стой тут», и подошла к первому обломку поближе, но от него шел сильный жар, и Джесси снова пришлось остановиться. Сине-зеленую поверхность покрывали маленькие значки, они образовывали круговой узор: ряды символов, похожих на японские иероглифы, и короткие волнистые линии.

— Горячо, — сказала Стиви. Она стояла у матери за самой спиной.

«Так-то ты слушаешься», — подумала Джесси, но не время было читать нотации. Она взяла дочку за руку. Ничего подобного тому, что пролетело мимо них, сыпая обломками, Джесси еще не видела. Она до сих пор чувствовала потрескивание наэлектризованных волос. Она взглянула на часы: вместо цифр — мигающие вразнобой нули. В синем небе на юго-запад тянулся инверсионный след реактивных самолетов. Солнце уже припекало непокрытую голову, и Джесси хватилась шапочки. Бейсболка, сорванная и унесенная вихрем, поднятым винтами вертолетов, крохотным пятнышком краснела примерно в семидесяти ярдах за Кобре-роуд. Слишком далеко, чтобы идти за ней, ведь им нужно было в другую сторону, к дому Лукасов. Слава Богу, у них была вода, а солнце, по крайней мере пока, стояло низко. Довольно глазеть, надо идти.

— Идем, — сказала Джесси. Пару секунд Стиви артачилась, не в силах оторвать взгляд от непонятого обломка, потом позволила увести себя. Джесси вернулась к пикапу за саквояжем, где вместе с ветеринарным инструментом лежали кошелек и водительские права. Стиви разглядывала оставленные самолетами следы.

— Самолеты высоко, — сказала она больше себе, чем матери, — спорим, до них сто миль...

Услышав что-то, она замолчала.

Музыка, подумала Стиви. Да нет, не музыка. Звуки затихли. Девочка старательно прислушалась, но услышала только свист пара, вырывающегося из пробитого мотора.

Звуки возникли снова, и Стиви почудилось в них что-то знакомое, но что именно, она вспомнить не могла. Музыка и не музыка. Не такая, какую слушал Рэй.

Опять пропала.

А вот медленно-медленно возвращается.

— Нам еще далеко, — сказала ей Джесси. Девочка рассеянно кивнула. — Ты готова?

Стиви осенило: она сразу и ясно поняла, что это. На крыльце дома Гэлвинов висела красивая штучка, которая на ветру звенела множеством маленьких колокольчиков. «*Это ветряные куранты*», — вспомнила девочка ответ мамы Дженни на свой вопрос. Вот такую

музыку она слышала... но ветра не было, да и никаких ветряных курантов поблизости Стиви тоже не заметила.

— Стиви, — окликнула Джесси. Малышка стояла, вперив взгляд в пустоту. — В чем дело?

— Мама, ты слышишь?

— Что слышу? — Ничего, только шипит проклятый мотор.

— Это, — настаивала Стиви. Звук то появлялся, то опять исчезал, но шел, кажется, с определенной стороны. — Слышишь?

— Нет, — осторожно сказала Джесси. Неужели Стиви ударилась головой? О Господи, вдруг у нее сотрясение!..

Стиви сделала несколько шагов к сине-зеленому дымящемуся предмету среди кактусов. Звон ветряных курантов немедленно ослаб до шепота. Не сюда, подумала она и остановилась.

— Стиви? Дружок, с тобой все в порядке?

— Да, мам. — Девочка огляделась, пошла в другую сторону. Звук оставался очень слабым. Нет, и не сюда.

Джесси постепенно охватывал страх.

— Слишком жарко, чтобы играть. Нам надо идти. Пошли скорей.

Стиви двинулась к матери. Резко остановилась. Сделала шаг, потом еще два.

Джесси сама подошла к дочке, сняла с нее бейсболку и ощупала голову. Ни желвака, ни шишки, никаких признаков синяка на лбу. Глаза Стиви блестели чуть сильнее обычного, щеки разрумянились, но Джесси подумала, что виной тому жара и волнение. Она надеялась на это. Никаких признаков травмы она не заметила. Стиви, не отрываясь, смотрела куда-то мимо нее.

— Что такое? — спросила Джесси. — Что ты слышишь?

— Музыку, — терпеливо объяснила девочка. Она догадалась, откуда доносится перезвон, хотя и понимала, что такого быть не может. — Она поет, — сказала Стиви, когда ее снова омыли чистые сильные ноты, и показала пальцем: — Там.

Джесси увидела, куда показывает дочка. На пикап. Смятый поднятый капот, развороченный мотор. Она подумала, что свист пара и журчание масла, вытекающего из перерезанных шлангов, конечно, можно рассматривать как диковинную музыку, но...

— Она поет, — повторила Стиви.

Джесси опустилась на колени и заглянула дочке в глаза. Кровоизлияния не было, зрачки казались совершенно нормальными. Она проверила пульс. Он немножко частил, но и только.

— Ты хорошо себя чувствуешь?

Мамин докторский голос, подумала Стиви. Она кивнула. Звон ветряных курантов шел от пикапа, она была совершенно уверена в этом. Но почему же мама ничего не слышала? Нежная музыка притягивала девочку; ей захотелось подойти к пикапу и отыскать, где спрятаны ветряные куранты, но мать держала Стиви за руку и тянула прочь. С каждым шагом музыка звучала капельку тише.

— Нет! Не пойду! — запротестовала Стиви.

— Не валяй дурака. Нам нужно добраться к Лукасам, пока не стало по-настоящему жарко. Что ты еле идешь! — Джесси трясло. Она только что до конца осознала события нескольких последних минут. Неведомый предмет мог запросто разнести их на атомы. Стиви всегда была выдумщицей, но сейчас ее фантазии пришлось не ко времени и не к месту. — Хватит волочить ноги! — приказала Джесси, и девчурка наконец сдалась.

Еще десять шагов, и мелодичный звон ветряных курантов превратился в шепот. Еще пять — во вздох. Еще пять — в воспоминание.

Они шли по проселочной дороге к дому Лукасов. Стиви поминутно оглядывалась на пикап, и только, когда тот превратился в пыльную точку, а затем исчез из вида, девочка вспомнила: они идут осматривать Душистого Горошка!

ОКРАИНА

— Будет и на нашей улице праздник! — сказал Вэнс. Патрульная машина мчалась на восток по Кобре-роуд. Из недр живота шерифа поднялась громовая отрыжка. — Да-с, день расплаты не за горами! — Скоро, скоро Селесту Престон выкинут пинком под зад. Если бы шерифу довелось высказаться на эту тему, он выразил бы мнение, что очень скоро Ее Зазнайству покажется счастьем, если ее возьмут мыть плевательницы в клубе «Колючая проволока».

Машина ехала мимо мертвого рудника. В марте двое подростков перелезли через ограду, спустились в кратер и нашли в какой-то штольне остатки невзорвавшегося динамита. Ребят разнесло на мелкие кусочки. В последние недели существования рудника динамит рвался постоянно, словно работал часовой механизм гибели, и Вэнс думал, что там, внизу, есть и другие не сработавшие заряды. Однако еще не нашелся тот кретин, который полез бы туда выкапывать. К тому же, какой в том был бы прок?

Он потянулся к приборному щитку и взял микрофон.

— Эй, Дэнни! Стань передо мной, как лист перед травой.

В динамике затрещало, и Дэнни Чэффин ответил:

— Слушаю, сэр.

— Давай-ка брякни... м-м, ну-ка поглядим... — Вэнс отогнул козырек над ветровым стеклом, достал оттуда карту округа и развернул ее на сиденье. На несколько секунд он предоставил машину самой себе, и она вильнула к правой обочине, до смерти перепугав броненосца. — Брякни в Римрок и в Презайдию, на аэродром. Узнай, летали у них утром вертолеты или нет. Наша образцово-показательная Престон подняла хай: прическу ей, видишь ты, растрепали!

— Схвачено.

— Погоди отключаться, — добавил Вэнс. — Они могли пожаловать и из другого округа. Позвони в аэропорт Мидлэнд и Биг-Спрингс. Ах да, и на авиабазу Уэбб тоже. Надо думать, этого хватит.

— Есть, сэр.

— Я сейчас мотанусь по Окраине, потом вернусь. Еще кто-нибудь звонил?

— Нет, сэр. Все сидят тихо, как шлюхи в церкви.

— Парень, что у тебя на уме, Китовая Задница, что ли? Брось ты это, а то еще втрескаешься! — Вэнс захохотал. Мысль о Дэнни, поладившем с Китовой Задницей, Сью Маллинэкс, развеселила его до упада. Китовая Задница была вдвое крупнее Чэффина; она работала официанткой в «Клейме» у Брэндина на Селеста-стрит, и Вэнс знал человек десять мужиков, побывавших в ее постели. Чем же Дэнни был хуже других?

Дэнни не ответил. Вэнс знал, что, говоря о Китовой Заднице в таком тоне, злит парня — у Дэнни были наивные мечтательные глаза, и ему не приходило в голову, что Китовая Задница водит его за нос. Ничего, еще поймет.

— Я попозже еще брякну, малыш, — сказал Вэнс и вернул микрофон на место. Слева приближалась Качалка. Над Кобре-роуд дрожало горячее марево. Залитый резким светом Инферно казался миром.

Вэнс знал, что для неприятностей на Окраине еще рано. Но опять-таки, никогда нельзя знать, с чего заведутся эти мексиканцы. «Мексикашки», — презрительно пробормотал Вэнс и покачал головой. У жителей Окраины была смуглая кожа, черные глаза и волосы, они ели тортильи и энчилады и говорили на южном приграничном жаргоне. В глазах Вэнса это делало их мексиканцами, где бы они ни родились и какое замысловатое имя ни носили бы. Самыми настоящими мексиканцами, и точка.

Под приборной доской в специальном отсеке удобно устроился помповый «ремингтон», а под пассажирским сиденьем лежала бейсбольная бита с надписью «Луисвилль слаггер». «Старушка создана для того, чтобы дробить черепа «моченым», — раздумывал Вэнс. — Особенно одному хитрожопому панку, который воображает, будто он здесь заказывает музыку». Вэнс знал: рано или поздно миссис Луисвилль встретится с Риком Хурадо, и тогда — бум! — Хурадо станет первым «моченым» в открытом космосе.

Он миновал Престон-парк, выехал на Республиканскую дорогу, повернул направо возле автозаправочной станции Ксавьера Мендосы и въехал на мост через Змеиную реку, направляясь к пыльным улочкам Окраины. Он решил подъехать на Вторую улицу к дому Хурадо, посидеть перед ним и поглядеть, не надо ли кому вложить ума.

Ведь в конце-то концов, сказал себе Вэнс, работа шерифа и состоит в том, чтобы вкладывать ума. Через год к этому времени он уже не будет шерифом, а значит, можно с чистой совестью дать себе волю. Припомнив, как Селеста Престон командовала им будто мальчишской-чистильщиком, Вэнс скривился и поехал быстрее.

Он остановил машину на Второй улице, перед коричневым дощатым домом. У бровки тротуара стоял старый, помятый черный

«камаро» Рика, а вдоль улицы выстроились драндулеты, на которые не позарился бы и Мэк Кейд. За домами сохло на веревках белье, кое-где по голым дворам бродили куры. Окраина — земля и дома — принадлежала Мексиканско-американскому гражданскому комитету, номинальная арендная плата возвращалась в городской бюджет, но Вэнс представлял закон и здесь, не только по другую сторону моста. Дома, построенные в основном в начале пятидесятых, представляли собой оштукатуренные дощатые конструкции. Судя по их виду, все они до единой нуждались в покраске и ремонте, но бюджету Окраины такие расходы было не поднять. Это был район лачуг и присыпанных желтой пылью узких улочек, где вечными памятниками бедности стояли неуклюжие остовы старых автомобилей, поливалок и громоздился прочий утиль. Здесь жила примерно тысяча человек. Подавляющее большинство обитателей Окраины трудилось на медном руднике, а когда он закрылся, квалифицированные рабочие уехали. Те, кто остался, отчаянно цеплялись за то малое, что у них было.

Две недели назад в конце Третьей улицы загорелись два пустующих дома, но добровольная пожарная дружина Инферно не дала пламени распространиться. На пепелище нашли обрывки пропитанных бензином тряпок. В прошлые выходные Вэнс разогнал в Престонпарке побоище, в котором участвовала дюжина «Отщепенцев» и «Гремучих змей». Как и прошлым летом, обстановка накалялась, но на сей раз Вэнс собиравшие загнать джинна в бутылку раньше, чем граждане Инферно пострадают.

Впереди улицу переходил важный рыжий петух. Шериф надавил на клаксон. Петух подскочил в воздух, теряя перья. «Ишь, гадиныш!» — сказал Вэнс и полез в нагрудный карман за пачкой «Лакки страйк».

Но вытащить сигарету он не успел, потому что уголком глаза уловил какое-то движение. Он посмотрел на дом Хурадо и увидел в дверях Рика.

Они уставились друг на друга. Время шло. Потом рука Вэнса сама собой потянулась к клаксону, и шериф опять просигналил. Вопль гудка эхом разнесся по Второй улице, отчего все собаки по соседству встреपнулись и залились неистовым лаем.

Мальчик не шелохнулся. Он был в черных джинсах и полосатой рубашке с короткими рукавами. Одной рукой парнишка удерживал распахнутую дверь-ширму, вторая, сжатая в кулак, висела вдоль тела.

Вэнс еще раз нажал на клаксон, и тот получил возможность стенать еще шесть долгих секунд. Собаки разрывались от лая. За три дома от Хурадо из дверей выглянул какой-то мужчина. На другом крыльце появились двое ребятишек, они стояли и смотрели, пока какая-то женщина не загнала их обратно в дом. Когда шум утих, Вэнс услышал несущуюся из дома напротив испанскую ругань (здесьшний малопонятный аргó казался шерифу сплошной руганью). Мальчишка отпустил дверь-ширму, и та захлопнулась, а сам он спустился по просевшим

ступенькам крыльца на тротуар. «Давай-давай, петушок! — подумал Вэнс. — Давай, давай, только *устрой* что-нибудь!»

Рик остановился прямо перед патрульной машиной.

Около пяти футов девяти дюймов ростом, на смуглых руках играют мышцы, черные волосы зачесаны назад. Глаза на темно-бронзовом лице казались угольно-черными... но это были глаза не восемнадцатилетнего юноши, а немолодого, слишком много изведавшего человека. В них светилась холодная ярость — как у дикого зверя, учуявшего охотника. На запястьях красовались черные кожаные браслеты, усаженные мелкими металлическими квадратиками, ремень тоже был из проклепанной кожи. Парень пристально смотрел на шерифа Вэнса сквозь ветровое стекло. Оба не двигались.

Наконец мальчик медленно обошел машину и остановился в нескольких футах от открытого окна.

— Какие-то проблемы, дядя? — спросил он, мешая величавый выговор Мехико с грубой невнятицей, характерной для западного Техаса.

— Патрулирую, — ответил Вэнс.

— Патрулируешь перед моим домом? На моей улице?

Едва заметно улыбаясь, Вэнс снял темные очки. Его глубоко посаженные светло-карие глаза казались слишком маленькими для лица.

— Захотелось съездить и повидаться с тобой, Рики. Пожелать доброго утра.

— *Буэнос диас*. Что еще? Мне пора в школу.

Вэнс кивнул.

— Последний школьный день, да? Небось, будущее расписал как по нотам?

— Не твоя забота. Мы и сами с усами.

— Это верно. Скорей всего, кончишь уличным толкачом наркоты. Хорошо, что ты взаправду крепкий *омбре*, Рики. Со временем тебе, может быть, даже понравится жизнь за решеткой.

— Если я попаду туда первым, — сказал Рик, — то позабочусь, чтоб пидоры узнали: ты на подходе.

Улыбка Вэнса поблекла.

— А это как понимать, умник?

Парнишка пожал плечами, глядя мимо шерифа в даль Второй улицы.

— Ты, мужик, скоро жди облома. Рано или поздно легавые штата повяжут Кейда и примутся за тебя. Правда, Кейд может свалить за бугор, а расхлебывать свою парашу оставит тебя. — Рик смотрел прямо на Вэнса. — Кейду второй номер ни к чему. Что, сам не допетрил, мозгов не хватило?

Вэнс сидел совершенно неподвижно, с сильно колотящимся сердцем. В дальнем уголке сознания зашевелились неприятные воспоминания. Шериф не мог ударить Хурадо в живот не только потому, что

Хурадо был главным у «Гремучих змей». Причина крылась глубже, на уровне инстинкта. Мальчишкой Вэнс жил с матерью в Эль-Пасо. Ему приходилось возвращаться из школы через пыльный, жаркий, грязный Кортес-парк. Мать Вэнса днем работала в прачечной. Они жили всего в четырех кварталах от школы, но для маленького Вэнса ежедневное возвращение домой превратилось в сплошную нервоотрепку, в поход через ничейную землю, где царила жестокость. В Кортес-парке околачивались мальчишки-мексиканцы и с ними — здоровенный восьмиклассник Луис с такими же черными непроницаемыми глазами, как у Рика Хурадо. Эдди Вэнс был толстым и неповоротливым, а ребята-мексиканцы бегали, как пантеры, и наступил ужасный день, когда они, галдя, окружили его, взяли в кольцо, а когда он заплакал, стало только хуже. Они свалили его на землю и раскидали учебники. Ребята-гринго видели это, но слишком боялись, чтобы вмешаться, и тот, которого звали Луис, потащил с Вэнса штаны — прямо с попки, с ног сопротивляющегося мальчугана, а остальные держали его, пока Луис не стащил с Эдди трусы. Их напялили Вэнсу на голову, как лошади надевают торбу с овсом, и пока полуголый толстый мальчишка бежал домой, мексиканцы визжали от смеха, улюлюкая: «*Бурро!*¹ *Бурро!* *Бурро!*»

С тех пор Эдди Вэнс по дороге домой давал больше мили крюку, лишь бы не заходить в Кортес-парк, и мысленно тысячу раз убил того мальчишку-мексиканца, Луиса. И вот Луис появился снова, только теперь его звали Рик Хурадо. Теперь он стал старше, лучше говорил по-английски и, несомненно, гораздо лучше соображал — но, хотя Вэнс готовился отпраздновать свой пятьдесят четвертый день рождения, в его душе по-прежнему обитал толстый трусоватый мальчишка, и уж он-то узнал бы эти хитрые глаза где угодно. Это был Луис, он самый; просто он надел чужое лицо.

Истина заключалась в том, что Вэнс ни разу не встретил мексиканца, который так или иначе не напомнил бы ему мальчишек, издевавшихся над ним в Кортес-парке почти сорок лет назад.

— Чего уставился, дядя? — дерзко спросил Рик. — У меня что, вторая башка выросла?

Шериф очнулся. Его охватила ярость.

— Ах ты засранец моченый, я тебе сейчас и первую-то оторву!

— Ни хрена. — Но паренек весь напрягся, готовый к бегству или к драке.

«Наплюй!» — предостерег себя Вэнс. К такому повороту событий он не был готов — только не здесь, не в центре Окраины. Он быстро надел очки и хрустнул пальцами.

— Твои ребята шляются после захода солнца в Инферно. Так не пойдет, Рики.

— Я слышал, тут свободная страна.

¹ Осел (исп.)

— Свободная. Для американцев. — Хотя Вэнс знал, что Хурадо родился в Инферно, в больнице на Селеста-стрит, то, что отец и мать парня проживали на территории штата незаконно, тоже не было для него секретом. — Ты позволяешь своей шайке панков...

— «Гремучие змеи» — не шайка. Это клуб.

— Конечно-конечно. Ты позволяешь своему клубу панков, как стемнеет, ходить на тот берег. Напрашивается на неприятности! Я этого не потерплю. Я не желаю, чтобы всякие Гремучки ходили вечером через мост. Понятно...

— *Фигня!* — перебил Рик. Он сердито махнул рукой в сторону Инферно. — Как насчет Щепов, дядя? Они хозяева в этом долбаном городе, так получается?

— Нет. Но твои ребята нарываюся на драку, отсвечивая там, где их быть не должно. Я хочу, чтобы это прекратилось.

— Прекратится, — заверил Рик. — Когда Щепы перестанут наезжать сюда, бить окна и размалевывать краской чужие машины. Они устраивают на *моих* улицах черт-те что, а нам нельзя даже мост перейти, сразу по рогам! А пожар? Почему Локетта еще не посадили?

— Потому! Нет никаких доказательств того, что поджог — дело рук «Отщепенцев». Мы нашли только несколько кусков жженой тряпки.

— А то ты не знаешь, что подожгли они! — Рик с отвращением покачал головой. — Куриное ты дерьмо, Вэнс! Слушай-ка, большой начальник! Мои люди держат улицы под наблюдением, и, клянусь Богом, мыотрежем яйца любому Щепу, какого поймает! *Компренде?*

Вэнс покраснел от злости. Он снова стоял на поле битвы в Кортес-парке и смотрел в лицо Луису. Желудок свело от страха, но то был страх толстого мальчишки.

— Что-то тон твой мне не нравится, парень! С «Отщепенцами» я разберусь сам, ты знай держи своих панков по эту сторону моста. Понял?

Рик Хурадо вдруг отошел от машины, нагнулся и что-то поднял. Вэнс увидел что — рыжего петуха. Парнишка приблизился к машине, поднял петуха над ветровым стеклом и быстро, сильно сдвигал птицу руками. Петух закудахтал, забил крыльями. Из-под хвоста на ветровое стекло вывалилась и потекла вниз бело-серая капля.

— Вот мой ответ, — вызывающе проговорил мальчик. — Куриное дерьмо — куриное дерьмо.

Не успел белый потек доползти до капота, как Вэнс выскочил из машины. Рик проворно отступил на пару шагов, бросил петуха и приготовился встретить надвигающуюся бурю. Петух, задыхаясь, опротивею кинулся под прикрытие куста юкки.

Вэнс, понимая, что подносит спичку к динамиту, все-таки потянулся сцапать паренька за ворот, но Рик отскочил, слишком шустро

для шерифа, и легко увернулся. Вэнс схватил пустоту, и вокруг него опять закружились Луис из Кортес-парка. Он яростно взревел, занося кулак, чтобы ударить своего мучителя.

Но не успел: где-то хлопнула дверь-ширма, и мальчишеский голос прокричал по-испански: «Эй, Рикардо! Помощь требуется?» За голосом немедленно последовал резкий щелчок, и кулак шерифа застыл в воздухе.

На противоположной стороне улицы на крыльце обветшалого дома стоял тощий парнишка-мексиканец в грубых хлопчатобумажных штанах, армейских ботинках и черной футболке. «Помочь?» — переспросил он, на сей раз по-английски, завел правую руку за спину и плавным движением выбросил ее вперед.

Зажатый в руке кнут резко щелкнул и кончиком взметнул из канавы окурки. Полетели табачные крошки.

Мгновение затянулось. Наблюдая за лицом Вэнса, где явственно боролись ярость и трусость, Рик Хурадо увидел, как шериф заморгал, и понял, чья взяла. Шериф разжал кулак. Его рука безвольно повисла вдоль тела, он всплеснул ею, как сломанным крылом.

— Нет, Зарра, — откликнулся Рик. Он снова был спокоен. — Все нормально.

— Я так, на всякий пожарный. — Карлос «Зарра» Альхамбра намотал кнут на правую руку и уселся на ступеньки крыльца, вытянув длинные ноги.

Вэнс увидел, что к нему по Второй улице идут еще двое. Поодаль, там, где улица заканчивалась тупиком (нагромождение камней и полынь), с края тротуара за ним наблюдал еще один парнишка, с ломиком в руке.

— Ты все сказал? — поинтересовался Рик.

Вэнс ощутил на себе сотни глаз, глядящих из окон дрянных домишек. Тут ему не взять верх, вся Окраина — это огромный Кортес-парк. Вэнс тревожно взглянул на панка с кнутом. Он знал: этой проклятой штуковиной Зарра Альхамбра может выбить глаз ящерице. Вэнс ткнул толстым пальцем Рiku в лицо:

— Я тебя предупреждаю! Чтоб после захода солнца никаких «Гремучек» в Инферно духу бы не было, слышишь?

— Ась? — Рик приложил к уху ладонь.

Зарра на другой стороне улицы расхохотался.

— Заруби это себе на носу! — сказал Вэнс и сел в патрульную машину. — *Заруби это себе на носу, умник!* — крикнул он, едва дверца захлопнулась. Полоска на ветровом стекле бесила, и шериф включил дворники. Ручеек превратился в грязное пятно. До Вэнса донесся смех мальчишек, и его лицо заплыло. Он дал задний ход, быстро доехал по Второй улице до Республиканской дороги, резко развернул машину и с ревом помчался через мост в Инферно.

— Катись, начальничек! — гикнул Зарра. Он поднялся. — Эх, надо было вытянуть его по жирной заднице!

— Еще успеешь. — Сердце Рика колотилось уже не так сильно; во время стычки с Вэнсом оно стучало, как сумасшедшее, но парнишка не посмел выказать и тени страха. — В следующий раз можешь оттянуться. К примеру, разбить ему яйца.

— Класс! Круши, мужик! — Зарра вскинул левый кулак в приветствии «Гремучих змей».

— Круши. — Рик неохотно отсалютовал в ответ. Он увидел Чико Магельяса и Пити Гомеса, выступавших задорно и важно, словно под ногами у них был не потрескавшийся бетон, а чистое золото. Они шли на угол, чтобы успеть на школьный автобус. — Погоди, — бросил он Зарре, поднялся на крыльцо и вошел в коричневый дом.

Задержанные занавески не пропускали внутрь солнечный свет. Там, где на серые обои падало солнце, они выгорели и стали бежевыми, а на стенах висели в рамках изображения Иисуса на черном бархате. Пахло луком, тортильей и бобами. Половицы под ногами Рика страдальчески застонали. Он прошел по короткому коридору к двери возле кухни и легонько постучал. Ответа не было. Он выждал несколько секунд и постучал снова, гораздо громче.

— Я не сплю, Рикардо, — ответил по-испански слабый голос немолодой женщины.

Затаивший было дыхание Рик шумно выдохнул. Он знал, что однажды утром подойдет к этой двери, постучится и не получит ответа. Но не сегодня. Рик отворил дверь и заглянул в спальню, где были задержаны занавески и электрический вентилятор месил тяжелый воздух. В комнате пахло чем-то вроде подгнивших фиалок.

На кровати под простыней лежала худенькая пожилая женщина. Седые волосы рассыпались по подушке кружевным веером, смуглое лицо покрывали глубокие морщинки.

— Я ухожу в школу, Палома. — Теперь Рик говорил нежно и внятно, совсем не так, как только что на улице. — Тебе что-нибудь принести?

— Нет, *грасиас*. — Старуха медленно села и сухощавой рукой попыталась поправить подушку, но Рик был начеку и помог. — Ты сегодня работаешь? — спросила она.

— *Си*. Вернусь к шести. — Три дня в неделю Рик после школы работал в хозяйственном магазине и, разреши ему мистер Латтрелл, уходил бы домой позже. Однако получить работу было трудно, да и за бабушкой требовался присмотр. Каждый день кто-нибудь из добровольного церковного комитета приносил ей обед; соседка, миссис Рамирес, время от времени забегала взглянуть, как она, да и отец Ла-Прадо тоже частенько заглядывал, но Рик не любил надолго оставлять бабушку одну. В школе его терзал страх, что Палома может упасть, сломать бедро или спину и будет лежать, страдая, в этом жутком доме до его возвращения. Но обойтись без денег, которые ему платили в магазине, никак не получалось.

— Что за шум я слышала? — спросила Палома. — Какая-то машина гудела. И разбудила меня.

— Просто кто-то проезжал мимо.

— Я слышала, кричали. На этой улице слишком шумно. Слишком беспокойно. Когда-нибудь мы будем жить на тихой улице, правда?

— Правда, — ответил он и той же рукой, что взлетала вверх в салюте «Гремучих змей», погладил тонкие седые волосы бабушки.

Палома схватила Рика за руку.

— Будь сегодня хорошим мальчиком, Рикардо. Учись хорошо, *си*?

— Постараюсь. — Он заглянул бабушке в лицо. Глаза закрывали бледно-серые бельма. Палома почти не видела. Ей был семьдесят один год, она перенесла два микроинсульта, зато сохранила большую часть зубов. *Паломой* — голубкой — ее прозвали за раннюю седину. Настоящее ее имя, имя мексиканской крестьянки, было практически непризнано даже для внука. — Я хочу, чтобы ты сегодня была осторожна, — сказал он. — Поднять занавески?

Палома покачала головой.

— Слишком светло. Но после операции я все буду видеть — даже лучше, чем *ты*!

— Ты и так видишь все лучше меня, — Рик нагнулся и поцеловал бабушку в лоб. И опять почувствовал запах умирающих фиалок.

Ее пальцы наткнулись на кожаный браслет.

— Опять эти штуки? Зачем ты их носишь?

— Просто так. Мода такая. — Он отнял руку.

— Мода. *Си*. — Палома слабо улыбнулась. — А кто завел такую моду, Рикардо? Может, кто-то, кого ты не знаешь и кто тебе вовсе не понравился бы. — Она постучала себя по лбу. — Вот чем пользуйся. Живи по-своему, не по чужой моде.

— Легко сказать.

— Я знаю. Но лишь так можно стать мужчиной, не чужим эхом. — Палома повернула голову к окну. По краю занавесок просачивался резкий свет, от которого заболела голова. — Твоя мать... пошла на поводу у моды, — тихо сказала Палома.

Этим она застала Рика врасплох — о матери в доме не упоминали давным-давно. Мальчик ждал, но старуха ничего больше не сказала.

— Почти восемь. Я лучше пойду.

— Да, ступай, не то опоздаешь, мистер Старшеклассник.

— Вернусь в шесть, — повторил Рик и пошел к двери, но прежде чем выйти из комнаты, быстро оглянулся на хрупкий силуэт в кровати и сказал, как говорил каждое утро перед уходом в школу:

— Я тебя люблю.

И Палома ответила, как отвечала всякий раз:

— А я тебя — в два раза сильнее.

Рик закрыл за собой дверь спальни. В коридоре он вдруг сообразил, что бабушкиного «а я — в два раза сильнее» ему хватало, когда он был ребенком; сейчас за стенами этого дома, в мире, где солнце бьет,

точно кувалда, а слово «пощада» в ходу лишь у трусливых, любовь умирающей старухи его не защитит.

С каждым шагом, который делал Рик, его лицо неувовимо менялось. Взгляд утратил мягкость и заблестел жестко и холодно. Рот ежался в резкую, неумолимую полосу. Не доходя до двери, Рик остановился, сдернул с вбитого в стену крючка белую мягкую фетровую шляпу с лентой из змеиной кожи и перед потемневшим зеркалом надел ее набекрень, как полагалось человеку дерзкому. Потом рука Рика нащупала в кармане джинсов блестящий выкидной нож. На зеленой яшмовой рукоятке был вырезан Иисус, и Рик вспомнил, как выхватил этот нож — «Клык Иисуса» — из ящика, где, свернувшись, лежала гремучая змея.

Теперь глаза Рика смотрели недобро, с обещанием трепки. Можно было отправляться.

Стоит ему ступить за порог, и пекущийся о своей Паломе Рик Хурадо будет забыт; появится Рик Хурадо — президент «Гремучих Змей». Бабушка никогда не видела *этого* его лица (порой он даже благодарил Бога, что у нее катаракта), но, если ему хотелось выжить в войне с Локеттом и «Отщепенцами», иначе нельзя было. Нельзя было допустить, чтобы маска упала... но временами Рик забывал, где маска, а где — он сам.

Глубокий вдох. Рик вышел из дома. Поджидавший у машины Зарра кинул ему свежий «косячок». Рик поймал его и припрятал на потом. Подкуриться (или, по крайней мере, прикинуться подкурренным) — иного способа прожить день не было.

Рик втиснулся за руль. Зарра устроился рядом. Поворот ключа, и мотор «камаро» взревел. Хурадо надел темные очки в черной оправе и, завершив свое превращение, тронулся в путь.

ЧЕРНАЯ СФЕРА

В десятом часу возле разбитой машины Джесси Хэммонд затормозил коричневый пикап. Оттуда вышла Джесси, за ней — Бесс Лукас, жилистая, седая, пятидесяти восьми лет от роду. С приятного треугольного лица смотрели ярко-голубые глаза. Бесс была в джинсах, бледно-зеленой блузке и соломенной ковбойской шляпе. Заглянув в искромсанный мотор, она скривилась:

— Господи! Вдрызг! — Мотор уже остыл и затих. За пикапом подсыхала лужа бензина. — Кой черт его так разворотил?

— Не знаю. Я же сказала, мимо нас что-то пролетело, от него оторвался кусок и угодил в капот. Кусок был примерно вот такой. — Джесси направилась к сине-зеленым обломкам, которые уже перестали дымиться. Но в воздухе все равно держалась резкая вонь горелого пластика.

Бесс с Тайлером тоже слышали шум, и мебель в их доме исполнила короткий танец, но когда они вышли наружу, то увидели только висящую в воздухе тучу пыли. Никаких признаков вертолетов или чего-нибудь, похожего на то, что описала Джесси, не было. Цокая языком, Бесс покачала над мотором головой — в двигателе зияла дыра размером с детский кулак — и следом за Джесси отошла от пикапа.

— Говоришь, та штука пронеслась мимо без всякого предупреждения? И куда ж она подевалась?

— Туда, — Джесси показала на юго-запад. Хотя обзор им загораживал кряж, Джесси заметила в небе несколько новых следов, оставленных реактивными самолетами. Она потянулась к покрытому странными значками обломку, торчавшему из песка. Обломок все еще излучал тепло, да так, что щекам Джесси стало горячо.

— По-каковски же тут написано? — полюбопытствовала Бесс. — По-гречески?

— Вряд ли. — Подобравшись к непонятной штуке насколько посмела близко, Джесси опустила на колени. Там, где объект

зарылся в землю, песок спекся в стекляшки, а вокруг лежали куски обуглившегося кактуса.

— Ну и ну! — Бесси заметила стекло. — Должно быть, крепко припекло, а?

Джесси кивнула и встала.

— Черт знает что! Тихо-мирно едешь по делам, и вдруг нате тебе — средь бела дня ни с того ни с сего разбивают машину. — Бесс оглядела пустынную степь. — Может, тут становится слишкомлюдно?

Джесси слушала невнимательно. Она не сводила глаз с сине-зеленого предмета. Тот, вне всяких сомнений, не был ни обломком метеорита, ни частью какого-либо из известных ей средств воздушного сообщения. Может быть, это обломок спутника? Но обозначения были безусловно не английскими, да и не русскими. У каких еще стран есть спутники на орбите? Джесси вспомнила, что несколько лет тому назад какой-то космический драндулет упал на территорию Северной Канады, а совсем недавно аналогичное происшествие имело место на окраине Австралии. И как после информации НАСА о том, что на Землю падает вышедший из строя спутник, под шутки-прибаутки (как бы, дескать, не огрести обломком по башке) возникла мода носить твердые шляпы: чтобы отбить несколько тонн металла.

Но если перед Джесси был металл, то чрезвычайно странный.

— А вот и наши, — сказала Бесс. Джесси подняла голову и увидела, что к ним скачет лошадь с двумя седоками. За спиной Тайлера, который пустил Душистого Горошка легким галопом, сидела Стиви.

Джесси вернулась к грузовику, наклонилась и заглянула в отверстие в моторе. Что именно пробило мотор, в неразберихе мягкого замасленного металла и проводов было не разобрать. Прошло ли это что-то навывлет или застряло где-то внутри? Она представила, какое лицо сделается у Тома, когда она скажет, что падающий космический корабль перерезал им дорогу и к чертовой матери разможил...

Джесси замерла. *Космический корабль*. Вот что за слово крутилось у нее в голове. *Космический корабль*. Но спутник ведь тоже космический корабль, разве не так? Однако одурачить себя ей не удалось; она-то знала, что имеет в виду. Космический корабль — например, из далекого космоса. Из далекого-далекого космоса.

«О Господи! — подумала она и чуть не расхохоталась. — Надо сходить за бейсболкой, пока мозги не сварились!» Но взгляд Джесси снова метнулся к сине-зеленому предмету в песке и разбросанным неподалеку другим обломкам. «Прекрати! — велела она себе. — Если здесь нет ничего знакомого тебе, это вовсе не означает, что оно из космоса! Не надо до поздней ночи сидеть у телевизора и смотреть фантастику!»

Тайлер со Стиви, ехавшие верхом на большом золотистом паломино, были уже совсем рядом. Тайлер (крупная кость, продубленное

морщинистое лицо, заправленная под потрепанное армейское кепи седая грива — он разменял седьмой десяток) спешился и легко снял Стиви со спины Душистого Горошка. Подойдя к пикапу, он присвистнул:

— Мотор можешь выбросить. Боюсь, эту дыру не залатает даже Мендоса.

До того, как выехать из дома, они позвонили на автозаправочную станцию Ксавьеру Мендосе, и тот пообещал через полчаса отбуксировать пикап к себе.

— Тут повсюду раскиданы какие-то обломки, — сказала Бесс. Она повела рукой вокруг. — Видел ты когда-нибудь такое?

— Нет, ни разу. — Удалившись от дел (он служил в компании «Тексэнерго»), Тайлер посвятил себя литературе: он писал повестивестерны про зверолова по имени Барт Джастис. Повести имели успех. Бесс довольствовалась тем, что коротала время, зарисовывая пустынные растения, и вместе с мужем возилась с Душистым Горошком, точно жеребец был щенком-переростком.

— И я тоже, — призналась Джесси. Она увидела, что к ним приближается Стиви. Глаза девчушки опять были большими и завороченными, хотя у Лукасов Джесси тщательно осмотрела дочку и не нашла никаких повреждений. — Стиви? — тихо окликнула она.

Девочку манил перезвон ветряных курантов. Чудесная музыка навевала покой. Следовало выяснить, откуда она раздается. Стиви хотела пройти мимо матери, но Джесси ухватила дочку за плечо раньше, чем та успела подойти к пикапу.

— Не влезь в масло, — встревожилась Джесси. — Погубишь одежду.

Тайлер был в рабочих брюках и не боялся испачкаться. Его разбирало любопытство, что же проделало в капоте и моторе пикапа такую большущую дыру, поэтому он засунул руку в искореженный мотор и начал щупать.

— Осторожно, Тай, не порежься! — предостерегла Бесс, но муж только крикнул и продолжал свое дело. — Док, есть фонарик? — спросил он.

— Да. Сейчас. — В саквояже Джесси лежал маленький фонарик. — Не мешай мистеру Лукасу, — велела она Стиви. Та безучастно кивнула. Джесси достала из пикапа саквояж, отыскала фонарик и подала его Тайлеру. Щелкнув выключателем, он направил луч в отверстие.

— Батюшки, ну и каша! — сказал он. — Что бы это ни было, оно прошло прямо сквозь мотор. Все клапана посрывало.

— А не видно, что бы это могло быть?

Тайлер посветил фонариком.

— Нет, не видать. Оно должно было быть твердым, как пушечное ядро, и лететь, словно его черти гнали! — Он покосился на Стиви. — Простите за выражение, лапушка. — Он снова сосредоточился на сноп

света. — По-моему, оно рассыпалось где-то там на мелкие кусочки. Док, тебе крупно повезло, что эта штука не протаранила бензобак.

— Я знаю.

Тайлер выпрямился и выключил фонарь.

— Машина-то застрахована? Небось, у Хитрюги?

— Правильно. — Хитрюге Кричу принадлежала компания «Гордость Техаса», занимавшаяся страхованием автомобилей и жизни горожан. Ее контора располагалась на втором этаже городского банка. — Правда, я ума не приложу, как растолковать ему, что произошло. По-моему, ничего такого моя страховка не предусматривает.

— Хитрюга выкрутится. Старый хрыч и камень может разжалобить до слез.

— Мам, оно еще там, — тихонько сказала Стиви. — Я слышу, как оно поет.

Тайлер с Бесс посмотрели на девочку, потом переглянулись.

— Думаю, Стиви немножечко взбудоражена, — объяснила Джесси. — Ничего страшного, киска. Мы поедem домой, как только мистер Мендоса...

— Оно еще тут, — решительно повторила девочка. — Разве ты не слышишь?

— Нет, — ответила Джесси. — И ты не слышишь. Ну-ка прекрати ломать комедию, *сию же минуту*.

Стиви не ответила. Она не сводила глаз с грузовичка, пытаясь сообразить, откуда именно доносится музыка.

— Стиви, — позвала Бесс, — иди-ка сюда, давай угостим Душистого Горошка сахарком. — Она полезла в карман, вытащила несколько кусочков сахара, и паломино шагнул к ней в ожидании лакомства. — Сладенькому — сладенькое, — любовно проговорила Бесс, скармливая коню белые кубики. — Ну, Стиви! Дай-ка ему кусочек.

В обычной обстановке Стиви мигом ухватилась бы за возможность покормить Душистого Горошка сахаром, но сейчас она помотала головой, не желая отрываться от мелодичного перезвона ветряных курантов. Джесси не успела остановить дочку, и та сделала еще один шаг к грузовику.

— Гляди-ка, — вдруг сказал Тайлер. Он нагнулся к спущенной правой передней шине. В крыле над колесом вздулся металлический волдырь. Тайлер опять включил фонарик и посветил снизу вверх за колесом. — Там что-то застряло. Похоже, приварилось к железу.

— Что там? — спросила Джесси. Потом: — Стиви! Держись подальше!

— Что-то не очень большое. Молоток есть? — Джесси отрицательно покачала головой. Тайлер стукнул по волдырю кулаком — безрезультатно. Он полез под крыло. Бесс сказала: «Осторожнее, Тай!»

— Эта штука вся скользкая от масла. И крепко же она засела, скажу я вам! — Тайлер ухватился за непонятный предмет и дернул,

но пальцы соскользнули. Он вытер ладонь о штаны и попробовал еще раз.

— Зря стараешься! — раздраженно сказала Бесс, но подошла поближе.

Мышцы на плечах Тайлера вздулись от усилий. Он продолжал тянуть.

— Вроде пошло, — пропыхтел он. — Держитесь, сейчас я поднапру. — Он крепче ухватил непонятный предмет и снова рванул изо всех сил.

Еще секунду-другую предмет сопротивлялся, а потом выскочил из своего гнезда в крыле и лег Тайлеру в ладонь. Он оказался идеально круглым, словно Тайлер извлек на свет Божий жемчужину, уютно примостившуюся в раковине устрицы.

— Вот. — Лукас поднялся. Рука была по плечо черной от смазки. — По-моему, он и набедокурил, док.

Это в самом деле было пушечное ядро, только размером с кулачок Стиви и гладкое, без маркировки.

— Покрышку, небось, тоже оно пробило, — сказал Тайлер. Он нахмурился. — Провалиться мне на этом месте, большей чертовщины я не видел! — На этот раз он не потрудился добавить «пардон за выражение». — Подходящие габариты, чтоб проделать такую дыру, только...

— Только что? — спросила Джесси.

Тайлер подкинул шар на ладони.

— Он почти ничего не весит. Как мыльный пузырь, ей-богу. — Он старательно обтер испачканный маслом и смазкой шар о штаны, но под чернотой оказалась чернота. — Хочешь посмотреть? — Он протянул шар Джесси.

Она замаялась. Это был всего лишь маленький черный шар, но Джесси вдруг почувствовала, что он ей абсолютно ни к чему. Ей захотелось уговорить Тайлера засунуть шар обратно или просто забросить как можно дальше и забыть о нем.

— Возьми, мам, — сказала Стиви. Она улыбалась. — Это он поет.

Джесси почувствовала, что у нее начинает медленно кружиться голова, как перед обмороком. Немилосердно пекущее солнце медленно, но верно добиралось до нее. Джесси протянула руку, и Тайлер положил черный шар ей в ладонь.

Сфера оказалась такой холодной, словно ее только что вынули из морозильника. Пальцы Джесси пронизал ледяной холод. Но по-настоящему изумлял вес шара. Около трех унций, решила она. Стекло? Пластик? Она сказала:

— Быть не может! Этот шар не мог пробить грузовик! Он слишком хрупкий!

— Вот и я говорю, — согласился Тайлер. — Только можешь не сомневаться: он достаточно крепкий, чтобы набить на железе шишку и не разлететься на кусочки.

Джесси попыталась сжать предмет, но он не поддавался. «Тверже, чем кажется, — подумала она. — Черт знает насколько тверже. И такой идеально круглый, будто его выточил автомат, который не оставил никаких следов. А почему он такой холодный? Влетел в разогретый мотор, теперь попал на солнцепек, и все равно холодный».

— Эта штука похожа на большое яйцо канюка, — заметила Бесс. — Я бы за него не дала и пары центов.

Джесси взглянула на Стиви. Девочка не сводила глаз со сферы, и Джесси нехотя спросила:

— Ты еще слышишь, как она поет?

Стиви кивнула, шагнула к ней и протянула вверх обе руки.

— Мам, можно, я подержу?

Тайлер и Бесс смотрели на них. Джесси помедлила, вертя шар в руках. На нем не было никаких отметин — ни трещинки, ни неровности. Она поднесла его к свету, пытаясь заглянуть внутрь, но предмет был совершенно непрозрачным. «Должно быть, когда эта штука в нас попала, она летела чертовски быстро, — подумала Джесси... — но из чего она? И что она такое?»

— Мам, ну *пожалуйста!* — Стиви нетерпеливо подпрыгивала на месте.

Предмет казался не слишком опасным. Да, он оставался странно холодным, но руке не было неприятно.

— Не урони, — предостерегла Джесси. — Будь очень-очень осторожна. Ладно?

— Да, мам.

Джесси неохотно отдала дочке сферу. Стиви бережно приняла ее в ладони. Теперь она не только слышала музыку ветряных курантов, но и *ощущала* ее; мелодия вздыхала в самой девочке, словно косточки Стиви превратились в подобие музыкального инструмента: прекрасные и печальные звуки, песенка об утраченном. Слушая эту музыку, Стиви поняла, каково папе; все, что она знала и любила, скоро должно было исчезнуть, остаться далеко-далеко позади, так далеко, что не разглядишь и с вершины самой высокой в мире горы... и сердце девочки превратилось в слезу. Печаль проникла глубоко, но красота мелодии зачаровала Стиви. Лицо малышки стало таким, будто она совсем уж собралась расплакаться и вдруг чему-то удивилась.

Джесси заметила это.

— В чем дело?

Стиви тряхнула головой. Говорить не хотелось, хотелось только слушать. Звуки музыки взмывали по ее косточкам и разноцветными искорками рассыпались в голове. Таких красок Стиви еще никогда не видела.

И вдруг музыка смолкла. Раз — и все.

— Мендоса едет, — Тайлер махнул в сторону подъезжавшей по Кобре-роуд ярко-синей машины техпомощи.

Стиви встряхнула сферу. Музыка не возвращалась.

— Отдай-ка ее мне, киска. Я позабочусь о ней. — Джесси протянула руку, но Стиви попятилась. — Стиви! Дай сюда, быстро! — Девчушка повернулась и, не выпуская черную сферу из рук, отбежала примерно на тридцать футов. Подавив злость, Джесси решила разобратся с дочкой дома. Сейчас хлопот хватало и без того.

Ксавьер Мендоса, дюжий седой мексиканец с пышными белыми усами, съехал с Кобре-роуд и поставил машину техпомощи так, чтобы можно было подцепить пикап Джесси. Он вылез из кабины, чтобы осмотреть повреждения, и его первыми словами было: «*Ay! Карамба!*»

Стиви отошла еще на несколько шагов, продолжая встряхивать черный шар в попытках пробудить музыку. Ей пришло в голову, что шар, может быть, сломался и, если потрясти его достаточно сильно, ветряные куранты внутри вновь оживут. Она еще раз встряхнула сферу и подумала, что слышит слабый плеск, словно шар был заполнен водой. А еще он казался не таким холодным, как минуту назад. Может быть, начал нагреваться, а может, виновато было солнце.

Стиви покатила шар в ладонках. «Проснись, проснись!» — твердила она.

Вдруг девочку как ударило — она поняла, что шар изменился. На нем явственно отпечатались электрически-синие контуры ее пальцев и ладонек. Она прижала к черному шару указательный палец. Отпечаток некоторое время держался, потом начал медленно исчезать, словно его утягивало в глубь сферы. Стиви ногтем нарисовала на шаре улыбающуюся рожицу; невероятно синяя — в сто раз синее неба — рожица тоже осталась на поверхности. Стиви нарисовала сердечко, потом домик с четырьмя человечками. Все картинки, продержавшись пять или шесть секунд, таяли. Она оторвалась от рисования и начала звать маму, чтобы та посмотрела.

Но не успела Стиви и рта раскрыть, как позади что-то взревело, перепугав ее до полусмерти, и девочку поглотил крутящийся пылевой смерч.

Над машиной техпомощи и пикапом Джесси кружил серо-зеленый вертолет. Примчавшись из ниоткуда (разве что из-за того самого кряжа на юго-западе, поняла Джесси), он описывал над ними медленные ровные круги. Душистый Горошек заржал и встал на дыбы. Бесс схватила поводья, чтобы уgomонить его. Вокруг клубилась пыль. Мендоса ругался по-испански на чем свет стоит.

Сделав несколько кругов, вертолет повернул на юго-запад, набрал скорость и с жужжанием унесся.

— Идиот проклятый! — прокричал Тайлер Лукас. — Вот я тебе!

Джесси увидела, что дочка стоит на дороге. Стиви подошла к ней и показала сферу. Лицо девчушки толстым слоем покрывала пыль.

— Он опять весь почернел, — сказала Стиви. — Знаешь что? — Она говорила тихо, словно делилась секретом. — По-моему, он собирался проснуться... но испугался.

«Чем был бы мир без детского воображения?» — подумала Джесси. Она хотела было потребовать сферу обратно, но не придумала, чем Стиви может повредить то, что она держит шар. Все равно, как только они попадут в город, то сразу же передадут его шерифу Вэнсу. «Не урони!» — повторила она, отвернувшись и стала смотреть, что делает Мендоса.

— Хорошо. — Стиви отошла на несколько шагов, продолжая потряхивать черный шар, но ни мелодичный перезвон ветряных курантов, ни сверкающий синий свет не возвращались. — Не умирай! — попросила она, но ответа не получила. Шар оставался черным. В глянцеви́той поверхности девочка видела свое отражение.

Где-то в глубине, в центре черноты, что-то словно бы шевельнулось — осторожно, медленно; древнее существо, созерцающее солнечный свет, проникший к нему сквозь мрак. Потом оно опять замерло, погрузившись в размышления и набираясь сил.

Мендоса прицепил пикап к машине техпомощи. Джесси поблагодарила Тайлера и Бесс за помощь, они со Стиви вместе с Мендосой забрались в техничку и поехали в Инферно. Стиви крепко сжимала в руках черную сферу.

Юго-западнее, почти не видный, следом за ними летел вертолет.

VII

ОТРАВА В ДЕЙСТВИИ

Пронзительно зазвенел звонок, знаменуя смену уроков, и через секунду тихие коридоры средней школы имени Престона захлестнула суматоха. Главный кондиционер все еще был сломан, в туалетах воняло сигаретным дымом и марихуаной, но шум, крики и хохот подчеркивали радостную беззаботность.

Однако многие смеялись неискренне. Все ученики знали, что для средней школы имени Престона нынешний год последний. Как бы жарко и противно ни было в Инферно, все равно он оставался их домом, а покидать родное гнездо всегда тяжело.

Они воплощали историю борьбы своих предков, их черты зеркально повторяли черты рас и племен, пришедших с юга, из Мексики, и с севера, из самого сердца страны, чтобы в поте лица своего выстроить себе дом в техасской пустыне: там — гладкие черные волосы и острые скулы навахо; тут — высокий лоб и черный непроницаемый взгляд апача или чеканный профиль конкистадора, а рядом — светлые, каштановые или рыжие вихри приграничных жителей и пионеров, жилистое сложение обездчиков мустангов и широкий уверенный шаг переселенцев с востока, ступивших на землю Техаса в поисках счастья задолго до того, как в миссии под названием Аламо прозвучал первый выстрел.

Все это было здесь — в лицах и осанке, в походке, словечках, манере говорить переходящих из класса в класс учеников. По коридорам двигались столетия выяснения отношений, угона скота и кабацких драк. Но если бы предкам этих ребят, даже одетым в оленьи шкуры истребителям индейцев и снимавшим с них скальпы храбрецам в боевой раскраске, представилась возможность посмотреть, что за мода воцарилась нынче в Краю Благословенной Охоты, они перевернулись бы в гробах. У некоторых парней волосы были сбриты под ноль, у некоторых — начесаны длинными иглами и выкрашены в возмутительные цвета; кое-кто коротко стригся, оставляя на затылке длинные пряди, свисавшие на спину. Многие девчонки выщипывали

волосы так же безжалостно, как мальчишки, и красили их даже более броско и крикливо. Одним нравилась гладкая стрижка «принцесса Ди», а другие щеголяли зачесанными назад гривами, уложенными на гель и украшенными перьями, — неосознанная дань индейскому происхождению.

В одежде царила полная анархия: спортивные костюмы, армейские пятнистые комбинезоны; матрасно-полосатые рубахи, отделанные бахромой из оленьей кожи; футболки, превозносящие рок-группы вроде «Хутеров», «Бисти Бойз» и «Дэд Кеннеди»; майки для серфинга в узорчатую полоску ядовитых цветов, от которых рябило в глазах; пятнистые, собственноручно вываренные штаны защитного цвета; линялые и заплатанные джинсы; усаженные булавками штаны с полосками флюоресцентной краски; походные башмаки; раскрашенные от руки кроссовки; дешевые тапочки; гладиаторские сандалии; незамысловатые шлепанцы, выкроенные из старых покрышек. В начале года форму еще соблюдали, но как только стало ясно, что отсрочки средней школе имени Престона не видать, директор — низенький латиноамериканец Хулиус Ривера, прозванный школьниками «Маленьким Цезарем», — мало-помалу махнул на все рукой. Школьников округа Презайдио станут возить на автобусах за тридцать миль отсюда, в Марфу, а сам Маленький Цезарь в сентябре будет в Хьюстоне преподавать геометрию второму классу Нортбрукской средней школы.

Часы отсчитывали секунды, и юные потомки первопоселенцев, ранчero и индейских вождей потянулись к кабинетам, в которых должен был проходить следующий урок.

Рэй Хэммонд рылся в своем шкафчике, отыскивая учебник английского. Поглощенный мыслями о том, что нужно идти в другое крыло школы на следующий урок, мальчик не замечал, что надвигалось на него сзади.

Он достал книгу из шкафчика. Вдруг нога десятого размера, обутая в стоптанный армейский ботинок, выбила учебник у него из рук. Книга раскрылась (в воздух полетели тетрадки, закладки и непристойные рисуночки) и звонко шлепнулась о стену, чуть не задев двух девочек у фонтанчика с питьевой водой.

Рэй поднял глаза, казавшиеся за стеклами очков большими и испуганными, и увидел: судьба наконец его настигла. Его взяли за грудки и приподняли так, что он встал на носки кроссовок.

— Ты, раздолбай, — невнятно проворчал чей-то голос с сильным акцентом, — чего стал на дороге? — Парень, который сказал это, был примерно на шестьдесят фунтов тяжелее своего пленника и на четыре с лишним дюйма выше. Звали его Пако Ле-Гранде, у него были плохие зубы и угреватая, ухмыляющаяся, хитрая физиономия. По толстой руке ползла вытатуированная гремучая змея. В красных, воспаленных глазах Пако плавал туман, и Рэй понял, что парень утром курил в туалете травку и хватил лишку. Обычно свои визиты к шкафчику Рэй

подгонял по времени так, чтобы разминуться с Пако, чей шкафчик находился справа от шкафчика Рэя, но от судьбы не уйдешь. Пако накурился и был готов проучить кого угодно.

— Эй, Рентген! — За Пако стоял еще один мальчишка-латиноамериканец по имени Рубен Эрмоса. Он был ниже и куда легче Пако, но и у него горели глаза. — Гляди не наложи в штаны, *амиго*!

Рэй услышал, как рвется его узорчатая полосатая рубашка. Он висел, едва касаясь пола кончиками пальцев, сердце в тощей груди бешено колотилось, но лицо выражало космический холод. Зрители попятились, стремясь оказаться подальше от опасной зоны. Ни одного «Отщепенца» в поле зрения не было. Пако сжал пальцы в чудовищный, испещренный шрамами кулак.

— Ты же помнишь правило, Пако, — сказал Рэй как можно спокойнее. — Никаких неприятностей в школе, мужик.

— Имел я твое правило! И школу! И тебя, четырехглазый кусок...

Бац! — сбоку в голову Пако врезался учебник домоводства в голубой обложке, с которой улыбались Симпсоны. От удара Пако покачнулся, хватка ослабла, Рэй вывернулся на свободу и на четвереньках отбежал по зеленому линолеуму к фонтанчику.

— Ты, хрен моченый, молчал бы, кто кого имел. У тебя и яиц-то нет, — сказал прокуренный девчоночий голос. — А то начнешь думать о том, чего тебе никак не сделать.

Рэй узнал этот голос. Между ним и Гремучками встала Отрава. Ростом эта старшеклассница была чуть ниже шести футов; свои светлые волосы она начесывала в «могаук», а виски брила наголо. Ходила Нэнси Слэттери в тесных, обтягивавших зад и длинные сильные ноги блекло-зеленых брюках, а размах атлетических плеч подчеркивала ярко-розовая хлопковая рубашка. Нэнси была гибкой и подвижной, в прошлом году бегала кросс за среднюю школу имени Престона и вместо браслетов носила на каждом запястье по наручнику. На щиколотках над бутсами седьмого размера (уворованными из форт-стоктонского универмага) поблескивали дешевые «золотые» цепочки. Рэй слышал, что свое прозвище Отрава получила при вступлении в ряды «Отщепенцев» — на посвящении она одним махом проглотила содержимое чашки, куда Щепы сплевывали жеваный табак. И улыбнулась, показав коричневые зубы.

— Вставай, Рентген, — сказала Отрава. — Эти педики не будут к тебе приставать.

— Думай, что несешь, сука! — взревел Пако. — Ща как дам, обоссешься!

Рэй поднялся и начал собирать тетрадки. Внезапно он с ужасом увидел, что листок, на котором он небрежно изобразил огромный член, атакующий такое же громадное влагалище, проскользнул под правую сандалию светловолосой младшеклассницы Мелани Полин.

— Для тебя, козел, я наосу целый стакан, — отозвалась Отрава, и в толпе зрителей рассмеялись. Чтобы быть красивой, Нэнси не

хвatalo совсем немного: подбородок был чуть острее, чем нужно, два передних зуба щербатые, а нос она сломала, упав на соревнованиях по легкой атлетике. Из-под обесцвеченных перекисью бровей сердито смотрели темно-зеленые глаза. Но Рэй считал Отраву, которая сидела в классе неподалеку от него, отвальной телкой.

— Ладно, мужик! — поторопил Рубен. — Надо валить в класс! Брось!

— Ага, козлик Пако, беги, пока тебя не отшлепали. — Отрава увидела, как глаза Пако загорелись красным огнем, и поняла, что зашла слишком далеко, но ничуть не испугалась; она расцветала от запаха опасности так же, как другие девчонки обмирали от «Джорджа». — Давай, — поманила она Пако. Ногти были покрыты черным лаком. — Давай отоварю, козлик.

Лицо Пако потемнело, как грозовая туча. Сжав кулаки, он двинулся к Отраве. Рубен завопил:

— Мужик, не надо! — но было слишком поздно.

«Драка! Драка!» — крикнул кто-то, Мелани Полин попятилась, и Рэй схватил свой преступный рисунок, освобождая Отраве место, — он видел однажды, что она сделала в жестокой драке после уроков с мексиканской девчонкой.

Отрава ждала. Пако был уже почти рядом. Отрава едва заметно улыбнулась.

Пако сделал еще шаг.

Бутса Отравы взвилась вверх. В этот злобный пинок девчонка вложила все свои сто шестнадцать фунтов веса. Бутса угодила точнехонько в ширинку Пако, и потом никто уже не мог вспомнить, что прозвучало громче: глухой стук попавшего в цель ботинка или сдавленный крик Пако, который сложился пополам, схватившись за больное место. Отрава не спеша ухватила его за волосы, с хрустом поддала коленом по носу, а потом приложила ладонь лицом к ближайшей запертой двери. Брызнула кровь, и колени Пако подломились, как сырой картон.

Пинком по ногам Отрава помогла ему свалиться на пол. Нос Пако превратился в лиловую опухоль. Все это произошло примерно за пять секунд. Рубен уже пятился от Отравы, умоляюще поднимая руки.

— *Что здесь происходит?*

Наблюдатели кинулись врассыпную, как куры от грузовика. На Отраву надвинулась преподавательница истории миссис Джеппардо, седа, с глазами навывкате.

— Боже мой! — При виде побоища она отпрянула. Оглушенный Пако зашевелился, пытаясь сесть. — Кто это сделал? Отвечайте сию же минуту!

Отрава огляделась, заражая всех слепоглухонемой — обычной для средней школы имени Престона болезнью.

— Вы видели, что здесь произошло, молодой человек? — спросила миссис Джеппардо. Рэй немедленно снял очки и принялся проти-

рать их рубашкой. — Мистер Эрмоса! — взвизгнула историчка, но тот бегом кинулся прочь. Отрава знала, что к концу четвертого урока все Гремучки в школе услышат о происшествии, и им это не понравится. «Крутое дерьмо», — подумала она и подождала, чтобы миссис Джеппардо отыскала ее выпученными глазами.

— Мисс *Слэттери*. — Учительница выговорила фамилию так, словно это было что-то заразное. — Думаю, зачинщица вы, барышня! Я читаю вас, как книгу!

— Да ну? — спросила Отрава, сама невинность. — Тогда прочтите это. — И, повернувшись, нагнулась, демонстрируя миссис Джеппардо, что ее тесные брюки разошлись по заднему шву... а нижнее белье, как вместе со всеми увидел Рэй, Отрава не носила.

Рэй чуть не лишился чувств. Коридор взорвался оглушительным хохотом и свистом. Рэй, вертевший в руках очки, чуть не упустил их на пол. Водрузив их на нос, он различил на правой щеке Отравы крохотную татуировку — бабочку.

— О... Боже! — Миссис Джеппардо покраснела, как перезрелый стручок перца-чили. — Немедля извольте выпрямиться!

Отрава подчинилась, изящно поводя бедрами, как манекенщица. Хаос к этому времени охватил весь коридор — из классных комнат валили ученики, а учителя тщетно пытались сдержать эту приливную волну. Стоя с учебником английского подмышкой, в криво надетых очках, Рэй гадал, не выйдет ли Отрава за него замуж на одну ночь.

— Отправляйтесь в канцелярию! — миссис Джеппардо хотела схватить Отраву за руку, но девочка увернулась.

— Нет, — решительно объявила Отрава. — Я пойду домой, сменю портки, вот что я сделаю. — Она переступила через Пако Ле-Гранде и, надув щеки, важно прошествовала к дверям. Ее проводили многоголосым криком и хохотом.

— Я отстраню вас от занятий! И подам на вас докладную! — мстительно погрозила пальцем миссис Джеппардо.

Отрава остановилась на пороге и наградила учительницу взглядом, от которого упал бы замертво и канюк.

— Ни фиги подобного. Больно много геморроя. Все равно я всего-навсего порвала бриджи. — Она быстро подмигнула Рэю, отчего ему почудилось, будто его посвятила в рыцари королева Джиневра, хотя лексикон Отравы можно было назвать каким угодно, только не куртуазным. — Не вступи в дерьмо, пацан, — предостерегла его Нэнси и вышла за дверь. Свет расплавленным золотом засиял в ее «могауке».

— Женская тюрьма по тебе плачет! — прошипела миссис Джеппардо, но дверь с размаху закрылась, и Отрава исчезла. Учительница резко обернулась к зевакам: — *Быстро по классам!* — Оконные стекла буквально дребезжали в рамах. Через полсекунды зазвонил звонок, и коридор пришел в движение — все с топотом бросилось в классы.

Рэй чувствовал, что пьян от вожделения и что образ выставленной на всеобщее обозрение попки Отравы не изгладится из его памяти, пока ему не стукнет девяносто и все попки на свете не станут ему безразличны. Его удочка напряглась; Рэй ничего не мог поделать, словно весь мозг сосредоточился именно там, а прочее было лишь бесполезным придатком. Иногда Рэй думал, что попал под воздействие чего-то вроде «инопланетного секс-луча», поскольку избавиться от мыслей определенного рода ему никак не удавалось. Правда, судя по тому, как на него реагировали почти все девчонки, ему суждено было до конца дней своих оставаться девственником. Господи, до чего суровая штука жизнь!

— А ты что стоишь? — На него надвинулось лицо миссис Джеппардо. — Заснул?

Он не знал, в какой глаз смотреть.

— Нет, мэм.

— Тогда иди в класс! *Немедленно!*

Рэй закрыл шкафчик, защелкнул замок и заторопился по коридору. Но не успел он свернуть за угол, как миссис Джеппардо сказала:

— Ну что, хулиган? Ходить разучился?

Рэй оглянулся. Пако с посеревшим лицом поднялся на ноги. Держась за больное место, он, покачиваясь, шагнул к историчке.

— Сейчас мы с вами пойдем к медсестре, молодой человек. — Она взяла Пако за руку. — Я в жизни не видала ничего подобного...

Пако неожиданно качнулся вперед и выплеснул свой завтрак на цветастое платье миссис Джеппардо.

Оконные стекла сотряс очередной крик. Инстинктивно пригнув голову, Рэй бросился бежать.

ВОПРОС ДЭННИ

Дэнни Чэффин, серьезный двадцатидвухлетний юноша, сын владельца «Ледяного дворца» Вика, как раз закончил рассказывать шерифу Вэнсу, что своими звонками ничего о вертолетах не выяснил, и тут они услышали металлический рокот винтов.

Они выбежали из конторы и угодили в пасть пыльной буре.

— Боже милостивый! — прокричал Вэнс — он увидел темный силуэт вертолета, садившегося прямо в Престон-парк. Ред Хинтон, проезжавший по Селеста-стрит в своем пикапе, чуть не зарулил в витрину «Салона красоты» Иды Янгер. Из магазина «Обувное изобилие», прикрывая лицо шарфиком, появилась Мэвис Локридж. В окна банка начали выглядывать люди, и Вэнс не сомневался, что нежившихся на ветерке перед «Ледяным дворцом» старых бездельников как ветром сдуло.

Он поспешил к парку, Дэнни за ним. Через несколько секунд яростный ветер стих, но винты вертолетов продолжали медленно вращаться. Из магазинов на улицу повалил народ. Вэнс подумал, что на шум сбежится весь город. Собаки разрывались от лая. Когда осела пыль, Вэнсу стала видна серо-зеленая раскраска вертолета и буквы: «ВВБ УЭББ».

— Я думал, ты звонил на Уэбб! — рывкнул он на Дэнни.

— Звонил! Они сказали, их вертолеты тут не летают!

— Врут и не краснеют! Тихо, вон кто-то идет!

Шериф увидел, что к ним приближаются двое, высокие и поджарые. Вэнс и Дэнни встретились с ними у самого памятника мулу.

Молодой человек в темно-синей форме летчика и кепи с офицерской кокардой был таким бледным, будто всю жизнь проводил в четырех стенах. Его сопровождал мужчина постарше, с коротким ежиком темных волос, начинающих седеть на висках, загорелый и подтянутый. На нем были изрядно поношенные джинсы и светло-коричневая футболка. Пилот остался в кабине. Вэнс обратился к офицеру:

— Чем могу...

— Надо поговорить, — ответил мужчина в джинсах. Он говорил решительно, как человек, привыкший руководить. Он был в темных очках «авиатор», но скрытые стеклами глаза уже заметили значок Вэнса. — Вы здешний шериф, так?

— Так. Шериф Эд Вэнс. — Вэнс протянул мужчине руку. — Очень приятно...

— Шериф, где мы можем поговорить с глазу на глаз? — спросил молодой офицер. Второй мужчина руки Вэнсу не подал. Вэнс смущенно заморгал и опустил свою.

— Э... у меня в конторе. Сюда. — Он повел их через парк. Рубашка на спине взмокла от пота, под мышками выступили круги.

В конторе летчик помоложе вынул из кармана блокнот и раскрыл его.

— Здесь мэром Джонни Бретт?

— Ага. — Вэнс разглядел в блокноте целый список имен, в том числе свое. И понял, что кто-то занимался Инферно долго и вплотную. — Он же — начальник пожарной охраны.

— Нужно, чтобы он присутствовал. Пожалуйста, свяжитесь с ним.

— Давай, — велел Вэнс Дэнни и устроился на стуле за своим столом. От этих мужиков у него по спине шли мурашки: держались они прямо, как аршин проглотили, и, похоже, не теряли бдительности даже у Вэнса в кабинете. — Контора Бретта в здании банка, — сообщил Вэнс. — Он наверняка уже заметил переполох. — Гости никак не отреагировали. — Может, объясните мне, в чем дело, джентльмены?

Мужчина постарше подошел к двери, ведущей в тюремный блок, и заглянул в глазок: там было всего три камеры, все они пустовали.

— Нам нужна ваша помощь, шериф, — выговор у него был скорее среднезападный, чем техасский. Он снял темные очки. Его глубоко посаженные глаза были холодного, чистого светло-серого цвета. — Простите за столь драматическое появление. — Мужчина улыбнулся, его лицо смягчилось, а тело расслабилось. — Мы, летуны, бывает, перебарщиваем.

— Да ясно, чего там. — Честно говоря, Вэнсу ничего не было ясно. — Ничего страшного.

— Мэр Бретт идет, — доложил Дэнни, вешая телефонную трубку.

— Шериф, сколько тут у вас живет народу? — спросил офицер помоложе. Он снял кепи. Под ним оказались коротко подстриженные рыжеватые волосы. Почти того же цвета были и глаза, а нос и щеки украшала россыпь веснушек. Вэнс прикинул, что этому парню не больше двадцати пяти, а второму, должно быть, за сорок.

— Тысячи две, наверное, — ответил он. — И еще пять-шесть сотен на Окраине. Это за рекой.

— Есть такое дело. Газеты?

— Когда-то была. Закрылась пару лет назад. — Скособочившись на стуле, шериф смотрел, как мужчина постарше идет к застекленному шкафу с оружием, где вместе с коробками патронов хранились два ружья, пара автоматических винчестеров, кольт сорок пятого калибра в поясной кобуре из телячьей кожи и револьвер тридцать восьмого калибра в наплечной кобуре.

— Да у вас тут целый арсенал, — заметил мужчина. — Вам приходилось его использовать?

— Да разве скажешь, когда оно понадобится. Одно ружье газовое. — Шерифа раздражала отеческая гордость: деньги на это приобретение он выдирал у городского совета зубами и ногтями. — Когда живешь бок о бок с мексикашками, надо быть готовым ко всему.

— Понятно, — сказал мужчина.

Вошел запыхавшийся Джонни Бретт. Через год мэр Инферно отмечал свое пятидесятилетие, а в свое время этот широкоплечий здоровяк был бригадиром смены проходчиков на медном руднике. Он принес с собой ощущение опустошенной усталости. Глаза Джонни напоминали глаза гончей, которой часто достаются пинки. Он в полной мере сознавал, какой властью обладает здесь Мэк Кейд — Кейд платил и ему, не только Вэнсу. Джонни нервно кивнул представителям ВВС и, не скрывая растерянности, стал ждать, что они скажут.

— Я — полковник Мэтт Роудс, — представился мужчина постарше, — а это мой помощник, капитан Дэвид Ганнистон. Извините за вторжение, но дело не терпит отлагательств. — Он взглянул на часы. — Около трех часов назад в земную атмосферу вошел семитонный метеорит. Он упал приблизительно в пятнадцати милях к юго-юго-западу от вашего города. Мы отследили его радаром и полагали, что основная его масса сгорит. Вышло иначе. — Полковник посмотрел на шерифа, потом на мэра. — В итоге неподалеку отсюда лежит гость из далекого космоса, а значит, возникает проблема безопасности.

— Метеорит! — Вэнс взволнованно ухмыльнулся. — Вы шутите!

Полковник Роудс задержал на нем твердый спокойный взгляд.

— Я не склонен шутить, — с ледяным спокойствием ответил он. — Закавыка вот в чем: наш приятель выделил некоторое количество тепла. Оно радиоактивно, и...

— Господи! — ахнул Бретт.

— ...и радиация, вероятно, распространится в данном квадрате, — продолжил Роудс. — Не хочу сказать, что она представляет непосредственную угрозу, но лучше было бы, если бы жители Инферно как можно меньше выходили из дома.

— Будьте спокойны, в такой жаркий день вряд ли кто полезет на улицу, — сказал Вэнс и нахмурился. — Гм... что, от этой дряни бывает рак?

— Не думаю, что уровень радиации в данном районе окажется критическим. Наши метеорологи говорят, что почти все ветер унесет на юг, за горы Чинати. Однако, джентльмены, от вас требуется помощь в иной области. Военно-воздушным силам требуется вывезти гостя отсюда в безопасное место. Я — ответственный за транспортировку. — Взгляд полковника метнулся к часам на стене. — К четырнадцати ноль-ноль, то есть к двум часам, я ожидаю два грузовых трейлера. Один подвезет кран, а на втором будет написано «Объединенные перевозки». Чтобы добраться до точки падения метеорита, им придется проехать через ваш город. Оказавшись на месте, моя команда начнет разбивать метеорит на части, чтобы погрузить его и вывезти. Если все пройдет по плану, к двадцати четырем ноль-ноль нас здесь не будет.

— К двенадцати ночи, — перевел Дэнни. Он разбирался в военном отсчете времени, поскольку когда-то хотел стать военным, но отец отговорил его.

— Совершенно верно. Так вот о чем я хочу вас попросить, господа: помогите нам избежать огласки, — продолжал Роудс. — Те, кто видел, как метеорит пролетал над Лаббоком, Одессой и Форт-Стоктоном, уже бомбардируют Уэбб звонками — но, разумеется, при такой высоте полета разобрать ничего не удалось, поэтому они сообщают, что видели НЛО. — Он снова улыбнулся. Помощник шерифа, сам шериф и мэр натянуто улыбнулись в ответ. — Вполне естественно, не так ли?

— Как пить дать! — согласился Вэнс. — Небось, от тех, кто помешался на летающих блюдах, деваться некуда!

— Да. — Улыбка полковника едва заметно поблекла, но никто этого не заметил. — Вот именно. Как бы то ни было, мы не хотим, чтобы в нашу работу вмешивались штатские, а уж чтобы вокруг шныряли репортеры, и подавно. Военно-воздушные силы не желают нести ответственность в том случае, если какая-нибудь газетная ищейка облучится. Шериф, вы с мэром способны плотно проконтролировать ситуацию?

— Да, сэр! — с чувством заявил Вэнс. — Только скажите, что нужно сделать!

— Во-первых, я не хочу, чтобы вы поощряли любопытных. Конечно, мы создадим на месте собственный периметр безопасности, но я не желаю, чтобы там толклись зеваки. Во-вторых, я хочу, чтобы особый упор был сделан на радиационной опасности. Не то чтобы это непременно соответствовало истине, но слегка пугнуть публику не вредно. Отбивает охоту путаться под ногами, верно?

— Верно, — согласился Вэнс.

— В-третьих, чтобы рядом с точкой, о которой идет речь, духу не было людей из средств массовой информации. — Глаза полковника снова стали холодными. — Мы будем патрулировать зону падения на вертолетах, но со звонками с телевидения, радио и из газет управ-

ляйтесь сами. База Уэбб информации давать не будет. Притворитесь немыми и вы. Как я уже сказал, штатские в этой зоне мне ни к чему. Ясно?

— Как стеклышко.

— Хорошо. Тогда, думаю, все. Ганни, у тебя есть вопросы?

— Только один, сэр. — Ганнистон перевернул еще одну страницу в блокноте. — Шериф Вэнс, кому принадлежит небольшой светло-зеленый пикап с надписью «Ветеринарная лечебница Инферно»? Регистрационный номер: «Техас» шесть-два...

— Доктору Джесси, — ответил Вэнс. — То есть Джессике Хэммонд. Она ветеринар. — Ганнистон вытащил ручку и записал фамилию. — А что?

— Мы видели, как этот пикап вытаскивали на буксире из зоны падения метеорита, — сказал полковник Роудс. — Его отвели на станцию техобслуживания, парой улиц дальше. Вероятно, доктор Хэммонд видела пролетавший объект. Мы хотим задать ей несколько вопросов.

— Она женщина славная, ей-Богу. И неглупая. Верите, не боится делать такое, что мужик-ветеринар в жизни не...

— Спасибо. — Ганнистон вернул ручку с блокнотом в карман.

— Ребята, если еще нужна будет помощь, вы только шепните.

Роудс с Ганнистоном, закончив свое дело, шли к двери.

— Шепнем, — сказал Роудс. — Еще раз извините за переполох.

— Да ладно. Вашими молитвами теперь у всех есть, о чем побазарить за обедом!

— Надеюсь, базара будет немного.

— А. Да, верно. Ни о чем не беспокойтесь. На Эда Вэнса можно положиться, да, сэр!

— Я знаю. Спасибо, шериф. — Роудс пожал Вэнсу руку, и на мгновение шерифу показалось, что сейчас костяшки его пальцев лопнут. Потом Роудс отпустил болезненно улыбавшегося Вэнса, и офицеры ВВС вышли из конторы на раскаленный белый свет.

— Ух ты, — Вэнс растирал ноющие пальцы. — А с виду и не скажешь, что этот хмырь такой сильный.

— Погодите, мужики, вот я расскажу Дорис! — Голос мэра дрожал от переполнявших его чувств. — Я встретился с настоящим полковником! Батюшки, да она не поверит ни единому слову!

Дэнни подошел к окну и, выглянув сквозь жалюзи, посмотрел вслед летчикам, удалявшимся в сторону Республиканской дороги. Он задумчиво нахмурился и ободрал заусенец.

— Объект, — проговорил он.

— А? Ты что-то сказал, Дэнни?

— Объект. — Дэнни повернулся к Вэнсу и Бретту. Он уже разобрался, что его тревожит. — Этот полковник сказал, что доктор Хэммонд, вероятно, видела пролетающий «объект». Почему он не сказал «метеорит»?

Вэнс погрузился в молчание. Лицо шерифа ничего не выражало. Мыслительные процессы протекали у него не слишком быстро.

— А разве это не все равно? — наконец спросил он.

— Да, сэр. Мне просто интересно, почему он так сказал.

— Да ладно, Дэнни, денежки ты получаешь не за то, чтобы любопытничать. Мы получили приказ военно-воздушных сил Соединенных Штатов и будем делать то, что велит полковник Роудс.

Дэнни кивнул и вернулся за свой стол.

— Живой полковник-военлет! — снова восхитился мэр Бретт. — Елки-палки! Пойду-ка я к себе в контору — вдруг будут звонить и узнавать, что тут за шум. Думаю, мысль неплохая?

Вэнс кивнул. Джонни Бретт заспешил к дверям и чуть ли не бегом ринулся к зданию банка, где электрическое табло показывало 87 градусов по Фаренгейту, десять часов девятнадцать минут утра.

КРЕСТИКИ-НОЛИКИ

Когда Ксавьер Мендоса загнал машину техпомощи на станцию обслуживания и выключил мотор, Джесси увидела, что в Престон-парке приземляется вертолет. Пока Мендоса и тощий, угрюмый подросток-апач Санни Кроуфилд трудились, отцепляя пикап и перемещая его в ремонтную зону гаража, Стиви с черной сферой в ладонях отошла в сторонку. Ее ничуть не заинтересовал ни вертолет, ни то, что может означать его присутствие.

Съехав с Республиканской дороги, возле гаражей остановился некогда ярко-красный, а теперь выгоревший на солнце до розоватого «бьюик». «Здорово, док!» — крикнул сидевший за рулем мужчина. Он вылез из машины, и глазам Джесси стало больно: на Хитрюге Криче был спортивный пиджак в зеленую и оранжевую клетку. Хитрюга бодро направился к Джесси. Толстая круглая физиономия сияла, широкая улыбка открывала ослепительно белые зубы. Один взгляд на пикап — и Хитрюга прирос к месту.

— Ёлкин дуб! Это мало сказать инвалид, это *труп!*

— Да, дело плохо.

Крич заглянул в искромсанный мотор и присвистнул.

— Упокой, Господи, его душу. Или, я бы сказал, тушу. — И сдавленно хихикнул, отчего Джесси пришел на ум цыпленок, с кудахтаньем протискивающийся на волю сквозь плотную скорлупу яйца. Увидев, что Джесси не разделяет его веселого настроения, Хитрюга мигом опомнился. — Простите. Я знаю, что этот пикапчик набегал для вас уйму миль. Слава Богу, никто не пострадал... э... ведь вы со Стиви в порядке, правда?

— Я-то да. — Джесси посмотрела на дочку. Стиви отыскала у дальнего угла здания островок тени и, похоже, всю изучала черный шар. — А Стиви... пережила потрясение, но все обошлось. В смысле, никаких повреждений.

— Рад слышать, честное слово. — Крич выудил из нагрудного кармана пиджака лимонно-желтый носовой платок в узорчатую поло-

ску и промокнул потное лицо. Желтыми, почти того же оттенка, были и брюки Хитрюги, а из-под них выглядывали двухцветные башмаки — желтый верх, белый низ. Вообще у Хитрюги был целый шкаф костюмов из пронзительно-яркого полиэстера всех цветов радуги, и хотя Крич с жадностью читал «Эсквайра» и «Джи-Кью», утонченности в его вкусах и чувстве моды было столько же, сколько в субботнем вечернем родео. Жена Крича, Джинджер, клялась, что разведется с ним, если он еще хоть раз наденет в церковь свой красный костюм с отливом. Хитрюга верил в могущество имиджа, о чем часто говорил и жене, и всякому, кто соглашался слушать. «Если боишься, что люди обратят на тебя внимание, — говаривал Хитрюга, — можешь спокойно сесть на землю, пускай засосет тебя целиком». Крич, крупный, корпулентный мужчина, разменявший пятый десяток, всегда был готов быстро улыбнуться и пожать руку и почти каждому жителю Инферно продал ту или иную форму страховки. С широкого румяного лица глядели голубые, как пленка младенца, глазки, а обширную лысину окаймляла рыжая бахрома, да спереди красовался крохотный пучок рыжих волос, который Хитрюга аккуратно причесывал.

Он дотронулся до отверстия, зиявшего в моторе пикапа.

— Док, похоже, в вас бабахнули из пушки. Не хотите рассказать, что стряслось?

Джесси взялась рассказывать. Отметив, что Стиви стоит неподалеку, она все внимание сосредоточила на изложении событий Хитрюге Кричу.

Стиви, уютно устроившись в прохладной тени, смотрела, как черный шар творит чудеса. На его поверхности снова стали проступать ярко-синие отпечатки ее пальцев, цветом напомнившие девочке океан, каким его рисуют, а еще — бассейн в далласском мотеле, где Хэммонды отдыхали прошлым летом. Нарисовав ногтем кактус, Стиви полюбовалась тем, как синяя картинка медленно расплылась и исчезла. Она рисовала каракули, спиральки, круги, и все картинки медленно опускались вниз, к темному центру шара. «Даже лучше, чем рисовальное желе! — подумала она. — И убирать ничего не надо, и краску никак не разольешь... правда, цвет только один, но это ничего, он такой красивенький!»

Стиви осенило. Девочка нарисовала на черном шаре клеточки и принялась заполнять их «Х» и «О». Она знала, что эта игра называется крестики-нолики. В нее очень здорово играл папа, он и научил Стиви. Она сама заполнила все клетки крестиками и ноликами и обнаружила, что цепочка ноликов в нижнем ряду соединилась. Клеточки уплыли внутрь, и Стиви начертила новые. На этот раз выиграли сложившиеся в диагональ крестики. Клеточки снова уплыли, пришлось нарисовать решеточку в третий раз. Опять выиграли крестики. Вспомнив, как папа говорил, что самое главное — середина, Стиви вписала туда первый нолик, и, действительно, нолики выиграли.

— Чё тут у тебя, малявка?

Стиви испуганно подняла голову. На нее глазел Санни Кроуфилд. Черные волосы свисали на плечи, из-под густых черных бровей смотрели такие же черные глаза.

— Чё это? — спросил Санни, вытирая грязные руки ветошью. — Игрушка?

Она молча кивнула.

Он хмыкнул.

— А по-моему, похоже на кусок говна. — Санни чихнул. Тут его позвал Мендоса, и он вернулся в гараж.

— Сам ты кусок говна, — сказала Стиви в спину Кроуфилду, но не слишком громко, поскольку знала: «*говно*» — слово нехорошее. Потом девочка опять посмотрела на черный шар и, ахнув, затаила дыхание.

На черной поверхности опять синели клеточки. В них было полно крестиков и ноликов, и крестики выиграли, заполнив верхний ряд.

Клеточки медленно растаяли, уйдя в глубину.

Стиви их не рисовала. Как не рисовала и ту идеально правильную решетку, которая начала проступать на черной поверхности, выведенная такими тонкими штрихами, словно их оставила бритва.

Стиви разжала пальцы и чуть не выронила шар, но вспомнила, что мама велела обращаться с ним осторожно. Через секунду-другую клеточки для игры были готовы. Начали появляться крестики и нолики. Стиви стала звать маму, но Джесси еще разговаривала с Хитрюгой Кричем. Девочка посмотрела, как заполняются клетки, а потом, повинувшись внезапному порыву, дождалась, чтобы внутренний палец шара дописал нолик, и сама вписала в одну из них крестик.

Никакой реакции. Клетки медленно исчезли.

Прошло несколько секунд. Шар оставался совершенно черным.

«Сломала, — печально подумала Стиви. — Он больше не играет!»

Но в глубине сферы возникло какое-то движение — непродолжительная вспышка быстро побледневшего синего цвета. К поверхности снова поплыли бритвенно-тонкие пересекающиеся линии, и на глазах у Стиви в центральной клетке возник нолик. Потом наступила пауза; у девочки екнуло сердце — она поняла: что бы ни находилось внутри черного шара, оно приглашает ее поиграть. Она выбрала клеточку в нижнем ряду и вписала туда крестик. Вверху слева появился нолик, после чего опять наступила пауза, чтобы Стиви могла обдумать ход.

Партия закончилась быстро диагональю ноликов, шедшей сверху вниз справа налево.

Как только растаял последний штрих, появилась новая решетка, и в центре снова нарисовали нолик. Стиви нахмурилась. Кто бы ни сидел в шаре, он слишком хорошо понял, как надо играть. Но она смело сделала ход — и проиграла даже быстрее, чем в прошлый раз.

— Стиви, покажи мистеру Кричу, что в нас попало.

Девочка испуганно вздрогнула. Неподалеку стояла мама с Хитрюгой Кричем. Но они не видели, чем она занята. Стиви подумала, что

пиджак мистера Крича выглядит так, словно тот, кто его шил, держал палец в розетке.

— Можно взглянуть, золотишко? — с улыбкой спросил Хитрюга и протянул руку.

Девочка медлила. Шар опять стал прохладным и совершенно черным, от клеток не осталось и следа. Ей не хотелось уступать шар этой чужой ручище. Но мать наблюдала за ней, ожидая повиновения. Понимая, что в своем непослушании зашла сегодня гораздо дальше, чем следовало, Стиви протянула Хитрюге черный шар — и, едва выпустив его из рук в ладонь мистера Крича, снова услышала вздохи поющих для нее ветряных курантов.

— И вот *это* разворотило мотор? — Крич тупо заморгал, взвешивая предмет на ладони. — Док, вы уверены?

— Целиком и полностью. Я знаю, что он легкий, но габариты соответствуют. Я же сказала: он пробил мотор насквозь и застрял под крылом, над колесом.

— Непостижимо, как такая штука могла протаранить металл. На ощупь похоже на стекло, что ли. Или на мокрый пластик. — Он быстро провел пальцами по гладкой поверхности. Стиви заметила, что никаких синих следов при этом не осталось. Мелодичный звон ветряных курантов был настойчивым, жалобным, и Стиви подумала: «Ему нужна я». — Стало быть, его вынесло из той штуки, что пролетела мимо вас, да? — Хитрюга Крич поднес шар к солнцу, но ничего не разглядел внутри. — Первый раз вижу такое. *Что это?* Есть идеи?

— Никаких, — откликнулась Джесси. — Может быть, знают те, кто прилетел на вертолете. За той штукой их гналось целых три.

— Честно говоря, ума не приложу, что написать в отчете, — признался Крич. — Я хочу сказать, от столкновения и повреждений вы, конечно, застрахованы, но вряд ли в «Гордости Техаса» поймут, как детский пластмассовый мячик, ударив с разгона в мотор пикапа, пробил в нем дыру. Что вы собираетесь с ним делать?

— Вот закончим здесь и сразу сядим его Вэнсу.

— Что ж, рад буду подвезти. Думаю, ваш пикап отъездился.

— Мама, — спросила Стиви, — а что шериф с ним сделает?

— Не знаю. Может быть, отошлет куда-нибудь, выяснить, что это такое. А может, попробует его вскрыть.

Перезвон ветряных курантов взывал к Стиви. Она подумала, что черный шар умоляет: «Забери меня обратно». Конечно, девочка не могла понять, отчего мама и мистер Крич не слышат ветряных курантов или что именно создает музыку, но сама слышала ее, словно зов товарища по играм. «Попробует вскрыть», — повторила она про себя и внутренне содрогнулась. Нет-нет. Нет, это было бы ужасно. Ведь если взломать ракушку, тому, кто сидит внутри, будет больно. О нет! Стиви умоляюще взглянула на мать:

— Нам *обязательно* надо отдавать его? А нельзя просто забрать его домой и оставить себе?

— Боюсь, что нельзя, киска. — Джесси коснулась щеки дочки. — Извини, но мы должны отдать это шерифу. Хорошо?

Стиви не отвечала. Мистер Крич некрепко держал шар в опущенной руке.

— Ну, — сказал мистер Крич, — пора к Вэнсу? — И начал поворачиваться к своей машине.

Музыка горестно возвала к девочке и придавала ей храбрости. На Стиви нахлынули такие мысли, каких у нее никогда не бывало; претворить их в жизнь значило напроситься на верную порку, но девочка понимала: шанс у нее только один. Потом она сумеет объяснить свой поступок, а «потом» всегда кажется таким далеким...

Мистер Крич сделал шаг к машине. Стиви стрелой метнулась вперед, мимо матери, и выхватила черный шар из руки Хитрюги. Как только пальцы девочки охватили шар, ветряные куранты смолкли, и Стиви поняла, что поступила правильно.

— Стиви! — вскрикнула потрясенная Джесси. — Сейчас же отдай...

Но девчушка уже мчалась прочь, крепко прижимая к себе черный шар. Она забежала за угол заправочной станции Мендосы, выскочила из тени на солнце, чуть не попала под мусоровоз и проскочила между двумя огромными кактусами с мистера Крича вышиной.

— Стиви! — Джесси свернула за угол и увидела, как девчурка перебегает чей-то задний двор, направляясь в сторону Брасос-стрит. — *Сию же минуту* вернись! — крикнула она, но Стиви будто не слышала, и Джесси стало ясно, что дочка не намерена останавливаться. Она пробежала вдоль проволочной сетчатой ограды, свернула за угол, оказалась на Брасос-стрит и скрылась из глаз. — *Стиви!* — предприняла Джесси еще одну тщетную попытку.

— По-моему, она хочет оставить эту штуку себе, а? — спросил Крич, останавливаясь у Джесси за спиной.

— Не знаю, что на нее нашло! Клянусь, с тех пор, как в нас угодила эта штука, девчонка точно взбесилась! Извините, Хитрюга. Я не...

— Да бросьте. — Крич хмыкнул и покачал головой. — Хочет бегать, пусть бегаёт, на то и дети, верно?

— Наверное, полетела домой. Ах ты черт! — Джесси была так огорошена, что едва могла говорить. — Не подбросите меня?

— О чем речь. Пошли.

Они поспешно вернулись за угол, к «бьюику» Крича... и обнаружили, что у машины стоят двое, один — в форме военного летчика.

— Доктор Хэммонд? — выступая вперед, сказал темноволосый, стриженный ежиком мужчина. — Надо поговорить.

СИНЯЯ ПУСТОТА

Баякая в ладонях черный шар, Стиви добежала до дома и остановилась, чтобы найти под окном эркера белый камень — если вытащить его, открывался доступ к засунутому вглубь запасному ключу от входной двери. Девочка запыхалась, ее все еще трясло: на Брасос-стрит за ней погналась собака. Собака, крупный доберман, зарычала и рванулась к Стиви, но цепь, тянувшаяся к столбу во дворе, с лязгом отбросила пса назад. Стиви даже не остановилась показать собаке нос, понимая, что мама с мистером Кричем едут за ней.

Она нашла белый камень и ключ и вошла в дом, где кондиционированный воздух остудил потное, разгоряченное тело. Стиви пошла на кухню, подтащила к шкафчику стул, залезла на него, достала стакан и налила себе холодной воды из кувшина, который стоял в холодильнике. Черный шар по-прежнему сохранял прохладу. Она обтерла им щеки и лоб и прислушалась, не тормозит ли перед домом машина мистера Крича. Нет еще, но скоро взрослые должны были подъехать.

— Тебя хотят вскрыть, — сказала девочка своему новому приятелю, прятавшемуся в шаре. — По-моему, это будет не очень-то приятно, правда?

Разумеется, шар не ответил. Он знал, как играют в крестики-нолики, но говорить не умел, только петь.

Стиви унесла шар к себе в комнату и задумалась, не спрятать ли его. Конечно, когда Стиви объяснит про музыку и расскажет, что в самой глубине черного шара сидит кто-то, кто с ней играет, мама не заставит ее отдать шар. Она мысленно перебрала места, куда его можно было спрятать: под кровать, в шкаф, в комод, в ящик с игрушками. Нет, ни один тайник не казался достаточно надежным. Машины мистера Крича все не было; у Стиви оставалось время найти хорошее укрытие.

Девочка как раз раздумывала над этим, когда зазвонил телефон. Он звонил, не переставая, и Стиви решила подойти, поскольку на данный момент была хозяйкой дома. Она сняла трубку.

— Алё?

— Вы, барышня, заработали порку! — Сквозь притворное бешенство в голосе Джесси пробивалось неподдельное облегчение. — Ты могла попасть под машину... да мало ли что!

Стиви решила, что про собаку лучше умолчать.

— Со мной все в порядке.

— Я хочу знать, что это ты вытворяешь! Сегодня ты меня очень огорчила тем, как вела себя!

— Прости пожалуйста, — тихонько сказала Стиви. — Но я опять услышала пение и *должна была* забрать шар у мистера Крича. Я не хочу, чтобы его сломали!

— Это не нам решать. Стиви, ты меня удивляешь! Ты никогда так не вела себя!

Глаза Стиви обожгло слезами. Такой мамин голос был хуже всякой порки. Мама не слышала пения и не понимала, что в шаре тот, кто с ней играет.

— Я больше не буду, мама, — пообещала она.

— Ты меня очень разочаровала. Я полагала, что воспитала тебя лучше. А сейчас послушай-ка меня: я все еще у мистера Мендосы, но скоро приеду домой. И хочу, чтобы ты никуда не уходила. Слышишь?

— Да, мам.

— Ну, хорошо. — Джесси помолчала; она злилась, но не настолько, чтобы просто повесить трубку. — Ты меня напугала. Кто же так бежит? С тобой могло что-нибудь случиться. Ты понимаешь, почему я расстроилась?

— Да. Я плохо себя вела.

— Не просто плохо, а *очень* плохо, — поправила Джесси. — Но об этом мы поговорим, когда я приеду домой. Я очень люблю тебя, Стиви, вот почему я так рассердилась. Понимаешь?

Девочка сказала:

— Да, мам. Я тебя тоже люблю. Прости меня.

— Ладно. Будь дома, я скоро приеду. Пока.

— Пока

Они одновременно повесили трубки. На станции техобслуживания Джесси повернулась к полковнику Роудсу и сказала:

— Метеорит! Держи карман шире.

Слезы у Стиви высохли. Она вернулась в свою комнату к черному шару. На его поверхности проступили синие пятнышки. Спрятать его? Теперь от этой мысли делалось не по себе. Но отдавать нового приятеля, чтобы его разломали на куски, тоже не хотелось. Плохо-го — нет, *очень плохого* — поведения для одного дня было достаточно; как следовало поступить? Стиви прошла через комнату к окну и посмотрела на выбеленную солнцем улицу, пытаясь угадать, что же правильно: пойти наперекор матери и спрятать черный шар или отдать его на растерзание. Тут девочка зашла в тупик и решила до появления машины мистера Крича по возможности развлекать нового товарища.

Стиви рассеянно подошла к стоявшим на столике стеклянным фигуркам. Внутри черного шара появилась синяя черточка, словно начал открываться глаз. Девочка сказала: «Балерина», и показала на свою любимую статуэтку, стеклянную танцовщицу.

— А это лошадка. Как Душистый Горошек, только Душистый Горошек настоящий, а эта — стеклянная. Душистый Горошек — пал... пол... — Некоторые слова все еще вызывали у Стиви затруднения. — Полумино, — сдавшись, выговорила девочка и показала на следующую фигурку: — Мышка. Знаешь, что такое мышка? Она ест сыр и не любит кошек.

В центре черной сферы взорвался фейерверк синих искорок.

Стиви взяла с кровати куклу, Энн-Оборвашку.

— Это Энни Ларедо. Энни, скажи: «Здрасте». Скажи: «Мы так рады, что вы сегодня к нам заглянули». «Энни — девочка с родео», — объяснила она черному шару, подошла к своей доске объявлений, где папа помог ей развесить вырезанные из ватмана буквы, и показала на первую. — А... Бэ... Вэ... Гэ... Дэ... Е... Жэ... это алфавит. Знаешь, что такое алфавит? — Стиви пришла в голову очень важная мысль. — Ты же даже не знаешь, как меня зовут! — сказала она и поднесла шар к лицу. В середине переливались разные краски, словно шар был аквариумом, где плавала красивая рыбка. — Я Стиви. Я знаю, как пишется: Сэ-Тэ-И-Вэ-И. Стиви. Это я.

На той же доске объявлений висели вырезанные из журналов звери и насекомые. Подняв шар так, чтобы новый приятель их видел, Стиви принялась дотрагиваться до картинок и называть:

— Лев... из джунглей. Ст... стыр... такая большая птица. Дельфин, — Стиви выговаривала *дифин*, — они плавают в океане. Орел... летает высоко-высоко. Кузнечик... кузнечики много прыгают. — Девочка подошла к последней картинке. — Скор... скорп... кусака, — выговорила она и все-таки дотронулась до фотографии, хотя любила ее меньше всего. Скорпиона отец повесил просто как напоминание не ходить по улице босиком.

В центре сферы заклубилось что-то вроде крошечных молний; они поднялись к внутренней поверхности шара и заплясали по ней. Короткий контакт с пальцами Стиви, и в руке девочки возникло ощущение холодного покалывания, которое мгновенно распространилось до самого локтя и исчезло. Оно ошеломило и испугало Стиви, но боли не причинило. Она смотрела, как молнии внутри шара описывают дуги, вспыхивают и гаснут, а сверкающе-синий центр растет.

Скорее зачарованная, чем напуганная, Стиви держала шар обеими руками. Молнии раскручивались, касаясь ее ладоней. Несколько секунд девочке казалось, что она слышит потрескивание своих волос, похожее на хруст рисовых хлебцев. Она подумала: может быть, пора положить черный шар? В нем, расходясь все сильнее, бушевала гроза, и Стиви пришло в голову, что новому приятелю могло не понравиться что-то из увиденного на доске объявлений.

Девочка сделала два шага к кровати, намереваясь осторожно положить шар и дожидаться маминого возвращения.

Но-больше не сделала ни шагу.

Черный шар внезапно взорвался раскаленной, пугающей синевой. Стиви хотела разжать пальцы и бросить его, но опоздала.

С поверхности шара сорвались крохотные молнии. Они оплели пальцы девочки, пробежали вверх по рукам и плечам, дымком обвили вокруг шеи, взлетели к ноздрям и широко раскрытым глазам, коконом окутывая голову, проникая под череп. Боли не было, но уши заполнил тихий рокот, похожий не то на далекий гром, не то на ровный повелительный голос, какого Стиви еще не слышала. По волосам Стиви прыгали искры, голова запрокинулась, а рот раскрылся в тихом, потрясенном «Ох!»

Запахло горелым. «Мои волосы!» — мелькнула у Стиви шальная мысль. Девочка попыталась сбить пламя ладонями, но руки отказывались повиноваться. Ей захотелось кричать, глаза затуманились слезами, но звучащий в голове раскатистый голос стал еще громче и поглотил все чувства. Стиви почудилось, будто неведомые волны подхватили ее и утащили вниз, в бездонный синий омут. Там оказалось прохладно и тихо, гроза бушевала где-то далеко. Вокруг сомкнулась синяя пустота, которая держала крепко и утягивала все глубже. Стиви покинула свое тело и превратилась в свет, стала легкой, как перышко на ветру. Ничего страшного в этом не было, но Стиви не переставала изумляться, как это она не боится или, по крайней мере, не плачет. Девочка не противилась — казалось, сопротивляться нехорошо. Хорошо было опуститься вниз, в синеву, в царство покоя, уснуть, погрузиться в мир сновидений... Стиви не сомневалась: сны живут именно здесь, и, если не противиться, они придут к ней.

Девочка уснула в синих потоках, и первое видение приняло обличье Душистого Горошка; мама с папой уже сидели на спине золотистого коня и торопили ее присоединиться к ним, чтобы провести долгий день, где нет печали, лишь чистое голубое небо да солнечный свет.

Стиви упала на спину, ударившись правым плечом о пол. Синий пульсирующий шар выпал из застывших рук и закатился под кровать, где мало-помалу снова стал черным, как смоль.

ПРЕВРАЩЕНИЕ

— Не знаю, в чем вы пытаетесь меня убедить, — сказала Джесси, — но это был никакой не метеорит. Вы это знаете не хуже меня.

Мэтт Роудс украдкой улыбнулся и закурил.

Они с Джесси сидели друг напротив друга за отдельным столиком в «Клейме» на Селеста-стрит. «Клеймо» было заведением маленьким, но чистым, с красными клетчатыми скатерками, табуретками из красного винила и стенами, украшенными, соответственно вывеске, клеймами. На тарелке перед Роудсом лежали остатки фирменного блюда, «бигбибургера» — котлеты с выжженным на ней двойным «X», фирменным знаком «Клейма».

— Ладно, доктор Хэммонд, — сказал полковник, затягиваясь. — Тогда скажите мне, что это было.

Джесси пожала плечами.

— Интересно, откуда мне знать? Я же не служу в ВВС.

— Нет, но вы, кажется, видели объект достаточно ясно. Давайте, выкладывайте.

Подошла с кофейником Сью Маллинэкс, ярко покрашенная крупная блондинка с пышными бедрами и нежными, детскими карими глазами. Десять лет назад Сью была главной мажореткой в команде болельщиков средней школы имени Престона. Налив Джесси и полковнику еще по чашке кофе, Сью удалилась, оставив после себя аромат «Джорджо».

— Это был какой-то механизм, — решила Джесси, когда Сью отошла достаточно далеко. — Какой-нибудь секретный самолет. Вроде одного из этих бомбардировщиков, «стелсов»...

Роудс расхохотался, пуская из ноздрей сигаретный дым.

— Вы читаете слишком много шпионских романов! Про «стелс» теперь знает каждая собака; будьте уверены, это уже не секрет.

— Ну, не «стелс», так что-нибудь такое же важное, — ничуть не смутившись, продолжала Джесси. — Я видела обломок этой штуки, покрытый какими-то символами. Мне кажется, они японские. Или,

может, японские и русские. В английском таких букв точно нет. Не хотите просветить меня на этот счет?

Улыбка полковника растаяла. Он посмотрел в окно, продемонстрировав Джесси ястребиный профиль. Неподдалеку, посреди Престон-парка, все еще стоял вертолет. К нему стекалась толпа. Капитан Ганнистон сидел за стойкой и пил кофе, а Сесил Торсби, пузатый повар и хозяин кафе, донимал его вопросами. Полковник сказал:

— Думаю, мы вернулись к моему первому вопросу. Я хотел бы знать, что повредило ваш пикап.

— А я хотела бы знать, что упало. — Джесси решила молчать про черную сферу до тех пор, пока полковник хоть что-нибудь не расскажет. Стиви обращалась с шаром как будто бы осторожно, поэтому отдавать его было не к спеху.

Роудс вздохнул и всмотрелся в нее прищуренными холодными глазами:

— Не знаю, кем вы себя воображаете, но...

— *Врачом*, — сказала Джесси. — Я — врач. И прекратите снисходить до меня.

Роудс кивнул.

— Ладно, доктор. — «Меняем тактику, — подумал он. — Дамочка — не такое дубовое полено, как шериф с мэром». — Хорошо. Но, если я расскажу вам, что это было, вам придется дать целую кучу подписок о неразглашении с грифом «Совершенно секретно». Может быть, даже съездить на Уэбб. Одной этой канцелярщины довольно, чтобы довести до слез и крепкого мужика, но после того, как вы по уши утонете в бумажках, вас еще заставят присягнуть, что под страхом бесплатного жилья и кормежки за счет дяди Сэма на *очень* долгий срок вы ни словом ни о чем не обмолвитесь. — Роудс помолчал, чтобы Джесси прочувствовала перспективу. — Вы *этого* хотите, доктор Хэммонд?

— Я хочу слышать правду, а не всякую чушь. И немедленно. А уж потом расскажу вам, что знаю я.

Полковник сжал кулак и изо всех сил постарался принять неопишимо злобеший вид.

— Несколько месяцев назад мы заманили в ловушку советский вертолет. Пилот летел в Японию, но нарушил присягу и переметнулся к нам. Вертолет ломился от оружия, инфракрасных приборов и сенсоров, вдобавок там установлена лазерная система наведения на цель, которую мы уже давно хотели прибрать к рукам. — Роудс затаился. Кроме Ганнистона, Сесила и Сью Маллинэкс в кафе никого не было, но он понизил голос почти до шепота. — Это оборудование проходило проверку на авиабазе Холломэн в Нью-Мексико, и тут случилась неприятность. Один из техников, допущенных к секретным работам, оказался тайным агентом. Он угнал вертолет. База Холломэн запросила помощи, поскольку вертолет взял курс на Мексиканский залив. Возможно, его должны были встретить советские истребители

с Кубы. В общем, мы его сбили. Выбирать не приходилось. Как раз когда вертолет перерезал вам дорогу, он разлетелся на куски. Теперь нам надо собрать их и убраться отсюда до того, как нас выследят репортеры. — Роудс ткнул сигарету в пепельницу. — Вот так. Если мы не будем держать язык за зубами, на следующей неделе все это вы сможете прочесть в «Тайм».

Джесси внимательно наблюдала за ним. Полковник настойчиво лишал свою сигарету всяких признаков жизни. Джесси сказала:

— Я не видела никаких винтов.

— Господи! — Роудс сказал это чуть громче, чем следовало, и Сесил с Ганнистоном посмотрели в их сторону. — Доктор Хэммонд, я сообщил вам то, что знаю. Хотите верьте, хотите нет. Но не забывайте вот о чем: вы скрываете информацию от правительства Соединенных Штатов и можете по собственной вине оказаться в крайне неприятной ситуации. Вместе с семьей.

— Нечего мне угрожать.

— Нечего водить нас за нос! Вот что: в ваш пикап угодил кусок этой машины? Что именно произошло?

Джесси допила кофе, чтобы потянуть время. Никаких винтов она не заметила; как же это мог быть вертолет? Однако все произошло так быстро... Может быть, она не помнит, что видела... или, может, винты отвалились раньше? Роудс ждал ответа, и Джесси поняла, что говорить придется.

— Да, — сказала она, — обломок этой штуки угодил в мой пикап и насквозь пробил мотор — вы же видели дыру. Это была черная сфера, примерно вот такой величины. — Джесси показала. — Она отлетела от вашей штуковины и угодила прямо в нас. Но на самом деле странно другое: весит эта сфера вроде бы всего несколько унций, сделана то ли из стекла, то ли из пластика, и на ней нет ни царапинки. Я ничего не знаю о технологии русских, но, если они умеют делать твердую мастику для натирки полов, нам необходимо прибрать к рукам...

— Минуточку, пожалуйста. — Роудс подался вперед. — Черная сфера. Вы в самом деле брали ее в руки? Разве она не была горячей?

— Нет. Она, как ни странно, была холодная, хотя другие обломки еще дымились.

— На сфере тоже были значки?

Джесси потрясла головой.

— Нет, никаких.

— Ладно. — В голосе полковника пробилось волнение. — И вы, значит, оставили сферу там, где стоял ваш пикап?

— Нет. Мы взяли ее с собой.

Полковник Роудс вытаращил глаза.

— Сейчас она у моей дочки. У нас дома. — Джесси не понравилось изумленное выражение лица Роудса и забившаяся у виска жилка. — А что? Что это такое? Какой-нибудь компью...

— Ганни! — Роудс встал, и Ганнистон мигом снялся с табуретки у стойки. — Расплатись! — Он взял Джесси за локоть, но она вырвалась. Он опять взял ее за локоть и крепко сжал. — Доктор Хэммонд, пожалуйста, проводите нас к себе. Чем скорее, тем лучше!

Они вышли из «Клейма». На улице Джесси сердито вырвалась от полковника. Роудс больше не пытался схватить ее за руку, однако шел рядом, а Ганнистон — в нескольких шагах позади. Они стороной обошли Престон-парк, чтобы не попасться на глаза зевакам, донимавшим пилота вертолета Джима Тэггарта. У Джесси сильно колотилось сердце, она почти бежала. Мужчины не отставали.

— Что в этой сфере? — спросила она у Роудса, но тот не потрудился (или не смог) ответить. — Она не взорвется, нет? — Снова никакого ответа.

Дома Джесси с радостью увидела, что Стиви не забыла запереться — девочка училась быть ответственной, — однако из-за этого ей пришлось потратить несколько драгоценных секунд, перебирая ключи. Найдя нужный, она отперла дверь. Роудс с Ганнистоном вошли за ней в дом, и капитан решительно закрыл за собой дверь.

— Стиви! — позвала Джесси. — Где ты?

Стиви не ответила.

Сквозь жалюзи, расчерчивая стены, лился белый свет.

— Стиви! — Джесси быстро прошла в кухню. Там тикали часы с кошачьей мордочкой вместо циферблата и с шипением трудился кондиционер. Стул, забытый у кухонного стола, незакрытый шкаф, в раковине — пустой стакан. Набегалась и захотела пить, подумала она. Но Стиви больше не ушла бы из дома, верно? Ну, если ушла... кому-то несдобровать! Джесси прошла по небольшой комнатухе — все на местах, — и вышла в коридор, который вел к спальням. Роудс с Ганнистоном следовали за ней по пятам. — Стиви! — опять позвала она, начиная нервничать по-настоящему. Куда могла деваться девчонка?

Она была уже у самой двери в спальню Стиви, и тут за порог, цепляясь пальцами за бежевый ковер, высунулись чьи-то руки.

Джесси стала как вкопанная. Роудс налетел на нее.

Руки, разумеется, принадлежали Стиви. Джесси в ужасе смотрела, как движутся сухожилия, как пальцы вгрызаются в ковер, силясь подтянуть тело к порогу. Потом показалась голова Стиви — мокрые от пота русые волосы, влажное, припухшее лицо, блестящие капли пота на щеках. Руки тянули тело девочки в коридор, на голых плечах вздувались и опадали мышцы. Стиви поползла по коридору, одолевая дюйм за дюймом, и ладонь Джесси метнулась ко рту: дочка волочила ноги по полу, как парализованная. Левой кроссовки не было.

— Сти... — голос Джесси сорвался.

Девочка остановилась. Она чрезвычайно медленно подняла голову, и Джесси увидела ее глаза: безжизненные, как у куклы.

Задрожав, Стиви с усилием, которое явно причиняло ей боль, подобрала под себя ногу и стала пробовать подняться.

— Назад, — услышала Джесси голос Роудса, но не двинулась с места, и полковник схватил ее за руку и оттащил.

Стиви подобрала под себя другую ногу. Она покачнулась, с подбородка упала капля пота. Лицо у девочки было бесстрастным, сосредоточенным, отрешенным, глаза — кукольными, но теперь Джесси разглядела, что в них зарницами вспыхивают пыл и огромная решимость, каких она никогда не видела прежде. У нее мелькнула сумасшедшая мысль: «Это не Стиви».

Девчушка поднималась на ноги. Лицо оставалось отрешенным, но когда она, наконец, справилась со своей задачей и выпрямилась в полный рост, по губам скользнуло что-то вроде быстрой удовлетворенной улыбки.

Осторожно, словно Стиви балансировала на проволоке, вперед выдвинулась ступня. Потом вторая, босая — и вдруг девочка опять задрожала и повалилась вперед. Джесси не успела подхватить дочку. Дергая руками, словно разучившись ими пользоваться, Стиви ничком упала на ковер.

Она лежала, прерывисто дыша.

— Она... она *недоразвитая*? — спросил Ганнистон.

Джесси вырвалась от полковника Роудса и нагнулась над дочкой. Тело девочки сотрясала дрожь, на плечах и спине подергивались мышцы. Джесси коснулась руки Стиви выше локтя, и ее тряхнуло; вверх по пальцам побежал разряд, у нее заныл и загудел каждый нерв, и она немедленно отдернула руку, чтобы ударная волна не добралась до плеча. Кожа Стиви оказалась влажной и неестественно холодной, почти такой же холодной, как черная сфера. Девочка подняла голову и уставилась неподвижными, широко открытыми глазами прямо в глаза матери, не узнавая ее. Джесси увидела, что от удара о пол из ноздрей Стиви ползет кровь.

Она не выдержала. Небытие замаячило совсем рядом, коридор вытянулся и заколыхался, как в комнате аттракционов... Потом кто-то помог Джесси подняться. Роудс. От него пахло табаком. На сей раз она не сопротивлялась. Она услышала, как полковник спросил: «Где сфера?» — и помотала головой. «Ей не до того, полковник, — сказал Ганнистон. — Господи, что такое с этой девочкой?»

— Проверь ее комнату. Может быть, сфера там. Но, ради Бога, осторожно!

— Есть. — Ганнистон обошел тело Стиви и скрылся в спальне.

У Джесси подкосились ноги.

— Позвоните в скорую... позвоните доктору Макнилу.

— Позвоним. Ну, успокойтесь. Идемте. — Роудс помог Джесси перейти из коридора в маленькую комнату и подвел ее к стулу. Она опустилась на сиденье, чувствуя дурноту и головокружение. — Послушайте, доктор Хэммонд. — Роудс говорил тихо и спокойно. — Кроме сферы вы оттуда ничего не приносили?

— Нет.

— Что-то еще относительно сферы, о чем вы умолчали? Вы что-нибудь видели внутри ее?

— Нет. Ничего. О, Господи... мне надо позвонить мужу.

— Посидите спокойно несколько минут. — Роудс не позволил ей встать, что было не слишком сложно: мышцы Джесси превратились в вареные макароны. — Кто и как нашел сферу?

— Тайлер Лукас. Он живет там неподалеку. Погодите. Погодите. — Все-таки кое о чем она умолчала. — Стиви говорила... Она говорила, будто слышит, как сфера поет.

— *Поет?*

— Да. Но сама я ничего не слышала. Я думала... ну, что девочка в шоке после аварии, понимаете? — Джесси провела рукой по лбу. Ее трясло, как в лихорадке, все кружилось, и справиться с этим было невозможно. Она взглянула Роудсу в лицо и увидела, что полковник под загаром побледнел. — Что происходит? Значит, это не был русский вертолет? — Полковник промедлил лишнюю секунду, и Джесси сказала: — Да говорите же, черт возьми!

— Нет, — быстро ответил Роудс. — Не был.

Она подумала, что сейчас ее вырвет, и прижала ладонь ко лбу, предчувствуя очередное потрясение.

— Сфера. Что это такое?

— Не знаю. — Роудс поднял руку раньше, чем Джесси успела запротестовать. — Бог свидетель, не знаю. Но... — Лицо полковника затвердело. Он боролся с собой, но в конце концов послал циркуляры к черту. Джесси должна была знать. — Думаю, вы принесли в дом обломок космолета. Внеземного космического корабля. Вот что упало в пустыне сегодня утром. Вот за чем мы гнались.

Джесси не сводила с него глаз.

— В атмосфере космолет загорелся, — продолжал Роудс. — Наши радары засекли его, и мы рассчитали точку падения. А он возьми да сверни к Инферно, словно... пилот хотел перед катастрофой оказаться поближе к городу. Космолет начал разваливаться на куски. Осталось немного — изуродованные останки, к которым не подберешься, потому что они чересчур раскалены. Так или иначе, сфера — часть этого аппарата, и я хочу точно выяснить, что она такое и почему не сгорела вместе с прочим.

Джесси лишилась дара речи. Но по лицу полковника было видно: он говорит правду.

— Вы не ответили на вопрос Ганни, — сказал Роудс. — Ваша девчужка отстает в развитии? У нее эпилепсия? Или дело обстоит иначе?

«Дело обстоит иначе», — подумала Джесси. Какой дипломатичный способ поинтересоваться, в своем ли Стиви уме.

— Нет. У нее никогда не было никаких... — Джесси осеклась, потому что из коридора, шатаясь на ватных ногах, появилась Стиви. Руки безвольно висели вдоль тела, голова медленно мота-

лась из стороны в сторону. Девочка молча вошла в комнату. Джесси поднялась, готовая подхватить дочку, если та опять споткнется, но теперь ноги слушались Стиви лучше. Тем не менее, двигалась она странно, ставя одну ступню перед другой, будто шла по карнизу небоскреба. Джесси встала, и Стиви замерла посреди шага.

— Где черный шарик, киска? Что ты с ним сделала?

Стиви уставилась на нее, склонив голову чуть набок. Потом медленно и грациозно поставила ногу на пол и пошла — вернее, заскользила — дальше. Она добралась до стены и остановилась, как будто бы поглощенная созерцанием пятен света и тени на крашеной стене.

— Там нет, полковник, — в комнатушку вошел Ганнистон. — Я проверил в шкафу, в комод, заглянул под кровать и в ящик с игрушками — везде. — Он неловко взглянул на девочку. — Э... что теперь, сэр?

Стиви круто обернулась четким и отточенным движением танцовщицы. Взгляд девочки сосредоточился на Ганнистоне, задержался на нем, переключался на Роудса и, наконец, уперся в Джесси. Сердце у Джесси затрепыхалось: в глазах дочери светилось только бесстрастное любопытство — ни теплоты, ни узнавания. Так ветеринар разглядывает незнакомое животное. Стиви на подламывающихся ногах странным скользящим шагом двинулась к фотографиям в рамках, выстроившимся на книжной полке, и пересмотрела все по очереди: Джесси с Томом; вся семья на отдыхе в Гэлвистоне пару лет назад; Рэй и она сама верхом на лошади; еще две фотографии — родители Тома и Джесси. Пальцы девочки дернулись, но она не попыталась воспользоваться руками. Она прошла мимо книжного шкафа и телевизора, еще раз задержалась, чтобы взглянуть в висящий на стене пустынный пейзаж, написанный Бесс Лукас («Она же сто раз видела эту картину», — подумала Джесси) и сделала еще несколько шагов к дверям, отделявшим комнатушку от кухни. Там девочка остановилась, подняла правую руку, словно сражаясь с силой тяжести, и локтем ошупала косяк.

— Не знаю, — наконец сказал Роудс таким голосом, словно получил мощный удар в солнечное сплетение. — Ей-Богу, не знаю.

— Я знаю! — крикнула Джесси. — Моей дочери необходим врач! — Она кинулась к телефону. Местный оплот здравоохранения представлял собой небольшое белое здание в двух кварталах от дома Хэммондов. Там без малого сорок лет заправлял делами доктор Эрл Ли (Эрли) Макнил, бессменный городской терапевт. Доктор Эрли, человек раздражительный и вспыльчивый, курил черные сигары и пил в клубе «Колючая проволока» неразбавленную текилу, однако дело свое знал и сообразил бы, как помочь Стиви. Джесси подняла трубку и начала набирать номер.

Палец полковника нажал на рычаг.

— Давайте подождем минутку, доктор Хэммонд, — сказал Роудс. — Идет? Давайте поговорим о...

— Уберите руку с телефона. *Сейчас же*, чтоб вас!

— Полковник, — окликнул Ганнистон.

— Прошу вас. — Роудс схватился за трубку. — Давайте не будем вводить в курс дела новых людей, пока не выясним, с чем мы столкнулись...

— Я сказала, что звоню доктору Макнилу! — Взбешенная Джесси готова была то ли расплакаться, то ли вклепить полковнику пощечину.

— Полковник, она опять пошла, — сообщил Ганнистон, и на этот раз Роудс с Джесси оборвали спор.

Стиви скользкой походкой шла к противоположной стене с мозаикой солнечных пятен. Остановившись перед ней, она постояла, неподвижно глядя на стену. Потом подняла правую руку, вертя ею так, будто видела впервые в жизни, и пошевелила пальцами. Коснувшись большим пальцем своего расквашенного носа, девочка несколько секунд рассматривала кровь, потом опять воззрилась на стену. Она вытянула руку и большим пальцем, кровью, провела на светлой стене вертикальную линию. Потом снова поднесла палец к носу, обмакнула в кровь и в нескольких дюймах от первой вертикали нацерила вторую.

Обе вертикали перерезала горизонталь.

— *Что за черт...* — выдохнул Роудс, делая шаг вперед.

Вторая горизонталь завершила на стене аккуратную решетку. Измазанный кровью палец Стиви вписал в центральную клетку небольшой аккуратный нолик.

Девочка повернула голову, посмотрела на Роудса и, ставя одну ногу позади другой, отошла от стены.

— Ручку, — сказал Роудс Ганнистону. — Дай ручку. Скорее!

Капитан подал ему ручку. Роудс щелкнул кнопкой, подошел к стене и вписал в нижнюю правую клетку крестик.

Стиви сунула палец в ноздрю и в левой клетке среднего ряда нарисовала красный 0.

Джесси наблюдала за крестиками-ноликами в мучительном молчании. В животе бурлило, о стиснутые зубы колотился крик. Тело с разбитым носом принадлежало Стиви, но существо, нарядившееся в него, не было ею. А если так, что стало с ее дочерью? Куда девались сознание Стиви, ее голос, ее душа? Джесси сжала кулаки. На одну страшную секунду ей показалось, что крик сейчас прорвется, и тогда все кончится. Дрожа, она молилась, чтобы кошмар лопнул, развеялся, как чары, наведенные сильной жарой, и она очнулась бы в постели под Томово громкое: «Завтрак готов!» Господи, Господи, Господи...

Стиви (вернее, принявшее обличье Стиви существо) закрыло полковнику путь к выигрышу. Следующим ходом полковник отрезал Стиви путь к победе.

Стиви поглядела на Роудса, потом на клетки, потом снова на полковника. Личико мелко задергалось — работали незнакомые мышцы. Рот тронула улыбка, но одеревенелые губы не отозвались. Она рассмеялась — *Хха!* вытолкнутого голосовыми связками воздуха. Улыбка стала шире, раздвинула губы. Просиявшее от радости личико снова стало почти детским.

Роудс осторожно улыбнулся в ответ и кивнул. Стиви тоже кивнула, более осторожно и с усилием. Продолжая улыбаться, она повернулась и медленным шагом канатоходца заскользила в коридор.

У Роудса взмокли ладони.

— Ну, — сказал он охрипшим напряженным голосом, — по-моему, мы влипли. А, Ганни?

— Я бы сказал, да, сэр. — Ослепительный лоск Ганнистона дал трещину. Сердце капитана тяжело стучало, колени тряслись, потому что он понял то же, что и полковник Роудс: либо девочка очень тяжело больна, либо это действительно уже не ребенок. Но постичь, как и почему такое могло случиться, прямой логический ум капитана не мог.

Они услышали голос — нет, скорее выдох, странный шорох, похожий на шелест ветра в камышах: «Аххх. Аххх. Аххх».

Первой в комнате Стиви очутилась Джесси. Стиви — не-Стиви — стояла перед доской объявлений, вытянув правую руку. Палец девочки-существа указывал на вырезанные из ватмана буквы алфавита. «Ааахх. Ахххх», — выговаривал голос, пытаясь ухватить отложившийся в памяти звук. Лицо исказилось от напряжения. «АхххА. А.А.» Палец передвинулся к следующей букве. «Бэээ. Вэээ. Гэээ. Дэээ. Ееэ». Следующая буква вызвала заминку.

— Жэ, — тихонько подсказала Джесси.

— Тшше. Шшше. Жэ. — Голова повернулась, в глазах светился вопрос.

«Боже милостивый, — подумала Джесси и схватила за косяк, чтобы не упасть. — Пришелец с техасским выговором, облекший в тело и одежду моей дочурки». Подавив крик, она выговорила:

— Где моя дочь? — Глаза Джесси наполнились слезами. — Верни мне ее.

Существо в обличье маленькой девочки ждало, указывая на следующую букву.

— Верни мне ее, — повторила Джесси. Она рванулась вперед, и Роудс не успел остановить ее. — Верни! — крикнула Джесси, а потом ухватила маленькую фигурку за холодную руку и рывком развернула, чтобы заглянуть в лицо, которое когда-то было лицом ее дочери. — *Верни!* — Джесси размахнулась и ударила существо по щеке.

Потеряв равновесие, лже-Стиви отшатнулась и чуть не рухнула на колени. Спину она держала прямо и жестко, но голова несколько раз мотнулась из стороны в сторону, как у одной из тех нелепых кукол, что кивают с задних стекол автомобилей. Существо заморгло,

возможно, регистрируя болевое ощущение, а Джесси, вновь придя в ужас, наблюдала, как на коже Стиви проступает красный отпечаток ее ладони.

Ведь это тело все равно оставалось телом ее дочери, пусть даже в него заползло что-то еще. Все равно лицо, волосы и тело были дочкины. Потрогав красный отпечаток ладони у себя на щеке, не-Стиви опять повернулась к азбуке. Она настойчиво указала на следующую букву.

— Зэ, — помог полковник Роудс.

— Зэ, — выговорило существо. Палец передвинулся.

— И. — Когда букву с трудом повторили, Роудс быстро взглянул на Ганнистона. — Я думаю, оно сообразило, что звуки — основа нашего языка. Господи, Ганни! Что же это?

Капитан покачал головой.

— Не хотелось бы гадать, сэр.

Джесси не сводила глаз с затылка Стиви. Волосы такие же, как всегда, только мокрые от пота. А в них крошки... чего? Она осторожно вынула из волос девочки небольшой кусочек чего-то розового, волокнистого, напоминающего сахарную вату. Пластик, поняла Джесси. Что кусочки розового пластика делают у Стиви в волосах? Она выронила кусочек, и тот спланировал на пол. Голова у Джесси отказала, мысли беспорядочно замесались. Лицо посерело от потрясения.

— Уведи ее, Ганни, — скомандовал Роудс, и Ганнистон вывел готовую потерять сознание Джесси из спальни.

— Ка, — продолжил Роудс, отвечая движению пальца.

— Ках. К, — удалось произнести существу.

С Республиканской дороги свернули два трейлера. Один вез кран, на другом красовалась надпись «ОБЪЕДИНЕННЫЕ ПЕРЕВОЗКИ». Миновав Престон-парк, трейлеры свернули на Кобре-роуд, направляясь в пустыню, туда, где то, что когда-то было механизмом, догорело и превратилось в сине-зеленую вязкую жижу.

ЧТО ВРАЩАЕТ ВСЕ КОЛЕСА

В три прозвонил звонок.

— Локетт и Хурадо! — вызвал Том Хэммонд. — Задержитесь. Остальные свободны.

— Эй, эй! — Рик Хурадо, уже успевший нахлобучить шляпу, стал выбираться из-за своей парты на камчатке в левом углу невыносимо душного класса. — Я ничего не сделал!

— А я ничего такого и не говорил. Просто посиди.

Школьники собирали книжки и уходили. Вдруг из-за парты в правом дальнем углу кабинета поднялся Коди Локетт.

— Дудки! Я пошел.

— Сядь. Локетт! — Том и сам поднялся из-за стола. — Я просто хочу поговорить с вами обоими, только и всего.

— Ладно, я двину на север, а вы можете пообщаться с моим южным полюсом, — ответил Коди, и «Отщепенцы», которые сидели вокруг него живым прикрытием, зашлись от смеха. — Урок кончился, и я сваливаю. — Коди решительно направился к двери, остальные последовали за ним.

Том загородил ему дорогу. Парень не останавливался, словно собирался пройти насквозь. Учитель не сходил с места, приготовившись к столкновению. В трех футах от Тома Коди остановился. За ним возвышался двухсотфунтовый громила, который всегда ходил в видавшем виды футбольном шлеме, раскрашенном камуфляжными пятнами. Звали громилу Джо Тейлор, но Том ни разу не слышал, чтобы к нему обращались иначе, чем «Танк». Сейчас Танк сверлил учителя глубоко посаженными черными глазами, глядевшими с грубо вылепленной, скуластой и носатой физиономии, которая могла вызывать теплые чувства только у матери — у полоумной матери, если уж на то пошло. Коди сказал:

— Ну, даем дорогу?

Том медлил. Рик Хурадо, тонко улыбаясь, снова устроился на стуле. Вокруг него сидело несколько ребят латиноамериканского и

индейского происхождения из команды «Гремучие змеи». Те старшеклассники, кто не входил ни в один из «клубов», уже поспешили уйти, и Том остался с чудовищами один на один. Сам заварил кашу, сам и расхлебывай, подумал он. Он посмотрел прямо в надменные серые глаза Коди Локетта и сказал:

— Нет.

Коди покусывал нижнюю губу. По лицу учителя нельзя было догадаться, в чем дело, но парнишка знал, что натворить ничего не успел. Во всяком случае, сегодня.

— Срезать меня не получится. Я уже все сдал.

— Просто сядь и выслушай меня. Ладно?

— Эй, дядя, я выслушаю! — крикнул Рик. Он подтащил к себе пустую парту, взгромоздил на нее ноги, скрестил руки на груди и откинулся на спинку стула. — Мистер Хэммонд, Локетт инглиски никак не понимай, — добавил он, демонстративно усилив свой акцент.

— Закрой пасть, слюнтяй! — рявкнул Танк.

Несколько «Гремучих змей» вскочили как по команде. Вперед выскочил сосед Рика по парте, тощий кудрявый парнишка. Лоб его был низко повязан красным платком, а с шеи на цепочках свисало то ли пять, то ли шесть маленьких распятий.

— Пошел на хер, жиртрест! — крикнул он фальцетом.

— Сам пошел, — Танк показал ему средний палец.

Мальчишка-испанец изготовился перемахнуть через ряды парт, чтобы наброситься на Танка, который был тяжелее по крайней мере на семьдесят фунтов, но Рик с быстротой молнии схватил его за запястье.

— Легче, легче, — спокойно сказал он, не переставая улыбаться и не сводя глаз с Коди. — Остыньте, *мучачос*. Пекин! Спокуха, мужик.

Пекин, которого на самом деле звали Педро Эскимелас, дрожал от ярости, но позволил удержаться себя. Он сел, бормоча непристойности на площадном испанском, остальные Гремучки (в том числе Крис Торрес, Диего Монтана и Лен Редфезер) не садились, готовые к неприятностям. Том уже слышал, как беда стучит у дверей; если он не справится с ситуацией, классная комната может превратиться в поле боя. Однако Пекин унялся. Том знал, что из-за своего неистового темперамента мальчик чуть не каждый день ввязывается в драку. И кличка у него была подходящая, ведь *пекин* — это мелкий перец-чили, от которого и сам Сатана схватится за желудочные таблетки.

— Ну так что же? — спросил Том у Коди.

Тот пожал плечами. У него в шкафчике лежала вешалка для галстуков, которую он, наконец, закончил. Хотелось занести ее домой, а потом поработать пару часов у мистера Мендосы... но, с другой стороны, он не спешил.

— Если я остаюсь, они тоже остаются. — Он кивнул на свое сопровождение, шестерку крепких Щепов: Уилла Латэма, Майка Фрэкнера, Бобби Клэя Клеммонса, Дэйви Саммерса и Танка.

— Хорошо. Только сядь.

Коди снова плюхнулся за парту. Остальные последовали примеру вожака. Танк привалился массивным плечом к блочной стене и стал чистить ногти разогнутой клипсой с фальшивым камешком.

— *Амиго*, я устал ждать, — объявил Рик.

Том вернулся к своему столу и присел на край. На доске за его спиной красовался план говардовского «Конана» — его он просил прочесть, чтобы обсудить на уроке законы варварской культуры. Задание почти никто не выполнил.

— Завтра у вас последний день занятий, — начал он. — Я хотел...

— *О, madre!* — простонал Рик и надвинул шляпу на глаза. Пекин положил голову на парту и шумно захрапел. Щепы хранили гробовое молчание.

Отсыревшая рубашка Тома липла к плечам и спине. Вентилятор без толку гонял по кругу горячий воздух. Танк вдруг рыгнул, словно выстрелила гаубица. Щепы загоготали, Гремучки хранили молчание. Том предпринял новую попытку:

— Я хотел сказать вам, что... — Он замялся. Никто не смотрел на него. Всем было наплевать, что он скажет; они снова укрылись за скучающими минами. «Да идите вы все к черту! — подумал Том. — Заставлять их слушать — все равно что пытаться набросить лассо на луну!» Но он уже разозлился — его бесили их скучающие позы, бесил гот, кто должен был починить испорченные кондиционеры, бесило то, что сам он свалил такого дурака. Ему показалось, будто стены класса двинулись на него. Вниз по шее побежал ручеек пота. Волна гнева росла, взбухала, потом тяжело всколыхнулась, порвала свои путы и хлынула наружу.

Первыми отозвались руки. Схватив со стола учебное пособие «Правительства в переходный период», Том что было силы швырнул его через класс.

Книга звонко шлепнулась о стену. Пекин вздрогнул и поднял голову. Рик Хурадо медленно поправил шляпу так, что снова стали видны глаза. Танк перестал чистить ногти, а пристальный взгляд Коди Локетта стал острее.

Лицо Тома залила краска.

— А, так вот чем можно привлечь ваше внимание? Громким шумом и мелкими разрушениями? Вот что вращает колесики?

— Ага, — ответил Коди. — Надо было запустить в стену этой фиговой книжкой в первый же день занятий.

— Крутые парни... и девица, — сказал Том, взглянув на сидевшую вместе с Гремучками Марию Наварре. — Круче некуда. Локетт, у вас с Хурадо очень много общего...

Рик издевательски фыркнул.

— Много, — продолжал Том. — Стараясь переплюнуть друг друга, вы оба ведете себя жестоко и глупо, чтобы произвести впечатление на дураков, которые сейчас сидят вокруг вас. Я просмотрел ваши контрольные. Мне ничего не стоит отличить ученика, который лишь притворяется тупицей, от настоящего болвана. Вы оба могли справиться черт знает насколько лучше, если бы...

— Дядя, да у тебя словесный понос, — перебил Коди.

— Возможно. — Из-под мышек у Тома ручьями тек пот, но останавливаться было нельзя. — Я знаю, что вы оба могли справиться значительно лучше. Однако то ли вы притворяетесь, что у вас котелки не варят, то ли вам скучно, то ли вы попросту... пофигисты. — Последнее слово усилило внимание ребят. — Вот что я вам скажу: оба вы — трусы.

Наступило долгое молчание. Лица Локетта и Хурадо ничего не выражали.

— Ну? — подзадорил Том. — Давайте! Не поверю, чтобы такие крутые парни не смогли сказать пару умных слов...

— Да, мне есть, что сказать, — Коди встал. — Урок окончен.

— Прекрасно! Иди! Выкатывайся! У Хурадо, по крайней мере, хватает духу остаться и выслушать.

Коди холодно улыбнулся.

— Вы, мистер, идете по жутко тонкой проволоке, — сказал он. — На уроках я сижу и слушаю вашу фигню, но после звонка начинается *мое* время. — Он тряхнул головой, и сережка-черепок красной искрой сверкнула на солнце. — Ты кем себя воображаешь, дядя? Думаешь, самый умный и можешь всех лечить? Мистер, да про меня-то ты ни хера не знаешь!

— Я знаю, что на уроках ты слушаешь — хочешь ты, чтобы об этом знали или нет, все равно. Я знаю, что ты куда сообразительнее, чем показываешь...

— Подумаешь! Отцепись! Окажешься в моей шкуре, тогда и будешь мне мораль читать! А пока пошел к черту!

«Отщепенцы» одобрительно загалдели. Кто-то зааплодировал. Том посмотрел на Рика Хурадо: тот медленно хлопал в ладоши.

— Эй, Локетт! — насмешливо сказал он. — В артисты собрался, мужик? Не миновать тебе премии!

— А тебе не нравится? — Тон Коди был холодным, но глаза горели. — Тогда ты знаешь, что делать, козел.

Рик прекратил хлопать. Ноги изготовились выстрелить напрягшееся тело из-за парты.

— Может, я так и сделаю, Локетт. Приеду и сплужу твой сраный дом — как твои люди пожгли наши дома.

— А ну хватит угроз, — сказал Том.

— Ну, насмешил! — издевательски выкрикнул Коди, игнорируя учителя. — Никаких домов мы не жгли. Ты, небось, сам их спалил, чтобы можно было поорать, будто это *наших* рук дело!

— Приходи вечерком на наш берег, *омбре*, — спокойно отзывался Рик, — устроим тебе по-настоящему жаркую фиесту. — На губах парнишки застыла жестокая ухмылка. — Понял, говнотряс?

— Ах, дрожу! — На самом деле Коди знал, что никто из Щепов не поджигал домов на Окраине.

— Ну довольно! — потребовал Том. — Почему бы вам не оставить свои дурацкие разборки?

Они сверкнули на учителя глазами так, словно он был самым бесполезным насекомым, какому случалось выползать на свет божий.

— Дядя, — сказал Рик, — понимал бы ты чего-нибудь! И учеба твоя — фигня. — Он устало взглянул на Тома. — Я-то постарался и доучился. Но у меня полно знакомых, кто плюнул на это дело.

— Что же с ними стало?

— Кое-кто занялся кокаином и разбогател. Кое-кто дал дуба. — Рик пожал плечами. — А кое-кто нашел себе другое занятие.

— Например, работу у Мэка Кейда? Не слишком блестящее будущее. Тюрьма — тоже.

— А ползти каждый день на работу, которую ненавидишь, и лизать начальству жопу, чтоб не вылететь на улицу, лучше? — У Рика лопнуло терпение, и он поднялся. — В этом городе старого Престона почти пятьдесят лет лизали во все места. И что вышло?

Том хотел ответить, но колесики логики у него в мозгу застыли. Крыть было нечем.

— Так ты знаешь не все на свете? — удивился Рик. — Послушай, ты живешь в хорошем доме, на хорошей улице, и не должен выслушивать, где тебе можно ходить, а где — нельзя, словно ты собака на коротком поводке. Ты не знаешь, что значит с боем добывать все, что у тебя есть или когда-нибудь будет.

— Суть не в этом. Я говорю о вашем образе...

— *В этом, едрена мать!* — заорал Рик, и Том от изумления замолчал. Парнишку затрясло. Сжав кулаки, Рик переждал приступ гнева. — В этом, — взвинченно повторил он. — Не в учебе. Не в книжках, написанных покойниками. Не в том, чтоб каждый день лизать жопу, пока не научишься любить ее вкус. Суть в том, чтобы бороться, пока не получишь то, чего хочешь.

— Тогда скажи, чего ты хочешь.

— Чего я хочу? — Рик горько улыбнулся. — *Уважения*. Я хочу ходить по любой улице, какая мне понравится, — даже по вашей, мистер Хэммонд. А если приспичит, то и среди ночи, без того, чтобы шериф ставил меня мордой к своей машине. Я хочу такого будущего, где никто не будет стоять над душой с утра до вечера. Я хочу знать, что завтра будет лучше, чем сегодня. Вы можете дать мне это?

— Я не могу, — сказал Том. — Ты сам — можешь. Главное — не отказываться работать головой. Попробуй, и потеряешь все, каким бы крутым ты себя ни считал.

— Опять слова, — фыркнул Рик. — Которые ни шиша не значат. Ладно, читайте свои книжки, написанные покойниками. Учите по ним, если охота. Только не прикидывайтесь, будто они действительно что-то значат, потому что важно только *вот это*. — Он поднял сжатый кулак, испещренный шрамами, памятью о давнишних драках, и повернулся к Коди Локетту. — Ты! Слушай! Сегодня твоя шлюха обидела моего человека. Сильно обидела. А утром ко мне приходила другая шлюха, со звездой. Ты спелся с Вэнсом? Платишь ему, чтоб не мешал вам жечь наши дома?

— Совсем спятил. — Шериф Вэнс был нужен Коди как рыбке зонтик.

— Я задолжал тебе, Коди. За Пако Ле-Гранде, — говорил Рик. — Вот что я тебе скажу: если кто из моих перейдет через этот хренов мост, лучше их не трогай.

— Тот, кто таскается сюда по ночам, сам напрашивается на трепку. С радостью сделаем вам такое одолжение.

— Ишь, король выпискался, едрена мать! — Не соображая, что делает, Рик поднял парту и отшвырнул ее в сторону. Все Гремучки и «Отщепенцы» мгновенно очутились на ногах, разделенные лишь воображаемой чертой, пролегшей через класс. — Мы будем ходить, где захотим!

— А через мост вечером не будете, — предостерег Коди. — На территорию Щепов не соваться.

— Ладно, уgomонитесь. — Том стал между ними. Он чувствовал себя полным идиотом — угораздило же его вообразить, будто из такой затеи выйдет толк. — Драка ничего не...

— Заткнись! — фыркнул Рик. — Тебя это не касается, дядя! — Он не спускал глаз с Коди. — Войны захотел? Нарываешься!

— Эй! — «О, Господи», — подумал Том. — Я не желаю слышать ничего о...

Танк дернулся было к Рiku Хурадо, но Коди ухватил его за руку. Он догадывался, что Гремучки, как все моченые, ходят с ножами. Все равно сейчас было не время и не место, да и шансы «Отщепенцев» взять верх не устраивали Коди.

— Какой мужик! — восхитился он. — Как разговаривает!

— Сейчас мой башмак поговорит с твоей жопой! — пригрозил Рик. Он не выходил из образа крутого парня, но в глубине души не хотел развязки. Ему не нравились шансы «Гремучек». Вдобавок он сообразил, что Щепы при ножах. Его собственный нож лежал в шкафчике, а остальным он не позволял носить в школу ножи.

— Давайте разберемся *сейчас*! — выкрикнул Пекин. Рик подавил сильное желание заехать ему по зубам. Пекин любил затевать драки, но редко доводил их до конца.

— Объявляй, Хурадо, — вызывающе сказал Коди и едва не скривился, когда Танк закудахтал, чтобы подстрекнуть «Гремучек».

— Здесь никаких драк не будет! — крикнул Том, понимая, что его не слушают. — Слышите вы? И если я увижу какую-нибудь свару на стоянке, я тут же иду в канцелярию и звоню шерифу! Понятно?

— К едрене-фене твоего шерифа! — рывкнул Бобби Клэй Клеммонс. — Мы и ему навешаем!

Сцена затянулась. Коди, готовый к тому, что первый ход сделают Гремучки, примеривался ударить Хурадо в солнечное сплетение, но Рик стоял неподвижно, ожидая нападения.

В дверном проеме, хромая, появилась какая-то фигура. И стала как вкопанная.

— О! Красный свет — хода нет!

Уже догадавшись по тонкому детскому голоску, кто это, Коди обернулся. Человек, остановившийся в дверном проеме, был одет в серую форму, держал в руках швабру и толкал перед собой что-то среднее между корзиной для мусора и машиной для отжимания белья. Ему шел седьмой десяток. Круглое, как луна, лицо портили глубокие морщины и коричневые старческие пятна, а седые волосы были подстрижены так коротко, что голова казалась припорошенной тонким слоем песка. На левом виске виднелась вмятина. На прикрепленном к форме сторожа ярлычке значилось: «Сержант».

— Прошу прощения, мистер Хэммонд. Я не знал, что тут еще кто-то есть. Зеленый свет горит — нам идти велит! — Сержант пошел прочь, припадая на правую ногу, которая складывалась в коленном суставе, как гармошка.

— Нет! Подождите! — позвал Том. — Мы уже уходим. Правда? — спросил он у Рика и Коди.

Ответа не было, только Пекин хрустел пальцами.

Инициативу взял Коди.

— Захочешь, чтоб вложили ума, — знаешь, где меня найти. Когда угодно, где угодно. Но чтоб вы вечером на территорию Щепов не совались. — Не дожидаясь ответа, Коди повернулся к Рiku спиной и гордо направился к двери. Отщепенцы последовали за ним. Танк постоял на стреме, потом тоже ушел.

Рик громко выругался, но спохватился. Момент был неподходящий. Всему свое время.

За него проорал Пекин:

— Идите на хер, придурки!

— Эй! — нахмурился Сержант Деннисон. — Такой грязный рот мама должна прополоскать! — Он неодобрительно взглянул на Пекина, окунул швабру в ведро и принялся за работу.

— Было обалденно приятно, мистер Хэммонд, — сообщил Рик. — Может, в следующий раз мы все заглянем к вам домой, попьем молочка с печеньем?

Сердце у Тома еще бешено колотилось, но он постарался сохранить хотя бы внешнее спокойствие.

— Запомни, что я сказал. Ты слишком хорошо соображаешь, чтобы растратить жизнь на...

Рик сплунул на линолеум. Сержант бросил мыть пол. Лицо выразило праведный гнев пополам с растерянностью.

— Ну погоди! — пригрозил Сержант. — Бегун тебе ноги отгрызет!

— Ах, как страшно! — Все знали, что Сержант — чокнутый, но Рiku он нравился. Мистер Хэммонд, в общем, тоже, а то, что учитель попытался сделать несколько минут назад, вызвало у парнишки чувство сродни восхищению. Однако демонстрировать учителю слабость Рик безусловно не собирался. Это было просто не принято. — Сваливаем, — велел он Гремучкам, и они покинули класс, болтая по-испански, смеясь и колота по шкафчикам от избытка нервной энергии. В коридоре Рик дал Пекину подзатыльник, чуть сильнее, чем полагалось бы для шутки, но Пекин ухмыльнулся, показав серебряный передний зуб.

Том стоял и слушал, как гомон стихает, удаляясь по коридору, словно бегущая к далекому берегу волна. Он не принадлежал к их миру и чувствовал себя невероятным кретином. Хуже того: он чувствовал себя старым. Он подумал: «Ах, черт, какое фиаско! Чуть не расшевелил войну двух банд!»

— Успокойся, сынок. Они уже ушли, — сказал Сержант, налегая на швабру.

— Простите?

— Это я Бегуну говорю, — Сержант кивнул на пустой угол. — Заводят его эти ребята.

Том кивнул. Сержант вернулся к работе, морщинистое лицо было сосредоточенным. Насколько понимал Том, раненный в последние месяцы второй мировой войны молодой солдат «Сержант» Деннисон так и не оправился от потрясения и впал в детство. Школьным сторожем он работал уже больше пятнадцати лет, а жил в маленьком кирпичном домике в конце Брасос-стрит, напротив городской баптистской церкви. Дамы из «Сестринского клуба» носили Сержанту домашние обеды и приглаивали за тем, чтобы он не разгуливал по городу в пижаме, но в прочих отношениях он был вполне самостоятелен. Правда, с Бегуном дело обстояло иначе: если вы не соглашались с тем, что пес (неопределенной породы) свернулся клубком в углу, залез на стул или сидит у ног Сержанта, Деннисон смотрел на вас, как на умственно отсталого, и говорил: «Бегун здесь, а где ж ему быть!», подчеркивая тот факт, что шустрый, но робкий Бегун частенько не хочет показываться, но еда, оставленная с вечера в миске у дверей на крыльце, к рассвету исчезнет. Дамы из «Сестринского клуба» давным-давно отказались от попыток втолковать Сержанту, что никакого Бегуна нет — уж очень быстро тот начинал плакать.

— Не такие уж они плохие, — сказал Сержант, отдраивая плевков Хурадо. — Ребята эти. Просто представляются, и все дела.

— Может быть. — Слабое утешение. Том был очень расстроен. Четверть четвертого — Рэй, должно быть, ждет у машины. Открыв верхний ящик стола, Том вынул ключи и почему-то подумал про ключи от машины, которые должны лежать где-то в доме у Пересов. Интересно, мистер Перес хоть раз брал их в руки, чтобы проверить, перевесят ли они жизнь сына? Том почувствовал, как быстро утекает время, и понял: вот сейчас над Великой Жареной Пустотой кружат стервятники. Он задвинул ящик. — До завтра, Сержант.

— Зеленый свет горит — нам идти велит, — отозвался Сержант, и Том вышел из расчерченного солнцем класса.

ДОМ КОДИ

Мотоцикл свернул на Брасос. Коди почувствовал, как внутри у него все сжимается. Реакция была произвольной, так напрягаются мышцы перед сильным ударом. До дома было не очень далеко, он стоял на углу Брасос и Сомбра. Заднее колесо взметнуло из канавы пыль, и Кошачья Барыня (в узловатых руках — метла) крикнула со своего крыльца: «Уймись ты, зараза!»

Пришлось улыбнуться. В это время дня Кошачья Барыня (по-настоящему ее звали миссис Стелленберг, вдова) неизменно подметала и всякий раз кричала проносающемуся мимо Коди одно и то же. Семьи у Кошачьей Барыни не было, только около дюжины кошек, которые размножались так быстро, что Коди не успевал считать. Эти твари шныряли по всей округе, а по ночам орали детскими голосами.

Сердце паренька забилося быстрее. Справа приближался его дом: старые серые доски, закрытые ставнями окна. У тротуара стоял папашин драндулет — дряхлый темно-коричневый «шевроле» с проржавевшими бамперами и вмятиной на пассажирской дверце. На машине лежал слой пыли, и Коди немедленно увидел, что стоит она точно как утром, правыми колесами на тротуаре. А значит, одно из двух: либо отец ушел на работу в городскую пекарню пешком, либо вообще не пошел. И если старик весь день проторчал дома один в духоте, то за стенами, может статься, собирается жестокая гроза.

Коди заехал на тротуар, миновал дом Фрэйзеров и оказался у себя во дворе. Там рос лишь колючий куст юкки, но даже он начинал жухнуть. Коди остановил мотоцикл у подножия бетонных ступенек крыльца и выключил мотор. Тот заглох с лязгом, который, насколько было известно парнишке, непременно должен был насторожить папашу.

Коди слез с мотоцикла, расстегнул куртку и вынул из-за пазухи задание по труду. Вешалку для галстуков, да не простую: около шестнадцати дюймов длиной, вырезанную из куска палисандра,

оттертую наждаком и отполированную так, что поверхность на ощупь казалась прохладным бархатом. В дерево были вделаны квадратики белого пластика, старательно покрытые разводами серебряной краски, «под перламутр». Квадратики складывались в красивый шахматный узор. Края Коди вырезал фестонами. К дощечке крепились еще две детали из инкрустированного палисандра. Они удерживали перекладину, на которую и следовало вешать галстуки. Все это было еще раз тщательно отполировано. Мистер Одил, учитель труда, сказал: работа хорошая, только непонятно, почему Коди так долго с ней копался. Коди терпеть не мог, чтобы кто-то стоял у него над душой, надеяться мог только на «уд», но работа была сдана, и остальное его не волновало.

Ему нравилось работать руками, хотя он притворялся, будто труд — чистейшей воды занудство. От него, своего президента, Щепы ждали здорового презрения почти ко всему, особенно если оно имело отношение к школе. Но руки Коди, похоже, соображали раньше головы — работа по дереву давалась ему легко, как и ремонт машин на станции обслуживания мистера Мендосы. Коди давным-давно собирался отладить свою «хонду», да все откладывал, пока не сообразил, что получается «сапожник без сапог». Ничего, на днях он ею займется.

Он снял очки-«консервы» и сунул в карман. В спутанные волосы набилась пыль. Ему не хотелось подниматься по растрескавшимся бетонным ступенькам и переступать порог, но он жил в этом доме и понимал, что иначе нельзя.

«Зайду — и назад, — думал он, ступая на первую ступеньку. — Зайду — и назад».

Дверные петли взвизгнули, как ошпаренная кошка. Коди поспешил за непрочную деревянную дверь в полумрак. Запертая в стенах дома жара буквально высосала воздух из легких, и парнишка оставил внутреннюю дверь открытой, чтобы хоть немного проветрить. Он уже унюхал кислый перегар «Кентакки джент», любимого папашиного виски.

В первой комнате, перемешивая тяжелый воздух, крутился вентилятор. На столе возле пятнистого дивана были разбросаны игральные карты и стояли переполненная окурками пепельница и немытый стакан. Дверь в спальню отца была закрыта. Коди задержался, чтобы открыть окна, потом, зажав под мышкой вешалку для галстуков, двинулся к себе в комнату.

Но не успел он добраться до нее, как услышал скрип — открылась отцовская дверь. Ноги Коди налились свинцом. А потом скрежещущий, как покоробленная пила, голос невнятно (дурное предзнаменование!) выговорил:

— Ты чего тут шныряешь?

Коди промолчал, и отец заорал:

— Сын! Остановись и ответь!

У парнишки отнялись ноги. Он остановился, опустил голову и принялся пристально разглядывать одну из синих роз, вытканых на нитяном коврикe.

Усталый пол заскрипел под ногами папаша. Все ближе. Запах «Кентакки джент» стал сильнее. К нему присоединился запах немытого тела. И, разумеется, одеколона: папаша расплескивал эту дрянь по лицу, шее и подмышками и называл это «помыться». Шаги затихли.

— Ну так что? — спросил папаша. — В молчанку играем?

— Я... я думал, ты спишь, — сказал Коди. — Не хотел тебя будить...

— Чушь. Чушь в квадрате. Кто тебе велел открывать окна? Мне тут это окоянное солнце не нужно.

— Жарко. Я подумал...

— Тебе, дураку, только и думать. — Снова шаги. Ставни с треском захлопнулись, отсекая солнечный свет, превращая его в пыльную серую дымку. — Не люблю солнце, — сказал папаша. — От него бывает рак кожи.

В доме было никак не меньше девяноста градусов. Коди почувствовал, как по телу под одеждой медленно пополз пот. Шаги опять направились в его сторону, и Коди дернули за сережку-череп. Он поднял глаза и увидел отца.

— Чего не вставишь такую же в другое ухо? — спросил Кёрт Локетт. С костистого лица с квадратной челюстью смотрели глубоко посаженные грязно-серые глаза, окруженные сетью морщин. — Все бы поняли, что ты сдвинулся вовсе, а не наполовину.

Коди отвел голову, и отец выпустил его ухо.

— В школе сегодня был? — спросил Кёрт.

— Да, сэр.

— Хоть одному моченому ума вложил?

— Почти, — ответил Коди.

— Почти не считается, — Кёрт обер тыльной стороной руки сухие губы, отошел от Коди и плюхнулся на диван. Взвизгнули пружины. Кёрт был таким же жилистым, как сын, с такими же широкими плечами и тощими бедрами. Припорошенные сединой и редющие на макушке темно-каштановые волосы он зачесывал назад, намертво закрепляя кок «Виталисом». Курчавые светлые волосы Коди унаследовал от матери, которая умерла в Одесской больнице, давая ему жизнь. Кёрту Локетту было всего сорок два года, но тяга к «Кентакки джент» и долгим вечерам в клубе «Колочая проволока» состарили его по крайней мере лет на десять. Под глазами набрякли большие мешки, а по обе стороны от тонкого точеного носа лицо бороздили глубокие морщины. Сейчас на нем был любимый наряд: ни ботинок, ни носков, заплатанные на коленях джинсы и огненно-красная рубаша с вышитыми на плечах ковбоями, набрасывающими лассо на волон. Вынув из кармана пачку «Уинстона», Кёрт прикурил от спички. Коди

смотрел, как колеблется огонек в трясущихся пальцах отца. — Скоро моченые всю землю подомнут, — объявил Кёрт, выдохнув облако дыма. — Все захапуют и еще захотят. И остановить их можно только одним: напинать по заду. Согласен?

Коди на секунду опоздал с ответом.

— *Верно?* — повторил Кёрт.

— Да, сэр. — Коди двинулся в сторону своей комнаты, но отцовский голос снова остановил его.

— Фью! Я тебя не отпускал. Я с тобой разговариваю, сын. — Он снова глубоко затянулся. — На работу пойдешь?

Коди кивнул.

— Хорошо. А то курить нечего. Как думаешь, твой моченый начальник даст пачечку?

— Мистер Мендоса нормальный мужик, — сказал Коди, — не такой, как остальные.

Кёрт молчал. Вынув сигарету изо рта, он уставился на красный огонек.

— Все они одним миром мазаны, — спокойно отозвался он. — Все. Будешь думать по-другому, сын, Мендоса тебя наколет.

— Мистер Мендоса всегда был...

— Это что еще за *мистер* Мендоса? — Кёрт воззрился на сына. «Проклятый мальчишка, — подумал он. — Деревянная башка!» — А я тебе говорю, все они одним миром мазаны, и точка. Так принесешь куруво или нет?

Коди, не поднимая головы, пожал плечами. Но он чувствовал на себе взгляд отца и поневоле пообещал:

— Принесу.

— Ну, ладно. Договорились. — Отец вернул сигарету в угол рта, затянулся, и пепел ало засветился. — А это что за хреновина?

— Какая хреновина?

— *Вон та* хреновина. Вон. — Кёрт ткнул в сына пальцем. — У тебя под мышкой. Что это?

— Ничего.

— Парень, я еще не ослеп! Я спрашиваю, что это такое!

Коди медленно вытащил из-под мышки вешалку для галстуков. Ладони взмокли, по шее струился пот. Нестерпимо хотелось глотнуть свежего воздуха. Глядеть на отца мальчику всегда было трудно, словно при виде Кёрта делалось нестерпимо больно глазам, и всякий раз, как Коди оказывался рядом с папашей, внутри у него что-то обмирало и делалось тяжелым, созревшим для похорон. Но, что бы там ни обмирало, иногда оно выкидывало поразительные коленца. Могильщикам с ним было не разделаться.

— Просто вешалка для галстуков, — объяснил он. — Сделал в школе.

— Отцы-святители, — Кёрт присвистнул, поднялся и пошел к Коди. Тот отступил на шаг и только тогда спохватился. — Подними-

ка, хочу поглядеть. — Кёрт протянул руку, и Коди позволил ему коснуться вешалки. Пятнистые от никотина пальцы отца ласково прошлись по гладкому палисандру и квадратикам поддельного перламутра. — Ты сделал? А кто помогал?

— Никто.

— Ей-богу, отлично сработано! Края глаже, чем бита для «чижи-ка»! Сколько ж времени ты возился?

Не привыкший к отцовским похвалам Коди занервничал еще сильнее.

— Не знаю. Конечно, не две минуты.

— Вешалка для галстуков, — Кёрт хмыкнул и покачал головой. — Вот это да. Никогда не думал, что ты можешь сделать такую штуку, сын. Кто тебя научил?

— Просто научился. Методом тыка.

— Красивая штука, чтоб я сдох. Серебряные квадратики больно хороши. В них весь шик, верно?

Коди кивнул. Ободренный проявленным отцом интересом, он осмелился переступить границу, которую они с Кёртом провели давным-давно, после бесчисленных ночных скандалов, холодного молчания, пьяных драк и ругани. Сердце Коди частило.

— Тебе правда нравится?

— Спрашиваешь!

Коди дрожащими руками подал вешалку отцу.

— Я сделал ее для тебя.

У Кёрта Локетта отвисла челюсть, и он уставился на сына, переводя дикие глаза с вешалки для галстуков на лицо мальчика и обратно. Медленно протянув обе руки, он взялся за вешалку. Коди отдал.

— Батюшки, — Кёрт говорил тихо, уважительно. Он прижал вешалку к груди. — Бог ты мой. В магазине такую не купишь, верно?

— Да, сэр. — То, что обмерло внутри у Коди, вдруг встрепенулось.

Пальцы Кёрта играли с деревом. У него были грубые, покрытые шрамами руки человека, который с тринадцати лет рыл канавы, укладывал трубы и клал кирпич. Осторожно, как ребенка, прижимая к себе вешалку, он вернулся к дивану и сел.

— Красотища, — прошептал Кёрт. — Красотища-то какая. — Мило лица плыла паутина сигаретного дыма. — Было дело, работал я по дереву, — сказал он, глядя в никуда. — Давным-давно. Брался за ту работу, какая подворачивалась. Бывало, заворачивает мне твоя мама обед и говорит: «Кёрт, сделай так, чтоб сегодня я тобой гордилась», а я отвечаю: «Бу сде, сокровище мое». Это я твою мамку так звал — Сокровище мое. Ох, какая ж она была хорошенькая... Глянешь на нее — и поверишь в чудеса. Такая хорошенькая она была... красавица моя. Сокровище. Вот как я звал твою мамку. — Глаза отца повлажнили. Сжимая вешалку обеими руками, он пригнул голову.

Коди услышал, как отец словно бы подавился. Сердце парнишки болезненно сжалось, как от удара. Ему случалось видеть папашины пьяные слезы, но сейчас дело обстояло иначе. Эти слезы пахли не виски, а болью. Мальчик не знал, сумеет справиться или нет и, поколебавшись, сделал шаг к отцу. Второй шаг дался легче, третий — совсем легко. Коди поднял руку, чтобы тронуть отца за плечо.

Тело Кёрта сотрясла дрожь. Он со свистом втянул воздух, словно в приступе удушья, а потом вдруг поднял голову. Коди увидел, что, хоть глаза у папаши были мокрые, старик смеялся. Смех становился жестче, отрывистее, пока из горла Локетта-старшего не пошло ухающее ворчание дикого зверя.

— Идиот проклятый! — удалось выговорить хрюкавшему от смеха Кёрту. — Чертов кретин! Ты же знаешь, у меня нету галстуков!

Рука Коди сжалась в кулак. Он опустил ее.

— Ни единого! — проорал Кёрт, запрокинув голову и сдавленно хихикая. По морщинкам возле глаз сбегали слезы. — Боже милостивый, что за дурака я вырастил!

Коди стоял тихо-тихо. На виске билась жилка. За крепко сжатыми губами прятались стиснутые зубы.

— Какого черта ты не сделал мне скамеечку для ног, парень? Скамеечку я бы нашел, куда девать! Что, черт тебя дерит, я должен делать с вешалкой для галстуков, если никаких галстуков у меня нету!

Мальчик дал отцу посмеяться еще секунд тридцать, а потом отчетливо и твердо сказал:

— Ты сегодня не пошел в пекарню. Так?

Смех оборвался с таким звуком, будто в засорившуюся раковину с бульканьем хлынула вода. Кёрт с еще непросохшими глазами несколько раз кашлянул и затушил сигарету о покрытый ожогами стол.

— Ну, не пошел. Какое твое собачье дело?

— Я тебе скажу, какое, — ответил Коди. Он держался очень прямо, а глаза казались выжженными дырами. — Мне надоело отдуваться за твое разгильдяйство. Надоело вкалывать на бензозаправке и смотреть, как ты просираешь денежки...

— Думаешь, что говоришь! — Кёрт встал — в одной руке вешалка, другая сжата в кулак.

Коди дрогнул, но не отступил. Ярость жгла его изнутри, ему надо было выговориться.

— Я тебя больше не прикрываю, слышишь! Я не буду звонить в твою обтруханную пекарню и врать, будто ты приболел и не можешь выйти на работу! Они же *знают*, что ты пьянчуга! Все знают, что ты и гроша ломаного не стоишь!

Кёрт взревел и кинулся на сына, но Коди оказался проворнее. Кулак пропахал пустоту.

— Давай-давай, попробуй стукни! — Коди задним ходом выбрался за пределы досягаемости отца. — Давай, старая сволочь! Только попробуй стукнуть!

Кёрт качнулся вперед, зацепился ногой за ногу, рухнул на стол и с яростным воплем свалился на пол. На него дождем посыпались игральные карты и пепел.

— Давай! Давай! — подзадоривал обезумевший Коди. Он принялся подбегать к окнам и распахивать ставни. Комнату затопил палящий белый свет, обнаживший грязный ковер, растресканные стены, обшарпанную мебель из комиссионки. Свет упал на Локетта-старшего, который пытался встать посреди комнаты на нетвердые ноги, и тот, загородив глаза рукой, пронзительно крикнул: — Убирайся! Катись из моего дома, сука! — Он швырнул в Коди вешалкой для галстуков. Она врезалась в стену и свалилась на пол.

Коди даже не взглянул на нее.

— Выкачусь, — сказал он, тяжело дыша, но уже спокойным голосом, глядя на Кёрта, который загораживал лицо от солнца, такими же мутными глазами. — Выкачусь, не волнуйся. Но тебя я больше не прикрываю. Потеряешь работу — сам виноват.

— Я мужик! — заорал Кёрт. — Не смей со мной так разговаривать! Я мужик!

Теперь настала очередь Коди смеяться — горьким смехом оскорбленного человека. То, что обмирало внутри его, становилось все тяжелее.

— Попомни мои слова. — Он повернулся к двери, чтобы уйти.

— Парень! — рывкнул Кёрт. Коди остановился. — Радуйся, что твоя мать померла, парень, — вскипел Кёрт. — Потому что, будь она жива, она бы ненавидела тебя не меньше моего.

Коди мигом очутился за дверью, которая хлопнулась у него за спиной, как капкан. Сбежав с крыльца к мотоциклу, парнишка вдохнул полной грудью, чтобы прояснилось в голове — на миг ему почудилось, что его мозг втиснули в крохотную коробочку; малейшее давление, и он взорвется.

— Соседи, вы там рехнулись? — крикнул со своего крыльца Стэн Фрэйзер. Над брючным ремнем нависало брюхо. — Что вы разорались?

— Поцелуй меня в жопу! — Сев на «хонду» и пнув стартер, Коди издал непристойный звук. Лицо Фрэйзера стало малиновым. Он двинулся по ступенькам к Коди, но парнишка рванул с места так быстро, что мотоцикл встал на дыбы, а из-под заднего колеса в воздух полетел песок. Промчавшись через двор, Коди свернул на Брасос-стрит. Красная «хонда» пошла юзом, ее закрутило, развернуло, колеса оставили автограф на мостовой.

В доме Кёрт поднялся и прищурился. Спотыкаясь, он прошел вперед, торопливо закрыл ставни, задравшись от света, и тогда почувствовал себя лучше. Кёрт не забыл, как умирал его отец. Рак кожи сплошь покрыл его лицо и руки коричневыми пятнами, а другой, более серьезный и страшный рак тем временем сжирал отца изнутри. Это воспоминание мало чем отличалось от тех кошмаров, что пресле-

довали Локетта-старшего по ночам. Он пробурчал: «Проклятый мальчишка». Выкрикнул: «*Проклятый мальчишка!*» Разговаривай Кёрт со своим стариком так, как этот сопляк — с ним, он давно лежал бы в могиле. Нескольким рубцов от самых удачных папашиных ударов ремнем, на котором тот правил бритву, до сих пор украшали его ноги и спину.

Он подошел к двери-ширме и почуял висящий в воздухе запах выхлопа мотоцикла Коди.

— Локетт! — раздался голос Фрэйзера. — Эй, Локетт! Надо поговорить! — Кёрт закрыл внутреннюю дверь и запер ее. Теперь свет просачивался только сквозь трещины в ставнях. Снова стало жарко. Кёрт любил потеть — пот выводил из организма вредные шлаки.

Света хватило, чтобы увидеть на полу вешалку для галстуков. Кёрт поднял ее. Деревянная перекладина с одной стороны расщепилась и отскочила, один идеально вырезанный край раскололся и безвозвратно погиб, но прочее уцелело. Кёрт понятия не имел, что мальчишка способен смастерить такое. Глядя на вешалку, он припомнил, что умели его собственные руки в те незапамятные времена, когда он был молодым, крепким, со своим Сокровищем под боком.

Это было задолго до того, как к ожидающему в больничной приемной Кёрту вышел врач с мексиканской фамилией и сказал: «У вас родился сын. Однако (Кёрт до сих пор ощущал руку врача-мексиканца на своем плече) будьте любезны пройти в кабинет». Было что-то еще — очень важное, — о чем требовалось поговорить.

А все потому, что Сокровище была такой хрупкой. Ее тело все отдавало младенцу. Один шанс на десять тысяч, сказал доктор-мексиканец. Бывает, тело женщины оказывается настолько истощено и измучено, что не выдерживает такого сильнейшего потрясения как роды. Плюс осложнения... но, сеньор, жена осчастливила вас здоровым мальчуганом. При сложившихся обстоятельствах погибнуть могли оба. Благодарите Бога, что ребенок выжил.

Оказалось, нужно подписать какие-то документы. С чтением Кёрт был не в ладах, читала всегда Сокровище. Поэтому он просто с умным видом нацарапал свое имя там, где полагалось.

Стиснув вешалку для галстуков, Кёрт чуть было снова не запустил ее в стену. Совершенно как Коди, понял он. На кой черт нужен ребенок без матери? И на кой черт нужна вешалка для галстуков без галстуков? Однако ломать красивую вещь он не стал и понес ее в спальню к смятой постели, грязной одежде и четырем пустым бутылкам из-под «Кентакки джент», выстроившимся в ряд на гардеробе.

Включив свет, Кёрт уселся на кровать. Он взял с пола полупустую бутылку «Кентакки джент» с фирменным радостным полковником на

этикетке и отвинтил пробку. Локоть согнулся, губы охватили горлышко, и животворная влага опалила гортань.

Глотнув виски, он почувствовал себя гораздо лучше. Прибавилось сил. Прояснилось в голове. К Кёрту вернулась способность разумно рассуждать, и, приложившись к бутылке еще несколько раз, он решил, что отучит Коди нагло разговаривать с отцом. Черт побери, он этого так не оставит! Мужик он или нет! Самое время окоротить проклятого мальчишку.

На глаза Кёрту попалась фотография в рамочке, стоявшая на маленьком столике у кровати. Выцветший на солнце снимок много раз складывали, он был в пятнах не то кофе, не то виски — Кёрт запомнил. С фотографии смотрела семнадцатилетняя девушка в синем платье в полоску, рассыпавшиеся по плечам густые светлые кудри сияли на солнце. Она улыбалась и делала Кёрту, который шелкнул ее за четыре дня до свадьбы, знак «нормалек!» Но и тогда в ней уже рос этот пацан, подумал Кёрт. Ей оставалось жить меньше девяти месяцев. Сам не понимая зачем, он забрал ребенка. Сестра выручала его, пока в третий раз не вышла замуж и не переехала в Аризону. Пацан был частью Сокровища — может быть, потому-то Кёрт и решил сам воспитать Коди. Это имя они заранее выбрали на тот случай, если родится мальчик.

Он провел пальцем по пронизанным солнцем волосам.

— Неправильно это, — тихо сказал он. — Несправедливо, что я состарился.

Большими глотками Кёрт прикончил бутылку. Жгучая жидкость клекотала в животе, словно лава в недрах вулкана, требуя дальнейших возлияний. Когда Кёрт понял, что бутылка вся, он вспомнил про другую, на верхней полке в шкафу. Поднявшись, он неверным шагом прошел к шкафу — ку-ку, ножки! — и зашарил среди старых рубашек, носков и пары ковбойских шляп, нащупывая заначку. Сыну он не доверял: стоит отвернуться, и окаянный мальчишка спустит пойло в сортир. С него становится.

Пальцы нащупали знакомый предмет лишь в пыльных глубинах полки, у самой стенки шкафа. «Ага! Есть!» Кёрт вытянул бутылку наружу, вывалив из шкафа рваную синюю рубаху, кожаный ремень... на пол к его ногам упало что-то еще.

Кривая ухмылка Кёрта сломалась.

Это был галстук: белый, густо усеянный красно-синими кружочками.

— Батюшки-светы, — прошептал Кёрт.

Сперва он не мог понять, откуда взялся этот галстук. Потом, подумав, вспомнил, что надевал его, когда ребята из федеральной службы охраны труда inspectировали медный рудник — он тогда работал помощником бригадира на погрузке вагонов. Давным-давно, до того, как мексиканцы отняли у него работу. Кёрт нагнулся за галстуком, покачнулся, потерял равновесие и свалился на бок. Сооб-

разив, что по-прежнему сжимает в другой руке вешалку, он осторожно отставил «Кентакки джент» в сторону, выпрямился и подобрал галстук. От него слабо повеяло выдохшимся «Виталисом».

Чтобы рука не дрожала, пришлось сосредоточиться. Кёрт повесил галстук на перекладину вешалки. На фоне гладкого дерева и серебристых квадратиков тот выглядел действительно красиво. Кёрта охватило глубокое волнение — вот бы Коди увидел! Парень был в соседней комнате; всего минуту назад Кёрт слышал, как скрипнули петли входной двери, когда сын заходил в дом. «Коди! — крикнул он, пытаясь подняться. Наконец, ему удалось подобрать ноги под себя и встать. Спотыкаясь, Кёрт прошел к двери в спальню. — Коди, глянь! Глянь, что я...»

Едва держась на ногах, он ввалился в гостиную. Но Коди там не было, тишину нарушало лишь медленное поскрипывание вентилятора. «Коди?» За ним волочился свисающий с вешалки галстук. Не получив ответа, Кёрт потер непослушными пальцами висок и вспомнил, что они с Коди полаялись. Разве ж это было сегодня? «О Господи, — панически подумал он. — Пойду-ка я лучше в пекарню, не то мистер Нолан шкуру с меня спустит!» Но Кёрт так устал, что не стоял на ногах. Никак, грипп, подумал он. Ничего страшного, денек можно и пропустить — печенье, пирожки и булочки испекутся независимо от того, придет он или нет, и, вообще говоря, делать в этой пекарне нечего. Коди прикроет, решил Кёрт. Раньше он всегда меня выгораживал. Пацан молодец.

«Пить-то как охота, — подумал он. — Жуть!» И, прижимая к груди вешалку с одиноким безобразным галстуком, спотыкаясь двинулся обратно в спальню, где время сворачивалось и разворачивалось и властвовал радостный полковник.

XIV

ЧЕГО ХОТЕЛОСЬ ДИФИН

— Что значит «она изменилась»? — Том заморгал, чувствуя полный душевный разброд. Он посмотрел на жену, которая, обхватив себя за локти, прислонилась к дверному косяку. Потемневшие далекие глаза пристально смотрели в какую-то точку на полу, все внимание Джесси было обращено внутрь. — Джесси, о чем он говорит?

— Я не имею в виду физическое изменение. — Мэтт Роудс старался говорить спокойно и ободряюще, но не знал, насколько ему это удастся: ведь и его собственное нутро превратилось в сплетение сотрясаемых спазмами узлов. Он пододвинул свой стул к дивану и оказался с Томом Хэммондом лицом к лицу. Рэй, не меньше отца потрясенный тем, что обнаружил дома двух офицеров-летчиков, сидел слева от них. Солнечный свет расчерчивал стены гостиной белыми полосами. — Физически она прежняя, — сказал Роудс, делая ударение на «физически». — Просто... дело в том, что у девочки изменилась психика.

— Изменилась психика, — повторил Том. Слова падали тяжело, как камни.

— Объект, с которым утром столкнулась ваша жена, — говорил Роудс, — мог явиться из любой точки космоса. Мы знаем о нем только, что он вошел в атмосферу, загорелся и разбился. Надо найти ту штуку, которая от него отвалилась — черную сферу. Мы с капитаном Ганнистоном чрезвычайно тщательно осмотрели дом, обыскав все с нашей точки зрения доступные для девочки места. Однако, когда мы приехали, она едва могла передвигаться ползком, поэтому догадаться, как она распорядилась сферой, невозможно. Около половины одиннадцатого, когда миссис Хэммонд звонила сюда, сфера еще была у вашей дочки.

Том закрыл глаза, потому что комната завертелась. Когда он опять открыл их, полковник по-прежнему сидел на стуле.

— Что за черная сфера?

— Этого мы тоже не знаем. Как я уже сказал, ваша дочь, кажется, слышала, как сфера издает некие неслышные остальным звуки — по

ее выражению, «поет». Возможно, это был аудиомаяк, каким-то образом настроенный на излучение мозга вашей девочки — я же говорю, мы не знаем. Но и я, и капитан Ганнистон оба считаем, что... — Полковник замолчал, пытаясь сообразить, как лучше выразиться. Ничего не напишешь, обходного пути не было. — Мы оба считаем, что произошла трансференция.

Том молча пожирал его глазами.

— Ментальная трансференция, — пояснил Роудс. — Ваша дочь... не та, кем кажется. Она по-прежнему выглядит маленькой девочкой, но это не так. Что бы ни находилось в вашем кабинете, мистер Хэммонд, это не человек.

Том тихо охнул, словно задохнувшись от сильного удара.

— Мы думаем, что эта трансференция — результат воздействия черной сферы. Почему или как это произошло, мы не знаем. Мы имеем дело с чертовски странными вещами — по-моему, слишком мягко сказано, а? — Роудс натянуто улыбнулся. Лицо Тома по-прежнему ничего не выражало. — Я здесь не просто так, — продолжал полковник. — Когда объект начал падать и следящий компьютер подтвердил, что это не метеорит и не вышедший из строя спутник, мне поручили спецзадание. Я шесть лет занимался проектом «Голубая Книга» — исследовал посадочные площадки НЛО, беседовал с очевидцами, выезжал на место происшествий в самые разные точки страны. Поэтому феномен НЛО мне знаком.

Том снял очки и протер стекла рубашкой. Казалось, очень важно, чтобы на стеклах не было ни пятнышка. Джесси все еще была погружена в свои мысли, но Рэй вдруг стряхнул оцепенение и спросил:

— Вы хотите сказать... вы видели *настоящее* летающее блюдце? Инопланетное?

— Приходилось, — не задумываясь ответил Роудс. Данному инциденту неизбежно предстояло вписать новую главу в сборники инструкций по безопасности, и полковник считал, что спокойно может сказать правду. — Девяносто процентов поступающих сообщений относятся к метеоритам, шаровым молниям, розыгрышам и прочему в том же духе. Но десять процентов — нечто совершенно иное. Три года назад в Вермонте потерпело крушение ИПСП — инопланетное средство передвижения. Мы подобрали образцы металла и останки инопланетян. Еще одно ИПСП упало прошлым летом в Джорджии, но и конструкция, и пилот ничем не напоминали вермонтский случай. — «Я выдаю государственную тайну сопляку с оранжевым гребешком на голове!» — понял полковник. Рэй восхищенно внимал, а Том тем временем отключился, продолжая тереть очки. — Поэтому, изучив все точки приземления разнообразных ИПСП, мы пришли к заключению, что Земля находится около... э-э... космической супер-автострады или, может быть, коридора, соединяющего одну часть галактики с другой. Подобно земным автомобилям, некоторые ИПСП ломаются, их всасывает в земную атмосферу, и они разбиваются.

— Ух ты, — прошептал Рэй. Глаза за стеклами очков стали огромными.

Роудс знал, что за рассекречивание этой информации без каких-либо на то полномочий можно получить пожизненное тюремное заключение, но объяснения были оправданными обстоятельствами. Кроме того, подобным историям все равно верит только тот, кто лично столкнулся с чем-либо подобным. Он опять посмотрел на Тома.

— Моя команда подчищает место аварии. К полуночи мы готовы будем уехать. И... мне придется забрать это существо с собой.

— Она — моя дочь. — Слабый голос Джесси снова окреп. — А не существо!

Роудс вздохнул. Они успели помучиться с этим уже несколько раз.

— У нас нет выбора. Мы должны забрать это существо на Уэбб, а оттуда — в Виргинию, в исследовательскую лабораторию. Его никак нельзя оставлять на свободе — нам неизвестны ни его намерения, ни биология, ни химия, ни...

— Психология, — закончил за него Том, трясущимися руками надевая очки. Голова у него вдруг вновь заработала, хотя окружающее по-прежнему казалось туманным и похожим на сон.

— Правильно. И психология. Пока что она... то есть *она* не вело себя угрожающе, но кто знает, что у него на уме.

— Отпад, ребята! — сказал Рэй. — Моя сестра — инопланетянка!

— Рэй! — прикрикнула Джесси, и улыбка мальчика растаяла. — Полковник Роудс, мы не позволим вам забрать Стиви. — Голос молодой женщины пресекал. — Все равно она наша дочь.

— Только *с виду*.

— Пусть! Но то, что вселилось в нее, может убраться! Если с телом все будет в порядке, может вернуться сознание...

— Полковник! — В дверном проеме, ведущем из кабинетика в гостиную, появился Ганнистон. Его веснушчатое лицо побледнело еще сильнее, и капитан теперь казался тем, кем, по сути, и был: перепуганным двадцатитрехлетним пареньком в форме военного летчика. — Она дочитывает последний том.

— Поговорим после, — обратился Роудс к Джесси, поднялся и поспешно направился в кабинетик. Рэй шел за ним по пятам. Том обнял Джесси, и они двинулись следом. Но, переступив порог, Том остановился как громом пораженный. Рэй, разинув рот, стоял и смотрел во все глаза.

По всей комнате лежали тома энциклопедического словаря, по полу были раскиданы толковый словарь Вебстера, «Атлас мира», тезаурус Роже и прочие справочники, а посреди всего этого беспорядка восседала Стиви с последним томом «Британской энциклопедии» в руках. Девочка сидела на корточках, подавшись вперед, как птица на жердочке. На глазах у Тома она открыла книгу и принялась перелистывать страницы. На каждую страницу уходило около двух секунд.

— Словари она уже прочла, — сказал Роудс. «Зови это пришельцем или существом», — напомнил он себе... но оно так походило на девочку в джинсах и футболке, что эти холодные термины казались неподходящими. Прежде безжизненные глаза искрились, напряженный взгляд был со всепоглощающим вниманием устремлен на страницы. — На то, чтобы понять наш алфавит, у нее ушло примерно тридцать минут. После этого настала очередь ваших книг.

— О Господи... сегодня утром она еле читала, — сказал Том. — Я хочу сказать... она и в первый класс еще не ходит!

Страницы продолжали переворачиваться. Послышалось журчание. Том увидел, как под дочкой в ковер впиталась какая-то жидкость.

— Тело, несомненно, пока выполняет свои нормальные функции, — пояснил Роудс. — Следовательно, мы знаем, что хотя бы какие-то отделы человеческого мозга работают, пусть рефлекторно.

Джесси крепко вцепилась мужу в руку. Том покачулся; Джесси заметила это и испугалась, что муж упадет. Стиви все еще была полностью поглощена книгой, страницы переворачивались все быстрее, превратившись в размазанную полосу.

— Она сейчас выдохнется! — подал голос Рэй. — Нет, вы только посмотрите! — Он шагнул вперед, но полковник поймал его за рубашку и не позволил подойти. — Эй, Стиви! Это я, Рэй!

Девочка подняла голову. Повернулась к нему. В парнишку уперлись любопытные зоркие глаза.

— Рэй! — повторил он и постучал себя в грудь.

Девочка наклонила голову на бок и медленно моргнула. Потом выговорила: «Рэй» и стукнула себя в грудь, после чего вернулась к чтению.

— Ну, — заметил Роудс, — может быть, в колледж ей еще рано, но обучение идет.

Том взглянул на россыпь книг.

— Если... она действительно больше не Стиви... если она — нечто иное, как же оно узнало про книги?

Джесси сказала:

— Наткнулась на них и, наверное, догадалась, что это такое. Когда она покончила с алфавитом, она обошла дом и все разглядывала. Кажется, лампа ее совершенно очаровала. И зеркало тоже — она все пыталась в него войти. — Услышав собственный голос, Джесси сообщила, что говорит так же бесстрастно, как Роудс. «Это же наша дочка. Наша дочь!» Но, наблюдая за мельканием страниц энциклопедии, она поняла: где бы ни находилась Стиви (а что делало Стиви — Стиви? Сознание? Душа?), в скорчившемся перед ними над лужей мочи и жадно поглощающем информацию теле ее нет.

Последняя страница была прочитана. Книгу закрыли и осторожно, почти благоговейно отложили в сторону. Теперь Том точно понял, что перед ним не Стиви — дочка не умела осторожно класть вещи, она их швыряла.

Существо поднялось плавным, точно рассчитанным движением. Теперь оно уверенно держалось на ногах, словно привыкло к силе тяжести. «Стиви» посмотрела на замерших на пороге людей и внимательно исследовала взглядом их лица. Особенно ее заинтриговали очки Тома и Рэя. Она дотронулась до своего лица, словно ожидала найти там нечто подобное. Потом поднесла к лицу ладони и принялась разглядывать их, сравнивая с ладонями остальных.

— Теперь у нее в голове алфавит, толковый словарь, тезаурус, атлас мира и энциклопедия, — спокойно проговорил Роудс. — Думаю, она пытается узнать о нас все возможное. — Глядя, как шевелятся губы полковника, существо потрогало свой рот. — Ну, что ж, момент подходящий, а? — Он шагнул к ней, потом остановился, чтобы не оказаться слишком близко и не напугать, и, стараясь как можно яснее выговаривать слова, сказал: — Твое имя. — Сердце трепыхалось, точно птица в клетке. — Как тебя зовут?

— Твое имя, — повторила она. — Как тебя зовут?

— Тебя. — Полковник указал на нее. — Скажи нам свое имя.

Не спуская с Роудса глаз, девочка погрузилась в размышления. Взглянув на Рэя, она ткнула в него пальцем:

— Рэй.

— Господи! — завопил парнишка. — Инопланетянка знает мое имя!

— Тихо! — Джесси захотелось ущипнуть его так, чтобы он замолчал.

Роудс кивнул.

— Правильно. Это Рэй. А кто *ты*?

Существо развернулось и грациозной скользящей походкой направилось в коридор. Оно остановилось, снова обернулось к ним, сказала: «Имя» и двинулось в холл.

У Джесси екнуло сердце.

— По-моему, она хочет, чтобы мы пошли за ней.

Они отправились следом. Существо поджидало их в комнате Стиви, подняв руку с нацеленным на что-то указательным пальцем.

— Как тебя зовут? — не понимая, повторил Роудс. — Скажи, как тебя звать.

Она ответила:

— Ди-фин.

И тут все увидели, что ее палец указывает на доску объявлений Стиви, где висела картинка с изображением дельфина.

— Двойной отпад! — воскликнул Рэй. — Она Флиппер!

— Ди-фин. — Это было сказано по-детски. Существо вытянуло руку вверх, пальцы коснулись картинки, пробежали по аквамариной воде: — Ди-фин.

Роудс не был уверен, что, собственно, имеется в виду: дельфин или океан. Во всяком случае, он не сомневался, что существо, которое стоит перед ним, — нечто гораздо большее, чем дельфин в обличье

человека. Гораздо большее. Глаза гости спрашивали, понял ли он, и полковник кивнул. Ее пальцы на несколько секунд задержались на картинке, делая легкие волнообразные движения. Потом интерес «Стиви» переключился на другую картинку, и Роудс увидел, как девочка вздрогнула.

— Ку-сака, — выговорила она, словно попробовав что-то омерзительное, дотронулась до скорпиона и быстро отдернула пальцы, будто испугалась, что ее ужалят.

— Это же просто картинка, — Роудс постучал по бумаге. — Она ^и живая.

Дифин еще секунду штудировала картинку, потом вытащила цветные кнопки, которыми та крепилась к доске, и внимательно всмотрелась в изображение, водя пальцем вдоль членистого хвоста. Руки девочки начали что-то делать с бумагой. Складывает, понял Роудс. Придает бумаге другую форму.

Джесси схватила Тома за руку. Она наблюдала, как Стиви — или Дифин, или что уж это было — сгибала и складывала бумагу пальцами, которые вдруг стали быстрыми и гибкими. Через несколько секунд была готова бумажная пирамида. Дифин отшвырнула ее от себя; пирамида перелетела через комнату, ударилась о стену и отскочила.

Ганнистон поднял ее. Он никогда не видел более скверного бумажного самолетика.

Существо смотрело прямо на них. В глазах светились ожидание и вопрос, но какой, никто не мог понять. Оно шагнуло к Джесси, которая, в свою очередь, отступила на шаг. Рэй вжался спиной в стену. Дифин положила руку себе — Стиви — на грудь.

— Твоя? — проговорила она.

Джесси поняла, о чем спрашивает это создание.

— Да. Моя дочка. *Наша* дочка. — И стиснула пальцы Тома так, что чуть не раздавила их.

— Доч-ка, — старательно повторила Дифин. — Отпрыск женского пола.

— Прямо по Вебстеру, — пробормотал Ганнистон. — Думаете, она понимает, что говорит?

— Тихо! — велел Роудс. Дифин, вздернув подбородок, скользнула к окну и на целую минуту замерла. Джесси поняла, что инопланетянку очаровал видный сквозь спущенные жалюзи осколок голубого неба. Она заставила себя сдвинуться с места, подошла к окну и дернула за шнур, поднимая шторы. Через подоконник хлынул золотистый свет послеполуденного солнца, яркой лазурью засверкало безоблачное небо.

Дифин стояла и смотрела. Встав на цыпочки, она вскинула кверху обе руки; тело натянулось, как струна, устремляясь к небу. На глазах у Джесси лицо гости изменилось, перестало быть пустой бесстрастной маской. Теперь его затопили тоска и такая смесь радости с печалью,

которую Джесси не с чем было сравнить. Это было личико Стиви, невинное и любопытное, и в то же время чье-то чужое, старое как мир лицо, лицо старухи, измученной заботами и грезами о былом.

Маленькие руки потянулись к стеклу, но Стиви была слишком мала ростом, чтобы взобраться на подоконник. Дифин нетерпеливо фыркнула, скользнула мимо Джесси и потащила от стола Стиви стул. Она взобралась на него, наклонилась к окну и немедленно ударилась лбом о стекло. Пальцы Дифин обследовали невидимую преграду, они билась, как мошки, пытающиеся пролететь сквозь сетку. Наконец руки Дифин безвольно повисли вдоль тела.

— Я... — сказала Дифин. — Я же-лать...

— Что она говорит? — спросил Ганнистон, но Роудс приложил палец к губам.

— Я же-лать... — Дифин повернула голову и глаза, в которых притаилось что-то древнее, некая крайняя нужда, встретились с глазами Джесси. — Я же-лать гла-голать ваш уш-ной рако-вина.

Все молчали. Дифин моргнула, ожидая ответа.

— Думаю, она хочет поговорить с нашим главным, — сказал Рэй, и Том не слишком нежно ткнул его локтем в плечо.

Дифин повторила:

— Ко-ле-бать ваш бара-бан-ный пере-понка.

Джесси подумала, что, кажется, понимает.

— Вы хотите... поговорить с нами?

Дифин нахмурилась, обдумывая услышанное. Она тихонько чиркнула (странный мелодичный звук), слезла со стула и мимо Джесси выскользнула из комнаты. Роудс с Ганнистоном поспешили за ней.

К тому времени, как Джесси, Том и Рэй добрались до кабинета, Дифин уже скрючилась на полу, намереваясь перечитать словарь от корки до корки.

ПЛОХАЯ КАРМА

В то самое время, когда Дифин пыталась постичь тонкости английского языка, в ремонтной зоне автозаправочной станции Ксавьера Мендосы на гидравлическом подъемнике, заводя «форд», которому требовалось сменить тормозные цилиндры, работал Коди Локетт. Коди был в старых линялых джинсах и оливково-зеленой робе, на которой под звездочкой «Тексако» стояло его имя. Руки у мальчика были черные от грязи и масла, лицо — полосатое от смазки. Парнишка знал, что весьма отдаленно напоминает чистеньких бензозаправщиков из рекламных телепередач, но не испачкавшись, работу не сделаешь. За последний час он сменил масло в двух машинах и свечи зажигания — в третьей. Гараж был царством Коди: на стенах аккуратными рядами, сияя не хуже хирургического, висел инструмент, от стеллажа с покрышками и целым набором кабелей пахло свежей резиной, с металлических балок под потолком свисали ремни и шланги. Дверь гаража была поднята, большой вентилятор гонял воздух по кругу, но везде, где солнце отражалось от хрома, все равно было не продохнуть, и двигатели приходилось постоянно переворачивать.

Застопорив подъемник на необходимой, по его мнению, высоте, Коди подстыковал пневматический гаечный ключ и начал снимать покрышки. Работа помогала забыть про папашу. На сегодня дел у Коди было предостаточно (ему еще предстояло вытащить мотор из зеленовато-голубого пикапа, стоявшего в соседней ремонтной зоне), а парнишке хотелось выкроить после обеда часок-другой, чтобы повозиться с карбюратором мотоцикла и заделать вмятины.

Зазвонил звонок — снаружи к насосам подъехала машина, но Коди знал, что мистер Мендоса сам займется клиентами. Санни Кроуфилд пошабашил перед самым приходом Коди. Это тоже было неплохо, поскольку Коди его не переваривал, считая полоумным полукровкой и Гремучкой до мозга костей. Санни всегда распространялся о том, как в один прекрасный день спихнет Хурадо и станет президентом.

Насколько слышал Коди, даже Гремучки не особенно общались с Кроуфилдом, который жил на окраине автодвора один-одинешенек, если не считать коллекции скелетов животных — но где и как он добывал эти кости, никто не знал.

Загудел клаксон. Коди оторвался от работы и поднял глаза.

У насосов, лоснясь и сияя, стоял серебристо-голубой «мерседес» с откидным верхом. За рулем сидел мужчина в темных очках и соломенной панаме. Он поднял руку в коричневой кожаной автомобильной перчатке и сделал Коди знак подойти. Рядом с ним восседал крупный доберман, на заднем сиденье лежал второй пес. Мендоса вышел из конторы и пошел поговорить с водителем. Коди вернулся к работе, но «мерседес» несколько раз коротко нетерпеливо просигналил.

Мэк Кейд был настырен, как клеш. Коди знал, чего ему надо. Клаксон рывкнул снова, хотя Мендоса уже стоял у машины, пытаясь втолковать Кейду, что у Коди еще полно работы. Мэк Кейд не обращал на него никакого внимания. Чертыхнувшись себе под нос, Коди отложил пневматический гаечный ключ и, чтобы потянуть время, вытер руки ветошью. Потом вышел на ослепительное солнце.

— Ну-ка, Коди, заливай! — сказал Мэк Кейд. — Ты знаешь, что он пьет.

— У тебя есть работа в гараже, Коди! — Мистер Мендоса как мог пытался выгородить парнишку — он тоже понимал, к чему клонит Кейд. — Нечего выходить на заправку! — Глаза мистера Мендосы были черными и грозными, а из-за седых волос и пышных седых усов он напоминал готового к последней схватке старого гризли. Если б не проклятые псы, он выдернул бы Кейда из этой пижонской машины и сделал бы из него отбивную.

— Ну-ну, мне вовсе не все равно, кто трогает мою машину, — сладким голосом протянул Кейд. Он привык к повиновению. Он улыбнулся Мендосе; на очень гладком лице сверкнули мелкие белые зубы. — Скверные тут флюиды, дядя. Ей-богу, у тебя плохая карма.

— Свои дела обделывай в другом месте! И хватит пороть чушь! — От крика Мендосы Сыпняк — пес, занимавший переднее сиденье, — напрягся и заворчал. Второй пес по кличке Столбняк неподвижно лежал на заднем сиденье, не спуская со старика глаз и прижав к голове единственное ухо. Оба зверя отличались только тем, что Столбняк был карнаухим, а Сыпняк — пошире в плечах.

— Да? Хочешь, могу пригнать сюда собственные бензовозы.

— Ага, может, оно и не ху...

— Хватит, — перебил Коди. — Не надо меня пасти, — сказал он Мендосе. — Я уже самостоятельный. — Он подошел к насосу с дизельным топливом, вытащил шланг и поставил счетчик на нули.

— Давай дадим миру шанс, Мендоса, — сказал Кейд, когда Коди начал заливать горячее. — Идет?

Мендоса сердито фыркнул и покосился на Коди. Мальчик кивнул: все нормально. Мендоса сказал: «Я буду в конторе. Никакой дряни у него не брать, ясно?», повернулся на каблуках и размахисто зашагал прочь. Кейд повернул регулятор громкости магнитофона, встроенного в приборный щиток, и хрипловатый голос Тины Тёрнер загремел: «Лучше будь со мной хорошим!»

Как только Мендоса вошел в контору, Кейд сказал Коди:

— Еще можно почистить ветровое стекло.

Коди заработал губкой-скребком, поглядывая на свое искаженное отражение в зеркальных стеклах очков Кейда. Мэк был в темно-красной шелковой рубаше с коротким рукавом и светлых джинсах, шляпу удерживал кожаный ремешок под подбородком. На шее болталось несколько золотых цепочек. С одной свисал старый добрый пацифик, с другой — маленькая золотая пластинка с какой-то надписью на иностранном языке. Левое запястье украшал «Ролекс» с бриллиантами на циферблате, а правое — золотой браслет с выгравированным на нем «Мэк». Оба добермана с живым интересом наблюдали, как губка Коди ходит по стеклу из стороны в сторону.

Кейд приглушил музыку.

— Ты наверняка слышал про метеорит. Обалдеть, а?

Коди не отвечал. Конечно, он видел вертолет в Престон-парке, но не знал, что происходит, пока мистер Мендоса не рассказал ему. Прознай мистер Хэммонд, что в грузовичок его жены угодил метеорит, раздумывал Коди, не стал бы он так долго околачиваться в школе после звонка, как пить дать.

— А я еще слышал, что метеорит этот горячий, ага. И радиоактивный. Предполагается, что это тайна, но мне проболталась в «Клейме» Китовая Задница, а ей — помощник шерифа. По-моему, чутко радиации нам не повредит — хоть немного расшевелит этот окаянный город, верно?

Коди сосредоточенно отскребал с ветрового стекла разбившегося о него мотылька.

— Что-то опять пошли нехорошие флюиды, Коди. Ей-богу, мужик, вы все тут сегодня обожрались ЛСД.

— Ты платишь за бензин, а не за разговоры.

— Фью! Каменная морда провещилась! — Кейд почесал Сыпняку голову и посмотрел, как мальчик работает. Лицо этого тридцатитрехлетнего мужчины было ангельски-тихим, но за темными очками прятались холодные, хитрые голубые глаза. Коди уже видел их — они наводили на мысль о безжалостной стали кроличьего капкана. Светлые редющие волосы, зачесанные с гладкого лба назад, прикрывала панамы. В левой мочке поблескивали две бриллиантовых сережки-гвоздики. — Завтра ты учишься последний день, — издевка из голоса Мэка исчезла. — Большой день для тебя, мужик. Важный день. — Он почесал Сыпняку шею. — Ты наверняка задумывался о своем будущем. И о деньгах.

«Молчи! — подумал Коди. — Не купись на это!»

— Как отец? В прошлый раз, когда я заезжал за пончиками, его не было.

Коди закончил протирать ветровое стекло и взглянул на счетчик. Цифры еще шелкали.

— Надеюсь, с ним все в порядке. Понимаешь, город-то сворачивается, так, наверное, скоро и пекарне конец. Что он тогда собирается делать, Коди?

Коди отошел и встал возле насоса. Мэк Кейд повернул голову и проводил его глазами. Улыбка белела, как шрам.

— У меня есть место для механика, — сказал он. — Для хорошего постоянного механика. Но самое позднее через неделю его займут. Платить буду от шестистот в месяц и больше. Не знаешь человечка, который сумел бы распорядиться этими деньгами?

Коди молчал, наблюдая за сменой цифр. Но в ушах звучало «шестьсот в месяц», с каждым повтором набирая силу. «Боже Всемогуший! — подумал он. — Чего бы я только не сделал с такими деньжищами!»

— Да дело-то не только в деньгах, — гнул свое Кейд, почуяв в молчании Коди поживу. — Это выгодно, мужик. Я могу сделать тебе точно такую машину. Или, если хочешь, «порше». Любого цвета. Как насчет пятиместного красного «порше», чтоб выжимал до ста двадцати? Говори, чего надо, — получишь.

Счетчик остановился. Бак Кейда был полон. Коди отцепил пистолет, перекрыл бензин и вернул шланг на место. Шестьсот в месяц, крутилось у мальчика в голове. Красный «порше»... выжимает до ста двадцати...

— Работа ночная, — сказал Кейд. — С каких до каких — зависит от того, что на дворе, и если случится аврал, я потребую работать по шестнадцать часов. За качественную работу мои толкачи платят классными колесами, Коди... думаю, тебе это может подойти.

Коди прищурился, глядя в сторону Инферно. Солнце начало долгий путь к закату, и, хотя темнело лишь в девятом часу, парнишка ощутил, как из-за спины подкрадываются тени.

— Может, так, может, нет.

— Я видел твою здешнюю работу. Туго. Ты прирожденный механик. Нельзя растрачивать Богом данный талант на починку драндулетов, которые дышат на ладан. Ведь так?

— Не знаю.

— А чего тут знать? — Кейд достал из кармана рубашки массивную золотую зубочистку и поковырял нижний коренной зуб. — Ты, может, из-за легавых кобенишься?... Ну, здесь-то все схвачено. *Бизнес*, Коди. Этот язык все понимают.

Парнишка не отвечал. Он думал, что можно купить на шестьсот долларов в месяц и как далеко от Инферно можно уехать на красном «порше». К черту папашу, пусть сгниет и превратится в

червятник — плевать. Конечно, Коди знал, чем занимается Мэк Кейд, — видел же он, как посреди ночи с шоссе №67 съезжают, заворачивая к Кейду на автодвор, трейлеры. Подвозили они, ясное дело, краденые машины. Так же хорошо Коди понимал, что, когда огромные грузовики вновь брали курс на север, они увозили машины без прошлого. После того, как рабочие Кейда заканчивали работу, моторы, радиаторы, выхлопные системы, большая часть деталей корпуса, даже колпаки и краска оказывались заменены, отчего машины выглядели так, словно только что съехали с помоста в автосалоне. Куда отправлялись эти шедевры подделки, Коди не знал, но догадывался, что их либо перепродают нечистые на руку дельцы, либо используют в качестве общественных машин организованные банды. Кто бы ни пользовался ими, Кейду, считавшему Инферно идеальным местом для негласного проведения таких операций, платили чрезвычайно щедро.

— Ты же не хочешь кончить, как твой старик, Коди. — Мальчик увидел в темных очках Кейда свое отражение. — Ты хочешь чего-то добиться в жизни, так?

Коди замаялся. Он не знал, чего хочет. На закон ему было насрать, но ничего по-настоящему криминального он пока не совершал. Ну да, может, он и побил несколько окон и устроил заварушку-другую, но Кейд предлагал нечто совсем иное. Совершенно иное. Решиться было все равно, что сделать шаг за черту, у которой долго балансировал... то есть отрезать себе пути к возвращению. Навсегда.

— Предложение остается в силе неделю. Где меня найти, знаешь. — Кейд снова включил улыбку на полную мощность. — Сколько я тебе должен?

Коди сверился со счетчиком.

— Двенадцать семьдесят три.

Кейд открыл бардачок. Сыпняк лизнул его в руку. В бардачке лежал автоматический пистолет сорок пятого калибра с запасной обоймой. Кейд извлек скатанную в шарик двадцатку. Бардачок захлопнулся.

— Держи. Сдачу оставь себе. Там, внутри, еще кое-что для тебя. — Он включил мотор. Мерседес ровно, утробно заурчал. Столбняк заволновался, поднялся на прямых лапах с заднего сиденья и гавкнул Коди в лицо. Он учуял сырое мясо. — Подумай, — сказал Кейд и, визжа покрывками, умчался.

Коди проводил глазами уносящегося на юг Кейда и развернул двадцатку. Внутри оказался заткнутый пробкой крохотный флакончик, а в нем — три желтоватых кристалла. Коди знал, как выглядит крэк, хотя ни разу не накачивался этой дрянью.

— Все нормально?

Испуганный Коди кинул флакончик в нагрудный карман, приютив кристаллы кокаина под звездочкой «Тексако». Примерно в шести футах позади него стоял Мендоса.

— Ага. — Коди вручил двадцатку хозяину. — Сдачу он велел оставить себе.

— И еще что?

— Да просто язык чесал. — Коди прошел мимо Мендосы к гаражу, пытаясь разобраться, что к чему. Шесть сотен в месяц казались притягательными, как ледяная рука в чреве домны. В чем проблема? — спросил он себя. Несколько часов ночной работы, фараонам уже уплачено, есть шанс при желании примкнуть к делам Кейда. Почему я не сказал «да» сразу, здесь, сейчас?

— А знаешь, куда отправляются его машины? — пришедший следом за Коди Мендоса привалился к стене.

— Не-а.

— Знаешь, знаешь. Года два или три назад в Форт-Уорте в багажнике машины нашли наркаша с перерезанным горлом и пулей между глаз. Машина стояла перед зданием муниципалитета. Само собой, без номеров. Как ты думаешь, откуда она взялась?

Коди пожал плечами. Но он знал.

— А до того, — продолжал Мендоса, сложив на груди крупные смуглые руки, — в Хьюстоне подложили бомбу в пикап. Фараоны считают, что она должна была отправить на тот свет юриста, который работал на отдел по борьбе с наркотиками... но вместо него на кусочки разнесло женщину с ребенком. Как ты думаешь, откуда взялся тот грузовичок?

Коди взял пневматический гаечный ключ.

— Не надо читать мне мораль.

— Да я не к тому. Просто не вздумай хоть на минуту поверить, будто Кейд не знает, как используют его машины. Это только в Техасе — а он рассылает их по всей стране!

— Я просто перекинулся с ним парой слов. Закон этого не запрещает.

— Я знаю, чего ему от тебя надо, — твердо сказал Мендоса. — Теперь ты мужчина и можешь поступать, как вздумается. Но вот что я должен тебе сказать: мужчина отвечает за свои поступки. Это давным-давно внушил мне мой отец.

— Вы мне не отец.

— Нет, не отец. Но ты рос у меня на глазах, Коди. Знаю-знаю — «Отщепенцы» и все такое прочее... но это ерунда по сравнению с тем, во что тебя может втравить Кейд...

Коди включил пневматического ключ, и между стенами эхом пошел гулять пронзительный визг. Повернувшись спиной к Мендосе, парнишка принялся за работу. Мендоса хмыкнул. Черные глаза стали мрачно задумчивыми. Коди ему нравился — Мендоса знал, что он умный парень и, помогав, может стать не последним человеком. Но Коди изуродовал его сволочной папаша, парень позволил отраве старика просочиться в свои жилы. Мендоса не знал, что ждет Коди впереди, но боялся за юношу — слишком много

жизней у него на глазах было растрчено впустую ради легкого золота Кейда.

Он вернулся в офис, включил радио и поймал испанскую музыкальную станцию из Эль-Пасо. Около девяти мимо будет проезжать рейсовый автобус, направляющийся из Одессы в Чихаухау. Шофер всегда останавливался возле бензоколонки Мендосы, чтобы пассажиры могли купить в автоматах лимонад и конфеты. Потом шоссе №67 опустеет (разве что проедет случайный грузовик), асфальт под звездным простором начнет остывать. Тогда, закрыв бензоколонку на ночь, Мендоса вернется домой и как раз успеет к позднему обеду и партии-другой в шашки со своим дядей Лазаро, который живет с супругами Мендоса на Первой улице Окраины, а потом тикающие на стене часы в конце концов подгонят время к ночи. Возможно, сегодня ему приснится, будто он гонщик и с ревом носится вокруг грязных следов своей юности. Но, скорее всего, снов он не увидит.

Так пройдет очередная ночь, настанет очередной день. Мендоса понимал: так проходит жизнь человеческая.

Он прибавил громкость, слушая резкое пение труб музыкантов-марьячи, и изо всех сил старался не думать о возившемся в гараже парнишке, который стоял на перепутье, и никто на свете не мог помочь ему осилить эти дороги.

ПУЛЬС ИНФЕРНО

Тени росли.

На скамейках перед «Ледяным дворцом» сидели с сигарами и трубками старики. Они толковали о метеорите. Слыхал от Джимми Райса, сказал один. А Джимми узнал, от самого шерифа. Вот что я вам скажу — мне семьдесят четыре сравнялось не для того, чтоб меня пришибла какая-то каменюка из этого ихнего космоса, будь ей пусто! Еще немного, и свалилась бы она, окаянная, прямо нам на голову!

Все согласились, что чудом избежали гибели, заговорили о вертолете, что так и стоял посреди Престон-парка (как только эдакая штуковина летает!), и на вопрос «А ты залез бы в такую?» в один голос ответили: «Черта с два, я еще из ума не выжил!» Потом разговор плавно перешел на новый бейсбольный сезон: выиграет команда южан серию? «Когда рак свистнет, после дождичка в четверг!» — проворчал кто-то, жуя окурки сигары.

В «Салоне красоты» на Селеста-стрит Ида Янгер укладывала на гель тускло-каштановые волосы Тэмми Брайант. Здесь разговор шел не о метеорите и не о вертолете, а о двух красавчиках, прилетевших в нем. «Пилот — тоже мужичок что надо», — сказала Тэмми, которая видела Тэггарта, когда тот зашел в «Клеймо» за гамбургером и кофе, — они с Мэй Дэвис, разумеется, почувствовали, что им совершенно необходимо забежать туда перекусить. «Видела бы ты, как эта дрянь Сью Маллинэкс крутилась по всему кафе! — по секрету сообщила Тэмми. — Срам, да и только!»

Ида согласилась, что Сью — самая наглая стерва из всех давалок, какие рождались на свет. А задница у Сью все растет да растет — вот, кстати говоря, что бывает, если трахаться слишком часто.

— Нимфоманка, — сказала Тэмми. — Простая нимфоманка.

— Да уж, — ответила Ида. — Простая, как мычание.

И обе приснули.

На Кобре-роуд, за магазином готового платья «Выгодная покупка», почтой, булочной и «Замком мягких обложек», мужчина средних лет,

щуря глаза за очками в тонкой металлической оправе, сосредоточенно протыкал булавкой брюшко небольшого коричневого скорпиона, которого утром нашел в опрысканной «Рейдом» кухне. Мужчину звали Ной Туилли, он был бледным, сухопарым, прямые черные волосы уже тронула седина. Тощие пальцы Ноя проткнули скорпиона булавкой и приобшили к коллекции прочих «дам и господ» — скорпионов, жуков, ос и мух, припиленных к черному бархату под стеклом. Ной сидел у себя в кабинете. Тридцать яров отделяли сложенный из белого камня дом Туилли от кирпичного здания с витражным стеклом в окне, гипсовой статуей Иисуса меж двух гипсовых же кактусов и вывеской «Городское похоронное бюро».

Отец Ноя умер шесть лет назад, оставив сыну свое дело — сомнительная честь, поскольку Ной всегда хотел быть энтомологом, — и Туилли-младший лично удостоверился, что отца похоронили в самой жаркой точке Юккового Холма.

— Нооооой! *Ной!* — От пронзительного крика спина Туилли окостенела. — Принеси мне кока-колы!

— Минутку, мама, — отозвался он.

— *Ной!* Моя передача началась!

Ной устало поднялся и прошел по коридору к комнате матери. Мать, одетая в белый шелковый халат, сидела, опираясь на белые шелковые подушки в кровати под белым балдахином. Лицо, казавшееся под толстым слоем белой пудры маской, обрамляли крашенные огненно-рыжие волосы. На экране цветного телевизора крутилось «Колесо Фортуны».

— Принеси колу! — приказала Рут Туилли. — Во рту сухо, как в пустыне!

— Да, мама, — ответил Ной и поплелся к лестнице. Он знал: лучше сделать, как она хочет, и покончить с этим.

— Этот метеорит что-то делает с воздухом! — тонким, как зудение осы, голосом прокричала Рут вслед сыну. — Нечем дышать, будто ком в горле!

Ной спускался по лестнице, но голос не отставал:

— Небось наша старая кляча Селеста слышала, как он брякнулся! Могу поспорить, она дерьмом изошла!

«Та-ак, началось», — подумал Ной.

— Окопалась там, стерва праведная, на всех плюет и высасывает из нашего города всю кровь! Уже высосала, ясно?! И беднягу Уинта небось она на тот свет спроводила, да только он оказался куда хитрее! Да-с! Так денежки запрятал, что ей ни шиша не получить! Обштопал женушку! Ладно, вот приползет она на карачках к Рут Туилли денег просить, раздавлю ее, как слизняка! Ной, ты меня слушаешь? *Ной!*

— Да, — откликнулся он из глубин дома. — Слушаю.

Словоизвержение продолжалось, и Ной позволил себе задуматься, что за жизнь настала бы, если бы метеорит пробил потолок мамашиней спальни. Достаточно жаркого места на Юковом Холме не было.

И в Инферно, и на Окраине жизнь шла своим чередом: в католическом храме Жертвы Христовой отец Мануэль Ла-Прадо слушал исповеди, а в городской баптистской церкви тем временем преподобный Хэйл Дженнингс, взяв карандаш и бумагу, приступил к работе над воскресной проповедью. Сержант Деннисон дремал в шезлонге на своем крыльце, правой рукой поглаживая по голове невидимого Бегуна, а его лицо время от времени подергивалось от непрошенных воспоминаний. Рик Хурадо укладывал штабелем коробки на складе хозяйственного магазина на Кобре-роуд. Мысли парнишки крутились возле сказанного сегодня мистером Хэммондом, а карман оттягивал «Клык Иисуса». Коридоры крепости Щепов в конце Трэвис-стрит оглашал ревом «тяжелого металла» переносной стереоприемник, и пока Бобби Клэй Клеммонс с несколькими товарищами курили марихуану и болтали в соседней комнате на голом матрасе лежали Отрава с Танком. Их сплетенные тела были влажными после любви — единственного занятия, ради которого Танк снимал свой футбольный шлем.

Вечерело. Почтовый фургон выехал за городскую черту и покатил на север, в Одессу, с грузом писем, среди которых большой процент составляли заявления о приеме на работу, запросы о наличии рабочих мест и письма родственникам с мольбами сделать Божескую милость и разрешить приехать надолго. Кто-кто, а почтальон знал пульс Инферно, и уж он-то видел, что на конвертах нацарапано «смерть».

Солнце садилось. Электрическое табло на Первом Техасском банке показывало 17:49, девяносто три градуса по Фаренгейту.

БОЛЕЛЬЩИЦА

— Я знаю, что это открытая линия, — сказал Роудс дежурному по базе военно-воздушных сил Уэбб. — Средства связи я не изолировал — к тому же, времени у меня все равно не было. Мой идентификационный код — «Книжник». Найдите. — Пока дежурный офицер сверял его личный код, полковник оставался у телефона. По доносящимся из кабинета звукам он понял, что телеканал опять переключили: послышался записанный на пленку смех, шло какое-то комическое шоу. Примерно через шесть секунд канал вновь сменили: зазвучал голос спортивного комментатора, и на сей раз телевизор не трогали чуть дольше.

— Да, сэр. Копирую, Книжник. — Судя по голосу, дежурный офицер был молод и нервничал. — Чем могу помочь, сэр?

— Первым делом подготовьте транспортный самолет, пусть ждет. Заправьте его в расчете на перелет через страну, место назначения я назову в воздухе. Поднимите полковника Бакнера: я возвращаюсь с места происшествия с пакетом. Да, еще на борту должно быть оборудование для видеозаписи. Расчетное время моего прибытия на Уэбб — между двумя и тремя ноль-ноль. Ясно?

— Да, сэр.

— Зачитайте. — Он услышал, что канал переключили: новости, что-то о ближневосточных заложниках. Дежурный офицер без ошибок повторил записанное, и Роудс сказал: — Отлично. Даю отбой. — Он повесил трубку и быстро вернулся в кабинет.

Дифин сидела на полу по-турецки, словно догадалась, что ее прежняя неестественная поза напрягает коленные суставы тела человека. Лицо существа находилось примерно в двенадцати дюймах от экрана телевизора. Дифин следила за репортажем о наводнении в Арканзасе.

— Вот бы нам ихнего дождя, — сказал Ганнистон, отхлебывая пепси.

Дифин вытянула руку и дотронулась до экрана. Изображение исказилось, ЩЕЛК! — другой канал, мультфильмы про Вуди Вудпекера.

— Мама родная! — Рэй сидел на полу, не слишком близко к Дифин, но и не слишком далеко. — У нее в пальцах пульт!

— Возможно, какой-то вид электромагнитного излучения, — сказал Роудс. — Может быть, оно использует электричество тела Стиви, а может, генерирует свое.

Щелк! Теперь на экране был вестерн: Стиви Маккуин в «Великолепной семерке».

— Классно! Я сроду ничего такого не...

— Заткнись! — Джесси, наконец, утратила самообладание, и сил выносить происходящее у нее больше не было. — Заткнись ты! — В глазах молодой женщины блеснули злые слезы. Рэй оторопел. — Ничего «классного» тут нет! У тебя *пропала сестра!* Ты еще не понял?

— Я... я не хотел...

— У тебя *пропала сестра!* — Джесси начала надвигаться на Рэя, но Том быстро поднялся со стула и ухватил ее за руку. Она вырывалась с напряженным, полным муки лицом. — Пропала, а осталось только *это!* — Она ткнула пальцем в Дифин. Существо по-прежнему не отрывалось от телевизора, в полном неведении относительно того, что говорит Джесси. — Господи Иисусе... — Голос Джесси дрогнул. Она закрыла лицо руками. — О, Господи... о, Господи... — Она принялась всхлипывать, и Тому оставалось только обнять горько плачущую жену.

Щелк! На экране появились соревнования по серфингу, и Дифин чуть шире раскрывшимися глазами стала следить за перекатывающимися синими волнами.

Роудс повернулся к своему адъютанту.

— Ганни, я хочу, чтобы ты съездил на место катастрофы и поторопил их. Надо как можно скорее выбраться отсюда.

— Лады. — Ганни допил пепси, бросил банку в мусорное ведро, вышел на улицу и, натягивая кепи, двинулся к вертолету.

Горько сожалел, что его утратило оказаться именно здесь, Роудс мысленно перенесся в Южную Дакоту, на свою ферму близ Чэмберлена, к жене и двум дочкам. В ясные ночи Роудс изучал звезды в маленькой обсерватории или делал заметки к задуманной им книге о жизни вне земных пределов. Сейчас ему очень захотелось заняться или первым, или вторым, потому что выход был только один: забрать это создание в исследовательскую лабораторию невзирая на то, что оно приняло облик маленькой девочки.

— Миссис Хэммонд, я знаю, вам очень тяжело, — сказал он, — но я хочу, чтобы вы поня...

— *Что* поняла? — Джесси все еще была в ярости, лицо заливали слезы. — Что наша дочь еще жива? Что она погибла? *Что* я должна понять?

Щелк: повторение «Морка и Минди». *Щелк*: обзор финансовых новостей. *Щелк*: еще один бейсбольный матч.

— Что мне очень жаль, — решительно продолжил Роудс. — Страшно жаль. У меня у самого две дочки. Могу себе представить, что вы должны чувствовать. Случись что-то с одной из них... не представляю, что бы мы с Келли делали. Келли — это моя жена. Но, по крайней мере, теперь вам понятно, что она... оно... не ваша дочь. Когда наша команда закончит работы на месте аварии, мы уедем. Я заберу ее... его... Дифин... на Уэбб, а оттуда в Виргинию. И хочу попросить Ганни остаться с вами.

— Остаться с нами? Зачем? — спросил Том.

— Совсем ненадолго. Полагаю, вы назвали бы это коротким инструктажем. Нам нужно снять со всех вас показания, обойти дом со счетчиком Гейгера и еще раз попытаться обнаружить эту черную сферу. Кроме того, крайне нежелательна утечка информации. Мы хотим проконтролировать...

— Нежелательна утечка, — недоверчиво повторил Том. — Колоссально! — Он коротко, резко хохотнул. — Какая-то проклятая *тварь* с другой планеты отняла у нас дочь, а вы не желаете утечки информации. — К лицу прихлынула кровь. — И что же от нас требуется? Жить так, будто ничего не произошло?

Щелк. Канал не переключали, это бита встретила с мячом. Рев толпы.

— Я знаю, что это невозможно, но мы всеми силами постараемся выволить вас из сложившейся ситуации — консультации, гипноз...

— Нам это не нужно! — фыркнула Джесси. — Нам нужно знать, где Стиви! Мертва она или же...

— Невредима, — перебила Дифин.

У Джесси сдавило горло. Она взглянула на Дифин. Та, не отрываясь, смотрела бейсбол — игрок пробежал на свое поле. Мяч перебросили подающему, и Дифин с глубочайшим интересом проследила его траекторию, а потом неловко повернула голову к Джесси: медленно, с запинками, словно у нее еще не было уверенности, как соединяются кости.

— В безопасности, — повторила она. Их глаза встретились. — Сти-ви в безо-пас-ности, Джес-си.

Джесси удалось выдохнуть:

— *Что?*

— В безопасности. Гаран-ти-рована от повреж-дений и рис-ка, или: уг-розы опасности нет. Разве я не-вер-но ин-тер... — Дифин замолчала, просматривая страницы словаря, занесенного в огромную, идеально упорядоченную библиотеку банка ее памяти. — Ин-тер-пре-тирую?

— Да, — быстро ответил Роудс. Сердце подпрыгнуло в груди — впервые за час с лишним после ахиней насчет «колебать перепонка» существо заговорило. Увлечшись телеканалами, оно опять и опять

перебирало их, как ребенок забавляется новой игрушкой. — Правильно. В безопасности — это как? Где она?

Дифин неуклюже поднялась. Дотронулась до груди.

— Здесь. — Дотронулась до головы. — В другом месте. — Она махнула рукой, указывая вдаль.

Все молчали. Джесси шагнула вперед. С личика ее девчурки за ней следили сияющие глаза.

— Где? — спросила Джесси. — Пожалуйста... я должна знать.

— Недалеко. В безопасном месте. Доверяешь мне?

— Как же я... могу?

— Я здесь вредить нет. — Да, это был голос Стиви, но тихий и эфемерный — шепот холодного ветра в тростниках. — Я выбрала ее... но вредить нет.

— Выбрала ее? — спросил Роудс. — Как?

— Я позва-ла. Она отве-тила.

— То есть как это «позвала»?

По лицу пробежала тень смущения.

— Я... — она несколько секунд подбирала верное слово. — Я спе-ла.

Роудс чуть не обделался. Перед ним стоял инопланетянин в обличье маленькой девочки, и они разговаривали. «Господи! — подумал он. — Что за тайны, должно быть, ей известны!» — Я — Мэтт Роудс, полковник военно-воздушных сил США. — Он услышал, что его голос дрожит. — Хочу приветствовать вас на планете Земля. — Внутренне он пожегся. Чертовски глупо... но, похоже, говорить следовало именно так.

— Пла-нета Зем-ля, — тщательно повторила она. Моргнула. — Про-шу проще-ния за тер-мины, я вижу тут не-разумные фор-мы. — Она сделала движение к телеэкрану, где менеджер, стоя лицом к лицу с судьей, ругал его на все корки. — Воп-рос: почему эти создания столь малы?

Том понял, о чем она.

— Да это просто картинки. Телевизор. Их передают через атмосферу издалека.

— Из дру-гих ми-ров?

— Нет. Из других городов.

Ее глаза пронзали Тома насквозь.

— Эти кар-тинки насто-ящие, нет?

— Некоторые — настоящие, — сказал Роудс. — Вот как этот бейсбол. Некоторые — просто... притворство. Знаете, что это такое?

Она подумала.

— Де-лать вид. Фаль-шивить.

— Верно. — Роудса, да и прочих, осенило, каким странным все должно казаться Дифин. Телевизор, принимаемый людьми как нечто само собой разумеющееся, заслуживал объяснений — но сперва пришлось бы объяснять, что такое электричество, спутниковая связь,

телестудии, информационные выпуски, спорт и актеры. На эту тему можно было бы говорить не один день, и все равно у Дифин оставались бы вопросы.

— А у вас нету телеков? — спросил Рэй. — Или чего-нибудь похожего?

— Нет. — Дифин несколько секунд изучала его, потом посмотрела на Тома. Потрогала воздух у глаз. — Что они есть? Инструменты?

— Очки. — Том снял их и постукал по стеклам. — Помогают видеть.

— Видеть. Очки. Да. — Она кивнула, соединяя понятия. — Присутствующие могут видеть все, нет? — Она перевела взгляд на Джесси и Роудса.

— Нам очки не нужны. — Роудс снова понял, что очки коварная тема, охватывающая увеличение, шлифовку линз, оптометрию, беседу о зрении — еще один разговор на целый день. — Некоторые люди могут видеть без них.

Дифин нахмурилась и сразу стала похожа на обиженную маленькую старушку. Она понимала абсолюты, но здесь, похоже, абсолютов не существовало. Что-то было, но в то же время не было.

— Это мир при-твор-ства, — высказала она наблюдение и переключила свое внимание на телевизор и извлекла из памяти термин: — Бейс-бол. Иг-ра с мячом и би-той на пло-щадке с четырьмя база-ми, расположен-ными ром-бом. В иг-ре у-част-вуют две коман-ды.

— Эй! — взволнованно сказал Рэй. — Никак, у них в космосе есть бейсбол!

— Она цитирует словарное определение, — объяснил Роудс. — Должно быть, память у нее, как губка.

Дифин проследила за очередной подачей. Постичь цель игры она не могла, но уловила, что суть ее — в конкуренции векторов и скоростей, основанной на законах физики этой планеты. Подняв правую руку, она сымитировала движение подающего — и ощутила странное напряжение и тяжесть чужого тела. Простое с виду движение на поверку куда сложнее, решила она. Однако несомненно математическая основа игры была интересна и заслуживала дальнейших размышлений.

Потом Дифин двинулась в обход комнаты, время от времени дотрагиваясь то до стен, то до других предметов, словно хотела убедиться, что они настоящие, а не вымышленные.

Джесси по-прежнему висела на волоске. Упасть было пугающе легко. Вид присвоившего кожу, волосы и лицо Стиви существа, которое совершало обход комнаты (словно во время воскресного посещения музея), вызывал лихорадочное смятение мыслей.

— Откуда мне знать, что моя дочь в безопасности? Скажи!

Дифин коснулась семейного портрета в рамке, стоявшего на полке.

— Пото-му что, — сказала она, — я защи-щать.

— Ты защищаешь ее? Как?

— Защи-щаю, — повторила Дифин. — Больше знать не надо. — Она с интересом рассмотрела еще одну фотографию, потом выплыла в кабинет и на кухню.

Роудс пошел за ней, но с Джесси было довольно: измученная, ничего не соображая, она упала в кресло, борясь с новыми слезами. Том стоял рядом, гладил ее по плечу и пытался привести в порядок собственные мысли, зато Рэй поспешил за полковником и Дифин.

Существо стояло, наблюдая, как глаза кошки-часов ходят из стороны в сторону. Роудс увидел, что оно улыбнулось, потом издало что-то вроде высокого чистого звона: рассмеялось.

— Думаю, нам нужно о многом поговорить, — сказал Роудс все еще с дрожью в голосе. — Догадываюсь, что вы хотели бы многое узнать про нас — то есть про нашу цивилизацию. А мы, разумеется, хотим узнать все о вашей. Через несколько часов мы отправимся в путь. Вам предстоит...

Дифин обернулась. Улыбка исчезла, лицо опять посерьезнело.

— Я же-лать вашу по-мощь. Я же-лать поки-нуть эту пла-нету, возмож-но ско-рее. Мне будет нужно... — Она обдумала выбор слов. — Сред-ство пере-дви-жения, спо-собное поки-нуть эту пла-нету. Мож-но устро-ить, да?

— Средство передвижения? Вы хотите сказать... космический ко-рабль?

— Ух ты, — выдохнул стоявший в дверях Рэй.

— Косми-ческий ко-рабль? — Термин был незнакомым, незарегистрированным в памяти. — Сред-ство пере-дви-жения, способ-ное поки-нуть...

— Да-да, я понимаю, о чем вы, — сказал Роудс. — Средство для перемещения между звезд, вроде того, на каком вы прилетели. — Ему пришло в голову, что нужно ее кое о чем спросить. — А как вы сумели выбраться из своего аппарата до аварии?

— Я... — Снова пауза для обдумывания. — Я выбро-си-лась.

— В черной сфере?

— Моя спо-ра, — объяснила она с безнадежно-терпеливой ноткой в голосе. — Можно ожидать поки-нуть, когда?

«Класс!» — подумал Роудс; он понял, к чему ведет такой разговор. — Извините, но вам нельзя покинуть... то есть улететь.

Она не ответила. Только ела его глазами.

— У нас тут нету межзвездных средств передвижения. Нигде на планете. Самое близкое, что у нас есть, называется «космический челнок», да и он просто облетает планету по орбите, а потом возвращается.

— Же-лать поки-нуть, — повторила Дифин.

— Никак не выйдет. У нас нет технологии, чтобы построить такой аппарат.

Она моргнула.

— Нй..как?

— Никак. Извините.

Дифин мгновенно изменилась в лице, его исказили боль и разочарование.

— Нельзя оставаться! Нельзя оставаться! — с нажимом сказала она. — Нельзя оставаться! — Спотыкаясь, она принялась беспокойно кружить по комнате, потрясенно глядя широко раскрытыми глазами. — Нельзя! Нельзя! Нельзя!

— Пожалуйста, выслушайте. Мы вас удобно устроим. Прошу вас, нет никаких причин...

— Нельзя! Нельзя! Нельзя! — твердила Дифин, трясая головой. Висящие вдоль тела руки подергивались.

— Выслушайте, прошу вас... мы найдем вам жилье. Мы... — Роудс дотронулся до плеча Дифин и увидел, что она резко повернула голову с безжалостными, как пара лазеров, глазами. Он успел подумать: «О, черт...»

Его отбросило назад. Роудс тормознул каблуками о линолеум. Вверх по руке потек пульсирующий заряд энергии, она опалила нервные волокна, заставила заплясать мышцы. Клетки тканей разогрелись, в голове у полковника зашумело, и Роудс стал свидетелем взрыва сверхновой у себя под черепом. Ноги отказались его держать, он врезался в кухонный стол, тот под его тяжестью подломился и содержимое миски с фруктами разлетелось по всей кухне. Ресницы полковника затрепетали, а следующим, что он воспринял сознательно, был склонившийся над ним Том Хэммонд.

— Она его вырубил! — возбужденно говорил Рэй. — Он только дотронулся до нее — и полетел через всю комнату! Он умер?

— Нет, приходит в себя. — Том взглянул на Джесси, которая стояла, наблюдая за инопланетянкой. Дифин застыла посреди комнаты с полукруглым ртом и остекленелым взглядом, словно жизнь в ней на время приостановилась.

— Так шибанула, что с копыт долой! — не унимался Рэй. — Загасила!

Из тела Стиви вытекла струйка мочи и сбежала по ногам на линолеум.

— Что ты такое? — крикнула Джесси существу. Оно оставалось каменно-неподвижным, бесстрастным.

— Ганни, я хочу, чтобы ты отправился на место аварии, — сказал Роудс, пытаясь сест. С лица полковника сбежали все краски, с нижней губы свисала ниточка слюны. Том увидел, что его глаза налиты кровью. — У меня у самого две дочери. Вероятно, вы бы назвали это кратким инструктажем. Выбрала ее? Как? — Мысли Роудса с чудовищной скоростью перепрыгивали с одного на другое. — Хочу приветствовать вас на планете Земля. Нам не нужны оч... а? — Он встряхнулся, как мокрая собака. Мышцы все еще сводило, они извивались под кожей, как черви. Роудс с трудом подавил сильный позыв к рвоте. — Что такое? Что случилось? — Голова болела так,

что череп буквально раскалывался, а ноги подергивались независимо от воли хозяина.

Джесси увидела, что Дифин возвращается оттуда, где была. Лицо вновь обрело выражение, на этот раз на нем читалась крайняя озабоченность и настойчивость.

— Я на-вре-дять. Я на-вре-дять. — Это было сказано испуганно. Человек, вероятно, заламывал бы при этом руки. — Пока друзья? Да?

— Ага, — сказал Роудс. На губах, которые казались влажными и припухшими, повисла кривая усмешка. — Друзья. — Он встал на колени, но дальше потребовалась помощь Тома.

— Нельзя остаться, — сказала Дифин. — Долж-на поки-нуть эту пла-нету. Долж-на обрес-ти средст-во передви-жения. Я же-лаю вред причи-нять нет.

— Не причинить вреда? — Джесси, наконец, совладала со своими чувствами. К добру или к худу, придется довериться этому созданию. — Кто же может причинить вред? Ты?

— Нет... — Она потрясла головой, не находя верных определений. — Если мне нель-зя уходить, будет боль-шой вред.

— Как? Кому?

— Том. Рэй. Роудс. Джес-си. Сти-ви. Всем тут. — Она развела руки, словно хотела заключить в объятия весь город. — Ди-фин тоже. — Она подошла к кухонному окну, взялась за шнур жалюзи, как делала при ней Джесси, неуверенно потянула и подняла шторы. Дифин сощурилась — казалось, она обшаривает взглядом краснеющее небо. — Скоро начаться вред, — сказала она. — Если мне не-ль-зя поки-дать, надо вам. Ухо-дить дале-ко. Очень дале-ко. Сейчас. — Она отпустила шнур, и жалюзи вернулись на место, застучав, как высохшие кости.

— Мы... мы не можем, — сказала Джесси, занервничав от столь небрежно сделанного предупреждения. — Мы здесь живем. Мы не можем уехать.

— Тогда у-во-зить меня. Сейчас. — Дифин с надеждой взглянула на Роудса.

— Мы и собираемся. Я же сказал — как только команда закончит работы на месте аварии.

— Сейчас, — с силой повторила Дифин. — Если сейчас нет... — Она осеклась, не в состоянии выразить словами то, что пыталась передать.

— Не могу. Только когда вернется вертолет. Мой летательный аппарат. Тогда мы отвезем вас на базу военно-воздушных сил. — Полковнику все еще казалось, что по нервам пробегают электрические заряды. Что бы его ни ударило, это был чудовишно концентрированный энергетический импульс — возможно, более мощный вариант того, что она пропускала через каналы телевизора.

— Надо сейчас! — Дифин почти кричала, пробивающийся сквозь щели в ставнях свет разрисовал ее лицо красными полосками. — Вы

нет пони-мать... — она с трудом нашла нужное слово: — Английский?

— Извините. Мы не можем уехать, пока не вернется мой адъютант.

Дифин задрожала — то ли от гнева, то ли от огорчения, и Джесси подумала, что сейчас с этим созданием случится истерика, как с любым ребенком... или старухой. Но в следующую секунду лицо Дифин опять застыло. Она замерла, сжав одну висящую вдоль тела руку в кулак, а вторую вытянув к окну. Прошло пять секунд. Десять. Она не шевелилась. Тридцать секунд спустя Дифин все еще находилась в трансе и напоминала изваяние.

Время шло.

В конце концов, подумала Джесси, может быть, для нее это и есть истерика. Или, возможно, она просто погрузилась в напряженные размышления. В любом случае, не похоже, чтобы она скоро пришла в себя.

— Можно, я потрогаю ее и посмотрю, упадет или нет? — спросил Рэй.

— Иди к себе в комнату, — велела Джесси. — Сейчас же. И сиди там, пока не позовут.

— Да ладно, мам! Я просто валял дурака! Ей-богу, не стану я...

— Иди к себе, — скомандовал Том, и Рэй перестал протестовать. Мальчик знал, что, если отец что-то велит, лучше послушаться, да побыстрее.

— Ладно, ладно. По-моему, сегодня мы не ужинаем, а? — Он подобрал с пола яблоко и апельсин и направился к себе в комнату.

— Сначала вымой, потом ешь! — велела Джесси, и покорный своему долгу Рэй, прежде чем исчезнуть, зашел в ванную сполоснуть фрукты: изгой, приговоренный к одиночному заключению.

Дифин тоже оставалась в одиночном заключении.

— Сяду-ка я, — Роудс взял стул и опустился на него. Ему казалось, даже позвоночник у него покрыт синяками.

Том приблизился к гостье из космоса и медленно поводил у нее перед лицом ладонью. Дифин и глазом не моргнула. Однако ее грудь явственно поднималась и опускалась, и Том потянулся было к запястью гостьи пощупать пульс, но вспомнил воздушный полет Роудса и спохватился. Разумеется, она была по-прежнему жива и тело Стиви должным образом выполняло свои функции. На лбу и щеках блеснула тонкая пелена пота.

— Что она хотела сказать? Ну, про вред? — спросила Джесси.

— Не знаю. — Роудс покачал головой. — У меня до сих пор в ушах звенит. Черт возьми, она чуть не прошибла мной стену!

Чтобы подойти к окну, Джесси пришлось пройти перед Дифин. Та не шелохнулась. Джесси подняла жалюзи, чтобы взглянуть на небо. Солнце садилось, безоблачное небо на западе стало ярко-алым, как зев домны.

Однако внимание Джесси привлекло какое-то шевеление. Потом она разглядела и сосчитала: над Инферно темными стягами кружили стервятники, не меньше дюжины. Возможно, ищут падаль в пустыне, подумала она. Надвигающуюся смерть эти твари умели учуять за несколько миль. Зрелище не понравилось Джесси, и она опустила ставни. Теперь можно было только ждать возвращения Дифин из ее изоляции или возвращения вертолета с Ганнистоном.

Она легонько дотронулась до светлых дочкиных волос.

— Осторожнее! — предостерег Том. Но никакого шока, никакого иссушающего мозг энергетического удара не было. Джесси просто ощутила под пальцами волосы, которые тысячи раз гладила прежде. Глаза Дифин — Стиви — оставались незрячими.

Джесси дотронулась до ее щеки. Холодная. Приложила указательный палец к щеке, туда, где билась жилка. Медленно — ненормально медленно — но ровно. Выбора у нее не было: оставалось только поверить, что настоящая Стиви находится где-то в безопасности, живая и невредимая. Обдумывание любых других возможностей свело бы Джесси с ума.

Тогда она решила, что будет держаться. Что бы ни происходило, они с Томом пройдут через это до конца.

— Ладно, — сказала она и отняла руку от шеи Дифин, — сварю-ка я кофе. — Джесси изумилась тому, как ровно звучит ее голос, когда все внутри кажется студнем. — Это всех устраивает?

— Пожалуйста, крепкий, — потребовал Роудс. — Чем крепче, тем лучше.

— Договорились. — И Джесси, вновь обретая цель, засновала по кухне, окаменевшая инопланетянка указывала на окно, часы-кошка, тикая, отсчитывали секунды, а над Инферно в тишине собирались стервятники.

НОВАЯ ДЕВЧОНКА

Тьма начала свое восхождение на небо. Табло на Первом тexasском банке показывало 88 градусов по Фаренгейту, 20:22.

В гараже под лампами накаливания Коди, закончив дневную работу, собирал инструмент для отладки своего мотоцикла. Около девяти часов мистер Мендоса закроет станцию, и Коди окажется перед обычным выбором: переночевать дома и несколько раз за ночь столкнуться с отцом, пересидеть до утра в провонявшей марихуаной крепости, где покоя не больше, чем в сумасшедшем доме, или выспаться на Качалке — не самом удобном, но, безусловно, самом спокойном из всех трех мест.

Мальчик нагнул, чтобы взять из картонной коробки чистую ветошь, и из его кармана, весело звякнув о бетон, выпал стеклянный флакончик. Пузырек не разбился, и Коди быстро подобрал его, хотя мистер Мендоса сидел в конторе, читал газету в ожидании рейсового автобуса.

Коди поднял флакончик и посмотрел на кристаллы. Однажды он с подначки Бобби Клэя Клеммонса попробовал кокаин, и одного раза ему хватило. Коди весьма прохладно относился к наркотикам, поскольку понимал, как легко попасть на крючок и забрать себе в голову, будто жить не можешь без этой дряни. На его памяти крэк свел в могилу нескольких Щепов — например, старшего брата Танка, Митча: тот четыре года назад на своем «мустанге» выскочил на железнодорожное полотно и на скорости семьдесят миль в час врезался в подъезжавший поезд, угробив не только себя, но и сына мэра Бретта, и еще двух девчонок. Пить Коди тоже не пил; самое большее, что он себе позволял — несильно подкуриться сигареткой-другой с травкой, и лишь в том случае, когда от его решений не зависела чужая жизнь. Последнее дело позволять наркоте думать за себя.

Однако Коди знал и таких, кто отдал бы свою правую руку, лишь бы разок вдохнуть то, что выделяют кристаллы крэка. Легче легкого было бы отправиться в крепость, подогреть их на огне и вдыхать, пока

мозги не посинеют. Но он знал, это не поможет увидеть мир яснее, а просто заставит думать, будто Мэк Кейд — единственное избавление от Инферно и при звуке хозяйского голоса Коди обязан вскакивать.

Он поставил флакончик на рабочий стол и на минуту задумался о кристаллах и о том, что говорил мистер Мендоса насчет ответственности мужчины за свои поступки. Может быть, это была старая как мир ересь, а может, правда.

Но Коди уже знал, что решил.

Он взмахнул молотком и обрушил его на флакон, кроша стекло, дробя желтые кристаллы. Левой рукой Коди смахнул крошево со стола в мусорное ведро. Осколки и порошок затерялись среди грязной ветоши и пустых банок из-под масла.

Цена его души была не шестьсот долларов в месяц.

Отложив молоток, Коди снова взялся собирать гаечные ключи и наковальни, которые требовались ему для «хонды».

Дважды коротко прогудел клаксон: низко, басисто. Рейсовый автобус из Одессы. Коди не поднял глаз, продолжая заниматься своим делом, а мистер Мендоса вышел поговорить с шофером — тот жил по соседству с родным городком Мендосы.

Пассажиры, в основном люди пожилые, один за другим выходили из автобуса, чтобы воспользоваться туалетом или купить в автоматах конфеты и лимонад. Среди них была молоденькая девушка с потрепанным коричневым чемоданом; с автобуса она сошла определенно насовсем — ее путешествие окончилось. Оглянувшись на шофера, она увидела, что он разговаривает с дюжим седым усатым мужчиной. На глаза ей попался светловолосый паренек, который с чем-то возился в гараже, и девушка направилась к нему, волоча чемодан за собой.

Коди собрал весь необходимый инструмент, выложил новые свечи зажигания и уже опускался на колени, чтобы приступить к работе, когда девичий голос у него за спиной сказал: «Извините пожалуйста».

— Вход в туалет из конторы, — Коди, привычный к тому, что пассажиры автобуса отрывают его от работы, мотнул головой.

— *Грасиас*, но мне нужно узнать дорогу.

Он оглянулся и немедленно поднялся, вытирая грязные руки об и без того перепачканную рубаху.

Девушке было лет шестнадцать или, может быть, семнадцать. Черные как смоль подстриженные волосы доходили до плеч. Светло-карие глаза на овальном личике с высокими скулами вызвали у Коди дрожь в позвоночнике. Ростом девушка была примерно пять футов шесть дюймов, стройная — на языке Коди, клевая телка. Пусть даже *мексиканка*. Светло-кофейная кожа и никакой косметики, лишь неяркий блеск для губ. Коди подумал, что уж ей-то красить глаза ни к чему: они, хоть и слегка покраснели от долгой поездки в автобусе, смотрели спокойно и тепло. Девушка была в красной ковбойке, брюках цвета хаки, черных кроссовках. В ложбинке под шеей лежало свисавшее с тонкой серебряной цепочки сердечко.

— Дорогу, — повторил Коди. Похоже, во рту было слишком много слюны. Он боялся, как бы она не потекла изо рта — что тогда подумает о нем эта клевая телка? — Э... конечно. — И представил себе свой запах: нечто среднее между заводом смазочных масел и скотным двором. — Дорогу куда?

— Вы не знаете, где живет Рик Хурадо?

Он почувствовал себя так, словно в лицо ему выплеснули ведро ледяной воды.

— Э... да, знаю. А что?

— Я его сестра, — сказала клевая телка.

И Коди слабым голосом ответил:

— О.

Больше блондинчик ничего не сказал. Девушка увидела, как его глаза едва заметно сузились, когда она упомянула имя Рика. С чего это? В ухе у белобрысого сверкнула сережка-череп. Приятный мальчик, решила девушка. Даже красивый. Но выглядел он далеко не пайнкой, и в глубине глаз тоже таилось что-то опасное, готовое быстро и больно укусить, если проявишь неосторожность. У нее было такое ощущение, что этот парень разбирает ее на части, а потом собирает снова, сустав за суставом.

— Ну? — поторопила она. — Как мне туда добраться?

— Пойдешь туда, — он махнул на юг. — Через мост, на Окраину. Он живет на Второй улице.

— *Грасиас*. — Адрес девушка знала по письмам брата. Она подхватила чемодан, в котором лежало все ее имущество, и пошла прочь.

Коди дал девчонке отойти на несколько шагов, не в силах оторвать взгляд от ее тугой попки. Клевая телка, подумал он, даром что сестра Хурадо. Черт, полный абзац! Вот уж не знал, что у Хурадо есть братья или сестры. Должно быть, пошла в мать, рассудил Коди, она же абсолютно не похожа на эту мокрожопую сволочь! Он знал и других симпатичных девчонок, но такой великолепной мексиканской телки еще не видел — то, что она была Хурадо, лишь придавало пикантность ситуации.

— Эй! — крикнул он вслед девчонке, и та остановилась. — Идти-то далековато!

— Не страшно.

— Может быть, но райончик там ого-го. — Он вышел из гаража, вытирая с пальцев остатки смазки. — В смысле, никогда не знаешь, что может случиться.

— Я себя в обиду не дам. — Она опять двинулась прочь.

«Во-во, — подумал он. — Это чтоб тебя насильничал какой-нибудь из тамошних чокнутых мудаков?» Коди поднял глаза и увидел: на небо высыпали звезды. Горизонт на западе рассекала темно-красная рана. Вставала полная желтая луна. Из баптистской церкви неслись слабые фортепьянные аккорды, несколько голосов с трудом пытались достичь гармонии — шла спевка хора. Инферно зажигал

огни: над «Клеймом» замигал красный неон, белые лампочки опоясали по периметру крышу банка, заиграли разными красками ослепительно-яркие огоньки над рынком подержанных машин Кейда. Дома запестрели желтыми квадратами, слабо засветились голубые экраны. Общежитие город обесточил, но Щепы пустили деньги из своей казны на покупку в хозяйственном магазине переносных ламп — они-то и освещали коридоры. Увидев синие вспышки и спираль искр на автодворе, Коди понял, что началась ночная смена — кто-то резал металл автогенном.

Он смотрел вслед сестре Хурадо. Еще немного, и она окажется у границы освещенной территории бензоколонки. Похоже было, что в любой момент поединок характеров выиграет чемодан. В голове у Коди закопошилась идея, и он едва заметно улыбнулся. Если проверить то, о чем он подумал, Хурадо разорется так, что сало с волос облетит. Почему бы и нет? Что он теряет? Вдобавок это было бы занято...

Коди решил. Он сел на мотоцикл и пнул стартер.

— Коди! — позвал мистер Мендоса с того места, где разговаривал с шофером автобуса. — Ты куда это?

— Сделать доброе дело, — ответил парнишка, и не успел мистер Мендоса рта раскрыть, как Коди унесся прочь. Он развернул «Хонду» перед сестрой Хурадо на самом краю освещенной территории, и девчонка озадаченно взглянула на него, а потом сердито сверкнула глазами.

— Запрыгивай, — предложил Коди.

— Нет, я пешком, — она обошла «Хонду» и двинулась дальше. Чемодан сильно оттягивал руку.

Он поехал рядом. Мотор тарахтел, но Коди, сидя в седле, перебирал ногами по земле и более-менее вел машину.

— Я не кусаюсь.

Никакого ответа. Девчонка ускорила шаг, но чемодан тормозил ее.

— Я даже не знаю, как тебя звать. Меня — Коди Локетт.

— Отстань.

— Я пытаюсь тебе *помочь*. — На этот раз она, по крайней мере, ответила, что означало определенный прогресс. — Если ты поставишь этот чемодан между нами и ухватишься покрепче, я в две минуты домчу тебя за мост, к дому твоего братца.

Девушка приехала издалека, одна, в ревущем автобусе, где позади, отделенный от нее двумя рядами кресел, шумно храпел какой-то мужчина, и знала, на остаток пути ее хватит. К тому же этого парня она видела впервые, а предложений подвезти от незнакомого она не принимала. Оглянувшись, девушка с беспокойством отметила, что ей придется идти в темноте до тех пор, пока она не окажется под защитой стеклянных шаров, освещающих мост. Но до домов было рукой подать, и, сказать по совести, она не чувствовала никакой опасности. Если

этот белобрысый хоть что-нибудь себе позволит, можно будет садануть его чемоданом или бросить багаж и вцепиться обидчику в глаза.

— Ну, так как тебя зовут? — сделал Коди еще одну попытку.

— Хурадо, — ответила она.

— Да, это я знаю. А имя?

Она помедлила.

— Миранда.

Он повторил.

— Красивое имя. Ладно, Миранда, запрыгивай, перевезу тебя через мост.

— Я сказала *нет*.

Он пожал плечами.

— Ну, тогда ладно. Только не говори, что я не предупредил тебя насчет Бормотуна. — Это пришло ему в голову ни с того ни с сего. — Счастливо перебраться на тот берег. — Коди рывкнул мотором, словно собираясь умчаться прочь.

Миранда решительно сделала еще пару шагов, и тут ее решимость поколебалась. Чемодан показался невероятно тяжелым. Она остановилась, поставила чемодан на землю и потеряла плечо.

— Что случилось?

— Ничего.

— А. Ты так остановилась, что я подумал, что-то стряслось. — Коди видел девочку насквозь. — Бормотун пусть тебя не волнует. До полдевятого он обычно тут не ползает.

Она поднесла запястье к фаре «хонды».

— Уже больше половины девятого, — сказала она, глядя на часы.

— А. Да, точно. Ну, по-настоящему-то он *активный* после девяти.

— Ты, собственно, про кого?

— Про Бормотунчика. — Думай быстрее, велел он себе. — Ты нездешняя, поэтому не знаешь. Бормотун вырыл себе пещеру где-то на Змеиной реке — так, по крайней мере, думает шериф. Но это неважно. По ночам Бормотун выходит из своей пещеры и прячется под мостом. Шериф думает, что это, может быть, тот здоровенный индеец, который рехнулся несколько лет назад. В нем футов шесть или около того. Он убил несколько человек, а... — «Соображай быстрее!» — ...а ему плеснули в лицо кислотой. Шериф пытается его поймать, но Бормотун такой шустрый, что не угонишься. Вот поэтому никто не ходит через мост пешком после захода солнца — под мостом может оказаться Бормотун. Надо быстренько проскочить на тот берег, не то на мосту как из-под земли вырастет Бормотун и утащит тебя вниз. Вот такие пироги. — Коди замолчал; девочка пока что слушала. — Через мост лучше бежать. Конечно, чемодан у тебя с виду здорово тяжелый. Поставишь такой на мост — бух, он и услышит. Фокус в том, чтобы перебраться раньше, чем Бормотун смекнет, что ты там. — Коди быстро взглянул на мост. — На самом-то деле он короче, чем кажется.

Девчонка рассмеялась. Пока парнишка рассказывал, выражение его лица менялось с невозмутимого на издевательски злое.

— Нашел дурочку! — сказала она.

— Да это правда! — Коди поднял правую руку. — Честное индейское!

Она опять рассмеялась. Коди понял, что смех девчонки ему нравится: в его представлении таким чистым было журчание горного ручья, бегущего по гладким камням где-то, где все бело и свежо от снега.

Миранда снова подняла чемодан. Плечо запротестовало.

— Слышала я разные байки, но эта ни в какие ворота не лезет!

— Ну, тогда иди. — Коди изобразил досаду. — Но, если уж начнешь переходить, не останавливайся. Просто иди — что бы ты ни услышала и ни увидела.

Девчонка разглядывала мост. Смотреть было особенно не на что — обычный серый бетон в пятнах света и тьмы. Один из стеклянных шаров перегорел, поэтому в десяти футах от дальнего края темное пятно было больше. Миранда поймала себя на мысли, что, если Бормотун действительно *существует*, самое подходящее место для нападения как раз там. Долгий путь от Форт-Уорта (с двумя пересадками, в Эйбилини и Одессе) Миранда проделала не для того, чтобы ее отправил на тот свет здоровенный индеец с обезображенным лицом. Нет, мальчишка все это выдумал — просто, чтобы напугать ее! Разве не так?

— Полнолуние, — сказал Коди. — Он любит полнолуние.

— Только попробуй протянуть лапы, куда не положено, — сообщила девчонка, — так вмажу — окосеешь. — Она подняла чемодан повыше, к груди, и уселась позади Коди.

«Опа!» — подумал он.

— Держись. — Она нерешительно взялась за его грязную рубашу. — Сейчас газанем и проскочим мост — Бормотун даже врубиться не успеет, что мы там. Держись крепко! — предупредил парнишка. Мотор взвыл. Коди лягнул стартер и на первой скорости рванул с места.

Мотоцикл содрогнулся и встал на дыбы. Сердце Коди подкатило к горлу, у него мелькнула мысль, что лишний вес их опрокинет. Сражаясь с силой тяжести, он подался вперед. Миранда стиснула зубы, подавив крик. Но «хонда» уже пулей летела по Республиканской дороге. Переднее колесо подпрыгивало, резина горела, в лицо бил ветер. Они держали курс на мост.

Миранда вцепилась в Коди, едва не сдирая мясо с ребер.

В коконе рева они пулей вылетели на мост. Замелькали узорчатые фонарные столбы с матовыми стеклянными шарами. Вот и самое большое пятно тени. Миранде оно показалось не меньше ямы со смолой.

И тут Коди попала вожжа под хвост. Он просто *должен был* это сделать! С воплем «*Бормотун!*» он бросил «хонду» на левую полосу, словно уворачиваясь от чего-то, проскользнувшего на мост справа.

Девчонка завизжала и так вцепилась Коди, зажав между ними чемодан, что оба едва не задохнулись. Волосы Миранды летели над плечами; на миг ей почудилось, будто чья-то скользкая рука дернула за них, пытаясь стащить ее с мотоцикла, и живот свела болезненная судорога. Девушка безостановочно визжала, глаза выскакивали из орбит — но внезапно, на самой высокой ноте, визг перешел в булькающий смех, потому что она поняла: никакого Бормотуна тут нет и никогда не было... но и тень, и мост уже остались позади. Коди сбавил скорость — они ехали по улицам Окраины.

Миранда смеялась и не могла остановиться, хотя не знала этого парня-гринго и не верила, что он не начнет лапать ее за ноги. Но он не начал. Она отпустила бока Коди, снова уцепившись за рубаху, и парнишка расслабился: девчонка едва не спустила с него шкуру. Смеясь вместе с ней, он тем не менее бросал по сторонам настороженные взгляды: вступив в царство «Гремучих змей», следовало беречься. Однако в какой-то момент в голове у Коди мелькнуло, что за спиной у него сидит отличная страховка.

Коди свернул на Вторую улицу, избежав столкновения с парой бродячих собак, и покатыл к дому Хурадо.

ТОЛЬКО ОДИН ВЕЧЕР

Пока Коди плел небылицы о Бормотуне, Рэй Хэммонд глазел в окно своей комнаты, размышляя о том, чем ему грозит самовольная отлучка.

Получу взбучку, вот что, решил он. И за дело.

И все же...

Он сидел у себя уже третий час, воткнув наушники в ящик и слушая записи Билли Айдола, Клэша, Джоан Джетт и «Хьюман лиг». Одновременно Рэй трудился над пластиковой моделью супертяжелого бомбардировщика «гоу-бот». Минут двадцать назад заходила мать; она принесла ему сэндвич с ветчиной, чипсы и пепси и сказала, что Дифин все еще неподвижно стоит в кухне. Сиди тут и не путайся под ногами, пока военные не увезут это существо, сказала она. Рэй видел, что эта мысль разрывает матери душу, но какой у нее оставался выбор? Существо на кухне больше не было Стиви — против факта не попрешь.

Было странно думать, что сестра исчезла, а ее тело стоит на кухне. Рэй всегда воспринимал Стиви как мартышку, сующую свой любопытный нос то в его фонотеку, то в модели. Один раз она даже отыскала запрятанные в глубины шкафа номера «Пентхауса», но, конечно же, он любил маленькую паршивку, она прожила с ними около шести лет, а теперь...

А теперь, подумал он, исчезла, но ее тело осталось. Что же имела в виду Дифин, когда сказала, что Стиви — под защитой? Исчезла Стиви навсегда или нет? Странно. Очень странно.

Из окна Рэя, выходявшего на Селеста-стрит, была видна светившаяся чуть поодаль между обувным магазином и аптекой Рингволда синяя неоновая вывеска «Зал игровых автоматов». Там-то сегодня вечером и соберется вся компания — побалдеть, поиграть в видеоигры и потрепаться насчет вертолета, который днем сел в Престон-парке. Слухи будут роиться, как мухи; только ленивый не расскажет пару красивых баек. И клевых телок там будет навалом. Набьется полно

народу — Щепы, качки и любители поразвлечься, но правду будет знать только он.

Ништяк, сказал себе Рэй. У меня сегодня ухандокали сестру, а я думаю о девчонках. Ну и говнистый же ты мужик, Рентген.

Но двадцать минут назад мать сказала ему то, что он слышал сотни раз: *не путайся под ногами*.

Можно подумать, это его второе имя. Рэй Не-путайся-под-ногами Хэммонд. Это он слышал без конца — если не от старших ребят в школе, то от собственных предков. Даже Пако Ле-Гранде сегодня велел ему не путаться под ногами. Рэй знал, что с девчонками он — ноль, красотой не блещет, спортсмен аховый. Такой только и может, что не путаться под ногами.

— Чтоб тебя, — очень тихо сказал мальчик. «Зал игровых автоматов» манил. Но ему велели оставаться здесь, и он нимало не сомневался: меньше всего полковник Роудс хочет, чтобы он удрал из дома рассказывать всем встречным и поперечным, что Инферно посетил инопланетянин. Забудь, мысленно приказал себе Рэй. Сиди тут и не путайся под ногами.

Но один раз — один! — он мог широким шагом войти в «Зал» и побыть *личностью*, даже не говоря ни слова ни одной живой душе.

Прежде чем Рэй понял, что делают его пальцы, те уже отстегивали оконный шпингалет. Самоволка — серьезный проступок, подумал он. Типа «батя-мне-башку-оторвет». Проступок без внятных оправданий.

Только один вечер.

Он приподнял раму на три дюйма. Окно слабо скрипнуло.

Еще можно передумать, заметил он себе. Однако, по расчетам мальчика, родители должны были его хватиться не сразу. Он успевал сходить в зал и вернуться раньше, чем родители поймут, что он ушел.

Он поднял окно еще на несколько дюймов.

— Рэй? — стук в дверь и голос отца.

Мальчик замер. Он знал, что без приглашения отец не войдет.

— Да, сэр?

— Ты в норме?

— Да, сэр.

— Послушай... извини, что я на тебя накричал. Просто... сейчас всем тяжело, понимаешь? Мы не знаем, что делает Дифин, и... и хочется, чтобы Стиви вернулась, если это возможно. Может быть, и нет. Но надеяться-то можно, а? — Том умолк, и во время этой паузы Рэй чуть не опустил фрамугу на место... но в стеклах очков пылал синий неон вывески зала игровых автоматов. — Хочешь выйти? Думаю, ничего страшного в этом не будет.

— Я.. — «О, Господи», — подумал он. — Я... просто собирался послушать музыку, пап. Через наушники. Посидеть тут, чтоб не путаться под ногами.

Молчание. Потом: «Ты уверен, что все в порядке?»

— Да, сэр, Уверен.

— Хорошо. Ну, как надумаеть, выходи. — Рэй услышал, как шаги отца удаляются по коридору к кабинету. Тихо зажурчали голоса: папа разговаривал с мамой.

Если он собирался уйти, момент настал. Рэй поднял фрамугу до конца, с колотящимся сердцем выбрался наружу, опустил окно и побежал по Селеста-стрит к залу игровых автоматов. Уж что-что, а бегать он умел.

Однако Рэй обнаружил, что народу в зале куда меньше, чем он ожидал, — правду сказать, возле игровых автоматов крутилось всего шесть или семь человек. По выкрашенным в глубокий фиолетовый цвет стенам зала были разбросаны искристые звезды. С потолка на проволочках свисали раскрашенные флюоресцентными красками планеты. Вентиляторы заставляли их вращаться по маленьким орбитам. Игральные автоматы — «Галакшн», «Ньютрон», «Космический охотник», «Меткий стрелок» и еще с десятков других — гудели и светились, требуя внимания. Динамик «Космического охотника» то и дело вызывающе гремел металлическим голосом: «Внимание, земляне! У кого хватит духу сразиться с космическим охотником? Приготовиться к действию! Приготовиться к уничтожению!»

У задней стены на складном металлическом стуле сидел владелец заведения, немолодой мужчина по фамилии Кеннишо, и читал журнал «Спорт на свежем воздухе». Рядом с ним стоял разменный автомат, а на стене висела табличка с требованием «НЕ ВЫРАЖАТЬСЯ, НЕ ЗАКЛЮЧАТЬ ПАРИ, НЕ ДРАТЬСЯ».

— Рентген! Как жизнь, мужик?

Рэй увидел Робби Фолкнера, который стоял с Майком Ледбеттером возле «Галакшна». Оба только-только перешли в среднюю школу и были хорошо зарекомендовавшими себя членами клуба «Нерд». — Йо, Рэй! — крикнул Майк голосом, еще не потерявшим детской пискливости. Рэй пошел к ним, радуясь, что видит хоть кого-то знакомого. Он заметил, что в глубине зала играет в пинболл один из Щепов. Парня прозвали Светофором — волосы на макушке он красил в красный цвет, а на висках — в зеленый.

— Как дела? — Робби сунул Рэю пятерню, Майк же был поглощен тем, как бы выиграть у «Галакшна» еще несколько очков.

— Нормально. А у тебя?

— В порядке. Мужик, полный забой с этим вертолетом, а? Я видел, как он взлетал. Озвереть можно!

— Я тоже его видел, — подал голос Майк. — А слышал знаете что? Упал-то никакой не метеорит, черта с два! Это был спутник, который запустили русские. Один из спутников-убийц, вот почему он радиоактивный.

— Ага, а знаете, что слышал Билли Теллман? — Робби нагнулся поближе, сгрудив ребят, чтобы поделиться секретом. — Не метеорит это был и не спутник.

— А что же? — Голос Рэя оставался спокойным.

— Реактивный самолет. Сверхсекретный реактивный самолет. Он разбился. Билли Теллман сказал, один его знакомый мужик поехал посмотреть, да только вояки перекрыли Кобре-роуд. Поэтому тот хмырь пошел пешком. Шел, шел и наткнулся на кран, который вытаскивал из земли какие-то куски, а вокруг было полно народу в радиационных костюмах. Этого мужика все равно тормознули и записали его фамилию и адрес, а еще сняли отпечатки пальцев на такую маленькую белую карточку. Сказали, могут засадить его в тюрьму за то, что шныряет там и вынюхивает.

— Охренеть, — сказал Майк.

— Угу. Вот, значит, спросили этого мужика, что он видел. Он сказал, и тут-то ему приоткрыли тайну. Билли говорит, он слышал, будто это F-911, и у вояк он был только один.

— Ух ты, — сказал Рэй.

— Мужик, смори, *какая!* — прошептал Майк, воровато кивая на стройную блондинку, повисшую на плече у играющего на «Метком стрелке» парня. — Лори Рэйни. Говорят, она может хром с машины обсосать, мужики!

— Клевая телка, — заметил Робби. — Правда, ноги тощие.

— Ну, мужик, если б она обхватила ими твою жопу, ты думал бы по-другому! Черт! — Майк стукнул кулаком по игральному автомату — игра закончилась, но свой рекорд он не побил. Старый Кенни-шо-Орлиный Глаз заметил это и рявкнул: «Эй, парень! Нечего лупить автоматы!» Дав выход своему гневу, он вернулся к журналу.

Троица прошествовала мимо Лори Рэйни, чтобы рассмотреть ее поближе, и была вознаграждена ароматом духов девушки. Лори держалась за ремень своего кавалера, и Майк шепотом заметил: это верный признак того, что девчонка горячее бенгальского огня.

— Чего это ты такой неразговорчивый? — поинтересовался Робби у Рэя, когда они брели к пинболльным автоматам.

— Я? Нормальный.

— Нет, ты сегодня тихий. Ты, мужик, всегда мелешь языком, как нанятый. Что, предки?

— Нет.

— Тогда в чем дело? — Робби оперся о машину и чистил ногти спичкой.

— Ни в чем. Просто тихий, вот и все. — Тайна жгла Рэя, но он знал, что должен молчать.

Майк ткнул его в ребра.

— По-моему, ты что-то скрываешь, козел.

— Да нет же. Честно. — Рэй сунул руки в карманы и уставился на пятно, украшавшее линялый линолеум. От параша про F-911 он чуть не рассмеялся и теперь боролся с улыбкой. — Проехали.

— Что проехали? — спросил Робби, загораясь при мысли, что от него что-то скрывают. — Ну, Рентген, ладно тебе! Колись!

Рэй был очень близок к тому, чтобы проболтаться. Еще минута — и он мог превратиться в самого популярного парнишку в Инферно. Вокруг, изнывая от желания услышать его рассказ, столпились бы самые отвальные кошечки. Но нет, Рэй не мог этого сделать! Это была бы подлянка! Тем не менее, рот Рэя уже начал открываться, и парнишка понятия не имел, что оттуда понесется. Про себя он складывал фразы: *«Скажем, так: иди к черту, я знаю, что это был никакой не F-9...»*

— О-о, какие люди, и без охраны! Где ж твоя подружка, раздолбай?

Рэй узнал невнятный, мрачный голос и круто обернулся к дверям.

В дверях стояли трое: Пако Ле-Гранде, у которого на переносице красовался пластиковый шплинт, прикрепленный повязкой ко лбу и щекам; ухмыляющийся, потный Рубен Эрмоса с красными от марихуаны глазами и еще один дюжий парень из команды «Гремучек», Хуан Диегас.

Едва заметно прихрамывая, Пако сделал пару шагов вперед. Каблуки армейских ботинок щелкали по полу. Все разговоры в зале прекратились, общее внимание обратилось на вошедших.

— Я спросил, где твоя подружка, — повторил Пако. На опухшем лице играла еле заметная улыбка, оба глаза обвело лиловыми кругами. Он хрустнул пальцами. — Нету? Некому спасать твою тошную задницу, а?

— Внимание, земляне! — ухнул динамик «Космического охотника». — У кого хватит духу сразиться с космическим охотником? Приготовиться к действию! Приготовиться к уничтожению!

— О, черт, — прошептал Майк Ледбеттер и резво попятился, чтобы оказаться подальше от Рэя. Несколько секунд спустя и Робби бросил Рэя на произвол судьбы.

— Лучше катись отсюда, мужик! — Это был Светофор. — Тут территория Щепов!

— А я с тобой разговариваю? Заткни хавальник, пидор долбаный!

Светофор был далеко не таким крепким, как заблокировавшие дверь парни, и он понял, что шансов у него нет.

— Мы не хотим неприя...

— *Заткнись!* — рявкнул Хуан Диегас. — Я сам займусь твоей жопой, мудака!

Кеннишо вскочил на ноги.

— Слушайте! Я не позволю, чтобы так разговаривали в...

Пако яростно развернулся и ухватился за автомат для игры в пинболл. На предплечьях вздулись мышцы. Вывороченный из пола автомат упал на бок. Зазвонили звонки, разлетелось вдребезги стекло, посыпались искры.

Собравшиеся затрепетали, как провода на сильном ветру. Кеннишо покраснел и потянулся к трубке висевшего на стене таксофона, роясь в кармане в поисках четвертака.

— Может, уберешь руку, сукин сын? — негромко, как бы между прочим, поинтересовался Пако. Кеннишо увидел в глазах парня бешенство, и его пронзил страх. Он моргнул и пошевелил губами, но не издал ни звука. Краска сбежала с лица Кеннишо, оно посерело. Он вынул из кармана пустую руку.

— *Мучас грасиас*, — фыркнул Пако и стрельнул глазами в Рэя Хэммонда: — Здорово ты меня сегодня оборжал, верно?

Рэй потряс головой. Заглянув в воспаленные глаза Пако, он понял, что Гремучки парят в стратосфере на крыльях марихуаны, иначе они не осмелились бы явиться в зал игровых автоматов.

— Так я, значит, вру, гомик вонючий? — Еще два широких шага, и Пако оказался достаточно близко, чтобы ударить.

— Нет.

Хуан с Рубеном загоготали. Рубен подпрыгнул, ухватил сделанную из папье-маше модель Сатурна и сорвал ее с проволоки. Хуан бешеным быком врезался в игровой автомат «Аквамарин» и свалил его на пол.

— Пожалуйста... не надо... — умолял Кеннишо, распластанный по стене, как бабочка под стеклом.

— А я говорю, ты меня обозвал вруном, — не унимался Пако. — Я говорю, я слышал, как ты надо мной смеялся, а теперь ты меня обзываешь вруном.

Рэю пришло в голову, что, если его сердце забьется чуть сильнее, он загудит, как живой барабан. Он едва не отступил перед Пако, но подумал: какой смысл? Бежать было некуда. Оставалось только пережить разборку и уповать на то, что вскоре порог переступит кто-нибудь из Щепов.

— Мужик, никому неохота драться! — сказал Светофор. — Чего тебе не свалить отсюда?

Пако усмехнулся.

— *Мне охота*. — Послышался грохот, с треском посыпались искры — Хуан перевернул очередной автомат. Пако сверлил Рэя взглядом. — Было же тебе сказано? Было тебе сказано: не путайся под ногами!

Рэй сглотнул. На них смотрела Лори Рэйни, и Робби, и Майк, и все остальные. Он твердо знал, что ему несдобровать. Но существовали более скверные вещи, например — лебезить с перепугу. Он почувствовал, как губы морщит скупая усмешка, и увидел, что на секунду это озадачило даже Пако. Рэй шагнул навстречу обидчику и сказал: «Пошел на хер».

Мальчик даже не успел подумать, что сейчас получит — таким быстрым был удар. Он пришелся Рэю в челюсть, приподнял с пола и швырнул на автомат «Ньютрон». Парнишка рухнул на колени, очки повисли на одном ухе, во рту появился вкус крови. Пако забрал рубашку Рэя в кулак и потянул вверх, чтобы поставить свою жертву на ноги.

Светофор кинулся к двери, но Хуан Диегас оказался проворнее. Он прицелился и дал Светофору пинка в плечо. Раздался крик боли. Светофор упал, и Хуан мгновенно набросился на него. Замелькали кулаки.

Рэй увидел над собой злобное лицо Пако и ткнул в него кулаком, но руку перехватили и зажали, как в тисках. За спиной у Пако подпрыгивал Рубен, издавая ликующий вопль всякий раз, как ему удавалось сорвать с проволоки очередную планету.

Пако занес кулак, показавшийся Рэю огромным. Грубые костяшки пальцев были покрыты шрамами.

Подвешенный так, что носки его кроссовок едва касались пола, Рэй отчаянно трепыхался, пытаясь вырваться. Напрасно — ноги проскальзывали.

Кулак поднялся, помедлил — и ринулся вперед.

Рэя с окровавленным ртом отнесло спиной вперед под автомат для пинбола.

КРУШИ!

— Приехали, — сказал Коди, тормозя перед домом Рика Хурадо. Миранда (ветер совершенно разлохматил ей волосы) слезла, крепко сжимая чемодан.

— Тебе когда-нибудь говорили, что ты носишься как угорелый?

— Не-а. — Коди огляделся. «Гремучек» на улице не было — по крайней мере, пока что. На автомобильном кладбище Кейда молотки звенели о металл.

— Тогда скажу я. Ты мог нас отправить на тот свет.

— На тот свет можно отправиться, подышав тутошним воздухом, — ответил Коди. — Иди-ка лучше внутрь. — Он кивнул в сторону дома. На крыльце горел желтый фонарик. Пахло луком и бобами. — Я подожду, пока ты войдешь.

— Не обязательно.

— Подумаешь, делов-то, — хмыкнул Коди, однако подмышки у него взмокли от пота.

— Спасибо, что подвез. И что спас от Бормотуна. — Она слабо улыбнулась и пошла к дому.

— Да не за что. — Стреляя мотором, Коди смотрел, как Миранда поднимается по ступенькам и стучит в дверь. Девочка в порядке, решил он. Чертовски жалко, что... просто чертовски жалко.

Дверь открылась. В желтом свете Коди увидел лицо Рика Хурадо.

— Привез тебе подарочек, Рики! — крикнул он, под оторопелым взглядом потрясенного, озадаченного Рика круто развернул «хонду» и стрелой умчался по Второй улице.

— Чертов придурок! — выкрикнул по-испански взбешенный Рик и взглянул на девушку, которая с чемоданом в руках стояла у его порога.

— Привет, — сказала она.

Не узнав ее, он ответил: «Привет», но в следующую секунду все его хладнокровие улетучилось, словно оборвалось дно у коробки. Последний раз Миранда присылала ему свою фотографию два года

назад, но за эти два года она превратилась из маленькой девочки в женщину.

— *Миранда?*

Чемодан стукнул о доски крыльца. Миранда потянулась к брату. Рик обнял ее, приподнял, прижал к себе. Он услышал тихий всхлип. У него и у самого жгло глаза.

— Миранда... Миранда, поверить не могу! Как ты сюда попала? Просто не могу... — Тут Рика словно ударило: Коди Локетт, с его сестрой! Он чуть не уронил Миранду и поставил ее на крыльцо. Глаза у него загорелись, как у маньяка. — Что у тебя за дела с Локеттом?

— Никаких. Просто он меня подвез.

— Он лапал тебя? Богом клянусь, если он до тебя дотронулся...

— Нет, нет! — Лицо Рика испугало Миранду. Это не был нежный брат, который писал ей письма изящным четким почерком. — Он ничего не сделал, только подвез меня от автобусной станции!

— Держись от него подальше! Он дрянь! Поняла?

— Нет, не поняла! — В эту секунду Миранда все поняла: она заметила усеянные металлическими клепками браслеты Рика (стиль «мачо», почти повальная мода среди парней с улиц Форт-Уорта) и вспомнила, как отреагировал Коди, когда она упомянула имя Рика. Вражда, подумала она. — Все в порядке. Я как огурчик.

Рик трясся от злости. Как *посмела* эта сволочь прикоснуться к Миранде! Еще одно очко, которое придется отыграть. Но Рик сделал над собой усилие, согнал с лица ярость, и та свернулась кольцом у него внутри до лучших времен.

— Извини. Я не нарочно расписывался. Заходи! — Он поднял чемодан сестры и взял ее за руку. Как только они переступили порог, Рик закрыл и запер дверь. — Садись

— Где Палома?

— Спит. — Уличные интонации Рика исчезли. Он смахнул пыль с диванных подушек и взбил их. — Пойду разбужу ее...

— Нет, пока не надо. Сперва мне надо поговорить с тобой с глазу на глаз.

Он нахмурился. Миранда говорила серьезно.

— А в чем дело?

Миранда подошла к полочке, где стояли керамические птички Паломы. Она взяла кардинала и погладила глиняные крылья.

— В Форт-Уорт я не вернусь, — наконец сказала она. — Никогда.

— Вмажь ему! — весело заорал Рубен. — Сделай из гаденыша котлету!

Пако, ухватив Рэя за лодыжки, пытался выволочь его из-под игрового автомата, но Рэй уцепился за одну из ножек и не собирался ее выпускать. Очки слетели, изо рта текла кровь. Однако голова оставалась ясной. Он подумал, что понимает, как, должно быть, чувствует себя раненый зверь, на которого накинудись стервятники.

Робби Фолкнер собрался с духом и ринулся в бой, но Пако круто развернулся и — один, два, три быстрых удара — расквасил Робби нос. С коротким слабым криком парнишка повалился на пол.

Тем временем Светофор тихонько пополз прочь от Хуана Диегаса, который вновь предпринял атаку на игровые автоматы. «Прекратите! Прекратите, ради Бога!» — вопил скорчившийся в углу Кеннишо. Светофор (глаз у него заплыл, а щека была распорота чьей-то печаткой) заметил впереди открытую дверь, вскочил на ноги и выбежал на улицу. Позади Хуан взревел: «Круши!» — и перевернул автомат «Меткий стрелок». Посыпались синие искры, хлынули четвертаки.

Светофор без остановки проскочил полицейский участок. Дело касалось только «Отщепенцев», и он точно знал, что делать.

— Она, да? — глаза Рика потемнели и стали свирепыми. — Что она с тобой сделала?

— Нет, не то. Мне просто пришлось...

Он взял правую руку сестры в свои. Сухая, растрескавшаяся ладонь, обломанные ногти — у Миранды были руки работницы, а не школьницы.

— Понятно, — взвинченно сказал Рик. — Она заставляла тебя драить полы.

Миранда пожала плечами.

— После школы я подрабатывала в нескольких семьях. Ничего страшного. Просто подмести, помыть посуду и...

— Вывезти мусор какого-нибудь жирного гринго на улицу?

— Но это же работа. — Девочка выдернула руку. — Это не она придумала. Я.

— Ага. — Рик язвительно улыбнулся. — Ты, значит, вкалывала горничной, а она сидела ждала своего альфонса, да?

— Перестань. — Глаза Миранды встретились с глазами брата. — Хватит. Ты не знаешь, значит, не тебе судить.

— Я знаю! Черт побери, я же читал твои письма! Они все у меня! Может, ты и не писала об этом, но я отлично умею читать между строк! Она — никчемная *нута*. Не понимаю, почему ты так долго жила у нее!

Миранда молча поставила глиняного кардинала на место.

— Никчемных людей не бывает. Поэтому я не уезжала.

— Ага. Ну, спасибо Пресвятой Деве, что она не успела и тебя сделать шлюхой!

Миранда прижала палец к его губам.

— Пожалуйста, — взмолилась она, — давай говорить по-человечески, ладно?

Рик чмокнул сестру в палец, но его глаза оставались задумчивыми.

— Смотри, что я сберегла! — Миранда подошла к чемодану, расстегнула замки, покопалась в нем и нашла сложенный в несколько раз лист бумаги. Она принялась осторожно разворачивать его, и Рик

увидел, что лист проклеен по сгибам скотчем, чтобы не развалился. Он знал, что это такое, но позволил сестре развернуть и показать. — Видишь? Почти как новый.

Это был его автопортрет, сделанный пастелью примерно три года назад: нарисованное толстыми агрессивными линиями лицо (тогда я выглядел куда моложе, подумал он), обилие черной тени и красных бликов. Сейчас портрет показался ему отвратительно дилетантским. Он сделал его примерно за час, глядя в зеркало у себя в комнате.

— Ты еще рисуешь? — спросила Миранда.

— Изредка. — В комнате Рика в коробке под кроватью лежали десятки набросков пастелью, почти все — на линованной бумаге из тетрадок: Окраина, пустыня, Качалка, лицо бабушки. Но это было то личное, о чем знали только Миранда с Паломой. Вешать в доме свои рисунки Рик отказывался из боязни, что их могут увидеть другие Гремучки.

— У тебя талант. Надо же что-то делать, — настаивала Миранда. — Тебе нужно поступить в художественную школу или...

— Хватит с меня школ. Завтра — последний день, а потом все.

— И что ты собираешься делать?

— У меня уже есть хорошая работа в хозяйственном магазине. — Рик ни в одном письме не упоминал, что работает подручным на складе. — Я... э... работаю в инвентаризационном контроле. Может быть, смогу начать писать дома, по выходным. Художник, который умеет быстро нарисовать дом, может заколачивать неслабые деньги.

— Ты способен на большее, сам знаешь. И вот это говорит о том же. — Она подняла автопортрет повыше.

— Больше никаких школ, — твердо сказал Рик.

— Мама всегда говорила, что ты... — Миранда осеклась, понимая, что идет по краю минного поля, а потом продолжила, — упрямый, как мул.

— Она была права. Раз в жизни. — Рик смотрел, как Миранда осторожно складывает и убирает портрет. — Так что случилось? — спросил он сестру и стал ждать подробного рассказа, хотя знал, что эта история разобьет ему сердце.

— Коди! Коди!

Коди, убирающий инструмент из ремонтной зоны, оторвался от своего занятия. К нему, спотыкаясь, чуть не падая, приближался Светофор. Его лицо казалось кровавой маской. — Они убивают его, Коди! — сказал Светофор, с трудом переводя дыхание. Его замутило, он согнулся, и бетон окропили алые капли. — Пацана мистера Хэммонда. Рентгена. Гремучки. Они в зале игровых автоматов, убивают его, слышь!

— Сколько их? — По жилам хлынула ледяная вода, но под черепом горячо запульсировало.

— Не знаю.

Коди подумал, что Светофору, должно быть, вышибли все мозги. — Пять или шесть. Может, семь.

Мендоса, считавший деньги в кассе, вышел, увидел окровавленное лицо мальчугана и, разинув рот, остановился как вкопанный.

Коди не медлил ни минуты. Он снял со стены кожаный ремень с набором гаечных ключей, крепко затянул его вокруг талии и застегнул.

— Дуй и отыщи Танка, Бобби Клэя Клеммонса, Дэйви — всех, кого сможешь. Живо! — Светофор, послушный солдат, кивнул, собрался с силами и убежал. Коди в мгновение ока оседлал мотоцикл, и крик Мендосы «Коди! Погоди!» утонул в выстрелах мотора. Коди умчался в темноту.

— А, чтоб тебя! — Мендоса побежал в контору, к телефону, и торопливо набрал номер шерифа. Ответил дежурный, Лилэнд Тил. Мендоса начал объяснять, что сейчас произойдет столкновение между двумя бандами подростков, но Тил терял драгоценные секунды, отыскивая карандаш и бумагу, чтобы записать сообщение.

Коди затормозил перед залом игровых автоматов так резко, что мотоцикл занесло. Чувствуя внутри холод, он с горящими глазами решительно переступил порог и увидел учиненный Гремучками погром.

Перевернутые автоматы плевали на пол искрами. У одного из них Рубен Эрмоса пинками выбивал стекло, а в глубине зала старый Кеннишо стонал: «Нет... прошу вас... не надо...» Хуан Диегас, изловив какого-то мальчишку («Похоже, это Робби Фолкнер», — подумал Коди), методично возил его лицом по полу, оставляя кровавые полосы. Остальные ребята жались к задней стене зала.

А Пако Ле-Гранде с разбитым носом бил ногами Рэя Хэммонда, который скорчился под пинболльным автоматом, отчаянно пытаясь защитить гениталии. В плечо Рентгену ударил здоровенный армейский башмак. Коди услышал, как Рэй зашипел сквозь стиснутые зубы, и сказал: «Хватит».

Пако перестал пинать Рэя, обернулся и расплылся в ухмылке. Рубен Эрмоса бросил уничтожать окружающее, а Хуан Диегас выпустил Робби Фолкнера, который остался лежать на полу, всхлипывая.

— Эй, мужик! — сказал Пако. — У нас тут просто небольшой междусобойчик.

— Кончился ваш междусобойчик, — объяснил Коди. Он быстро огляделся. Всего трое «Гремучек» — что ж за параша, будто их тут пятеро? Ну, может быть, Ле-Гранде и Диегас идут за двоих каждый.

— А по-моему, веселье только начинается, — ответил Пако. Ухмылка застыла, превратившись в оскал. Стуча башмаками, Пако двинулся вперед, приводя тело в боевую готовность, чтобы кинуться на Локетта.

Коди не двигался с места, подпуская Пако поближе.

Казалось, Пако вот-вот набросится на Коди, но в последнюю секунду тот молниеносно сорвал с пояса разводной ключ. Не успел Пако сориентироваться, что происходит, как ключ полетел в него.

Ключ угодил Пако в ключицу. Послышался явственный хруст. Пако взвыл от боли и, отшатнувшись, столкнулся с Рубеном, отчего его лицо исказилось еще сильнее. Ключ с лязгом свалился на пол.

Хуан Диегас кинулся на Коди, слишком быстро, чтобы тот успел увернуться. От удара головой в живот Локетт задохнулся и рухнул на автомат «Комmando». Хуан принялся охаживать Коди по ребрам. Коди съездил Хуана в подбородок, но лишь мазнул его кулаком. Тогда он вцепился скрюченными пальцами врагу в глаза. Хуан пронзительно вскрикнул и попытался, судорожно протирая поврежденные глаза. Не теряя времени, Коди шагнул вперед и пнул Хуана в живот. Парень захрипел и рухнул на пол.

Рубен Эрмоса размахнулся и ударом в челюсть отшвырнул Коди назад. Второй удар пришелся Локетту в лоб. Вскинув руки, он отвел третий удар, сгреб Рубена за футболку и, повинувшись инстинкту, с маху ткнул его кулаком в лицо, расквасив нос. Рубен залился кровью и попытался отступить, но деться было нелегко; кулаки Коди гуляли по его лицу, как пара поршней. Рубен покачнулся, колени у него подломились — но тут Пако, перегнувшись через «Солнечную крепость», угостил Коди таким ударом по корпусу, что парнишка растянулся на полу.

Рубен на четвереньках быстро пополз к дверям. За порогом он поднялся и побежал на Краину.

Рот у Коди был полон крови, в глазах стоял туман. Он услышал, что огромные башмаки приближаются, и сказал себе: «Вставай, не то станешь приманкой для канюков!» Понимая, что слишком поздно, Коди попытался подняться. Ботинок Пако вонзился ему под правую руку, рассылая по ребрам стрелы боли. «Топчи его!» — услышал Коди крик Хуана, извернулся, и следующий пинок пришелся в плечо. Туман перед глазами постепенно рассеивался, но ноги были как ватные. Коди поднял взгляд, увидел нависшего над ним Пако и понял, что сейчас получит очередной пинок. Он представил себе, как удар в подбородок запрокидывает ему голову и ломает шею, точно цыпленку. Надо было делать следующий ход, и *быстро*.

Но Коди ничего не успел сделать. На спину Пако Ле-Гранде кто-то прыгнул, и Пако потерял равновесие, так и не ударив Коди ногой. Коди увидел окровавленную физиономию Рентгена — маленький паршивец злобно скалился.

Пако с яростным воплем хотел оторвать от себя Рентгена, но тот ухватил его за сломанный нос и сильно дернул.

— Я люблю ее. — Миранда говорила спокойно. Она сидела на диване, сложив руки на коленях. — Но жить с ней больше не могла. Это было невыносимо.

Рик ждал, не торопя сестру, потому что знал — есть еще что-то, и оно должно быть сказано.

— С мужиками началась напряженка, — продолжала Миранда. — Она стала водить их домой. Эти квартиры... там такие тонкие стены. — Она занялась сломанным ногтем, не в силах взглянуть на брата. — А потом она встретила того хмыря. Он звал ее с собой в Калифорнию. Она сказала, что с ним, — на губах Миранды мелькнула вымученная улыбка, — ей хорошо. И знаешь, что еще она сказала? — Девушка заставила себя встретить угрюмый взгляд брата. Рик ждал, что она скажет. — Она сказала... мы можем заработать в Калифорнии кучу денег. Вдвоем. Она сказала, я уже достаточно взрослая, чтобы начать прилично зарабатывать.

Рик сидел неподвижно, глаза были черными-пречерными, а лицо — словно высеченным из камня, но внутри его корчило. Когда ему было пять, мать оставила его здесь с Паломой, а трехлетнюю Миранду забрала с собой. Отец бросил их сразу после рождения Миранды. Где обретался Эстебан Хурадо, Рик не знал, да и не испытывал особого желания знать, но мать много лет присылала им с Паломой длинные многословные письма о своей карьере «модели». На горизонте вечно маячил долгий отпуск, который так и остался миражом, и постепенно письма все чаще стала писать Миранда. Рик великолепно научился читать между строк.

— Я знаю, что ты думаешь, но это не так, — сказала Миранда. — Она дала мне выбрать: уехать или отправиться вместе с ней в Калифорнию. Но мне кажется, как раз *этого* она не слишком-то хотела. По-моему, ей хотелось, чтобы я собрала чемодан, пошла на автобусную станцию и купила билет до Инферно. Что я и сделала. По-моему, так. — Выражение лица Миранды было не менее жестким, чем у брата, но в глазах блестели слезы. — Рик, прошу тебя... пожалуйста, не заставляй меня думать, будто это не так.

— Рикардо? — донесся из коридора голос Паломы. Рик не успел встать и помочь бабушке. Палома в ситцевой ночной рубашке, с растрепавшимися во сне седыми волосами уже входила в комнату. — Я слышу, ты с кем-то разговариваешь.

— Бабушка, — сказала Миранда — и Палома резко остановилась, повернув голову к смутно различимой фигуре, поднявшейся с дивана.

— *Кто...*

— Это я, бабушка, — девушка приблизилась к ней и нежно взяла за тонкую, покрытую старческими пятнами руку. — Это...

— *Миранда*, — прошептала старуха. — Ах ты... Миранда... моя маленькая Миранда! — Она коснулась руки девушки, пробежала дрожащими пальцами по лицу. — Совсем большая! — В последний раз Палома видела Миранду, когда той было три года и рейсовый автобус увозил ее на север. — Ох ты! Вот чудесно! Вот расчудесно-то!

Миранда расплакалась, на этот раз от радости, и обняла бабушку.

Паломы вовсе не собирались рассказывать ни Миранде, ни Рик, что очень долго простояла в коридоре и все слышала.

— *Герра! Герра!* — кричали на улице. Собаки залились бешеным лаем.

— Что это? — быстро спросила Паломы. Крики не смолкали: «*Герра! Герра!*» Все понимали, что это означает: война. Команда на команду.

К горлу Рика подкатил ком. Он отвернулся от бабушки и сестры и выбежал на крыльцо. Надсаживался Рубен Эрмоса. Он стоял посреди Второй улицы в окровавленной футболке, в джинсах, мокрых и грязных после перехода через гнилую канаву Змеиной реки, и вопил во все горло. Рик увидел, что из дома вышел Зарра, потом — Джои Гарраконе, чей дом стоял чуть поодаль, а за ним его сосед, Рамон Торрес. Не остались равнодушными и остальные Гремучки. Во дворах, поднимая тучи пыли, с неистовым лаем метались собаки.

Рик сбежал с крыльца.

— Заткнись! — заорал он, и Рубен умолк. — Что за базар, мужик?

— Щепы! — сказал Рик. Из носа у него сочилась кровь. — В зале игровых автоматов, амиго! — Он вцепился Рик в рубаху. — Засада... Локетт приложил Пако молотком... Хуану глаза выцарапали. Мне... Иисусе... проломили нос.

— Говори по делу! — Рик схватил Рубена за руку: вид у парня был такой, словно он сейчас упадет. — Что творится? Что ты делал на том берегу?

Подбежал Пекин, ликуяще выкрикивая «*Герра!*» в подражание голосу, который разбудил его и вытащил на улицу.

— *Заткнись!* — скомандовал Рик прямо ему в лицо, и Пекин, гневно и возмущенно сверкнув глазами, подчинился.

— Мы просто гуляли... никого не трогали, — объяснил Рубен. — Ну, и для понта зашли туда. А они на нас наехали. — Он оглядел собравшихся «Гремучек». — И сейчас месят Пако и Хуана! Вот сейчас вот! — Он чувствовал, что перестает соображать. Мысли уносились прочь дикими скакунами. — Там Щепов шесть или семь, может, больше... все случилось так быстро.

— Война! — прокричал Пекин. — Навешаем Щепам по первое число!

— Я сказал, заткнись! — Рик схватил Пекина за ворот, но парнишка вырвался и побежал в сторону Третьей улицы, нараспев выкрикивая «Война!», чтобы поднять по тревоге тамошних «Гремучек». — Остановите его, кто-нибудь! — потребовал Рик, но захмелевший от запаха насилия Пекин летел как ветер.

— Надо вытащить оттуда Пако с Хуаном, Рик, — сказал Зарра. На руку Зарры был намотан кнут. — Надо спасти наших братьев, мужик.

— Погоди. Дай подумать. — Но думать Рик не мог. Его кровь вспламенилась, а пронзительный крик Пекина проникал за стены

каждого дома Окраины. Обдумывать ситуацию было некогда: явились Джей Мелендес с Фредди Консепсьоном, а за ними — Диего Монтана, Тина Малапес и здоровенная рыжая деваха по кличке Скотина.

— Эти суки отправят наших кровных на тот свет!

Появился Санни Кроуфилд; потное лицо в желтом свете лампочки над крыльцом казалось пятнистым.

— Ты идешь или нет, Хурадо? — вызывающе спросил он, и Рик увидел, что в руке у Санни зажат кусок свинцовой трубы, а в глазах — хищное выражение.

Нужно было принимать решение. Какое, сомнений не оставалось. С губ Рика сорвалось: «Пошли».

«Гремучие змеи» загикали и заорали. Рик оглянулся на Палому с Мирандой. Он увидел, что бабушка говорит «Нет», но из-за шума не услышал ее голоса — может быть, к лучшему. Миранда не сразу разобралась, в чем дело, но, увидев подбегающих парней с цепями и бейсбольными битами, поняла: будет драка между командами. Рик потрогал карман и нащупал «Клык Иисуса». Кое-кто уже бежал к машинам и мотоциклам или стрелой неся к набережной реки, словно спеша на фиесту. Рик понял, что ситуация стала совершенно неуправляемой и до рассвета прольется немало крови. Боевой клич Пекина эхом гулял по Окраине.

Миссис Альхамбра с той стороны улицы громко звала Зарру домой, но он нетерпеливо сказал Рiku: «Поехали!»

Кивнув, Рик сделал несколько шагов вверх по ступенькам, к бабушке и сестре, но времени не было. Холодная, безжалостная маска заняла свое место. «Круши!» — подумал он, повернулся к ним спиной и широким шагом мстителя направился к машине.

ШАРОВАЯ МОЛНИЯ

Пако еще визжал. Он корчился на полу, держась за нос, из которого снова хлестала кровь.

Попал, подумал Рэй... а потом Хуан Диегас с размаху ударил его кулаком в висок, и Рэй проехался по полу, как сморщенный мешок из-под грязного белья.

Коди пытался подняться. Он стал на колени, но Хуан ухватил его за ворот, поставил на ноги и врезал кулаком по зубам, разбив нижнюю губу. У Коди подкосились ноги. Хуан ударил еще раз, распоров ему печаткой щеку под правым глазом.

— Прекратите! Прекратите! — надрывался Кеннишо, все еще слишком напуганный, чтобы что-нибудь предпринять.

Хуан опять занес кулак для сокрушительного удара.

— Замри! — через порог шагнул помощник шерифа Лилэнд Тил — мужчина средних лет, с брюшком, похожий на сгущающего хоряка. У него за спиной виднелся его напарник, Кит Эксельрод.

Хуан только рассмеялся. Кулак пошел вниз. Этот удар должен был раздробить Коди нос.

Огромное зеркальное окно зала игровых автоматов пронзил свет фар. Визгнули шины, взвыл перегруженный мотор, и Хуан вскрикнул: «*О маме!*»

Раскрашенный серо-зелеными камуфляжными пятнами грузовик с ревом промчался по тротуару, едва разминувшись с «хондой» Коди, снес счетчик на стоянке и в сверкающем водопаде осколков, под оглушительный звон въехал в витрину. Полицейские, спасаясь, шмыгнули в стороны. Расплющив пару игровых автоматов, грузовик остановился. Из кузова на Хуана Диегаса, размахивая цепью, прыгнул Бобби Клэй Клеммонс. Из кабины выскочил ревуший подобно разъяренному зверю Танк, пнул Пако в ребра. «Сейчас повеселимся!» — заорал, вываливаясь из грузовика, вооруженный бейсбольной битой Джек Досс и яростно накинулся на игровые автоматы. Его исступление подогревала марихуана. Отрава тоже была тут как тут, подстрекала

к насилию. Дэйви Саммерс залез на крышу фургона, выглядывая, на кого бы прыгнуть, а Майк Фрэкнер, вылив себе в глотку пиво, смял банку и запустил ею в голову Хуану.

На кухне у Хэммондов Том, наливая себе очередную чашку кофе, вдруг подумал, что Дифин как будто бы пошевелилась. Еле-еле — вероятно, просто дрогнула мышца. Джесси с Роудсом в кабинете решали, что следует предпринять. Том положил в кофе ложечку сахара. И снова подумал, что мельком заметил какое-то движение. Он приблизился к Дифин. Ее лицо — лицо Стиви — по-прежнему было неподвижно, глаза смотрели в одну точку. Но... да! Вот оно!

Правая рука Дифин, указывавшая на окно, задрожала.

— Джесси, — позвал Том. — Полковник Роудс! — Они тут же пришли. — Поглядите-ка, — он кивнул на правую руку гостьи. Прошло всего несколько секунд, а дрожь как будто бы усилилась.

Дифин прерывисто, судорожно задышала — неожиданное движение, от которого Джесси вздрогнула.

— Что это? — встревожившись, спросил Том. — Она что, не может дышать?

Джесси коснулась груди Дифин. Дыхание было частым и неглубоким. Она приложила пальцы к ее шее. Пульс частил.

— Сердце бьется слишком сильно, — напряженно сказала она и заглянула Дифин в глаза: зрачки стали большими, как десятицентовики. — Наверняка происходит какая-то реакция. — Голос Джесси был ровным, но живот подвело. Вытянутая рука Дифин по-прежнему дрожала. Теперь дрожь распространилась и на предплечье.

В легких у Дифин захрипело. Хрип вырвался изо рта, и Джесси показало, что это было какое-то слово.

— Что? — Роудс держался в стороне от инопланетянки. — Что она сказала?

— Кто его знает, — Джесси заглянула Дифин в лицо, и увиденное потрясло ее: зрачки Дифин вдруг стали величиной с булавочную головку, затем вновь начали расширяться. — Господи Иисусе! Помогите, у нее начинается припадок!

Дифин едва заметно шевельнула губами. На этот раз Джесси была достаточно близко для того, чтобы расслышать в слабом, хриплом выдохе слово. А может быть, ей только показалось, будто она что-то расслышала, поскольку выходила бессмыслица.

— По-моему... она сказала *кусака*, — сообщила Джесси.

С лица Стиви — Дифин — сбегала краска, оно приобрело мертвенный сероватый оттенок. Ее ноги, ноги маленькой девочки, задрожали. Она снова прошептала: «*Ку-сака*».

И в этом шепоте звучал предельный ужас.

Покуда Хуан Диегас молил о пощаде Бобби Клэя Клеммонса, а Танк, присоединившись к Джеку Доссу, занимался выкорчевыванием автоматов из пола, Коди пополз к Рэю Хэммонду. Рэй стоял на

четвереньках и мотал головой, чтобы в ней прояснилось. Из носа и разбитых губ на пол капала кровь.

— Ты в порядке? — спросил Коди. — Эй, Рентген? Мужик, ты меня слышишь?

Рэй посмотрел на него и даже без очков сумел понять, кто это.

— Ага, — просипел он. — Похоже... не надо было... путаться под ногами.

— Нет, — возразил Коди и стиснул плечо Рэя. — Я думаю, ты сделал все как надо, браток.

Рэй улыбнулся окровавленным ртом.

На улице громко затрубили клаксоны, замелькал свет фар.

— У нас гости! — крикнула Отравы и полезла в кузов за усаженной гвоздями деревяшкой. — Еще Гремучки! Целый вагон!

Коди поднялся на ноги. Разгромленный зал игровых автоматов завертелся вокруг него, и Танк поддержал президента, чтобы тот снова не упал.

— Ну, давайте, говнотрясы! — прозвучала первая издевка. Клаксоны трубили, не переставая. — Ну, давайте, засранцы!

Полицейские попятились, понимая, что не готовы к такому повороту событий. Скучное жалованье не могло заставить их смело встретить подобное бесчинство. К залу игровых автоматов съехались четыре легковые машины, два грузовика и несколько мотоциклов. Перед отъездом из участка констебль Тил позвонил шерифу Вэнсу домой. Однако Вэнса все не было, и Тил решил не рисковать своей шкурой. Из машин полезли вооруженные битыми бутылками и цепями Гремучки. Эксельрод крикнул: «Эй, ребята, хорош! Валите отсю...», но в стену рядом с его головой врезалась и разлетелась вдребезги бутылка, и, оставив попытки провести закон в жизнь, Эксельрод пригнулся и кинулся наутек.

— Помогите! — пронзительно вопил Хуан. — Вытащите меня отсюда!

Бобби Клэй утихомирил его пинком в живот.

— Пошли! — размахивая цепью, крикнул Рамон Торрес Гремучкам. — Погоним этих мудаков!

— Гони их! По жопам! — подзадоривал Санни Кроуфилд, сам оставаясь в машине. Подъехал «камаро» Рика, оттуда вылез Зарра.

— Ты-то мне и нужна, сука! — Скотина ткнула пальцем в Отраву. В другой руке у нее была обипленная бита. Обмен оскорблениями и насмешками шел полным ходом, и находившийся в зале Коди понял, что отходить придется с боем.

Танк пыхтел, как кузнечный мех. Из-под шлема на лицо обильно стекала кровь.

— Что, раздолбаи мокрожопые! Веселья захотелось? — крикнул он. — Ну, *веселитесь!* — И с ревом рванулся из зала в самую гущу врагов.

* * *

Оцепенение Дифин рассеялось. К лицу снова прихлынула краска. Дрожа крупной дрожью, она упала на колени, повторяя: «Ку-сака. Ку-сака. Ку-сака».

Сквозь гудение клаксонов Джесси расслышала, как в буфете задребезжали чашки.

О шлем Танка разбилась пивная бутылка. Танк ткнул кулаком в лицо Джои Гарраконе, получил по спине цепью и пошатнулся. Кто-то прыгнул на него с машины. Потом на Танка приземлились еще двое и стащили его, еще размахивающего кулаками, вниз.

— Бей их! — Глаза Бобби Клэя горели яростной жадой убийства. Он ворвался в зал через разбитое окно, за ним последовали Джек Досс, Отрава и прочие Щепы с въехавшего в стекло грузовика. Замелькали кулаки и цепи, в воздухе летали бутылки. Рик ринулся в свалку, Зарра не отставал. Коди сорвал с ремня еще один разводной ключ и на подкашивающихся ногах пошел из зала. Мышцы болели, но кровь звенела, требуя насилия.

А примерно в двадцати ярдах от места потасовки в патрульной машине, вцепившись в руль потными руками, сидел Эд Вэнс и слушал, как в том уголке его сознания, где обитал испуганный толстый мальчишка, звучит монотонный напев: «*Бурро! Бурро! Бурро!*»

Он почувствовал, как машина содрогнулась, и в следующий момент понял — нет, не машина. Земля.

— Ку-сака. Ку-сака. Ку-сака, — повторяла Дифин с расширившимися от ужаса глазами. Она протопала в угол, под тикающие часы-кошку, и попыталась сложиться, как человек-змея.

В шкафах подпрыгивали стаканы. Теперь и Джесси, и Том, и Роудс — все почувствовали, что пол задрожал. Буфет распахнулся, на пол посыпались кофейные чашки. Стены скрипели и трещали, как крохотные бенгальские огни.

— О... Господи... — прошептал Роудс.

Джесси нагнулась к Дифин, которая сжалась в такой комок, что суставы Стиви едва не лопались.

— Что это? — Пол завибрировал еще сильнее. — Дифин, что это?

— Ку-сака, — повторило существо, глядя мимо Джесси неподвижными остекленевшими глазами. — Ку-сака. Ку-сака.

Люстра закачалась.

Патрульная машина загудела, хотя Вэнс не дотрагивался до клаксона. «Всесильный Боже!» — подумал шериф и вылез из машины. И даже сквозь подметки почувствовал, как дрожит земля. Слышался низкий грохот, словно где-то терлись друг о друга тяжелые каменные плиты.

* * *

Танк дрался не на жизнь, а на смерть. Скотина замахнулась битой на Отраву. Та увернулась и отступила, шипя ругательства. Рик повсюду видел силуэты дерущихся. Его рука потянулась к «Клыкку Иисуса», но пальцы не сжали рукоять ножа. Он услышал, как взвизгнули шины, оглянулся и увидел, что по улице катят еще две машины, битком набитые Щепами. Пассажиры на ходу выскакивали и кидались в драку. В плечо Рик угодила шальная бутылка. Он споткнулся о дерущихся, упал, собрался с силами и хотел подняться, как вдруг почувствовал, что бетон дрожит, и подумал: «Что за черт?..» Барабанные перепонки Рика заняли, в костях запульсировала басовая нота. Он посмотрел вверх, и у него захватило дух.

С неба на Инферно опускалась шаровая молния.

Рик встал. Шаровая молния росла. Кто-то из Щепов ухватил его за рубашку и размахнулся, но Рик яростно и презрительно отшвырнул нападавшего в сторону. Улица дрожала. Рик закричал: «Стоп! Прекратить!», но вокруг кипела слишком ожесточенная драка, никто его не слушал. Он снова посмотрел на небо. Мимо, пошатываясь, прошел кто-то из «Гремучек» с окровавленным лицом и толкнул Рика. Улицу лизнул оранжевый свет шаровой молнии.

Вэнс, стоявший позади Рика, тоже увидел огненный шар. Жмурясь от ослепительного сияния, он почувствовал, что сердце у него подкапало к горлу и застряло там, как лимон. «Конец света», — подумал он, не в силах ни крикнуть, ни убежать. Казалось, огненный шар падает прямо на него.

— Послушайте! — завопил Рик. Он нырнул в гущу драки, пытаясь на секунду растащить бойцов.

И нос к носу столкнулся с Коди Локеттом.

Кости Коди пульсировали болью, в ушах громко стучало от нагрузки на барабанные перепонки, но он думал, что это сказываются повреждения, полученные в драке. Теперь, однако, парнишка заметил оранжевое сияние, но задраить голову не успел — наткнулся на Рика Хурадо. Первой мыслью Коди было: у Хурадо нож и бить надо первым. Он занес гаечный ключ, целя противнику по черепу.

Рик перехватил его руку.

— Нет! — крикнул он. — Нет, послушай...

Коди так саданул его коленом в живот, что Рик стало нечем дышать, и вырвал руку, чтобы обрушить свое оружие на затылок Хурадо.

Дифин пронзительно закричала.

Огненный шар, диаметр которого составлял почти двести футов, с ревом рухнул на автостанцию Мэка Кейда, взметнув в воздух тучи пыли и части машин. От удара земля затряслась, по улицам Инферно и Краины побежали трещины, в домах вылетели окна, а Коди Локетта сбило с ног, и гаечный ключ не успел опуститься. Металлический

забор автодвора рухнул, куски железа коршунами разлетелись в стороны. Стекла в западных окнах Первого техасского банка превратились в россыпь осколков. Долей секунды позже вылетели восточные окна — по Инферно с ревом катилась ударная волна. Электрическое табло (21:49, 85 градусов по Фаренгейту) погасло.

Дом Хэммондов содрогнулся. Пол встряхнуло, пронзительно скрипнули половицы. Джесси бросилась на пол, и Том последовал ее примеру, потому что стекла в южных окнах разлетелись. Роудса швырнуло на стену, и стена тряхнула его, будто ударная волна превратила ее в огромную горячую сковородку.

В момент удара, когда налетел ветер, Палома с Мирандой были в доме. Полы вдруг заплесали, из стен полетела пыль, и женщины ухватились друг за друга. Вокруг летело стекло, полочка с глиняными фигурками Паломы оборвалась, и обеих женщин сбilo с ног — по дому прокатился рев.

Кое-где на Окраине выбеленные солнцем крыши сорвало с домов и понесло по воздуху. Крест на шпиле католической церкви покряхтел.

Выброшенная из кровати Рут Туилли завизжала «Нooooой!». Ее сын у себя в кабинете прятал лицо от летящего стекла. В часовне гробы качались, как колыбели.

Сержант Деннисон у себя на крыльце крикнул «Получено сообщение!», проснулся и обнаружил, что вокруг бушует пыльная буря, в ушах звенит, а стальная пластинка под черепом ухаёт, как бесовская наковальня. Бегун запрыгнул к Сержанту на колени и сидел там, дрожа. Сержант нервно потрепал черно-белый пятнистый загрызок невидимого пса.

По всей Кобре-роуд и Селеста-стрит пронзительно заливалась сигнализация. Выли собаки. Три уцелевших городских светофора со скрипом раскачивались на проводах, а четвертый, на пересечении Оукли- и Селеста-стрит, сорвался на мостовую и разбился.

В доме Кёрта Локетта с лязгом растворились ставни, застонали стены, а Кёрт с широко раскрытыми глазами лежал в темноте на пропотевшей постели.

Сотрясение катилось призрачными волнами, и ночные твари стремглав разбежались по норам.

НЕБЕСНАЯ РЕШЕТКА

Вэнс поднялся. Вокруг вихрилась пыль. Сквозь нее он разглядел разбитые неоновые вывески Селеста-стрит. Почти все лампочки над стоянкой подержанных автомобилей Кейда разбились. Некоторые еще искрились. Ковбойскую шляпу шерифа унесло, голове было сыро. Он коснулся волос, пальцы испачкало что-то алое. «Стеклом задело», — подумал Вэнс, слишком ошеломленный, чтобы чувствовать боль. Но рана была неопасной — вылилось немного крови, и только. Он услышал скулящий полудетский голос, еще кто-то всхлипывал, но остальные драчуны, сбитые с ног, онемели от страха.

Над автодвором к небу рвались языки пламени. Горела припасенная Кейдом краска. Там, где взорвались бочки с бензином, от охваченной пламенем кучи покрышек столбом валил черный дым. «Пожарные-то где?» — удивился шериф. Впрочем, пожарникам не хватило бы времени даже на то, чтобы натянуть исподнее. И тут, в мелькающем, выходящемся рыжем пламени, Вэнс разглядел, что землю Кейда заняло что-то другое.

Вэнс с размаху привалился спиной к патрульной машине. Лицо стало белым как мел. Клаксон все гудел, но шериф этого не замечал. По лбу стекала тонкая красная струйка.

Неподалеку стоял Рик Хурадо. Рубаха свисала клочьями, потное лицо и грудь облепила пыль, в волосах поблескивали осколки стекла. В нескольких футах от себя он увидел шатающегося Зарру, который все еще зажимал уши руками. Вокруг «Гремучие змеи» и «Отщепенцы» вели новое сражение, но не друг с другом, а со своими взбунтовавшимися чувствами.

Тогда Рик тоже увидел среди языков пламени на автодворе *это*. Он ахнул и прошептал: «Господи», хотя едва слышал собственный голос.

Примерно в десяти футах от него, упираясь коленями в землю, лежал то теряющий сознание, то возвращающийся в действительность

Коди. «Нас бомбили, — подумал он. — Чертовы Гремучки заложили динамит...»

Наконец Вэнс спохватился, что патрульная машина гудит. Ему показалось, что именно этот звук и толкнет его за грань. Он заорал: «Заткнись!» и застучал кулаком по капоту. Гудок заикнулся и умолк.

Через минуту завывла сирена. Пожарная машина с включенными мигалками промчалась по Республиканской дороге мимо станции Мендосы и пересекла мост через Змеиную реку. «Черт побери, одного брандспойта будет мало», — подумал Вэнс. Но других у пожарной дружины не было. Шериф понимал, что должен что-то делать, но не знал, что именно. Все казалось нереальным, туманным и зыбким. Поэтому минуту спустя Вэнс уселся на помятый капот патрульной машины в позе роденовского «Мыслителя» и стал смотреть на пожар, полыхавший вокруг выросшей на дворе у Кейда загадочной штуки.

— Не знаю, что это было, но оно упало за рекой, — Том стоял у разбитого южного окна. — Там что-то горит. Погодите-ка. — Он снял очки и протер их рубашкой. Одно стекло треснуло точно по диагонали. Том вновь нацепил очки на нос и тогда увидел. — *Что* это?

Джесси с серыми от пыли волосами выглянула у него из-за плеча, тоже увидела, и по спине у нее побежали мурашки.

— Роудс! Вы только посмотрите!

Полковник всмотрелся и непроизвольно разинул рот. В голове у него стучало, даже зубы ныли.

— Господи, — удалось ему выговорить. — Что бы это ни было, оно *большое*.

Джесси глянула вниз, на Дифин. Та, скорчившись в углу, дрожала, бросая по сторонам быстрые взгляды, как попавший в силки кролик.

— Что там упало? — спросила Джесси. Дифин не отвечала. — Ты знаешь, что это?

Дифин медленно кивнула.

— Ку-сака, — сказала она севшим от крика голосом.

— Кусака? Как это понимать?

Лицо Дифин, как зеркало, отражало внутреннее смятение. Она пыталась отыскать в занесенных в память словарях нужные формулировки и дать объяснения, но это было трудно. Возвышающиеся перед ней формы жизни обладали таким ограниченным словарным запасом, такой убогой технологией, что общение представлялось совершенно невозможным. И архитектура у них была безумной: одно то, что они называли «стенами», их прямые линии и жуткие плоские поверхности довели бы до самоубийства любое цивилизованное существо.

Все это пронеслось в мозгу Дифин на языке мелодичном, как перезвон ветряных курантов, и неуловимом, как дым. Некоторые

вещи невозможно было перевести на гортанное рыканье, которое шло из горла занятой ею дочерней формы. К таким непереводаемым вещам относилось и недавнее происшествие.

— Пожалуйста, — сказала она, — забирать меня от-сюда. Пожалуйста. О-чень дале-ко.

— Чего ты так боишься? — упорствовала Джесси. — Вот этого? — она махнула в сторону предмета, опустившегося на автотвор.

— Да, — ответила Дифин. — Боишься, очень много. Ку-сака жизнь есть вред.

Грамматика оставляла желать лучшего, но смысл был ясен. Приземлившийся за рекой объект заставлял Дифин трястись от ужаса.

— Мне надо взглянуть на это поближе! — сказал Роудс. — Мать честная... Думаю, это еще одно ИПСП! — Он обшарил взглядом небо. Ганнистон должен был видеть, как эта штука падала. Скоро он прилетит. — Радары Уэбба должны были его засечь... вот разве что оно каким-то образом проскользнуло в шелки. — Полковник думал вслух. — То-то сейчас чешутся наши летуны! Два НЛО в один день! Вашингтон охренеет!

— Рэй, — вдруг сказал Том. — Где Рэй?

Джесси пошла следом за ним в комнату Рэя. Том постучал. Ответа не было, но оба понимали: звук в наушниках Рэя никак нельзя сделать настолько громким, чтобы он скрыл грохот падения пресловутого «объекта». Том открыл дверь, увидел пустую кровать и пошел прямо к окну. Под ногами хрустело битое стекло. Том тронул отодвинутый шпингалет. Он кипел гневом, одновременно страхась того, что Рэй оказался в опасном месте в то время как...

Черт, подумал он, когда ему открылся прекрасный вид на огонь и дым. Сейчас *езде* опасно.

— Пошли искать, — сказал он.

На Селеста-стрит резко затормозил ярко-красный «багги» с пока-той крышей.

— Вэнс, хватит штаны протирать! — крикнул выскочивший из-за руля мужчина. — Что, трешь-мнешь, тут происходит?!

— Не знаю, — апатично ответил Вэнс. — Что-то упало.

— Это я вижу! *Что* упало? — Лицо доктора Эрли Макнила было почти таким же красным, как его «багги». Седые волосы, обрам-лявшие пятнистую от возраста лысину, доходили до плеч. Пылаю-щие голубые глаза пронзали шерифа, как пара хирургических лазеров. Широкий в кости, с изрядным брюшком, доктор был облачен в просторную зеленую хирургическую рубашу и джинсы с заплаты на коленях.

— Этого я тоже толком не знаю. — Вэнс посмотрел на струю воды, изогнувшуюся бесполезной дугой к центру языков пламени, и подумал: с тем же успехом они могли бы туда мочиться.

Из домов начинали выходить люди. Те, что помоложе, бежали в парк. Старики торопливо ковыляли следом. Почти все «Отщепенцы» и «Гремучие змеи» наконец опомнились, но драке пришел конец. Ребята стояли и глазели на пожар; на потных, покрытых синяками лицах играли отблески пламени.

Коди вскочил на ноги. В голове еще стоял туман, один глаз распух и почти закрылся, но здоровым глазом мальчик видел объект не хуже прочих.

Посреди автомобильной свалки Кейда стояла черная пирамида. Коди прикинул, что высотой она футов сто тридцать, а может, больше. Пирамида отражала пламя и все-таки не вполне походила на металлическую. Ее поверхность казалась грубо-чешуйчатой, точно змеиная кожа или тесно, внахлест расположенные пластинки брони. Коди увидел, как струя воды из пожарного шланга, попав на пирамиду, превратилась в пар.

Кто-то притронулся к украшенному кровоподтеком плечу Локетта. Коди скривился и увидел, что рядом с ним стоит Танк. Шлем надежно защитил его от побоев, но под носом, куда угодил удачный удар, блестели следы крови.

— Ты в норме, мужик?

— Ага, — сказал Коди. — Вроде бы.

— Больно бледный у тебя вид.

— Надо думать. — Он огляделся, увидел Отраву, Бобби Клэя, Дэйви Саммерса... По крайней мере, все «Отщепенцы» были на ногах, хотя кое-кто выглядел не лучше Коди. На глаза ему попался и Рик Хурадо, который стоял от силы в десяти футах от них и наблюдал за пожаром. Похоже, паршивый мексикашка не заработал ни царапины. Зато (и почти все Гремучки вместе с ним) стоял после захода солнца на бетоне Инферно. В любое другое время Коди в бешенстве набросился бы на Рика, но это внезапно показалось ему такой же напрасной тратой энергии, как бой с тенью. Хурадо повернул голову, и ребята оказались лицом к лицу.

Не выпуская из руки ключ, Коди уперся взглядом в Хурадо.

— Ну так что, Коди? — спросил Танк. — Какой счет, мужик?

— Ничья, — ответил Коди. — Пусть так и остается. — И отшвырнул разводной ключ, вышибив из разбитого окна зала очередной кусок стекла.

Рик кивнул и отвел глаза. Битва закончилась.

— Рентген, — вспомнил Коди. Он подошел к залу игровых автоматов, увидел, что «хонда» перевернулась, но не пострадала, и вошел в разгромленное помещение. Рэй Хэммонд сидел, привалившись спиной к стене, вся рубаха была в кровавых потеках. — Живой? — спросил Коди.

— Пожалуй. — Рэй едва ворочал языком. Во время драки он прикусил его, и теперь язык казался большущим, как кабачок. — Что горит?

— Чтоб я сдох, если знаю. Что-то брякнулось во двор к Кейду. Давай, попробуй встать. — Рэй взялся за протянутую ему руку. Коди подтянул его кверху, и у мальчика немедленно подкосились ноги. — Только не блевать, — предупредил Коди. — Я себе стираю сам.

Едва Рэй с помощью Коди поднялся на ноги, как Джесси увидела сына и чуть не вскрикнула. Том за ее спиной сглотнул застрявший в горле ком. Полковник Роудс, не отрывая глаз от черной пирамиды, стал пробираться через толпу зевак, а существо с личиком Стиви осталось возле «сивика», на котором все они приехали.

— Рэй! О, Господи! — вскрикнула Джесси, добравшись до сына. Она не знала, обнять его или наподдать ему как следует, но, судя по виду Рэя, тумачков и шишек он получал предостаточно, и Джесси остановилась на первом варианте.

— Уй, мам, — запротестовал мальчик, вырываясь. — Не устраивай кино.

Том увидел покрытое синяками лицо Коди, оглядел Щепов и «Гремучек» и отчетливо представил себе, что, должно быть, произошло. Злость рассеялась, и теперь он с ужасом уставился на пирамиду, возвышавшуюся в кольце пляшущих языков пламени.

— Не-ет, шлангом такое не унять, нет-с! — Это был Хитрюга Крич в куртке из желто-синей шотландки, чуть более светлых синих слаксах и жемчужно-серой рубашке с открытым воротом. Выбрать галстук из своей обширной коллекции вырвиглазов у Хитрюги не было времени. Ударная волна сотрясла его дом и выкинула Хитрюгу вместе с женой, Джинджер, из постели. Голова Крича тряслась, челюсть дрожала. — Я битый час провисел на телефоне, пытаюсь выяснить в головной конторе, что это за бардак! Том, что это за штука там, будь ей пусто?

— Думаю... это космический корабль, — сказал Том, и Крич на секунду сделал большие глаза.

— Пардон за грязь в ушах, — сделал Крич еще одну попытку, — но мне показалось, будто ты сказал...

— Да, сказал. Космический корабль.

— *Что?* — Вэнс стоял достаточно близко, чтобы услышать. — Том, ты рехнулся?

— Спроси полковника Роудса. — Том кивнул на военного летчика. — Он тебе скажет, что это такое.

Роудс внимательно осматривал небо и вдруг увидел то, что искал. Мигая хвостовым огнем, над Инферно сновал реактивный «Фантом-F4Е» с базы Уэбб. Проводив самолет взглядом, Роудс увидел, что он начинает разворачиваться для очередного пролета над пирамидой. Вероятно, в этот миг пилот передавал на базу, что видит. Вскоре небо должно было заполниться кружащими над Инферно реактивными самолетами. Полковник оглянулся на Дифин и увидел, что она неподвижно стоит у машины, следя за самолетом. «Гадает, нельзя ли

улететь на таком с нашей планеты», — подумал Роудс. Диффин казалась обычной русоволосой девчушкой, испуганной, трепетной, как жеребенок.

Ему пришло в голову, что она только-только выучилась ходить. Вероятно, она еще не знала, как бегать, не то ее давно бы и след простыл.

— Вы что-нибудь знаете об этом, полковник?

Роудс неохотно отвлекся от Диффин. К нему приближался шериф в сопровождении какого-то мужчины в чудовищной желто-синей куртке спортивного покроя.

— Что это за дрянь? — спросил Вэнс. На лице шерифа засохла одинокая струйка крови. — Откуда она?

— Об этом я знаю не больше вашего.

— А Том Хэммонд сейчас сказал совсем другое, мистер! — задористо заявил Хитрюга Крич. — Вы только гляньте, что за бардак, окаянная сила! Полгорода выкорчевало! А знаете, кому придется за это платить? *Моей* страховой компании! Что, черт побери, я должен им теперь сказать?

— Теперь-то это уж точно не метеорит, — Вэнс учуял обман. — Эй, слушайте! Не такая ли штуковина упала в пустыне, а?

— Нет, не такая. — В этом Роудс был уверен: упавшее за городом ИПСП было другого цвета и раз в пять меньше. Он следил за «фантомом»: тот возвращался, чтобы снова низко пролететь над пирамидой. Где, черт побери, болтался Ганни с вертушкой? Роудс был приучен «охранять факты», как это называлось в проекте «Голубая книга», но как утаить такую громадину...

Треск пламени потонул в низком дрожащем звуке. Роудсу показалось, будто кто-то с хлопаньем, сипло, судорожно втянул воздух.

В следующую секунду из вершины пирамиды вырвалась тонкая колонна яркого фиолетового света, поднимавшаяся в небо еще примерно на две сотни футов.

— Что это оно делает? — заорал Вэнс, делая шаг назад.

Диффин знала, что, и крепко сжала кулачки, впиваясь ногтями в ладони.

• Столб света начал вращаться, как застывший циклон. Пожарные бросились наутек, и струя воды из пожарного шланга иссякла. Столб вращался все быстрее, от него отделялись светящиеся нити. Они начали переплетаться. На восток, на запад, на север, на юг — во все стороны устремились фиолетовые полосы; они перечеркнули горизонт, забирая небо над Инферно решеткой и беззвучно, мерно и сильно пульсируя.

— Похоже на какую-то поганую клопоморку! — услышал Коди голос Танка, а потом увидел, что реактивный самолет резко задрал нос, намереваясь прорваться сквозь лиловую сеть.

Коснувшийся решетки нос «фантома» смялся в лепешку. Самолет взорвался, превратившись в оранжевый шар, и Роудс крикнул: «Нет!»

Попавшие на решетку обломки самолета объяло пламя. Крутятся, они посыпались вниз, чтобы приземлиться в пустыне, в трех или четырех сотнях ярдов за Окраиной.

Решетка продолжала расти, заливая небо мертвенным лиловым светом.

Ровно в семи милях от Инферно и Окраины решетка выгнулась и пошла к земле, взяв город в кольцо. Она перерезала строй маршировавших по шоссе №67 телеграфных столбов и линию электропередачи, а замешкавшийся и слишком поздно затормозивший шофер грузовика врезался в нее на скорости шестьдесят миль в час. Грузовик сложился в гармошку, шины полопались, мотор вмяло в кабину. Грузовик отскочил от решетки и взорвался — точь-в-точь как если бы въехал в каменную стену. Дикий кролик по другую сторону решетки испугался и попытался пробежать сквозь нее к своей норе, но поджарился раньше, чем его мозг зарегистрировал боль.

Закрепляясь, образующие решетку линии ушли глубоко в землю, перерезав водопроводные трубы. Под землей заревел пар.

На Селеста-стрит разом погасли все фонари. В домах воцарилась тьма. Потухли экраны телевизоров, перестали тикать электрические часы. Холодильные насосы в «Ледяном дворце» застонали и остановились. Погасли глаза светофоров и три стеклянных шара на мосту через Змеиную реку.

И Джесси, и Том, и Роудс с Вэнсом, и Коди с Риком слышали замирающий гул: остановилась огромная цепочка механизмов, изо дня в день дающих жизнь Инферно и Окраине; все они, от кондиционера в комнате для бальзамирования в похоронном бюро до электронных замков на банковских сейфах, доживали последние секунды.

А потом все закончилось.

Инферно и Окраину, залитые лиловым светом небесной решетки, объяла тишина. Слышался только рев пламени.

У Роудса пересохло во рту. Что-то снова высекло искру на востоке внутри решетки — вероятно, взорвался второй реактивный самолет, попытавшийся вырваться за ее пределы. Пламя быстро потухло, на землю посыпалось что-то напоминающее пепел. Роудс понял, что перед ним силовое поле, которое генерирует источник энергии, находящийся внутри пирамиды.

— Батюшки-светы, — простонал Хитрюга Крич.

Чат-чат-чат винтов заставило Роудса повернуться на юго-запад. Оттуда примерно в семидесяти футах над землей летел военный вертолет. Держась на безопасном расстоянии от черной пирамиды, он медленно сделал круг над Инферно и снова сел в Престон-парке. Бегом кинувшись к нему, полковник увидел Ганнистона, который, пригнувшись, выбирался наружу. Джим Тэггарт, долговязый рыжий пилот, выключил двигатель. Винты взвыли и остановились.

— Мы видели пожар! — сказал Ганнистон, когда Роудс оказался рядом с ним. — Мы были в воздухе, и тут это... не знаю что... осветило небо. Что случилось с фонарями?

— Тока нет. Это силовое поле, Ганни. Только что на моих глазах два «фантома» въехали в него — с концами. Проклятая хреновина, небось, тянется на мили!

Ганнистон уперся глазами в пирамиду. Щеки капитана горели от возбуждения, в глазах сияли красные отблески пожара.

— Еще одно ИПСП, — сказал он.

— Угадал. Остальные вертушки летят?

— Нет, сэр. Вылетели только мы. Сэндерс и О'Бэннон еще на точке.

— По-моему, первоочередную важность для нас только что приобрела вот *эта* точка, согласен? Иди за мной. — Полковник широким шагом двинулся к шерифу Вэнсу, Ганнистон не отставал. — Надо поговорить, — сообщил Роудс Вэнсу, чьи недоумевающие глаза по-прежнему умоляли о доступном объяснении. — Пошлите кого-нибудь разыскать мэра. Лучше, если придут и священники — вообще, любой, кто может помочь справиться с толпой. Встретимся через пятнадцать минут в вашем кабинете. Нам понадобятся фонарики, свечи — что сумеете собрать.

— Через пятнадцать минут, — повторил Вэнс и обалдело кивнул: — Ага. Ладно. — Он посмотрел на решетку и сглотнул, кадык подпрыгнул. — Мы... нас посадили в клетку, так? Я видел, как самолет разнесло в клочки. Эта чертова клетка уходит прямо за горы...

— Слушайте меня очень внимательно, — сдерживаясь, тихо сказал Роудс, приблизив лицо к самому лицу шерифа, так, что почувствовал кислый запах пота. — Я жду от вас, что вы сохраните ясную голову и будете соображать должным образом. Вы здесь — третье ответственное лицо после меня и капитана Ганнистона. Понятно?

Вэнс выпучил глаза. По правде говоря, ему никогда, даже в самых дичайших кошмарах, не мерещилось, что он окажется ответственным за критическую ситуацию в Инферно. До сих пор самой большой проблемой, с какой шериф сталкивался, было не давать «Отщепенцам» и Гремучкам отправить друг друга в мир иной. И вот в считанные секунды все переменялось.

— Д-да, сэр, — ответил он.

— Идите! — распорядился Роудс, и Вэнс заторопился прочь. Теперь — за Томом и Джесси, отвести их на собрание. Придется проверить телефоны (правда, Роудс уже догадался, что они будут молчать, отключенные той же силой, которая уничтожила линию электропередачи) и попробовать работающую от батарей рацию шерифа. Вдруг радиоволны пробьются через заслон на базу ВВС Уэбб? Однако Роудс не представлял, какие изъяны могут отыскаться в

силовом поле или есть ли они вообще. *Посадили в клетку*, сказал Вэнс? «Угадал», — буркнул полковник себе под нос.

Он поглядел в сторону «сивика» Тома и пережил очередное потрясение.

Дифин там не было.

Ее вообще нигде не было видно.

Джесси заметила это почти одновременно с полковником, и сначала у нее вырвалось: «Сти...» Она осеклась. «Том, Дифин пропала!» — сказала она, и Том увидел, что там, где пару секунд назад стояла Дифин, пусто. Они начали искать среди зевак, а Рэй уселся на бровку тротуара и стал пересчитывать зубы. Все оказались на месте, но парнишка чувствовал, что вот-вот отключится.

Через несколько минут Том и Джесси обнаружили, что на Селеста-стрит Дифин нет.

На автодворе Кейда пламя с ревом пожирало запасы краски и смазки, от горящих покрышек и масел под купол решетки поднимались черные пласты дыма. Он собирался там в грозовые тучи, а висевшая в небе луна почернела.

XXIII

ПОСЛЕ ПАДЕНИЯ

— *Что такое?* — силпо спросил Эрли Макнил, неторопливо растягивая слова.

— Тело ребенка заняла чужая форма жизни, — повторил Роудс. — Откуда она взялась — не знаю. Откуда-то оттуда. — Он вытер потный лоб влажным бумажным полотенцем. Рубашка прилипла к спине. Электрический вентилятор, естественно, не работал, и в конторе у шерифа было жарко и душно. Несколько мощных фонарей, «реквизированных» в хозяйственном магазине, давали ослепительно яркий свет. Помимо доктора Макнила, Роудса и шерифа, в конторе присутствовали: Джесси, Том, настоятель баптистской церкви преподобный Хэйл Дженнингс, отец Мануэль Ла-Прадо и его более молодой помощник, отец Доминго Ортега. В качестве представителя Окраины Ла-Прадо попросил прийти Ксавьера Мендосу, а рядом с Мендосой стоял и грыз ногти мэр Бретт.

— Значит, из шара появилось какое-то существо и залезло в Стиви Хэммонд? По-вашему, мы должны это скушать? — продолжал Эрли. Он сидел на жесткой скамье, принесенной из камеры.

— Дело обстоит несколько сложнее, но суть вы ухватили. Я думаю, она — я говорю об этом создании, как о существе женского рода, поскольку это тоже упрощает дело — находилась в сфере до тех пор, пока не сумела осуществить перемещение. Каким образом или каковы принципы, лежащие в основе этого процесса, я объяснить не сумею. Очевидно одно: мы имеем дело с чертовски странной технологией.

— Мистер, я в жизни не слышал такой чертовщины! Прошу прощения, святые отцы. — Макнил покосился на Дженнингса и Ла-Прадо и, чиркнув спичкой о подметку, закурил сигару: кому не по вкусу дым, тот может проваливать. — Том, что скажете вы с доктором Джесси?

— Только одно: это правда, — сказал Том. — Стиви... больше не Стиви. Это существо называет себя Дифин.

— Не совсем так, — поправил Роудс. — Мы называем ее Дифин. Думаю, она отождествила себя с одной из картинок, которые увидела у Стиви. Не знаю, с чем именно — с дельфином или с океаном... Однако вряд ли это ее настоящее имя, иначе она лучше владела бы нашим языком.

— Вы хотите сказать, что она не умеет говорить? — голос у отца Ла-Прадо был тихий, болезненный. Старику шел восьмой десяток, у него были большие, блестящие карие глаза и копна белоснежных волос. Сгорбленный годами, он держался с большим достоинством. Сейчас он сидел за столом Дэнни Чэффина.

— Она может общаться, но лишь в тех пределах, в каких позволяет предпринятый ею беглый экскурс в английский язык. Как оказалось, она обладает высокоразвитым интеллектом и вдобавок весьма цепкой памятью — на то, чтобы заучить алфавит, усвоить толковый словарь и проглотить энциклопедию, у нее ушло всего несколько часов. Но я уверен, что остается еще множество понятий, которые она не в состоянии осмыслить или перевести нам.

— И она сбежала? — спросил Вэнс. — Чудовище с другой планеты свободно разгуливает по нашим улицам?

— Я не думаю, что она опасна, — поспешно возразила Джесси, пока Вэнс не зашел в своих рассуждениях слишком далеко. — По-моему, ей одиноко и страшно. Я не считаю ее чудовищем.

— Страсть как благородно, если учесть, как она забралась в вашу малышку. — Вэнс сообразил, что сболтнул, и быстро взглянул на представителей Окраины, а потом — опять на Джесси. — Слышите, с виду-то она... оно... или как его там... может, и впрямь девчурка... а почему знать... ну... может, она и впрямь чего *умеет*... к примеру, мысли читать...

Тогда тебе волноваться нечего, подумала Джесси. Твои страницы пусты.

— ... а то и управлять ими. Может, эта чертовка умеет пускать луч смерти или...

— Прекратите истерику, — решительно велел Роудс, и Вэнс немедленно затих. — Во-первых, капитан Ганнистон с нашим пилотом уже вылетели на поиски Дифин. Во-вторых, я согласен с миссис Хэммонд. Существо не кажется угрожающим. — Слово «опасным» полковник не употребил, припомнив, как пожал руку молнии. — Постольку поскольку мы не угрожаем *ей*, — прибавил он.

— А что вы думаете делать, когда найдете ее? Как вы собираетесь запихать ее обратно в шар? — Вокруг головы Эрли плавал ореол табачного дыма.

— Еще не знаем. Сфера пропала. Видимо, она ее спрятала. По-моему, она не собиралась здесь приземляться, если вас это хоть

как-то утешит. Она летела куда-то еще — просто ее средство передвижения вышло из строя.

— Полагаю, под «средством передвижения» вы подразумеваете космический корабль, — сказал от окна преподобный Хэйл Дженнингс. В свете небесной решетки его похожая на желудь лысая голова казалась нежно-фиолетовой. Грузный широкоплечий Дженнингс, давно разменявший пятый десяток, сложением напоминал гидрант и в свое время (он тогда служил во флоте) был чемпионом по боксу. — Как же она вела ракету, если находилась в сфере?

— Не знаю. Это можно выяснить трлько у нее.

— Ладно, а как насчет *этого*? — Дженнингс кивнул на черную чешуйчатую пирамиду. — Джентльмены, не знаю, как вам, но мне от нашего гостя изрядно не по себе.

— Ага, — согласился Вэнс. — Почему мы знаем, что Дифин не вызвала эту штуку подсобить ей захватить нас?

Полковник Роудс тщательно взвешивал слова. Сказать, что пирамида привела Дифин в ужас, вовсе не означало помочь собравшимся сохранить душевное равновесие, однако и скрывать правду не было смысла.

— Никаких доказательств, что пирамиду вызвала Дифин, нет, но она должна знать, что это. Перед самым приземлением этой штуки она все повторяла: «Кусака».

Воцарилось молчание — усваивались возможные значения этого слова.

— Может, это название планеты, с которой она родом, — предположил Вэнс. — Может, в девчонке сидит здоровенная оса.

— Как я уже сказал, — настойчиво продолжал Роудс, — она только что научилась говорить по-английски. На слово «кусака» ее явно навело что-то из увиденного. — Он вспомнил фотографию скорпиона на доске объявлений у Стиви. — Что она хотела этим сказать, я не знаю.

— Вы многого не знаете, молодой человек, — с бледной улыбкой сказал отец Ла-Прадо.

— Да, сэр, но я стараюсь узнать. Как только мы отыщем Дифин, мы, может быть, сумеем прояснить часть вопросов. — Роудс быстро взглянул на часы: было 22:23. С момента приземления пирамиды прошло чуть больше получаса. — Далее, насчет обесточивания. Все вы видели облако дыма, висящее под куполом решетки. Мы находимся в некоем силовом поле, которое генерирует пирамида. Оно не дает дыму улетучиться и перерезает линию электропередачи и телефонные линии. Штука прочная, хотя кажется прозрачной. Как будто нас накрыли большой стеклянной миской. Ни входа, ни выхода. Ни для чего. — Чуть раньше полковник воспользовался рацией шерифа и попытался выйти в эфир, но решетка отражала радиоволны, и он слышал только вой статических разрядов.

— Силовое поле, — повторил Дженнингс. — Докуда оно доходит?

— Мы намерены слетать и проверить. Я полагаю, его границы совпадают с границами Инферно и Окраины — вероятно, до них не больше десяти миль. Об утечке воздуха нам тревожиться не следует (надеюсь, подумал он), но и дым никуда не денется.

Пожар бушевал. Черный дым, валивший от груд горящих покрышек, сгустился под куполом решетки и уже начинал заволакивать улицы. Пахло гарью.

Эрли хмыкнул, глубоко затаился, выпустил облачко дыма, бросил окурок на пол и раздавил.

— Полагаю, относительно утечки воздуха я приму свои меры, — проворчал он.

— Годится. Спасибо.

— Минуточку, — рядом с отцом Ла-Прадо стоял отец Ортега — худощавый, серьезный, с седеющими висками. — Вы сказали, это силовое поле не позволяет ни войти в него, ни выйти наружу, *си*? Разве не ясно, что в этом есть определенная цель?

— Да, — сказал Вэнс. — Держать нас в клетке, пока идет захват.

— Нет, — продолжал священник, — держать в клетке не *нас*. Лишить свободы Дифин.

Роудс посмотрел на Тома и Джесси. Каждый уже осторожно подступался к такому выводу. Если черная пирамида — или нечто внутри нее — явилось за Дифин, сама Дифин явно не желала, чтобы ее забрали. Он снова переключил внимание на спокойное, серьезное лицо Ортеги.

— Это, опять-таки, можно выяснить только у нее. Сейчас нужно обсудить вот что: как справиться с толпой. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь сегодня ночью хорошо спал. Думаю, лучше пусть люди знают, где можно будет собраться, найти свет и еду. Есть предложения?

— Школьный спортзал не подойдет? — спросил Бретт. — Он достаточно большой.

— Люди хотят быть поближе к дому, — сказал Дженнингс. — Как насчет церквей? У нас есть добрая тонна свечей, а в хозяйственном, наверное, можно позаимствовать керосиновые лампы.

— *Си*. — Ла-Прадо согласно кивнул. — Можно поделить съестные припасы из булочной и бакалеи.

— Небось, в «Клейме» найдется пара банок кофе, — сказал Вэнс. — Не помешает.

— Хорошо. Следующий вопрос: как убрать людей с улиц? — Роудс выжидательно посмотрел на Ла-Прадо и Дженнингса.

Ла-Прадо сказал:

— У нас на колокольне есть колокола. Если их не сорвало, можно начать звонить.

— Для нас это проблема, — отозвался Дженнингс. — У нас колокола электронные. А настоящие сняли четыре года назад. Пожалуй, я смогу найти добровольцев, которые пойдут по домам и дадут людям знать, что мы открыты.

— Это и проблемы питания я оставляю вам с мэром, — сказал Роудс. — Сомневаюсь, что мы уведем с улицы всех, но чем больше народу разойдется по домам, тем лучше я буду себя чувствовать в сложившейся ситуации.

— Доминго, вы проводите меня? — Ла-Прадо с помощью Ортеги поднялся. — Я велю звонить и попрошу прихожанок собрать еду. — Он зашаркал к двери и на пороге остановился. — Полковник Роудс, если кто-нибудь спросит меня, что происходит, можно будет воспользоваться вашим объяснением?

— А именно?

— «Не знаю», — с коротким язвительным смешком пояснил старый священник.

Он позволил Мендосе открыть ему дверь.

— Не уходите слишком далеко, святой отец, — сказал Эрли. — Очень скоро вы можете мне понадобиться. И вы тоже, Хэйл. Мне уже привезли четверых рабочих Кейда, которым не дотянуть до утра, а когда автодвор остынет настолько, что можно будет забраться внутрь, пожарные начнут вытаскивать и других. Так я себе представляю.

Ла-Прадо кивнул.

— Вы знаете, где меня найти, — сказал он и вместе с Ортегой и Мендосой покинул кабинет.

— Ополоумел мужик, — пробормотал Вэнс.

Эрли поднялся. Прохлаждаться дальше ему было недосуг.

— Ребята, все это было в самом деле познавательно, но мне пора возвращаться в больницу. — После уличной потасовки в городскую клинику Инферно для наложения швов и повязок доставили восьмерых подростков, в том числе Коди Локетта и Рэя Хэммонда, но в первую очередь следовало заняться серьезно пострадавшими с автодвора Кейда — а ведь за смятую, поваленную изгородь, истекая кровью, объятые пламенем, выбрались лишь семеро из сорока шести рабочих смены. Пока Эрли сидел в конторе шерифа, его помощники — три штатных медсестры и шесть добровольцев — в резком сиянии аварийных светильников обрабатывали пострадавших от шока, изрезанных стеклом людей. — Док Джесси, вы бы мне оченьгодились, — сказал Эрли. — У меня там парень с куском металла, который царапает ему хребет, а еще одному очень скоро придется расстаться с раздавленной рукой. Том, если вы способны ровно держать фонарик и не испугаетесь нескольких капель крови, могу пристроить к делу и вас. — Доктор подумал: очень скоро пожарные вынесут трупы остальных, и у Ноя Туилли работы окажется не меньше.

— Пожалуйста, — сказал Том. — Полковник, вы дадите нам знать, когда найдете ее?

— Сразу же. А сейчас я иду встречать Ганни.

Следом за Эрли они вышли на улицу, где все приобрело лиловый оттенок. Там еще толклись зеваки, но большая часть толпы растеклась по домам. Роудс пошел в сторону Престон-парка, Том и Джесси — к своему «сивику», а Эрли проворно забрался в свой «багги».

С ревом уносясь прочь, «багги» чуть не столкнулся с большим, как линкор, желтым «кадиллаком». Кадиллак остановился у конторы шерифа. Оттуда выбралась одетая в ярко-красный спортивный костюм Селеста Престон и, оперев руки в бока, критически уставилась на массивную пирамиду за рекой. Запрокинув лицо с резкими чертами, она обследовала светло-голубыми глазами небесную решетку. Селеста уже видела приземлившийся в Престон-парке вертолет («Один из тех, что обжужжали меня утром!»), и ее праведный гнев вновь воскрес. Однако довольно скоро он иссяк. Чем бы ни были и откуда бы ни взялись здоровенная мерзость на автодворе Кейда и закрывшая небо лиловая сеть, они тревожили Селесту куда сильнее, чем ее грубо прерванный утренний сон.

Из конторы Вэнса появились мэр Бретт и Хэйл Дженнингс. Они собирались на Аврора-стрит, к хозяину бакалеи. Бретт чуть не налетел на Селесту, и душа у него ушла в пятки: мэр до смерти боялся вдовы Престон.

— Э-э... миссис Престон! Чем могу...

— А, здравствуйте, пастор, — перебила Селеста и обратила холодный взгляд на мэра. — Бретт, от души надеюсь, что вы можете объяснить мне, что там за штука, почему все небо освещено и по какой такой причине у меня нет света и не работает телефон!

— Да, мэм. — Бретт с трудом сглотнул, лицо покрылось бисеринками пота. — Ну... видите ли... полковник говорит, это космический корабль, он создает силовое поле, которое отключило электричество, и... — Никакой возможности объяснить происходящее не было, Селеста же наблюдала за мэром, как парящий в небе ястреб — за мышью.

— Миссис Престон, я думаю, лучше всего вам спросить шерифа Вэнса, — посоветовал Дженнингс. — Он все вам расскажет.

— Сейчас спрошу! — пообещала Селеста. Мужчины направились к синему «форду» пастора, а Селеста расправила плечи, вздернула подбородок и вихрем влетела в контору, едва не сорвав дверь с петель.

Шерифа Вэнса она застигла в тот момент, когда он, запустив руку в нутро автомата, торгующего газированной водой, вызволял оттуда банку кока-колы.

— Мне нужны ответы на несколько вопросов, — объявила Селеста, когда дверь за ней захлопнулась.

Когда Селеста Престон ворвалась в контору, Вэнс вздрогнул, но совсем незаметно: его нервная система сполна получила свою долю потрясений. Он продолжал заниматься банкой, которая восхитительно холодила пальцы. Еще разок повернуть как следует, и он ее вытащит.

— Садитесь, — предложил шериф.

— Я постою.

— Как уютно. — Черт, что ж эта банка не вылезает? Обычно жестянки легко выскакивали наружу. Вэнс покачал банку, но она, похоже, за что-то зацепилась.

— Да Господи Боже! — Селеста подлетела к шерифу, не слишком деликатно отодвинула его в сторону, засунула руку в автомат и ухватила банку. Резко выкрутив запястье влево, она вытащила жестянку. — Вот, нате!

Шериф вдруг обнаружил, что банка уже не так ему нужна. Рука Селесты была тощей, как рельса, и он подумал: потому-то ей и удалось.

— Нет, — отказался он. — Возьмите себе.

Обычно Селеста пила только диетическую колу, но было так душно и жарко, что она решила не привередничать. Она вскрыла банку и отпила несколько глотков прохладной жидкости.

— Спасибо, — сказала она. — А то в горле, знаете ли, пересохло.

— Угу, что верно, то верно. И фонтанчик тоже не работает. — Кивком показав на фонтанчик, Вэнс уловил странный аромат, похожий на аромат корицы или какой-то другой пряности. Секундой позже шериф понял, что пахнет, должно быть, от Селесты Престон — возможно, мылом или шампунем. Приятный запах тут же улетучился, Вэнс опять почуял собственный пот и пожалел, что не sprays дезодорантом покрепче — его «Брут» очень быстро выветривался.

— У вас кровь на лице, — сказала Селеста.

— А? Угу, наверно. Порезался стеклом. — Шериф пожал плечами. — Пустяки. — Его нос снова уловил слабый запах корицы.

Вот они, мужчины, подумала Селеста, допивая кока-колу. Проклятые идиоты режутся, истекают кровью, как заколотые свиньи, и делают вид, будто ничего не заметили! Уинт был таким же — один раз разорвал руку о колючую проволоку, а вел себя так, словно занозил палец. Пытался казаться крутым. Вероятно, если снять с Вэнса полсотни фунтов жира, получится вылитый Уинт.

Она встряхнулась. Что это, жара? Или висящий в воздухе дым? Селеста никогда не чувствовала ни капли влечения к Эду Вэнсу и однозначно не собиралась начинать. Швырнув жестянку в корзину для мусора, она резко сказала:

— Я хочу знать, кой черт здесь творится, и *сейчас же!*

Вэнс перестал приняхиваться. Не корица, решил он. Наверно, гамамелис. Он подошел к столу и достал ключи от патрульной машины.

— Вам говорят! — фыркнула Селеста.

— Мне надо съездить за Дэнни Чэффином к нему домой. Дежурные сбежали. Хотите услышать, в чем дело, придется поехать со мной. — Он уже шел к двери.

— Нечего забастовки устраивать!

Шериф остановился.

— Мне надо запереть контору. Вы идете или нет?

Ад Селеста представляла себе именно как поездку в патрульной машине, где за рулем трясутся жиры Вэнса, но поняла, что придется стерпеть.

— Иду, — процедила она сквозь зубы и последовала за шерифом.

СТИХИЙНОЕ БЕДСТВИЕ

— Господи помилуй! — Хитрюга Крич выглянул из треснувшего окна и посмотрел на пирамиду. Он так и не снял желто-синюю клетчатую спортивную куртку. Рыжий клочок волос взмок от пота и прилип к сверкающей лысине. — Слышишь, Джинджер: свались эта штука двумя сотнями ярдов севернее, мы сейчас лежали бы в могиле. Как, черт возьми, я объясню это мистеру Брассуэллу?

Джинджер Крич задумалась. Она сидела в кресле-качалке в обшитой сосновыми панелями гостиной. На Джинджер был простой синий халат, на ногах — тапочки, в седеющих волосах — розовые трубочки бигуди. Она хмурилась.

— Стихийное бедствие, — решила она. — Так и скажешь. Промысел Божий.

— Стихийное бедствие, — повторил Хитрюга, пробуя, как это звучит. — Нет, на это он не купится! И потом, будь это метеорит или что-то, упавшее не по собственной воле, вышло бы, что это стихийное бедствие. А раз оно соображает, какое ж это стихийное бедствие? Где тут промысел Божий?

Харв Брассуэлл, начальник Крича, сидел в Далласе и, когда речь заходила о возмещении убытков, становился весьма прижимистым.

— Ты хочешь сказать, что у Господа нет воли и разума? — спросила Джинджер, прекращая покачиваться в кресле.

— Нет, конечно! Просто стихийное бедствие — это буря, засуха... в общем, то, что по силам вызвать только Богу. — Звучало это все равно неубедительно, но Кричу вовсе не хотелось раздражить Джинджер: жена иступленно верила в Эрнста Энгли, Кеннета Коуплэнда и Джимми Свэггарта. — Вряд ли Господь имеет отношение к тому, что произошло.

Кресло-качалка продолжало поскрипывать. Комнату освещали три керосиновые лампы, подвешенные к люстре, имитирующей тележное колесо. На телевизоре горели две свечи. На книжных полках теснились номера «Читательского дайджеста», стопки «Географического

журнала», тома страхового законодательства, сборники полезных советов из серии «Как заинтересовать клиента» и религиозная литература Джинджер.

— Держу пари, эта штука стряхнула с фундаментов все дома в городе, — раздраженно сказал Хитрюга. — А девяносто процентов окон наверняка побито, провалиться мне на этом месте. И все улицы в трещинах. Я никогда не верил в летающие тарелки, но, клянусь Богом, если это не звездолет, тогда я не знаю, что это!

— Я не хочу об этом думать, — сказала Джинджер, принимаясь раскачиваться сильнее. — Никаких звездолетов.

— Да уж не Леденцовая гора, будьте покойны! Господи, что за бардак! — Он провел по лбу прохладным стаканом чая со льдом, который держал в руке. Разумеется, с отключением энергии холодильник перестал работать, но в морозильнике пока сохранилось несколько ванночек с кубиками льда. Правда, было так жарко, что долго продержаться они не могли. — Этот полковник Роудс устроил совещание с шерифом и мэром Бреттом. Меня, правда, не позвали. Наверное, я недостаточно важная персона. Я могу каждому в городе продать страховой полис и ждать до посинения, и все равно я недостаточно важная персона. А все ты! Большое тебе спасибо!

— Кроткие наследуют землю, — отозвалась Джинджер, и Хитрюга нахмурился, поскольку не понимал, о чем она. Он думал, что она и сама этого не понимает.

— Кротких ищи в другом месте! — сообщил он жене. Та ничего не ответила и продолжала качаться. Хитрюга услышал, как за рекой, в католической церкви, ритмично загудел колокол, скликая прихожан. — Никак, отец Ла-Прадо открывает лавочку. Догадываюсь, что и преподобный Дженнингс не отстанет. Только одними колоколами людей разве удерживать...

Раздался другой звук. Хитрюга осекся.

Это был резкий треск раздираемой кирпичной кладки.

Внизу, подумал Хитрюга Крич. Похоже, пол в подвале ломается к чер...

— Что это? — вскрикнула Джинджер, поднимаясь. Пустая качалка продолжала поскрипывать.

Деревянный пол задрожал.

Хитрюга поглядел на жену. Глаза Джинджер остекленели и стали огромными, рот округлился. Тележное колесо у них над головами затряслось, керосиновые лампы закачались. Хитрюга сказал:

— Я... по-моему, это землетрясение...

Пол вздыбился, словно снизу его атаковало что-то огромное. В свете ламп блеснули выскочившие из досок гвозди. Джинджер пошатнулась, споткнулась, упала и испустила пронзительный вопль, потому что Хитрюга рухнул на колени.

Затрещало дерево. На глазах у Джинджер пол под Хитрюгой раскололся, и он по шее провалился в разлом. Вокруг, заполняя

комнату, клубилась пыль, но лицо Хитрюги еще можно было различить: смертельно бледное, вместо глаз — провалы, на дне которых плескалось потрясение. Он смотрел, как Джинджер отползает от обваливающегося пола.

— Меня что-то схватило, — сказал Хитрюга голосом, превратившимся в страшный тонкий всхлип. — Помоги мне, Джинджер... пожалуйста. — И протянул ей руку. С пальцев медленно стекало что-то вязкое, похожее на серую слизь.

Джинджер завывала, мотая головой с раскачивающимися трубочками бигуди.

А потом Хитрюга исчез. Исчез в дыре под полом гостиной. Дом снова затрясся, стены, предавшие хозяина, страдальчески стонали. Из трещин в сосновых панелях, подобно призрачному дыханию, поднималась известковая пыль... а потом все стихло. Слышалось лишь поскрипывание кресла-качалки и люстры, тележного колеса. Одна лампа сорвалась, но не разбилась, и лежала на круглом красном коврике.

Джинджер Крич прошептала: «Хитрюга?» Она дрожала, по лицу бежали слезы, мочевого пузырь был готов лопнуть. Потом выкрикнула: «Хитрюга!»

Ответа не было, только внизу из сломанной трубы с журчанием текла вода. Вскоре струйка иссякла, и похожее на смех журчание прекратилось.

Джинджер, чьи мышцы стали вялыми, как холодные резиновые бинты, заставила себя сделать шаг к дыре. Она должна была заглянуть вниз (не хочу, не буду, не надо), должна была — ведь дыра забрала ее мужа. Джинджер добралась до рваного края, и тут желудок пригрозил выбросить свое содержимое наружу, поэтому ей пришлось крепко зажмурить глаза и пересилить себя. Тошнота прошла, и она заглянула в дыру.

Темнота.

Она потянулась за керосиновой лампой и подкрутила фитиль. Пламя затрепетало, замигало и вытянулось оранжевым остреньким язычком, похожим на лезвие ножа. Джинджер сунула лампу в дыру, а другой рукой так вцепилась в обломанный край, что костяшки пальцев побелели.

Желтая пыль осыпалась, закручиваясь крохотными смерчами. Джинджер оглядела расположенный восемью футами ниже подвал. В полу подвала оказалась вторая дыра, словно бы («Да, — подумала Джинджер, — Иисусе сладчайший, да») *прогрызенная* в бетонных блоках. Под полом подвала тоже царил мрак.

— Хитрюга? — прошептала она, и эхо ответило: «Хитрюга? Хитрюга? Хитрюга?» Пальцы Джинджер свело, она выронила лампу, и та, упав в дыру в полу подвала, пролетела еще футов десять или двадцать и вдребезги разбилась о рыжую техасскую землю. Остатки керосина занялись, вспыхнули языки пламени. На дне дыры,

там, где что-то уволокло ее мужа в пекло, Джинджер удалось разглядеть поблескивающую слизь.

Немедленно утратив способность рассуждать разумно, Джинджер скорчилась на покореженном полу в позе зародыша, сжалась в тесный комок и лежала, дрожа. Она решила семь раз прочесть Двадцать третий псалом, ведь семь — святое число, и, если читать псалом достаточно долго, с достаточно сильной верой, то, подняв голову, она увидит, что Хитрюга сидит на складном стуле у противоположной стены и читает одну из своих книжек, телевизор настроен на канал ПТЛ, а... м-м... звездолет исчез. Джинджер принялась читать псалом, но, задыхаясь от ужаса, не могла вспомнить слова.

В церкви звонили.

Наверное, сегодня воскресенье, подумала она. Ясное и свежее воскресное утро. Она села, прислушиваясь к колокольному звону. Что это за лиловый свет идет из окна? Где Хитрюга и откуда эта дыра?..

Джинджер всегда любила звон церковного колокола, призывающий к молитве. Пора идти, а Хитрюга может подойти попозже. И пусть только попробует надеть красный костюм — она шкуру с него спустит, честное слово, живьем освежает. Джинджер встала. Глаза были пустыми, на пыльном лице блестели промытые слезами дорожки. Она вышла из дома и босиком пошла по Брасос-стрит.

ЛУЧШИЙ ДРУГ СЕРЖАНТА

— Ну, будет, Бегун, не трусь. Не позволю я тебе попасть в беду, нетушки! — Сержант Деннисон потрепал Бегуна по голове, и невидимый пес свернулся у ноги хозяина. — Не тревожься. Старина Сержант тебя защитит.

Сержант Деннисон сидел на краю эстрады посреди Престон-парка. Только что у него на глазах вертолет с пилотом и еще двумя людьми на борту поднялся в воздух и на высоте примерно шестидесяти футов с жужжанием взял курс на восток. Шум винтов быстро затихал.

Сержант смотрел вслед улетающему вертолету, пока мигающие огни не скрылись из вида. В католической церкви за рекой звонил колокол. На Селеста-стрит и Кобре-роуд горстка людей, переговариваясь, разглядывала черную пирамиду, но большинство горожан разошлось по домам. Сержант наблюдал, как столб фиолетового света медленно делает оборот за оборотом. Больше всего он напоминал Сержанту шест, какие устанавливают перед мужскими парикмахерскими. Купол лиловой решетки терялся в неподвижных облаках черного дыма, в воздухе пахло гарью. Этот запах не нравился Сержанту — от него оживали темные существа, таившиеся у него в сознании.

Бегун заскулил.

— Э-э, ну-ка не плакать, — успокаивал Сержант, нежно поглаживая воздух. — Я же тебя не бросаю.

Внизу что-то пошевелилось, и вдруг Сержант совсем рядом увидел омытое лиловым светом личико маленькой девочки. В русые волосы набилась пыль. Девочка высунула голову из маленькой щели под эстрадой, куда едва можно было заплзти, и теперь озадаченно разглядывала Сержанта.

— Мое почтение, — сказал Сержант. Он узнал ребенка. — Ты дочка мистера Хэммонда. Стиви.

Девочка молчала.

— Ты же меня знаешь, правда? Я Сержант Деннисон. Один раз мама приводила тебя в школу. Помнишь?

— Нет, — на всякий случай сказала Дифин, готовая в любой момент снова заползти в укрытие.

— А я так хорошо помню. Хотя, по-моему, это было в прошлом году. Сколько тебе нынче будет?

Дифин задумалась.

— Сколько, — повторила она.

Занятный голос, подумал Сержант. Осипла она, что ли? Или шепчет. Послушать, так ей впору пить микстуру от кашля.

— Что ж ты тут делаешь? — Опять никакого ответа. — Вылезла бы поздороваться с Бегуном, а? Я помню, ты ему понравилась.

Дифин замялась. Существо не казалось опасным, улыбка, озарявшая грубые черты, была... как тут выражаются?... приятной. Что это, знак мирных намерений? К тому же Дифин разбирало любопытство: она видела, как человек подошел, слышала, как он сел на плоскую поверхность у нее над головой. Один. Почему же он тогда общался с существом, к которому все время обращался «Бегун»?

Дифин выползла наружу. Сержант увидел, что одежда девочки пропылилась, руки и лицо в грязи, развязавшиеся шнурки кроссовок волочатся по земле.

— Ох, и влетит тебе от мамки! — сказал он. — Ты ходячий комок грязи!

— Я думать, я быть доч-ка, — сказала вновь озадаченная Дифин.

— Ну... ага, конечно. Я просто хотел сказать... ну да ладно. — Сержант хлопнул по вымытым добела доскам рядом с собой. — Садись.

Дифин не вполне понимала, о чем речь, — она не видела ни стула, ни скамьи, ни табуретки, на которую можно было бы опереть крестец человеческого тела. Поэтому решила, что ее приглашают просто скопировать позу. И начала садиться.

— Эй! Не сядь на Бегуна!

— Бегу-на? — вопросительно повторила она.

— Конечно! Вот же он! Бегун, подвинь попу и дай девчужке сесть. Помнишь ее, а? Стиви Хэммонд?

Проследив, куда смотрит Сержант, Дифин увидела: человек разговаривал с тем, что она воспринимала как пустое пространство.

— Ну, садись, — сказал Сержант. — Бегун подвинулся.

— Я предпо-читать... — Как же это говорится? — При-ни-мать верти-каль-ное поло-жение...

— А? — Сержант нахмурился. — Это по-каковски?

— Веб-стер, — последовал ответ.

Сержант расхохотался и громко почесал коротко стриженную голову.

— Ох, и штучка ты, Стиви!

Она внимательно наблюдала за движением пальцев Сержанта, потом взяла прядь собственных волос и исследовала разницу. Из чего бы ни состояли формы жизни под названием «человеки», общих характеристик у них, несомненно, было немного.

— Так чего ты прячешься под эстрадой? — спросил Сержант, почесывая Бегуну морду. Дифин водила глазами за совершающей волнообразные движения рукой. Сержанту ее молчание показалось угрюмым. — Вон что. Удрала из дому?

Никакого ответа.

Он продолжал:

— Ну, тут удирать из дому особо *некуда*, верно? Родители-то, небось, волнуются? Вон, эка пакость расселась!

Дифин наградила предмет разговора быстрым холодным взглядом, и тело, которое она занимала, сотрясла дрожь.

— Вы это называть так? — спросила она. Такого термина в «Вебстере» не было. — Э-ка па-кость?

— А то что же? — Сержант хмыкнул и покачал головой. — Сроду ничего такого не видел. И Бегун тоже. В эту штуку можно запросто засунуть весь город, еще и место останется, ей-Богу.

— Зачем?

— Зачем что?

Дифин, чувствуя, что имеет дело с формой жизни, обладающей минимальными способностями, терпеливо пояснила:

— Зачем засунуть весь город *внутри э-ка па-кость*?

— *На самом деле* я не то хотел сказать. В смысле... ну, понимаешь — к примеру. — Сержант обвел взглядом небесную решетку. — Я видел, как самолет врезался в эту штуку. БУМ! Раз — и нету. Я на крыльце сидел и видел. Недавно толковал я с его преподобием, дак его преподобие говорит, это все равно, как ежели бы над Инферно перевернули вверх дном стеклянную миску. Говорит, нету ходу ни туда ни сюда. Никому и ничему. Он говорит, это что-то из... — Он махнул рукой в ночь. — Оттуда, издаля. — Сержант опять потянулся к Бегуну. — Но мы с Бегуном не пропадем, не сомневайся. Мы уж давно вместе. Нипочем не пропадем.

«За-блуж-дение, — подумала Дифин. Настойчивая вера в нечто ложное (противоположность истинному), типичная для некоторых психических (или относящихся к сознанию) нарушений». И спросила:

— Что есть Бе-гун?

Сержант посмотрел на нее так, будто вопрос поразил его до глубины души. Раскрыл рот. Несколько секунд казалось, что лицо его осунулось, а глаза остекленели. Дифин ждала ответа. Наконец Сержант сказал:

— Мой друг. Мой лучший друг.

Раздалось урчание — такого звука Дифин еще не слышала. Урчание становилось все громче, и она испытала неприятное ощущение: звуки перекачивались и кувыркалились у нее в самой середине.

— Да ты, никак, голодная, — глаза Сержанта прояснились. Он опять улыбался. — Вишь, животик разговорился!

— Жи-во-тик? — Новое, изумительное откровение. — Что он хотеть сообщать?

— Поесть надо, вот что! Но говоришь ты и впрямь занятно. А, Бегун? — Он поднялся. — Иди-ка лучше домой. Твои небось обыскались.

— Домой, — повторила Дифин. Это понятие не вызывало затруднений. — Мой дом... — Она обшарила глазами небо. Решетка и клубы дыма заслоняли ориентиры, и разглядеть звездный коридор Дифин не удалось. — Там, далеко. — Она скопировала жест Сержанта — он показался ей подходящим для того, чтобы обозначить большое расстояние.

— Да ну, небось шуткуешь! — укорил ее Сержант. — Твой дом в конце улицы. Пошли, сведу тебя к мамке.

Он намерен отвести меня к коробке, в которой обитают Стиви, Джесси, Том и Рэй, поняла Дифин. Причин прятаться больше не было. Эту планету нельзя было покинуть. Следующий ход был не за ней. Поднявшись на стеблях, которые все еще казались корявыми и шаткими, она двинулась вслед за аборигеном по фантастической местности. Даже самые таинственные, труднодостижимые грезы не подготовили ее к тому, что она увидела на этой планете: по обе стороны плоской, варварски твердой поверхности громоздились ряды коробок, выстроенных вопреки здравому смыслу и рассудку, и высились безобразного цвета наросты, усаженные устрашающими остриями. По этим твердым поверхностям двигались тряские, отвратительно утяжеленные гравитацией коробки поменьше — транспортные средства челоовеков. Они грохотали так, будто рушились миры. Дифин знала термины «дома», «кактусы», «автомобили»; она почерпнула их из чудовищного сборника под названием «Британская энциклопедия». Но реальность смущала куда сильнее, чем описания и плоские изображения. Сражаясь на ходу с силой тяжести, Дифин слышала, как существо «Сержант Деннисон» говорит: «Да утомись ты, Бегун! Нечего носиться, грязь собирать! Нет, бросать палочку я тебе не буду!» Она задумалась: нет ли здесь измерения, о котором она не подозревает — другого мира, спрятанного за видимым. О, здесь было чему поучиться, над чем поразмышлять, вот только время не позволяло.

Она оглянулась. Боль в неподатливых структурах не позволила повернуть голову на сто восемьдесят градусов. Дифин знала, что эти структуры называются «кости». Кости конечностей занятого ею тела все еще ныли после той невероятной позы, какую Дифин недавно придала ему. Поняв, что кости — каркас аборигенов, она признала их чудом инженерии, предназначенным для противостояния силе тяжести и гашения страшных ударов, сопутствующих «ходьбе». Эти создания, размышляла она, должны быть запанибрата с болью, ведь

она присутствует постоянно. Разумеется, человеки были выносливым видом, раз сносили такие пытки, как «автомобиль», «улица» и «крессовки».

Дифин на секунду задержала взгляд на «экапакости» и фиолетовой решетке. Если бы Сержант Деннисон увидел, под каким углом выгнулась шея девочки, он совершенно справедливо подумал бы, что она вот-вот сломается. Ловушка расставлена, подумала Дифин на своем звенящем языке. Вред уже причинен. Скоро ловушка начнет действовать, и жизнеспора под названием Ин-фер-но вымрет. Вымрет до основания.

Грудь Дифин стеснило чувство куда более болезненное, чем даже сила тяжести. Примитивные, невинные человеки не знали, что их ждет впереди.

Дифин споткнулась. Из-за меня, подумала она. Из-за того, что я явилась сюда, на эту планетку у обочины звездного коридора, в юную цивилизацию, еще бесконечно далекую от технологии, которая позволит ей выйти в глубокий космос, где вызывают к свободе миллионы миров и культур.

Она надеялась усвоить местный язык, задержаться настолько, чтобы успеть рассказать о себе и о том, почему бешено мчалась по звездному коридору, и покинуть их планету задолго до *событий*. Ей совершенно не приходило в голову, что у человеков еще нет межзвездных средств сообщения — ведь почти все известные Дифин цивилизации их имели. «Ловушка готова захлопнуться, — подумала она, — но не следует очертя голову бросаться в нее. Пока не следует. Ведь еще есть шанс». Она пообещала, что дочь не пострадает. А свое слово Дифин держала.

Она отвернулась от небесной решетки и черной пирамиды, но они стояли перед глазами, страшные и безобразные, точно открытые раны.

Они подошли к дому Хэммондов. Сержант постучал в дверь, подождал и, не получив ответа, постучал снова.

— Никого, — констатировал он. — Как думаешь, тебя ищут?

— Я здесь, — ответила она, не вполне понимая. Существо «Сержант» было разрушителем языка.

— Я-то знаю, что ты здесь, и *Бегун* тоже, но... и мастерица же вы, барышня, крученые мячи давать!

— Крученые мячи?

— Ага. Крученный мяч, фастболл, спитболл — бейсбол.

— А. — На губах Дифин мелькнула улыбка узнавания. Она вспомнила живые картинки тээ-вээ. — Осторожность!

— Точно. — Сержант нажал на ручку двери, и дверь открылась. — Глянь-ка! Видно, уходили влопыхах. — Он просунул голову в дверь. — Эй, это Сержант Деннисон! Есть кто дома? — Разумеется, никто не отозвался. Сержант закрыл дверь и оглядел улицу. Кое-где в окнах дрожали огоньки свечей. Учитывая неразбериху последнего часа, понять, где Хэммонды, было совершенно невозможно. — Хо-

чешь пойти поискать своих? — спросил он у Дифин. — Может, мы сумеем их отыскать...

Голос Сержанта потонул в шуме винтов вертолета, который пронесся в шестидесяти или семидесяти футах над землей, держа курс на запад. Дифин не удержалась на ногах, ее толкнуло вперед. Она обеими руками вцепилась в Сержанта и прижалась к нему, дрожа всем телом.

Напугалась до смерти, подумал Сержант. И кожа холодная, и... Ох ты, сама от горшка два вершка, а хватка-то какая! В пальцах у Сержанта ощутимо покалывало, будто рука попала в силки из низковольтного кабеля. Ощущение не было неприятным — только странным. Он увидел, что Бегун, тоже напуганный вертолетом, носится вокруг них.

— Не бойся. Это просто машина, — сказал он. — А твои очень скоро должны вернуться.

Дифин крепко держала его за руку. Электрическое покалывание поднималось по предплечью. Сержант снова услышал, что у девочки урчит в животе, и спросил:

— Ты вообще-то обедала?

Она все еще была слишком напугана, чтобы говорить.

— А то до моего дома, можно сказать, рукой подать. Это в двух шагах отсюда, на Брасос-стрит. Там... это... есть свинина с бобами и хрустящая картошка. — Покалывание добралось до локтя. Девочка не отпускала его руку. — Как насчет тарелочки свинины с бобами? А потом я опять сведу тебя сюда, и мы погодим твоих папку с мамкой. — Сержант не разобрался, одобрила девчушка план или нет, однако, когда он сделал первый шаг, Дифин последовала за ним. Он спросил: — Тебе когда-нибудь говорили, что у тебя странная походка?

Они пошли в сторону Брасос. Рука Дифин словно приросла к руке Сержанта. Энергия, которую она выделяла, мерно пульсируя, текла по нервным окончаниям Сержанта в плечо, шею и дальше, в кору головного мозга. Сержант почувствовал легкую головную боль. Опять железяка за свое, подумал он.

Бегун трусил рядом. Сержант сказал собаке:

— Ох и любишь ты попрыгать...

Короткий укол боли в голове. Словно проскочила искра в свече зажигания.

Бегун испарился.

— О-хо-хо, — пробормотал Сержант. Свечу замкнуло.

И Бегун опять появился. Настоящий зайка-попрыгайка.

Лицо Сержанта заливал пот. Что-то случилось — вот только он не знал, что. К руке накрепко приклеились пальцы девочки, голова болела. Бегун побежал вперед, чтобы, свесив розовый язык, подождать хозяина на крыльце.

Дверь была незаперта — как всегда. Сперва Сержант впустил Бегуна, потом взялся искать керосиновую лампу и спички, и Дифин,

наконец, выпустила его руку. Но свеча зажигания в мозгу у Сержанта искрила, и половина тела Деннисона, та, с которой стояла девочка, наполнилась колким огнем. Сержант зажег лампу. Свет отчасти разогнал тени. Но это были хитрые тени: Бегун то был виден, то пропадал.

— Барышня, — сказал Сержант, опускаясь на стул в безукоризненно чистой комнате с выметенным и вымытым полом, — мне... что-то мне плохо. — Бегун запрыгнул к нему на колени и лизнул в лицо. Он обнял пса. Девчушка наблюдала за ним, стоя у самой границы света и тьмы. — Господи... голова моя, головушка. Ей-Богу, там будто взвод барабанщиков... — Сержант моргнул.

Его руки обнимали пустоту.

Под черепом шипело. По лицу струился холодный пот.

— Бегун? — прошептал Сержант, и его голос сорвался. Лицо исказилось. — Бегун? О Господи... о Господи... не приноси палочку. — Веки Сержанта затрепетали. — Не приноси. *Не приноси палочку!*

Дифин стояла рядом. Она поняла, что человек смотрит в то измерение, куда ей не заглянуть, и очень тихо сказала:

— Рассказать мне. Что есть Бегун?

Сержант застонал. Свеча зажигания сработала, призрачное видение — сидящий у него на коленях Бегун — то появлялось, то исчезало, как картинка в стробоскопе. Руки цеплялись за пустоту.

— Боже милосердный... не надо... не приноси палочку, — умолял он.

— Рассказать мне, — повторила Дифин.

Сержант повернул голову. Увидел ее. Бегун. Где Бегун? Мрачные существа, обитавшие в его сознании, качнулись к свету.

Глаза Сержанта обожгло слезами.

— Бегун... принес палочку, — выговорил он — и принялся рассказывать остальное.

ДОМ КРИЧА

— Наткнулся на нее в квартале от церкви. Брела прямо посередине улицы, — объяснил Кёрт Локетт. — Кабы я не успел вовремя врубить тормоз, лететь бы ей вверх тормашками.

Шериф Вэнс снова посмотрел на Джинджер Крич. Она стояла у него в кабинете — босая. От двери тянулся кровавый след. «Изрезала ноги стеклом, не иначе, — подумал он. — Бабенка созрела для желтого дома!»

Джинджер неподвижно смотрела прямо перед собой. С волос свисали трубочки бигуди. Густо запудренное пылью лицо превратилось в бледную маску.

— Вот те крест, она меня так напугала, что я чуть в штаны не наклал, — сказал Кёрт, бросив быстрый взгляд на Дэнни Чэффина. Помощник шерифа еще раз обошел вокруг Джинджер. — Я ехал в винный. Не знаешь, где человеку можно раздобыть выпить?

— Винный закрыт, — сказал Вэнс, поднимаясь со стула. — Это мы сделали в первую голову.

— Не сомневаюсь. — Кёрт потер губы и нервно улыбнулся. Он чувствовал себя трясущейся развалиной, и Джинджер Крич, шагавшая по улице наподобие зомби с вышибленными мозгами, тоже не добавила ему спокойствия. — Просто... понимаешь, мне бы чего-нибудь... ну... ночку скоротать. — Из-под расстегнутого воротничка майтой белой рубашки свисал новообретенный галстук.

— Джинджер? — Вэнс помахал рукой у нее перед лицом. Джинджер моргнула, но ничего не сказала. — Ты меня слышишь?

— Я ищу своего пацана, — сказал Керт. — Кто-нибудь из вас видел Коди?

Вэнс невольно рассмеялся. Полчаса назад он ездил за своим помощником Чэффином к нему домой на Оукли-стрит и к концу поездки чувствовал себя так, будто провел с Селестой Престон десяток раундов на ринге. Потом он взялся объяснять Вику и Арлин Чэффин про космолет, и Арлин принялась плакать и причитать, что-де настал

конец света. Селесту Вэнс отвез обратно к ее машине, и последнее, что увидел — как большой желтый «кадиллак» устремился на запад. «Погнала к себе на асиенду, прятаться под кровать, не иначе, — подумал он. — Ну и хрен с ней — кому охота, чтоб она тут околачивалась!»

— Кёрт, — сказал он, — ты, как не проспишь полсуток, так становишься опасным. Около девяти тридцати твой мальчишка устроил в зале игровых автоматов суший ад — затеял драку между бандами, и в результате целая орава сопляков загремела в клинику. При том количестве пострадавших, какое мы имеем, это нужно доктору Макнилу, как собаке пятая нога.

— Коди... дрался? — Кёрт абсолютно потерял счет времени. Он взглянул на часы и увидел, что они остановились в две минуты одиннадцатого. — Он в порядке? В смысле...

— В порядке, в порядке. Правда, чуток побитый. Он отправился в клинику.

То бишь, жди счета от врача, подумал Кёрт. Дуролом окаянный! У таракана мозгов и то больше!

— Джинджер? Это Эд Вэнс. Дэнни, дай-ка мне со стола фонарик. — Шериф схватил фонарик, включил и направил свет в незрячие глаза женщины. Она еле заметно вздрогнула, безвольно висевшие вдоль тела руки закаменели. — Джинджер! Что случилось? Почему ты...

По телу Джинджер прошла сильная судорога, и ее лицо напряглось, словно мышцы вот-вот должны были прорваться сквозь кожу.

— У нее припадок! — завопил Керт и по кровавому следу Джинджер попятился к двери.

Серые губы женщины дрогнули и раскрылись.

— Гос... подь... пастырь мой, я ни в чем не буду нуждаться, — зашептала она. — Он покоит меня на злых пажитях. И... и водит меня к водам тихим. — Из глаз Джинджер хлынули слезы, и она, запинаясь, продолжала читать Двадцать третий псалом.

Сердце у Вэнса стучало, как паровой молот.

— Дэнни, давай-ка скатаем к Хитрюге домой. Мне чертовски не нравится то, что я вижу.

— Да, сэр. — Дэнни взглянул на застекленный шкаф, где хранился их арсенал, и Вэнс прочел его мысли, потому что сам думал о том же.

— Достань мне дробовик, — велел Вэнс. — Себе возьмешь винтовку. Да заряди.

Дэнни взял связку ключей и отпер шкаф.

— Не... убоюсь никакого... — Слова застревали у Джинджер в горле. — Не убоюсь никакого... не убоюсь никакого... — Она не могла заставить себя выговорить следующее слово. По лицу опять потекли слезы.

— Кёрт, отвези Джинджер в клинику. Найдешь Эрли и скажешь ему...

— Да пошел ты! — запротестовал Кёрт. Он не хотел иметь с этим ничего общего. — Что я тебе, легавый!

— С этой минуты — да. Присягу принесешь потом. А сейчас делай, что говорят: заведи туда Джинджер и доложи Эрли, как ее нашел. — Вэнс взял у Дэнни дробовик и положил в карман патроны.

— Э... а что, по-твоему, случилось? — голос Кёрта дрожал. — Я хочу сказать, с Хитрюгой?

— Не знаю, но мы собираемся это выяснить. Джинджер, я хочу, чтобы ты поехала с Кёртом. Хорошо? Ты меня слышишь?

— Не убоюсь никакого... — Она плотно зажмурилась и снова открыла глаза. — Не убоюсь никакого...

— Эд, не знаю, — сказал Кёрт. — Не гожусь я в помощники шерифа. Может, найдешь кого другого ее возить?

— О, Господи! — крикнул Вэнс, взвинченный до предела. Джинджер дернулась, заскулила и попятилась. — Эй! Я тебе заплачу! — Он полез в задний карман, вынул бумажник и раскрыл его. Там оказалась только пятидолларовая банкнота. — Вот, на! купишь в «Колучей проволоке» свою поганую бутылку, только пошелевайся!

Кёрт облизнул нижнюю губу. Его рука нырнула в бумажник и вынырнула, разбогатев на пять долларов.

Вэнс осторожно взял Джинджер под руку и повел из кабинета. Она покорно шла за ним, оставляя кровавые следы, а от сдавленного шепота «Не убоюсь... не убоюсь» у шерифа по спине бежали мурашки. Дэнни запер за ними дверь. Кёрт отвел сумасшедшую к своему «бьюику», усадил в машину и поехал в больницу. Выхлопная трубка волочилась по мостовой, высекая искры.

Патрульную машину вел Вэнс. Дэнни молча сидел рядом, судорожно стискивая винтовку. Дом Хитрюги Крича, выстроенный из песчаника, с красной черепичной крышей, стоял неподалеку от угла Селеста- и Брасос-стрит. Входная дверь была распахнута настежь. В доме шериф с помощником заметили слабый свет не то свечей, не то ламп, однако никаких признаков Хитрюги не было. Вэнс притормозил у тротуара. Они вышли из машины и двинулись по засыпанной галькой дорожке.

Примерно в восьми футах от двери у Вэнса отнялись ноги. Он увидел лежащий на высохшем газоне тапок Джинджер. В животе заворочался холод — двери напоминали пасть, готовую сжевать его, стоит только переступить порог. Ему показалось, что где-то очень далеко юношеские голоса издевательски выкрикивают: «*Бурро! Бурро!*»

— Шериф, — Дэнни остановился у двери. — Вы в порядке? — В тусклом лиловом свете лицо Вэнса лоснилось от пота.

— Ага. Все отлично. — Он нагнулся и принялся растирать колени. — Болячки старого футболиста — иногда, бывает, прихватывает.

— Вот уж не знал, что вы играли в футбол.

— Дело прошлое. — Вэнс весь вспотел: лицо, грудь, спина, зад. Холодный, липкий пот. Его обязанности шерифа ограничивались разгоном драк, расследованием дорожно-транспортных происшествий и розыском пропавших собак. Стрелять при исполнении служебных обязанностей ему еще не приходилось. При мысли, что надо войти в этот дом и увидеть, что же свело Джинджер Крич с ума, яйца шерифа зачесались, словно битком набитые пауками.

— Хотите, чтобы я вошел? — спросил Дэнни.

Да, чуть не сболтнул Вэнс. Но чем дольше он сверлил взглядом дверь, тем отчетливее понимал, что первым должен войти сам. Должен, потому что он — шериф. Кроме того, у него был дробовик, а у Дэнни — винтовка. Что бы ни пряталось в темноте за дверью, он его изрешетит.

— Нет, — сипло сказал он. — Первым пойду я.

Вэнсу понадобилось собрать всю свою дряблую силу воли, чтобы сдвинуться с места. Он замялся в хищно зияющем дверном проеме... и вошел в дом Крича. Под правым башмаком мяукнула оторванная половица.

— Хитрюга! — окликнул Вэнс и не совладал с голосом. — Хитрюга, где ты?

Полицейские пошли на свет через холл в гостиную, где отбрасывала тени пара керосиновых ламп, а от пола к потолку слоями плыла пыль.

— Шериф, взгляните! — Дэнни первым увидел дыру с зазубренными краями и теперь показывал на нее. Вэнс приблизился к провалу в полу. Они с Дэнни остановились у края, заглядывая вниз, во тьму.

Скрип-скрип. Скрип-скрип.

Оба одновременно подняли глаза, и оба увидели.

В дальнем углу комнаты кто-то качался в кресле-качалке: вперед-назад, вперед-назад. На полу возле кресла лежал разорванный «Географический журнал».

Скрип-скрип. Скрип-скрип.

— Х-хитрюга? — прошептал Вэнс.

— Здорово, — сказал Хитрюга Крич. Его лицо почти целиком скрывала тень, но он по-прежнему был в желто-синей клетчатой куртке, темно-синих брюках, жемчужно-серой сорочке и двухцветных кроссовках. Рыжие прямые волосы были гладко зачесаны на макушку, руки сложены на коленях. Хитрюга качался.

— Что... что происходит? — спросил Вэнс. — Джинджер чуть с ума...

— Здорово, — снова сказал человек в кресле, продолжая раскачиваться. Лицо его было совершенно бесцветным, лишь поблескивали глаза, отражая свет двух уцелевших ламп, свисавших с люстры-колеса. Само колесо было сломано. «*Скрип-скрип*», — не умолкали полозья качалки.

Голос, подумал Вэнс: странный у него голос. Хриплый, как басы церковного органа. Да, этот голос по звучанию напоминал голос Хитрюги, но при этом... отличался от него.

Поблескивающие глазки пристально следили за шерифом.

— Ты — лицо, наделенное властью. Так? — гнусаво прогудел голос.

— Я Эд Вэнс. Ты меня знаешь. Ладно, Хитрюга. В чем дело! — Ноги Вэнса снова приросли к полу. У Хитрюги было что-то неладно со ртом.

— Эд Вэнс. — Хитрюга легонько склонил голову на сторону. — Эд Вэнс, — повторил он, словно прежде ни разу не слышал этого имени и хотел убедиться, что не забудет его. — Я знал, что пришлют представителя власти. То есть тебя, так?

Вэнс посмотрел на Дэнни. Паренек стоял ни жив ни мертв, прижимая винтовку к груди. Ритм речи Хитрюги Крича, категоричность фраз, неторопливый говорок — все было как надо, вот только эта таящаяся в голосе органная нота, хрипотца, словно горло Хитрюги забила мокрота...

— Тогда задам-ка я тебе вопрос, коллега, — сказала сидящая в кресле-качалке фигура. — Кто хранитель?

— Хранитель?..

— Я что, непонятно говорю? Кто хранитель?

— Хитрюга... о чем ты? Я ничего не знаю про хранителя.

Качалка остановилась. Дэнни ахнул и шагнул назад — не возьми он себя в руки, он свалился бы в провал.

— Может быть, не знаешь, — ответил сидящий в качалке. — Может быть, знаешь. А может быть, канифолишь мне мозги, Эд Вэнс.

— Нет, клянусь! Я не знаю, о чем ты говоришь! — И вдруг Вэнса, как пуля между глаз, настигла мысль: это не Хитрюга!

Фигура встала, похрустывая одеждой. Хитрюга Крич показался Вэнсу на два или три дюйма выше, чем ему помнилось, и куда шире в плечах. В том, как он двигал головой, было что-то странное; нечто, напоминавшее дерганные движения марионетки, которой управляет невидимая рука. Фигура странным кукольным шагом двинулась к Вэнсу, и он попятился. Существо остановилось, перевело взгляд с Вэнса на Дэнни и обратно, а потом белое лицо с серыми червяками губ улыбнулось, открыв стиснутые зубы: так улыбаются торговцы.

— Хранитель, — повторило существо, и свет блеснул на его зубах. Однако это были не зубы, а тысячи отливавших синим, близко посаженных иголок из вороненой стали. — Кто он?

Вэнс никак не мог перевести дух.

— Клянусь... я не знаю...

— Ну-с, может быть, я тебе и поверю. — Фигура в кричаще-яркой спортивной куртке медленно потеряла толстые бледные руки, и Вэнс увидел дюймовые ногти, тоже из вороненого металла, окаймленные крошечными зубчиками, как пила. — Раз ты представитель власти и

все такое, я должен тебе верить, верно? — спросило существо, принявшее обличье Хитрюги.

У Вэнса отнялся язык.

Дэнни ткнулся спиной в стену, и на пол со стуком свалилась фотография: Хитрюга Крич, получающий награду на съезде страховых агентов.

— Ну, допустим. Видишь какое дело: сам я издалека и уже потратил много времени и сил. — Существо продолжало потирать руки с металлическими ногтями, и Вэнс сообразил, что взмах такой руки сдерет ему лицо до кости. — Если придется, я найду хранителя сам. — Существо вдруг резко повернуло голову и посмотрело в разбитое окно на вертолет, который делал очередной круг над пирамидой. — Эта штука мне не нравится. Ни капли. Я не желаю, чтобы она летала вокруг моей собственности. — Оно снова внимательно посмотрело на Вэнса, и шериф увидел совершенно безжизненные глаза Хитрюги. Они казались влажными и мертвыми, словно в ухмыляющуюся маску вставили стекляшки. — Но скажу тебе правду, Эд Вэнс: если я по-быстрому не найду хранителя, мне придется навести тут порядок. *Свой порядок.*

— Кто... что вы такое? — просипел Вэнс.

— Я... — Фигура на несколько секунд умолкла. — Истребитель. А ты — большой жирный клоп. Я буду рядом, Эд Вэнс, и хочу, чтобы ты про меня помнил. Лады?

Вэнс кивнул. С кончика носа свисала капля пота.

— Ла...

Хитрюга поднял руку. Пальцы проткнули левый глаз и вывернули его из глазницы. Крови не было, только тяжи какой-то вязкой, слизистой жидкости. Глаз отправился в полный иголок рот. Щелкнули челюсти, и он лопнул, как крутое яйцо.

Дэнни застонал, сражаясь с дурнотой. В мозг Вэнса впились когтями безумие.

— Как понадобишься, я тебя разыщу, — сказала существо. — Спрятаться не пытайся. Не выйдет. По рукам, коллега?

— П-п-по рукам, — заикаясь, выговорил шериф.

— Молодец, клоп. — Существо повернулось к Вэнсу спиной, сделало два широких шага и ухнуло в дыру в полу гостиной.

Они услышали, как после долгого полета оно с глухим стуком приземлилось на дно. Послышался быстрый топот убегающих ног. Потом тишина.

Дэнни завизжал. Он подскочил к краю дыры, вскинул винтовку и с перекошенным от ужаса лицом принялся палить вниз. В пропыленном воздухе вихрился пороховой дым, летели гильзы. У Дэнни кончились патроны, но он лихорадочно пытался затолкать в патронник гильзы.

— Прекрати! — сказал (или подумал, что сказал) Вэнс. — Пере-стань, Дэнни. *Прекрати!*

Помощник шерифа содрогнулся и посмотрел на него, продолжая нажимать на курок. Из носа у Дэнни текло, в груди свистело.

— Оно ушло, — сказал ему Вэнс. — Что бы это ни было... оно ушло.

— Я видел его... я видел, что оно похоже на Хитрюгу, только черта с два это был Хитрюга...

Вэнс ухватил Дэнни за воротник и сильно встряхнул.

— *Послушай, паренек!* — рявкнул он прямо в лицо Дэнни. — Я не хочу, чтобы ты свихнулся, как Джинджер Крич, слышишь? — Почувствовав сырость между ног, шериф понял, что обмочил штаны, но сейчас нужно было не дать Дэнни сойти с ума. Если парнишка рехнется, следующим будет Вэнс. — Слышишь? — Он еще раз сильно встряхнул Чэффина. Это помогло и его рассудку вырваться из тенет потрясения.

— Не Хитрюга это. Нет, — пробормотал Дэнни. Потом судорожно втянул воздух: — Да, сэр. Слышу.

— Иди к машине.

Парнишка отупело моргнул, не отрываясь от дыры.

— Иди, я сказал!

Дэнни, спотыкаясь, двинулся к выходу.

Вэнс вскинул дробовик и прицелился в дыру. Руки у шерифа тряслись так сильно, что он подумал: да мне средь бела дня в дверь амбара не попасть, чего уж говорить про пришельца, который жрет собственные глаза, а вместо зубов у него тысячи иголок. А ведь так оно и есть, вдруг сообразил шериф: пришелец прорыл тоннель из стоящей за рекой пирамиды и заполз в Хитрюгу Крича. *Моя собственность*, сказал он. А что это за параша насчет хранителя? И почему пришелец говорил по-английски, с техасским акцентом?

Вэнс попятился от дыры. Его нервы были на пределе. Усики пыли и ружейного дыма расступились, поплыли, снова сомкнулись вокруг него. Он чувствовал себя, как замурованный в бетоне крик, и тогда-то поклялся, что если переживет эту заваруху (буде на то Божья воля), то к Рождеству сбросит пятьдесят фунтов.

Едва оказавшись за порогом дома Крича, Вэнс развернулся и бегом кинулся к патрульной машине, где, уставившись в никуда, сидел Дэнни Чэффин с серым лицом.

БЕГУН ПРИНЕС ПАЛОЧКУ

В доме в самом конце Брасос-стрит Дифин слушала, как Сержант вспоминает.

— Бегун принес палочку, — шептал он. В мозгу двигались темные существа. Сержанту чудилось, что сквозь мерный колокольный звон в церкви у католиков он слышит стрельбу, быстрый треск карабина, словно кто-то шел по хрупким, хрустким прутьям. Воспоминания оживали, и половина мозга Сержанта зудела, словно рана, которую невозможно не расчесывать.

— Бельгия, — сказал он, судорожно ощупывая воздух там, где минуту назад был Бегун. — Сержант Триста девяносто третьего пехотного полка Девяносто девятой пехотной дивизии Талли Деннисон по вашему приказанию прибыл, сэр! — Глаза Сержанта повлажнели, лицо напряглось от внутреннего давления. — Окапываемся, сэр! Что, твердая землячка? Ужас какая твердая. Почти в камень смерзлась. Вчера ночью за бугром слышали шум. Внизу, где лес. По-моему, грузовики. Может, и танки тоже. Есть проложить телефонный кабель, сэр! — Сержант моргнул, дернув подбородком, словно присутствие Дифин его напугало. — Кто... ты кто?

— Твой новый друг, — спокойно отозвалась она с границы света и тьмы.

— Маленьким девочкам тут нечего делать. Слишком холодно. Снеговые тучи. По-английски говоришь?

— Да, — ответила она, сознавая, что Сержант пристально смотрит сквозь нее в то самое скрытое измерение. — Кто есть Бе-гун?

— Да привязался тут ко мне какой-то старый кабысдох. Совсе шалая псина, а бегае-то, бегае — Господи Боже! За палкой пулей летит. И не устает, хоть до вечера кидай. Одно слово, Бегун. Ни минуты не может посидеть спокойно. Нашел я его полудохлым, кожа

да кости. Ничего, я о тебе позабочусь, Бегун. Мы с тобой не пропадем. — Сержант скрестил руки на груди и начал раскачиваться. — Ночью кладу голову Бегуну на бок. Отличная подушка. Весь окопчик согревает. Батюшки, до чего ж он любит приносить палку! Апорт, Бегун! Носится, чисто борзая!

Сержант задышал быстрее.

— Лейтенант говорит, если там и будет заваруха, мы этого не увидим. Никак. Он говорит, пойдут либо на север, либо на юг. Не на наши позиции. Я ж только прибыл, никого еще не убивал. И не хочу. Придется нам пригнуться, Бегун. Зароемся башкой в землю, ага? И пускай железяки летают над нами.

Он содрогнулся всем телом, подтянул колени к груди и устался куда-то мимо Дифин. Несколько секунд Сержант беззвучно шевелил губами. Глаза были полны лиловым светом. Потом раздался шепот:

— Получено сообщение. Начинается артподготовка. Далеко. Пройдет над нами. Над нами. Надо было рыть окопчик поглубже. Поздно. Получено сообщение. — Сержант зажмурился и застонал, словно от удара. По щекам поползли слезы. — Остановите его. Остановите. Ради Бога, остановите.

Сержант внезапно широко раскрыл глаза.

— Вот они! Справа, сэр! Есть! — Это был хриплый крик. — Бегун! Где Бегун? Боже милостивый, где моя собака? *Фрицы!* — Сержант затрясся, скорчившись на стуле. На виске мерно и часто билась жилка. — Бросают «Бутылки»! Пригнись! О, Иисусе... Господи... помогите раненому... ему оторвало руку. Санитар... *Санитар!* — Сержант прижал ладони к голове, впиваясь пальцами в тело. — На мне кровь. Чья-то кровь. Санитар, живее! Они опять наступают! Гранаты! Пригнись!

Сержант прекратил лихорадочно раскачиваться. Затаил дыхание.

Дифин ждала.

— Недолет, — прошептал Сержант. — Недолет... еще дымится. Граната-«бутылка». С деревянной ручкой. А, вот и он. Как раз там. — Он устался в какую-то точку на стене: оттуда появлялись тени прошлого, там в дыму гранаты, сгущаясь, зыбко колыхались призрачные сцены сорокалетней давности. — Вот и Бегун, — сказал Сержант. — Спят. По глазам вижу. Рехнулся. Прямо как я.

Он медленно выставил вперед руку с растопыренными пальцами. Раздался шепот:

— *Нет.* Нет. Не приноси палочку. Не надо...

Свист втянутого сквозь зубы воздуха:

— Я еще не убивал... не заставляй меня убивать...

Рука Сержанта скрючилась. Теперь в ней был зажат невидимый пистолет, палец лежал на курке.

— Не приноси палочку. — Палец дернулся. — Не приноси. — Палец дернулся снова. — Не приноси. — В третий и в четвертый раз.

Палец дергался. Сержант беззвучно плакал.

— Я должен был его остановить. Должен был. Иначе он принес бы мне эту «палочку». Кинул бы прямо в мой окопчик. Но... я убил его... рвануло уже потом. Я знаю. Я видел, как у него помертвели глаза. Граната рванула потом. Негромко. Негромко. И... от него ничего не осталось... только то, что оказалось на мне. — Сержант опустил руку, и та повисла вдоль тела. — Голова. Болит. — Рука Сержанта медленно расслабилась, невидимый пистолет исчез.

Он снова закрыл глаза и некоторое время сидел неподвижно, только грудь опускалась и поднималась, да слезы ползли по морщинистому лицу.

Все.

Дифин прошла к выходной двери и сквозь сетку от комаров посмотрела на небесную решетку. Она пыталась преодолеть разброд в мыслях, сосредоточиться, проанализировать и классифицировать услышанное. Уловить смысл сказанного она не могла, но под коркой слов пряталась боль утраты — чувство, очень-очень хорошо понятное ей. Дифин чувствовала, как ее охватывает слабость — слабость мышц, сухожилий, костей, материала, не дающего развалиться занятому ею телу «дочери». Быстро просмотрев заложенную в память информацию, Дифин выудила символ «П», а следом — аккуратно подобранные понятия и среди прочих «Питание». Тело «дочери» нуждалось в питании. Оно теряло силы и скоро неминуемо должно было оказаться на грани коллапса. Существо «Сержант» упоминало о еде. Дифин сосредоточилась на символе «Е» и обнаружила в памяти плоские изображения «Еды»: «мясные продукты», «продукты растительного происхождения», «крупы». Все они своим видом вызвали тошноту, но, несомненно, годились в пищу. Следующей проблемой стало обнаружение этих «продуктов». Конечно, они должны были быть где-то рядом, в коробке существа «Сержант».

Дифин подошла к Сержанту и дернула его за рукав. Он не отрывался. Она дернула еще раз, сильнее.

Сержант открыл глаза. Последняя вспышка свечей зажигания у него в голове заканчивалась.

Он снова чувствовал себя одним целым, холодная щекотка прошла. Ему показалось, будто он видел чудовищный кошмар — но и это ощущение бесследно прошло.

— Еда, — сказала Дифин. — У тебя здесь есть еда?

— Ага. Свинина с бобами. На кухне. — Дрожа всем телом, Сержант приложил ладонь ко лбу. Во рту чувствовался привкус горького дыма. — Покормлю тебя, а потом сведу домой. — Он

попытался встать. Это оказалось нелегко, но он все-таки поднялся. — Вот странно-то. Трясусь что твой осиновый лист.

Его охватил ужас. Где Бегун?

В углу позади девушки мистера Хэммонда что-то пошевелилось. В полумраке у нее за спиной.

Бегун выбрался из угла и выжидательно взглянул на Сержанта, как полагалось старому другу.

— Экий ты поскакун, — сказал Сержант и улыбнулся. — Давай вскроем баночку свинины с бобами для нашей новой подружки, ладно? — Он взял керосиновую лампу и направился в кухню.

Дифин двинулась следом, думая, что иногда лучше не проникать в скрытое измерение.

ПЛЫВУЩАЯ ТЕНЬ

В сиянии пристроенного на стену аварийного фонаря Джесси сделала последние шесть стежков и крепко затянула нитку под правым глазом Коди Локетта. Паренек едва заметно поморщился.

— Будь я лошадью, — врасстяжку проговорил он, — уже сто раз так вас лягнул бы, что вы летели бы через весь сарай.

— Если б ты был лошадью, я бы тебя уже пристрелила, — Джесси для верности чуть подтянула волокно, завязала и отстригла лишнее. Она еще раз плеснула на рану антисептиком. — Ладно, все.

Коди слез со стола и подошел к маленькому овальному зеркалу на стене. Зеркало отразило левый глаз, почти полностью заплывший лиловым синяком, рассеченную нижнюю губу и стежки каким-нибудь дюймо́м ниже правого глаза. Рабочая рубаша была разодрана и залита кровью — и кровью Коди, и кровью «Гремучих змей». Правда, в голове перестало стучать и все зубы были на месте. Коди подумал, что ему повезло.

— Любоваться собой будешь в другом месте, — коротко сказала Джесси. — Как выйдешь, позови следующего. — В коридоре ждали осмотра еще четверо подростков. Она подошла к раковине, чтобы вымыть руки. Когда она повернула кран, полилась тонкая струйка воды с песком.

— Отличная работа, док, — сказал Коди. — Как Рентген? Оклемается?

— Да. — «Слава Богу», — подумала она. Три ребра Рэя превратились в сплошной кровоподтек, левую руку ему чуть не вывихнули, а язык мальчик не откусил себе чудом. Плюс многочисленные синяки и царапины. Сейчас Рэй лежал в палате дальше по коридору. Несколько ребят лишились зубов и изрезались стеклом, но переломов не было — только у Пако Ле-Гранде оказался перебит нос. — Могли кого-нибудь убить, — Джесси вытерла руки бумажным полотенцем, чувствуя между пальцами песчинки. — Вы этого добивались?

— Нет. Я пытался уберечь Рентгена от промывания мозгов. — Коди осмотрел ободранные костяшки пальцев. — Начали Гремучки. А Щепы защищали свое.

— Мой сын в вашей банде не состоит.

— В клубе, — поправил Коди. — Какая разница? Рентген живет на этом берегу. Значит, он один из нас.

— Клуб, банда — называй как хочешь, все равно это чушь. — Джесси скомкала бумагу и бросила в корзину для мусора. — И моего сына зовут не *Рентген*, а Рэй. Когда вы с «Гремучими змеями» прекратите разносить город по кирпичу?

— А при чем тут Щепы?! Кто просил мексикашек наезжать на Рентгена и громить зал?! И потом, — Коди махнул в сторону окна и черной пирамиды, — эта сволочь за две секунды наделала больше дел, чем мы можем натворить за два года.

Оспаривать этот факт Джесси не могла и хмыкнула, понимая, что напрасно напустилась на парнишку. Она почти ничего не знала про Коди Локетта — только то, что ей рассказывал Том, а еще, что отец мальчика работает в пекарне. Она вспомнила, что однажды зашла за сладкими булочками и учуяла от Локетта-старшего запах спиртного.

— Черт, и здоровая же зараза, — Коди подошел к окну. Его тон стал менее грубым, в голосе пробились нота благоговейного страха. На Кейдовой помойке еще горело несколько костров, в небо летели искры. Под самым куполом накрывшей Инферно сияющей лиловой решетки, загораживая луну, неподвижно висело плотное темное облако дыма и пыли. До сих пор Коди мало верил в НЛО и пришельцев, хотя Танк божился, будто, когда ему было девять лет, он видел в небе свет и так перепугался, что обделался. Жизнь в иных мирах не волновала мальчика — она и здесь была достаточно тяжелой и сложной. Всякая белиберда насчет НЛО и инопланетян казалась слишком далекой от реальности, чтобы ею интересоваться, но теперь... что ж, теперь получался совсем другой коленкор. — Как вы думаете, откуда она? — спросил Коди уже совсем спокойно.

— Не знаю. Уверена, что издалека.

— Ага, наверно. Только зачем она села в Инферно? То есть... она же могла приземлиться где угодно. Почему она выбрала Инферно?

Джесси не отвечала, думая о Дифин — о том, где же девчурка (нет, поправила она себя, где же это существо). Она посмотрела в окно, на пирамиду, и в голову ей пришло одно-единственное слово: *Кусака*. Что бы это ни было такое, Дифин до смерти боялась его, да и Джесси чувствовала себя не слишком спокойно. Она сказала:

— Ладно, зови-ка следующего.

— Хорошо, — Коди оторвался от окна. У двери он остановился. — Послушайте... как хотите, а мне жалко, что Рентгену досталось.

Джесси кивнула.

— Мне тоже. Но он поправится. Похоже, он крепче, чем я думала. — Она вдруг умолкла и не стала благодарить Коди за помощь сыну, поскольку подробности были до сих пор не ясны, а сама она видела в Коди с Риком Хурадо инициаторов драки между бандами, которая могла повлечь за собой жертвы. — Вероятно, тебе нужно что-нибудь от головной боли, — сказала она. — Если попросишь миссис Сантос — она дежурит в приемной, — она даст тебе аспирин.

— Ага, спасибо. Пожалуй, у меня на память о нынешней ночи останется на роже небольшая железная дорожка, а?

— Может быть, — согласилась Джесси, хотя знала, что шрам будет едва заметен. — Тут найдется кто-нибудь, кто отвез бы тебя домой?

— Могу добраться на своих двоих. Хотя все равно мне надо забрать свой мотор. Спасибо, что заштопали.

— Постарайся не нарываться на неприятности, ладно?

В голове у Коди завертелся остроумный ответ, но Джесси смотрела честными глазами, и он позволил себе на миг отставить развязность.

— Попробую, — сказал он и вышел. В коридоре, тоже залитом резким светом аварийных ламп, он велел зайти следующему, ждавшему своей очереди. Угрюмо глянувший на него со скамьи парень был из «Гремучек». Его нижняя губа, похоже, побывала в мясорубке. Коди пошел по коридору между двумя рядами дверей. Где-то скулил полный муки мужской голос. В воздухе висел запах горелого мяса, и Коди не стал останавливаться. Вокруг, отбрасывая в полумраке длинные тени, сновали люди. Мимо торопливо прошла мексиканка, перед ее платьем был сплошь залит кровью. В дверях, что-то бормоча и тупо глядя в одну точку, стоял мужчина на костылях, с плотной повязкой на пол-лица. Показался доктор Макнил. Он поддерживал седую женщину, с ее пропыленных волос свисали розовые трубочки бигуди. Синий халат, мертвенно-белое лицо и такие большие глаза, словно она только что сунула палец в розетку. Макнил проводил ее в палату на левой стороне коридора, и Коди не мог не заметить кровавые отпечатки босых ног на ковре.

Потом, миновав врата страданий, он добрался до приемной и спросил у круглолицей медсестры, миссис Сантос, аспирин. Она дала ему пластиковый флакончик с таблетками, убедилась, что его имя и адрес занесены в регистрационный листок, и сказала: можешь идти домой. В приемной тоже было полно народа, почти все — жители Окраины, одни — в шоке от удара, другие ждали сведений о пострадавших родственниках.

Когда Коди шел через приемную к двери, со стула в углу со словами: «Сынок, погоди минутку», поднялся его отец.

Коди заметил галстук и чуть не расхохотался. Неудивительно, что старик их не носил: кричащий галстук подчеркивал жилистость шеи, и папаша становился похож на психа. Отвратное зрелище. Сытый по горло медицинскими запахами и звуками страданий Коди, не дожидаясь отца, вышел за дверь. Он собирался за своим мотоциклом, который так и стоял перед залом игровых автоматов. Позади отец окликнул: «Коди! Ты куда?»

Должно быть, Коди бессознательно замедлил шаг. Тут-то папаша и догнал его семимильными шагами и пошел рядом на расстоянии вытянутой руки.

— Я кому говорю? Ты что, разучился понимать по-английски?

— Иди-ка ты отсюда, — отрывисто и напряженно сказал Коди. — Отвали. — Сквозь вонь оплавленного металла и горелой резины к нему пробилась ароматы «Виталиса» и немывтого тела.

— А я-то притащился разузнать, как ты. Говорят, ты влез в драку. Да уж, по твоей роже сразу ясно: схлопотал по первое число!

— Нет.

— Стало быть, внешность обманчива, — Кёрт следил за вертолетом, который кружил над автодвором Кейда, нерешительно приближался к пирамиде и тут же резко сворачивал, уносясь в дым. — Помяни мое слово, — сказал он, — накрылся наш Инферно медным тазом, точно. Видел ты хоть раз такую странную сволочь, а?

— Да вроде бы нет.

— Страшная штука. Такого быть не должно. Понимаешь, не так давно я чуть не переехал Джинджер Крич. Брела по улице в одной ночнушке. А что с Хитрюгой — Бог его знает. Не знаю, что уж тут творится, но Джинджер спятила.

«Женщина в синем халате, — подумал Коди. — Миссис Крич». Ну, конечно! Он должен был ее узнать. Но опять-таки: раньше она всегда выглядела совершенно нормальной.

— А знаешь что? — спросил Кёрт еще через несколько шагов. — Я теперь помощник шерифа. Ни хрена себе? Во как! Шериф Вэнс сказал, что, если я свезу Джинджер в клинику, он сделает меня своим помощником. Провалиться мне на этом месте, он мне и значок даст. Серебряный, блестящий! Красота! — В небе прожужжал вертолет, поднял пыльную бурю и снова повернул к пирамиде. Кёрт взгляделся в небесную решетку. Он не знал, что это за штука, но и ее не должно было быть. Она напомнила ему прутья тюремной решетки, и вниз по спине поползли клаустрофобические мурашки. Без огней Инферно напоминал вымерший город. Пыльные смерчи и перекасти-поле вносили свою лепту в ощущение запустения. Кёрта все сильнее мучила жажда, и он подумал: отчасти справедливо, что, как только на него возложили хоть какую-то ответственность, Инферно начал разваливаться. Взглянув на шагающего рядом Коди, он увидел, как близко от глаза прошал порез. Завтра утром парень будет чувствовать себя

так, словно сунул голову в бетономешалку. — Ты в норме? — спросил Кёрт.

— Какое твоё собачье дело? — Слова выскочили раньше, чем Коди успел прикусить язык.

Кёрт хмыкнул.

— Я не говорил, что мне есть до этого дело, черт возьми. Просто спросил. — Несколько секунд он молчал, потом сделал новую попытку завязать разговор: — Раз меня тоже вот так вот отметилили. Мексикашка, в кабаке. Шустрый оказался, гнида. Елки, я целую неделю плохо видел!

— Я в порядке, — брюзгливо отозвался Коди.

— Да-а, крепкие у тебя яйца. Правда, рубаша теперь годится только на тряпки. Небось, со старым хреном Мендосой припадок будет?

— Нет. С мистером Мендосой припадка не будет.

Кёрт решил пропустить «мистера» мимо ушей. Все равно без толку. Хотя его изумляло, что после того, как мексикашки чуть не пробили Коди башку, тот способен с уважением говорить про этого мокрожопого. Ну, Коди еще многое предстоит узнать о мексикашках.

— Я нашел галстук, — похвалился он. — Во, видишь?

— Да. Жуть.

Первым побуждением Кёрта было рывкнуть на мальчишку и отвесить ему подзатыльник, но он подумал, что пинков парень уже получил вдоволь. Как бы там ни было, после замечания Коди по губам Кёрта украдкой скользнула слабая улыбка.

— Положа руку на сердце, я и сам так думаю, — признался он. — Чего про меня сроду не говорили, так это что я умею галстук выбрать.

Коди быстро взглянул на отца, и Кёрт отвернулся, чтобы спрятать улыбку: он решил, что видеть ее Коди ни к чему. Подошло время сгонять за бутылочкой «Кентакки джент». Пять долларов жгли Локетту-старшему карман, и он понадеялся, что «Колючая проволока» еще открыта. Если нет, он самолично вышибет треклятую две...

Его размышления были прерваны низким раскатистым гулом, от которого кости Кёрта заныли, словно рот, полный гнилых зубов. Он остановился. Коди тоже затормозил, услышав рокот и почувствовав вибрацию. Шум продолжался, как будто где-то терлись друг о друга тяжелые бетонные блоки.

— Слышишь? — спросил Кёрт. — Чего это?

Звук плыл над Инферно. Собаки снова завывли.

Коди посмотрел на пирамиду и ткнул в нее пальцем.

— Вот!

Примерно тридцатью футами ниже вершины пирамиды появилась тоненькая трещинка мутного лилового света. Она расширялась под несмолкающий срежет.

Джесси в больнице слышала эти звуки и подошла к окну.

Рик Хурадо вышел из дома и вместе с Мирандой остановился на крыльце.

Первой мыслью Мэка Кейда (стоя на Третьей улице возле своего «мерседеса», он смотрел, как пожарные суетятся вокруг обмякшего шланга, тщетно пытаясь вернуть напор воды) было: грохочет так, будто открывается склеп. Вокруг с тявканьем носились Сыпняк и Стобняк.

Люди выглядывали из окон.

Кое-кто из собравшихся в католической церкви семидесяти восьми человек вышел на крыльцо посмотреть.

Шериф Вэнс, всего несколько минут назад вернувшийся из дома Хитрюги Крича, появился в дверях своей конторы на Селеста-стрит. Трясущийся Дэнни остался внутри.

Узкая вертикальная щель около пятнадцати футов длиной раскрывалась, точно глаз циклопа. Капитан Тэггарт бросил вертолет вниз и пронесся мимо расселины. Роудса, сидевшего рядом с ним, и Ганнистона, занимавшего место наблюдателя, вдавило в спинки кресел. Они увидели, как разъезжаются пластины чешуи. Сочившееся наружу сияние больше напоминало светящийся туман, чем земной свет. Серые края щели напоминали больные десны и казались влажными.

— Держись подальше от решетки, — предостерег Роудс Тэггарта, который вновь начал набирать высоту, хотя знал, что Тэггарт осознает последствия такого столкновения не хуже его самого. Рокот не смолкал — это, соскальзывая одна с другой, расцеплялись пластины чешуи. Теперь ширина отверстия составляла около сорока футов. Тэггарт поднимал вертолет вдоль щели, установив углы наклона лопастей так, что машина стала на дыбы. По обе стороны отверстия и с его краев сочились струйки вязкой слизистой жидкости, заливая чешуи внизу. Роудс подался вперед, натянув ремень безопасности, но увидел внутри щели лишь темноту — с тем же успехом он мог бы вглядываться в мутную илистую воду.

— Хотите, чтобы я подобрался поближе? — спросил Тэггарт.

— Черт побери, нет! — взвизгнул Ганнистон, вцепляясь в подлокотники.

— Оставайся как сейчас, — велел Роудс.

Еще несколько пластин разъехались, и шум резко оборвался.

Над отверстием за клубился, пополз вверх туман. Винты разорвали его в клочья. Тэггарт проверил приборы: заканчивалось горючее. Чуть раньше они пролетели вдоль решетки с востока на запад и с севера на юг и обнаружили, что ее протяженность составляет семь с лишним миль. Высшая точка силового купола находилась примерно в шестистах футах над вершиной пирамиды. Силовые линии спускались оттуда к земле, уходя в нее у границ решетки. Внизу, среди развалин автодвора Кейда, виднелись туск-

до-красные центры возгорания. Вертолет бросало в потоках поднимавшегося от них горячего воздуха.

— Вид у штуkenции такой, словно на ней растет шкура, — сказал Ганнистон, с отвращением вглядываясь в гладкие черные пластины.

Роудс наблюдал за расщелиной. Под купол медленно поднимались пласты черного дыма. На несколько секунд они скрыли пирамиду из вида. Когда дым рассеялся, полковнику почудилось внутри разлома какое-то движение — из тумана к ним плыла неясная тень. Он не знал, что это такое, но понял: они слишком близко от пирамиды, чтобы чувствовать себя уютно.

— Улетаем, — взвинченно сказал он.

Тэггарт изменил наклон винтов, начиная разворачивать вертолет.

И тут из тумана появилось то, что заметил Роудс. Ганнистон ахнул: «О Господи!», а Тэггарт прибавил скорость, изменил направление и понесся прочь так стремительно, что всех подняло с мест. Даже в дичайших кошмарах он не видал ничего похожего на то, что вылетело из отверстия в пирамиде и вознеслось в бурный воздух.

ПОЕДИНОК

Из черной пирамиды появился вертолет — не похожий ни на одну из машин, когда-либо создававшихся на Земле. Винтов не было; вместо них по бокам обтекаемого черного корпуса быстро трепетали треугольные металлические крылья, отчего летательный аппарат напоминал гигантскую стрекозу. Рубка, точная копия отсека, в котором сидели Тэггарт, Роудс и Ганнистон, сделанная из чего-то вроде сине-зеленого матового стекла, бесчисленными фасетками напоминала глаз насекомого. Но больше всего потрясал и пугал (Тэггарт неспроста вцепился в рычаг и умчался так стремительно) хвост: он представлял собой сплетение клейких черных мышц и заканчивался костяным шаром, усаженным шипами, как булава рыцаря. Хвост яростно хлестал из стороны в сторону; мышцы то сокращались, то расслаблялись.

— Наш двойник, — осенило Роудса.

Правая рука Тэггарта лежала на рычаге циклического контроля, левая — на поворачивающемся наконечнике руля. Пилот полностью сосредоточился на работе: он подавал вертолет назад так, чтобы не врезаться в здание банка и не въехать в решетку. Перед рубкой вихрился дым. Машина-стрекоза, не меняя положения, медленно изгибалась, следя насекомым глазом за земным летательным аппаратом. Ганнистон переспросил: «Что?»

— Двойник, — повторил Роудс, думая вслух. — Зеркальное отражение. По крайней мере... может быть, такими нас видит пришелец. — Тут его снова осенило. — Е-мое... так там, внутри, должно быть, завод!

Да машина ли висела перед ними в воздухе? Уж не была ли она живой? Да, «стрекоза» была двойником их вертолета, но, судя по тому, как работали ее крылья и мышцы, она вполне могла оказаться и живым существом — или чем-нибудь еще более диковинным, например, гибридом машины и инопланетной формы жизни. Чем бы она ни

была, Роудс, глядя на нее, никак не мог преодолеть испуг и недоумение.

Вдруг полковник вышел из транса: стрекоза бесшумно, с грозной грацией метнулась вперед.

— Ходу! — гаркнул Роудс, но надрывался он зря: рука Тэггарта, лежавшая на рычаге управления, заставила мотор пронзительно взвизгивать. Вертолет стрелой понесся назад и вверх, разойдясь с выступающим краем крыши банка от силы на восемь футов. Ганнистон, чье лицо превратилось в выбеленную потрясением маску, вцепился в поручни кресла, как кот на американских горках. Стрекоза вильнула, быстро выправила курс, нацелилась вверх и погналась за вертолетом.

Вертолет поднялся в облака дыма и пыли. Тэггарт вел его вслепую. Ослабив рукоять управления, он пустил машину по крохотному кругу. Мотор чихал в грязном воздухе. Когда Тэггарт заходил на второй виток, Ганнистон крикнул: «Справа!»

Вынырнувшая из марева справа от них стрекоза энергично описала круг, повторив маневр вертолета, и на них понесся увенчанный шипастым шаром хвост. Тэггарт дернул вертолет влево; машина накренилась, и хвост стрекозы промелькнул так близко, что Роудс с Ганнистоном разглядели бритвенно-острые края шипов. Потом все окутали клубы дыма. Вертолет продолжал снижаться. Роудс понял: несколько ударов этого окаянного хвоста разнесут машину в куски. Думать, что же будет с людьми, не хотелось. Вертолет камнем падал вниз, пока желудок у Тэггарта не подкатил к горлу. Облака остались наверху. Пилот выровнял вертолет, готовясь к посадке, и примерно в шестидесяти футах внизу увидел дома Окраины, людей на улицах и свет свечей в окнах. Он снова круто развернулся, прожужжал над автодвором — и тут из дыма и пыли появилась стрекоза. Набирая скорость, она помчалась на них.

— Жми в пустыню! — приказал Роудс. Тэггарт с блестящим от пота лицом кивнул и дал полный газ. Едва вертолет метнулся вперед, как стрекоза изменила курс и следующим маневром перерезала ему дорогу.

— А, ч-черт! — выругался Тэггарт, меняя направление полета. Стрекоза проделала то же самое. — Эта сволочь играет с нами!

— Садись! — взмолился Ганнистон. — Господи Иисусе, *посади* нас!

Стрекоза ринулась вниз и с ужасающей быстротой вновь пошла вверх, целя вертолету в брюхо. Тэггарт успел только поднять машину на дыбы, на хвостовой винт, и начать молиться.

В следующий миг они столкнулись. У экипажа захватило дух и перетряхнуло мозги. Страдальческий скрежет металла заглушил даже пронзительный вопль Ганнистона. Все, что не было привинчено к полу, — бортжурнал, карандаши, запасные шлемы, летные куртки — летучими мышами парило в воздухе. Армированное

стекло кабины пошло трещинами и стало похоже на лоскутное одеяло, но не разлетелось. Повинуясь чутью, Тэггарт опять бросил машину влево. Двигатель заикался и захлебывался, грозя заглохнуть. Не прерывая смертоносного пируэта, стрекоза по спирали унеслась вверх. С хвоста миниатюрными кометами срывались куски вертолетного железа.

На панели управления моргнула красная лампочка: неисправность шасси. Роудс понял, что полозья изуродованы или сорваны.

— Отхватила нам полозья! — прокричал Тэггарт, чувствуя, как паника сдавливает горло. — Подстригла, сволочь!

— Вот она! — Сидевший возле уцелевшего окна Ганнистон увидел стрекозу. — Пошел вверх! — завопил он.

Чувствуя, как лопасти винтов отзываются на движение рукояти, Тэггарт прижал ногой педаль управления задним винтом, и вертолет взвился вверх. Вновь выровняв машину, пилот налег на рукоять и стрелой помчался в пустыню, на восток от Инферно.

— Приближается! — предупредил Ганнистон, осмелившийся выглянуть в заднее смотровое окно. — Сидит у нас на хвосте, тварь!

Роудс увидел: загорелась лампочка, предупреждающая о нехватке горючего. Стрелка указателя воздушной скорости продвигалась к ста двадцати. Омытая фиолетовым светом пустыня проносилась почти в девяноста футах под ними, и на горизонте уже появилась восточная граница решетки. Ганнистон испустил сдавленный крик ужаса: появившись справа в двадцати или тридцати ярдах от вертолета, стрекоза поравнялась с ними. Треугольные крылья слились в сплошное пятно. Примерно на пять секунд стрекоза зависла на месте, потом метнулась вперед, быстро набрала высоту и исчезла в дымке под куполом решетки.

Покрытое сетью трещин стекло мешало Тэггарту видеть. Выполнив быстрый спиральный разворот, отчего Роудса с Ганнистоном вдавило в кресла, он снизился на двадцать футов и помчался обратно в сторону Инферно.

— Где она? Куда делась эта сволочь? — пробормотал он. — Полковник, вы ее видите?

— Нет. Ганни?

Ганнистон едва мог говорить. Он выдавил еле слышное «Нет, сэр».

Чтобы не истощить резерв горючего, Тэггарту пришлось сбавить ход, и стрелка указателя скорости задрожала у отметки «шестьдесят». Пилот сказал:

— Ворочаемся, как трактор! Небось, под брюхом у нас болтается черт знает что. А проклятая сука смылась, словно мы ни с места.

Через трещины в стенах кабины с пронзительным свистом входил воздух, рычаг управления поворачивался неохотно. Вертолет был на последнем издыхании.

— Надо садиться! — решил Тэггарт. — Придется садиться на брюхо, полковник!

Они опять приближались к Инферно.

— Сперва промахни город! — сказал Роудс. — Зайди с другой сто...

— *Господи!* — взвизгнул Тэггарт — сверху, можно сказать, прямо на них, падала стрекоза. Ему на миг показалось, что в многофасеточном стекле он видит свое перекошенное отражение — чужой, нездешний облик. Пилот положил вертолет на правый бок, пытаясь проскочить мимо, но тварь оказалась слишком близко. Ее хвост с размаху летел прямо на них. У Тэггарта перехватило дыхание.

Хвост проломил стекло, наполнив кабину тысячью кусачих шершней. Осколки исполосовали Роудсу лоб и щеки, но глаза полковник спас, успев загородиться руками. И увидел, что стало с Тэггартом.

Шипы, которыми заканчивался хвост, глубоко вонзились в грудь пилота. Голова, левая рука и почти вся верхняя часть торса Тэггарта исчезли в кровавом вихре среди проблесков металла и летящего стекла. Не останавливаясь, хвост стрекозы, будто консервный нож, прорезал спинку пилотского кресла. Ганнистон увидел, как сокращающиеся черные мышцы и шипастый шар со скоростью товарного поезда пронесли мимо него, разорвали бок вертолета и исчезли наружу. Он истерически расхохотался. Лицо его было залито кровью Тэггарта.

Закрутившись в небе, безнадежно покалеченный вертолет размашисто описал некое подобие круга. Роудс ошеломленно смотрел сквозь разбитое стекло, как перед ними вырастает северная стена банка.

Он не мог двигаться. Не мог думать. Повсюду была чья-то кровь. Кресло пилота занимал бесформенный куль, которому там вовсе нечего было делать, однако рычаг управления сжимала серая рука... она, несомненно, должна была кому-то принадлежать. Выла тревога. По всей приборной панели мигали красные лампочки. Крыши Инферно стремительно шли вверх, и у Роудса возникло жуткое ощущение, будто он сидит неподвижно, в то время как мир и ветер пришли в ужасающее движение. Над ними выросло здание банка. Сейчас разобьемся, спокойно подумал полковник. Тут он услышал смешок, и этот неуместный звук снова заставил шарики у него в голове закрутиться: через несколько секунд они расшибутся о здание банка.

Роудс потянулся к рычагу управления, но мертвые мышцы серой руки, которая стискивала его, уже окончили, и рычаг не двигался. Полковник моргнул, увидел перед своим креслом — креслом второго пилота — рукоять рычага правого поворота и схватился за нее. Винты не отреагировали. Управление сдохло, подумал Роудс. Нет, нет... переключатель переноса...

Потянувшись через труп Тэггарта, Роудс ткнул в шарнирный рычаг переброски управления, расположенный на приборном щитке.

Зажглись предупредительные лампочки. Роудс уже больше двух лет не летал на вертолете пилотом, но времени уточнять курс не было. Полковник притиснул ногой педаль, приводящую в действие задний винт, левой рукой отклонил рычаг управления, а правой сбросил скорость. Здание горой высылось перед ним, и в тот самый миг, когда вертолет в ответ на манипуляции Роудса начал крутой поворот, полковник понял, что места не хватит.

— Держись! — крикнул он Ганни.

Когда вертолет сворачивал в сторону, задний винт разбил одно из уцелевших окон второго этажа и разрубил письменный стол. Главные винты прошли по кирпичу, высекая фонтаны искр. Хвостовой винт врезался в стену. Маслопровод порвался, вспыхнуло масло. Полностью потерявший управление вертолет продолжал разворот, взбрыкивая, точно разъяренный мустанг.

Роудс увидел, что стрекоза, крепко прижав крылья к спине, бросилась на них, молотя шипастым хвостом. Он выкрутил рычаг до отказа. Вертолет страшно содрогнулся и завис.

Раздался такой звук, словно кто-то надрывно втянул в легкие воздух, и, прыгнув вперед, вертолет пролетел еще двадцать футов к земле.

Прожужжав у Роудса над головой, стрекоза ударилась в стену банка и разбилась, как насекомое о мухобойку. Она смялась с сырым мягким шлепком, на кирпичи полетели какие-то темные куски. Роудса поглотил вал янтарной жидкости, а потом вертолет, захлебываясь, вырвался из ливня инопланетной субстанции, и полковник увидел Кобре-роуд, которая неслась вверх, чтобы принять их в свои объятия.

Вертолет задел брюхом мостовую, подпрыгнул и снова упал на землю. Его протащило по Кобре-роуд, мимо Престон-парка (припаркованный у него на дороге коричневый пикап отнесло в сторону) и волокло еще футов шестьдесят. Мотор заглох, но винты крутились. Наконец вертолет остановился почти вплотную к зеркальной витрине «Выгодной покупки», где красными буквами значилось: «УЕХАЛ ЗА ТОВАРОМ».

— Ну... — услышал Роудс собственный голос — полковнику просто хотелось убедиться, что он жив. Больше он ничего не сумел придумать, поэтому повторил: «Ну...» Но тут, почуяв запах горящего масла и расслышав потрескивание пламени у хвостового винта, полковник понял, что, по всей вероятности, пробит бак и лучше сматываться подобра-поздорову. Он обернулся, чтобы убедиться, все ли в порядке с Ганнистоном. Забрызганный кровью и янтарным соком молодой человек смотрел широко раскрытыми глазами и больше уже не смеялся. Роудс сказал: «Пошли!» и отстегнул ремень безопасности. Ганни не реагировал, поэтому Роудс торопливо справился с его ремнем сам и изо всех сил толкнул капитана. «Пошли!»

Они выкарабкались из вертолета. Увидев бегущие к ним четыре фигурки, Роудс крикнул: «Не подходить!» Те повиновались, и Роудс с Ганнистоном пошатываясь пошли прочь от покореженной машины. Примерно через восемь секунд взорвался хвостовой отсек. В витрину «Выгодной покупки» влетел кусок металла размером с противень. Через три секунды после первого взрыва вертолет обьяло оранжевое пламя, и под купол решетки, к облакам, снова поднялся черный дым.

Ганнистон повалился на тротуар перед книжным магазином и свернулся дрожащим клубком. Роудс остался стоять, не сводя глаз с горящего вертолета. Смерть Тэггарта казалась нереальной, словно она настигла пилота слишком быстро для того, чтобы осознать случившееся. Полковник посмотрел на здание банка и разглядел медленно ползущую вниз по кирпичам блестящую стрекозиную слизь. Переключив внимание на черную пирамиду, он увидел, что разлом закрылся.

— Ах ты сука, — прошептал он... и подумал, что где-то внутри пирамиды какое-то существо (или существа), может быть, говорит на языке иного мира то же самое в его адрес.

— Я ее видел! — выпалил какой-то поджарый седой мужчина с золотым зубом прямо в лицо Роудсу. — Видел, как она тута летала, чес-слово!

Пухлая женщина в рабочем комбинезоне носком теннисной туфли ткнула Ганнистона в бок. «Помер, что ль?» — спросила она. Ганнистон вдруг сел, и женщина проворно отскочила.

К горящему вертолету начал стекаться народ. Роудс пригладил пятерней волосы — и вдруг оказалось, что он сидит, привалась спиной к грубому камню стены книжного магазина, хотя как у него подогнулись колени, полковник не помнил. Он весь пропах кровью Тэггарта; ее запах смешивался с другим, кислым, вернувшим Роудса в юность, на зеленые холмы Южной Дакоты. Полковнику представилось, будто он солнечным летним днем ловит кузнечиков. Он не забыл острый запах табачно-коричневой жижи, которую кузнечики оставляли на пальцах, — «кузнечикова кака», называл он ее. Теперь Роудс был покрыт ею с головы до ног. Эта мысль вызвала язвительную улыбку, которая очень быстро растаяла, стоило вспомнить разорванное на куски тело Тэггарта.

— Заклевала ее ваша птица, — глубокомысленно заметил какой-то плешивый старик, а из обугленной машины вырвался очередной стусок пламени.

— Черт, да отойдите же от них! Немедленно назад! — Через толпу зевак проталкивался Эд Вэнс, прибежавший с Селеста-стрит. Однако даже после такой короткой пробежки шериф стал красным как рак и тяжело отдувался. При виде окровавленных Роудса с Ганнистоном он остановился. «Мать честная!» Он взглядом отыскал пару мужчин покрепче.

— Хэнк и ты, Билли, идите-ка сюда! Поможете им добраться до больницы.

— Да мы целы, — выговорил Роудс. — Просто немного порезались, вот и все. — Он увидел посверкивающие на предплечьях микроскопические кусочки стекла и подумал, что ему предстоит долгий поединок с пинцетом. Подбородок и лоб Роудса украшали глубокие порезы. Тот, что на лбу, казался опасным, но пока было не до ран. — А вот нашему пилоту не повезло. — Полковник повернулся к Ганнистону. — Ты в порядке?

— Ага. Вроде бы. — То, что Ганни сидел не на переднем сиденье, защитило его от основной массы осколков, однако на кистях рук капитана было несколько порезов, а из плеча торчала двухдюймовая щепка. Ганни ухватил ее, выдернул и выкинул.

Роудс попытался встать, но ноги не слушались. Ему помог подняться мужчина помоложе, в красной клетчатой рубашке, и Роудс сказал:

— Староват я стал для таких развлечений.

— Ага. Я так с каждой минутой, мать ее за ногу, делаюсь все старше! — Вэнс, наблюдавший за воздушной дуэлью, был совершенно уверен, что вертолет или шлепнется на дома Инферно, или врежется в Первый техасский банк. Он взглянул на здание, увидел слизь в том месте, где летучее чудовище ударилось о стену, и вспомнил, как прикинувшееся Хитрюгой Кричем существо выглянуло в окно и сказало: *«Эта штука мне не нравится»*. — Послушайте, полковник, надо поговорить. Хорошо бы сейчас же.

Роудс осторожно разминал сведенные судорогой руки.

— Надеюсь, если я скажу, что с разговором придется погодить, вы меня поймете.

— Нет, сэр, — сказал Вэнс. — *Сейчас*.

Полковник заметил настойчивость в голосе шерифа.

— В чем дело?

— Думаю, лучше немного пройтись, — Вэнс жестом пригласил Роудса следовать за ним, и тот на негнувшихся ногах захромал по Кобре-роуд. Вертолет еще изрыгал черный дым и красные языки пламени, и Роудсу показалось, будто он чувствует запах горящего трупа Джима Тэггарта. Когда они оказались там, где никто не мог их услышать, Вэнс сказал: — По-моему, у меня был этот... близкий контакт. Около двадцати минут назад я встретился с кем-то похожим на Хитрюгу Крича... только черта с два это был Хитрюга.

Роудс выслушал историю, не перебивая, и наконец очнулся от потрясения, которое упорно возвращало его мысли к серой руке и искромсанному телу. Живые были важнее, и если засевшая в черной пирамиде тварь сумела прокопать под рекой тоннель к домам Инферно, она могла объявляться везде, где ей вздумается. Чем бы она ни была, здешний кусок техасской пустоши она только что превратила в поле битвы.

— Что, черт возьми, нам *делать*? — спросил Вэнс, закончив рассказ.

— Убежать точно нельзя, — спокойно отозвался Роудс. — Некуда. — Он вспомнил слова Дифин «*я же-лать поки-дать*» и то, в какое неистовство она пришла, когда поняла, что здесь нет межзвездных средств сообщения. Она умоляла, чтобы ее увезли отсюда, а он не послушался. Должно быть, она знала, что за ней гонится другой звездолет. Но почему? И кем — или *чем* — было то существо, которое Дифин назвала Кусакой?

Роудс потрогал подбородок и поглядел на окровавленные пальцы. Его бежевая трикотажная футболка превратилась в мозаику кровавых пятен. Почти вся кровь была Тэггарта. Полковник чувствовал себя нормально — разве что оставалась легкая дурнота. Неважно. Отдых и швы — потом. Надо идти. Он сказал:

— Проводите меня в дом Крича.

ГВОЗДИ В КРЫШКУ ГРОБА

В Инферно, разбуженном крушением вертолета, воцарилась тишина. Те, кто бродил по улицам, судача о пирамиде и гадая, не настал ли Судный день, разошлись по домам, заперли окна и двери и оставались там, в лиловатом полумраке. Иные отправились под защиту стен баптистской церкви, где на алтаре горели свечи и Хэйл Дженнингс с несколькими добровольцами раздавали в их свете сэндвичи и холодный кофе. «Отщепенцы» потянулись в свою крепость в конце Трэвис-стрит. Бобби Клэй Клеммонс пустил по кругу косяк, но почти всем хотелось просто посидеть, поболтать, прихлебывая пиво, и высказать мыслишку-другую насчет того, откуда взялась пирамида и что она тут делает. Сью Маллинэкс и Сесил Торсби в «Клейме» готовили сэндвичи с холодным мясом для тех своих завсегдатаев, которые забредали в кафе, страшась оставаться один на один с темнотой.

В больнице Том Хэммонд твердой рукой держал фонарь над операционным столом, а Эрли Макнил и Джесси трудились над искромсанной рукой мексиканца по фамилии Руис, который, шатаясь, пришел с другого берега реки через несколько минут после приземления пирамиды. Рука свисала на красных мышечных волокнах, и Эрли понимал, что ее придется отнять. Он процедил сквозь хирургическую маску: «Ну-с, господа, поглядим, есть ли у меня еще порох в пороховницах», и потянулся за костной пилой.

Пожарные за рекой сдались. Руины мастерских и складов на автодворе Кейда все тлели, в хаотических нагромождениях обломков раскрывало алые глаза пламя. Мэк Кейд ругался на чем свет стоит, обещая поотрывать пожарным головы и подвесить их к связке ключей вместо брелоков, но шланги без напора воды превратились в дряблосе полотно, а подходить к пирамиде ближе, чем это было необходимо, никому не хотелось. Пожарные собрали снаряжение и оставили Кейда

под неистовый лай доберманов бесноваться в бессильной ярости подле своего мерседеса.

Дым пропитал воздух, залег в низине у Змеиной реки и серым туманом повис на улицах, заслонив луну и звезды. Но время шло, и стрелки наручных и электрических часов подползали к полуночи.

Внимание миссис Сантос, которая по указанию доктора Макни-ла покинула клинику, чтобы найти доноров-добровольцев, привлек большой желтый «кадиллак», припаркованный в самом конце Селеста-стрит, откуда открывался вид на реку. Седая женщина за рулем зачарованно смотрела на пирамиду. Миссис Сантос знала, чья это машина. Она подошла, постучала в стекло. Селеста Престон опустила окно, наружу поплыл прохладный кондиционированный воздух.

— Больнице нужна кровь, — сухо сообщила миссис Сантос — Доктор Макнил не велел мне возвращаться без шести добровольцев. Не поможете?

Селеста ответила не сразу. Пирамида, воздвигшаяся на автодворе Кейда, небесная решетка и тварь, у нее глазах разбившаяся о стену банка, совершенно ошеломили ее. Расставшись с Вэнсом, она поехала было домой, но что-то заставило ее сбавить скорость, свернуть направо, на Серкл-Бэк-роуд, и проехать мимо жалких останков мечты Уинта. Старина Уинт, небось, уже ворочается в гробу на Юкковом Холме, подумала она. Мало того, что Инферно околел, поскуливая, как сдыхают сотни других изживших себя техасских городишек. Нет, Господу понадобилось для верности еще разок стукнуть по гвоздям в крышке гроба. Или, может быть, это было делом рук Сатаны. В воздухе и в самом деле пахло пеклом.

— Что? — непонимающе переспросила она медсестру.

— Нам действительно очень нужна кровь. У вас какая?

— Красная, — ответила Селеста. — Черт побери, почему я знаю?

— Сгодится. Не пожертвуете нам пинту?

Селеста хмыкнула. В глаза отчасти вернулся стальной блеск.

— Пинту, кварту, галлон... какого лешего? Мне сдается, сейчас у меня кровь жиже некуда.

— Она достаточно густая, — сказала миссис Сантос и подо-ждала.

— Ладно, — наконец решила Селеста. — Полагаю, на данный момент ничего лучше не придумаешь. — Она открыла дверцу и вышла. Все равно последние пятнадцать или двадцать минут она бесцельно просиживала и без того бугристое сиденье «кадиллака» и отсидела всю задницу. — Больно будет?

— Просто укол. Потом вы отдохнете и получите порцию мороже-ного. — «Если оно не растаяло в холодильнике», — подумала она. — Скажете миссис Мердок, что вы хотите сдать кровь. Она будет на

первом посту. — Миссис Сантос дивилась сама себе — она, жительница Окраины, отдавала распоряжения Селесте Престон. — То есть... если вам не трудно.

— Да ради Бога. — Селеста еще на секунду задержала взгляд на пирамиде и пошла в больницу. Миссис Сантос двинулась дальше, в противоположную сторону.

Через улицу от баптистской церкви, где молилась группа горожан во главе с преподобным Дженнингсом, в доме Сержанта Деннисона, возле стула, на котором развалился Сержант, стояла Дифин.

Занятно, размышляла Дифин. Это существо четырехзубцовый вилок потребляло из круглого металлического вместилища безвкусную субстанцию под названием «свинина-с-бобами», и вдруг из глубин его кресла раздался взрывной звук. Оно откинуло голову назад и закрыло глаза. «Отдохну пару минут, — сказала оно ей. — Я уж не тот, что прежде. А тебе составит компанию Бегун, договорились?» И очень скоро изо рта существа понесся тихий рокот, словно где-то внутри работал высокопроизводительный агрегат. Дифин приблизилась к человеку и заглянула в приоткрытый рот, но сумела разглядеть лишь странные костные приспособления, так называемые «зубы». Еще одна тайна.

Дифин чувствовала тяжесть в желудке. На столе лежало пустое вместилище из-под «свинины-с-бобами», вскрытое для нее Сержантом, а рядом — орудие, которым Дифин воспользовалась, чтобы съесть содержимое вместилища. Процесс поглощения пищи в этом мире требовал непрестанных усилий сохранять равновесие, остроты зрения и силы воли. Ее изумляло, как люди могут вводить в свой организм такую жирную, слизистую пищу. Возле стула Сержанта лежал длинный желтый конверт из прочного гладкого материала. На конверте стояло загадочное слово «Фритос». Сержант поделился с Дифин хрустящими съедобными завитками, и она нашла их самое меньшее приятными. Однако теперь у нее пересохло во рту. Создавалось впечатление, что в здешнем мире всегда присутствует определенный дискомфорт. Возможно, как ни странно, он и был главным стимулятором развития местного вида.

— Я соби-раться про-бовать находить теперь вы-ход, — сказала она существу «Сержант». — Благо-дарить вас за съе-доб-ное.

Сержант пошевелился, сонно открыл глаза, увидел Стиви Хэммонд и улыбнулся.

— Туалет там, — сказал он и устроился на стуле как следует вздремнуть.

Чужой язык был сплошной загадкой. Существо «Сержант» опять зарокотало, и Дифин шагнула за порог, в теплую тьму.

В воздухе висела мгла, сгустившаяся за то короткое время, какое прошло с тех пор, как Дифин вышла из дома и увидела вихрем

мчащиеся по небу два летательных аппарата. Она наблюдала за их поединком, не вполне понимая, что происходит, но рассудив, что зрелище не из рядовых. С улицы за битвой следили человеки. Некоторые издавали высокие визгливые звуки, которые Дифин истолковала как сигналы тревоги. Потом, когда битва окончилась и уцелевшая машина, хвост которой пожирало пламя, упала, у Дифин осталась единственная мысль: «Кусака».

Сержант отнесся к Дифин по-доброму и понравился ей. Однако теперь ее призывала необходимость отыскать выход. Она окинула взглядом небо, тщательно осматривая лиловую сеть, поймавшую ее вместе с человеками в огромную общую клетку. Она знала, откуда взялась эта решетка и что питало ее. Внутри у Дифин что-то сжалось, словно что-то в ней оказалось на грани слома, а мышца-насос в самой середке заработала быстрее. «Безнадежно! — подумала она, изучая небесную решетку, протянувшуюся от горизонта до горизонта. — Выхода нет! Безнадежно!»

В крепко прильнувшей к улице мгле Дифин заметила слабое мерцание. Пестрые манящие огоньки. Если свет — то, что несет надежду, подумала Дифин, вот он. Она двинулась в сторону inferнской баптистской церкви, где за цветными стеклами витражей теплились свечи.

Двери оказались открыты. Прячась за створкой, Дифин осторожно заглянула внутрь.

Большую коробку освещали маленькие белые палочки с огненными верхушками. Напротив Дифин стояли две металлические конструкции, каждая — с шестью палочками, увенчанными огоньками. Пользуясь примитивной земной арифметикой, Дифин насчитала на длинных скамьях с низкими спинками сорок шесть человек, сидевших лицом к возвышению. Некоторые не шевелились, склонив головы и сложив ладони. На возвышении стоял человек с блестящей головой. Он, кажется, разливал какую-то жидкость из большого вместилища в малые, расставленные на металлическом подносе.

Над возвышением находилось нечто любопытное: там висела вертикаль, пересеченная более короткой горизонталью. По центру вертикали располагалась фигура человека с раскинутыми руками. Его голову охватывали сплетенные в кольцо растения, а лицо было поднято к потолку. Нарисованные глаза, казалось, о чем-то умоляли, пристально глядя куда-то далеко за пределы коробки. Дифин услышала, как один из человек издал болезненный звук (кажется, это называется «всхлип», подумала она). Висящая фигура указывала на то, что здесь, возможно, было место для пыток, однако чувства тут присутствовали смешанные: боль и грусть, да, но и что-то другое. Дифин была не вполне уверена, что именно. Возможно, надежда, которую она полагала утерянной. Здесь ощущалась сила, подобная устремленному в одном направлении мно-

жесту сознания. Коробка казалась крепкой, надежной, сулила безопасность. Храм, внезапно поняла Дифин, наблюдая за мужчиной на возвышении: тот наполнял вместилища темно-красной жидкостью. Но что за фигура была подвешена к центру пересечения двух линий и с какой целью?

Дифин вошла в здание и уселась на ближайшую скамью. Ни Хэйл Дженнингс, ни мэр Бретт, сидевший с женой Дорис на первом ряду, этого не заметили.

— Се кровь Христова, — затянул нараспев его преподобие, закончив разливать освященный виноградный сок. — С кровью Его мы одно и заново рождаемся. — Он открыл коробку с соленой соломкой и начал разламывать ее на кусочки. На поднос посыпались крошки. — Се тело Христово, вознесенное из сей юдоли в царство милосердия ради жизни вечной. — Он повернулся к пастве. — Вкусите же Святого Причастия Помолимся!

Все склонили головы, а человек на возвышении закрыл глаза и тихо, то повышая, то понижая голос, заговорил:

— Отец наш, просим Тебя — благослови сие Причастие и укрепи дух наш в годину испытаний. Мы не ведаем, что принесет завтрашний день, нас терзает страх, мы растеряны. Нам не постичь, что творится с нашим городом и с нами самими...

Пока моление продолжалось, Дифин внимательно прислушивалась к голосу человека, сравнивая его с голосами Тома, Джесси, Рэя, Роудса и Сержанта. Поразительно — каждый голос уникален, поняла она. Да и правильное произношение сильно отличалось от ее запинаящейся речи. То, что поначалу Дифин сочла грубым площадным языком, совершенно варварским, состоящим из внешне негибких, неподатливых оборотов, теперь изумляло своей красочностью. Разумеется, язык хорош настолько, насколько он выразителен. Дифин все еще с трудом понимала чужую речь, но ее звук пленял. И наводил легкую грусть: в человеческом голосе слышалось что-то неописуемо одинокое, подобное зову, летящему из тьмы во тьму. «Каким бесконечным разнообразием интонаций владеют человеки!» — подумала она. Уже одно то, что каждый голос на этой планете был уникален, являлось чудом творения и порождало в Дифин полный разброд чувств.

— ...оохрани нас, возлюбленный Отец наш, и пребудь с нами, и дай нам знак, как исполнить волю Твою. Аминь, — закончил Дженнингс. Он взял в одну руку поднос с пластмассовыми стаканчиками с соком, в другую — ломаное печенье и пошел по рядам, предлагая Святое Причастие. И мэр Бретт, и его жена причастились. Дон Рингволд, владелец «Аптеки Рингволда», вместе с женой и двумя детьми последовал их примеру. Как и Ида Слэттери, и Локриджи, Гил и Мэвис. Преподобный Дженнингс двигался по проходу, раздавая Причастие и тихо приговаривая: «Сим приемлешь ты кровь и тело Христово».

Сидевшая перед Дифин женщина расплакалась, и муж обнял ее за плечи, притянув поближе к себе. Рядом с ними сидели два мальчугана, большеглазые и испуганные, один неотрывно смотрел через спинку скамьи на Дифин. Какая-то старуха по другую сторону прохода закрыла глаза и протянула трясущуюся руку к фигуре над возвышением.

— Сим приемлешь ты кровь и... — Осекшись, потрясенный Дженнингс уставился в пыльное личико дочурки Тома и Джесси. «Вот инопланетное существо, которое искал полковник Роудс». — ...и тело Христово, — договорил он и предложил виноградный сок и печенье тем, кто сидел на скамье перед Дифин. Потом остановился возле нее и тихо сказал: — Привет.

— Привет, — ответила она, копируя его сладкий голос.

Дженнингс нагнулся, хрустнув коленями.

— Тебя ищет полковник Роудс. — В золотистом свете свечей казалось, будто глаза девчушки, устремленные на него в напряженной сосредоточенности, светятся. — Ты знаешь об этом?

— Я по-до-зре-вать... — она умолкла. Ей захотелось начать сначала, высказаться более гладко, связно, по-человечески, а не запинаясь, выговаривая слова по Вебстеру. — Подозревала, — сказала Дифин.

Дженнингс кивнул. Сердце у него забилося чуть быстрее. Сидевшая перед ним девчушка очень походила на Стиви Хэммонд. Вот только ее поза... Девочка держалась чрезвычайно напряженно, словно испытывала неудобство от того, как соединялись ее кости, подобрав под себя правую ногу. Руки вяло свисали вдоль тела. Голос тоже очень напоминал голос Стиви, однако в нем слышался шелест тростника, словно в горле у девочки была спрятана свирель.

— Можно, я отведу тебя к нему? — спросил он.

Ее лицо на миг выразило испуг, словно под белой коркой льда промелькнула темная вода, потом опять застыло.

— Я должна найти выход, — сказала она.

— Ты имеешь в виду дверь?

— Дверь. Побег. Выход. Да.

Выход, подумал Дженнингс. Должно быть, она говорит о силовом поле.

— Может быть, полковник Роудс сумеет тебе помочь.

— Не су-меть. — Она помедлила и попробовала еще раз: — Он не может помочь мне найти выход. Если я не сумею уйти, будет много вреда.

— Вреда? Кто же пострадает?

— Джесси. Том. Рэй. Ты. Все.

— Понятно, — сказал Дженнингс, хотя ничего не понимал. — И кто же нам навредит?

— Тот, кто явился сюда за мной. — Дифин смотрела спокойно. «Какие старые глаза», — подумал Дженнингс: перед ним сидела

древняя старуха, забравшаяся в тело маленькой девочки. — Кусака, — объяснила Дифин, выплюнув слово так, будто это было что-то чудовишно отвратительное.

— Ты про ту штуку? Так ее зовут?

— При-бли-зи-тель-но, — ответила Дифин, сражаясь с неподатливым мясистым обручком во рту. — У Кусяки в каждом мире другое имя. Много миров, много имен.

Его преподобие задумался. Если бы кто-нибудь когда-нибудь сказал ему, что ему доведется беседовать с инопланетянкой и первым узнать о существовании жизни во «многих мирах», он или угостил бы этого кретина хорошим ударом правой, или вызвал бы скорую психиатрическую помощь.

— Я хотел бы отвести тебя к полковнику Роудсу. Не возражаешь?

— Он не может мне помочь.

— А если может? Он хочет помочь тебе, как и все мы. — Похоже, она задумалась. — Давай я отведу тебя к...

— *Вот она!* — крикнул кто-то, и преподобный Дженнингс от испуга выронил поднос с виноградным соком и ломаным печеньем. Посреди прохода стоял вскочивший со скамьи мэр Бретт. Маячившая за спиной у мэра жена подстрекала его к активным действиям. Бретт тыкал пальцем в Дифин и вопил: — Эй, смотрите все, вот она! Тварь из космоса!

Чета, сидевшая на скамье впереди Дифин, отпрянула. Один из мальчуганов перепрыгнул через скамью, чтобы убежать, но второй, тот, что наблюдал за ней, лишь усмехнулся. Люди начали подниматься с мест, чтобы как следует рассмотреть ее. Никто больше не молился.

Дженнингс поднялся.

— Успокойся, Джон. Не шуми!

— Ага, держи карман шире! Вот она! Вот оно чудовище! — Бретт попятился и наткнулся на Дорис. Рот у него потрясенно округлился. — Боже ты мой! *В церкви!*

— Вовсе незачем поднимать панику, — проговорил Дженнингс, стараясь сохранять спокойствие. — Отнеситесь к этому проще, вот и все.

— Она втравила нас в эту передрагу! — взвыл Бретт. Его остроликая жена закивала в знак согласия. — Полковник Роудс сказал, что эта тварь залезла в Стиви Хэммонд. Вот она — нате, расселась! Одному Богу известно, чего от нее ждать!

Скользя взглядом по лицам, Дифин читала на них ужас. Она встала, и женщина впереди нее, схватив своего ухмыляющегося отпрыска, шарахнулась прочь.

— Выкиньте ее отсюда! — не унимался мэр. — У нее нет никакого права быть в обители Господа!

— Заткнись, Джон! — потребовал Дженнингс. Люди уже спешили к дверям, чтобы как можно скорее выбраться из церкви. — Я как раз

собираюсь отвести ее к полковнику Роудсу. А теперь почему бы тебе не сесть и не прикусить я...

Пол затрясся. Дифин увидела, как зашатались светоносные палочки. Один из металлических держателей упал, и горящие палочки раскатились по малиновому ковру.

— Что это? — закричал Дон Рингволд. Совиные глаза за стеклами очков в металлической оправе стали огромными.

Раздался громкий треск. Бетон ломается, подумал Дженнингс и почувствовал, как содрогнулся пол. Энни Гибсон завизжала и вместе с мужем, Перри, кинулась бежать, волоча за собой сыновей. По другую сторону прохода, воздев обе руки к распятию, что-то бормотала старая миссис Эверетт. Дженнингс посмотрел на Дифин и увидел: вновь прокравшийся в ее глаза страх исчез, уступив место раскаленному, как зев домны, гневу — его преподобие никогда еще не видел подобной ярости. Дифин вцепилась в спинку передней скамьи, и он услышал:

— Это Кусака.

Пол в проходе вздулся, как готовый прорваться волдырь. Бретт, шатаясь, попятился и основательно заехал жене локтем по челюсти. Не удержавшись на ногах, Дорис распростерлась на полу — и не встала. На другом краю убежища кто-то завизжал. Камни со скрежетом напозлали один на другой, дерево стонало и скрипело, скамьи качались, словно на штормовых волнах. Дженнингса не покидало ощущение, что из-под пола церкви к поверхности движется что-то массивное и оно вот-вот прорвется наружу. Вверх по стенам взбежали трещины, распятие сорвалось и в клубящемся облаке каменной пыли с грохотом рухнуло на алтарь.

Левая стена церкви обрушилась, скамьи разъехали. Пыльный вихрь задул последние свечи. Люди с пронзительными воплями устремились к дверям, и Дифин крикнула: «Уходите! Уходите!» На глазах у Дженнингса пол лопнул, разорвался и в проходе открылась расщелина с рваными краями. Пол вздыбился, дрогнул, начал обваливаться внутрь. С земли поднялась волна пыли. Дженнингса чуть не сбила с ног визжащая Ида Слэттери, пулей пролетевшая мимо. Он увидел, что Дорис Бретт провалилась под пол, а мэр обезьяной карабкается по пляшущим скамьям, чтобы добраться до двери.

Гил Локридж свалился в разлом. Через секунду пол разверзся под ногами у его жены, Мэвис. Старший сынишка Рингволдов сорвался в провал и повис, уцепившись за край и отчаянно крича. Дон потянулся за ним. «Хвала Всевышнему!» — обезумев, кричала миссис Эверетт.

Пол ходил ходуном. С громким треском раскалывались скамьи. По стенам змеились трещины. Церковь сотряслась до основания, и вниз с грохотом посыпались тяжелые обломки потолочных балок. Витражи разлетелись вдребезги.

Свечи подожгли покров на алтаре. В неверном свете пламени, глодавшего ткань, рвавшиеся выбраться за порог или из окон люди отбрасывали диковинные, нелепые тени. Дженнингс подхватил Дифин на руки, прижал к себе (как прижал бы любого ребенка) и почувствовал, как бешено колотится ее сердце. Пол позади миссис Эверетт провалился; она сорвалась вниз и повисла, уцепившись за обломанный край скамьи. Ноги старухи покачивались над тьмой, и Дженнингс схватил ее за руку, чтобы вытащить обратно.

Но не успел. Миссис Эверетт так резко ушла в дыру, что ему чуть не оторвало руку. Он услышал, как захлебнулся ее пронзительный крик, и подумал: что-то утянуло ее вниз.

— *Nem! Nem!* — кричала пылающая ужасом и яростью Дифин, вырываясь из тисков человеческих рук. Она понимала, что она виновница происходящего, истошные крики гибнущих человек наполняли ее мукой и страданием. — *Перестань!* — вскрикнула она, хотя знала, что существо под полом не услышит и жалость ему неведома.

Дженнингс повернулся и двинулся к двери.

Он сделал два широких шага... а потом пол перед ним разверзся.

Вместе с Дифин, обнимавшей его за шею, священник полетел вниз, обеими руками нашаривая, за что бы уцепиться. Ему попался обломок скамьи, в ладони вонзились щепки. Ноги преподобного Дженнингса искали опору и не находили ее. Вниз с грохотом пролетело стропило — так близко, что Дженнингс ощутил дуновение потревоженного воздуха. Не обоняние, не осязание — чутье подсказывало ему: внизу под ними что-то волнообразно движется. Что-то огромное. А потом он и впрямь *почувствовал*, как лодыжки плотно охватило что-то холодное, клейкое, сырое. Еще секунда, и его уволочут вниз, как миссис Эверетт. Он так рванулся вверх вместе с Дифин, что мышцы на плечах и спине чуть не полопались, а неведомая сила, тянувшая его за лодыжки вниз, едва не разорвала его пополам. Неистово брыкаясь, Дженнингс освободил одну ногу, потом вторую и встал коленями на обваливающийся пол. В следующую секунду он уже бежал к выходу. В тот миг, когда просела крыша, Дженнингс стрелой вылетел за порог и рухнул на бурый газон. Основной удар пришелся на правый бок. Выпустив Дифин, Дженнингс откатился в сторону, чтобы не раздавить ее. Пока он, оглушенный, задыхающийся, лежал на спине, стены церкви пошли трещинами, а крыша начала кусками обваливаться внутрь. Над прорехами за клубилась пыль, словно отлетало последнее дыхание умирающего. Шпиль провалился внутрь, осталось только разломанное каменное кольцо. Стены еще раз сотрясла дрожь, деревянные балки вскрикнули, будто раненые ангелы, и, наконец, звуки разрушения затихли вдали.

Преподобный Дженнингс медленно сел. Глаза чесались от запорошившего их песка, легкие отцеживали воздух из вихрящейся пыли. Он посмотрел в сторону и увидел: разбросав ноги, как тряпичная кукла, и подергиваясь всем телом, будто каждый ее нерв вышел из строя, Дифин пыталась сесть.

Она поняла, как близко был охотник. Может быть, учуяв скопление живых существ, он нанес удар, чтобы показать свою силу. По мнению самой Дифин, вряд ли тварь знала, что там же находится и ее жертва... но как же близко она подобралась! Для некоторых человеков — *слишком* близко. Дифин огляделась, быстро пересчитывая виднеющиеся сквозь пыль силуэты, и насчитала тридцать девять человеков. Кусака забрал семерых. Мышечный узелок в глубине занятого Дифин тела отчаянно трепыхался, лицо, казалось, вспухло от давления. Семь живых существ погибли из-за того, что она нечаянно нагрянула в маленький мир, откуда нет выхода. Ловушка захлопнулась, всякая беготня стала бесполезной...

— Это твоя работа! — Кто-то вцепился Дифин в плечо и рывком поднял ее на ноги. И в голосе, и в прикосновении сквозило бешенство. Рука этого человека яростно затрясла Дифин, у которой все еще подкашивались ноги. — Твоя работа, ты... сучка межпланетная!

— Джон! — сказал Дженнингс. — Отпустите ее!

Бретт встряхнул Дифин еще сильнее. Девчонка казалась резиновой, и ее вялость еще больше разожгла его злобу. — *Тварь проклятая!* — взвизгнул он. — Чего ты не уберешься туда, откуда явилась!

— Прекратите! — Преподобный Дженнингс начал подниматься с земли, но вниз от плеча спину прострелила боль. Он неподвижно уставился на свои ноги: ботинок не было, аргилловые носки облепила серая слизь.

— Ты не здешняя, чужая! — крикнул Бретт и грубо толкнул Дифин. Та споткнулась, попятилась, окончательно потеряла равновесие, и гравитация притянула ее к земле. — О Господи... Иисусе... — простонал Бретт. Его лицо было желтым от пыли. Он огляделся и увидел тех, кому удалось выбраться: Дона Рингволда с женой Джилл и двумя сыновьями, Иду Слэттери, Стэна и Кармен Фрэйзеров, Джо Пирса, семью Фэнчеров, Клеммонсов — Ли с Вондой — и других. — Дорис... где моя жена? — Бретт снова впал в панику. — *Дорис! Лавушка, где ты?*

Ответа он не получил.

Дифин встала. Она чувствовала, что внутри у нее все отбито, во рту было кисло от омерзительного вкуса свинины-с-бобами. Терзаемый страданием человек повернулся и неверным шагом двинулся к разрушенному культовому дому. «Остановите его!» — сказала Дифин так властно, что Эл Фэнчер подчинился и схватил Бретта за руку.

— Дорис больше нет, Джон, — Дженнингс снова попытался встать и опять напрасно. Ноги были ледяными и одеревенели, будто их по шиколотку накачали новокаином. — Я видел, как она упала вниз.

— Нет! — Бретт вырвался. — С ней все в порядке! Я найду ее! Я ее найду!

— Ее забрал Кусака, — сказала Дифин, и Бретт отпрянул, как от удара. Она поняла, что этот человек утратил любимую, и ее снова пронзила боль. — Простите. — Дифин протянула к мэру руку.

Бретт нагнулся и подобрал камень.

— Это твоя работа! Ты убила Дорис! — Он шагнул вперед, и Дифин догадалась о его намерениях. — Надо и *тебя* кому-нибудь шлепнуть! — прошипел Бретт. — Мне плевать, что ты прячешься в теле девчонки! Клянусь Богом, я сам тебя убью!

Он швырнул в нее камнем, но Дифин оказалась гораздо проворнее. Она увернулась, отскочив в сторону. Камень пролетел мимо и ударился о мостовую.

— Прошу вас, — сказала она, протягивая к мэру раскрытые ладони и отступая к мостовой. — Пожалуйста, не надо...

Пальцы Бретта сжали следующий камень.

— Нет! — крикнул Дженнингс, но Бретт бросил. Камень ударил Дифин в плечо. Слезы боли застлали ей глаза, она перестала видеть, перестала понимать, что происходит. Бретт заорал: «Будь ты проклята!» — и пошел на нее.

Запутавшись в собственных ногах, Дифин чуть не упала, но сумела выпрямиться и сохранить равновесие. Потом, приведя мышцы и кости в сложное движение под названием «бег», она двинулась прочь от человека. Каждый скачок причинял такую боль, что ее передергивало, и все-таки страдание не остановило Дифин.

— Подожди! — окликнул ее Дженнингс, но она исчезла за завесой дыма и пыли.

Бретт сделал несколько шагов вдогонку, однако он был измучен до предела и ноги отказывались ему повиноваться. Стиснув кулаки, он прокричал вслед Дифин: «Будь ты проклята!», постоял немного, а потом снова повернулся к развалинам церкви и прерывающимся от всхлипов голосом принялся звать Дорис.

Дон Рингволд с Джо Пирсом помогли Дженнингсу подняться. Ноги казались священнику бесполезными отростками из плоти и костей, словно то, что прикоснулось к ним, высосало из них всю кровь и разрушило нервы. Чтобы не упасть снова, ему пришлось опереться на Дона и Джо.

— С церковью все ясно, — вздохнул Дон. — Куда теперь?

Дженнингс покачал головой. То неизвестное, что взломало пол церкви, без труда могло пробиться сквозь пол любого дома в Инферно — даже сквозь мостовую. Он ощутил в ногах покалывание:

оживали нервы. Заметив в тумане свет, Дженнингс сообразил, что это за огни.

— Туда, — он махнул в сторону общежития на Трэвис-стрит. Дженнингс надеялся, что этот дом с надежно закрытыми окнами первого этажа и скалой взамен фундамента окажется для Кусаки орешком покрепче.

Из близлежащих домов потянулся расстроенный шумом и криками народ. Люди провожали взглядами Дженнингса, опиравшегося на Ринговолда с Пирсом, и уцелевшую паству, которые брели по улице к единственному зданию, где еще горело электричество.

Через несколько минут мэр Бретт вытер нос рукавом, повернулся спиной к развалинам и пошел следом за остальными.

ВНИЗУ

— Фонарь, — велел полковник, и Вэнс подал ему фонарик.

Став коленями на растрескавшийся бетонный пол, Роудс нагнулся и посветил в дыру. Там обнаружился провал около десяти футов глубиной. Рыжая земля поблескивала, словно по ней проползла огромная улитка.

— Он сидел в качалке там, наверху, — в третий раз повторил Вэнс, показывая вверх, на пролом в полу гостиной. — То есть, оно... что хотите со мной делайте, а это был не Хитрюга. — Шериф говорил шепотом. В животе у него было горячо, а шея покрылась гусиной кожей. Но луч фонарика свидетельствовал, что в подвале у Крича никого нет, если не считать небольшой зеленой ящерицы, притаившейся над стиральной машиной. — Оно *английский* знало, — сказал Вэнс. — И говорило, как местные. Откуда, черт возьми, оно узнало, как мы тут говорим?

Роудс посветил вокруг и увидел сломанную трубу, скользкую от каких-то студенистых выделений. Из дыры, обжигая ноздри, плыл горьковато-сладкий запах химикалий, отчасти напоминавший запах груш, гниющих на жарком летнем солнце. Полковник сказал:

— У меня есть две теории. Хотите послушать?

— Валяйте.

— Первое: это существо перехватывало информацию земных спутников и расшифровало наш язык. Но это не объясняет его техасского выговора. Второе: оно каким-то образом забралось в речевой центр вашего Хитрюги.

— А?

— Оно могло залезть в речевой центр мозга, — объяснил Роудс. — Где хранится индивидуальный словарный запас. Тогда оно переняло бы и говор.

— Господи! Вы хотите сказать, эта тварь забралась к Хитрюге в *мозги*? Как какой-нибудь червяк? — Вэнс покрепче сжал заряженный дробовик. Они с Роудсом заходили в участок за фонариком, и теперь

под мышкой у Вэнса висел в кобуре «снабноуз» тридцать восьмого калибра, с полной обоймой. Рядом с Роудсом на бетоне лежала автоматическая винтовка из мини-арсенала шерифа.

— Не исключено. Каким именно образом — я не знаю. Оно могло считать хранящуюся в речевом центре информацию, как компьютер читает программу. — Полковник посветил фонариком в другую сторону и опять увидел поблескивающую рыжую землю, а дальше — темноту. — Чем бы ни была эта тварь, она обладает высокоразвитым интеллектом и действует *быстро*. И еще в одном я совершенно уверен: это — существо совсем иного рода, чем Дифин.

— Почему вы знаете? — Шериф испуганно вздрогнул. Окаянная ящерица опять принялась шнырять по подвалу.

— Дифин пришлось учить наш язык с азов, с алфавита, — пояснил Роудс. — Второе существо — то, которое Дифин называет Кусаккой, — использует куда более агрессивный процесс. — «Мягко говоря», — подумал он. — Думаю, оно убило Хитрюгу Крича или где-то его держит. А вы видели имитацию — симитировала же та летучая гадина наш вертолет.

— Имитацию? Это вроде мутанта, что ли?

— Вроде... э-э... дубликата, — объяснил Роудс. — Вернее, это андроиды: мне кажется, тот странный вертолет был отчасти живой. Вероятно, существо, которое видели вы, тоже было наполовину живое, наполовину механическое. Я уже сказал, что не знаю, *как* это делается, но, с моей точки зрения, особенно интересно вот что: если Кусака действительно создал дубликат Хитрюги Крича, с ногтями и зубами он облажался.

— А. Да. Верно, — согласился Вэнс, припомнив, что рассказывал Роудсу про металлические иглы и вороненые зазубренные ногти.

— Вероятно, есть и другие различия, внутренние. Помните, для этого существа инопланетяне — *мы*. Если бы кто-нибудь показал вам сборочный чертеж существа, которое вы никогда прежде не видели, и предоставил сырье, из которого его нужно было бы создать, сомневаюсь, что конечный результат сильно походил бы на образец.

— Может, и так, — протянул Вэнс, — но мне сдается, сукин сын просто выдумал удачный способ отправлять нас на тот свет.

— Да, и это тоже. — Еще один оборот светового луча, и полковник понял, что следует делать. — Мне надо спуститься туда.

— Черта с два! У вас, мистер, похоже, винтики проржавели!

— На этот счет спорить не стану.

Роудс посетил по сторонам и остановил луч фонаря на свернутом кольцами поливальном шланге, который свисал со вбитого в стену крюка.

— Сойдет вместо веревки.

Свет фонарика обнаружил на стене неподалеку водопроводную трубу.

— Помогите-ка закрепить вот здесь.

Когда шланг привязали к трубе, как следует затянув узел, Роудс сбросил его свободный конец в дыру и подергал, чтобы убедиться, выдержит ли шланг. Потом, унимая колотящееся сердце, постоял на краю дыры. Фонарик он перебросил Вэнсу:

— Сбросьте вместе с винтовкой, когда я спущусь.

И ощутил, как мужество покидает его. Нос полковника все еще чувял запах крови Тэггарта, а сам он с ног до головы был в запекшейся крови и коричневых потеках «кузнечиковой каки».

— Я бы не полез, — рассудительно заметил Вэнс. — Было б из-за чего гробиться. Не стоит того.

Роудс хмыкнул. Он расценивал происходящее как подлинное бедствие, но Вэнс явно придерживался иного мнения. Но их было только двое. Гениталии полковника зачесались. Надо было спускаться, пока мужество не оставило его.

— Оп-ля, — сказал он и перекинул ноги за край дыры. Труба зловеще скрипнула, но не оторвалась от стены. Роудс полез вниз, во тьму, и через несколько секунд его ботинки с хлопаньем коснулись дна. — Нормалек! — Отразившись от стен, голос вернулся к полковнику двойным эхом. — Давайте фонарь!

Вэнс неохотно подчинился. Роудс поймал фонарик в скользкие от пота ладони и быстро описал лучом круг. Рыжую землю покрывала бледно-серая пленка липкой слизи около дюйма толщиной. Еще довольно свежая слизь ручейками сползала по стенам. Справа от Роудса в земле был пробуровлен тоннель, уходивший за пределы досягаемости луча. Когда полковник сообразил, каких габаритов должно быть существо, прорывшее этот тоннель, во рту у него пересохло. Высота тоннеля составляла почти шесть футов, ширина — четыре-пять.

— Винтовку, — приказал он и поймал сброшенное ему ружье.

— Чего-нибудь видать?

— Да. Передо мной тоннель. Я пошел.

— Господи Боже! — еле слышно охнул Вэнс. Без фонарика он чувствовал себя беззащитным, как броненосец, с которого содрали панцирь. Но полковнику фонарь был нужнее. — Если там чего зашевелится, валийте назад, а я вас вытяну!

— Заметано. — Роудс помедлил и в ярком свете фонарика взглянул на часы. Без восемнадцати двенадцать. Скоро полночь. Колдовской час, подумал Роудс. Пригнувшись всего на несколько дюймов, он шагнул в тоннель. Второй шаг тоже стоил ему усилий, но полковник с фонариком в левой руке, уперев в плечо приклад, упрямо шел в темноту, готовый в любую секунду спустить курок.

Как только стало темно, Вэнс услышал, как ящерица зашуршала в своем углу, и чуть не намочил штаны.

Полковник шаг за шагом медленно удалялся по подземному тоннелю от дома Крича. Углубившись примерно на десять футов, он остановился, чтобы исследовать вещество, покрывавшее пол, стены и

потолок. Он нерешительно коснулся его и отдернул руку — субстанция оказалась скользкой и теплой, как свежие сопли. Какая-то природная смазка, решил Роудс. Возможно, инопланетный эквивалент слюны или слизи. Неплохо было бы прихватить образец, но тащить *это* с собой обратно было выше его сил. К тому же эта мерзость и так загадила полковнику все ботинки. Он двинулся дальше. Тоннель изгибался длинной дугой, сворачивая направо. Со стен медленно капало, земля была кроваво-красной. У полковника возникло странное ощущение, будто он все глубже заходит в гигантскую ноздрю. Он был готов в любой момент увидеть влажные волоски и кровеносные сосуды.

Примерно тридцать футов тоннель шел прямо, потом мало-помалу изогнулся влево. Роудс гадал: что, Кусака — такой же гибрид машины с живым организмом, каким была стрекоза? Или словом «Кусака» Дифин определяет не одно существо, а целое их скопление?

Он остановился. Прислушался. Длинная нить слизи, сорвавшаяся с потолка, облепила ему плечи.

Издалека доносился рокот. Пол тоннеля слегка вибрировал. Через несколько секунд стало тихо, потом опять загромыхало, будто где-то за стенами ехал поезд метро. Или подземный бульдозер, угрюмо подумал полковник. В животе закопошился страх. Шум доносился как будто бы откуда-то слева. Возможно, копали новый тоннель, или по уже вырытому ходу двигалось какое-то громадное существо. Куда? Зачем? Если Кусака принялся рыть такие тоннели под всем городом, то он или расходовал огромные количества энергии впустую, или же готовился к главному удару. Узнать, каковы намерения и возможности Кусяки, можно было лишь после того, как Дифин объяснит, зачем Кусака гонится за ней. И прежде всего следовало найти саму Дифин, чтобы предупредить Кусаку.

Шум то ли рытья тоннеля, то ли движения по нему опять затих. Сказать, далеко ли тянется тоннель, было невозможно — вероятно, он вел за реку, к черной пирамиде, — но Роудс уже услышал и увидел достаточно. Он чувствовал, как слизистые выделения, склеившие ему волосы, медленно стекают за воротник. Было самое время убираться к чертовой матери.

Он двинулся в обратный путь, пронзая тьму лучом фонарика.

Фонарь вдруг что-то высветил: в дальнем конце тоннеля что-то заскочило в луч света и метнулось прочь.

Роудс прирос к месту и затаил дыхание.

Было тихо, слышался только стук редких капель.

Там что-то есть, подумал полковник. Оно следит за мной. Я чувствую. Сукин сын там, куда не достает свет. Выжидает.

Полковник не мог двинуться с места — он боялся, что, если пересилит сковавший тело ужас и побежит, затаившееся в конце тоннеля существо схватит его раньше, чем он преодолеет шестьдесят футов, отделяющие его от того места, где ждет Вэнс.

По-прежнему тишина.

А потом голос. Старушечий голос распевал: «И-исус младе-е-е-е-енцев лю-убит, всех младе-е-е-е-енцев на земле-е-е-е...»

— Кто тут? — позвал Роудс дрожащим голосом и подумал: «Очень умно! Как будто оно ответит!»

В пении звучала странная жестяная нота.

Звуки, плывшие мимо Роудса, напомнили ему полузабытую песню из тех, что разучивают в воскресных школах под резкий металлический голос проигрывателя. Через несколько секунд пение оборвалось на середине фразы, и в тоннеле снова воцарилась тишина.

Луч фонарика задрожал. Полковник наставил винтовку в глубь тоннеля.

— Хвала Господу! — выкрикивал старушечий голос. — Слава!

— Выходите на свет, — велел Роудс. — Дайте взглянуть на себя.

— Фу-фу-фу! Вот уж я тебе задам, гадкий мальчишка!

Ему пришло в голову, что это действительно может оказаться старуха, которая свалилась сюда и впотьмах рехнулась.

— Я полковник военно-воздушных сил США Мэтт Роудс! — крикнул он. — Кто вы?

Долгое молчание. Роудс чувствовал: у самой границы света кто-то стоит.

— Господь не любит гадких, испорченных мальчишек, — ответил старушечий голос. — И врунишек не любит. Кто хранитель?

Тот самый вопрос, который, по словам Вэнса, задавало существо, принявшее обличье Хитрюги Крича. Теперь полковник точно знал, что никакой сумасшедшей старухи в темноте нет.

— Какой хранитель? — спросил Роудс.

— Господь врунишек давит, как мух! — прокричал голос. — Ты знаешь, какой хранитель! Кто он?

— Не знаю, — отозвался Роудс, начиная пятиться. Под ногами хлюпала слизь.

— Полковник? — голос Вэнса эхом отразился от стен тоннеля у него за спиной. — Все в порядке?

— Все в порядке? — передразнил жуткий голос. — Камо грядеши, полковник военно-воздушных сил США Мэтт Роудс? Возлюби ближнего своего, как самого себя. Убери этот чертов цилиндр, — он жжется — и давай повеселимся!

Фонарик, сообразил Роудс. Оно боится фонарика.

— Гадкий, испорченный мальчишка! Вот я тебе задам по первое число! — Можно было подумать, что разоржется чья-то выжившая из ума бабка, которую держат на мефетамине.

Роудс, прибавив шагу, продолжал отступать. Существо молчало. Полковнику хотелось только одного — выбраться из тоннеля, но повернуться спиной и побежать он не смел. Свет не дает твари подойти... может быть, это связано с длиной волн электрического

света, соображал Роудс. Если глаза инопланетянина впервые подверглись воздействию электричества, то...

Он остановился. Почему тварь перестала насмехаться над ним? Где она, черт побери? Он оглянулся, быстро посветил себе за спину. Ничего. Глаз полковника вдруг обожгло — туда затекла бисеринка пота.

В следующий миг в земле разверзлась трещина, Роудс резко обернулся и увидел взметнувшуюся фонтаном землю и пробившиеся из-под нее худые руки с металлическими ногтями. Существо по-тараканьи шустро выкарабкалось наверх: рыжие от тexasской земли волосы, изорванное в клочья платье в цветочек, скользкое, лоснящееся старушечье лицо. Роудс ткнул фонариком прямо в мертвые, выпученные глаза, и во рту у твари синевато блеснули иглы зубов.

— *Гадкий мальчишка!* — взвизгнула она, вскидывая одну руку к лицу, а другой злобно замахиваясь на Роудса.

Полковник попятился и выстрелил. Отдача чуть не сбила его с ног. Пуля разорвала серую щеку. Он выстрелил еще раз, промахнулся, и тварь в обличье старухи пошла в наступление, по-прежнему загораживая глаза рукой и мотая головой не то от ярости, не то от боли.

Другая ее рука сомкнулась на левом запястье Роудса. Под кожу, рассекая ее, вошли два металлических ногтя. «Если выроню фонарик, мне крышка», — понял полковник и услышал собственный крик: в руке противника таилась такая страшная сокрушительная сила, что ему показалось, будто запястье вот-вот сломается.

Вдавлив дуло винтовки в стиб локтя врага, Роудс спустил курок. Потом еще раз. И еще. Ему удалось вырваться. Из пасти твари понесся такой рев, словно из треснувшей паровой трубы ринулся на свободу воздух.

Тварь вдруг резко обернулась. Загораживая глаза, жалко горбясь, она стремглав бросилась прочь. Отбежав от Роудса, она кинулась наземь и спешно принялась закапываться, орудуя руками и ногами. В Роудса полетел сырой грунт. Примерно за пять секунд тварь наполовину спряталась в землю.

Для Роудса это оказалось чересчур. Нервы полковника не выдержали, и он бросился наутек.

Вэнс слышал и крики старухи, и звуки выстрелов, и визг, от которого по спине у шерифа побежали мурашки. Он понял, что кто-то бежит в его сторону, чавкая башмаками по дряни, залившей тоннель, а потом внизу глухо раскатился голос Роудса: «*Гашу!*» Из дыры вылетела винтовка, однако фонарик Роудс оставил при себе.

Вэнс потащил шланг на себя. Роудс карабкался наверх так, словно на пятки ему наступали черти. Одолев последние три фута, он ухватился за обломанный бетон, подтянулся, перевалился через край дыры и на четвереньках неуклюже кинулся прочь, выронив зажатый под мышкой фонарик. Тот покатился по полу.

— Что стряслось? Силы небесные, что стряслось? — Вэнс нагнулся, подобрал фонарик и посветил полковнику в лицо. Шериф увидел меловую маску, где вместо глаз красовались две выжженных сигаретой дыры с серой каемкой.

— Я в порядке. В порядке. Я в порядке, — обливаясь потом, твердил Роудс. На самом деле ему было холодно и сыро, и он понимал, что стоит хоть разок хихикнуть — и здравствуй, психушка. — Свет. Оно не любит света. Ой как не любит! Я его загасил. Пристрелил, вот этими самыми руками!

— Выстрелы я слышал. Во что вы там пали... — Шериф осекся и замолчал. В свете фонарика он разглядел такое, что почувствовал: сейчас его вывернет.

Роудс поднял левую руку. С запястья, крепко стискивая его пальцами и вонзив под кожу два металлических ногтя, свисала оторванная у локтя серая рука. Там, где полагалось быть суставу, из разорванных тканей сочилась тягучая бледно-серая жидкость.

— Пристрелил! — сказал Роудс. На губах промелькнула страшная ухмылка. — Пристрелил!

КАРТИНЫ РАЗРУШЕНИЯ

В комнате, выходившей окнами на фасад дома, Рик Хурадо не сводил глаз с видневшейся за треснутым стеклом тлеющей автомобильной свалки. Горели свечи. Тихонько плакала Палома.

Ей вторила соседка, миссис Гарраконе. Рядом, обняв мать за плечи, чтобы успокоить, стоял ее сын, Джои. В комнате был и Зарра с накрученным на руку кнутом. Миранда сидела на диване подле бабушки и держала Палому за руку.

Отец Ортега ждал ответа на только что поставленный вопрос. Около двадцати минут назад к нему пришла миссис Гарраконе. Она вернулась из больницы, где в тревоге долго ждала известий о своем муже Леоне. Но Леона Гарраконе, рабочего одной из мастерских Кейда, не нашли.

— Я знаю, что он жив, — повторяла миссис Гарраконе, обращаясь к Рику. — Знаю. Выбрался же оттуда живым Джон Гомес, а ведь он работал бок о бок с моим Леоном. Он сказал, что выполз наружу и услышал, как зовут на помощь те, кто остался в мастерской. Я знаю, мой Леон еще там. Может быть, его придавило. Может, у него переломаны ноги. Но он жив. Я знаю!

Рик взглянул на отца Ортегу и понял — они убеждены в одном: шансов найти Леона Гарраконе в развалинах автосвала живым очень и очень мало. Но Доминго Ортега жил на Четвертой улице в двух домах от Гарраконе и всегда считал Леона своим добрым другом. Когда миссис Гарраконе с Джои пришли к нему, умоляя помочь, ему пришлось сказать «да». Он попробовал отыскать еще добровольцев, но никто не хотел идти на автосвал, где торчал космический агрегат и священник не винил их.

— Ты не обязан идти с нами, — сказал он Рику. — Но Леон был... Леон мой друг. Мы пойдем туда и попытаемся найти его.

— Не делай этого, Рик, — взмолилась Палома. — Прошу тебя, не надо.

— Помоги нам, мужик, — сказал Джои Гарраконе. — Мы же братья, верно?

— Довольно уже смертей! — Палома неуверенно попыталась встать, но Миранда удержала ее. — Просто чудо, что кто-то выбрался оттуда живым! Пожалуйста, не просите моего мальчика идти с вами!

Рик посмотрел на Миранду. Та покачала головой, соглашаясь с Паломой. Парень разрывался между благоразумием и долгом предводителя «Гремучек». Закон команды гласил: если брат нуждается в помощи, ее оказывают. Рик набрал полную грудь дымного воздуха. Город пропах оплавленным металлом и горящими крышами.

— Миссис Гарраконе, — сказал он, — пойдете в церковь, прихватите моих? Неохота бросать их одних.

— Нет! — На этот раз Палома все-таки встала. — Нет, ради Бога, нет!

— Я хочу, чтобы ты пошла с миссис Гарраконе, — спокойно сказал Рик. — Ничего мне не сделается.

— Нет! Умоляю тебя! — Голос Паломы пресекался, и по морщинистым щекам опять потекли слезы.

Рик прошел по неровному полу и обнял бабушку за плечи.

— Послушай-ка. Если б ты верила, что я еще там, живой... неужто ты не захотела бы, чтобы кто-нибудь слазил за мной?

— Это могут сделать другие! Не ты!

— Я должен идти. Ты же понимаешь. Ты сама учила меня не отворачиваться от друзей.

— А еще я учила тебя не быть дураком! — ответила старуха, но по тону бабушки Рик понял, что она нехотя смирилась с его решением. «Позаботься о ней», — сказал он Миранде и отпустил бабушку. Палома поймала его руку, крепко сжала и отыскала незрячими глазами лицо внука. — Будь осторожен. Обещай.

— Обещаю, — ответил Рик, и Палома отпустила его. Он повернулся к отцу Ортеге. — Ладно. Пошли.

Миссис Гарраконе с Паломой и Мирандой ушли. Они отправились на Первую улицу, в католическую церковь. Отец Ортега, вооружившись фонариком, повел Рика, Зарру и Джои Гарраконе по задымленной Второй улице в противоположную сторону, туда, где за поваленной оградой автодвора плясали языки пламени.

На краю двора они остановились, обозревая разор: разбросанные куски автомобилей громоздились горами железного лома, над погребальными кострами, в которых горели крыши, колыхался густой черный дым, а то, что несколько часов назад было деревянными и кирпичными строениями, сровнялось с землей или лежало в развалинах.

Над всем этим нависала черная пирамида, основанием ушедшая в землю.

— Я б на вашем месте туда не полез, — предостерег кто-то. На капоте своего мерседеса с тонкой черной сигарой в зубах сидел Мэк Кейд. Он разглядывал развалины, как низложенный император. У его ног припал к земле Сыпняк. Столбняк сидел на заднем сиденье. Кейд по-прежнему был в панаме. Загорелое лицо, винно-красная рубаша и зеленоватые брюки были измазаны сажей. — Там нет ничего, за чем стоило бы лезть.

— Там мой отец! — твердо ответил Джои. — Мы собираемся его вытащить!

— Как же, как же. — Кейд выпустил струю дыма. — Пацан, там остался только пепел да кости.

— Заткни хайло, козел!

Сыпняк поднялся и угрюмо зарычал, но Кейд поставил на спину собаке ногу в башмаке.

— Я правду говорю, пацан. Там еще остались невзорвавшиеся бочонки с краской и маслом. Понял, чего я жду? Хотите пропасть ни за грош — валяйте, скатертью дорожка.

— Ты знаешь, где работал Леон Гарраконе, — сказал Ортега. — Почему бы тебе раз в жизни не сделать что-то стоящее и не помочь нам его найти?

— Гарраконе, Гарраконе... — Кейд на минуту задумался, пытаясь соотнести фамилию с конкретным человеком. Для него все рабочие были на одно лицо. — А, да! Гарраконе всегда скандалил из-за прибавки к жалованью. Он работал на ремонте моторов. А вот что от ихней мастерской осталось. — Кейд куда-то ткнул пальцем, и примерно в пятидесяти ярдах от края двора они разглядели в дыму груды битого кирпича.

— Джон Гомес выбрался оттуда, — бесстрашно сказал Ортега. — Порезанный, обожженный, но живой. Может быть, Леон все еще...

— Конечно. Мечтать не вредно, *падре*. Вам-то что за дело до Гарраконе, черт побери? — Кейд вынул сигару изо рта и щелчком стряхнул пепел. Золотые цепочки у него на шее зазвенели.

— Леон мой друг. Впрочем, полагаю, тебе этого не понять.

— Спасибо, все нужные друзья у меня имеются. — Дома Кейд держал целый штат служащих (пять мексиканцев), постоянную любовницу — накачанную кокаином малолетнюю танцовщицу из Сан-Антонио — и толстопузую кухарку Люсинду, но его настоящие друзья никогда не разлучались с ним. Собаки никогда не судили хозяина, не давили на него, и биополе у них было хорошее. Они всегда были готовы порвать глотку его врагам и подчинялись, не задавая вопросов: для Кейда это и означало настоящую дружбу. — Хурадо, ты-то поумнее. Объясни ты им, что они спятили.

— Нам надо посмотреть самим.

— Да уж насмотритесь, не сомневайтесь! Ты что, мужик, проглядел ту летучую сволочь? В этой паскуде сидит что-то *живое*! — Кейд

махнул в сторону пирамиды. — Только суньтесь, оно и вам даст просраться!

— Пошли, — поторопил Ортега. — От этого кровопийцы помощи ждать нечего.

— Моя мамуля дураков не рожала! — парировал Кейд, когда, осторожно ступая по искореженным железным щитам изгороди и перебираясь через опасные кольца проволоочной гармошки, они полезли во двор. — Я скажу Ною Туилли, где искать ваши трушники!

Но они больше не обращали на него внимания, пробираясь в глубь двора между грудями бритвенно-острого железа и дымящихся обломков. Очень скоро из машины Кейда понесся рев и грохот: это магнитофон надрывался голосом Элиса Купера, да так, что хоть святых выноси.

На песке в беспорядке валялись детали машин и двигателей, обугленные доски, кирпичи и прочий хлам. Зарра отстал, чтобы осмотреть искореженную подвеску чего-то, похожего на «порше», перевернутого ударной волной. Отец Ортега заметил неподалеку окровавленную мужскую рубашку, но не стал привлекать к ней общее внимание. Над землей висел непотревоженный ветром темный дым, поднимавшийся от тлеющих шин. Из недр нагромождений металлического лома пробивалось свирепое красное сияние. Рик помедлил, глядя на столб света, который описывал над вершиной пирамиды круг за завораживающим кругом, и заставил себя пойти дальше.

Однако парнишка не мог избавиться от ощущения, что за ними наблюдают. Чуть такие вещи Рик выучился по необходимости, защищаясь в школе от Щепов, которые могли подкрасться сзади и ударом по почкам сбить с ног. По спине бежали мурашки. Рик то и дело оглядывался, но никакого движения в дыму не было. Он решил, что за ними не просто следят: ощущение было такое, будто его разнимают на части, измеряют, анатомируют, точно лягушку на уроке биологии. «Страшновато», — пробурчал Зарра, шагавший справа от Рика, и Рик понял, что Зарра, должно быть, испытывает такое же чувство.

Они пересекли двор и подошли к груде кирпичей и железных балок, на которую им показал Кейд. Неподалеку виднелся похожий на экстравагантную скульптуру холм из вжатых друг в дружку легковушек и грузовиков. Джои Гарраконе опустился на колени и принялся расшвыривать кирпичи, выкликая отца.

— Вы с Заррой начинайте с другой стороны, — сказал Ортега. Ребята обошли рухнувшее здание — и возле смятого небесно-голубого «корвета» наткнулись на обгорелый труп с проломленной головой. В провале рта поблескивали зубы. Рыжеватый блондин — белый, не отец Джои. Их настиг тяжелый, тошнотно-сладкий запах. Зарра судорожно ахнул: «Щас зафонтанирую, мужик!».

развернулся и, сгибаясь пополам, отбежал на несколько ярдов. Рик стиснул зубы, прошел мимо мертвеца, остановился и подождал, чтобы головокружение и дурнота прошли. К счастью, его отпустило. Можно было приступать к работе. Вернулся позеленевший Зарра.

Они стали обыскивать развалины мастерской и расчистили несколько кирпичных завалов. Примерно через десять минут упорных трудов Ортега нашел еще одного мертвеца — Карлоса Эрмосу, отца Рубена. По тому, как было скрючено тело, Ортега понял: позвоночник и шея наверняка сломаны. Потный и пыльный Джои мельком взглянул на труп и молча вернулся к работе. Сотворив крестное знамение, Ортега снова принялся отбрасывать кирпичи в сторону.

Работа была тяжелой. Рику казалось, что мастерская (передняя стена около сорока футов длиной, плоская крыша) целиком обвалилась внутрь. Он пошевелил обломок трубы, и вниз посыпались битые кирпичи, а с ними — обугленная кроссовка. Сперва Рику почудилось, что это нога, но кроссовка оказалась пустой. Ее хозяина то ли похоронило под обломками, то ли выбило из ботинок ударной волной.

Рик добрался до металлической балки и с помощью Зарры сдвинул ее, чуть не вывихнув себе спину. Когда балка уже лежала в стороне, Зарра посмотрел на Рика и бесстрастно спросил:

— Слышишь?

— Что слышу?

— Послушай!

Рик прислушался, но услышал только рев магнитофона Кейда.

— Ладно. Я тоже уже не слышу. — Зарра углубился в развалины, отыскивая источник услышанного им шума. Он нагнулся, откинул еще несколько кирпичей и каменных обломков. — Во! Слышишь, мужик? Вон там!

— Ничего я не слышу.

Рик подошел к Зарре и подождал. Прошло несколько секунд... а потом из глубины развалин к ним донесся глухой, неясный, но размеренный стук металла по металлу, и Рик понял: кто-то подает сигналы.

— Эй! Святой отец! — крикнул он. — Здесь!

Прибежали насквозь пропылившиеся Ортега с Джои. Зарра подобрал кусок трубы, несколько раз ударил им по кирпичу, и все слышали ответный стук снизу. Ортега встал на колени, светя фонариком в щели между кирпичами в поисках пустот. Зарра продолжал сигналить, и ответом ему был лязг.

— Это Доминго Ортега! — крикнул священник. — Вы меня слышите?

Они подождали, но ответа не получили. «Помогите», — сказал Ортега и вместе с мальчиками принялся лихорадочно прокапываться

вниз сквозь трех- или четырехфутовую толщу обломков. В считанные минуты руки спасателей оказались ободраны до мяса. Из израненных ладоней Рика сочилась кровь.

— Тихо! — Ортега нагнулся, прислушиваясь. Опять залязгало железо — кто-то стучал по трубе. — Эй, внизу, вы меня слышите? — гаркнул Ортега.

Послышался слабый сиплый крик:

— Да! О Господи, да! Вытащите нас отсюда!

— Кто вы? Сколько с вами людей?

— Нас трое! Я Грег Фрэкнер! А еще тут внизу Уилл Барнетт и Леон Гарраконе!

— Папа! — завопил Джои. По щекам паренька покатились слезы. — Папа, это я, Джои!

— Мы внизу, в рабочей яме, а сверху на нас навалено полно всякого дерьма, — продолжал Фрэкнер, — хотя ваш свет я вижу!

— Вы ранены?

— Наверное, сломана рука. Да и ребра не сказать чтобы были в порядке. Уилл харкает кровью, а Леон опять сомлел. Думаю, что у него перебиты ноги. Что за леший на нас свалился, мужик? Бомба?

Ортега уклонился от ответа.

— Двигаться можете?

— Немного, только тут больно уж тесно. Правда, дышится ничего себе, нормально.

— Хорошо. — Ортеге было ясно, что без подмоги рабочих не освободить. — Ну, вы там поспокойнее. Нам придется сходить за кирками и лопатами.

— Само собой, падре! Слушайте... можете оставить фонарь там, где мне будет его видно? Мне все время кажется, что я слышу, будто тут внизу что-то роет землю. *Под* нами. А я боюсь крыс. Ладно?

— Ладно, — сказал Ортега и втиснул фонарик в щель между кирпичами так, чтобы луч светил вниз, в пустоту. — Мы вернемся! — пообещал он, схватил Джои за плечи и заставил встать.

В лиловом сиянии, под неподвижными черными облаками они двинулись обратно, и у Рика опять возникло неприятное ощущение, что за ними следят. Он обернулся к пирамиде.

Примерно в двадцати футах от них стоял какой-то мужчина. Высокий, поджарый, широкоплечий. Он слегка сутулился, руки свободно висели вдоль тела. О лице этого человека Рик мог сказать только, что оно казалось влажным. Мужчина был в перепачканных землей темных брюках и полосатой рубашке с коротким рукавом. Он стоял, наклонив голову на бок, и наблюдал за ними. «Святой отец», — сказал Рик. Явственно расслышав в голосе Рика испуг, Ортега остановился. Он оглянулся — и тут все они заметили неподвижного как изваяние сутулого мужчину.

Первым делом Ортега подумал, что это — один из рабочих Кейда, который только что выкарабкался из развалин, и шагнул вперед.

— С вами все в порядке?

— Кто хранитель? — растягивая слова, невнятно спросил мужчина. В его голосе звучал свист пара, бьющего из чайника.

Священник споткнулся. Он почти не видел лица этого мужчины — только гладко зачесанные седые волосы и влажно поблескивающий лоб — но подумал, что узнает голос. Только обычно этот голос справлялся: *«Чего изволите, падре?»* Гил Локридж, понял Ортега. Гил с женой Мэвис вот уже десять лет держали обувной магазин.

«Но Гил не такой высокий, — подумал Ортега. — И в плечах поуже... и не сутулится, как этот. Но... голос-то Ги́ла. А?»

— Я задал тебе вопрос, — сказал мужчина. — Кто хранитель?

— Хранитель? — Ортега тряхнул головой. — Хранитель чего?

Мужчина неторопливо набрал полную грудь воздуха и медленно, шумно выдохнул. Рик вспомнил, как трещал щитомордник, когда он протянул руку к коробке за «Клыком Иисуса».

— Не люблю, когда со мной... — мужчина запнулся, словно подыскивая верное выражение. — ...шутят. Совсем не люблю. — Он сделал два больших шага вперед, и Ортега попятился. Мужчина остановился, и тут Ортега разглядел, что по его впалым щекам стекает какая-то густая слизь. Ввалившиеся глаза Ги́ла были черные, страшные. — Я знаю, тот, кого я ищу, здесь. Я знаю, хранитель здесь. Может быть, это ты. — Взгляд на мгновение задержался на Зарре. — Или ты. — Метнулся к Рiku. — Или ты? — Взгляд вернулся к отцу Ортеге.

— Послушайте... Ги́л... как вы выбрались оттуда? То есть... я не понимаю, что вы...

— Тот, кого я ищу, — преступник, ведущий подрывную деятельность, — продолжал мужчина. — Враг коллективного разума. Не знаю, как поступают с преступниками на этой, — он оглянулся, волнообразно изогнув шею, и презрительно выговорил: — *планете*, но уверен, что понятия «закон» и «порядок» вам доступны. Я намерен отдать это существо в руки правосудия.

— Какое существо? — Ортегу осенило: говорил же полковник Роудс про Стиви Хэммонд, — и он необдуманно спросил: — Ту девочку?

— Девчущку, — повторил голос. Глаза остро заблестели. — Объясни.

Ортега стоял совершенно неподвижно, но внутри у него все сжималось. Он проклинал свой длинный язык. На влажном, мертвенно-бледном лице «Ги́ла», стоявшего перед ним, было страшное хищное выражение. Это не был Гил Локридж, это была глумливая подделка под человека.

— Объясни, — приказал монстр и быстро шагнул вперед.

— Бегите! — крикнул Ортега окаменевшим от потрясения мальчиком. — Пошли вон отсюда! — закричал он, попятился и заметил на земле возле своей левой ноги отрезок трубы. Священник подхватил его и угрожающе занес над головой. Тварь наступала, не оставляя ему выбора. Паника придала Ортеге сил, и он швырнул обломок трубы в лицо Гилу Локриджу.

Труба ударила по влажной физиономии с таким звуком, словно молотком разбили арбуз. Правая щека лопнула от глаза до угла рта, из раны закапала серая жидкость. Лицо оставалось бесстрастным, восковые черты не искажила даже гримаса боли. Однако рот искривила едва заметная улыбка, блеснули иглы зубов. Дребезжащий голос, в котором звучала довольная нотка, сказал:

— Я вижу, ты говоришь на *моем* языке.

Послышался треск раздираемой ткани, хрупкого материала, словно в считанные секунды ломались и заново срастались сотни косточек. Джои Гарраконе с криком бросился бежать, но Рик с Заррой, скованные ужасом, не двинулись с места. Сутулая спина монстра набухла, выгибалась дугой, взгляд был прикован к Ортеге. Ортега застонал и попятился на трясущихся ногах.

Рубашка на мнимом Локридже расплзлась, и чуть ниже поясницы вздулась опухоль. Прорвав бледную искусственную кожу, показалась плотная черная чешуя, схожая с той, что покрывала пирамиду. От копчика развернулся пятифутовый суставчатый хвост, мокрый, в три раза толще кнута Зарры. Хвост с костяным пощелкиванием поднялся. Он заканчивался усаженным шипами утолщением с футбольный мяч величиной.

— Нет, — услышал Рик свой хриплый голос, и ухмыляющееся растерзанное лицо мгновенно повернулось к нему.

Отец Ортега бросился наутек. Он пробежал всего два шага, а потом чудовище прыгнуло ему вдогонку. Неясно мелькнул усаженный шипами хвост; он хлестнул вперед, угодил священнику в висок и снес полголовы, взметнув фонтан осколков кости и мозга. Ортега (на месте лица у него теперь алела дыра) рухнул на колени и медленно, грациозно ткнулся головой в песок.

Монстр круто развернулся и пригнулся к земле, готовый напасть. Хвост с приставшими к шипам кровавыми лохмотьями ходил из стороны в сторону.

Зарра придушенно взвизгнул, попятился, споткнулся о груды обломков и с размаху сел на землю. Он хватал ртом воздух, не в силах подняться. Тварь шагнула к нему.

Рик увидел разбросанные повсюду части машин. Рассуждать, бежать или нет, было некогда: Зарра вот-вот неминуемо должен был оказаться в пределах досягаемости шипастого хвоста. Рик подхватил с земли покореженный колпак и кинул монстру в голову. Тот лениво махнул хвостом и отбил железяку в сторону.

Теперь Рик безраздельно завладел вниманием чудовища. Монстр пошел на него. Рик проворно подобрал с песка автомобильную дверцу и выставил ее перед собой, как щит. «Беги! — крикнул он Зарре, который торопливо пополз на четвереньках прочь. — Сваливай!»

Хвост устремился к Рiku. Мальчик попытался отскочить, но чудовище высекло сноп искр из его импровизированного щита. Удар швырнул Рика спиной на землю. Сверху оказалась измятая дверца, которую мальчик так и не выпустил из рук. В ушах звенело. Рик с трудом начал подниматься. Монстр прыгнул, припал к земле и нанес еще один удар хвостом.

На этот раз дверца вырвалась у мальчика из рук и отлетела в сторону. Рик метнулся прочь и помчался к некрашеному корпусу «ягуара»-седана, валявшемуся шестью футами дальше возле груды ржавого металла. Когда он нырнул в машину, у которой не было ни окон, ни дверец, за самой его спиной послышался рассыпчатый костяной звук: чудовище взмахнуло хвостом. Рик едва успел втянуть в машину ноги. Шар-кистень врезался «ягуару» в бок, отчего остов автомобиля содрогнулся и скорбно загудел, точно похоронный колокол. Рик выкарабкался через дверцу в другом боку машины и бросился бежать.

Зарра куда-то подевался; куда — Рик не знал. Не знал он и того, куда бежит: к выходу или в глубь автодвора. Его поглотил стлавшийся над землей слоистый темный дым. В сумраке мелькали веселые, яркие оранжевые и алые языки пламени. Повсюду груды были навалены части автомобильных корпусов, шасси, застыли в ожидании превращения ряды «БМВ», «мерседесов», «корветов» и прочих роскошных тачек. Угодив в этот лабиринт со стальными стенами, Рик растерялся. Куда бежать? Он оглянулся. Своего преследователя он не увидел, но это не означало, что чудовище отстало или отступилось от него. Парнишка побежал дальше. Лёгкие с трудом отцеживали воздух от дыма. В следующий миг Рик обнаружил, что путь ему преградил крутой вал из обрезков железа. Он повернул обратно и пробежал мимо руин здания, где, распростершись среди кирпичей, лежал мертвец в синей рубашке.

Перед штабелем расплюснутых автомобильных корпусов Рик остановился, тяжело дыша и пытаясь сориентироваться. Ему никогда еще не приходилось бывать здесь. Глаза щипало от дыма, голова отказывалась соображать. То, что случилось с отцом Ортегой, казалось сном, видением, наваянным крепким косяком. Рика затрясло. Тело отказывалось повиноваться ему. Нужно было бежать дальше, но мальчик боялся того, что могло поджидать в дыму снаружи. Рик сунул руку в карман за «Клык Иисуса».

Но не успел он нащупать нож, как что-то темное упало сверху и петель затянулось у него на шее.

Он понял, что это, поскольку расслышал костяное пощелкивание гибко соединенных сегментов хвоста. Чудовище было над ним, сидело на расплющенной машине. Сердце Рика забилося с переборами, он почувствовал, как мертвеет лицо, от которого отхлынула кровь. Потом мальчика, едва не задушив, оторвали от земли; он забарахтался в воздухе, потом чья-то рука вцепилась ему в волосы.

— Девчушка, — проговорил страшный шипящий голос. Пасть существа была возле самого уха Рика. — Объясни.

— Я не... не... знаю. Клянусь... — Ноги Рика болтались примерно в шести дюймах от земли. Он ничего не знал ни про хранителя, ни про девчушку и чувствовал, что шарики у него в голове начинают дымиться и заезжать за ролики.

Хвост затянулся ту же. Рик плотно зажмурился.

Прошло, может быть, пять секунд. Рiku они показались вечно-стью, которую ему не суждено было забыть. Потом голос сказал:

— У меня есть информация для некоего Эда Вэнса. Передай ему: я хочу встретиться с ним. Он знает где.

Щелк, щелк, щелк. Хвост ослабил хватку, скользнул прочь, и Рик упал на колени.

Некоторое время он не мог ни двигаться, ни думать, ни звать на помощь — съжившись в комок, он ждал, что шипы проломают ему голову. Постепенно до него дошло: тварь даровала ему жизнь. Парнишка пополз прочь, все еще ожидая, что в любую секунду последует удар. Наконец он заставил себя подняться на ноги. Он чувствовал, что тварь следит за ним со своего насеста, но не смел обернуться и посмотреть на нее. Ощущение скользкого костистого хвоста впечаталось в плоть шеи, и Рiku страшно хотелось стереть его — с кожей, с кровью.

Он хотел пуститься бегом, но испугался, что ноги еще слишком слабы и можно упасть ничком. Он возвращался той же дорогой, какой, по-видимому, забрался сюда. Дым перед ним расступался и снова смыкался у него за спиной. Рик смутно сознавал, что идет на автопилоте; в голове, словно в полной призраков клетке, с быстротой молнии проносились картины убийства отца Ортеги и погони.

Рик вышел с автодвора примерно сорока ярдами севернее того места, где они входили, не имея ни малейшего представления о том, сколько времени заняла их экспедиция. Продолжая идти на юг вдоль рухнувшей изгороди, он наконец увидел «мерседес» Кейда.

Столбняк на заднем сиденье встал на дыбы и зашелся яростным лаем. На мостовой, подтянув колени к подбородку и обеими руками прижимая к груди кнут, сидел дрожащий Зарра. Он поднял глаза, увидел Рика, удивленно хмыкнул и с трудом встал на ноги.

На краю двора, судорожно, до белых пальцев сжимая в руке пистолет, стоял Мэк Кейд. Резко обернувшись, он прицелился в

возникшую из дыма шатающуюся фигуру. Примерно четверть часа назад мимо него пронесся Джои Гарраконе, который вопил так, что заглушил магнитофон в машине Кейда. Вскоре из дыма вывалился Зарра, лопоча что-то про какой-то хвост, который-де прикончил Доминго Ортегу.

— Стой! — взвизгнул Кейд, широко раскрыв голубые глаза. — Ни с места!

Рик остановился, покачнулся, чуть не упал и сказал:

— Это я.

— Где Ортега? — Напускное хладнокровие Кейда лопнуло, как дешевый пластик, и под ним оказался ребяческий ужас. — Что с попом?

Палец Кейд держал на спусковом крючке.

— Приказал долго жить. Он где-то там, — Рик махнул рукой, которая словно налилась свинцом.

— Говорил я вам, не ходите туда! — заорал Кейд. — Что, не так? Говорил я вам, не ходите, кретины сраные! — Он вгляделся в пелену дыма, отыскивая Сыпняка. Несколько минут назад пес, рыча и лая, умчался на автодвор. — Сыпняк! — крикнул он. — Ко мне!

Пес не возвращался.

— Надо сказать Вэнсу, — вспомнил Рик. — Оно хочет его видеть.

— Сыпняк! — Кейд сделал три шага в глубь автодвора, но не смог заставить себя пойти дальше. Он зацепился брюками за гармошку колючей проволоки, и по лицу покатились маслянистые бисеринки пота. — Сыпняк, ко мне!

Столбняк все лаял. Кейд осторожно пошел вдоль проволоки, охрипшим срывающимся голосом выкликая Сыпняка.

— Я сказал, надо связаться с Вэнсом! — повторил Рик. — Сейчас же!

— Я должен найти своего пса! — крикнул расстроенный Кейд. — С Сыпняком что-то случилось!

— Забудь ты про собаку! Отец Ортега погиб! Мы должны поговорить с шерифом!

— Говорил я вам, не ходите туда! Я же сказал, все вы психи: — Кейд почувствовал, как на него солнечным затмением накатывает дурнота. Двор вместе с вложенным в него капиталом превратился в утиль, Кейд чуял в дыму запах горящих денег синдиката и вонь собственной паленой шкуры. — Сыпняк! — хрипло завопил он. — Ко мне! — Крик эхом отразился от развалин. Никаких признаков добермана не было.

— Так ты везешь нас к Вэнсу или нет? — спросил Рик.

— Я не могу... бросить друга, — выговорил Кейд, будто внутри у него сломалось что-то, что долгое время прочно занимало свое место. — Там Сыпняк. Я не могу его бросить. — Несколько секунд

он всматривался в Рика, желая убедиться, что тот его понял, а потом сипло сказал: — Можешь взять машину. Мне плевать.

Кейд двинулся в глубь автодвора. Увидев, что хозяин уходит, Столбняк выпрыгнул из «мерседеса», чтобы последовать за ним.

— Нет! — крикнул Рик. — Не ходи!

Кейд на ходу оглянулся. На влажном от пота лице играла страшная улыбка.

— Надо знать, кто твои друзья, пацан. И беречь их. Подумай над этим.

Он коротко, резко свистнул Столбняку, и доберман пошел с ним рядом. Кейд снова принялся звать Сыпняка. Голос его звучал все глуше, и наконец обе фигуры, человека и собаки, исчезли в дымном мареве.

— Лезь в машину, — велел Рик Зарре, и тот, спотыкаясь, как в дурмане двинулся к «мерседесу». Рик втиснулся за руль, повернул ключ зажигания и, срывая резину с колес, дал задний ход.

XXXIII

ПЛОТЬ

— Здорово, Ной, — сказал Эрли Макнил, когда Том ввел в больничную лабораторию Ноя Туилли. — Будь любезен, закрой за собой дверь.

Туилли, чьи глаза привыкли к свету свечей в часовне похоронного бюро, заморгал, оглядываясь в ослепительном сиянии аварийного освещения. В лаборатории находились: шериф Вэнс, Джесси Хэммонд и незнакомый Ною темноволосый, стриженный ежиком мужчина в залитой кровью рубашке. Он сидел на блестящем металлическом столе и держался за левое запястье. Нет, понял Туилли в следующую секунду, нет, запястье сжимает не он сам, а чья-то обрубленная у локтя рука.

— Боже, — прошептал Туилли.

— В общем, я ждал, что ты скажешь что-нибудь эдакое, — Эрли украдкой мрачно улыбнулся. — Я попросил Тома привести тебя из тех соображений, что ты захочешь увидеть эту штуку. Ты же у нас с трупами, так сказать, на дружеской ноге. Иди, взгляни поближе.

Туилли подошел к столу. Темноволосый мужчина сидел, свесив голову на грудь. Ной увидел рядом с ним шприц и понял, что незнакомец получил изрядную дозу успокоительного. На небольшом пластиковом подносе были разложены скальпели, зонды и костная пила. Бросив на локтевое утолщение всего один взгляд, Туилли сказал:

— Это не кость.

— Ага. Будь я проклят, если это кость. — Из раны выступало что-то, внешне напоминавшее плотную обмотку из гибкого, отличающегося синевой металла. Эрли взял зонд и постучал по нему. — А вот *это* — не мышца. — Он показал на лохмотья красной ткани, с которых на пол натекала лужа вязкой серой жидкости. — Однако нечто весьма близкое. Ничего похожего я до сих пор не видел, но это *органика*. — Эрли кивнул на микроскоп с препаратом выше-

упомянутой ткани, стоявший на лабораторном столе. — Взгляни, если хочешь.

Тулли склонился над микроскопом и тонкими бледными пальцами отрегулировал резкость изображения.

— Боже правый! — сказал он, употребив одно из самых крепких своих выражений. Ной увидел то, о чем остальные уже знали: мышечная ткань частично была органической, частично же состояла из крошечных металлических волокон.

— Жаль, что вы не отстрелили этому говнюку голову, полковник, — вздохнул Эрли. — Я бы весьма охотно взглянул на его мозг.

— Кто же вам мешает слазить в эту дыру? — голос Роудса звучал резко и хрипло. — На здоровье! Может, вам больше повезет.

— Нет, благодарю покорно. — Эрли взял хирургические щипцы и сказал: — Док Джесси, посветите-ка вот сюда.

Джесси щелкнула выключателем маленького фонарика и направила свет на вонзенные в тело полковника металлические ногти. Один раскрошил стекло часов Роудса и остановил их на четырех минутах первого, то есть приблизительно с полчаса назад. От давления рука полковника посинела.

— С него и начнем, — решил Эрли и приступил к извлечению мини-пилы из тела полковника.

В свете фонарика Джесси видела коричневые старческие пятна, разбросанные по тыльной стороне кисти искусственной руки. На суставе одного пальца белел белый шрамик — может быть, от ожога, подумала она. Например, о раскаленную сковороду. Неизвестный создатель андроида почти безупречно сумел воспроизвести строение и окраску кожных покровов пожилой женщины. На безымянном пальце блестело тонкое золотое кольцо, однако на него росли тяжи псевдокожи, и колечко оказалось внутри, словно тот, кто создал эту машину, посчитал его естественной частью руки.

— Не хочет вылезать, собака! — Палец сопротивлялся щипцам Эрли. — Придется слегка освежевать вас, полковник. Надеюсь, вы не против.

— Давайте.

— Я говорил: не лезьте вы туда. — Сонный, сбитый с толку Вэнс поспешил усесться на табуретку, пока не подкосились ноги. По запястью Роудса потекли тонкие струйки крови. — *Что*, черт возьми, делать?

— Искать Дифин, — ответил Роудс. — Только она знает, против кого мы пошли. — Он сморщился и зашипел: Эрли вытащил первый ноготь. — Этот тоннель... вероятно, уходит за реку. — Роудс уставился на фонарик в руке у Джесси. Извилины полковника постепенно выходили из оцепенения, и он вспомнил, как тварь в тоннеле защищала глаза от луча фонарика. — Свет, — сказал он. — Оно не любит света.

— Что? — спросил Том, подходя поближе к столу.

— Оно... пыталось загородить глаза. По-моему, свет причиняет ему боль.

— Той сволочи с лицом Хитрюги на свет было наплевать, — сказал Вэнс. — Там с потолка свисали керосиновые лампы.

— Верно. Керосиновые лампы. — К Роудсу постепенно возвращались силы, но смотреть на серую руку, вцепившуюся в его запястье, полковник по-прежнему не мог. Эрли бился над вторым ногтем. — А фонарика у вас не было, верно?

— Нет.

— Возможно, боль ему причиняет только электричество. У пламени и у электрического света разные спектры, правильно?

— Спектры? — Вэнс привстал. — Это еще что за черт?

— Заковыристое слово, которым обозначают силу световых волн, — пояснил Эрли. — Так, спокойно! — Он крепче перехватил щипцы и выдернул металлическую пилку из-под кожи Роудса. — Этот чуть не задел артерию.

Паучьи лапы оставшихся пальцев все еще держали запястье Роудса.

— Возможно, электрический свет действует ему на глаза, — продолжал Роудс. — Оно сказала «жжется» и было вынуждено закопаться в землю. Свет явно пришелся ему не по вкусу. Если оно напортачило с костями и зубами, может, и с глазами оно тоже обожалось?

— Свет есть свет, черт побери, — сказал Вэнс. — Нет в нем ничего такого, чтоб сделать больно!

— Летучая мышь не согласилась бы с вами, шериф. — Ной Туилли повернулся к ним от микроскопа. — Как и все без исключения пещерные грызуны, рыбы и насекомые. Наши глаза привыкли к электрическому свету, но множество иных видов он ослепляет.

— К чему ж вы клоните? Эта тварь живет в пещере?

— Может быть, не в пещере, — сказал Роудс, — а просто в такой среде, где нет электрического света. Насколько нам известно, это может быть мир, пронизанный тоннелями. Судя по скорости, с какой закапывалась эта тварь, я бы сказал, что путешествовать под землей Кусаке не привыкать.

— Но Дифин электрический свет не беспокоил, — напомнила ему Джесси. — Перед приземлением пирамиды у нас по всему дому горел свет.

Полковник кивнул.

— Это вполне укладывается в мои представления о реальном положении дел: Дифин и Кусака — две разные формы жизни из разных сред обитания. Одно перемещается то в черную сферу, то из нее, а второе путешествует под землей и создает таких вот репликантов, — тут полковник неприязненно взглянул на поддельную руку, —

чтобы иметь возможность передвигаться по поверхности земли. Может быть, оно копирует формы жизни той планеты, где совершает посадку. Сам процесс я не могу себе представить, но протекать он должен чертовски быстро.

— И чертовски бурно, — Эрли с помощью щипцов и зонда отчаянно пытался разжать мертвые пальцы. — Ной, открой-ка вон тот нижний ящик. — Доктор подбородком показал, какой.

Ной открыл ящик.

— Здесь только бутылка водки.

— Вот-вот. Откупори и дай сюда. Курить мне нельзя, зато пить можно, еще как. — Эрли взял бутылку, сделал большой глоток и протянул ее Роудсу. Тот тоже отхлебнул. — Пока не увлекайтесь. Нам вовсе не надо, чтоб вы вдруг упали. Док Джесси, тампоны! Давайте-ка уберем часть крови.

Пальцы мертвой руки так вдавились в тело Роудса, что Эрли пришлось попросить Тома взять вторую пару щипцов и помочь оторвать их от запястья полковника. Чтобы добиться желаемого, обоим пришлось потрудиться не на шутку. Пальцы ломались с тихим металлическим треском, и в конце концов рука шлепнулась на стол. Остался лиловый кровоподтек, повторяющий очертания ладони и пальцев. Роудс немедленно облил больное место водкой и принялся тереть его бумажным полотенцем. Раны раскрылись. Морщась от боли, полковник повторил водочное обливание и тер до тех пор, пока бумажное полотенце не развалилось. Эрли так сдвинул ему плечо, что это заметил бы и бык Брахмы.

— Угомонись, сынок, — хладнокровно велел Эрли. Он забрал у Роудса обрывки бумаги и выбросил в корзину для мусора. — Том, не сможешь полковнику дойти до палаты в конце коридора? Думаю, отдых ему не повредит.

— Нет. — Роудс жестом отказался от помощи Тома. — Я в норме.

— Не думаю. — Эрли взял у Джесси карманный фонарик и исследовал зрачки полковника. Реакция оказалась замедленной, и Эрли понял, что Роудс — на грани серьезного нервного срыва. — Ночка была не из легких, верно?

— Я в норме, — повторил Роудс, отталкивая фонарик. Он все еще чувствовал на запястье проклятые холодные пальцы и не знал, прекратится ли когда-нибудь сотрясавшая его внутренняя дрожь. Однако, несмотря ни на что, следовало делать хорошую мину при плохой игре. Он встал и оторвал взгляд от поддельной руки. — Нам нужно найти Дифин, так что отдыхать некогда. — Полковник чувствовал запах крови и едкого сока, брызнувшего из стрекозы. — Хорошо бы сменить рубашку. Этой кранты.

Эрли хмыкнул, наблюдая за ним из-под мохнатых бровей. Роудс ни на минуту не одурачил его: полковник держался из последних сил, одной нервной энергией.

— Могу дать хирургическую. Хочешь? — Доктор подошел к шкафу, вытащил легкую темно-зеленую рубашу и перебросил Роудсу. — Они бывают двух размеров: слишком маленькие и слишком большие. Примерь-ка.

Рубаша оказалась великовата, но не сильно. Окровавленная футболка Роудса отправилась следом за бумажным полотенцем в корзину для мусора.

— Мне, пожалуй, пора восвояси, — сказал вдруг Ной Туилли. — Там у меня мать одна.

— Вам со старушкой Рут надо перебраться туда, где есть электричество, как здесь, — сказал Эрли, показывая на аварийные лампы, заливающие светом лабораторию. — Если полковник прав, этот чертов Кусака в такое место не полезет.

— Верно. Пойду схожу за ней. — Ной на минуту задержался, чтобы ткнуть зондом в руку, которая лежала на столе ладонью вверх, скрючив пальцы, как дохлый краб — лапы. Зонд коснулся ладони, и пальцы вдруг сжались в кулак. Все, особенно Роудс, так и подскочили. — Рефлекс, — с виноватой полуулыбкой объяснил Ной и попытался высвободить зонд, но пальцы держали мертвой хваткой. — Пойду схожу за матерью, — повторил он и поспешно покинул лабораторию.

— Только этой полоумной балаболки тут и не хватает, — проворчал Эрли, когда дверь за Ноем закрылась. Он взял полотенце, завернул в него руку вместе с зондом и снова отхлебнул из бутылки.

В дверь постучали, и, не дожидаясь приглашения, в лабораторию заглянула миссис Сантос:

— Шериф, вас спрашивают двое ребят.

— Чего им?

— Не знаю, но, по-моему, вам лучше побыстрее подойти. Они совершенно не в себе.

— Давайте их ко мне в кабинет, — распорядился Эрли. — Эд, можешь поговорить с ними там.

Миссис Сантос пошла за мальчиками. Вэнс медлил. Снова запахло жареным, и шериф понимал, что док Эрли чует то же самое.

— Как мы будем искать Дифин? — спросил он у Роудса. — Мест, где она может прятаться, пруд пруди.

— Выбраться за пределы силового поля она не может... правда, все равно это радиус семидесяти пяти миль, — ответил полковник. — Хотя вряд ли она ушла из города. Она понимает, что здесь, по крайней мере, можно спрятаться. А вот о том, что находится за пределами Инферно и Окраины, она не знает ничего.

— Тут полно пустых домов, — сказал Том. — Она может быть в любом.

— Далеко от сферы она не уйдет. — Джесси никак не могла вспомнить, заперла входную дверь или нет, — эту подробность она

упустила, торопясь выяснить, что же рухнуло к Кейду во двор. — Кому-то из нас, Тому или мне, нужно вернуться домой и ждать. Она может объявиться.

— Правильно. Я могу велеть Ганни собрать добровольцев и начать прочесывать улицы. — Полковник знал, что, поскольку над городом висит дым и видимость с каждым часом ухудшается, поиски — задача не из легких. — Если пойти подряд по всем домам, может быть, отыщется кто-нибудь, кто видел ее. — Он попытался растереть левое запястье, чтобы оно согрелось, но ощущение холодных пальцев не проходило. — Нужно выпить черного кофе, — решил он. — Я должен идти.

— Может, в «Клейме» осталось, — сказал Вэнс. — Там вечно доливают кофейник, пока поило не пойдет через край.

Джесси пристально взгляделась в полковника. Роудс по-прежнему был бледен, но нормальный цвет лица отчасти восстановился, и внутренний огонь зажегся вновь. В голове у Джесси засел вопрос — вопрос, который, знала она, мучает и Тома. Не задать его было нельзя. Пришло время спрашивать.

— Если... когда... мы найдем Дифин, что мы с ней сделаем?

Роудс уже понял, к чему она клонит.

— Мне кажется, Кусака гораздо сильнее ее и чертовски сильнее всех нас. Кусака должен знать, что Дифин вышла из своей сферы и на время заняла чужое тело — именно это он подразумевает, когда говорит «хранитель». Он снимет силовое поле, только заполучив ее, поэтому, забегая вперед, скажу: я не знаю, что ждет Стиви.

— Если Стиви еще жива, — бесстрастно добавил Том. Джесси, которой эта мысль тоже уже приходила в голову, почувствовала, как внутри у нее все страдальчески сжалось. Но ведь Дифин утверждала, будто Стиви в полной безопасности... Джесси поймала себя на том, что, как за соломинку, хватается за уверения создания, о существовании которого двадцать четыре часа назад и не подозревала.

— Пойду гляну, как там Рэй. — Она с трудом отогнала мысли об инопланетянке, поселившейся в теле ее дочурки, вышла из лаборатории и направилась по коридору в палату к Рэю.

— Схожу-ка я узнаю, чего надо этим ребятам. — Вэнс пошел к двери, страшась вестей, поджидавших его в кабинете дока Эрли. «Пришла беда — отворяй ворота», — подумал он с нездоровым весельем. У самой двери шериф остановился. — Том, не сходишь со мной?

Том согласился, и они покинули лабораторию.

Загроможденный кабинет Макнила украшали афиши боя быков и заросли кактусов в горшках на подоконниках. Стоило Вэнсу разок заглянуть в напряженные лица Рика Хурадо и Зарры Альхамбры с серыми кругами вокруг ввалившихся глаз, как он понял, что все они сидят по шею в дерьме.

— Что стряслось? — спросил Вэнс у Рика, который непрерывно дрожал и потирал горло.

Рик, запинаясь, рассказал. Они с Заррой уже успели заглянуть в участок, и Дэнни Чэффин объяснил им, где найти Вэнса. Помощник шерифа сидел у коротковолновой рации, обложившись заряженным оружием из Вэнсова арсенала, и слал в океан помех мольбы о помощи.

Когда Рик начал рассказывать, как из тела существа вырос шипастый хвост, Вэнс издал тихий сдавленный стон и был вынужден сесть.

— Оно убило отца Ортегу, — продолжал Рик. — Ударило по голове. Вот. — Он замолчал и перевел дух. — И погналось за мной. Поймало меня этим своим... хвостом. Спрашивало что-то про какую-то девушку.

У Тома вырвалось:

— Господи Иисусе.

— Я думал, оно меня убьет. Но оно сказала... — Рик отыскал глазами глаза шерифа. — Оно велело мне передать вам, что оно хочет вас видеть. Сказало, вы знаете где.

Вэнс не ответил, потому что комната кружилась слишком быстро, а аварийные лампы отбрасывали на стены фантастические тени.

— И где же? — спросил Том.

— В доме у Крича, — наконец ответил шериф. — Я туда больше не пойду. Не могу. — Голос шерифа дрогнул. — Господь свидетель, не могу. — В ушах зазвучало жестокое эхо: «*Бурро! Бурро! Осел!*» Перед глазами Вэнса вихрем завертелся Кортес-парк и хищные лица. Вэнс сжал кулаки.

Он был в Инферно шерифом: непьющая работенка. Ищи пропавших собак да гоняйся за водилами-лихачами. Одну руку протягиваешь Мэку Кейду, другой прикрываешь глаза. Жирный мальчишка внутри Вэнса затрясся от ужаса, и шериф увидел, как дверь дома Крича раскрывается, чтобы поглотить его.

Кто-то коснулся его плеча. Он поднял повлажневшие глаза и взглянул в лицо Тому Хэммонду.

— Вы нужны нам, — сказал Том.

Такого Вэнсу еще никто никогда не говорил. *Вы нам нужны.* Звучало это потрясающе просто и все-таки достаточно сильно для того, чтобы, как ветер пустыни — паутину, в клочья развеять давнишние издевки. Шериф набычился: его еще терзал страх, но уже не такой сильный, как несколько мгновений назад. Долго, очень долго Вэнс был один, но теперь малодушному жирному мальчишке, который, отправляясь на улицы Окраины, брал с собой бейсбольную биту, пришло время стать взрослым. Может быть, он не сможет заставить себя еще раз войти в дом Крича. Может быть, добравшись до двери, он с криком бросится наутек и будет бежать до тех пор, пока не

свалится или перед ним не встанет на дыбы монстр с шипастым хвостом.

Может быть. А может быть, и нет. Он защищал в Инферно закон и порядок. В нем нуждались.

И оттого, что это соответствовало истине, глумливые голоса унеслись прочь, словно хулиганы, которые поняли: шагающий через Кортес-парк маленький толстяк отбрасывает тень взрослого мужчины.

Вэнс поднял голову и вытер глаза тыльной стороной пухлой руки.

— Ладно, — сказал он.

Никаких обещаний. Ему еще предстоит иметь дело с дверью. Шериф поднялся и повторил:

— Ладно.

Том пошел за полковником Роудсом.

ДЕЛО ТАБАК

— Сыпняк! Сюда, малыш! — от крика голос Мэка Кейда начал сдавать. Рядом с ним комком нервов скулил и подпрыгивал Столбняк, то и дело останавливаясь, чтобы отрывисто облаять пирамиду.

Никаких признаков добермана не было. Вокруг медленно плыл дым, валивший от горящих покрышек. Кейд шагал по мрачной стране чудес, где правил разор. В руке у Мэка был зажат пистолет с взведенным курком: мало ли что могло подстергать их в дыму.

С каждым шагом Мэк все дальше уходил в глубь двора. Он знал здесь каждый дюйм, но сейчас все внушало ему страх. Однако он должен был найти Сыпняка, иначе весь кокаин мира не снял бы камень с его души. Собаки были друзьями Кейда, его талисманами, телохранителями, его силой в зверином обличье. Люди? Да пошли они! Все они ни черта не стоят. То ли дело собаки!

Кейд увидел черную пирамиду — купающиеся в лиловом свете влажные пластины чешуи возникли из дымки ужасающе близко — и свернул в сторону, взметая пыль и пепел лакированными итальянскими ботинками. Он оглянулся и не увидел домов Окраины — только мрак на фоне мрака.

Ударная волна, вызванная приземлением пирамиды, и взрывы бочек с бензином и смазкой снесли и сровняли с землей привычные дворовые постройки — склады, мастерские. Заново собранные лоснящиеся «порше», «БМВ», «корветы», «ягуары» и «мерседесы», не так давно выстроенные ровными рядами для погрузки и доставки к хозяевам Кейда, были раскиданы, точно игрушечные, искорежены, сожжены.

«Дело дрянь, — подумал Мэк. — Да нет, не дрянь. Дело табак».

В конце концов явится полиция. Потом репортеры. Конец всему... Такой внезапный поворот судьбы еще сильнее выбил Кейда из колеи. Кейд всегда полагал, что, если час расплаты все-таки настанет, судьба примет обличье федеральщиков, которые без шума повяжут его, или юриста, который решит, что ему мало платят, или же какой-нибудь

мелкой сошки, которая настучит на него, спасая собственную шкуру. Ни в одном сценарии катастрофы никогда и в помине не было черных пирамид из космоса, будь они трижды неладны, и Кейд подумал: неплохо бы очутиться на одном из Карибских островов, где не действуют никакие договоры о выдаче.

— Сыпняк! Ко мне, мальчик! Пожалуйста... вернись! — кричал он. Столбняк заскулил, ткнулся Кейду в ногу, отбежал на несколько ярдов... и стрелой метнулся обратно.

Кейд остановился.

— Остались мы вдвоем, приятель, — сказал он Столбняку. — На пару против всего света.

Столбняк тихо таякнул.

— Что такое? — Этот звук был Кейду знаком: тревога. — Что ты...

Столбняк заворчал и прижал уши.

Под землей что-то дробилось и трещало, словно расплзался каменный пласт. Ботинки Кейда оказались в воронке крутящегося песка. Мэка потянуло вниз, развернуло, земля расступилась, и он по колени ушел в воронку.

Он резко вдохнул. Гортань зашекотал горький дым. Что-то влажное и зыбучее, ухватив Мэка за ноги, тянуло его под землю, и в считанные секунды он провалился почти по пояс. Он бился и кричал, но его крепко держали за ноги. Столбняк яростно лаял, бегая вокруг хозяина. Кейд выстрелил в землю. Пуля взметнула песок. То, что поймало Кейда, тащило его вниз, а он стрелял, пока не кончились патроны.

Он ушел в землю по грудь. Столбняк метнулся к нему. Отчаянно размахивая руками, Кейд схватил собаку, притянул добермана к себе и попытался использовать ее тяжесть, чтобы вырваться на свободу. Столбняк бешено выдирался, но песок уже засасывал его вместе с отчаянно сопротивлявшимся хозяином. Когда Кейд в очередной раз раскрыл рот, чтобы закричать, туда, проскальзывая в горло, хлынули песок и зола.

Человек и собака исчезли. Песчаные водовороты закрутили панаму Мэка Кейда и бросили — наполовину засыпанную. Круговое движение земли замедлилось, потом прекратилось.

ОТКРЫТАЯ ДВЕРЬ

Пока Рик с Заррой ждали в кабинете Макнила, Коди Локетт открыл глаза, увидел свет свечей и рывком сел. В голове снова застучало.

Коди поднес часы к свече, которую прилепил на фанерный стол у кровати: 12:58. Минул почти час с тех пор, как он пришел домой, проглотил две таблетки аспирина, запив их большим глотком лимонада из отыскавшейся в холодильнике полупустой банки, и улегся, чтобы дать отдых голове. Коди не был уверен, что *спал*. Возможно, он просто уплывал в сумерки тревожной дремы и возвращался. Однако голове действительно стало чуть лучше, да и мышцы отчасти расслабились.

Отец куда-то подевался. В последний раз Коди видел Кёрта, когда вертолет сражался над Инферно с другой летающей хреновиной: папаша неся по улице, только пятки сверкали. Сам он досмотрел поединок до конца, а когда вертушка рухнула на Кобре-роуд, понял, что мертвецки устал, непонятно как дошел до своего мотоцикла, который стоял перед залом игровых автоматов, и свалил домой.

Коди (он так и не снял окровавленные лохмотья рабочей рубашки) встал с кровати... и ухватился за ее железную спинку: стены заколыхались и медленно завертелись. Когда они остановились, парнишка отпустил кровать, перешел через комнату к комоду, открыл верхний ящик и вынул чистую белую футболку. Скинув рвань, он через голову натянул ее, морщась от колющей боли в груди. В животе заурчало. Коди отлепил свечу от лужицы застывшего воска и, освещая себе дорогу, побрел на кухню.

В холодильнике лежало несколько изъеденных плесенью полуфабрикатных обедов, какое-то завернутое в фольгу бурое мясо и ломоть лимбургского сыра, которым Коди не угостил бы даже собаку. Кроме того, там стояли всевозможные миски и плошки с подозрительными обеды. Однако огонек свечи высветил покры-

тую жирными пятнами бумагу. Коди достал пакет и развернул. Внутри оказалось четыре черствых глазированных пончика, украденных отцом из пекарни. Пончики были твердые, как шины газонокосилки, но Коди успел проглотить три штуки, прежде чем желудок запросил пощады.

В глубине холодильника отыскалась бутылка виноградного сока. Мальчик потянулся за ней и в этот миг почувствовал, что пол дрожит.

Коди взялся за горлышко бутылки... и замер.

Дом наполнился поскрипыванием и треском. В шкафах нежно зазвенели чашки и тарелки. Потом глубоко под землей с громким хлопком лопнула труба.

Под домом что-то есть, понял Коди. Сердце учащенно забилося, но голова оставалась ясной и холодной. Через подметки кроссовок мальчику передавалась дрожь половиц — так обычно трясся пол, когда по железнодорожной ветке, принадлежавшей горнодобывающей компании, мимо их дома на малой скорости проходили тяжелые товарные поезда.

Вибрация замедлилась и прекратилась. В свете свечи проплыло облачко пыли. Коди задержал дыхание и сделал судорожный вдох только тогда, когда легкие потребовали воздуха. В кухне пахло жженой резиной: в трещины просачивалась вонь с автодвора Кейда. Коди достал сок, отвинтил пробку и смыл застрявшие в горле остатки глазированных пончиков.

С тех пор, как за рекой расселась треклятая пирамида, все пошло вразнос. Коди не стал гадать, что могло проползти под домом, — что бы это ни было, оно находилось в десяти—двенадцати футах под землей. Ждать, не вернется ли оно, парнишка тоже не собирался. А папаша, подумал Коди, пусть выкручивается сам. Господь приглядывает за дураками и пьяницами.

Он задул свечу, положил ее на кухонный стол и вышел из дома. Спустившись с крыльца, Коди сел на мотоцикл и надел «консервы». Улица была залита лиловым светом, над самым бетоном висели пласты дыма. Инферно напоминал зону боевых действий. Сквозь дымовую завесу Коди видел сияющие огни крепости. Туда, решил он — уж очень темно было повсюду. Сперва заскочить на Сёркл-Бэк-роуд, к Танку, узнать, не дома ли с предками отсиживается этот хмырь, а уж оттуда прямым ходом в общагу. Коди пару раз пнул стартер, мотоцикл завелся, и Коди поехал в сторону Селестра-стрит.

Во время драки Коди разбили фару (навёрное, пивной бутылкой), но только стекло; лампа работала. Свет пропарывал грязное марево, но тем не менее Коди ехал медленно — Брасос-стрит была изрезана трещинами, а кое-где покрытие вздыбилось, поднявшись на добрых шесть дюймов. Колеса информировали копчик Коди о том, что им по пути с проползшим под домом существом.

А потом он чуть не наехал на нее.

Посреди улицы кто-то стоял.

Маленькая русоволосая девочка. В луче фары ее глаза отсвечивали красным.

— Поберегись! — крикнул Коди, но девчонка не двинулась с места. Он резко вывернул руль влево и ударил по тормозам. Если бы он проехал чуть ближе, девочка лишилась бы мочки уха. «Хонда» пронеслась мимо, переднее колесо угодило на какую-то кочку, и мотоцикл трянуло. Коди сражался с рулем и тормозами, не желая врезаться в заросли кактусов. Он затормозил в какой-нибудь паре футов от этого дикобразника и развернул «хонду», подняв песчаную метель. Мотор чихнул и заглох.

— Охренела? — рявкнул Коди на девчонку. Та стояла на прежнем месте, держа что-то в сложенных чашечкой ладонях. — Что с тобой? — Он сдвинул «консервы» на лоб; пот ожег глаза.

Девочка не ответила. Кажется, она даже не понимала, что едва не влетела под колеса.

— Ты чуть не убила! — Коди обрубил ножку, слез и решительно двинулся к девочке, чтобы увести ее с мостовой. Но когда Коди приблизился к ней, она опустила руки, и он увидел, что она баюкает в ладонях.

— Что это? — спросила она.

Это был рыжий полосатый котенок, наверное, трехнедельный, не старше. Коди огляделся. Они стояли перед домом Кошачьей Барыни. В сторонке такая же рыже-полосатая мамаша терпеливо поджидала возвращения своего отпрыска.

— А то ты не знаешь, — фыркнул Коди. Его еще трясло. — Это котенок. Всякий знает, что такое котенок.

— Ко-тенок, — повторила девчушка, словно слышала это слово впервые, и уже свободнее повторила: — Котенок. — Она погладила его. — Мягкий.

«Странная она какая-то, — подумал Коди. — Ой, странная. И говорит чудно, и держится не по-людски». Слишком уж скованно девочка держала спину, словно напрягалась под тяжестью собственных костей. Лицо и волосы были в пыли, а джинсы с футболкой выглядели так, будто она каталась по земле. Правда, лицо девчонки было знакомым; где-то Коди ее видел. Он вспомнил где: в школе, еще в апреле. За мистером Хэммондом тогда зашли жена с дочкой. Девчонку звали то ли Сэнди, то ли Стиффи — что-то в этом роде.

— Ты дочка мистера Хэммонда, — сказал он. — Чего бродишь одна?

Внимание девочки все еще было сосредоточено на котенке.

— Хорошенький, — сказала Дифин. Она пришла к выводу, что держит в руках молодую особь того же вида, к которому относилось и поджидавшее неподалеку существо, так же, как занятое ею самой

тело принадлежало юной женской особи вида «человек». Она осторожно погладила тельце. — Хрупкая конструкция этот котенок.

— А?

— Хрупкий, — повторила она, поднимая глаза на Коди. — Разве так нельзя сказать?

Несколько секунд Коди молчал. У него пропал голос. Очень, очень странно, подумал он и осторожно ответил:

— Котятя крепче, чем кажутся.

— Дочки тоже, — сказала Дифин, главным образом — себе самой. Она осторожно нагнулась и поставила котенка на то место, где нашла его. Старшее четвероное немедленно схватило его за шкурку и убежало за угол дома.

— Э... как тебя зовут? — Сердце Коди опять учащенно забилося, по спине поползла струйка пота. Под мышками уже проступили мокрые круги: ночь была жаркая и душная. — Сэнди, правильно?

— Дифин. — Девчонка пристально смотрела на него.

— По-моему, я скоро созрею для психушки. — Коди пригладил пятерней спутанную шевелюру. Может быть, его приложили сильнее, чем он думал, и крыша у него съехала? — Ведь ты дочка мистера Хэммонда?

Она взвешивала правильный ответ на его вопрос. Маячившее где-то в вышине лицо этого человека покрывали странные пятна. Дифин заметила, что ее новый знакомец больше не злится: злость уступила место недоумению. Она понимала, что кажется ему такой же странной, каким он кажется ей. Что за диковина свисает у него со звукоприемной раковины, именуемой тут «ухом»? Почему одна зрительная сфера меньше другой? И что за молчаливый теперь монстр с ревом вылетел на нее из мутной пелены? Загадки, загадки. Но Дифин не чувствовала в этом человеке ужаса, переполнявшего тех, с кем она бежала из разрушенного культового дома.

— Я избрала... — Как правильно перевести? — ...своим облачением эту дочку. — Она подняла руки, словно демонстрируя новое чудесное платье.

— Своим облачением. Угу. — Коди кивнул, широко раскрыв один глаз и подмигнув вторым, заплывшим. — «Ну, мужик, ей-ей, ты сделал мертвую петлю!» — сказал он себе. Перед ним как будто бы стояла дочка мистера Хэммонда, однако разговаривала она совершенно не по-детски. Разве что девчонка была не в себе... Коди в этом не сомневался: ведь кто-то из них двоих точно был не в себе. — Тебе надо домой, — сказал он. — Нельзя бродить по улицам одной — тут вон какая хреновина торчит.

— Да. Эка-пакость, — согласилась она.

— Точно. — Еще один медленный кивок. — Хочешь, я отведу тебя домой?

— О! — Девочка быстро втянула воздух. — О, если бы ты мог, — прошептала она и посмотрела на зарешеченное небо. Тьма заявляла свои права на все ориентиры.

— Ты живешь на Селеста-стрит, — напомнил Коди. Он ткнул пальцем в сторону конторы ветеринара, от которой их отделяла всего пара кварталов. — Там.

— Мой дом. Мой дом. — Дифин, раскрыв ладони, тянулась к небу. — Мой дом очень далеко отсюда, и я не вижу дороги. — Занятое ею тело дрожало, а под горным хребтом собственного профиля она почувствовала жар. Дело было не только в стремительном токе жизнеобеспечивающей жидкости по удивительной сети артерий, не только в согласованной с мозгом работе мышечного насоса. Глубоко внутри, в самом центре ее существа, тоска раскручивала воспоминания о родине. Рожденные серебристым перезвонном родного языка Дифин, пропущенные через человеческий мозг, они лились с языка земной речью. — Я вижу приливы. Я чувствую их: подъем, спуск. Я чувствую в этих приливах жизнь. Я чувствую своих родных. — Коди увидел, как тело девочки неприметно заколыхалось, словно повторяя ритм течений спектрального океана. — Великие города и мирные рощи. Приливы приходят из-за гор, катят по долинам и садам, где всякий труд — любовь. Я чувствую их. Даже здесь они касаются меня. Зовут домой. — Тело Дифин внезапно застыло. Она уставилась на свои руки, на пугающие отростки чужой плоти, и ужас действительности рассеял воспоминания.

— Нет, — сказала она. — Нет. Таким *был* мой мир. С этим кончено. Теперь приливы несут боль, а сады лежат в развалинах. Пение умолкло. Покоя больше нет, моя родина стонет в тени ненависти. В *этой* тени. — Она протянула руку к пирамиде, и Коди увидел, как пальцы «девочки» скрючились, а рука задрожала. Дифин закрыла глаза, не в силах вынести проносящихся перед ними видений. Когда она вновь подняла веки, перед глазами все расплывалось, их жгло, а вокруг них было мокро. Дифин поднесла руку к щеке, желая исследовать новую неисправность, и отняла заблестевшие пальцы. На кончике самого длинного висела нерастекшаяся капелька какой-то жидкости.

По рельефу лица в уголок рта сбежала другая капля. В ней Дифин ощутила вкус приливов своей родины.

— Ты не победишь, — прошептала она, не спуская глаз с пирамиды. Коди почувствовал, как внутри у него что-то сжалось, — в глазах пацанки горела такая сила, что делалось страшно: а ну как они нацелятся на него и его охватит пламя? — Я не дам тебе победить.

Коди не шелохнулся. Сперва он был уверен, что кто-то из них нырнул в Великую Жареную Пустоту, но теперь... теперь эта уверенность пропала. Должно быть, черную пирамиду привел пилот или

какой-то экипаж. Возможно, и эта пацанка, прикинувшаяся дочкой мистера Хэммонда, была одной из них. В эту знойную, душную, безумную ночь все казалось возможным. Поэтому с языка у мальчика сорвался вопрос, который в любую другую из прожитых Коди ночей скрепил бы печатью его вечное пребывание в Великой Жареной Пустоте:

— Ты не... не тóтошняя, да? В смысле... это... не с нашей планеты?

Сморгнув остатки пугающей сырости, Дифин грациозно повернула к нему голову:

— Нет. Не с вашей.

— Ух ты. — В горле у Коди застрял ком размером с баскетбольный мяч. Он не знал, что сказать. Девчонка бродила ночью одна и не знала, что такое котенок... теперь в этом появилось больше смысла. Но почему существо, так бережно и нежно обращавшееся с котенком, уничтожило вертолет? И если это пришелец из пирамиды, тогда что же роет ходы под улицами? — Твое хозяйство? — Парнишка показал на пирамиду.

— Нет. Это принадлежит... Кусаке.

Коди повторил:

— Кусаке... капитану, так, что ли?

Дифин не поняла, о чем речь, и сказала:

— Кусака — это... — И замялась, мысленно просматривая заложенные в память тома «Британской энциклопедии» и словарь. Через несколько секунд она отыскала выражение, которое на языке Земли точно передавало то, что ей хотелось объяснить: — Наемный охотник.

— За чем он охотится?

— За мной.

Понять так много сразу Коди было не под силу. Достаточно странно было столкнуться посреди Брасос-стрит с маленькой девочкой из космоса, но галактический наемный охотник внутри черной пирамиды — это уж было слишком. Боковым зрением Коди уловил какое-то движение, оглянулся и увидел двух кошек, которые шныряли вокруг чахлах кустов во дворе миссис Стелленберг. Еще одна кошка стояла на ступеньках крыльца и жалобно орала. Из куста примчались котята и принялись гоняться друг за дружкой. Время подходило к часу ночи, почему же кошки миссис Стелленберг разгуливали по улице?

Коди осветил фарой «хонды» дом Кошачьей Барыни. Входная дверь была широко открыта. Кошка на ступеньках выгнула спину и зашипела на ослепительный свет.

— Миссис Стелленберг! — позвал Коди. — Вы в порядке?

В луче света проплыли извилистые кольца дыма.

— Миссис Стелленберг! — еще раз окликнул он и снова не получил ответа.

Коди подождал. Открытая дверь одновременно и манила, и отталкивала. Что, если Кошачья Барыня впотьмах упала и потеряла сознание? Что, если она сломала бедро или даже шею? Коди не был

ангелом, но и притвориться, будто ему все равно, не мог. Он подошел к крыльцу.

— Миссис Стелленберг! Это Коди Локетт!

Никакого ответа. Кошка на ступеньках нервно мяукнула и шмыгнула мимо Коди, держа курс на кусты.

Он двинулся к двери, поднялся на две ступеньки, и тут его дернули за локоть.

— Осторожнее, Коди Локетт, — предостерегла Дифин. Там, куда шел человек, недавно прополз Кусака — в воздухе висел его резкий запах.

— Ладно-ладно. — Повторять не потребовалось. Коди взбежал на крыльцо и остановился перед темным прямоугольником двери. — Миссис Стелленберг, — крикнул он. — Вы в порядке?

Тишина. Если Кошачья Барыня и была в доме, ответить она не могла. Коди набрал полную грудь воздуха и переступил порог.

Его нога сорвалась в пустоту. Коди полетел вперед, в темноту. Рука Дифин запоздала на полсекунды и не успела задержать его. Рот Коди разорвал крик ужаса: ему пришло в голову, что в доме Кошачьей Барыни нет пола и он будет падать до тех пор, пока не проломит крышу чистилища.

Под правой рукой у Коди что-то грохнуло. От удара у парнишки захватило дух, но ему хватило ума уцепиться за это что-то раньше, чем оно проскользнет мимо. Он обеими руками ухватился за качающийся предмет, показавшийся ему на ощупь горизонтальным отрезком трубы. Вниз, в темноту, обрушилась лавина земли и камней, и Коди услышал, как она достигла дна. Потом труба перестала качаться, и он повис.

В груди жгло, а голова казалась набитой пульсирующими, разогретыми от перегрузки электросхемами. Он мертвой хваткой вцепился в трубу, задрыгал ногами и ничего не обнаружил. Труба опять закачалась, и Коди прекратил борьбу.

— Коди Локетт! Ты жив? — донесся сверху голос Дифин.

— Да, — прохрипел он, понял, что так девчонка его не услышит, и повторил: — Да! Похоже... с осторожностью я дал маху, а?

— Ты можешь... — Банк памяти начал стремительный поиск терминов. Дифин нагнулась над зияющей дырой, но не увидела Коди. — ...Выкарабкаться?

— Вряд ли. Я держусь за трубу. — Парнишка опять заболтал ногами и опять не нашел стены. Труба издала зловещий напряженный треск, и вниз опять с шорохом посыпались комья земли. — Я не знаю, что подо мной! — Первый укус паники оказался глубоким. Ладони Коди взмокли от пота. Он попробовал подтянуться и забросить ногу на трубу, чтобы хоть как-то закрепиться, но тело прошла боль — давали себя знать отбитые ребра. Поднять ногу не удавалось. После трех тщетных попыток Коди отказался от своего намерения и решил бречь силы. — Я не могу вылезти! — крикнул он.

По звуку голоса Коди Дифин прикинула глубину — в земных мерах длины выходило приблизительно тринадцать целых шесть десятых фута. Поправка на искажение эхом составляла плюс-минус три дюйма. Став в дверном проеме, Дифин оглядела комнату с провалившимся полом, отыскивая что-нибудь, чем могла бы дотянуться до Коди. В комнате не осталось ничего, кроме нескольких картин на потрескавшихся стенах.

— Послушай! — крикнул Коди. — Надо позвать на помощь! Понятно?

— Да! — Мышечный узелок в груди у Дифин яростно работал. Теперь она поняла: Кусака ищет ее, вторгаясь в жилища людей и хватая всех, кого находит там. — Я найду помощь! — Она повернула от дверей, сбегала с крыльца и побежала в сторону центра Инферно, сражаясь со свинцовой гравитацией чужой планеты и собственными неуклюжими отростками.

Коди прищурился, чтобы пот не затекал в глаза. Если бы он позволил пальцам хоть немного расслабиться, то сорвался бы с трубы и камнем полетел вниз, Бог знает как далеко. Сколько он сможет продержаться? Коди не знал.

— Скорей! — крикнул он наверх, но Дифин уже убежала. Коди висел в темноте и ждал.

ПЕРВАЯ БАЛАБОЛКА ЮГА

— Мама! — крикнул Ной Туилли, заходя в дом. — Мы едем в больницу! — Он взял керосиновую лампу, которую оставлял на столе в холле, и направился к лестнице.

— Мама? — снова окликнул он. Когда он уезжал с Томом Хэммондом в больницу, Рут Туилли лежала у себя в белой спальне, под натянутыми до подбородка одеялами. Вот и лестница. Ной стал подниматься.

Шестая ступенька оказалась последней. Ной стоял, сжимая сломанные перила, и заглядывал в мрачную темную пропасть, поглотившую остальное. Внизу, в глубинах провала, посверкивал крохотный огонек. Разбитая лампа, сообразил Ной. Лужица догорающего керосина.

— Мама? — позвал он, но его голос сорвался. Лампа осветила трещины в стене. Рут Туилли, Первая Балаболка Юга, молчала. Разрушенная лестница под тяжестью Ноя качалась и стонала, и он медленно отступил к подножию ступеней.

И остановился там — помертвевый, дрожащий.

— Мама, где ты?

Словно плач брошенного ребенка.

В свете лампы на полу что-то блеснуло. Следы ног. Слизистые следы, спускавшиеся по лестнице от ужасной дыры. Пятна и брызги серого, похожего на сопли вещества сбегали по ступеням и уходили по коридору в глубь дома. «Кому-то требуется носовой платок, — подумал Ной. — Ну и беспорядок! Мама будет рвать и метать!» Ведь мать у себя наверху, в постели, под натянутой до подбородка простыней. Разве не так?

Он пошел по слизистому следу на кухню. Вздрыбленный искореженный пол, словно что-то огромное уничтожило фундамент дома. Ной посветил по сторонам — и нашел мать: она стояла в углу у холодильника, белый шелковый халат влажно поблескивал. В

Знало ли существо, вселившееся в тело матери, как его зовут, не имело значения. В этом крике Ной Туилли услышал лязг дверей тюремной камеры, навсегда запирающий его в ненавистном ему городе, приговаривающий к ненавистной работе, обрекающий на жизнь в ненавистном доме с женщиной, которая в перерывах между мыльными операми и «Колесом Фортуны» визгливо требовала внимания. Ной чуял запах собственной крови, чувствовал, как она течет по руке, слышал, как она капает на пол. Рыжеволосое чудовище громило кухню. В голове у Ноя что-то щелкнуло, и он скользнул за грань безумия.

— Я здесь, мама, — очень спокойно сказал он. Очки свисали с одного уха, стекла были забрызганы кровью. — Вот он я. — Ной сделал четыре шага к буфету. Существо тем временем продолжало расправляться со своим лицом. Ной выдвинул ящик, выбрал среди множества острых столовых приборов длинный разделочный нож, высоко занес его и, направляясь к «Рут», проговорил: — Вот он, Ной, туточки.

И воткнул лезвие в шею твари, сбоку. Оно вошло в поддельную плоть примерно на четыре дюйма, и только тогда встретило сопротивление. Ной вытащил нож и ударил снова, но чудовище одной рукой обхватило его поперек груди, оторвало от пола и швырнуло на кухонный стол. Ной сел. Очки свалились, но нож с погнутым лезвием по-прежнему был зажат в руке. Из разрывов в грудной клетке выступила кровь. В легких забулькало, Ной закашлялся и сплюнул ярко-алым. Монстр шарил в пустоте, отыскивая его. Ной увидел, что чудовище выцарапало себе глаза и ободрало лицо почти до кости. В слепых глазницах подергивались и плясали металлические вены и влажно поблескивающие красные ткани. «Ага, химия-то жжется, — подумал Ной. — Отличная штука «Рейд», действует на любых насекомых». Он не спеша поднялся и пошел на врага. В глазах весело сияло безумие.

Тварь выгнула спину. Лопаясь, затрещали кости. Спинка халата развалилась, и из вздувшегося на копчике чудовища темного волдыря размотался чешуйчатый мускулистый хвост с шипастым шаром на конце.

Ной остановился, изумленно вылупив глаза. Под ногами горел керосин.

Хвост хлестнул по буфету и проломил его. Разлетелась шrapнель черепков. Монстр пригнулся, сложившись почти вдвое. Сетка мышц и тканей у основания хвоста была влажной от слизистой смазки. Усеянный шипами шар описал неширокий круг, обрушил с потолка дождь штукатурки и страшно просвистел у самого лица Ноя.

— Господи, — прошептал Ной и выронил нож.

Безглазое лицо повернулось на звук. Гибрид человека с насекомым в два счета оказался рядом с Ноем и вцепился ему в бока.

Зазубренные пилы ногтей вспороли тело. Занесенный хвост изогнулся дугой и застыл. Ной впился в него глазами, понимая, что видит свою смерть. Он вспомнил наколотых на булавки скорпионов из своей коллекции. «И аз воздам, рек Господь», — подумал он и сдавленно хихикнул.

Хвост ринулся вперед со скоростью поршня, и шипастый шар разнес череп Ноя Туилли на тысячу кусков. Потом монстр принялся свирепо стегать хвостом вперед-назад. Миг — и трясущаяся масса, зажатая в лапах инопланетного гостя, утратила всякое сходство с человеком. Хвост рвал ее на куски до тех пор, пока не прекратилось всякое шевеление. Тогда руки чудовища швырнули то, что осталось, о стену — так, будто это был мешок с мусором.

Ослепшая тварь ощупью выбралась из кухни, ориентируясь по запаху своего следа, вернулась к сломанной лестнице и исчезла во тьме.

КЛУБ «КОЛЮЧАЯ ПРОВОЛОКА»

— Еще, Джеки! — Кёрт Локетт треснул кулаком по шершавой стойке бара. Бармен Джек Блэр, коренастый и седобородый, поглядел на него из-за стойки, прервав разговор с Харлэном Наджентом и Питом Грифффином. Круглые очки Джека отражали свет керосиновых ламп, над стеклами нависали косматые гусеницы бровей.

— Ты усидел уже чуть не полбутылки, Кёрт, — сказал Джек. Его голос напоминал рокот бульдозера. — Может, пора закруглиться?

— Черт, кабы можно было! — ответил Кёрт. — Кабы можно было закруглиться да отвалить из этой вонючей дыры... вот те крест, в жизни бы ее не вспомнил! — Он снова бухнул кулаком по стойке. — Ну, Джеки! Не гадь малину старому дружку!

Джек несколько секунд вглядывался в него. Он знал, чего можно ждать от Кёрта, если тому туманит голову больше половины бутылки. В стороне за столиком разговаривали, дымя сигаретами, Хэл Маккатчинс и Бёрл Кини. Кто-то входил, кто-то выходил. Всех посетителей «Колючей проволоки» роднило одно: им, в общем, больше некуда было податься. Их не ждали жены, и они не могли придумать ничего лучше, чем во втором часу ночи коротать время за бутылкой. Джек не слишком переживал за Кёрта Локетта, однако тот был постоянным клиентом. Джек отошел к другому концу стойки, откупорил полупустую бутылку «Кентакки джент» — самого дешевого пойла в заведении — и до краев наполнил еще одну стопку. Когда он хотел убрать бутылку, Кёрт мертвой хваткой вцепился в горлышко.

— Чертовски хочется пить, — сказал Кёрт. — Страсть как.

— Ладно, тогда оставь бутылек себе, — сказал Джек, сдаваясь перед неизбежным.

— Я сам видел, да, сэр! — продолжал говорить Пит Грифффин, жилистый ковбой. С морщинистого загорелого лица смотрели ввалившиеся голубые глаза. — Эта зараза перегородила шоссе милях так в пяти к северу. — Он отхлебнул тепловатого пива. — Я уж собрался

дать по газам — а ну как пробьюсь на старушке Бетси прямо наскрозь? — да увидел еще кой-чего. — Он замолчал, чтобы отхлебнуть из бутылки. «Старушкой Бетси» Пит называл свой старый, изъеденный ржавчиной пикап, который стоял на засыпанной песком стоянке перед баром.

— Чего увидел-то? — поторопил Джек.

— Падаль, — сказал Пит. — Ну, вылез, поглядел поближе. Обгорелые кролики да пара дохлых собак. А лежали они аккуратно там, где эта хренотень уходит под землю. Через нее все видать и кажется она не крепче паутины, только... я и на другой стороне кой-чего углядел, такое дело. Вроде грузовик. Он еще дымился. Ну дак я залез в старушку Бетси и пулей назад, гнал без остановки аж досюдова.

— А я грю, не может такого быть, — невнятно возразил Харлэн — сказывались четыре «бойлмейкера». — Не может такая мутотень быть твердой!

— Твердая, вот те крест! Глаза-то у меня еще дай Бог всякому! Твердая, как каменная стена, и зверье это она пожгла!

Кёрт загоготал.

— Дурной ты, Гриффин, как трехногая жаба. Сквозь твердое хрен чего увидишь. На что я тупой, и то понимаю.

— Ну дак ехай и попробуй выбраться на ту сторону! — сердито ошестинился возмущенный Пит. — А я приеду следом пепел собрать... правда, пацану твоему он нужен как рыбке зонтик.

— Ага! — Харлэн сдавленно хихикнул. — Мы этот пепел высыпем в бутылочку виски, Кёрт. Вот уж упокоишься с миром!

— Вернее, заспиртуешься, — поправил Джек. — Кёрт, чего бы тебе не пойти домой? Тебе что, наплевать на сына?

— Коди себя в обиду не даст. До сих пор не давал. — Кёрт хлебнул виски прямо из горлышка и почувствовал себя хорошо. Нервы успокоились, да и потел он слишком сильно для того, чтобы упиться допьяна. Тока не было, вентиляторы не работали, и в «Колючей проволоке» стояла душная жара. Рубашка Кёрта липла к телу. — Я ему не нужен, а уж он мне и подавно, факт.

— Будь у меня семья, я б в такое время точно был с ними, — Джек машинально взял тряпку и протер стойку. Он жил бобылем в трейлере позади «Колючей проволоки» и, когда погас свет, не закрыл заведение, поскольку все равно маялся бессонницей. — Самое правильное дело, чтоб отец был при сыне.

— Во-во... а жена — при своем муже! — фыркнул Кёрт. Это вырвалось у него раньше, чем он успел прикусить язык. Все устали на него. Он пожал плечами и отхлебнул из бутылки. — Ладно, проехали, — сказал он. — Коди уже не ребенок.

— Все равно неправда твоя, — продолжал Джек, орудуя тряпкой. — Вон, за рекой сволочь эта проклятая расселась, и вообще черт-те что творится.

— Я слышал, в городе объявился полковник-летун, — сказал Хэл Маккатчинс. — Он был в той вертушке, что долбанулась. Но выбрался, ничего. Из пирамиды вылетела какая-то штукендрясина и сбила их, да так, будто это был бумажный голубок!

— Эта хреновина — ракета, — навалившись на край стола толстым колышущимся животом, Бёрл Кини взял из вазочки горсть арахиса. — Так говорят. С Марса.

— Нет на Марсе ни шиша. — Джек бросил наводить чистоту. — Ученые доказали. Нет, эта штука привалила откуда-то издалека.

— Много твои ученые понимают! — возразил Бёрл, чавкая орешками. — Они, черти, даже не верят, что на земле был Сад Эдемский!

— На Марсе одни камни! Его снимали, так на фотографиях больше ничего не видать!

Кёрт нахмурился и снова поднес бутылку к губам. Ему было наплевать, кого доставила пирамида — интервентов с Марса или людей-кошек с Плутона, — лишь бы его не трогали. Слушая, как Джек с Бёрлом говорят про Марс, он думал про Коди. Пожалуй, надо бы выяснить, все ли с парнем в порядке. Может, он дурак, что сидит тут и думает, будто Коди сам сумеет выкрутиться из любой заварухи. Нет, решил Кёрт секундой позже. Пусть Коди разбирается сам. Иногда парень бывает кретин кретином, но вообще-то он крепкий, как гвоздь, и может управиться сам. И потом, он, верно, в общаге со своей бандой. А уж эти друг дружку в обиду не дадут. Стало быть, беспокоиться нечего.

Кроме того, суровое обращение шло Коди на пользу. Оно-то и делало из мальчишки мужчину. Точно так же, грубостью и побоями, воспитывал Кёрта его собственный отец. Коди должен был стать только крепче.

«Да, — подумал Кёрт, стискивая горлышко бутылки так, что костяшки его пальцев побелели. — Крепким как батя». Он не мог припомнить, когда в последний раз говорил с Коди без того, чтобы не дать мальчишке подзатыльник. «Может, я просто не знаю, как надо», — подумал он. Но парень рос таким бешеным, упрямым и своевольным, что с ним никто не мог справиться. Правда, иногда Кёрт ясней ясного видел в лице сына Сокровище, и сердце у него начинало ныть, словно от пинка.

Однако лучше было не думать об этом. Ничего, кроме головной боли, такие мысли не приносили. Кёрт взглянул на жидкость внутри янтарной бутылки и улыбнулся, словно старинному приятелю. Но в улыбке таилась печаль — ведь полные бутылки неизбежно пустеют.

— А ну как у них там пещеры, — говорил Бёрл Кини. — Под Марсом. Может, когда делали те снимки, марсианцы просто попрятались в свои пещеры.

Кёрт совсем уж собрался сказать Бёрлу, чтоб тот перестал пороть чушь, как вдруг услышал, что на полках за стойкой звякнули бутылки.

Звук был тихий, так что Джек с Бёрлом не прервали разговор. Но Кёрт услышал его достаточно ясно, а через несколько секунд звон повторился. Кёрт поставил бутылку на стойку, увидел, что поверхность виски дрожит, и окликнул:

— Джек!

Блэр словно не слышал.

— Эй, Джек! — повторил Кёрт уже громче.

Джек, сытый Кёртом Локеттом по горло, взглянул на него:

— Чего тебе?

— По-моему, у нас...

Пол в клубе вдруг вспучился. С визгом лопнули доски. Два бильярдных стола подпрыгнули в воздух на целый фут, шары вылетели из стоек. За стойкой бара с грохотом посыпались с полок бутылки и стаканы. Джека сбило с ног, табулет Кёрта перевернулся. Кёрт приземлился спиной на пол и почувствовал, что доски под ним ходят вверх-вниз, как лопатки необъезженного жеребца.

Движение пола замедлилось, потом вовсе прекратилось. Ошарашенный Кёрт сел и в свете ламп увидел страшную вещь: его бутылка перевернулась, и остатки «Кентакки джент» вытекли.

На полу оказались и Харлэн с Питом. Бёрл кашлял — в горле у него застрял орех. Харлэн встал на колени и крикнул:

— Чем нас приложило?

Раздался треск — так бьет по дереву кувалда. Кёрт услышал, как с пронзительным скрипом выскочили из пазов гвозди.

— Вон! — Он куда-то ткнул пальцем, и все увидели: примерно в десяти футах от них из пола выбило доску. От второго удара еще одна половица взлетела к потолку, и Кёрт разглядел, что из пролома тянется худая рука. Выбив вторую доску, рука ухватила и вывернула книзу третью. Теперь в полу образовался провал, достаточно большой, чтобы в него можно было проползти. Не прошло и трех секунд, как из-под пола медленно полезла какая-то фигура.

— Иисус с Пресвятой Девой Марией, — прошептал за стойкой Джек. В бороду ему набились опилки.

Фигура высунула из дыры голову и плечи, протиснула бедра, вытащила длинные голые ноги и встала.

Это оказалась стройная хорошенькая блондинка лет шестнадцати, одетая лишь в кружевной лифчик и розовые трусики с вышивкой «Пятница» спереди. Девушка выпрямилась во весь рост. Под бледной кожей проступали ребра, волосы в свете ламп влажно блестели. Лицо девушки было таким спокойным, словно всю свою жизнь по вечерам она только и делала, что вылезала из-под полов в кабаках. Взгляд холодных внимательных глаз заскользил по лицам.

— Убила! — ахнул Бёрл. — Чтоб я сдох!

Кёрт попытался встать, но ноги его еще не держали. Он знал, кто это: ее звали Лори Рэйни, после школы она работала в «Замке мягких обложек» по соседству с пекарней и иногда забегала за пончиками с

виноградным мармеладом. Смазливенькая штучка. Кёрту нравилось глядеть, как девчонка жует. Он опять попытался встать и на этот раз довел дело до конца.

Лори заговорила.

— Расскажите про девчушку, — велела она с сильным техасским акцентом. В ее голосе звучала дребезжащая металлическая нотка. Кожа девушки блестела, словно натертая маслом. — *Сейчас же.*

Никто не проронил ни слова, никто не шелохнулся. Лори Рэйни огляделась, медленно, толчками поворачивая голову, словно ее шея соединялась с позвоночником шарниром.

— Про девчушку, — тупо повторил Дж.к. — Про какую девчушку?

— Про хранителя, — глаза Лори нашли Джека, и тому показалось, будто он заглянул в яму со змеями. Там копошилось такое, чего он не желал знать. — А не расскажете — тогда, значит, конец приятной беседе.

— Лори... — Память Керта сбоила, как изношенный мотор. — Что ты делала *под полом?*

— Лори. — Голова девушки дернулась в его сторону. — Так зовут хранителя?

— Нет. Так зовут *тебя*. Елки, ты что, не знаешь, как тебя зовут?

Девушка не ответила. Она медленно моргнула, обрабатывая информацию, и ее губы сердито сжались.

— Невозможно общаться, — констатировала она. Она повернулась, в три шага оказалась у ближайшего бильярдного стола, уперлась ладонями в его край снизу и стремительным движением выбросила руки вперед и вверх. Стол перевернулся, словно был легкий как пушинка, оторвался от пола и, проломив большое, во всю стену, окно клуба, вылетел на стоянку, засыпав стеклом «бьюик» Кёрта и пикап Пита Гриффина.

Девушка целеустремленно подошла ко второму столу, вскинула кулак и проломила покрытую зеленым сукном столешницу. Потом взяла стол за край и швырнула через весь бар в игральные автоматы. Мужчины глазели на это, разинув рот, а Джек Блэр чуть не лишился чувств, поскольку знал: чтобы поднять такой стол, нужны три мужика.

Девушка повернула голову и осмотрела произведенные разрушения. Ее руки совершенно не пострадали, она даже не запыхалась. Она повернулась к мужчинам.

— Ну, теперь побалакаем.

Бёрл Кини взвизгнул, как собака, получившая удар хлыстом, и неуклюже пополз к двери — но куда там! В тот самый миг, когда он потянулся к дверной ручке, «Лори» прыгнула на него. Она перехватила запястье Бёрла и резко вывернула. Кости лопнули, у локтя высунулись наружу их зазубренные края. Бёрл пронзительно закричал и стал вырываться, стремясь выбраться за порог. «Лори», вывернув

Кини сломанную руку, ударила его ребром ладони в лицо. Бёрл съел собственные зубы, а его нос превратился в лепешку. Заливаясь кровью, Кини упал на колени.

Джек пошарил возле кассы и вытащил дробовик. Он вскинул ружье. Девушка повернулась к нему. Джек не знал, что это за чудище, но разделить участь Бёрла не собирался. Он спустил курок.

Грянул выстрел, в плечо ударила отдача. В животе у девчонки появилась такая дыра, что любо-дорого посмотреть, из спины полетели кусочки мяса и серой ткани. «Лори» сбило с ног, она отлетела к стене и сползла по ней на пол, оставляя серый слизистый след.

— Боже Всемогущий! — крикнул Кёрт в наступившей после выстрела тишине. — Ты ее уколошил!

Хэл Маккатчинс взял кий и потыкал подергивающееся тело. В ране на животе копошилось что-то вроде огромного клубка червей.

— Господи, — сказал он сдавленным голосом. — Ты же ее к чертям собачьим...

Девчонка села.

Хэл не успел отпрыгнуть. Она вырвала кий у него из рук так быстро, что ему обожгло ладони. Тяжелым концом кия она ударила Хэла по ногам. Коленные чашечки разлетелись, и Хэл ничком рухнул на пол.

Девчонка встала. Из живота сочилась серая слизь, на губах играла злобная улыбка. Красноватый свет ламп блестел на иголках, которыми был полон ее рот.

— Нарываетесь? — спросила она. — Ну, ладно.

И тупым концом кия ударила Маккатчинса по голове. Кий разломился пополам, а череп Хэла лопнул, как волдырь. Ноги исполнили па танца смерти. Свет упал на обнажившийся мозг.

— Да пристрели ты ее! — заорал Кёрт, но палец Джека уже нажал на спусковой крючок. Раненное в бок существо завертелось на месте и отскочило назад. В воздухе повис серый туман. Кёрт хрипло вскрикнул, потому что обнаружил у себя на руках и рубашке липкую сырость. Существо повалилось на стол, но выпрямилось. Видневшиеся в ране ребра, казалось, были сделаны из вороненого металла, а из дыры в животе вываливался клубок багровых внутренностей. С острым обломком кия в руке «Лори» двинулась к стойке.

Джек неловкими пальцами пытался загнать в казенник новый патрон. Кёрт на четвереньках пополз под стол, в укрытие, а Харлэн с Питом вжались в стену, как застигнутые врасплох тараканы.

Джек вскинул дробовик и приготовился стрелять. Существо метнуло обломок кия, как дротик. Его острый конец пробил Джеку горло и в кровяном облаке вышел сади, но палец Джека дернул курок. Выстрел снес чудовищу правую половину лица, содрав серую ткань и красные мышцы с вороненой металлической щеки и такой же челюсти. Правый глаз твари закатился. Джек, задыхаясь, схватился за горло и упал за стойку.

— Уходи! Уходи! — истерически кричал Пит, но Харлэн схватил стул и запустил им в тварь. Не обратив на это внимания, она кинулась на Харлэна, обеими руками вцепилась ему в горло, оторвала от пола и свернула ему шею как цыпленку. Лицо Харлэна посинело, хрустнули позвонки.

Пит упал на колени, воздев руки и взывая к милосердию.

— Прошу вас... о, Господи, не убивайте меня! — молил он. — Пожалуйста, не убивайте!

Отшвырнув Харлэна Наджента в сторону, точно старый мешок, тварь заглянула Питу в глаза. Она улыбнулась (из раны на лице текла какая-то жидкость), схватила Пита за запястья, поставила ногу ему на грудь и резко дернула.

Руки Гриффина вышли из плечевых суставов. Вздрагивая всем телом, Пит повалился на пол. Он шевелил губами, но слышалось лишь потрясенное пришепетывание.

Кёрт под столом ощутил вкус крови — он прикусил язык, чтобы не закричать. Ему казалось, будто его рассудок утягивает в глубокий омут тьмы: тварь держала перед собой отделенные от тела руки Пита Гриффина, словно штудирова анатомию. Пальцы Пита еще сжимались и разжимались, кропя доски кровавым ливнем.

«Я следующий, — подумал Кёрт. — Господи помилуй, я следующий».

Выбор был прост: остаться или бежать. Не слишком богатый выбор. Кёрт сунул руку в карман и вытащил ключи от машины. Ключи звякнули. Чудовище непостижимым образом повернуло голову так, что лицо оказалось на месте затылка, и единственным горящим глазом отыскивало источник шума.

Кёрт пуль вылетел из-под стола и помчался к разбитому окну. Он услышал два мягких, глухих удара — тварь бросила руки Пита, — потом треск перевернутого стола. Как циркач, ныряющий в обруч, Кёрт выскочил из окна, приземлился на четыре точки и вне себя от страха пополз к «бьюику». Кто-то ухватил его сзади за рубашку, и он понял: чудовище тоже здесь.

Он не стал раздумывать. Он просто захватил пригоршню песка, извернулся и швырнул в свирепое, жестоко изуродованное лицо «Лори Рэйни».

Ослепнув на единственный глаз, она рванула Кёрта к себе и замахнулась. Он быстро пригнул голову и увидел, как на пальцах, промелькнувших у его лица, блеснули маленькие пилки. Кёрт лягнул чудовище и попал ему в грудь. Не дожидаясь, чтобы монстр ухватил его, Локетт-старший вскочил и припустил к машине. Он втиснулся за руль и воткнул ключ в зажигание.

Мотор застучал, как всякий раз, когда не хотел заводиться, но теперь этот шум отдавался в ушах стуком кулака по крышке гроба. Кёрт взревел: «Заводись, едрена палка!» — и до отказа утопил педаль газа. Выхлопная трубка плюнула темным дымом, бормотание мотора

переросло в ворчание, «бьюик» дернулся и пошел задним ходом. Но недостаточно быстро: Кёрт увидел, что чудовище несется к нему через автостоянку клуба «Колючая проволока», как спринтер-олимпиец. Воюя с рулем, чтобы развернуть машину в сторону Инферно, Локетт-старший вылетел на дорогу №67. Но чудовище уже почти догнало его, поэтому Кёрт выжал первую скорость и ринулся вперед с намерением переехать монстра. Перед самым столкновением с «бьюиком» тот подпрыгнул, вцепился в края крыши автомобиля и плюхнулся на нее животом.

Кёрт бросил машину в сторону, пытаясь скинуть чудовище, но тщетно. Тогда он вдавил акселератор и включил фары. В зеленом свете приборного щитка стрелка спидометра ушла за отметку «сорок». Кёрт сообразил, что едет не на юг, а на север, но был слишком напуган, чтобы что-то предпринять, и только вжимал педаль в пол. На пятидесяти милях в час «бьюик» так затрясло из-за лысых покрышек, что руль чуть не вырвался у Кёрта из рук, а на шестидесяти старый мотор зачихал.

Над головой что-то лязгнуло, и в металле крыши вздулся волдырь. Кёрт подумал: «Оно пытается пробить крышу кулаком». Новый удар, и рядом с первым волдырем вскочил второй. В машину медленно просунулась рука, она принялась выворачивать крепления. Винты выскочили. Заскрежетало ржавое железо — монстр отгибал крышу «бьюика», словно крышку банки с сардинами. По ветровому стеклу зазмеилась трещина.

Кёрт дожал скорость до семидесяти миль в час и под вой загнанного мотора понесся по шоссе №67.

УЛИЦЫ ИНФЕРНО

За те семь минут, что прошли с тех пор, как Дифин покинула Коди Локетта, она не встретила на улицах Инферно ни души. Она вернулась было в дом к Тому, Джесси и Рэю, но, хотя дверь оказалась не заперта, жилище пустовало. Дифин толкнулась в двери еще двух жилищ и обнаружила, что одно заперто, а в другом пусто. Туман сгустился, и Дифин обнаружила, что поле зрения человека строго ограничено. От бурой дымки глаза занятого ею тела щипало, они слезились, и, шагая по Селеста-стрит за помощью, Дифин различала только то, что находилось в радиусе менее сорока футов от нее.

Из дыма надвигались два огня. Дифин остановилась, поджидая. Она слышала механический шум: шум работающего на энергии сгорания варварского средства передвижения под названием автомобиль. Но автомобиль сбавил скорость и, не доезжая до Дифин, свернул вправо. Она увидела быстро удаляющиеся смазанные пятна красных габаритных огней и бросилась следом через тот участок песчаной почвы, где пряталась в раковине и познакомилась с существом «Сержант Деннисон». По Селеста-стрит проплыла на восток еще одна пара огней, однако это средство передвижения ехало слишком быстро, чтобы Дифин могла его догнать. Кроме того, к этому времени она уже добралась до Кобре-роуд. Она продолжала бежать в том направлении, куда уехала первая машина, и через минуту в конце улицы вновь заметила красные светящиеся точки. Машина не двигалась, хотя мотор еще урчал. Подбежав поближе, Дифин увидела, что дверцы перевозочного средства раскрыты, однако в поле зрения никого не было. На прямоугольнике, прикрепленном к машине сзади, значилось: «КЕЙД-1». Машина стояла перед строением с распахнутой настежь дверью. Твердые прозрачные пластины в проемах, предназначенных для того, чтобы пропускать внутрь свет (Дифин знала, что они называются «окна»), были перебиты. Укрепленный над дверью прямоугольник с надписью определял строение как «ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ТОВАРЫ».

— Все вывели, подчистую, — сказал Рик Зарре. Ребята стояли в глубине магазина. Рик нашел фонарик и батарейки и осветил разбитый стеклянный прилавок, где раньше были заперты пистолеты. Из выставленных напоказ восьми образцов не осталось ни одного. — Кто-то почистил мистера Латтрелла. — Он направил свет на стойки, где прежде находились шесть винтовок. Ружья тоже исчезли, вырубленные из замков то ли топором, то ли мачете. С полок пропали коробки с боеприпасами. В свете фонарика блеснуло лишь несколько патронов.

— Стоило стараться, — сказал Зарра. — Ладно, двинули на тот берег.

— Тихо. Мистер Латтрелл держит у себя в кабинете ствол. — Рик толкнул вращающуюся дверь и оказался на складе. За светом потянулся и Зарра. Контора была заперта, но Рик двумя пинками высадил дверь и прошел к заваленному бумагами столу управляющего. Ящики тоже оказались заперты. Он вышел в склад, нашел коробку с отвертками, вернулся и взялся за работу. Пользуясь отвертками как рычагами, они с Заррой открыли ящики и в нижнем, под стопкой «Плэйбоев» с загнутыми уголками, нашли заряженный револьвер тридцать восьмого калибра и коробку патронов. В больнице Рик с Заррой узнали от полковника Рудса о двух космических кораблях и существах по имени Дифин и Кусака. Рик все еще чувствовал на горле скользкую чешую хвоста страшной твари. Будь он проклят, если вернется на Окраину без пушки. «Клык Иисуса» не мог сравниться с огневой мощью «Смит-Вессона».

— Айда, мужик! — нервно подстегнул Зарра. — Ты же уже отоварился!

— Верно. — Рик вышел из конторы, Зарра за ним. Шагая по складскому помещению, ребята вдруг слышали в торговом зале треск и лязг, от которых душа у них ушла в пятки. Зарра тихо застонал от ужаса, а Рик щелкнул предохранителем, вскинул револьвер и зашарил лучом фонарика по складу, поворачивая дуло «Смит-Вессона» за светом.

Никого. Кто-то такой же умный, как мы, пришел разжиться стволом, подумал Рик. Он надеялся, что так и есть.

— Кто здесь? — спросил он.

Слева от него что-то пошевелилось. Он посветил на полки с мотками веревок и проволокой и предостерег:

— У меня пушка! Гляди, прошибу твою поганую... — Тут луч фонарика высветил виновницу переполоха, и Рик осекся.

Она стояла с мотком веревки в руках. С полки, разгромив витрину, где были выставлены жестянки с гвоздями, свалился моток медной проволоки. Одета она была точь-в-точь как говорил полковник Рудс: пыльная футболка с надписью «Джетсонс» и джинсы, а лицо было лицом дочки мистера Хэммонда. Однако, если верить Рудсу, за ним пряталась инопланетянка по имени Дифин. Она-то

и была той девчушкой, которую разыскивала тварь с автодвора Кейда.

— Стоять! — Горло у Рика словно пылью забилося. Сердце колотилось так сильно, что шумело в ушах. — У меня пушка, — повторил он, и рука, державшая оружие, задрожала.

— Коди Локетту нужна помощь, — спокойно сказала Дифин, щурясь от резкого света. Отыскав в банках памяти термин «пушка», она идентифицировала его как примитивное оружие куркового типа. По голосу человека Дифин поняла, что тот перепуган, поэтому стояла очень тихо.

— Это она, — прошептал Зарра, с трудом держась на ногах. — О Господи, это она!

— Что ты тут делаешь? — спросил Рик, держа палец на спусковом крючке.

— Я увидела ваше средство передвижения и последовала за вами, — объяснила Дифин. — Коди Локетт нуждается в помощи. Вы пойдете со мной?

Рику потребовалось несколько секунд, чтобы осознать услышанное.

— Что с ним?

— Он упал. Под низ.

— Подо что?

Дифин вспомнила имя, которое Коди Локетт назвал ей в том доме, и с усилием выговорила:

— Под жилище миссис Стел-лен-берг. Я отведу вас туда.

— Дудки! — сказал Зарра. — Мы возвращаемся на Окраину! Верно, Рик?

Второй паренек не отвечал. У него не было твердой уверенности, где Локетт, но существо как будто бы говорило, что он провалился под дом.

— Не знаешь, глубоко он слетел?

— Тринадцать, запятая, шесть десятых земного фута. Приблизительный подсчет, погрешность — три дюйма.

— А.

— На основании визуальной оценки данных я вычислила, что длина данной привязи составляет пятнадцать земных футов. — Дифин попыталась поднять тяжелый моток веревки, который стащила с полки. Мышцы рук тела «дочери» напряглись. — Вы поможете мне?

— Забудь про Локетта, мужик! — заупрямился Зарра. — Пошли к своим!

Дифин не поняла характера отказа.

— Разве Коди Локетт не свой?

— Нет, — сказал Рик. — Он из Щепов, а мы — Грему... — И замолчал, сообразив, какой глупостью это должно казаться существу с другой планеты. — Он не такой.

— Коди Локетт человек. Вы человеки. В чем разница?

— Наши живут за рекой, — сказал Зарра. — Туда мы и идем. — Он направился по проходу к двери и, увидев, что Рик не идет за ним, остановился на пороге. — Пошли, мужик!

Рик продолжал светить девочке в лицо. Она не сводила с него глаз, ожидая ответа. Коди Локетт был Рiku никто и ничто, но все-таки... похоже, беда пришла ко всем одна: фиолетовая решетка заперла в клетке и «Отщепенцев», и «Гремучих змей».

— Пожалуйста, — взмолилась Дифин.

Он вздохнул и опустил револьвер.

— Возвращайся в церковь, — велел он Зарре. — Скажи Паломе, что я в порядке.

— Ты рехнулся! Твой сраный Локетт ради *тебя* и пальцем не шевельнет!

— Может, и так, но я не Локетт. Давай двигай, возьми машину. Я приду, когда смогу.

Зарра запротестовал было, но он знал: если Рик что решил, его уж не собьешь.

— Маразм! — пробормотал он и уже громче сказал: — Осторожнее там. Понял?

— Понял, — ответил Рик. Зарра вышел, сел в «мерседес» Кейда и покатил в сторону моста.

— Ладно, — сказал Рик Дифин, когда «мерседес» исчез из вида и передумывать было поздно: — Веди.

Тварь била кулаком по крыше «бьюика» Кёрта, как по наковальне, проминая железо. Крыша над головой Локетта-старшего походила теперь на раздавленную жестянку из-под пива. Машина содрогалась, грозя вот-вот потерять управление, стрелка спидометра дрожала у сумасбродной отметки «семьдесят».

Кёрт пронзительно крикнул: «Слазь!» и резко бросил машину вправо, потом влево. «Бьюик» взревел, пошел юзом и съехал с дороги, взметнув тучу пыли и камней. Когда колеса вновь оказались на асфальте, Кёрт в свете фар различил какой-то силуэт: перед ним со скоростью около двадцати миль в час полз пикап, нагруженный убогой мебелью. На штабеле ящиков сидел темноволосый малыш-мексиканец. Глаза ребенка расширились от ужаса. Кёрт вцепился в непокорный руль, и «бьюик» с визгом пронесся мимо пикапа, подняв пыльный смерч.

Дорога петляла между красноватыми валунами величиной с дом. Сквозь вой мотора Кёрт расслышал скрип жести: «Лори» отгнала крышу. Не теряя времени даром, пальцы с металлическими ногтями ухватились за верх дверцы со стороны пассажирского сиденья. Снова вылетели винты. Все это время «Лори» продолжала дубасить кулаком по крыше «бьюика». Кёрт снова резко рванул машину влево, вправо, но чудовище держалось цепко, как клещ.

Между краем ветрового стекла и крышей образовалась щель. Трещины превратили стекло в головоломку. Пальцы «Лори» обхватили ржавый край дверцы, и Кёрт заколотил по ним кулаком. Тварь тянула руку внутрь, нашаривая Кёрта, и чуть было не вцепилась ему в волосы, но он успел отодвинуться на соседнее сиденье. Машину развернуло, она съехала с дороги и запрыгала по ухабам. Кёрт стукнулся головой о помятую крышу. Вдруг тварь, не удержавшись, скрежеща металлическими ногтями, соскользнула с крыши. Она хотела за что-нибудь ухватиться, но ничего не нашла. Кёрт увидел в зеркало заднего обзора, как «Лори» слетела с виляющего багажника.

Покатость корпуса скрыла от него залитое алым светом задних фар наполовину уничтоженное лицо. Кёрт издал радостный вопль.

— Чтоб ты сдохла! — хрипло проорал он, резко разворачивая машину и снова вырываясь на шоссе. — Я т-тя отучу лезть к ковбоям!

Прямая лента шоссе №67 все дальше углублялась в пустыню. В каких-нибудь двух милях впереди вдоль всего горизонта, перекрывая дорогу, в землю уходила лиловая решетка. За ней переливалось море красно-синих мерцающих огней: машины полицейского управления штата.

«Не может такая штука быть твердой, — вспомнил Кёрт Харлена. — Нипочем».

Он взглянул на спидометр. Семьдесят пять миль в час. Можно прорваться, сказал он себе. Промчатся насквозь, будто эта штука стеклянная. А если нет... ну так я ж об этом никогда не узнаю, верно?

До отказа вдавив акселератор, Кёрт сжал руль, чтобы совладать с плшущими колесами. Ноги обдавало жаром: в салон просачивалось дыхание разогретого мотора.

Послышалось гулкое «бум!», словно взорвалась бомба, и из-под капота забил пар. Выхлопная труба выплюнула черный дым. «Бьюик» остановился, гулко лязгая железом в моторе. «Доездили, — подумал Кёрт. — К чему-то здорово приложился». Стрелка спидометра немедленно пошла вниз: семьдесят... шестьдесят пять... шестьдесят...

Решетка быстро неслась навстречу, угрожающе увеличиваясь в размерах. «Успею, — рассудил Кёрт. — Как штык. Можно проскочить прямо через это гадство, потому что такая хреновина не может быть твердой...

А сына-то я бросаю».

От осознания этого факта у Кёртахватило дух. «Сматываю удочки, как последний трус, а сына бросаю тут».

Сына.

Стрелка спидометра упала до отметки пятьдесят. До решетки оставалось меньше полумили. «Еще можно успеть», — подумал Кёрт.

Но его левая нога замерла над педалью тормоза. Кёрт медлил в нерешительности, а расстояние ярд за ярдом сокращалось.

«Чертенюк не даст себя в обиду, — подумал Кёрт. — И ежу ясно».

И вдавил ногу в пол. Педаль тормоза треснула, оборвалась, из-под тормозных колодок полетели искры. Машину заполнил запах гари. Тормоза отказали.

Перед ветровым стеклом выросла решетка, а за ней — мигающее море огоньков.

Он дернул ручной тормоз и с трудом переключил скорость с четвертой на вторую. Раздался сильный скрежет и что-то вроде автоматной очереди: сорвались приводы. Машину тряхнуло. Послед-

ние две сотни ярдов «бьюик», не останавливаясь, прошел на скорости сорок миль в час. Кёрт выкрутил руль, но лысые покрышки придерживались собственного мнения, и, когда колеса начали поворот, Локетт-старший понял: с решеткой не разминуться.

В открытое окно со стороны пассажирского сиденья внезапно просунулась рука. За ней протиснулись голова и плечи, и Кёрт сообразил, что все это время тварь пиявкой висела у «бьюика» на боку. Единственный глаз чудовища, пылая холодной яростью, уперся в него; рука тянулась к лицу.

С пронзительным криком Кёрт выпустил руль. «Бьюик» свернул с дороги, направляясь к решетке, до которой оставалось пятьдесят ярдов. Кёрт успел увидеть, что стрелка спидометра зависла чуть ниже отметки тридцать миль в час, а потом светловолосое существо протиснуло в машину полтела.

Оставался единственный выход. Кёрт рванул ручку вверх, навалился на дверь и прыгнул. Он приземлился в мягкий песок, но удар был достаточно резким: у Локетта-старшего захватило дух, а из глаз посыпались искры. Однако ему хватило благоразумия откатиться от машины и, не останавливаясь, катиться дальше.

«Бьюик» проехал еще пятнадцать футов и врезался в решетку. Лиловое переплетение в месте столкновения вспыхнуло накаленной краснотой печного устья. Капот вмялся, двигатель проломил ржавую перегородку, как раскаленный докрасна кулак. В существо с лицом Лори Рэйни полетели кинжально-острые куски металла. В следующий миг чудовище придавил рухнувший вниз приборный щиток.

Машину отбросило назад. Смятый капот ало светился, словно впитав исходящий от решетки жар. Шины плавились. Чадя, горело масло. Оранжевая вспышка, взрыв, разрывающий барабанные перепонки, — и бьюик разорвало на части. Крутясь, разлетелись обломки. Между ударом и взрывом прошло примерно три секунды.

Кёрт лежал на животе, его рвало «Кентакки джент». Вокруг на землю с грохотом сыпались куски машины. От запаха ему стало совсем худо. Рвота не прекращалась до тех пор, пока в желудке у Кёрта не осталось ничего, кроме воздуха.

Кёрт поднялся на колени. Из носа хлестала кровь. Сомневаться не приходилось: он был сломан. Правда, болело не слишком сильно. Кёрт рассудил, что боль придет позже. С руки, на которую он приземлился, свисали лохмотья кожи. От плеча до локтя шла сплошная красная полоса фрикционных ожогов. Бок тоже припало до сырого мяса. Во рту держался привкус крови. Кёрт выплюнул зуб и уставился на то, что прежде было его машиной.

Останки «бьюика» горели. Они напоминали черные загогулины плавающей лакицы. В лицо Кёрту пахло страшным жаром. Красное сияние решетки тускло, вновь сменяясь холодным фиолетовым. Снова прогремел взрыв, пошел серебряный дождь расплавленного металла.

Кёрт поднялся. Ноги у него подкашивались, но в остальном все было в порядке. Он нащупал языком слева еще один зуб, свисавший на ниточке плоти, полез в рот и вынул кусочек отколотой эмали.

Из руин «бьюика» что-то выбежало.

Оно бежало прямо на Кёрта, он пережил слишком сильное потрясение, чтобы стронуться с места.

Обгоревшая до черноты, сгорбленная, изуродованная тварь напoминала безголовый обугленный труп. Единственная уцелевшая рука раненой змеей корчилась у бока, а там, где кончался хребет, ожесточенно стегала вверх-вниз еще какая-то обгорелая штука.

И снова Кёрт не двинулся с места. Он понимал, что надо удирать, но мозг не мог дать команду ногам.

Это воплощение ужаса, шатаясь, пробежало примерно в десяти футах перед Кёртом. Он почувствовал тошнотворно-сладковатую вонь, вроде запаха горящего пластика, и услышал страшный пронзительный свист. Существо споткнулось, сделало еще с полдюжины скачков, а потом упало на колени в мягкий песок и принялось отчаянно закапываться с помощью уцелевшей руки. Полетел песок; тварь зарылась обрубком шеи и плечами в нору, взметая ногами фонтаны песка. Через несколько секунд она оказалась в земле до пояса и вдруг начала неудержимо содрогаться всем телом. Ноги подергивались, слабо расталкивая песок сожженными ступнями.

Наконец она затихла. Из песка торчали только почерневшие ноги.

Даже за миллион долларов с целым грузовиком «Кентакки джент» впридачу Кёрт ни на шаг не подошел бы к этой чертовщине. Сказать по правде, сейчас ему меньше всего хотелось виски. Он отдал бы все на свете за глоток воды, чтобы прополоскать забитый землей и песком рот. Он попытился от обугленного существа — оно не шелохнулось, не встало с песка. Кёрт молил Бога, чтобы оно было мертво.

Точно во сне или в дурмане, он повернулся к решетке.

За ней стояли не только машины полицейского управления штата, но и несколько темно-синих легковых машин, фургоны без опознавательных знаков и пара белых панелевозов. А еще там было полно полицейских и людей в темно-синей форме и кепи. «Служивые, — решил Кёрт. — Синяя форма? Похоже, летуны».

Он подошел поближе к решетке, чтобы лучше их рассмотреть. Решетка слабо гудела, и у него больно закололо в ушах. В воздухе пахло грозой. За машинами сидел вертолет. Кёрт разглядел винты, но рокота мотора не услышал. В стороне, чуть правее, стояли два больших трейлера и опять грузовики. Вдали по шоссе №67 двигалось множество огней. Там впереди пробка, сообразил Кёрт. Он высморкал кровавые сопли, утерся тощей рукой и увидел, что по другую сторону решетки началась суета.

Собралась группа из восьми или девяти человек. Они делали Кёрту знаки подойти ближе. Судя по напряженным лицам, ему кричали, однако Кёрт не сумел расслышать ни слова.

Не доходя до решетки примерно шесть футов, он остановился. Слева на земле лежало что-то очень похожее на половину сгоревшего койота.

Какой-то мужчина в штанах защитного цвета и серой трикотажной футболке с пятнами пота замахал руками, чтобы привлечь его внимание. Он сложил руки рупором вокруг рта и, по-видимому, стал что-то кричать. Кёрт покачал головой и показал на уши. За решеткой торопливо посовещались, потом один из них помчался к панелевозу.

Вперед протиснулся человек в форме военного летчика и кепи с кокардой. С горбоносого лица на Кёрта уставились темные глубоко посаженные глаза. На приколотой к кителью табличке с именем Кёрт прочел: «Полк. Бакнер». Не зная, что делать, он дурашливо козырнул, и Бакнер угрюмо улыбнулся.

Тот, кто бегал к панелевозу, вернулся с отрывным блокнотом и черным толстым фломастером. Бакнер взял их, что-то нацарапал, а потом поднял так, чтобы Кёрт увидел: «ПОЛКОВНИК РОУДС ЖИВ?»

Кёрт припомнил, что слышал про полковника ВВС в клубе «Колючая проволока», и закричал: «Думаю, жив!», но понял, что его тоже не слышат. Тогда он кивнул. Бакнер вырвал из блокнота первый лист и написал следующий вопрос: «ВЫ МОЖЕТЕ РАЗЫСКАТЬ РОУДСА И ПРИВЕСТИ СЮДА?»

Кёрт беззвучно спросил «Как?» и показал на сгоревший «бьюик». Человек в защитных штанах ткнул пальцем куда-то за спину Кёрту, и тот обернулся, чтобы посмотреть. Там со скрипом затормозил набитый мебелью пикап. Водитель, кряжистый латиноамериканец, вылез из машины и глазел на решетку. На пассажирском месте сидела женщина с младенцем на руках, а мальчуган в кузове вскарабкался на самый верх, чтобы лучше видеть. Мужчина шагнул вперед, что-то быстро говоря по-испански.

— Брось, *амиго*, — сказал Кёрт, ухватив суть того, о чем говорил мужчина. — Выхода нет. — Он опять обернулся к офицеру. Бакнер написал в блокноте следующее: «ЧРЕЗВЫЧАЙНО ВАЖНО РАЗЫСКАТЬ РОУДСА. МЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ В КУРСЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДЕЛ».

— Положение дел ей-же-ей дерьмовое, — ответил Кёрт и мрачно расхохотался.

— Ищу, как выбраться, — объяснял шофер грузовика. В его голосе звучала близкая паника. — У меня тут жена с детьми! Нам надо выбраться!

— Только не по этой дороге. — Кёрт осмотрел восток и запад. Ни там, ни там проломов в решетке не было. — Спокойненько можете ехать обратно в город.

— Нет! Нам надо выбраться!

— Вот *это* была моя машина, — Кёрт ткнул большим пальцем в сторону пылающих останков. — Она врезалась в эту сволочную

клетку. — Он нагнулся, поднял камень величиной с кулак и бросил в решетку. Раздался короткий треск, словно что-то лопнуло, и камень взорвался, превратившись в облако искр. — Вряд ли тебе охота, чтоб от твоей семьи осталось мокрое место, а?

Мужчина замаялся. На морщинистом лице читалось потрясение. Он посмотрел на жену и сына, потом снова на решетку.

— Нет, — наконец сказал он. — Этого я не хочу.

Кёрт взглянул на летчиков. Бакнер еще держал блокнот, и Кёрт сделал полковнику знак: согласен.

— На твоём месте я б вернулся в город, — сказал он мексиканцу. — По этой дороге нынче ночью никому не выбраться.

— *Си.* — Мужчина немного постоял, не зная, что делать, а потом пошел сказать жене, что они не едут в Одессу.

Кёрт подошел к тому месту, где лежало в песке обгорелое существо. Оно по-прежнему не шевелилось. Он набрал кровавой слюны и сплюнул. Плевок попал твари на ногу и зашипел. Кёрт ретировался к пикапу и забрался в кузов, втиснувшись между ящиками и тростниковым столом. Напротив, поджав ноги по-турецки, сидел мальчуган и с интересом разглядывал его большими, как грецкие орехи, темными глазами. В клетке кудахтали и трепыхались четыре курицы, а когда мексиканец задним ходом подал грузовик от решетки, тот задрожал, готовый вот-вот сломаться. Мексиканец развернул грузовик и взял курс на Инферно. Кёрт смотрел на полицейские мигалки, пока дорога не повернула и не скрыла их из вида. Тогда он опустил подбородок на тощие колени и попытался запретить своей памяти возвращаться в клуб «Колючая проволока», где лежали пять растерзанных трупов. Задача оказалась невыполнимой. Кёрта охватила дрожь, на глаза навернулись слезы. Он чувствовал себя полностью разбитым. «Надо найти Коди, — подумал он. — Надо найти моего мальчика».

Его потянули за отворот штанины. Мальчуган протиснулся вперед и сказал:

— Будет порядок, мистер. Будет порядок. — Ребенок полез в карман грязных джинсов, вытащил полупустую пачку мятных леденцов и предложил Кёрту леденечное колечко. Кёрту представилась вешалка для галстуков в руках у сына, и сердце его едва не разбилось.

Он понурил голову. Мальчик вытащил леденец и положил рядом с дядей.

ДЫРА

У Коди омертвели руки, от которых отхлынула вся кровь. Ноги казались тяжелыми, как стофунтовые мешки цемента. Несмотря на то, что Дифин ушла десять, самое большее пятнадцать минут назад, силы быстро покидали Коди. Он ничего не мог поделать и беспомощно висел, вцепившись сведенными судорогой пальцами в трубу. По лицу мальчика катился пот.

— Помогите! — крикнул парнишка и немедленно пожалел об этом. Труба опять качнулась, в дыру хлынула земля. «Она меня бросила, — подумал Коди. — Сбежала. Черт, она небось даже не врубилась, что я влип! Нет, нет, — поправил он себя, когда паника снова вгрызлась ему в кишки. — Она пошла за помощью. Конечно. Она вернется». Оставалось только держаться. От нервного потрясения мальчика знобило, от затекших рук по плечам ползли мурашки.

А потом Коди услышал нечто такое, отчего по спине побежали мурашки.

Звук был тихий, и сперва он подумал, что это, должно быть, посыпалась на дно провала земля, но, чем дольше он слушал, тем больше убеждался: дело обстоит иначе. Звук был таким, словно кто-то крадучись торопливо пробирался по воде.

Коди затаил дыхание. Шум шел снизу, из темноты. Там что-то двигалось.

— Локетт! Ты здесь?

От неожиданности Коди чуть не разжал пальцы. Он поднял голову и разглядел, что над дырой кто-то склонился.

— Да! Здесь!

Вспыхнул карманный фонарик. По провалу зашарил луч света.

— Что, мужик, попался? В глубокой дыре, да?

В голосе звучал мексиканский акцент. Коди узнал этот голос, преследовавший его во сне издевками. Однако спросил: «Кто здесь?»

— Рик Хурадо, *су бьен амиго*, — прозвучал саркастический ответ. — *Твой добрый друг*. У нас веревка. Держи.

— А с тобой кто?

— Другая твоя подружка, — ответил Рик, и Коди понял, о ком идет речь.

Револьвер Рика лежал на крыльце. Дифин из любопытства потянулась к нему, но Рик сказал: «Лучше не трогай. А то будет в тебе дырка», и она кивнула и убрала руку. Рик искал, за что бы зацепить веревку, и волей-неволей остановил выбор на белых кованых перилах крыльца.

— Привязь недостаточно длинна, — сказала Дифин, измерив взглядом расстояние от того места, где Рик привязывал веревку, до дыры. — Нехватка составит три фута.

— Что ж поделаешь. Придется обойтись тем, что есть. — Паренек размотал веревку, вернулся к дверному проему и остановился на пороге. — Лови! — крикнул он, сбрасывая ее вниз. Направив луч фонарика в провал, он увидел, что Дифин права: конец веревки болтался в трех футах над вцепившимися в трубу пальцами Коди.

Коди посмотрел на веревку. Три фута никогда еще не казались ему таким огромным расстоянием. Он попытался подтянуться, но отбитые ребра опять прострелила боль, а труба со скрипом зашаталась. Крикнув: «Не достаю!», он опять повис, чувствуя, что руки у него сейчас оторвутся. В луче фонарика стали видны ручейки серой слизи, которая сползала по стенам дыры и капала в темноту.

Рик понял, что надо делать. Он спокойно сказал: «Будь оно все проклято», — и подал фонарик Дифин. «Держи. Свети на него. Понятно?» Она кивнула. Рик ухватился за веревку, спустил ноги в дыру и пополз вниз.

Он повис в нескольких дюймах над трубой, не желая наваливаться на нее своей тяжестью. Труба так вибрировала, что Рик догадался: несколько лишних фунтов — и она отломается от стены.

— Локетт! — сказал он. — Ближе мне не подобраться! Тебе придется дотянуться до моих ног!

— Не получится, мужик. Устал. Не смогу. — Коди был способен лишь висеть без движения. Он боялся, что если еще хоть раз качнет трубу, то она сломается — или подведут скользкие ладони. — О Господи, мои руки...

— Не пудри мозги! Хватайся за ноги, и точка!

Подошвы башмаков Рика были примерно в пяти дюймах над тем местом, где Коди держался за трубу. Коди понимал, что единственный выход — последовать совету президента «Гремучек», но силы быстро убывали, а напряжение казалось чудовищным. Спинные мышцы превратились в холодные пласты сплошного страдания, по грудной клетке растекалась колющая боль. «Тянись, — велел себе паренек. — Тянись, и все. Сперва одной рукой, потом другой». Он потянулся

было — и его решимость расплзлась, как сырой картон. Паренек крепче стиснул пальцы, но даже такое незначительное движение заставило трубу задрожать и застонать. Внутри у Коди все сжалось и перевернулось. Он подумал: «Боюсь до усеру» — и сказал:

— Не могу.

Бицепсы Рика вздулись — он был готов к тому, что тяжесть Локетта вот-вот рванет его вниз.

— Давай-давай, крутой гринго! — поддразнил он. — Что, сейчас мамочку начнешь звать? — Локетт не ответил. Рик почувствовал, что парень сдался. — Эй, я с тобой разговариваю, кретин! Отвечай!

Несколько секунд молчания. Потом:

— Сдаюсь.

— Я тебе сдамся по жопе, деревенщина! Может, я должен бросить тебя тут и забыть, а, говнотряс?

— Может, и должен. — Коди опять услышал внизу быстрый топот. Сердце его бешено заколотилось, и он попытался напрячь мышцы для новой попытки, но рассудок подсказал ему, что стоит шелохнуться, и труба рухнет.

— Мужик, да моя сеструха храбрее тебя! И бабуля тоже! — Рик рассуждал так: издевками можно взбесить Коди настолько, что он отпустит трубу и дотянется до его ботинок. — Знал бы я, что ты такая баба, давным-давно навешал бы тебе!

— Заткнись, — прохрипел Коди.

Почти созрел, подумал Рик и сказал первое, что пришло в голову:

— Говорил же я сеструхе, что ты и гроша ломаного не стоишь.

— А? Что там насчет сестры?

Рик немедленно воспрянул духом.

— Миранда расспрашивала про тебя. Кто ты и все такое. Она-то думала, ты правильный парень. Понял? *Правильный*.

— Она так сказала?

— Ага. — Рик счел эту ложь необходимой. — Ты, мужик, себе голову-то не забивай. Она у меня видит неважнец.

— Зато смазливенькая, — сказал Коди. — Клевая телка.

В любое другое время Коди за такое замечание схлопотал бы в зубы. Однако сейчас Рик видел в этом возможность снять Коди с трубы. — Да ты, никак, неровно дышишь к моей сестренке?

— Ага. Похоже, так.

— Хочешь еще ее увидеть — вылезай. Только, если не подтянешься, ничего не выйдет.

— Не могу, мужик. Я в ауте.

— Вот что я сейчас сделаю, — сказал Рик. — Спущусь еще немного и поставлю ногу на трубу. По моим прикидкам, эта железка разломится пополам. А ты либо ухватишься за меня, либо полетишь вниз. Ясно?

— Нет. Погоди. Я не готов.

— Готов, готов! — Рик спустился по веревке еще на пару дюймов и для начала поставил на трубу правую ногу.

Труба бурно отреагировала на новую нагрузку. Она сильно затряслась и начала прогибаться внутрь. Рик крикнул: «Хватайся!»

Лицо Коди в луче фонарика блестело от пота. Он стиснул зубы и почувствовал, что труба колышется, готовая рухнуть. Сейчас или никогда. Пальцы не хотели разжиматься. В глаз Коди скатилась капля пота, и он зажмурился.

Рик поставил на трубу вторую ступню и перенес тяжесть тела на ноги. «Ну!» — подстегнул он, когда труба начала отрываться от стены и вниз дождем посыпались земля и камни.

— Ах ты сука! — крикнул Коди, и пальцы его правой руки разжались. Он повис на одной руке, а другой потянулся к шиколотке Рика Хурадо. Мышцы заныли от нестерпимой боли. Коди дотянулся до ноги Рика, крепко сжал пальцы — и вдруг труба прогнулась, вырвалась из стены и в водопаде земли полетела вниз.

Рик, обжигая ладони, съехал по веревке как можно ниже и намертво вцепился в нее. Теперь вся тяжесть приходилась ему на руки и плечи, поскольку Коди держался за одну лодыжку Рика и пытался поймать вторую. Ребята качались между покрытых слизью стен. Раздался приглушенный треск — пятнадцать футами ниже труба ударилась о землю.

Коди поймал левую ногу Рика, подтянулся и обхватил его за пояс. Рик слышал, как затрещала под двойной тяжестью веревка — если бы перила наверху обломились, обоим пришлось бы долго падать, — и вместе с висевшим на нем Коди поднялся на пару футов. На руках вздулись мышцы и вены, в ушах зашумело. Потом Коди ухватился за конец веревки, и Рик стало немного легче.

— Вылезайте! — крикнула Дифин. — Вылезайте!

Рик полез вверх, перехватывая веревку руками. Башмаки срывались, скользя по медленно стекавшей по стене слизи. Коди попытался последовать его примеру, преодолел примерно четыре фута, а потом руки отказались ему служить. Он повис. Рик вскарабкался наверх, подтянулся и перевалился через порог дома.

— Вытащи его! — сказала Дифин и сделала попытку свободной рукой вытянуть веревку. Другой рукой она держала Коди в луче фонарика. — Скорее! — Настойчивость в ее голосе заставила лежавшего на животе Рика подняться и заглянуть за край дыры.

Шестью футами ниже Коди кто-то поднимался по стене. Кто-то седой. Отворачиваясь от света и погружая руки в слизь и землю, этот кто-то с легкостью альпиниста преодолевал подъем.

Коди его не видел. Он шурился на пыльный луч.

— Давай, мужик! Помоги!

Уперевшись ногой в порог, Рик обеими руками ухватился за веревку и начал тянуть. Он сам был чуть жив, а Локетт висел, как мешок.

Коди поднялся еще на четырнадцать дюймов и попытался оттолкнуться от стены, но слизь оказалась слишком густой.

Чья-то рука ухватила его за левую щиколотку. Парнишка посмотрел вниз и увидел ухмыляющееся лицо Кошачьей Барыни.

Только теперь рот вдовы был полон серебристых иголок, а кожа стала рязбой, серовато-желтой, как у сгнившей на солнце дохлой змеи. Прижимаясь животом к стене, она пыталась спрятаться за Коди от света. Глаза Кошачьей Барыни пылали холодным огнем. Она заговорила, и ее голос напомнил Коди свист пара, бьющего из прорванной трубы:

— Не спешши, ниччччтожжесство...

Секунды на три Коди оцепенел и за этот промежуток времени понял значение слова «ужас». Кошачья Барыня тянула его к себе, все крепче сдавливая холодными пальцами, впиваясь свободной рукой в слизь и землю. Рик лихорадочно дернул веревку, и Коди опомнился. Повинуясь инстинкту, он лягнул Кошачью Барыню в лицо. Ощущение было такое, будто он с маху пнул кирпич, однако из пасти чудовища полетели выбитые зубы-иглы, а нос лопнул, как ракушка улитки.

Коди рывком освободил щиколотку, и ногу обожгла боль — это ногти Кошачьей Барыни прорвали башмак и прошлись по живому. В следующую секунду мальчик уже карабкался вверх, так шустро перебирая руками, будто родился обезьяной, а Рик тянул веревку на себя. В результате Коди выбрался из дыры столь стремительно, что сбил с ног Дифин. Фонарик покатился по крыльцу. Не вставая на ноги, Коди поскорее отполз от дыры, а Рик бросил веревку и отскочил от дверного проема. Он слышал влажное чавканье — монстр поднялся к ним.

— Свет! — крикнул он. — Давайте свет!

Дифин, у которой звенело в ушах, увидела лежащий у самых ступенек фонарик и поползла за ним.

Из дыры по локоть высунулась рука. Металлические ногти вгрызлись в деревянную раму двери, и монстр принялся выбираться наружу. Вторая рука зашарила в воздухе, отыскивая ноги Рика, и парнишка лихорадочно лягнул ее.

Дифин подняла фонарик и направила на дверь. Луч ударил в сморщенное, поблескивающее лицо твари. С булькающим криком, в котором смешались боль и ярость, Кошачья Барыня вскинула руку, загораживая глаза. Тем не менее она вот-вот должна была выбраться из дыры. Она напрягла мышцы, качнулась вперед, рухнула на крыльцо, извернулась и кинулась на Рика.

Она неминуемо схватила бы его, но Коди шагнул вперед и ткнул ей в лицо рукой, с которой вырос лишний, металлический, палец: ствол револьвера, подобранного им на крыльце. Он выстрелил в упор, и часть челюсти миссис Стелленберг провалилась внутрь. Вторая пуля вошла в глаз, третий выстрел сорвал лоскут мяса с прядью седых волос, обнажив вместо кости бугристую серовато-си-

нюю металлическую поверхность, которая шевелилась, точно мешок, полный змей.

Чудовище распылило рот, вытянуло шею и вскинуло голову, собираясь отхватить Коди руку с револьвером. Он выстрелил прямо в пасть. Хлынул водопад серебряных игл, в затылке твари образовалась дыра, и оттуда выплеснулась серая жидкость. Мальчик попятился, уворачиваясь от руки, метнувшейся к его коленям. Рик, откатившись к краю крыльца, оказался вне пределов досягаемости монстра. Дифин не двинулась с места и по-прежнему стояла рядом с Коди, ровно держа фонарик обеими руками.

Тело Кошачьей Барыни задрожало. Руки и ноги под ломкое похрустывание начали удлиняться. Сквозь желтоватую кожу проступил темный чешуйчатый покров. Хребет твари прогнулся, и выросший у нее на спине мясистый горб лопнул вдоль позвоночника. Выпустив хвост, чудовище хлестнуло им по навесу над крыльцом, и тут Дифин схватила Коди за руку и потащила прочь. Руки и ноги Кошачьей Барыни менялись, они стали мускулистыми, похожими на лапы насекомого, и покрылись кожистой чешуей. Нелепое тело, лежавшее брюхом на земле, поднялось и скользнуло вперед, оставив слизистый след.

Вытянув руку с револьвером, Коди дважды выстрелил. Первая пуля угодила твари в лицо и вмяла его внутрь, запрокинув голову чудовища. Вторая уничтожила очередную порцию зубов-иглоков и выбила нижнюю челюсть из суставов. А потом Коди спустил курок, и боек ударил по пустому патроннику.

Тварь молотила по лучу фонарика, пытаясь ухватить его, словно это было что-то осязаемое, материальное. Потом стегнула хвостом: костяные шипы в злобном неистовстве охаживали полоску света. Единственный глаз на изуродованном мокром лице дергался в глазнице. Рик уже успел перескочить через перила крыльца, Дифин с Коди отступали по ступенькам.

Тварь издала тонкое пронзительное шипение, в котором странным образом соединились визг человека и зудение насекомого, отступила к дверному проему и поспешно скрылась во мраке дыры. Далеко внизу послышалось внушительное «бух», а потом легкое шуршание, словно где-то закапывался в норку краб.

— Ушел, — сказала Дифин. У нее сдавило горло. — Кусака ушел.

— Господи, — хрипло выговорил Коди. По лицу тек маслянистый пот, и парнишка чувствовал, что близок к обмороку. — Так *это* был Кусака?

— Это творение Кусяки. Все его творения — это он сам.

Рик отошел и нагнулся над канавой. В желудке бурлило, но наружу не шло. Коди сказал:

— Ты в норме?

Рик сплюнул. Слюна на вкус напоминала аккумуляторную кислоту. Ему удалось выговорить:

— Ага. Я таких уродов каждый день вижу, мужик. А ты нет? — Он выпрямился, вдохнул провонявший горелой резиной воздух и протянул Коди руку. — Гони ствол.

Коди протянул ему револьвер. Рик вскрыл коробку с патронами и перезарядил барабан. Дифин направила фонарик себе в лицо и глядела на свет, пока не ослепла, потом подвигала в луче рукой.

— Это фонарик, — объяснил Коди. — Работает от батарейки, как фара на моем моторе.

— Я понимаю принцип. Портативный источник питания, да?

— Точно.

Она кивнула и вновь сосредоточилась на луче. Она уже привыкла к резкому свету, но когда впервые увидела его — в доме у Джесси, Тома и Рэя — в нем присутствовал пугающе уродливый оттенок, расцвечивавший лица человек красками кошмара. Этот жесткий накал очень сильно отличался от мягкого света в культовом доме. Дифин поднесла пальцы к лампочке и почувствовала, как в них проникает колкое тепло, — ощущение, на которое человеки, вероятно, обращали мало внимания. — Кусаку прогнало вот *это*, — сказала она. — Не оружие куркового типа.

— Что? — спросил Коди.

— Кусаку прогнал источник питания, — повторила Дифин. — Фонарик.

— Это же просто свет, вот и все. — Рик протолкнул в барабан последний патрон и со щелчком поставил цилиндр на место. — Никого им не уделаешь.

— Человеков, может быть, нет. Я знаю, что этот источник питания создан для того, чтобы помогать зрительному восприятию человек, но Кусаку он ослепил. Может быть, причинил при этом физическую боль. Я видела реакцию.

— Да на пули, на пули он среагировал, — толковывал ей Коди. — Я ему всю башку изрешетил! Еще б он не зачесался! — Парнишка не сводил глаз с дверного проема — там на досках крыльца мерцала лужа слизи.

Дифин не отвечала. Какое-то свойство света причиняло Кусаке боль и не влияло на человек. Может быть, тепло, а может быть, спектр... какое-то свойство физического микровозмущения материи в светящемся луче. Свет, без ведома человек, был куда более мощным оружием, чем непрочный курковый пугач.

— А что значит «творения Кусяки»? — спросил Рик у девушки. Из его голоса исчезли уличные интонации. — Кусяка это был или нет?

— И да... и нет, — ответила она. — Это существо было создано и управлялось Кусякой, но сам Кусяка оставался под землей.

— Ты хочешь сказать, что Кусяка построил эту штуку и сделал ее похожей на миссис Стелленберг? — спросил Коди.

— Да. То, что вы видели, — живой механизм. Кусяка будет создавать то, что потребует.

— Потребуется? На кой? — Рик щелкнул предохранителем и сунул револьвер за ремень.

— Чтобы найти меня, — ответила Дифин. — Создавая свои творения, Кусака будет использовать то сырье, какое окажется доступным. Кусака прокапывает под улицами ходы, вылезает на поверхность в жилищах и собирает сырье.

— Человеческие тела, — сказал Рик.

— Правильно. Завладев необходимым сырьем, Кусака передает сигналы по сенсорным волокнам, которые связывают его с машинами на звездолете. — Дифин махнула в сторону видневшейся сквозь дымку пирамиды. — Машины созданы хозяевами Кусаки, они-то и преобразуют сигналы в физическую реальность. — По пустым глазам Рика и Коди она поняла, что ребята ничего не понимают, и вновь мысленно пролистала страницы «Британской энциклопедии». — Это как тээ-вээ, — сказала она. — В источнике сигнала изображение разнимается на составляющие, которые снова соединяются в конечном пункте. Только Кусака может выбирать, как сочетать сигналы, чтобы создать более сильное и быстрое, чем оригинал, существо.

— Ага, — сказал Коди, начиная понимать. — И более злобное.

— Эти создания питаются жизненной силой Кусаки, — продолжала Дифин. — В сущности, они и есть Кусака, потому что мозг у них один. Все равно что сто телевизоров в сотне разных комнат, настроенные на один и тот же бейсбольный матч. Физически Кусака остается под землей, но эти создания позволяют его глазам и мозгу быть сразу в нескольких местах.

— Ты так и не рассказала, зачем ты ему понадобилась, — настойчиво напомнил Коди.

— Я бежала с планеты-тюрьмы, — ответила Дифин. — Заняла тело охранника и украла челнок-мусоровоз. Больше там ничего не строят. Хозяева Кусаки хотели вернуть меня на... — Дифин опять столкнулась с трудностями перевода. — На Седьмую Цитадель. Седьмая Цитадель — условное название. Непереводимое. В тамошних застенках нельзя выжить. — Губы Дифин медленно искривила горькая усмешка, и глядевшие на ребят с детского личика глаза вдруг показались им глазами очень старого человека. — Это горная котловина, где держат убийц, больных, грабителей, пиратов... и даже преступников вроде меня.

Коди, который вовсе не был уверен, что хочет знать подробности, поневоле спросил:

— Что ж ты натворила?

— Я пела. Хозяева Кусаки издали указ, что на моей планете это противозаконно.

— Пела? И все? Что ж в этом плохого?

— Дело в песне. — Теперь в глазах Дифин блестела сталь. — Песня разбудила силы разрушения. Это была старая, почти забытая

песня. Но я знала ее и должна была спеть. Иначе все мое племя погибло бы. — Ее глаза сузились, а лицо как бы осунулось. На секунду Коди с Риком показалось, что за чертами Стиви Хэммонд можно разглядеть и другое лицо — суровое, пугающее своей силой, лицо не ребенка — воина. — Я доберусь домой, — тихо поклялась Дифин. — Я не избавительница, я никогда не мечтала о такой доле, но я вернусь на родину или погибну, стремясь вернуться. Стенам Седьмой Цитадели не остановить меня. *Никогда*. — Дифин почувствовала, что мимо медленно проплыл пульсирующий поток холодной энергии, и повернулась к пирамиде. Почувствовали его и Коди с Риком, но для них это было лишь слабое прохладное дуновение воздуха. Сердце Дифин затучало быстрее: она знала, что это и что оно ищет. Она сказала:

— Финал разыграется здесь. В вашем городе. Я уже дважды убегала из Седьмой Цитадели. Дважды за мной посылали Кусака и возвращали меня. Мне сохранили жизнь — потому что хотели «изучить» меня. — Дифин горько улыбнулась, горько и остро. — Какое унижение... Игла: проследить движение твоих внутренних. Химики: исковеркать твои сны. Не остается ничего святого, ничего личного. Твоя жизнь измеряется реакциями на боль, холод, жар. — Руки Дифин сжались в кулаки. — Тебя вертят и крутят, пока не услышат твои крики. И все время, что тебя «изучают», ты знаешь: твоей родине вгрызаются в самое сердце. — Голос Дифин пресекся, несколько секунд она дрожала и не могла говорить. Справившись с собой, она продолжала: — Покончив с моей планетой, они отправятся на поиски новых миров — разорять и уничтожать. Одним из этих миров может стать Земля. — Она взглянула на Коди и Рика и опять стала смотреть в темноту, на корабль Кусаки. — Я положу этому конец — своей смертью или смертью Кусаки.

— Как так «одним из этих миров может стать Земля»? — спросил Коди.

Дифин глубоко вздохнула и нехотя растолковала человеку то, что считала само собой разумеющимся.

— Кусака охотится не только за беглыми преступниками. За вознаграждение он отыскивает и планеты. Вернувшись на Седьмую Цитадель, Кусака доложит своим хозяевам об обитателях этой планеты, уровне ее технического развития и оборонных системах. На основании его донесения Землю внесут в список планет, намеченных для вторжения... — (сложность перевода) — ...Дома Кулаков. Хозяев Кусаки. Не думаю, что они станут тянуть с отправкой первой флотилии.

— Господи! — сказал Коди. — Чего им от нас надо?

— У вас есть жизнь, — без обиняков ответила Дифин. — Дому Кулаков отвратительна любая жизнь, кроме собственной. Им несерьезно знать, что где-то без их позволения процветает какая-то форма

жизни. Они нагрянут сюда, захватят пленных — для исследований, вычерпают те минералы, какие будут представлять для них интерес, и либо занесут в экосистему болезнь, либо проведут массовые экзекции. Вот в чем радость и смысл их жизни.

— Послушать, так этим уродам чужое веселье что гвоздь в сапоге. — Рик огляделся, сжимая револьвер. Дым сгустился, и больше нигде не было видно ни машин; ни людей. — Локетт, уведи-ка ты ее с улицы. Хватит уже сюрпризов.

— Верно. Но раз эта гадская штука может выскакивать из-под земли, где я найду безопасное место?

— Что это? — Дифин куда-то показала рукой, и Коди с Риком увидели сквозь дымное марево слабое сияние огней общежития.

— Крепость Щепов. Построена крепко, на совесть, — сказал Коди. — Единственное мало-мальски стоящее место в округе.

— Кусаке этот свет придется не по вкусу, — сообщила Дифин. — Думаю, это надежная конструкция. — «Если на Земле вообще существуют надежные конструкции», — подумала она.

Рик сказал:

— Я возвращаюсь за реку. Там в церкви отсиживается тьма народу. — Он опять поглядел на Дифин: дерзкое лицо-за-лицом исчезло, и она опять казалась обычной девочкой. — Тебя ищут полковник Роудс с шерифом. Минут двадцать назад они были в больнице, но я слышал, как они говорили, что идут в дом Крича. Знаешь, где это? — спросил он у Коди.

— Ага. Дом Хитрюги Крича. Отсюда рукой подать. — Однако он не мог разгуливать с девчонкой по улицам безоружный. Как знать, что может выскользнуть из какого-нибудь неосвященного дома. — Я сперва отведу ее в общагу. А потом отслежу Вэнса.

— Лады. Аккуратней там, оба.

Рик решительно двинулся прочь, но Коди крикнул: «Эй! Погоди!» — и Рик остановился.

— Ты не обязан был лезть за мной в дыру, — сказал Коди. Наступил один из самых странных моментов в его жизни: он стоял после захода солнца на территории «Отшепенцев» в каких-нибудь восьми футах от главара «Гремучек», с инопланетянкой под боком. Коди чувствовал странную апатию, словно во сне, и, если бы на крыльце у Кошачьей Барыни не блестели лужи слизи, а в ботинке у него не хлюпала кровь, натекая из щиколотки, разодранной когтями чудовища, он вряд ли поверил бы, что все это произошло на самом деле. — Ценю.

Благодарность Щепы — особенно Коди Локетта — изумила Рика еще сильнее, чем обстоятельства, при которых он ее услышал. Рик пожал плечами.

— Подумаешь, большое дело. — Ободренные веревкой руки позднее объяснят ему, что он был неправ.

— А по-моему, большое. Эй, а что это ты говорил про свою сестру?

— Ничего, — отрезал Рик. Искра застарелой злобы вспыхнула вновь. — Выкинь Миранду из головы. Усек?

— Там видно будет. — Сказка про белого бычка, подумал Коди.

— Да куда ты денешься, говнотряс. — Взгляды ребят на несколько секунд скрестились. Мальчишки напоминали двух бульдогов, отказывающихся уступить хоть дюйм земли, а потом Рик отступил к изрезанной трещинами дороге, резко развернулся, полный презрения, и исчез в мареве.

— Держи карман шире, мразь, — спокойно сказал Коди. Потом взглянул на Дифин. — Спорим, там, откуда ты явилась, мотоциклов нет?

— Несомненно, — ответила она.

— Тогда у тебя будет возможность рассказать своим, с чем это едят. — Он направился к «хонде», сел и лягнул стартер. — Садись сзади и держись.

Встревоженная ревом мотоцикла Дифин послушалась, и Коди, вырулив от дома Кошачьей Барыни, помчался в сторону Трэвис-стрит.

ГОЛУБОГЛАЗЫЙ И УЛЫБАЮЩИЙСЯ

— Может, оно говорило про другое место, — дрожащим голосом прошептал Вэнс. — Про какой-нибудь другой дом.

— Нет, не думаю, — Роудс говорил нормальным голосом. Шептаться не было нужды — Кусака, безусловно, знал, что они ждут в маленькой комнатухе Крича. Полковник посветил фонариком в отверстие в полу. Внизу, в темноте, не было никакого движения, никаких признаков жизни. Ни в какой форме. — Который час? — спросил он Тома.

— Почти без двадцати два, — ответил Том, посветив на часы. Рядом стояла Джесси — мокрые от пота кудряшки, тонкий слой пыли на лице. Роудс попросил их прийти посмотреть, с чем они имеют дело, но предостерег: о Дифин ни слова. С другой стороны от полковника стоял Дэвид Ганнистон. Лицо молодого человека все еще было пепельно-серым от потрясения, но в глазах светилась настороженность, а рука лежала на кольте сорок пятого калибра, взятом Ганни у шерифа в участке. Вэнс был вооружен автоматическим винчестером, а Роудс держал наготове газовое ружье.

— Ублюдок заставляет нас ждать, — заметил Роудс. Они пробыли здесь почти тридцать минут — достаточно долго для того, чтобы опустошить термос с холодным кофе, выданный им Сью Маллинэкс в «Клейме». — Хочет, чтоб мы попотели.

— И это ему чертовски хорошо удастся, — сказала Джесси, утирая лицо. — Одного я не пойму: если Кусака каким-то образом делает... как вы их называли?

— Репликанты.

— Если Кусака делает репликанты, что происходит с настоящими людьми?

— Скорее всего, он их убивает. Может быть, хранит в качестве лабораторных образцов. Не знаю. — Полковник взглянул на нее и

исхитрился изобразить слабую улыбку. — Надо будет спросить его, когда он появится.

— Если появится. — Вэнс пятился от дыры, пока не уперся спиной в стену. Рубаха липла к телу, как намазанные клеем обои, с подбородка капал пот. — Слушайте... если оно прикинется Хитрюгой, придется вам меня извинить. Второй заход мне вряд ли выдержать.

— Только не начинайте палить. Тем более, что я не уверен, будет ли от этого толк. — Роудс продолжал растирать синяки, следы пальцев чудовища на своей руке.

Вэнс засопел.

— Мистер, мне от этого будет толк, еще какой!

— Полковник? — Ганнистон нагнулся над дырой. — Слушайте!

Все услышали густой сырой звук, будто по густой грязи тяжело ступали обутые в башмаки ноги. Роудс понял: по тоннелю со слизистыми стенами что-то движется. Двигается к ним.

— Назад, — велел он Ганни, и молодой человек отполз от края. Вэнс вскинул винчестер. Роудс метнул в шерифа предостерегающий взгляд.

Звуки прекратились. Воцарилась тишина.

Роудс и Том держали фонарики нацеленными на дыру. Снизу донесся мужской голос:

— Туши фонари, ребята. Я чую по-настоящему скверные флюиды.

Добродушный, спокойный, ленивый голос. Узнал его только Вэнс, которому достаточно часто случалось его слышать. С лица шерифа сбежала краска, оно стало серым, как рыбье брюхо, и он еще сильнее вжался в стену.

— Выключаем, — сказал Роудс. Он выключил фонарик, то же сделал и Том. Теперь комнату освещало только тусклое желтое сияние уцелевших керосиновых ламп. — Можете подниматься.

— О нет. Рано, приятель. Бросьте их мне.

Оно не выносит электрического света, подумал Роудс. Нет, мало того: оно боится электричества. Он кинул свой фонарик в дыру и кивнул Ганнистону и Тому, чтобы те последовали его примеру. Через минуту раздался треск: фонари ломали на части.

— Вот. Можете подниматься, — сказал Роудс.

— Подниматься я могу где и когда мне вздумается — была б, едрена мать, охота, — ответил голос. — Вы что, еще не допёрли? — Наступила пауза. — Коли у вас там, наверху, остались еще такие штуки, вы об этом крепко пожалеете.

— Это было все, что мы принесли.

— Как ни крути, теперь это никчемные обломки, верно? Плкнуть и растереть. — Тон Кусаки, получившего уверенность в том, что фонарики уничтожены, стал развязно-самодовольным. Что-то глухо стукнуло, послышался быстрый топот. Роудс догадался, что тварь подпрыгнула и вылезла в подвал. Второе «бух». За край дыры

ухватилась рука. В сломанные доски впились зазубренные ногти, и на свет явилась голова.

Джесси так сдавила Тому руку, что чуть не сломала ее.

Вэнс издал слабый стон.

На них смотрело голубоглазое улыбающееся лицо мальчика-певчего — лицо Мэка Кейда. Он был с непокрытой головой, редкие светлые волосы прилипли к черепу. Загар побледнел и приобрел болезненный желтый оттенок. Легко подтянувшись на одной руке, Кейд стал коленями на край дыры и поднялся на ноги.

Вэнс чуть не потерял сознание. Этого не произошло лишь потому, что шериф оказался бы без чувств на полу в десяти футах от страшной твари.

— Боже правый... — прошептал Ганнистон.

— Всем оставаться на местах, — распорядился Роудс, всеми силами стараясь сохранять спокойствие, и, внутренне содрогнувшись, сглотнул. — Без паники.

— Ага, — сказала тварь с улыбкой Мэка Кейда. — Расслабьтесь!

В свете ламп все они (даже чересчур ясно) видели: у Мэка Кейда осталась только одна нормальная рука — левая, расплюснутая же правая плавно переходила в образовавшийся у него на груди мясистый нарост, весь в черных потеках. На короткой мускулистой шее сидела плоская голова, очень напоминавшая голову рептилии. С нее смотрели косо посаженные янтарные глаза, а на костистых клиньях плеч болтались две толстых изуродованных лапы.

Джесси поняла, что это такое: собака. На грудь твари был приживлен один из доберманов Кейда. Получилось что-то вроде диковинных сиамских близнецов.

Золотые цепочки, украшавшие шею Кейда, теперь переплелись с кожей и тоже превратились в часть тела. Холодные голубые глаза медленно перемещались от одного человека к другому. Покрытая островками человеческой плоти и собачьей шкуры голова добермана судорожно подергивалась, словно пес невыносимо страдал, а вокруг нароста — его тела — пергаментно похрустывали складки винно-красной сорочки Кейда.

— Ух ты, — одними губами выговорил Кейд, и свет лампы засверкал на рядах тесно посаженных зубов-иголок. — Что, Эд Вэнс, пришел повеселиться? — Взгляд твари пронзил шерифа. — Я думал, ты тут главная шишка.

Вэнс онемел. Роудс глубоко вздохнул и сказал:

— Нет. Главный я.

— Да-а? — Взгляд чудовища сосредоточился на нем. Собака широко раскрыла пасть и тоже показала серебряные иголки. Каждая лапа добермана заканчивалась двумя зазубренными металлическими крюками. Существо сделало два широких шага к Роудсу, и полковник почувствовал, что в нем воплем поднимается паника. Он напрягся и не отступил.

Кусака остановился примерно в трех футах от него и прищурился:

— Ты. Мы знакомы, верно? — Сплюснутая голова добермана тихо заворчала, бессмысленно щелкнув челюстями. — Ты полковник военно-воздушных сил США Мэтт Роудс. Правильно?

— Да.

— Я тебя знаю. Мы уже встречались там, внизу — Кусака резко согнул голову в сторону дыры и, не переставая улыбаться, поднял левую руку с вытянутым указательным пальцем. Рука скользнула вперед, и в щеку Роудсу уперся металлический ноготь. — Ты сделал мне больно, — сказал Кусака.

Что-то тихо щелкнуло — Ганнистон взвел курок револьвера.

— Не стреляй. — Зазубренный край ногтя взрезал полковнику щеку, на подбородок медленно скатилась капля крови. Роудс не дрогнув встретил напряженный взгляд Кусяки. Существо говорило о старухе из тоннеля. Где бы ни находился подлинный Кусака (скорее всего, в пирамиде), он должен был иметь прямую сенсорную связь с репликантами и чувствовать боль. — Мы пришли без задних мыслей, — сказал Роудс. — Чего тебе надо?

— Я хочу заключить сделку.

Роудс понимал, что имеет в виду Кусака, но хотел услышать это из его уст.

— Какую сделку?

— Мне нужна сверхтонкая высококачественная упаковка класса дубль-А, которую вы припрятали где-то в своем сообществе. — Ноготь с пятнышком человеческой крови убрал. — Ты знаешь: хранитель. Девчушка.

У Джесси екнуло сердце. Вэнса пробрала дрожь — тварь идеально переняла манеру Кейда говорить, хитро, по-торгашески растягивая слова.

— Какая девчушка? — Капля крови сорвалась с подбородка полковника и беззвучно расплылась на зеленой хирургической рубашке.

— Не лечи меня, *амиго*. — Собачья голова хрипло заворчала, напружинив шею. — Я тут... того-этого... поспрошал — сечешь, к чему я веду? Пошлялся, присмотрелся. Да, приятель, мирок у вас и впрямь чудной. Но я знаю, что хранитель — девчушка и что она где-то рядом. Она мне нужна, и я намерен ее забрать. Ну так по рукам или нет?

Роудс знал, что вступает на опасную почву. Он осторожно сказал:

— Возможно, мы знаем, о ком идет речь, а возможно, нет. Если знаем, что мы получим в результате сделки?

— Спасете свою шкуру, — сказал Кусака, и его глаза в предвкушении грядущего насилия стали ясными, почти веселыми. — Объяснить надо?

— Ты уже убил немало народу. Это не дело.

— Ничего подобного. Мое дело — именно давить клопов.

— Профессиональный убийца? — В горле у Роудса так пересохло, что, казалось, оно вот-вот потрескается. — Так вот чем ты занимаешься?

— До чего ж вы, людишки, *тупые!* И уродливые. — Кусака посмотрел на подергивающуюся массу, росшую у него из груди. — А это что за дерьмо?

— Я хочу знать, откуда ты, — не отставал Роудс. — С какой планеты?

Кусака помедлил, склонив голову набок, и с мерзким смешком ответил:

— С планеты Собачья Жопа из созвездия Купальная Простыня. Какая разница, едрена мать? Все равно вы не поймете, где это. Не прячь голову в песок, мужик: без хранителя я не улечу. Так что хорош пылить, ведите ее ко мне, и дело с концом.

Джесси больше не могла молчать. Она понимала, что делает глупость, и все-таки не сдержалась:

— *Нет!* Мы ее тебе не отдадим!

Роудс резко обернулся и взглядом прожег Джесси насквозь. Она снова взяла себя в руки, но сделанного не воротит. Поддельный Мэк Кейд бесстрастно следил за ней, а собака щелкала в воздухе челюстями, словно рвала кус сырого мяса. Кусака спокойно сказал:

— Теперь, когда мы выяснили, о ком речь, хватит ходить вокруг да около. Прежде всего, я знаю — моя награда здесь. Я отследил ее корабль до этой планеты, а мои сенсоры улавливают энергию споры. У меня нет уверенности, где именно она находится, но круг поисков сужается, и я знаю, что она обнаружится где-нибудь неподалеку. — Блеснула металлическая улыбка. — Что, великое дело — техника?

— В каком смысле «награда»? — спросил Роудс. — Тебе за это платят?

— «Платят» относительный термин, мужик. Я получаю вознаграждение за выполнение задания.

— Найти ее и убить?

— Найти и доставить туда, где ей место. Она... — Кусака осекся, его лицо исказила гримаса раздражения. — Ни черта не знают, а? Все равно что толковать с собственной жопой и ждать, что она... — Кусака умолк, медленно моргнул, и Роудсу явственно представилось, как эта тварь с головокружительной быстротой обшаривает человеческий речевой центр в поисках верной аналогии. — ...Запоет на манер Ареты Фрэнклин. Какой *примитив*, черт вас задерж!

— Прошу прощения за такую нашу нецивилизованность, — сказал Роудс. — Зато мы не вторгаемся в иные миры, чтобы похищать детей.

— Не вторгаемся, — повторил Кусака после нескольких секунд раздумья и прикрыл глаза. — Еще один относительный термин. Слушайте, на вашу помойку я клал с прибором. Я тут транзитом. Сцапаю свою беглую каторжницу — и поминай как звали.

— Да что она за важная птица? — подал голос Том, и существо выкрутило шею в его сторону.

— Вижу, тут у нас проблема, — объявил Кусака. — Слишком много вождей и маловато индю... идей... индейцев. Ну, так знайте: «она» — не то, что вы называете бабой. Но и не мужчина. Там, откуда «она» родом, это без разницы. На ее планете трахаются только с приливами или чем-то в этом роде. «Она» с тем же успехом могла взять в хранители мужчину. Хранитель — это скорлупа, которая позволяет ей перемещаться в вашем мире. Но поскольку в вашем тарабарском языке я не нашел подходящего названия этой твари, наверное, можно спокойно говорить «она». — Последнее слово Кусака выговорил издевательски. — Она, небось, обхохоталась, взяв в хранители девчонку: сама-то она стара как мир. Но ловка, надо отдать ей должное — такие мне устроила догонялки! — Взгляд Кусаки опять скользнул к Роудсу. — Теперь салки кончились. Где она?

— А я не говорил, что знаю, о ком речь.

Молчание затянулось, потом серые червяки губ репликанта шевельнулись:

— Похоже, до вас не дошло, что я представляю закон и порядок. Мое задание — найти преступницу и вернуть ее на планету особо строгого режима... с которой она сбежала. Забралась в охранника и свистнула челнок мусорщика. Корабль, видимо, вышел из строя, и гравитационное поле вашей планеты всосало его. Должно быть, перед катастрофой она выкинула хранителя за борт и снова забралась в спору, а потом катапультировалась — вот такие дела.

— Но это не все, — сказал Роудс, сохраняя непроницаемое выражение. — Почему она преступница?

— После того, как ее планету освободили, она решила не подчиняться новому порядку. Превосходным законам. И начала подстрекать себе подобных к сопротивлению. К мятежу, насилию и саботажу. Она просто-напросто дикий зверь.

— После того, как ее планету освободили? — Джесси не понравилось, как это прозвучало. — От чего освободили?

— От разорения, пустого расточительства и глупости. Видите ли, на их планете существуют такие природные вещества, которые в любом ином мире — страшный яд. Вот вы, братва, не в курсе, а *там* повсюду идут маленькие войны — распадаются одни альянсы, создаются новые, одна группа решает, что ей требуется планетарная система, другая из-за этого пылит. И так всю дорогу. — Монстр пожал плечами. — Вот, предположим, какой-нибудь умник-разумник решает прибрать яд к рукам и начать его распространение. Говорю вам, эта дрянь *смертельна*. Дальше она попадает в космос и даже может там накапливаться. А знаете, как она действует? Проникает прямо сквозь тело и растворяет кишки и кости в пюре. Мы освободили планету именно для того, чтобы не дать этой мерзости попасть к недоумкам, каких во вселенной тьма-тьмущая. И все шло отлично,

пока «она» не начала возбужать, корчить из себя «революционерку» и все такое прочее. — Кусака покивал головой, хмурясь и морщась. — Она пытается вернуться, чтобы снова натворить бед — с нее станется толкнуть яд тому, кто даст самую высокую цену.

Роудс не знал, верить или нет.

— Почему же ты не рассказал об этом раньше?

— Потому что ничего о вас не знал. Насколько мне было известно, вы ей помогали. Казалось, вы все охотней полезете в драку, чем пойдете на разумный разговор, ребята. — Кусака впился взглядом в глаза Роудса. — Но я парнишка незлопамятный. Будем друзьями. Идет?

«Мэк Кейд провернул бы дело точь-в-точь так же, — подумал Вэнс. — Мягко стелет, да жестко спат». Обретя голос, шериф сказал:

— Полковник? Поко-мокоекомуко окон врет.

Роудс увидел, как Кусака озадаченно моргнул. За лицом-маской пошли крутиться колесики, просматривая словарный запас, однако ухватить сало «свинской латыни» не удавалось. В действительности Вэнс сказал: «По-моему, он врет».

— А ну-ка растолкуйте, — потребовал Кусака голосом, в котором звучал металл. Тон монстра снова стал сугобо деловым.

— Мне надо посоветоваться с остальными.

— Мужик, тут нечего совещаться. Либо мы заключаем сделку, либо нет.

— Нам требуется определенное время.

Кусака не шелохнулся, но собачья голова сердито задергалась. Проползло семь или восемь секунд. Роудс чувствовал, как из-под мышек катится пот.

— Дурите вы меня, ребята, — сказала существо. — Объегорить пытаетесь. — Оно надвинулось на Роудса и не успел полковник попятиться, как они оказались нос к носу. Ганнистон поднял револьвер и прицелился в голову монстра, а Вэнс положил палец на курок винтовки.

— Слушай, ты, — прошипел Кусака. Поддельные легкие работали по-настоящему, монстр дышал, но в его дыхании слышалось слабое урчание, словно за много миль от них шумела работающая на полную мощность домна, а воздух, который Кусака выдыхал в самое лицо Роудсу, вонял разогретым пластиком и металлом. Собака прихватила зубами рубашку полковника. — Игры кончились. Мне нужны храни-тель и спора.

— Времени бы надо... побольше, — отозвался Роудс. Он знал — стоит отступить хоть на шаг или как-то иначе выдать свой страх и нерешительность, и пальцы с зазубренными ногтями вцепятся ему в горло. — Сперва нам надо ее разыскать.

— Видит Бог, я пытался договориться с вами по-хорошему. — Указательный палец чудовища погладил подбородок полковника. —

Знаешь, у себя на корабле я творю. Там у меня мастерская. Дайте мне плоть, и я смогу творить... чудеса. — Снова появилась улыбка, всего в нескольких дюймах от лица полковника сверкнули игольчатые зубы.

— Я видел одно из твоих творений. Летающее.

— Симпатяга, верно? Если хочешь посмотреть мою мастерскую, могу сейчас же взять тебя под мышку и отнести туда. Я могу переделать тебя... сделать лучше, чем сейчас. Гораздо сильнее... гораздо злее.

— Злости мне уже хватает.

Кусака гадко хихикнул. Звук был таким, словно у него в горле со скрежетом проворачивались колесики.

— И то верно, — согласился он и приподнял левое запястье. В тело был утоплен «ролекс» с инкрустированным бриллиантами циферблатом и крохотной минутной стрелкой. — Полагаю, этот механизм отмечает ход времени. Я наблюдал за его работой. Который час?

Роудс молчал. Кусака ждал.

— Без трех два, — сказал полковник.

— Молодец. Когда это длинное копьё сделает оборот и снова подойдет к прежней отметке, я вернусь. Если хранителя со спорой не будет, я создам *особого* клоподава.

— Но это же всего час! За такое короткое время мы не сможем ее найти!

— Это все, что у вас есть. Понятно, полковник военно-воздушных сил США Мэтт Роудс?

— Да, — ответил тот и ощутил, как плечи окутывает холодный смертный саван.

— Один час, — повторил Кусака. Повернув голову, он уставился на Ганнистона и револьвер, из которого капитан целился в него. — Хочешь схватить свою дуру?

Рука Ганнистона задрожала. Он медленно опустил пистолет.

— Думаю, теперь мы достигли взаимопонимания, — Кусака вернулся к краю дыры, занес ногу над пустотой и помедлил. Глаза собаки в свете ламп вспыхнули красным огнем. — Один час, — с нажимом повторил он. — Подумайте о том, что я сказал.

Репликант канул во тьму. Они услышали, как он спрыгнул вниз. Потом раздалось чавканье: видимо, монстр убежал по залитому слизию тоннелю. Шум постепенно затих. Кусака ушел.

КРЕПОСТЬ

На минуту воцарилось молчание. В лучах света плавал дым. Потом Вэнс пробормотал:

— Я уж собрался пристрелить ублюдка! Стоило вам словечко молвить, и я бы разнес ему черепушку!

— Вот-вот, — сказал Роудс и стер со щеки струйку ползущей из пореза крови. Глаза полковника ввалились, в них застыл испуг. — Чтобы вас, а заодно и остальных, разорвали на куски. Том, который час?

— Без одной два.

— То есть на поиски Дифин и ее споры у нас остается пятьдесят восемь минут. Придется разделить и начать поиски.

— Стойте! — сказала Джесси. — Что вы говорите? Мы выдадим Дифин?

— Совершенно верно. Вы придумали что-нибудь получше?

— Мы же говорим о моей девчурке.

— Мы говорим об *инопланетянке*, — напомнил Роудс. Внутри у полковника до сих пор все дрожало. В ноздрях стоял запах разогретого железа. — Неважно, как она выглядит. По-моему, мы вляпались в такую историю, что лучше побыстрее уносить ноги.

— Я не отдам свою дочурку этому сукиному сыну! — поклялась Джесси. Том коснулся плеча жены, желая успокоить, но она отпрянула. — Слышите? Нет!

— Джесси, погибнет либо одна Дифин, либо множество людей... ваших друзей. Я совершенно уверен, что Кусака способен разорить весь город. Сейчас мне наплевать, зачем Дифин Кусаке или что она натворила. Я просто хочу найти ее и, если удастся, спасти жизнь нескольким людям.

— А как насчет жизни Стиви? — Глаза Джесси обожгло слезами, сердце бешено заколотилось, и она никак не могла раздышаться. — Боже мой, мы же погубим моего ребенка!

— Нет, если сумеем найти Дифин и вернуть ее в спору. Может быть, тогда Стиви получит свободу. — Полковник был сыт по горло домом Крича: ему казалось, что стены надвигаются на него. — Очень жаль, но выбора нет. Вот что, шериф: сходим за вашим помощником, разделимся на группы и обойдем по очереди все дома. Пройдите по улицам, соберите добровольцев, если найдете. — Он понимал, что прочесать улицы в таком дыму и пыли практически невозможно, но иного выхода не было. — Может быть, ее видел кто-то из тех, кто попал в больницу... или она могла уйти за реку, на Окраину. Том, хорошо бы вам с Джесси заглянуть к себе домой, а потом пойти на восток по Селеста-стрит.

Том смотрел в пол. Он чувствовал, что Джесси наблюдает за ним.

— Да, — наконец сказал он. — Сделаем.

— Спасибо. Минут через тридцать нам нужно будет встретиться и обговорить результаты. Как насчет «Клейма»?

— Отлично, — сказал Том.

— Хорошо. Давайте приступим. — Полковник, не дожидаясь остальных, вышел на улицу и направился к патрульной машине, припаркованной у кромки тротуара перед «сивиком» Хэммондов. За ним последовали Вэнс с Ганнистоном, потом — Джесси с Томом. Вэнс сказал:

— На-ка вот, — и сунул Тому винчестер. — Я прихвачу в участке вторую винтовку. Поосторожней там, слышите?

— Ладно, — пообещал Том. Вэнс сел за руль, отъехал от бровки тротуара и повел машину обратно к центру города.

Джесси смотрела, как удаляющиеся огоньки габаритных огней исчезают в тумане. Почувствовав дурноту, она пошатнулась, но Том подхватил ее. Она прижалась к мужу. Слезы промыли дорожки на ее пыльных щеках.

— Не могу я, — бессильно прошептала она. — Господи Иисусе, не могу я ее выдать.

— Так нужно. Послушай, — Том бережно взял жену за подбородок и заставил ее поднять голову, — больше всего на свете я хочу вернуть Стиви — так же, как и ты. Но даже если Стиви уже не вернуть...

— Нет! Дифин сказала, что она в безопасности!

— Если Стиви уже не вернуть, — продолжал Том, — жизнь не кончается. У нас есть Рэй. У меня есть ты, а у тебя — я. Но если мы не разыщем Дифин и не передадим этой твари, погибнет множество людей.

Тут Джесси, почти ослепшая от слез, закрыла лицо руками.

— Это наш долг, — повторил Том, распахнул перед женой дверцу машины и пошел садиться за руль. Джесси уже хотела проскользнуть в салон, как вдруг услышала приближающееся тарыхтение мотора. В дыму засветилось желто-коричневое пятно фары. Мотоцикл, сообразила она.

Том медлил, сжимая ручку дверцы. Возле машины затормозил Коди Локетт.

Парнишка сдвинул «консервы» на лоб. К рулю полоской электропровода была прикреплена обпиленная бейсбольная бита с торчащими из нее гвоздями: оружие из арсенала Щепов.

— Я ишу Вэнса и полковника Роудса, — сказал Коди. — Они должны быть здесь.

— Ты с ними только что разминулся. Они поехали в участок. — Том открыл дверцу и положил винчестер на заднее сиденье. — Кто тебе сказал, что они здесь?

— Я... это... видел Рика Хурадо. Послушайте... — Взглянув на Джесси, Коди по красным, опухшим глазам женщины понял, что она плакала. Толком не зная, как сказать, он ринулся напролом: — Я нашел вашу дочку.

Том онемел. Джесси подавила всхлип и выговорила:

— Где она?

— В форте. В смысле, в общаге. Там полно народу, так что она в норме.

Коди навсегда врезалось в память, какие лица сделались у Танка, Отравы и Бобби Клэя Клеммонса, когда он объявил им, что пацанка — вовсе не то, чем кажется. Они не верили, пока Дифин не заговорила — тогда-то челюсти у них и застучали о паркет. Вместе с «Отщепенцами», присутствовавшими почти в полном составе, в здании собралось около двухсот человек, привлеченных электрическим светом. Коди устроил гостью, плеснул на ободранную лодыжку теплого пива, замотал ссадины тряпкой и отправился на поиски Вэнса и полковника.

— Это... вы должны еще кое-что узнать, — промямлил он. — То есть... в общем, выглядит она, как ваша девчужка, но... это не она.

— Мы знаем, — ответил Том.

— Да? Когда она сказала мне, кто она, я чуть не рухнул!

— Мы тоже. — Том взглянул на Джесси и увидел: жена уже поняла, что он собирается сказать. — Надо дать знать Роудсу. Мы можем перехватить его раньше, чем он уйдет от шерифа.

— Том... пожалуйста... подожди, — сказала Джесси. — Почему бы сперва не поговорить с ней? Не попытаться заставить ее понять, что мы должны вернуть Стиви?

Том взглянул на часы. Было четыре минуты третьего. Он никогда не думал, что минутная стрелка может двигаться так быстро.

— Меньше чем через тридцать минут у нас встреча в «Клейме».

— Мы успеем поговорить с ней! Пожалуйста... По-моему, мы сумеем заставить ее понять это лучше, чем Роудс.

Том задержал взгляд на неугомонной секундной стрелке, но мысленно он уже принял решение.

— Ладно, — сказал он и велел Коди: — Показывай дорогу.

Он сел за руль, а Коди опустил очки на глаза и развернул мотоцикл.

В конце Трэвис-стрит на стоянке у общежития были как попало припаркованы с десяток легковых машин и пикапов. Два автомобиля въехали прямо в подъезд. Дождавшись, чтобы Том с Джесси выбрались из «сивика», Коди, лавируя между машинами, провел мотоцикл к покрытой серым листовым железом двери. В ней, как и во всех окнах первого этажа, была узкая смотровая щель.

— Открывай, Бобби! — крикнул он и услышал лязг многочисленных замков и засовов. Под стон петель, скрипевших так, словно открывались ворота средневекового замка, Бобби Клэй Клеммонс отворил тяжелую дверь, и Коди, рывкая мотором, загнал мотоцикл внутрь, в безжалостное белое сияние настенных ламп, и поставил на тормоз у подножия лестницы, которая вела на второй этаж. Через минуту появились Том (с Винчестером) и Джесси.

— Запирай, — велел Коди. Бобби Клэй налег на дверь, закрыл ее и задвинул все четыре засова.

Ни Джесси, ни Тому еще не приходилось бывать в общежитии имени Уинтера Т.Престона. Вдоль всего первого этажа шел длинный коридор с рядами дверей (некоторые были сорваны с петель), а треснутые оштукатуренные стены пестрели надписями и рисунками, выполненными оранжевой и пурпурной красками. Общежитие пропахло марихуаной и прокисшим пивом; вдобавок здесь витали призрачные запахи, оставшиеся после некогда живших здесь рудничных рабочих с семьями: запахи пота, зноя и подгоревшей стряпни. Впервые почти за два года по зданию эхом гуляли голоса не только «Отщепенцев».

— Сюда. — Коди повел их вверх по лестнице. Второй этаж был зеркальным отражением первого, только через люк на крышу вела приставная лесенка. В коридоре сидели люди. Кое-кто лежал на вытащенных из комнат голых матрасах. Почти все были жителями Инферно, мелькнуло всего семь-восемь латиноамериканских лиц. Тому и Джесси, которые шли следом за Коди, приходилось то переступать через беженцев, то обходить их. Свет выхватывал из толпы знакомые лица: Вик Чэффин с женой Арлин, Дон Рингволд с семьей, Ида Слэттери, Фрэйзеры, Джим и Пола Кливленд и множество других. Комнаты тоже были переполнены. Нестройным хором хныкали младенцы. Кое-где переговаривались, но таких было немного; большинство оцепенело молчало. Некоторые спали сидя. Скученные в таком количестве тела нагнетали чудовищную духоту. Пахло дымом.

Коди подвел Хэммондов к закрытой двери, где над плакатом с изображением Билли Айдола красной аэрозольной краской было намалевано «Штаб» и «БЕЗ СТУКА НЕ ВХОДИТЬ». Коди и впрямь постучал. Открылось небольшое раздвижное окошко. Из него выглянули намазанные блестящими золотыми тенями зеленые глаза Отравы. Окошко закрылось, дверь отперли, и они вошли.

Каждый раз, приходя сюда, Коди чувствовал: здесь он дома. Обстановку первой комнаты составляли узкая койка, полосатый

диван, весь в пятнах и ножевых порезах, откуда высовывалась набивка, подарпанный сосновый стол, стулья и небольшой старенький холодильник, спасенный «Отщепенцами» с помойки, отчего его агония продлилась еще на несколько месяцев. Пол покрывал скрутившийся по углам выцветший коричневый линолеум, а обшитые дешевыми панелями стены украшали плакаты с мотоциклами и портретами звезд рок-н-ролла. Окно, пропускавшее в узкую щелочку задымленный воздух, смотрело на юг. Короткий коридорчик вел мимо разгромленной ванной в бывшую спальню, ныне арсенал Щепов, где на вбитых в стены крюках висело разнообразное оружие вроде латунных кастетов и дробовиков.

При виде мистера Хэммонда с женой Танк проворно поднялся с дивана. Разрисованный серо-зелеными пятнами футбольный шлем тесно облегал его голову. Коди запер за собой дверь, и Отрава отступила, чтобы Хэммонды увидели, кто стоит у окна лицом к ним.

— Привет, Том и Джесси, — сказала Дифин, слабо улыбнувшись.

Для Джесси время остановилось. Перед ней было тело Стиви, лицо Стиви, ее улыбка и ямочки на щеках. Даже голос был голосом Стиви, если отказаться слышать нежный голос ветряных курантов, которые баюкают в своих объятиях ветер. Внутри этого тела находилось сердце Стиви, ее легкие, сосуды и прочее — дочке Джесси принадлежало все, за исключением того неизвестного центра, где ютилась Дифин. Вновь залившись слезами, Джесси шагнула вперед. Еще шаг. Увидев, куда идет жена, Том сделал движение, чтобы остановить ее, но опоздал.

Джесси пересекла комнату, приблизилась к телесной оболочке своей дочери и уже совсем собралась положить руки на маленькие плечи, подхватить девчужку, прижать к себе, всего на миг, чтобы почувствовать, как бьется сердечко Стиви и убедиться: ее дочь где-то существует, она жива, пусть Джесси никогда не понять, как это может быть.

Но глаза на детском личике искрились умом и жгучим, даже пугающим огнем, до которого Стиви было еще расти и расти. Да, лицо принадлежало Стиви — но не душа.

Все это Джесси поняла в мгновение ока, и ее ладони замерли над плечами Дифин.

— Ты... ты *вся в грязи!* — сказала Джесси и заморгала, загоняя слезы обратно. — В пыли ты каталась, что ли!

Дифин оглядела свою грязную одежду. Джесси опустила руки и стряхнула пыль с футболки Стиви.

— Что, там, откуда ты явилась, тебя не учили, что нужно быть опрятной? Господи, ну и колтун! — В спутанных рыжевато-русых волосах было полно травинки и паутины. На столе Джесси увидела кожаный рюкзак Отравы. Он был открыт, оттуда торчала розовая ручка щетки-расчески. Она взяла щетку и с грязненавистнической мстительностью, знакомой любой матери, занялась волосами девочки.

Озадаченная Дифин попятилась. Джесси фыркнула: «Стой спокойно!», и Дифин вытянулась по стойке «смирно». В воздух под взмахами щетки полетела пыль.

— Мы рады тебя видеть, — сказал Том и опустился на колени так, чтобы его глаза оказались на одном уровне с глазами Дифин. — Почему ты убежала?

— Смылась, — ответила она.

— Это... мы тут... вроде как... поучили ее разговаривать по-нашенски, — объяснил Танк. — А она рассказала нам про свою планету. Здоровско!

Его горбоносое угрюмое лицо вдруг по-детски засветилось волнением.

— Да, наверное, — Том посмотрел, как жена решительными взмахами щетки расчесывает их дочке волосы, и подумал, что его хватит инфаркт. — Дифин, мы только что говорили... с каким-то существом. Не могу сказать, что это был человек, но и машиной его назвать нельзя.

Дифин поняла.

— С Кусакой.

— Да. — Том поднял глаза на Коди Локетта. — Он забрал тело Мэка Кейда и превратил его в... — Он снова не нашел слов. — В гибрид человека с собакой.

— Из груди Кейда растет один из его доберманов. — Джесси продолжала водить щеткой.

— Полный пердимонокль! — восхитилась Отрава. Ее страсть к опасному проснулась и вспыхнула с новой силой. — Поглядеть бы!

— И эта чокнулась к чертям собачьим! — фыркнул Коди. — Эта тварь забрала Кошачью Барыню, — сказал он Тому. — Миссис Стелленберг. И превратила в какую-то хреновину с хвостом сплошь в колючках. Я эту суку изрешетил, но она и глазом не моргнула.

— Все они Кусака, — бесстрастно вставила Дифин, которая стояла столбом и терпеливо сносила то, что делала с ней Джесси. Ей казалось, Джесси это доставляет удовольствие. — Кусака создает их, и они становятся Кусакой.

Том не вполне понял.

— Как роботы, правильно?

— Это живые механизмы. Они думают мозгом Кусаки и смотрят его глазами. А Кусака слышит их ушами и говорит их устами. И убивает их руками.

— Под улицами рыщет что-то офигенно большое, — сказал Коди. — Тоже одна из машин Кусаки?

— Нет, — ответила Дифин. — Это сам Кусака. Он захватывает и накапливает тела для создания копий. Сигналы — вы называете это рабочими чертежами — идут от Кусаки на корабль, к машинам, которые делают репликантов.

— Итак, мы знаем, что у него — Хитрюга Крич, миссис Стелленберг и те, кто был на автодворе. Плюс та гадина, которая оставила Роудсу свою руку. — Том встал и положил винчестер на стол. — Вероятно, Кусака забрал еще многих, о ком мы не знаем.

— Оп-ля! — Закончив битву с последним колтуном, Джесси отступила на шаг. Голова у нее кружилась, а сама она словно бы плыла. Джесси уловила слабый запах яблочного шампуня, которым накануне вечером мыла Стиви голову. — Вот теперь мы опять красивые!

— Спасибо, — сказала Дифин. Ей явно сделали комплимент, требовавший отклика, хотя причина, побуждавшая человека уделять вялым нитям клеточного вещества столько внимания, составляла очередную тайну землян. Она посмотрела на Тома. — Ты сказал, что говорил с Кусакой. Конечно, обо мне.

— Да.

— Кусаке нужна я и моя жизнеспора, и он поставил ультиматум. Том кивнул.

— Он сказал, что ты нужна ему через час... — Взгляд на спешащие стрелки часов. — ...У нас осталось около сорока минут.

— Не то он продолжит разрушение, — сказала Дифин. — Да. Вполне в духе Кусяки.

— Сукин сын хочет засадить ее обратно в тюрьгу! — подал голос Коди. — Только за то, что она *пела*!

— Пела? Кусака говорил совсем другое. Он... оно... рассказало нам про вещество с твоей планеты, — объяснил Том. — То есть, про яд... Кусака сказал, что ты... — Говорить такие вещи, глядя в лицо маленькой девочке, было безумием. — Что ты — дикий зверь.

— Да, — без промедления ответила она. — С точки зрения Кусяки и Дома Кулаков я нуждаюсь в клетке и анабиозе.

— Дома Кулаков? А это что такое?

— Хозяева Кусяки. Раса, чей бог — насилие. Их религия — завоевание миров, а их вступление в жизнь после смерти зависит от гибели тех, кого они считают низшими существами. — Слабая страшная улыбка. — Дикими зверями, как меня.

— Но разве они пытаются распорядиться этим веществом не во благо...

Дифин расхохоталась: в смехе ребенка слышался звон брошенных на пол монет.

— О да! — сказала она. — Да, они *пытаются* распорядиться этим веществом! — В ее глазах снова зажглись огоньки. — Только не ради блага своих братьев — неважно, что наговорил тебе Кусака. Вещество нужно им для производства оружия! Они хотят строить флотилии еще страшнее, находить новые способы убивать! — Маленькое тело сотрясилось от ярости. — Чем больше вещества они крадут с моей планеты, тем ближе мое племя к полному уничтожению! И тем ближе к разорению *все* миры — включая и ваш! Вы думаете, Кусака улетит отсюда и *не донесет* Дому Кулаков о вашей планете? — В поисках

слов, запинаясь и путаясь в земной речи, Дифин ухватила за выражение, которому ее научили человеки «Танк» и «Отрава»: — Очухайтесь!

Лицо Дифин сильно осунулось, обрисовались угловатые острые косточки. Глаза пылали гневом. Она принялась расхаживать перед окном.

— Я вовсе не собиралась прилетать сюда. У меня кончилось горючее, и я была вынуждена посадить корабль там, где удалось. Я знаю, что навредила и вам, и прочим. Это бремя мне нести до конца жизни. — Дифин вдруг замолчала, переводя взгляд с Тома на Джесси и обратно. — Кусака *обязательно* сообщит Дому Кулаков и про вас, и про эту планету. Доложит, что здесь обитают мягкотелые, беззащитные формы жизни, рожденные для неволи... и Дом Кулаков придет сюда. О да, они придут... и, может быть, принесут с собой оружие, полное «яда», украденного с моей планеты! Вы знаете, что это за «яд»?

Том подумал: сейчас из ноздрей у Дифин пойдет пар.

— Нет, — осторожно сказал он.

— Конечно, откуда же! — Она досадливо тряхнула головой. На щеках блестела тонкая пленка пота. — Я расскажу вам. Более того, покажу.

— *Покажешь?* — изумилась Джесси. — Как?

— С помощью мысленного ока. — Дифин не увидела на лицах собеседников понимания: пустые грифельные доски, ждущие, чтобы на них что-нибудь написали. Она протянула к ним руки. — Если хотите узнать правду, я отведу вас туда. Я покажу вам свой мир глазами моей памяти.

Человеки медлили. Дифин не винила их. Она предлагала им мельком заглянуть в неизвестное. Ее родина покажется им чужой и странной.

— Возьмите меня за руки, — уговаривала она, напрягая пальцы в ожидании прикосновения. — Если хотите узнать, нужно смотреть

Том первым сделал шаг вперед, и самое трудное осталось позади. Он подошел к Дифин и взял ее за руку. Горячие как печка пальцы так крепко ухватили его, что Том сразу же почувствовал покалывание — от Дифин к нему перетекало электричество.

— Джесси? — спросила Дифин.

Джесси подошла к дочке и взяла ее за протянутую руку.

В ОЖИДАНИИ ПРИШЕЛЬЦЕВ

В двенадцать минут третьего Тайлер Лукас уселся на парадном крыльце своего дома, положил рядом винтовку и стал ждать пришельцев.

Небо заслоняла туманная лиловая решетка. После того, как отключилось питание, Тайлер с Бесс поехали в Инферно, увидели черную пирамиду и узнали в «Клейме» от Сью Маллинэкс и Сисила огорчительные новости. «Ей-богу, там сели пришельцы! — рассказывала Сью. — Никому ни войти, ни выйти, а вдобавок все телефоны отключились! Честное слово, когда эта штука плюхнулась на автодвор к Кейду, весь квартал приподняло, а я так вовсе упала — представляете, как шарахнуло!»

Сью хихикнула — знаменитый смешок, который когда-то сделал ее, тогда еще девчонку с тонкой талией, главную мажоретку Средней школы имени Престона, любимицей публики — и суетливо умчалась за холодными гамбургерами для Тайлера и Бесс.

— Тай? На-ка, — Бесс вышла на крыльцо и протянула мужу стакан чая со льдом. Чай она заварила утром — и слава Богу: теперь из кранов не вытекало ни капли воды. — Последний лед. — Льдинки походили на маленькие полумесяцы — из-за гнетущей жары содержимое морозильника быстро таяло.

— Спасибо, золотко. — Он погладил холодным стеклом потное лицо, отхлебнул и вернул стакан жене, усевшейся на верхнюю ступеньку рядом с ней. По тому, как жадно Бесс пила, ясно было, что ее мучит сильная жажда. Далеко в пустыне завывли койоты. Тайлер следил за дорогой.

Они решили: когда пришельцы явятся, они умрут здесь, защищая свой дом. До самого захода солнца повсюду бродили люди из ВВС, они собирали маленькие кусочки сине-зеленого металла и укладывали их в странные пакеты, которые складывались гармошкой. Куда же военные делись теперь?

Днем Тайлер и Бесс ехали в своем пикапе на запад по Кобре-роуд. Одометр отсчитал чуть меньше полумили, и они оказались там, где в землю, преграждая дорогу, уходила фиолетовая решетка. Асфальт Кобре-роуд еще пузырился вокруг сияющих прутьев. Тайлер бросил в решетку горсть песка, и назад отскочили зернышки расплавленного стекла.

— Да, — протянул Тайлер, укладывая винтовку на колени, — вот уж не думал, что придет время, когда отсюда не будет видно звезд. По-моему, прогресс нас настиг, а?

Бесс открыла рот, чтобы ответить, но слова не шли с языка. Она немало пожила на свете, была далека от сантиментов и уже забыла, когда плакала в последний раз, но теперь в глазах у нее стояли слезы и перехватывало горло. Тайлер приобнял жену.

— А вообще-то, приятный свет, — сказал он. — Если любишь лиловое.

— Ненавижу, — удалось выговорить миссис Лукас.

— Мне он тоже не шибко по душе.

Тайлер говорил тихо, обдумывая про себя трудные вопросы. Он не знал, как или когда явятся пришельцы, но уступать, не задав им сперва перцу, не хотел. Он собирался продырявить столькох, скольких сумеет, и пасть в бою, как Дэйви Крокет при Аламо. Однако самым скверным из терзавших его вопросов был: сохранить пулю для Бесс или нет?

Он размышлял над этим, вглядываясь в дорогу, и вдруг услышал пронзительный женский крик.

Он посмотрел на Бесс. Их взгляды на мгновение встретились. Крик повторился.

Они одновременно поняли, что это. Кричала не женщина — визжал привязанный в сарае за домом Душистый Горошек.

— Неси фонарик! Скорей! — велел Тайлер жене и, когда Бесс побежала в дом, ринулся с крыльца за угол. Сарай находился примерно в тридцати ярдах от дома, за кактусовым садиком Бесс. Он услышал, что Душистый Горошек лихорадочно лягает стенки стойла, и сжимавшие винтовку руки вспотели. На лошадь кто-то напал.

Рывком отодвинув брус засова, Тайлер распахнул дверь. Внутри было темно, хоть глаз выколи. Крупный паломино кричал. Еще немного, и он разнес бы дощатые перегородки.

Тайлер крикнул:

— Эгей, Душистый Горошек! Успокойся, мальчик!

Но лошадь словно взбесилась.

Тайлер подумал, что в стойло забрался щитомордник или скорпион, — но внезапно раздался треск, и пол сарая затрясся.

Душистый Горошек всхрипнул, словно получил пинок в живот, и в панике забился. Пронзительное ржание жеребца сливалось с треском досок. Тайлер оглянулся. Прокалывая стену тьмы лучом фонарика, к

ним бежала Бесс. Она отдала фонарик мужу. Тайлер посветил в стойло.

Вокруг паломино, по брюхо утонувшего в песке, летели в воздух обломки половиц. Душистый Горошек сопротивлялся — глаза от ужаса налились кровью, из храпящих ноздрей летела пена. Задние ноги коня уже исчезли в дыре, передние били копытами по воздуху. По телу пробегала мелкая дрожь — паломино пытался вырваться от того, что затягивало его под пол сарая.

Тайлер ахнул и утратил способность здраво мыслить: оглашая сарай пронзительным визгом, конь ушел под землю еще на пару футов.

— Вережку! — крикнула Бесс и потянулась к висевшему у двери аркану.

Расширив петлю, она раскрутила веревку и попробовала набросить на голову Душистому Горошку. Бесс промахнулась на шесть дюймов. Тут что-то дернуло коня вниз, и, взметнув тучу песка, паломино погрузился в землю по плечи. Бесс быстро сматала аркан для новой попытки.

Во второй раз аркан соскользнул через голову Душистого Горошка на шею. Туго натянувшаяся веревка резала Бесс ладони, оставляя кровавые рубцы. Тайлер бросил винтовку, втиснул фонарик между балками и тоже схватился за веревку. Однако обоих Лукасов сбило с ног и поволокло по занозистому полу. Душистый Горошек исчез в земле по горло.

Тайлер отчаянно пытался подняться. Вережка стянула ему обе руки, плечевые мышцы готовы были лопнуть. Он уперся ногами в пол и стал сопротивляться, так что посинели пальцы, но его все ближе подтаскивало к стойлу. Теперь над полом виднелась только морда Душистого Горошка, да и на нее уже напал песок.

— Нет! — завопил Тайлер и дернул веревку назад с такой силой, что его ободранные до мяса пальцы превратились в кровавые сосиски. Вокруг крутился песчаный смерч. Последний слабый трепет — и Душистый Горошек исчез.

Но веревку продолжали с чудовищной силой тащить вниз. Бесс ухватила мужа за пояс, и они опять повалились на пол.

— Отпускай! — пронзительно крикнула Бесс, и Тайлер разжал окровавленные пальцы, но аркан спутал ему руки.

Сама Бесс мертвой хваткой держала веревку. Тайлер старался освободиться, но натяжение ослабло, лишь когда их почти утянуло под загородку стойла Душистого Горошка.

Тайлер лежал на животе и беззвучно плакал от боли. Негромко постанывая, Бесс перекатилась на бок.

Тайлер сел, заставил себя взяться за веревку и начал вытаскивать ее из глубин.

— Бесс, принеси фонарь, — велел он, и жена молча пошла за фонарем.

Фут за футом веревка поднималась. Вернулась Бесс с фонариком. Лампочка горела тускло — требовалась новая батарейка. Бесс осветила пустое стойло, и, продолжая выбирать веревку, они зашли туда. Вережка была влажной и блестела. Происходящее казалось Тайлеру сном, такого просто не могло быть — через минуту он проснется от крика Бесс: «Завтрак на столе!» Он опустил на колени возле взломанных половиц и смотрел, как веревка выскальзывает из песка.

Показался конец веревки. Тайлер взял его. Поднес к свету. С оборванных волокон сочилась густая серая слизь.

— Похоже, ее... перепилили, — выговорил он.

В песке вдруг возник водоворот, и оттуда, как чертик из табакерки, кто-то выскочил — да так быстро, что Тайлер не успел отреагировать.

Раскрылась пасть. Синеватое серебро иголок с хрустом сомкнулось у Тайлера на горле. Плоская, как у рептилии, голова злобно металась из стороны в сторону, разрывая зубами-иглами ткани и сосуды. Рот Тайлера наполнился кровью. Он понял, что веревку не перепилили — ее перегрызли.

Больше он ничего не подумал: тварь, свирепо сдавив ему шею, сломала ее и продолжала выворачивать и дергать. Мало-помалу голова Тайлера с выкаченными незрячими глазами начала с хрустом отделяться от позвоночника.

Бесс завизжала и, выронив фонарик, зажала рот руками. Она разглядела чудовище — это была большая собака, доберман, порожденный воображением душевнобольного. Вместо шерсти шкуру пса внахлест покрывали кожистые чешуи, а под ними вздувались и шевелились узлы мышц.

Янтарные глаза чудовища нашли Бесс. Тварь в последний раз яростно встряхнула Тайлера за шею и невероятно широко разинула пасть, словно у нее не было суставов, как у змеи. И отшвырнула мертвеца в сторону.

Бесс попятилась, споткнулась и с размаху села на копчик. Монстр вскарабкался на перегородку стойла Душистого Горошка, тяжело плюхнулся на пол и пошел на нее. С морды, оставляя дорожку, капала кровь Тайлера.

Под ногами у Бесс лежал винчестер — о него-то она и споткнулась.

Вскинув винтовку, она принялась стрелять в надвигавшуюся на нее фигуру. Первая пуля прошила череп, вторая вошла в плечо, третья ударила в ребра. А потом чудовище накинлось на нее. Усаженные иголками челюсти вгрызлись в лицо.

Бесс не сдавалась. Она судорожно жала на курок винчестера, посылая пули в стены. Кулаком свободной руки она колотила по чешуйчатому загривку. Миссис Лукас, уроженка Техаса, была крепким орешком.

Исход борьбы решился в следующие пять секунд. Череп Бесс лопнул, как глиняный кувшин, и ряды зубов-иголок вонзились в мозг.

По сему потекла кровь. Выпустив изуродованное до неузнаваемости тело, монстр принялся металлическими зубами и когтями раздирать на части фонарик. Воцарилась тьма. Чудовище припало брюхом к полу и алчно прислушалось: нет ли поблизости других человек. Человек не было. Тварь тихо заворчала — возможно, разочарованная, — снова забралась в стойло Душистого Горошка и принялась закапываться в песок на том месте, где исчезла лошадь. Передние и задние лапы чудовища двигались быстро и слаженно. Через мгновение оно зарылось в землю, и песок с шелестом засыпал его.

МЫСЛЕННЫМ ОКОМ

— Не бойтесь, — сказала Дифин. — Отключите приборы внешнего наблюдения.

— А? — переспросил Том.

— Закройте глаза.

Он закрыл. И тут же снова открыл.

— Будет... больно?

— Только мне, ведь я вновь увижу родину.

— Что ты собираешься делать? — У Джесси была крепкая рука, готовая в любую секунду вырваться.

— Взять вас в путешествие с помощью мысленного ока. Ответить на ваши вопросы по поводу того, почему меня называют преступницей. Это невозможно объяснить. Это надо испытать, пережить.

— Ух ты! — Отрава шагнула вперед, на золотых блестках «могавка» искрился свет. — А мне... это... можно с вами?

— Извини, нет, — сказала Дифин. — Места хватит только двоим. — Она заметила тоскливое выражение в глазах Отравы и смягчилась. — Может быть, в другой раз. Закройте глаза, — повторила она Тому и Джесси, и они послушались. Коди с сильно бьющимся сердцем подошел поближе, но догадаться, что же сейчас произойдет, не было никакой возможности.

Дифин закрыла глаза. Она ждала, чтобы энергетические ячейки памяти начали заряжаться, подобно сложным батареям.

Джесси испугалась, что температура у Стиви поднимется слишком высоко и жар повредит мозгу и органам дочки. Но Дифин уверяла, что Стиви в безопасности, и ей пришлось поверить в это, чтобы не сойти с ума. И все-таки ладошка, которую держала Джесси, делалась все горячее — выносить такой жар без ущерба для себя тело Стиви могло всего несколько минут.

Том сказал:

— Мне кажется, будто мы готовимся играть в прят... *черт!* — Он дернулся — вдоль спины у него пробежало что-то вроде мол-

нии — и открыл глаза. Однако свет вызвал жестокое потрясение: в нем присутствовал некий желто-зеленый оттенок. Том снова опустил веки.

— Том, что это? — спросила Джесси. Речь жены показалась ему медленной, невнятной, словно голос доносился из-под воды, и Том подумал: «Вот уже и крыша поехала».

— Тише, — прошептала Дифин голосом, в котором звучали отголоски ветряных курантов.

Не открывая глаз, Джесси ждала... чего? Она сама не знала. Рука, за которую она держалась, опаляла жаром, но вверх, к плечу, бежали холодные токи. В теле Стиви, проникая в Джесси посредством телесного контакта, рождалась и крепла электрическая сила.

Холодная размеренная пульсация завладела и всем существом Тома. Его охватила дрожь. Он подумал, что больше не чувствует под ногами пола — он словно бы плыл, медленно поворачиваясь всем телом то вправо, то влево, удерживаемый лишь рукой Дифин.

— Что происхо... — Он замолчал: резкость собственного голоса, его чужое звучание привели его в ужас.

Джесси услышала хриплое ворчание, слабое подобие человеческой речи. Ее от маковки до пят пронизал холод, словно в мучительно жаркий июльский день потянуло сквозняком из «Ледяного дома». Следом нахлынуло новое ощущение: ощущение стремительного движения. Она подумала, что если бы ей удалось заставить свои веки подняться, то она сумела бы увидеть и атомы материала стены, мелькающие, как «снег» на экране телевизора, и собственное тело, перемещающееся до того быстро, что, приметив просвет между движущимися частицами, успевает проскользнуть туда. Но Джесси не испугалась, а развеселилась. Вот, подумала она, каково, должно быть, нырять ночью в небо, свободно падать сквозь тьму... правда, ни верха, ни низа здесь не было — сплошное «вне», за пределами всего, что Джесси знала о жизни.

Слева от нее, справа, вверху, внизу что-то засверкало. Смазанные точки и гроздья огоньков, проносящиеся мимо с невероятной скоростью. Но глаза Джесси по-прежнему были закрыты — или, по крайней мере, так ей казалось. «Звезды, — поняла она. — Господи... да я в самом центре Вселенной!»

Том тоже увидел звезды. По небесам катились колеса созвездий; свет далеких солнц озарял окольцованные миры; крыльями гигантского ската колыхались газовые облака.

А потом они чуть не налетели на жемчужно-белую планету в окружении шести белых лун, которые с безупречной точностью пересекали орбиты друг друга. Планета выросла перед ними — ее поверхность заслоняли облачные крепости, внутри их в безмолвном неистовстве волчками вертелись бури.

«Слишком быстро! — подумала Джесси, когда облака помчались им навстречу. — Слишком быстро! Мы сейчас...»

Проколов облака, они попали в кружение смерчей и стали снижаться. В нос Джесси ударил запах аммиака. Их снова объял потрясающий холод, от которого захватило дух, а после — полная тьма. По-прежнему стремительно они спускались под уклон. На Тома и Джесси пахло теплом, прогнавшим холод. Тьма поредела, стала темно-синей и медленно посветлела до насыщенной празелени. В лицо Тому толкнулась шелковистая жидкость, и его охватила клаустрофобия. «Мы утонем!» — подумал он и попытался выдернуть руку из руки Дифин, но та крепче сжала его пальцы, не давая высвободиться. Тому захотелось забиться, вырваться, добраться до поверхности, но он сообразил, что преспокойно продолжает дышать. «На самом деле мы не в инопланетном океане, — твердил он себе, пока они продолжали снижаться. — Это сон... мы по-прежнему в общежитии у себя в Инферно...»

В поисках ободрения Том с усилием выкрутил шею, чтобы посмотреть на Дифин.

Рука, за которую он держался, больше не была рукой маленькой девочки.

Рука была призрачно-серой, прозрачной, как туман, с двумя тонкими и коротким уплощенным большим пальцем. Эта небольшая, с виду хрупкая, как бы сделанная из дугого стекла конечность соединялась со стеблем длиной четыре или пять футов. Стебель этот вел к Дифин в ее истинном облике.

Рядом с Томом в подвижном, струящемся аквамарине парило торпедообразное тело, вероятно, около восьми футов длиной, полное радужного блеска, точно плененная звезда. Вокруг, повинуясь движению жидкости, плавали и другие стебли — крепкие, похожие на щупальца руки, каждая с трехпалой ладошкой. Тело заканчивалось толстым плоским мышечным веслом, которое без усилий перемещало Дифин, Тома и Джесси вперед. От выступа, чересчур короткого, чтобы быть хвостом, тянулась серебряная нить. Она связывала тело с маленькой черной сферой.

В прозрачном теле Дифин искрило электричество. Видневшиеся внутри органы удерживались на местах простыми структурами из серых хрящей. Взглянув туда, где должна была находиться голова Дифин, Том увидел закругленный нарост с серповидным ртом и похожим на стержень отростком примерно два фута длиной. Ему удалось увидеть один глаз: желтый шар величиной с бейсбольный мяч, вертикальный зеленый зрачок. Глаз косили в его сторону. Он светился покоем, томной силой. Дифин кивнула, и Том резко вдохнул. Вместо жидкости легкие заполнил воздух. Его руку сжали призрачные наэлектризованные пальцы. Вторая ладошка всплыла вверх и коснулась плеча Тома: «успокойся».

Дифин уводила их все глубже. Вокруг скользили теплые течения, а свет становился все ярче, словно солнце этой планеты лежало в ее центре.

Из глубин, мерцая, точно подвижные неоновые вывески, поднимались соплеменники Дифин. Джесси отпрянула, почувствовала, как крепко держат пальцы Дифин, открыла глаза и увидела ее так, как чуть раньше увидел Том. Первым побуждением Джесси было вырваться от веретенообразной руки, но она подавила его. Конечно, Дифин представляла совершенно иную форму жизни, чего еще можно было ожидать? Дифин была создана для океанического мира, пусть даже «этот» океан состоял из аммиака и азота.

Местные обитатели продвигались вверх, радостно выписывая спирали и оставляя фосфоресцирующие следы. На концах волокон колыхались споры. Земляне словно не существовали для них, но Том и Джесси понимали, что это — воспоминания Дифин, картины, которые видит ее внутреннее око, и они здесь только гости, чужеродные тени будущего. Сотни переливчатых созданий образовали вокруг Дифин плывущий строй, их движения были четкими и точными, как у проносящихся в непотревоженном воздухе птиц, и Джесси поняла: должно быть, Дифин здесь что-то вроде вождя, раз заслужила такой эскорт.

Теперь профильтрованные через мысленное око Дифин впечатления от ее родной планеты поступали к Джесси и Тому быстрой вереницей: мерцающие очертания гор, не уступавших по высоте Эвересту; громадные сады с ухоженными рядами растений сродни водорослям; трескучие вспышки неистового белого сияния в расселинах, которые позволяли мельком заглянуть в неисчерпаемый источник энергии, лежавший в самом сердце планеты. За горами встали похожие на сложные морские раковины покатые, закругленные, ребристые башни большого города, а над его стенами в струях течений двигались сотни соплеменников Дифин.

Прыжок во времени — а может, это память Дифин перескочила с одного на другое. Под ними, в долине, на много миль протянулась пропасть белого огня, выстреливавшего вверх тонкие электрические язычки. Изменились и приливы: нежность исчезла, они вихрились с неугомонной энергией. Не отпуская Тома и Джесси, Дифин закувыркалась. Пониже того, что, вероятно, было горлом, затрепетали ряды небольших, похожих на жабры клапанов, исторгавших звенящие звуки, которым невозможно было сопротивляться.

Откликнувшись на звон, явились, преодолевая течения, сородичи Дифин. Они тоже закувыркались, на животах выступили круглые розовые соски. Из пропасти в долине, привлеченные песнью Дифин, поднялись и другие существа — эти создания имели форму дисков, края которых сверкали ослепительно-синими вспышками, а середина была сгустком пульсирующего огня. Дифин не умолкала, и диски начали подсоединяться к розовым подбрюшным соскам. Брызнула темная, радужно мерцавшая жидкость. Создания-колеса плясали, поднимаясь и опускаясь в вихрящихся потоках. Трое прицепились к соскам на брюхе Дифин, содрогнулись и умчались прочь, подобно

осенним листьям. Это был массовый обряд спаривания, поняла Джесси, балет жизни и смерти.

Еще один прыжок во времени. Сверху что-то приближалось. Что-то чужое и страшно холодное.

Появившись из моря в треске коротких замыканий, оно выбросило черный гарпун и быстро помчалось вниз, в огненную долину. За первым появились другие. От новоприбывших к поверхности тянулись змеи длинных прозрачных шлангов. Заскрежетали механизмы, зашипели насосы, и по шлангам потащило сотни живых дисков, обитавших в сердце планеты Дифин.

Спустились новые темные копья, новые жадные шланги. Жестокая жатва продолжалась — дающие семя создания, которые были старше самого времени и составляли важную и неотъемлемую часть энергетического источника планеты, откачивали наверх. Когда бурные течения вновь воззвали к Дифин и она запела, дающие семя сумели оплодотворить меньше половины племени. Их собирали быстрее, чем неведомые планетарные процессы созидания могли восполнить нехватку.

Внутренний глаз Дифин передал первое шевеление страха и пришедшее с ним осознание того, что равновесие нарушено. А вот и несомненные признаки кризиса: огни в центре планеты потускнели, великий механизм, дающий свет и тепло, замер, словно утомившись производить все новых доноров семени взамен пропавших. Том и Джесси увидели миссию мира — четверо соплеменников Дифин пустились в долгий путь к поверхности, чтобы связаться с чужаками и объяснить, отчего сбор следует прекратить. Время шло, а они не возвращались.

Пришла смерть. Дифин с новорожденным детенышем плыла среди леса шлангов. Знание математики, которую она применяла для возведения городов, позволяло ей вычислить, сколько доноров семени остается после откачивания одним шлангом, но знать такую статистику она не хотела. Сады, город, племя — все приговорили к смерти равнодушные палачи. Детеныш простодушно плавал между шлангами, не понимая страшной реальности. При виде такой слепой наивности в разгар бойни внутри у Дифин что-то сломалось, заставив ее страдальчески забиться и заскулить. Агрессия была злом, похороненным в древних преданиях о войне, из-за которой у племени помимо прочих естественных средств защиты развились сфероносные волокна, но в душе Дифин разверзлась огненная пропасть, и неистовые, неукротимые приливы воззвали к ней. Ее вопль превратился в песнь ярости, в настойчивое гудение набата — а потом она кинулась вперед и вцепилась в ближайший шланг. Он оказался слишком крепким и не порвался, но это лишь разожгло ее ярость. Серповидная щель рта раскрылась, плоские зубы вегетарианки сомкнулись на шланге и впились в него. Дифин объял стыд, страдание, но песня ярости придавала ей сил. Шланг разорвался, оттуда хлынули доноры семени;

они закружились вокруг Дифин и поплыли вниз, в долину. Следующий шланг дался легче, третий — еще легче. Из разрывов хлынул ураган несущих семя.

И сквозь этот ураган Дифин разглядела двоих сородичей: они реяли над ней, со смесью ужаса и нового осознания цели наблюдая за происходящим. Они медлили, готовые совершить святотатство. Когда песня Дифин набрала силу, они двинулись вперед и последовали ее примеру.

От города приплыло темное облако. Несомые мысленным оком Том и Джесси увидели его так же, как видела Дифин: тысячи откликнувшихся на почти забытую песню сородичей. При виде насилия многие остановились, не в состоянии отдаться агрессии, но множество других с бешенством набросилось на шланги. Смена времен: новые машины, новые шланги тянутся с поверхности, их стало больше, они вонзаются в сердце планеты, однако песня Дифин ведет рои ее сородичей — вихрь кровотокающей, пронзительной, как крик, ярости.

Наконец на поле брани воцарилась тишина. Течение колыhalo порванные шланги.

Но затишье оказалось кратким: кошмар только начинался. Мысленное око моргнуло — и Тома с Джесси до костей проняла дрожь. С темной поверхности спустились четыре вращающихся металлических сферы. Они рыскали над городом, нанося по нему акустические удары, подобные усиленным в миллион раз земным раскатам грома. Под натиском ударных волн стены и башни дрожали и трескались, город сминался; среди обломков, крутясь, носились тела убитых и раненых. Детеныша Дифин оторвало от нее. Она потянулась за ним, упустила и увидела: детеныш, повинувшись инстинкту, в мерцании сжимающихся органов и плоти прячется в жизнеспору. Спора уплыла прочь, смешавшись с сотнями иных, теснившихся в свирепых волнах приливов. Из мрака навстречу Дифин вылетел кусок зубчатой стены. Раздался треск энергетического разряда, ее тело и внутренности судорожно сжались, кожа задымилась, органы собрались в небольшой шарик, брызжащий электрическими искрами, а в следующее мгновение не осталось ничего, кроме черной сферы, которая ударилась в обломок стены и рикошетом отлетела в сторону.

Бестелесных Дифин, Тома и Джесси, плывущих в бронированной оболочке, подхватило течение, окутала тьма. Последовал быстрый подъем, словно их увлек наверх земной смерч. Впереди что-то блестело: синяя паутина, сеть, полная попавших в нее обитателей верхних слоев — похожих на фосфоресцирующие морские звезды созданий, плоских, судорожно дышащих мембран и водяных с золотыми фонариками глаз. Сфера угодила в сеть и запуталась в ней. Они повисли среди других беспомощных жизней. Наверху глухо застучали какие-то механизмы. Сеть потянули наверх. Сфера пробила поверхность, точно это был лист черного стекла. Между океаном и низкими белыми облаками раскорячилась зловредная поросль паукообразных

конструкций. С них за поднимающейся сетью следили невиданные жуткие твари. Одна из них когтем подцепила спору.

Мысленное око Дифин зажмурилось от страха. Память была не властна удержать ее — и она бежала.

Мимо Джесси и Тома понеслись звезды — покинув мир Дифин, они пустились в космическое путешествие. Каждый мимоходом ловил галлюцинаторные картины: передвигающиеся быстрым шагом массивные создания, чьи голоса звучали как трубы Судного дня; щетинящиеся оружием космические агрегаты; гаргантюанская пирамида с крапчатой желтой шкурой и два алых солнца, выжигающие агонизирующий ландшафт; плавучая клетка и янтарные иглы, проколовшие зрачки Дифин.

Она застонала и разжала руки.

Том и Джесси ощутили внезапное резкое торможение, будто в скоростном лифте, с визгом несущемся на дно шахты глубиной в милю. Казалось, внутри все сжимается, кости гнутся под железным грузом гравитации. А потом — остановка: шелест вместо сокрушительного треска.

Том открыл глаза. Перед ним стояли три чудища с костистыми конечностями и нелепыми мясистыми головами. Одно раскрыло полость, набитую тупыми шишечками, и прорычало:

— Фы-прядке, мстыр Хэмынд?

Услышав это утробное ворчание, Джесси тоже открыла глаза. Ее тело поддерживали шаткие стебли; свет был резкий, слепящий, враждебный. Она чуть не упала, а когда вскрикнула, звук отозвался в голове кинжальной болью. Один из чужих, существо с ужасным угловатым лицом под шапкой скрученных кольцами бледных побегов (к расположенному сбоку головы непонятному клапану был подвешен диковинный тотем), двинулся вперед и трясущимися руками подхватил ее.

Ошеломленная Джесси моргнула. Но лицо существа уже менялось, делалось менее безобразным и нелепым. Черты — волосы, уши, руки — снова стали знакомыми, и наконец она узнала Коди Локетта. Джесси захлестнуло облегчение, и ноги у нее подкосились.

— Поймал, — сказал Коди. На этот раз она сумела понять слова.

Том, шатаясь, прижимал ладони к глазам.

— Вы в порядке, мистер Хэммонд? — снова спросил Танк.

Голова у Тома болела так, словно была сильно повреждена изнутри. Ему удалось кивнуть.

— Если хотите проблеваться, лучше высуньтесь в окно, — посоветовал парнишка.

Том опустил руки. Щурясь на свет, он посмотрел на тройку Отщепенцев: лица ребят опять стали человеческими — или, в случае Танка, почти человеческими.

— Не бойся, я не упаду! — сказала Джесси и, когда Коди отпустил ее, без сил опустилась на колени. Она не знала, полностью ли

вернулось из пустоты ее «я» — может быть, какая-то его часть осталась там навсегда? — Все в порядке. Только оставьте меня на минуточку в покое. — Она взглянула в лицо стоявшей рядом с ней дочурки.

По щекам Джесси потоком хлынули слезы: глаза переживали пытку.

— Теперь вы знаете, кто я и что я, — сказала Дифин.

Том поднес к глазам левое запястье. Расшифровать цифры удалось не сразу, словно он видел подобные символы впервые. Часы показывали два девятнадцать. «Путешествие» длилось меньше трех минут.

— Вид у вас обоих — краше в гроб кладут! — заметила Отрава. — Что случилось?

— Нас просветили. — Джесси попыталась подняться, но еще не была к этому готова. — А вещество? — спросила она Дифин. — Это репродуктивная жидкость, да?

— Да. — Дифин смотрела бесстрастно, по левой щеке ползла вниз последняя слеза. — То, что Дом Кулаков называет «ядом», — вещество, дающее жизнь моему племени.

Джесси вспомнила, как во время обряда спаривания брызгала темная жидкость. Жидкость, в мире Дифин жизненно необходимая для процесса воспроизведения себе подобных, была для Дома Кулаков оружием разрушения.

— Я должна добраться домой, — твердо сказала Дифин. — Я не знаю, сколько нас еще уцелело. Я не знаю, жив ли мой ребенок. Но я возглавила их. Без меня они не станут бороться. Они снова соскользнут в грезы о мире. — Дифин глубоко вздохнула и на несколько секунд позволила себе вновь ощутить ласку приливов. — Сон слишком затянулся, — сказала она, — но это был чудесный сон.

— Даже если бы ты сумела добраться домой, как бы ты боролась с ними? Все время приходили бы новые, разве не так?

— Да, но от их планеты до нашей далеко. Мы могли бы уничтожить все, что сумеем, и помешать им построить постоянную базу. Их казна не бездонна — они все тратят на оружие. Значит, должен существовать предел, который им не превысить.

— Ты выдаешь желаемое за действительное, — сказал Том.

— Да, верно и будет верно — если только я не вернусь на родину, чтобы действовать. Мы знаем свою планету. Они — нет. Мы можем нанести удар и скрыться там, где им нас не достать. — В глазах Дифин снова блеснула сталь. — Дом Кулаков изучал меня, чтобы выяснить, почему мой организм сопротивляется «яду». Мне уже случалось убегать с Седьмой Цитадели. На этот раз меня убьют. Я не могу сдать Кусаке — пока не могу. Понимаете?

— Мы-то понимаем. А вот полковник Роудс может не понять. — Снова взгляд на часы. — Джесси, сейчас он будет ждать нас в «Клейме».

— Послушайте, я в это дело въезжаю мало, — сказал Коди, — но в одно верю железно: если мы дадим Кусаке забрать Дифин и свалить отсюда, этим дело не кончится. Она же сказала: он придет к нам этих гадов из Дома Кулаков. Вот тогда-то Инферно и потонет в дерьме! И *весь мир* вместе с ним!

— Может, и так, но нам все равно придется дать знать Роудсу, что мы нашли ее.

— Том прав, — согласилась Джесси. Она встала. Голова по-прежнему кружилась, Джесси повело, и ей пришлось прислониться к стене. — Мы сходим за полковником и приведем его сюда, — обратилась она к Дифин. — Он поможет нам сообразить, что делать.

— Вам обоим лучше остаться тут, с ней, — Коди выудил из кармана ключи от «хонды». — Я сгоняю в «Клеймо» и привезу его.

— Ага, а я пойду поищу предков, — сказал Танк. Его раскрашенный камуфляжными пятнами пикап с разбитой фарой и помятым после бурного появления в зале игровых автоматов радиатором стоял на стоянке. — Как вышел из больницы, так еще их не видал.

— Вы сидите тут, никуда не уходите, — сказал Коди Тому и Джесси. Он вышел из комнаты, за ним — Танк. За Танком двинулась к двери и Отрава. Она остановилась, восхищенно взглянула на Дифин и изрекла: — *Дурдом!*

Затем широким шагом догнала Танка; и дверь за ней закрылась.

СИЛА ДУХА

Вэнс поставил патрульную машину перед «Клеймом», отлепил пропотевшую рубаху от спинки сиденья и вошел в кафе. Стеклопанная стена была разбита вдребезги, но, чтобы дым меньше проникал внутрь, к раме прибили простыню. Керосиновые лампы заливали неверным светом почти пустое заведение — только в дальней кабинке сидели и тихо переговаривались трое немолодых людей. Избегая их пристальных взглядов, Вэнс прошел к стойке. С чашкой, на четверть полной холодным кофе, подошла Сью Маллинэкс, густо — но более-менее удачно — накрашенная и по-прежнему в золотистой форме официантки.

— Последний кофеек, — сказала она, подавая чашку.

Шериф кивнул, залпом проглотил кофе и поднес запястье к ближайшей лампе, проверяя, который час. Двадцать три минуты третьего. Хэммонды опаздывали — и Роудс с Ганнистоном тоже. «Наплевать, — подумал он. — Эту шмакодявку все равно не найти — по крайней мере за то время, что осталось». Из-за дыма на улице не было видно ни зги. Они с Дэнни досконально проверили Боуден- и Аврора-стрит и треть домов на Оукли. Девчонки никто не видел, а в нескольких домах не оказалось полов — только провалы в темноту. Дэнни опять раскис, и Вэнсу пришлось отвезти его в контору. Шериф всегда считал Инферно небольшим городком, но сейчас улицы удлинились, а дома превратились в призрачные дворцы. Найти того, кто не хотел, чтобы его нашли, в таком дыму и пыли было никак невозможно.

— Трудная ночка, — сказала Сью.

— Лучше думать так. Сисил ушел?

— Ага, недавно слинял.

— А ты чего не закроешь да не пойдешь домой? Толку от работы немного, верно?

— Мне больше по душе, когда есть чего делать, — откликнулась она. — Лучше торчать здесь, чем сидеть в темноте дома.

— Да уж наверно. — Неяркий свет льстил Сью. Шериф подумал, что, кабы бабенка не штукатурилась так, что хватило бы и на ремонт дома, она была бы очень даже симпатичной. Конечно, Китовая Задница была, что называется, трамбовка, но Вэнсу ли было воротить нос от могучих форм после всех тех вешалок, за которыми он ухлестывал? Допустим, Сью и впрямь была слаба на передок — но, может, на то имелись свои причины? — А чего ты так и не уехала из Инферно? — решил он спросить — просто чтобы не думать о неумолимом ходе времени. — В школе-то ты вроде справлялась дай Бог всякому?

— Не знаю. — Сью пожала пышными плечами. — Наверное, ничего не подвернулось.

— Да кто ж сидит и *ждет*, чтоб что-то подвернулось! Надо искать самой! По-моему, ты вполне могла найти хорошую работу и продвинуться, а может, уже нарожала бы полный дом детишек. — Вэнс перевернул чашку вверх дном и слизнул последнюю горькую каплю.

— Да видишь, не судьба. Все равно, — Сью слабо, печально улыбнулась, — я, верно, была бы не слишком хорошая мамаша.

— Да ты сама еще ребенок! Сколько тебе — двадцать восемь, двадцать девять? — Вэнс увидел, как Сью поморщилась. — Нашлась старуха! Да у тебя еще полно... — голос шерифа дрогнул, но он договорил: — ...времени!

Сью не ответила. Вэнс опять поглядел на часы. Прошла еще минута.

— Дэнни по тебе сохнет, — сказал он. — Знаешь ты это, а?

— Мне Дэнни нравится. Не-не, я не про женитьбу. И не про... сами знаете.

Круглые щеки Сью залил румянец.

— Я думал, вы с Дэнни... э... взаправду близкие друзья.

— Да. Именно что друзья. Дэнни — *джентльмен*, — промолвила она с достоинством. — Заходит ко мне поболтать. И все. Редко найдешь такого мужчину, чтоб с ним можно было поговорить. Похоже, вашему брату с женщиной трудноато обходиться одними только разговорами, верно?

— Видно, так. — Шериф устыдился того, что посмеялся над ней, и ему пришло в голову, что Дэнни, может быть, мужчина больше, чем он думал.

Сью кивнула и повернула голову к входу. Вэнс увидел ее глаза; они, казалось, сосредоточились на чем-то очень далеком.

— Может, я и могла бы уехать, — сказала она. — На машинке я печатала лучше всех в классе. Наверное, можно было устроиться секретаршей. Но мне не хотелось уезжать. То есть... Инферно — не самое лучшее место на свете, но это мой дом. Поэтому он для меня особенный, неважно, как сильно он сдал. Честное слово, я вспоминаю Инферно добром... например, когда я заканчивала школу, я была капитаном команды болельщиков. И вот как-то раз наши ребята

играли с «Сидартаунскими рыцарями». — Глаза Сю засияли от воспоминаний. — В тот вечер шел дождь, лило как из ведра, но мы с девочками не сидели дома. И только Гэри Парди с сорока ярдов погасил мяч, девчонки подняли меня, и я сделала сальто. Как все завопили! Я такого сроду не слышала! Ни до того, ни после. Потом ребята подходили ко мне и говорили, мол, скрутить сальто в такой дождище и не сломать шею — это потрясающе, а еще, что приземлилась я легко, как ангел. — Она моргнула; очарование разом разрушилось. — Да, — сказала Сю, — здесь я не пустое место, а там... — Она махнула рукой, подразумевая мир за пределами Инферно. — Там я буду никто. — Ее глаза нашли глаза шерифа и заглянули в самую их глубину. — Это мой дом. И ваш. Надо бороться, чтобы его сохранить.

Во рту Вэнса держался привкус пепла.

— Будем бороться, — сказал он, но слова прозвучали неискренне.

Занавешенное простыней окно осветили фары. Рядом с машиной Вэнса кто-то притормозил. Фары погасли, к дверям приблизилась одинокая фигура. Вэнс понял, что это не Роудс и не Ганнистон. Те ушли пешком. В кафе выплыла Селеста Престон, да так, будто владела каждой трещинкой на кафеле. Она села у дальнего конца стойки и сказала:

— Пиво и яйцо.

— Да, мэ. — Сю вынула из охладителя банку тепловатого «Лоун стар» и направила взглядом стойку и кивнула Вэнсу.

Селеста окинула взглядом стойку и кивнула Вэнсу.

— Что, полуночичаем? Давно пора на боковую.

— Да вот, припозднился. — Вэнс слишком устал для обмена колкостями. — Все равно, я вряд ли спал бы хорошо.

— Аналогично. — Селеста взяла принесенное Сю яйцо, разбила о край стойки, одним махом проглотила желток и сразу же запила его пивом. — Сдала кровь пару часов назад, — объяснила она и тыльной стороной кисти вытерла с губ следы желтка. — Уинт всегда говорил: сырое яйцо с пивом — самый быстрый способ получить витамины.

— И проблеваться тоже, — сказал Вэнс.

Селеста отхлебнула еще пива, а Сю пошла в дальнюю кабинку посмотреть, как там старики.

— Что ж вы не защищаете город, Вэнс? Может, выволочь этого сукина сына из его ракеты и сидеть на нем, пока пощады не запросит?

Вэнс вынул из нагрудного кармана пачку «Кэмел» и закурил, размышляя над вопросом. Он выпустил дым через нос, посмотрел на Селесту и сказал:

— А может, тебе пойти в задницу?

Она уперлась в него похожими на холодные кремни глазами, не донеся банку до губ, но смолчала.

— Видно, ты, сука, большая шишка, раз сидишь тут и указываешь мне, что делать. Думаешь, мне насрать на этот городишко, да? Ладно, может, я где и дал маху — *много где* — но я всегда хотел как лучше. Даже если и брал деньги у Кейда. Кабы не этот паразит со своими темными делишками, Инферно бы уж не было. — Вэнс чувствовал, что лицо у него набрякло от прихлынувшей крови. Сердце тяжело стучало. — Моя жена ненавидела каждый дюйм в этом городе и сбежала с дальнобойщиком, но я остался. У меня было два сына — она забрала их с собой, и они знают обо мне ровно столько, чтобы поливать меня грязью по телефону — но я не уехал. Изю дня в день я жру пыль, меня хаот на двух языках, но я не уезжаю. Я уплатил свой долг этому городу *сполна*, мадам! — Вэнс ткнул сигаретой в ее сторону. — Так нечего рассиживаться тут в тренировочных штанах, с брильянтами на пальцах, и болтать, будто я не пекусь об Инферно! — А потом шериф сказал то, что всегда понимал, но не осмеливался признать: — Больше у меня ничего нет!

Селеста сидела неподвижно. Она отхлебнула пива, осторожно поставила банку на стойку и подняла руку, показывая кольца.

— Фальшивые, — сказала она. — Настоящие я продала. — На губах заиграла ломкая улыбка. — Наверное, я это заслужила, Эд. Что нужно нашему кладбищу, так это сила духа. Как насчет угостить даму сигареткой? — Она взяла пиво, скользнула по табуреткам и уселась за два места от шерифа.

Эд, подумал он. Селеста в первый раз назвала его по имени. Он подтолкнул к ней пачку и зажигалку, и Селеста поймала их. Прикурив, она с истинным наслаждением затянулась.

— Думаю, если я помру, так не расстроюсь, — сказала она.

— Еще чего — помирать. Выкарабкаемся.

— Эд, ты мне больше нравишься, когда говоришь правду, — она перебрала ему сигареты и зажигалку. — Цена нашим шкурам такая же, как гигиеническому тампону в мужской тюрьме, и ты это знаешь.

На улице заурчал мотор. Из дыма появился Коди Локетт. Он сдвинул «консервы» на лоб.

— Я ишу полковника Роудса, — сказал он шерифу. — Он должен быть здесь.

— Да, я тоже его жду. Он запаздывает примерно на десять минут. — Шериф не дал себе труда снова свериться с часами. — Зачем он тебе?

— Девчонка — в форте у Щепов. Знаете, о ком я. О Дифин.

Вэнс едва усидел на месте.

— Она сейчас там?

— Да, с ней мистер Хэммонд и его жена. Так где полковник-то?

— Они с капитаном Ганнистоном пошли через мост, на Окраину. Думаю, они еще там.

— Ладно. Поеду поищу. Если покажутся здесь, передайте им новости. — Коди опять надвинул очки на глаза, побежал к «хонде»,

сел, лягнул стартер и поехал по Селеста-стрит на восток. Вдруг парнишку как ударило: во-первых, он отдал приказ шерифу, и тот подчинился, а во-вторых, там сидела сама Селеста Престон. Он повернул на мост и прибавил газу. В грязном воздухе задушенно ревел мотор.

Коди был уже на середине моста, и тут дымку прокололи две фары. С Окраины, заезжая на разделительную полосу, мчался автомобиль. Коди и водитель одновременно ударили по тормозам. Обе машины, визжа покрышками, вильнули и остановились почти капот в капот. Мотор легковушки застучал и заглох.

Коди увидел, что это серебристый «мерседес» Мэка Кейда. В нем сидели двое. За рулем был крепкий мужчина с коротко подстриженными темными волосами. На лице у него засохла струйка крови.

— Вы полковник Роудс? — спросил Коди, и мужчина кивнул. — Меня послали мистер Хэммонд с женой. Их дочка в общаге. — Он махнул рукой в сторону общежития, но отсюда его огни не были видны. — Это в конце Трэвис-стрит.

— Мы уже знаем. — Роудс снова завел мотор. — Какой-то мальчишка в церкви сказал нам.

Они с Ганнистоном зашли в церковь на Первой улице и спросили у отца Ла-Прадо-разрешения обратиться с алтаря к тем, кто пришел в храм в поисках убежища. Вместе с информацией Рик Хурадо передал им ключи от «мерседеса».

— Времени у нас мало, — сказал Роудс, подал машину назад, выровнял ее и помчался прочь.

Коди понял, от кого полковник узнал новость. Сказать ему, где Дифин, мог только Хурадо. Паренок начал разворачивать свой мотоцикл, но сообразил, что до Окраины — от силы тридцать ярдов. От церкви на Первой улице его отделяло пятьдесят или шестьдесят футов. Если Хурадо в церкви, там и его сестра. Коди решил, что при желании может даже зайти внутрь. Неужто Гремучки набросятся на него прямо в церкви? Увидеть потрясенную физиономию Хурадо! Игра стоила свеч. Кроме того, он был не прочь лишний раз взглянуть на Миранду.

Все равно все шло вразнос, и момент казался как нельзя более подходящим для того, чтобы испытать судьбу. Коди завел мотор, взял курс на юг, и через несколько секунд колеса его мотоцикла запрыгали по мостовой Окраины.

ТИК-ТАК, УХОДИТ ВРЕМЯ

Сквозь дым, припадая на правую, согнутую в колене ногу, брела какая-то фигура.

— Пошли, Бегун! — позвал этот человек и остановился, поджидая пса. Потом он двинулся дальше, к парадной двери дома Хэммондов на Селеста-стрит. Он постучал в дверь, подождал и постучал снова. — Никого нету! — объяснил он Бегуну. — Пойдем домой или подождем?

Бегун тоже пребывал в нерешительности.

— Она может появиться, — сказал Сержант. — Она тут живет. — Он нажал на ручку двери. Дверь открылась. — Есть кто дома? — крикнул он, но не получил ответа. Бегун обнюхал дверную раму и первым переступил порог. — Не ходи туда! Нас не приглашали! — запротестовал Сержант. Однако у Бегуна были свои соображения, и он бодро забежал в дом.

Решение было принято. Они подождут здесь либо девчущку, либо Хэммондов. Сержант вошел, захлопнул дверь и дохромал до комнаты, где на полу лежало множество книг. Читатель Сержант был не ахти какой, но помнил книжку, которую читала ему мать: что-то про маленькую девочку, которая погналась за кроликом вниз по кроличьей норе. Он ударился больным коленом о стул и тяжело опустился на сиденье.

Бегун забрался к нему на колени. Так они и сидели в темноте.

Примерно в четверти мили от дома Хэммондов Кёрт Локетт заходил в родные двери. Ободранную до мяса левую сторону лица покрывала марлевая повязка, а ленты лейкопластыря удерживали на ободренных ребрах пропитанный йодом тампон. В кузове пикапа Кёрт потерял сознание и очнулся, когда мексиканец уже тащил его в больницу, взвалив на спину, точно мешок с песком. Сестра сделала ему пару обезболивающих уколов и занялась ранами. Все это время он нес какую-то невнятицу о бойне в «Колючей проволоке». Сестра позвала Эрли Макнила, и Кёрт рассказал ему о полицейских машинах

и людях из ВВС, которые ждали на шоссе №67. Пообещав дать полковнику знать, Макнил хотел отправить Кёрта в палату, но Кёрт отказался наотрез. Вонь антисептиков и спирта слишком смахивала на резкий запах «Кентакки джент»; она напомнила ему о заблестевших в свете ламп мозгах Маккатчинса, и его замутило.

Он уже заметил, что мотоцикла Коди возле дома нет. Видно, смекнул Кёрт, мальчуган в общежитии. Он никогда не боялся темноты, но пройти через первую комнату, когда образ обугленного черного существа, хлещущего хвостом, так и впивался в мозг, оказалось непросто. Однако Кёрт все-таки пересек кухню и порывлся в ящике, отыскивая спички и свечу. Найдя один-единственный короткий огарок и коробок спичек, он зажег свечку. Пламя разгорелось, и он увидел на коробке эмблему «Колучей проволоки».

Он заметил свидетельство того, что Коди был здесь: на кухонном столе стояла на блюдце свеча. Кёрт раскрыл холодильник, вынул бутылку виноградного сока, в которой оставалось всего несколько глотков, и осушил ее. Во рту все еще держался медный привкус крови, а две прогалины на десне на месте зубов дергало в такт сердцебиению.

Он зажег прилепленную к блюдцу свечу и забрал ее с собой в спальню. Его лучшая рубаша — красная ковбойка — валялась на полу. Осторожно поводя плечами, Кёрт натянул ее и уселся на кровать. Было адски жарко, по лицу катился пот.

Заметив, что стоявшая на ночном столике маленькая фотография Сокровища перевернулась, он поднял ее и уперся взглядом в освещенное желтым неярким светом лицо. «Сколько времени прошло, — подумал он. — Пропасть».

Кровать манила. Она хотела, чтобы Кёрт забрался во влажные простыни, свернулся клубком, прижимая портрет Сокровища к груди, и уснул. Ведь сон от смерти отделял всего шаг. Кёрт понял: этого-то он и ждал. Сокровище была там, в недоступном для него краю. Золотоволосая, с солнечной улыбкой, она всегда останется молодой — у него же каждый новый день будет отнимать еще толику сил и здоровья.

Но в свете свечи он разглядел на фотографии то, чего раньше не замечал: в лице Сокровища проступали черты Коди. Да, густые кудри были такими же, как у Коди, но было и другое — резко очерченный подбородок, брови вразлет, угловатое лицо. И глаза: даже когда Сокровище улыбалась, в них таилась сталь, в точности как у сына. «Больно уж сильная была Сокровище, чтобы ладить со мной, — подумал Коди. — Страсть какая сильная».

Коди был в Сокровище. На этом самом фото. Он все время был там, только раньше Кёрт этого не замечал.

А Сокровище жила в Коди. Мысль эта была ясной, как пробившийся сквозь грозовые тучи сноп солнечного света, и тьма в голове у Кёрта начала рассеиваться.

Он зажал рот рукой, оглушенный, словно только что схлопотал по зубам. Сокровище жила в Коды. Она оставила ему частицу себя, а он отшвырнул дар, как засопленную тряпку.

— О Боже, — прошептал он. — О Боже мой. — Он взглянул на расколотую вешалку на стене, и наружу запросился стон.

Нужно найти Коды. Нужно заставить мальчика понять, что его отец был слеп и болен душой. Всего этим не поправить, много грязной воды утекло — но когда-то надо начинать, правда? Кёрт осторожно вынул фотографию Сокровища из рамки — он хотел, чтобы Коды увидел в ней себя, — бережно сложил и спрятал в задний карман.

Обретя цель, он простучал башмаками по покоробленным доскам. С треском захлопнув за собой дверь-ширму, Кёрт вышел на Сомбра-стрит и повернул к северу, туда, где она вливалась в Трэвис-стрит.

В больнице Рэй Хэммонд натянул одежду — залитую кровью рубаху и прочее, — и вышел из палаты. Очки он потерял, так что перед глазами у него все расплывалось, но Рэй видел достаточно хорошо, чтобы идти, не натываясь на стены. Он добрался почти до сестринского поста, и тут из двери справа от него появилась сиделка (кажется, миссис Боннер, подумал Рэй) и сказала:

— И куда же это вы, молодой человек?

— Домой. — Распухший язык все еще казался непомерно большим, а открывать и закрывать рот было больно.

— Только с разрешения доктора Макнила.

В голосе звучала та же непререкаемость, что и у Косоглазки Джеппардо.

— Я сам себе разрешил. Я не могу уснуть и не собираюсь лежать и глазеть на потолок.

— Ну-ка, — медсестра взяла его за руку. — Идем-ка в палату.

Еще одна пытается убрать меня с дороги, подумал он и внутренне запылал от гнева.

— Я же сказал, я иду домой, — Рэй вырвал руку. — А вот что вам можно хвататься за меня, я не говорил. — Даже без очков парнишка разглядел, как медсестра возмущенно поджала губы. — Пусть я еще не взрослый, но *права* у меня есть. Например, право пойти домой, когда вздумается. Спасибо, что залатали, и *адиос*.

Слегка припадая на одну ногу, Рэй прошел мимо медсестры. Он ожидал, что будет схвачен за плечо, но успел сделать три шага, и только тогда услышал, как миссис Боннер начала звать доктора Макнила. Рэй прошел через приемный покой, пожелал миссис Сантос доброй ночи и вышел за дверь. Доктор Макнил за ним не пришел. Рэй подумал, что у дока есть дела поважнее, чем гоняться за ним. Из-за тумана и плохого зрения мальчик видел от силы на десять футов вперед, а вонь стояла такая, точно на улице взорвали с десяток «бомбочек» из кабинета химии, но он упрямо шагал по Селеста-стрит, с хрустом ступая кроссовками по осколкам оконного стекла.

Рэй шел домой, а Коди Локетт тем временем остановил мотоцикл на Окраине, у крыльца католической церкви. Он поднял очки на лоб, не торопясь слезать со вздрагивающего, стреляющего мотором мотоцикла. За витражами церковных окон горели свечи, по цветным стеклам скользили тени — внутри были люди. В любую другую ночь из Коди уже сделали бы отбивную только за то, что он находился здесь, но сегодня правила поменялись. Он выключил двигатель и фару, слез с мотоцикла — и увидел во дворе на другой стороне Первой улицы фигуру. Их разделяло каких-нибудь пятнадцать футов. Коди взялся за примотанную к рулю битую, усаженную гвоздями.

Лица этого человека Коди разглядеть не сумел, но заметил свисавшие ему на плечи сальные завитки черных волос.

— Кроуфилд? — спросил он. И повторил, громче: — Кроуфилд, это ты?

Санни Кроуфилд не шелохнулся. Возможно, он улыбался, а может быть, лишь косо поглядывал на Коди. В пробивавшемся из церкви свете свечей глаза Санни влажно блестели.

— Лучше вали с улицы, мужик! — сказал Коди. Кроуфилд снова не ответил. — Оглох ты, что...

Кто-то взял его за руку. Коди рывкнул: «Черт!» и круто обернулся. На ступеньках стоял Зарра Альхамбра.

— Чего ты тут делаешь, Локетт? Спятил?

Оставленный Риком сторожить двери, Зарра услышал сперва мотоцикл Локетта, а потом как парень с кем-то разговаривает.

Коди выдернул руку.

— Я пришел к Хурадо. — Он не уточнил, к кому именно. — И пытался объяснить Кроуфилду, что лучше ему найти какую-нибудь крышу. — Он махнул рукой на другую сторону улицы.

Зарра посмотрел.

— Кроуфилд? Где?

— Вон там! — Коди ткнул пальцем через улицу и понял, что показывает на пустое место. Фигура исчезла. — Он стоял там, во дворе, — сказал Коди. Он оглядел улицу, но Санни Кроуфилда поглотил дым. — Зуб даю, он там был! То есть... кто-то, *похожий* на него!

Обоих поразила одна и та же мысль. Широко раскрытые глаза Зарры забегали, и он отступил на пару шагов:

— Пошли.

Коди быстро вошел за ним в церковь.

В алтаре яблоку негде было упасть. Люди сидели и на скамьях, и в проходах. Отец Ла-Прадо с шестью или семью добровольцами пытался не допустить паники, но испуганные голоса и рев младенцев сливались в гвалт сумасшедшего дома. Коди прикинул, что здесь собралось по крайней мере две сотни жителей Окраины — а в других частях храма, может быть, и больше. У алтаря установили стол,

заставленный пластмассовыми стаканчиками, бутылками воды, сэндвичами, пончиками и прочей снедью с церковной кухни. Десятки свечей заливали церковь темно-желтым светом. Кое-кто принес керосиновые лампы и фонарики.

Коди решительно двинулся за порог, но не успел сделать и пяти шагов, как вдруг кто-то уперся ладонью в его покрытую кровоподтеками грудь и толкнул обратно к дверям. Лен Редфезер, подросток-апач, почти такой же здоровенный, как Танк, прорычал:

— А ну, мужик, вали отсюда! *Ну!*

Рядом с Коди оказался кто-то еще, он тоже толкал его к двери. Заметив заварушку, к выходу, рассекая толпу, начали проталкиваться еще трое «Гремучек». Следующий толчок Редфезера швырнул Коди на стену. «Драка! Драка!» — развопился Пекин, подпрыгивая от возбуждения.

— Эй, я не хочу неприятностей! — запротестовал Коди, но Редфезер все отталкивал его спиной на потрескавшуюся штукатурку.

— Прекратите! Тут никаких драк не будет! — по проходу к ним спешил отец Ла-Прадо. Ксавьер Мендоса поднялся со скамьи, где сидел с женой и ее дядей, и попытался пробраться к Коди на выручку.

Теперь «Гремучие змеи» окружили Коди сплошным кольцом: глумливые лица, обидные выкрики. Редфезер схватил Локетта за грудки, рванул футболку, но Коди ударом в локоть отбросил руку обидчика. «Никаких драк у меня в церкви!» — зычно выкрикивал священник, но кучка «Гремучих змей» сомкнулась вокруг Коди, и ни Ла-Прадо, ни Мендосе не удалось пробиться сквозь нее. Редфезер снова цапнул Коди за рубашку. Коди увидел, как парень заносит кулак, испещренный шрамами давнишних драк, и понял: сейчас его так отоварят, что зенки вон. Он напрягся и приготовился, блокировав удар, заехав Редфезеру коленом между ног.

— *Хорош!*

Команда прозвучала негромко, но властно. Кулак Редфезера замер в высшей точке размаха. Парень стрельнул потемневшими от ярости глазами влево. Протолкавшийся мимо Пекина и Диего Монтаны Рик Хурадо на несколько секунд впился в Коди напряженным взглядом и повторил:

— Отпустите его.

Редфезер для порядка еще раз сильно пихнул Коди, потом выпустил футболку из горсти и опустил кулак.

Рик встал прямо перед Коди, загородив ему дорогу.

— Мужик, ты точно завернулся. Чего ты тут делаешь?

Коди попытался оглядеть убежище, но не высмотрел Миранду в такой густой толпе. Рик подвинулся и загородил ему обзор.

— Я подумал, надо сказать спасибо за спасение своей шкуры. Закон этого не запрещает, верно?

— Ладно. Благодарность принимается. А теперь выкатывайся.

— Рик, он говорит, что видел на той стороне улицы Санни Кроуфилда. — К Рiku протолкался Зарра. — Сам-то я не видал, но подумал... понимаешь... что это может быть уже не Санни.

— Точно, — сказал Коди. — Это может быть одна из тех тварей, вроде Кошачьей Барыни. Он отсвечивал напротив церкви — может быть, следил за ней.

Рiku такая возможность не понравилась.

— Кто-нибудь видел Санни Кроуфилда? — спросил он.

— Ага! — подал голос Пекин. — Примерно с час назад. Он сказал, что попил домой.

Рик на минуту задумался. Кроуфилд жил в хибаре в конце Третьей улицы. Рик его недолюбливал, однако Кроуфилд был Гремучкой, а значит, братом. Все прочие, кроме тех пятерых, кого оставили в больнице, были здесь. «Камаро» Рика по-прежнему стоял перед его домом на Второй улице.

— Ты на колесах? — спросил он Коди.

— Да. А что?

— Сейчас мы с тобой прокатимся к дому Кроуфилда и проверим.

— Ни хрена! Я как раз уходил.

Хорошенького понемножку. Коди подвинулся вперед, к двери, но толпа Гремучек отжала его обратно.

— Ты же приперся хвалиться, какой ты смелый, так? — спросил Рик. — Может, еще и по другой причине. — Заметив, как Коди вертит головой, он понял, кого тот ищет. Миранда с Паломой сидели на скамье примерно в середине центрального прохода. — За тобой должок. Пора его отдать. — Он вытащил из-за ремня перезаряженный револьвер и повернул барабан в нескольких дюймах от лица Коди. — Готов, мачо?

Коди увидел в глазах Рика надменный вызов и язвительно улыбнулся.

— А что, у меня есть выбор?

— Отвалите, — велел Рик остальным. — Пусть топает, если охота. Гремучки расступились, и путь к двери открылся.

На Санни Кроуфилда Коди было глубоко наплевать. На очередную встречу с Кусакой — тоже. Он двинулся к двери, и вдруг оказалось, что вот она, Миранда, стоит прямо за спиной у брата. Лицо девушки блестело от пота, волосы лежали влажными завитками, и все равно деваха была хоть куда. Коди кивнул ей, но она не ответила. Рик заметил кивок и обернулся. Миранда сказала:

— Палома боится. Она хочет знать, что происходит.

— Мы хотели выбросить мусор, — ответил он. — Все нормально.

Девушка опять посмотрела на Коди. Такого взъерошенного и избитого создания она еще не видела.

— Привет, — сказал он. — Помнишь меня?

Рик тут же приставил ствол револьвера к щеке Коди и подался вперед.

— Не разговаривать с моей сестрой, — предостерег он, впиваясь глазами в глаза Коди. — Ни слова. Слышишь?

Коди не обращал на него внимания.

— Мы с твоим братцем едем покататься на моем моторе. — Ствол пистолета сильнее вдавился в щеку, но Коди только ухмыльнулся. Что сделает Хурадо? Застрелит его на глазах у священника, Господа, своей сестры и прочих? — Мы ненадолго.

— Оставь его, Рик, — сказала Миранда. — Убери револьвер.

Ничего подобного Рик не видел даже в самых диких своих кошмарах: Коди Локетт не просто на территории «Гремучек», а в *церкви*! И треплется с Мирандой так, будто и впрямь *знает* ее! Рика скрутило от жгучей ярости. А что еще он мог сделать, чтобы не вмазать кулаком по ухмыляющейся роже Локетта?

— Рик! — Это крикнул Мендоса, который растолкал людей и вышел вперед. — Коди хороший парень! Оставь его в покое!

— Ништяк, — сказал Коди. — Мы пошли. — Он схватил Хурадо за руку с револьвером и отвел ее в сторону. Потом, бросив на Миранду последний долгий взгляд и улыбнувшись девушке, прошел мимо «Гремучих змей» и остановился у двери. — Ты идешь или нет? — спросил он.

— Иду, — сказал Рик. Коди надвинул на глаза «консервы» и спустился с крыльца к мотоциклу.

Через несколько секунд, вернув револьвер за ремень, Рик двинулся следом. Коди сел на «хонду» и завел мотоцикл. Рик устроился на пассажирском сиденье у него за спиной и, перекрывая рев мотора, сказал:

— Вот кончится эта мутотень, я тебя так отделаю — пожалеешь, что я тебя не бросил в той ды...

Коди дал газ, мотор пронзительно взвыл, переднее колесо поднялось над мостовой, и Рик изо всех сил вцепился в своего недруга, потому что мотоцикл стремительно взял с места.

ОГНЕВАЯ МОЩЬ

— У нас есть семь минут, — сказал Том, отвечая на вопрос полковника, сколько времени осталось до назначенного Кусакой крайнего срока.

Роудс снова занялся Дифин.

— Ты знаешь, что Кусака может уничтожить этот город. Ты знаешь, что он это сделает, если мы не отдадим тебя.

— Если мы *отдаем* ее, — сказала Джесси, — тогда речь пойдет не только о теле нашего ребенка. Если Кусака доберется к своим хозяевам и расскажет о нас, они вернутся для вторжения с целым флотом.

— Сейчас я не могу раздумывать над этим! — Роудс утер лицо рукой. В душном общежитии топор можно было вешать, через едва приоткрытое окно вползал дым. — Я знаю одно: Кусаке нужна Дифин. Если через неполных семь минут мы не передадим ее ему, погибнет масса народа!

— А если передадим, народу погибнет еще больше! — Уловив легчайшее дуновение, Джесси подставила ему горло.

Дифин пристально вглядывалась в дымку за окном. Так и есть: она снова почувствовала холодное энергетическое течение. Она знала, что это: поисковый луч с корабля Кусаки нащупывал жизнеспору. Вот он прошел мимо, продолжая в медленном вращении обшаривать Инферно, и кожу занятого Дифин тела закололо. У спору была своя естественная система защиты, которая некоторое время — недолго — должна была отклонять луч, но Дифин знала о технических возможностях Кусаки довольно, чтобы понимать: рано или поздно поисковый луч найдет цель.

— Что Кусака собирается делать? Ты знаешь? — спросил ее Роудс.

Она покачала головой. В мозгу теснились образы смерти и разрушения. Дифин видела жизнеспору под названием Инферно в огне и развалинах... если этого не сделает Кусака, то сделает Дом Кулаков. Она мельком увидела засиявший сквозь дымовые тучи кусочек силового поля. Потом видимость опять ухудшилась. Дифин знала: скоро

погибнет множество невинных, а сколько уже лишилось из-за нее жизни? В ней вскипела давняя ярость. Она увидела, как рушатся башни ее родного города, как среди обломков, крутятся, носятся искромсанные тела. Угроза подобной же чудовищной жестокости нависла и над этим миром.

— Я должна покинуть вашу планету, — сказала Дифин. — Мне *надо* домой.

— Но это невозможно! — возразил Роудс. — Мы же говорили тебе: на Земле нет межзвездных кораблей.

— Вы ошибаетесь. — Голос Дифин звучал ровно. Она не отрываясь смотрела на юго-восток, в сторону двора Мэка Кейда.

— Ты знаешь что-то, чего не знаю я?

— На Земле *есть* межзвездный корабль. — Глаза Дифин горячечно заблестели. — Корабль Кусаки.

— Ну и что толку?

— Я захвачу корабль Кусаки, — ответила она. — Вот. И доберусь домой.

В тот самый миг, когда устами маленькой девочки заговорил воин, Коди подвел мотоцикл к тротуару там, где велел Рик. Санни Кроуфилд жил один в серой дощатой халупе на краю автодвора Кейда. Коди заехал на захламленный двор и остановился, светя фарой на закрытую входную дверь. Крыльцо халупы просело, окна были выбиты, и дом казался заброшенным — но такое впечатление производили *все* дома на Третьей улице. Коди выключил мотор, оставив гореть фару. Рик слез, вытащил из-за пояса револьвер, прошел к подножию крылечка в три сделанных из гаревых блоков ступеньки и только тогда понял, что Коди рядом нет.

— Я сказал, что *поеду* с тобой, — объяснил Коди. — А что пойду внутрь, не говорил.

— *Мучас грасиас*. — Рик щелкнул предохранителем, поднялся по ступенькам и энергично застучал револьвером в дверь. — Эй, Кроуфилд! Это Рик Хурадо!

К двери никто не подошел. Коди беспокойно поерзал на сиденье и огляделся. Пирамида стояла справа от них. Сквозь мутную мглу проступали неясные лиловые очертания.

— Санни, отзовись! — крикнул Рик. Он постучал кулаком, и расколотое дерево вдруг пронзительно скрипнуло, а дверь завалилась внутрь и повисла на одной петле. Рик отскочил. Коди схватился за бейсбольную биту.

— Вряд ли он дома, — сказал Коди.

Рик заглянул внутрь и ничего не сумел разглядеть.

— Фонарь есть?

— Мужик, выкинь это из головы! Тю-тю твой Кроуфилд!

— Есть у тебя фонарь или нет? — спросил Рик и подождал. Коди фыркнул и откопал в кармане зажигалку. Он перебросил ее Риду. Тот поймал ее, выщелкнул язычок пламени и занес ногу над порогом.

— Осторожней! — предостерег Коди. — Неохота вытягивать тебя на веревочке!

— В первой комнате пол есть, — сказал Рик и вошел.

В хибаре пахло кладбищем. Огонек зажигалки растолковал Рiku почему: по всему дому на потрескавшихся стенах висели скелеты — скелеты стервятников, броненосцев, койотов и змей. Светя зажигалкой, Рик перешел в коридор, где на проволоке болтались скелеты летучих мышей и сов. Он и раньше слышал от Пекина о «коллекции» Кроуфилда, но ни разу не бывал здесь и теперь порадовался этому. Он дошел до другой комнаты, в конце коридора, и сунул руку с зажигалкой в дверной проем.

— Черт, — прошептал Рик. Пол в этой комнате почти целиком обвалился в темноту.

Он осторожно подошел к краю обломанных половиц и заглянул вниз. Дна Рик не увидел, но по левую руку от него, чуть поодаль, у плинтуса что-то блеснуло. Дотянувшись до этого предмета, Рик обнаружил, что держит в руке медную гильзу. Были и другие: по другую сторону дыры лежало девять или десять гильз. Раз у Кроуфилда есть пули, то где-то здесь должно быть ружье, подумал мальчик. До шкафа можно было дотянуться, и он открыл его.

Зажигалка уже припалила ему ладонь, но пламя высветило еще одну коллекцию Кроуфилда: в шкафу среди полусобранных скелетов и пластиковых пакетов, полных разрозненных костей, стояли две винтовки, четыре коробки с патронами, ржавый пистолет .45 калибра, ящик пустых бутылок из-под кока-колы и две красные жестянки. Рик почувствовал резкий запах бензина. Да у этого гада тут целый арсенал, понял он. Кроме того, в шкафу лежали: штык, пара охотничьих ножей, несколько металлических звезд, какие бросают каратисты, и камуфляжная сеть. Рик отодвинул ее. Под ней оказалась небольшая деревянная коробка. Он нагнулся. На коробке выцветшими красными буквами было написано: «ОПАСНО! СИЛЬНОВЗРЫВАЧНЫЕ ВЕЩЕСТВА! СОБСТВЕННОСТЬ ГОРНОДОБЫВАЮЩЕЙ КОМПАНИИ ПРЕСТОНА».

Он поднял крышку — и немедленно выключил зажигалку.

Внутри, в вошаной бумаге, примостились пять горчично-желтых палочек, каждая около девяти дюймов длиной. Запальные шнуры у динамитных патронов были разной длины: от двенадцати до четырех дюймов. Увидев пару обгорелых, похожих на слишком долго пыхтевшие в гриле сосиски, Рик подумал, что это бракованные, не сработавшие с первого раза. Как в итоге они очутились здесь, он не знал, но было ясно, что Санни Кроуфилд готовился к войне — может быть, с «Отщепенцами», а может, за право командовать «Гремучими змеями». Рик снова посмотрел на бутылки из-под кока-колы и на жестянки с бензином. Сделать бомбу-зажигалку — плевое дело, подумал он. Легче легкого поджечь пару домов, свалить вину на Щепов и попытаться разжечь войну, чтобы вся эта огневая мощь пошла в дело.

— Ах, гад, — процедил Рик сквозь зубы. Он опустил крышку коробки и встал. Маленький пластиковый пакет упал, раскрылся, и из него хлынули крысиные косточки.

Коди, дожидавшийся на улице, почувствовал, как по спине у него побежали мурашки, и понял, что сзади кто-то есть. Он оглянулся.

У бровки тротуара стоял Санни Кроуфилд: глаза — черные мертвые камни, рот — тонкая серая щель, а лицо бледное и мокрое.

— Я тебя знаю. — Голос напоминал искаженную, пущенную чересчур медленно запись настоящего голоса Кроуфилда. — Ты меня здорово достал, мужик. — Фигура шагнула вперед. Ухмылка стала шире, и Коди увидел ряды зубов-иголок. — Хочу показать тебе одну хорошенькую штучку. Тебе понравится. — К Коди протянулась рука с металлическими ногтями.

Коди пнул стартер. Мотор затарахтел, выстрелил, но не завелся. Рука скользнула к парнишке.

— Ладно тебе, мужик. Дай-ка покажу, что я сделал.

Еще пинок — Коди вложил в него все силы. Мотор закашлял, чихнул, и в тот момент, когда пальцы Санни медленно сжали плечо Коди, парнишка вывернул руль и влетел по гаревым ступенькам в дом Кроуфилда.

Фара выхватила из темноты Рика, который как раз показался из коридора. Он отскочил к стене. Скелет койота сорвался с крючка и рассыпался на полу. Коди затормозил, едва не налетев на Рика, и тот крикнул:

— Ты что делаешь, черт?

— Залезай! — крикнул Коди. — Быстро!

— Залезай! Чего это? — Рик подумал, что Коди скувырнулся в Великую Жареную Пустоту, но тут дверной проем загородила фигура с длинными черными волосами.

— Время вышло, — сказал Кусака голосом, имитирующим голос Санни Кроуфилда.

Рик поднял револьвер. Прогрели два выстрела. Обе пули угодили монстру в грудь, он заворчал и сделал шаг назад, потом выпрямился и ринулся через порог.

— Садись! — потребовал Коди, и Рик запрыгнул на пассажирское сиденье. Коди вывел мотоцикл в коридор и газанул. С потолка на веревочках свисали крылатые скелеты. «Хонда» выскочила из коридора в тесную кухню на грязным желтым линолеумом, Коди затормозил, и мотоцикл занесло. Коди вывернул руль, нащупывая фарой выход. — Где черный ход? — проорал он, но оба уже увидели, что черного хода нет, а единственное окошко кухни заколочено досками.

— Время вышло! Они не выполнили мой приказ! — бушевал Кусака в темноте между кухней и единственной в доме дверью. — Щас начнем давить клопов! — По коридору протопали армейские башмаки. — Я такую штуку сварганил! Щас увидите!

Коди выключил фару. Тьма стала полной.

— Рехнулся? Не выключай! — запротестовал Рик, но Коди уже разворачивал мотоцикл, чтобы оказаться лицом к коридору.

— Держись, — велел Коди. Он лягнул стартер, и мотор ответил гортанным ревом. — Хочу наехать на этого гада, пока он не догадался, чем его приложили. Если свалишься, тебе крышка. Допер?

— Допер. — Рик одной рукой обхватил Коди за пояс, держа палец на курке.

Башмаки дотопали уже почти до середины коридора. Слышался тихий треск: тварь головой и плечами задевала скелеты.

Еще три шага, подумал Коди. Приложить гадину и смотреть. Ладони взмокли, сердце выбивало дробь не хуже ударника из «Бисти бойз». Еще шаг...

Миг настал. Еще немного, и чудовище оказалось бы в кухне. Мотор пронзительно взвыл. Коди отпустил тормоза.

Заднее колесо забуксовало на линолеуме. Запахло паленым пластиком. Но в следующий миг мотоцикл встал на дыбы и на заднем колесе ринулся вперед. Рик держался. Коди быстро включил фару.

Кусака оказался в коридоре. Влажное серое лицо в упавшем на него свете передернулось, и ребята увидели, как глазные яблоки монстра задымились и убрались в глазницы. Стены сотряс рев боли, и Кусака вскинул руки, загораживая глаза; его тело начало выгибаться, хребет вздулся под нажимом скрытого под ним шипастого хвоста.

Переднее колесо ударило монстра в лицо, и мотоцикл на полном ходу обрушился на тело Кусаки, словно пытался когтями и зубами проложить себе путь к свободе. Кусака повалился на пол. Мотоцикл содрогнулся, накренился, рикошетом отлетел к стене. Фара разлетелась. Рика приподняло с сиденья, и он чуть не выпустил пояс Коди, а под мотоциклом иступленно билось нечто, утратившее всякое сходство с человеком.

Но тут они прыгнули вперед, монстр остался позади, и Коди погнал «хонду» за дверь, вниз по ступенькам крыльца. Пока он боролся с рулем, пытаясь развернуть мотоцикл, они в облаке песка проскочили через двор — и увидели, что впереди мостовая Третьей улицы, граничащая с автодвором Кейда, разламывается и земля встает на дыбы. Что-то пробивалось на поверхность. Коди наконец справился с управлением и затормозил примерно в десяти футах от выбиравшегося на свободу существа. Мотоцикл пошел юзом.

— Ага, вот он! — хрипело горбатое, виляющее хвостом существо, сбегая по ступенькам крыльца Кроуфилда. — *Vsssssexxxx* клопов передает!

— *Погнали!* — крикнул Рик. Ему не пришлось повторять дважды. Коди не знал, что лезет из-под земли, но не испытывал желания рассматривать это вблизи. Мотоцикл стрелой помчался на восток. Позади мостовая Третьей улицы лопнула, и на свободу поползло новое творение Кусаки.

ГЕРОЙ ОТРАВЫ

Рэю, шагнувшему на восток по Селеста-стрит, вдруг легла под ноги его тень, вырезанная из окружающего мрака светом одинокой фары, и мальчик обернулся, чтобы остановить попутную машину. Это оказался одноглазый грузовик Танка. Он притормозил и остановился, немного обогнав Рэя.

За рулем сидел Танк. Лицо его в свете приборного щитка было зеленым. Рядом с Танком в кабине Рэй разглядел Отраву. Танк высунул в окно голову в шлеме:

— В форт?

— Нет. Домой.

— Твои предки в общаге. Да там почти все. Твоя сестра тоже.

— Стиви? Она нашлась?

— Не совсем Стиви, — сказала Отрава. — Поехали, мы как раз туда.

Она открыла Рэю дверцу, и он втиснулся в кабину и устроился рядом с ней. Танк переключил передачу и свернул на Трэвис-стрит. Колеса запрыгали по выбоинам в мостовой. Танк угрюмо глядел вперед, пытаясь при свете уцелевшей фары хоть что-нибудь разглядеть в дыму. Они с Отравой съездили к его родителям на Сёркл-Бэк-роуд и нашли дом в развалинах, а в полу маленькой комнатухи зияла такая дыра, что хоть на тракторе заезжай. Отец с матерью бесследно исчезли, зато стены и ковер оказались перемазаны какой-то скользкой дрянью.

— Да с ними наверняка все в порядке, — в третий или четвертый раз повторила Отрава. — Небось, пошли к соседям.

Танк хмыкнул. Они проверили на Сёркл-Бэк-роуд еще четыре дома; в трех никто не отозвался, а в четвертом к дверям выполз старик Шипли с дробовиком.

— Может быть. — Танку не верилось, что родители выбрались из дома живыми.

Рэй подвинулся. Теплое бедро Отравы жгло ему ногу. Не хватало только, чтобы сейчас у него замаячило... Конечно же, стоило Рэю подумать об этом, как упомянутый неотвратимый процесс пошел. Отрава взглянула на Рэя (их лица разделяло лишь несколько дюймов), и он подумал: «Она читает мои мысли». Может быть, причина заключалась в том, что они сидели так близко, и, если бы Рэй отодвинулся, Отрава не догадалась бы, о чем он думает, — но в тесной, пропахшей маслом и бензином кабине грузовика было не повернуться.

— Без очков ты другой, — решила Нэнси.

Рэй пожал плечами. Он ничего не мог с собой поделать — не заметить грудь, выпиравшую из-под тонкого хлопка мокрой от пота футболки, было невозможно. Соски так и лезли на глаза Рэю, и это лишь усугубляло ситуацию.

— Ну уж и другой, — сказал он.

— Правда-правда. Ты без них кажешься старше.

— Может, я просто чувствую себя старше.

— Как и все мы, — сказал Танк. — Мне, едрена мать, похоже, не меньше девяно... — Грузовик тряхнуло. Руль мелко задрожал. Танк подался вперед, что-то разглядел в дымке, не вполне понял — что именно, но сердце у него подкатило к горлу.

— Чего там? — спросила Отрава писклявым от волнения голосом.

Танк мотнул головой — «Отстань!» — и начал водружать ногу на педаль тормоза.

И увидел, как впереди, примерно пятнадцатью футами дальше, бетон Трэвис-стрит вспучился и поднялся серой волной. Под самой поверхностью двигалось что-то громадное, оно словно бы плыло в толще техасской земли и своим движением вознесло грузовик Танка вместе с кусками ломающейся, крошащейся мостовой на гребень земляной волны.

Отрава завизжала и вцепилась в приборный щиток, а в пальцах Рэя оказалась дверная ручка. Когда грузовик круто нырнул вниз, соскальзывая с бетонного вала в море трещин, из освещенного фарой пролома что-то поднялось: покрытое крапчатыми зеленова-то-желтыми пластинами чешуи кольцо змеиного тела шириной с грузовик.

Существо нырнуло, и кольцо ушло вниз, взметнув фонтан красновато-бурой земли и песка. Пикап развернуло боком, руль вырвался у Танка из рук. Бетон под колесами продолжал лопаться и расползаться, и, когда Танк распахнул дверцу и выпрыгнул из кабины, грузовик ударился в зазубренный излом мостовой, накренился влево и рухнул прямо на мальчика. Танк не издал ни звука, но Рэй услышал, как, раскалываясь, затрещал шлем. Мостовая начала успокаиваться, бетон ложился на место поверх раздавленного тела Танка, а грузовик продолжал всей тяжестью скользить вперед. Потом капот угодил в одну из щелей, и та захлопнулась, как пасть акулы.

Сминаясь, застонало железо, полетели искры, и капот со всех сторон принялись лизать языки пламени.

Все это заняло пять или шесть секунд. Рэй моргнул, почувствовал запах горящего масла и краски и услышал под собой болезненный стон Отравы, которая лежала на полу кабины, наполовину съехав с сиденья. Чудовище уползло, но земля еще дрожала. Под пронзительный скрежет железа грузовик еще глубже провалился в расщелину. В моторе что-то лопнуло — звук был на удивление нежным, — и к разбитому ветровому стеклу пробрались рыжие щупальца огня. В лицо Рэю пахнуло страшным жаром, и мальчик понял: если они не хотят поджариться живьем, рассиживаться нечего. Грузовик сполз еще на три или четыре дюйма. Рэй дотянулся до дверцы и, навалившись на нее с отчаянием обреченного на гибель, открыл ее. Потом вцепился в раму и протянул руку Отраве.

— Хватайся! Ну!

Девушка взглянула на него, Рэй разглядел ползущую из ее носа кровь и сообразил, что, когда грузовик перевернулся, девочку, должно быть, шарахнуло головой о приборную доску. Отрава обеими руками обнимала крутящийся руль. Грузовик покачнулся и снова соскользнул вниз еще на пару дюймов. Жар становился нестерпимым. Рэй крикнул:

— Хватайся за руку!

Отрава разжала пальцы правой руки, утерла нос, устояла на кровь и издала нечто среднее между смешком и стоном. Рэй ухватил ее за запястье и потащил к себе:

— Надо выбираться!

Отрава потратила несколько драгоценных секунд на то, чтобы понять: сквозь ветровое стекло пробивается пламя, а Рэй пытается ей помочь. Она выпустила руль, подтянулась и села. От полученного ею удара в лоб в голове болезненно стучало. Рэй потащил ее из помоях кабины пикапа, и они вместе упали на разбитый бетон. Тело Отравы обмякло, но Рэй поднялся и потянул ее вверх.

— Давай! — сказал он. — Тут нельзя оставаться!

— Танк, — медленно и невнятно проговорила она. — Где Танк? Только что он был здесь.

— Нету Танка. Пошли! Вставай! — Рэй заставил Отраву подняться, и она оперлась ему на плечо, хотя была на несколько дюймов выше ростом. Рэй огляделся. Глаза щипало от дыма. Он увидел, что Трэвис-стрит — по крайней мере, тот ее отрезок, который можно было разглядеть, — превратился в перепаханное, бугристое поле битвы. Неведомое существо собрало бетон гармошкой и покрыло сетью трещин, как пересохшее русло реки.

Грузовик пылал. Такое соседство пришлось Рэю не по вкусу: машина в любой момент могла взорваться, а огонь — привлечь проползшее под улицей чудовище. К тому же он чувствовал непреодолимое желание где-нибудь укрыться. Он потащил Отраву через

улицу, не забывая о трещинах; — самая большая была три или четыре фута шириной.

— Куда делся Танк? — спросила Отрава. — Он же был за рулем, верно?

— Он это... э-э... пошел вперед. — Ничего другого Рэй не придумал. Из мрака возникли очертания какого-то дома, и Рэй повел Отраву туда. Он не знал, далеко ли они от форта, не знал, миновали ли они уже пересечение Трэвис- и Сомбра-стрит, откуда до общежития было около сотни ярдов. Когда до крыльца было уже рукой подать, Рэй почувствовал, как задрожала земля: чудовище проползло где-то поблизости. С соседней улицы донесся треск — сорвало с фундамента чей-то дом.

Они поднялись по ступенькам. Дверь была заперта, но в ближайшем окне не оказалось стекла. Рэй просунул в него руку, отодвинул шпингалет и толкнул раму вверх. Он протиснулся в окно первым, потом помог забраться Отраве. Обессиленная девушка качнулась, полетела головой вперед, и оба свалились на деревянный пол.

Ее губы оказались у самого уха Рэя. Она тяжело дышала. В любое другое время, подумал Рэй, это стало бы осуществлением мечты — но сейчас секс не шел ему в голову, хотя девушка тесно прижималась к нему всем телом. Боженька тот еще хохмач, решил Рэй.

Дом затрещал по всем швам. По полу прошла медленная волна, вверх по стенам побежали трещины. Вся Трэвис-стрит стонала — чудовище прокладывало под улицей тоннель — и Рэй услышал оглушительный треск и грохот обвала: за два или три дома от них рухнуло какое-то деревянное строение.

Отрава, эта железная дева, дрожала. Рэй обнял ее.

— Ничего не бойся, — сказал он, к своему великому удивлению, не слишком дрожащим голосом. — Я тебя защищу.

Отрава подняла голову и взглянула ему в лицо: глаза были испуганные и ошеломленные, но в губах угадывался намек на мрачную улыбку.

— Мой герой, — сказала она и опустила голову Рэю на плечо. Так они и лежали в темноте, пока Инферно разваливался на части.

За мостом Коди резко затормозил перед католической церковью. Рик слез. Он оглянулся, осматривая Первую улицу, и ничего не увидел в мареве. Но тварь, которую они видели с Коди, уже наверняка выбралась из земли и, вероятно, направлялась сюда. С крыльца спустились Пекин, Зарра и Диего Монтана, поджидавшие у дверей возвращения Рика. Коди слез с «хонды», посмотрел на церковь и понял, что у набившихся туда людей шансов практически нет. Если электрический свет причинял Кусаке боль — а поведение монстра в доме Кроуфилда подтвердило правоту Дифин, — то он мог придумать лишь одно безопасное место.

— Надо увести людей, пока эта тварь не добралась сюда! — сказал он Рiku. — Времени в обрез!

— Увести! Куда?

— За реку. В форт.

Все устались на Коди так, словно он безнадежно спятил.

— Забудьте вы эту мутотень насчет наших и ваших! — сказал Коди, и ему показалось, будто от этих слов лопнуло что-то вроде старой кожи, которая ссыхалась и все сильнее жала ему. Он увидел, что на улице перед церковью припарковано множество легковых машин и пикапов. Пусть почти все они были грудями металлолома — увезти по пять или шесть человек они могли. А пикапы могли вместить и больше.

— Рассадим народ по машинам и вывезем! — продолжал он. — Обшага — единственное место, куда Кусака не сунется. Из-за света!

Рик сомневался, верить ли, но общежитие было гораздо прочнее церкви. Он быстро принял решение.

— Диего, где твой драндулет?

Парнишка указал на ржаво-коричневую «импалу» у противоположного тротуара.

— Отъедешь ярдов на пятьдесят. — Рик махнул рукой на восток. — Пекин, давай с ним. Фары не выключайте, а если увидите, что кто-то на подходе, — пулей сюда.

Диего побежал к машине. Пекин что-то пробурчал, но, как хороший солдат, подчинился приказу.

— Зарра, собери «Гремучек». Объяснишь, куда мы едем и что нам понадобятся все тачки, какие удастся раздобыть. Я хочу загрузить все машины «Гремучек». Ну!

Зарра взбежал по ступенькам крыльца и скрылся в церкви. Рик повернулся к Коди.

— Ты дуй... — Он замялся, сообразив, что разговаривает с врагом как со своим. — Я найду отца Ла-Прадо и начну выводить людей, — поправился он. — А на разведку могу послать еще кого-нибудь.

Коди мотнул головой:

— Ни к чему, я согласен. Кстати, будет случай попользоваться твоей пушкой.

Рик рукояткой вперед передал ему револьвер. Коди засунул его за ремень.

— Осталось четыре пули, — сказал Рик. — Если увидишь, что эта гадина на подходе, не корчи из себя Джона Уэйна. Валяй сюда.

— Чего это ты раскомандовался, мужик? — Коди пнул стартер; разогретый мотор выстрелил. Парнишка украдкой улыбнулся. — Заботься лучше о своей сестренке. Я вернусь. — Он круто развернул «хонду» и помчался по Первой улице на запад, а Рик взбежал на крыльцо и вошел в убежище.

Машина Диего Монтаны ползла по улице со скоростью улитки. Примерно в сорока ярдах от церкви Коди обогнал ее, вильнул и

поехал по середине широкой полосы света, которую создавали фары «импалы», однако поневоле сбавил скорость — «импала» остановилась, и он оказался за границей тьмы. Вокруг сомкнулся лиловатый сумрак. Коди притормозил у тротуара, чтобы глаза привыкли к темноте.

Рик убедил отца Ла-Прадо, что у них очень мало времени на эвакуацию почти трехсот человек. Проблема состояла в том, как сделать это, не создавая паники, но совещаться было некогда; отец Ла-Прадо встал перед собравшимися и жестким, как дубленая кожа, тоном объяснил: им придется спешно уйти, бросив все, что они принесли с собой — подушки, одежду, еду. Сперва освободят проходы, потом будут уходить ряд за рядом, начиная с последних скамей. Все владельцы легковых машин или грузовиков должны выйти к своим автомобилям и ждать, пока те не заполнятся, — только после этого можно будет уезжать. Мы едем за реку, сказал он, чтобы укрыться в общежитии на Трэвис-стрит.

Эвакуация началась. По мосту через Змеиную реку двинулись машины с жителями Окранны.

Проехав около ста ярдов к западу, Коди свернул в грязный переулок и помчался на Вторую улицу. Выключив двигатель, он, прислушался и расслышал шум несущихся к Инферно машин. В дыму стояли темные дома, нигде ни свечечки. Где-то ближе к Третьей улице были собаки. Коди завел «хонду» на тротуар в каком-то проулке. Там он снова остановился и прислушался, но услышал лишь громкий стук своего сердца. Парнишка вместе с мотоциклом продвинулся вперед, выбрался из проулка — и прирос к месту, увидев впереди, примерно в десяти футах от себя, какой-то бесформенный и тоже неподвижный силуэт. Боясь вздохнуть, Коди медленно вытащил револьвер и нащупал большим пальцем предохранитель. Щелчок, и предохранитель был снят. Коди поднял пистолет, выровнял руку. Силуэт не шевелился. Держа палец на курке, мальчик подобрался на шаг ближе и сообразил, что целится в стиральную машину, выброшенную на чей-то задний двор.

Коди чуть не расхохотался. Тоже еще Джон Уэйн! Он порадовался, что никто из Щепов этого не видел, не то его репутации пришел бы конец.

Он хотел уже убрать револьвер, но услышал медленное царапанье.

Парнишка напрягся, помертвел и замер. Звук повторился (металл по бетону, подумал Коди), но определить, откуда он шел, было невозможно. С Третьей улицы? Или сзади, со Второй? Плехнувшись в пыль, Коди по-пластунски пополз обратно в просвет между домами и залег там, пытаясь засечь источник звука. Но дымка сыграла с ним злую шутку: сначала царапанье слышалось впереди, потом донеслось из-за спины. Нельзя было сказать с уверенностью, приближалось оно или удалялось, и от неизвестности внутри у Коди все переворачивалось. Судя по звуку, загадочное существо только училось ходить и

волочило ноги. Плохо было другое: создавалось впечатление, что весило оно немало.

Коди уловил в темноте какое-то движение. Мимо его укрытия по Второй улице, покачиваясь, кто-то прошел. На этот раз никакая не стиральная машина, чтоб ее. Что-то живое, огромное, и прошел этот громила, взвихрив грязный туман, с таким скрежетом, словно царапал бритвами по доске. За ним тянулся шлейф пыльных смерчей. Это неведомое создание решительно двигалось в сторону церкви.

Коди дал ему еще секунд десять форы и проворно пополз обратно. Он завел мотоцикл; тот взревел в узком пространстве, как реактивный самолет. Коди полным ходом помчался к Третьей улице, увидел флаги свисающего с веревки белья и пригнулся как раз вовремя, чтобы уберечь голову. Вздвигнув покрывками, он свернул налево, на Третью, в считанные минуты домчал до Республиканской дороги и покотился дальше, к пересечению с Первой улицей, откуда к мосту сворачивали машины. Еще раз свернув влево, Коди ловко увернулся от набитого людьми пикапа и, лавируя среди беженцев, добрался до крыльца церкви.

В церкви Мендоса вел по проходу Палому Хурадо. Отправили уже около ста человек; набитые людьми автомобили немедленно отъезжали. Однако оставалось всего две легковые машины и пикап Мендосы, и ясно было, что многим придется идти пешком.

— Прихватите мою бабулю, — попросил Рик, огляделся и увидел еще дюжину пожилых людей, которым было не добраться до общезжития своим ходом. «Камаро» по-прежнему стоял на Второй улице, у дома, а времени сходить за ним не было. — А ты иди с ними, — сказал он Миранде и махнул в сторону Мендосы.

Миранда уже ухватила суть происходящего.

— Там мало места, я не влезу.

— *Влезешь!* Иди!

— А ты?

— Я разберусь. Давай, займись Паломой!

Она уже собралась пойти за Мендосой и бабушкой к двери, но по проходу к ним подошел Коди Локетт. Он быстро взглянул на девушку (лицо было серым от пыли, лишь вокруг глаз, там, где его прикрывали очки, остался островок чистой кожи) и сосредоточился на Рике. Миранда увидела: задирать нос и петушиться Коди перестал.

— Оно идет сюда, — выпалил Коди. — Я засек его на Второй улице. Много не скажу, но штука *огромная*.

Рик увидел, как Мендоса выводит Палому за дверь во главе цепочки из нескольких человек. Через каких-нибудь две минуты пикап Мендосы заполнится.

— Я сказал, *иди!* — рявкнул он на Миранду.

— Я остаюсь с вами, — сообщила она.

— Черта с два! Давай-давай! — Он схватил сестру за руку. Миранда упрямо вырвалась.

— Опять раскомандовался, — сказал Коди.

— Заткнись! — Рик огляделся, пытаясь найти себе в помощь кого-нибудь из «Гремучек» — но все уже уехали. Отец Ла-Прадо выводил на улицу последние три с лишним десятка людей. Поодаль затрубил клаксон, гудки становились все громче, и Рик понял, что это значит: Диего с Пекином заметили что-то и мчались обратно. Он протолкался за дверь, на крыльцо. Коди с Мирандой — за ним.

«Импала» притормозила у тротуара. В нее немедленно набились люди. Кое-кто решил бежать и теперь держал курс на север, к берегу реки. Рик оказался на улице в тот самый момент, когда Пекин выбрался из машины.

— Мы че-то видели, слышь! — Пекин трясущейся рукой указал на запад. — Вон там! До него ярдов тридцать или сорок!

— На что оно было похоже? — спросил Коди.

Пекин потряс головой.

— Не знаю, мужик. Мы, как увидели, что че-то шевелится, сразу ноги в руки и к вам! Оно идет сюда!

— Рик, я готов ехать! — Мендоса сидел за рулем своего грузовика, рядом с ним в кабине сидели Палома и его жена. Еще восемь человек загрузились в кузов. — Давай свою сестру!

Не успел Рик и рта раскрыть, как Миранда заявила:

— Поеду, когда ты поедешь,

Рик быстро взгляделся в дымку на западе и посмотрел на Мендосу. Время отсчитывало секунды, тварь приближалась.

— Езжайте! — сказал он. — Я сам привезу Миранду! — Мендоса кивнул, махнул рукой и поехал к мосту. Машина Диего была так забита, что просела до самой земли и задевала за мостовую. Последняя машина тоже была перегружена. Более восьмидесяти человек шли на север пешком. Диего пустил «импалу» задним ходом, и машина помчалась вперед багажником, высекая выхлопной трубой искры.

— Сволочь, подожди меня! — закричал Пекин, бегом догоняя их.

— Эй, Хурадо, — спокойно сказал Коди, — похоже, у нас гости.

Туман заколыхался, предвещая появление твари. Они услышали скрежет металла по бетону. Последняя машина, в которой сидели не то семь, не то восемь человек и еще двое висело на подножках, стрельнула выхлопом и умчалась прочь.

Из дыма в пробивающийся из церковных окон свет свечей, пошатываясь, ступила какая-то фигура.

НОВАЯ ИГРУШКА КУСАКИ

Рик расхохотался. Он ничего не мог с собой поделаться. Такая спешка с эвакуацией... а из темноты появилась лошадь. Широкоплечий, мускулистый паломино — лошадь, будь она неладна! Еще один неуклюжий шаг вперед, и конь остановился, пошатываясь, словно ему в кормушку подбавили виски.

— Пьяный коняга! — сказал Рик. — Мы обгадились со страху перед пьяным конягой! — Должно быть, сбежала у кого-то с фермы или ранчо, подумал он. Разумеется, из дыры в мостовой вылезло что-то другое. По крайней мере, теперь им с Мирандой было на чем переехать на тот берег. Конь стоял и смотрел на них. Решив, что животное, наверное, в шоке, Рик вытянул руку и двинулся к нему. — Ну, ну, мальчик. Спо...

— Не надо! — Коди схватил его за руку. Рик остановился всего в десяти футах от лошади.

Лошадь раздула ноздри и потянулась вперед. На напрягшейся шее проступили шнуры мышц, а из пасти вылетел звук, в котором смешались пронзительное ржание и свист паровоза.

Увидев то же, что Коди — вместо копыт у лошади были серебряные когтистые лапы, как у ящерицы, — Рик прирос к месту.

Существо переводило глубоко посаженные глаза с Коди на Рика и обратно. Потом оно разинуло пасть, усаженную рядами заблестевших в слабом свете иголок и под хруст ломающихся и перестраивающихся костей принялось удлинять позвоночник.

Коди шагнул назад и наткнулся на Миранду. Та вцепилась ему в плечо. Последняя дюжина появившихся из церкви людей заметила из-за спины девушки стоявшую на улице тварь и кинулась врассыпную. Однако тот, кто вышел последним, остановился в дверях, держась до того прямо, словно в спине у него был стальной стержень. Набрав полную грудь воздуха, он решительно двинулся вниз с крыльца.

Тело твари продолжало удлиняться. Под мелко подергивающейся плотью вспухали плотные, грубые узлы мышц. Через золотистую шкуру проступил темный пигмент. Черепные кости с громким треском лопнули, и голова начала менять форму.

Рик отступил к бровке тротуара. Сердце у него бешено колотилось, но бежать он не мог. Еще не мог. То, что рождалось у него на глазах, заворачивало, как галлюцинация или захватывающий горячий сон. Голова лошади уплощалась, нижняя челюсть вышла из суставов и выдвинулась вперед, из уголков рта закапала густая, тягучая серая слюна. Спина прогнулась, туловище сгорбилось, и под влажный треск раздираемой плоти от основания позвоночника размотался толстый, суставчатый черный хвост. Он оканчивался черным шаром, похожим на те, какими рушат старые дома. Шар ошетинился грозными металлическими шипами.

Монстр удвоил длину. Ноги по-крабьи вывернулись наружу. Теперь сквозь шкуру на боках чудовища прорывались усаженные шипами лапы, каждая — с тремя серебристыми когтями. Туловище осело, царапая брюхом мостовую. Плоть расступалась, открывая черную чешуйчатую шкуру, схожую с поверхностью пирамиды. Тварь забилась, словно пытаясь выбраться из кокона. Осенними листьями полетели клочья золотистой шкуры.

В руке у Коди был револьвер. До мотоцикла было рукой подать. Мальчик понимал, пора удирать, однако разворачивавшаяся перед ним череда превращений не давала уйти.

Удлинившийся шишковатый череп твари превратился во что-то среднее между головой лошади и головой насекомого, шея стала короткой и мощной. По всему телу вспухали и перекатывались мышцы, сбрасывая куски мертвой плоти. Коди вдруг понял, что ничего подобного он не видел ни в фантастических фильмах, ни в мексиканских фильмах ужасов по одной простой и страшной причине: в чудовище бурлила жизнь. Когда старая шкура слетела, его неуклюжие движения стали быстрыми и точными, как у скорпиона, выбежавшего из сырой тьмы под камнем. Плоть головы лопнула, точно диковинный плод, и повисла лохмотьями, явив кошмарное зрелище: костяные гребни и черную чешую. Выпуклые глаза лошади всосало внутрь. Теперь под бронированным нависающим лбом поблескивали янтарные глаза с вертикальными черными зрачками. На месте лошадиных ноздрей появились еще два глаза, а вдоль боков с зычным *вуууишиш!* раскрылись ромбовидные щели.

Монстр страхнул последние клочья прежней оболочки: почти пятнадцатифутовое узкое тело, восемь шестифутовых ног, еще двадцать футов до подрагивающего в воздухе шипастого шара. Обе пары глаз поворачивались независимо друг от друга. Чудовище повернуло голову, следя за паническим бегством жителей Окраины к реке, и у самого основания черепа Рик увидел третью пару глазниц.

— Давай назад, — сказал Коди Миранде. Сказал хладнокровно, словно видел таких тварей каждый божий день. Внутри парнишка словно заледенел, понимая: или пан, или пропал. Обычный риск. Он поднял револьвер и четыре раза нажал на курок.

Но под дуло пистолета кто-то шагнул. Кто-то в черном, с воздетыми руками, в которых был зажат увенчанный позолоченным распятием жезл. Мимо Рика прошел отец Ла-Прадо. Рик был слишком ошеломлен, чтобы остановить священника, но, взглянув в пепельное лицо старика, понял, что того просто-напросто поглотила Великая Жареная Пустота.

Отец Ла-Прадо принялся выкрикивать по-испански:

— Всемогуший Господь изгоняет тебя! Вседержитель и Дух Святой ввергают тебя обратно в ад!

Он не останавливался. Рик сделал два шага вслед старику, но смотревшая с насекомого черепа четверка глаз уперлась в Ла-Прадо, и тварь энергично двинулась вперед, как черный пыхтящий локомотив. Ла-Прадо с дерзостью умалишенного поднял жезл:

— Именем Господа приказываю тебе: возвращайся в преисподнюю! — крикнул он. Рик протянул руку, чтобы ухватить священника за сунану. — Приказываю тебе! Приказываю...

Раздался пронзительный визг, похожий на рыдание баньши. В нескольких дюймах от Рика что-то мелькнуло, в ушах засвистел поднятый им ветер. Рука парнишки оказалась в крови, а отец Ла-Прадо внезапно исчез. Просто-напросто исчез.

«У меня на рубашке кровь», — понял Рик, погружаясь в облако дурманной нереальности и чувствуя затхлый запах меди.

На него пролился дождь алых капель. И еще что-то. Посыпались какие-то кусочки. Слева от Рика о мостовую ударился ботинок. В шести или семи футах справа — рука. Вокруг падали на землю останки отца Ла-Прадо, высоко подброшенного и разорванного в клочья шипастым шаром. Последним упал разломанный надвое жезл.

Монстр вновь занес хвост, с которого капала кровь и срывались кусочки плоти. Коди увидел, как хвост задрожал, готовый нанести удар. Рика парализовало. Времени оценивать прошлое и настоящее не осталось; Коди припустил к Хурадо, дважды выстрелил на бегу и увидел, что пара янтарных глаз сосредоточилась на нем. Три драгоценных секунды существо медлило, выбирая между двумя мишенями, а потом злобно стегнуло хвостом в сторону. Костяные шипы со свистом рассекали воздух.

Коди прыгнул на Рика, сбил с ног, так что тот распростерся на тротуаре, услышал, что шипастый шар приближается, и сам распластался на окровавленной мостовой.

Шар пронесся меньше чем в футе над ним и вернулся грозным расплывчатым пятном, но Коди уже извернулся, как червяк на раскаленном противне. Шар высек искры из мостовой и ретировался,

готовясь к новому удару, и Коди увидел, что Рик сел. Лицо его было в крови Ла-Прадо.

— Беги! — крикнул Коди. — Я вытащу Миранду!

Рик не отозвался, но Коди больше ничем не мог ему помочь. Миранда, скорчившись на ступеньках церкви, звала брата. Коди поднялся, прицелился твари в глаз и выпустил две последние пули. Второй выстрел выбил из чешуйчатого темени сгусток серой жидкости. Чудовище громко зашипело и отбежало, быстро перебирая лапами.

Коди помчался назад через улицу, петляя, чтобы не дать твари прицелиться. Он бросил пистолет и вспрыгнул на сиденье мотоцикла. Ключи были в зажигании. Лягнув стартер, Коди проорал Миранде: «Садись!» Мотор затарахтел, затрещал, но не завелся. Чудовище исполинскими шагами двинулось вперед, туда, откуда можно было бы нанести удар. Коди во второй раз налег на стартер; мотор чихнул, завелся, заглох, снова чихнул и сипло зарокотал. У Коди мороз прошел по коже: парнишка почувствовал, что хвост изогнулся. Бросив быстрый взгляд через плечо, он увидел, что к нему придвигается черная голова монстра с приоткрытой пастью, полной иголок. Потом справа, крича и размахивая руками, кто-то выбежал, и взгляд одной пары глаз метнулся к Рику. Серебряные когти вскинутой передней лапы вспороли воздух так быстро, что Рик едва заметил их приближение. Мальчик отпрянул, и когти прошли мимо его лица.

Миранда, крепко державшаяся за пояс Коди, крикнула Рику: «Беги!», и Коди дал газ. Мотоцикл стремительно отделился от бровки тротуара и понесся к Республиканской дороге.

Рик на четвереньках вскарабкался на тротуар, слыша, как тварь скользит за ним, царапая бетон когтями. Он вскочил и побежал на север — через двор, потом между домами. В этом-то узком пространстве он и наступил на камень. Левая ступня поехала, нога подвернулась и ее до самого бедра пронзила боль. Рик вскрикнул и, схватившись за лодыжку, упал ничком в песок и сорняки.

Дома по обе стороны от него содрогнулись и застонали. Трещали доски, из стен летели облака известковой пыли. Рик оглянулся и увидел темный силуэт, который пытался протиснуться за ним в проулок так яростно, что сносил дома с фундаментов.

За восемьдесят ярдов от того места, где лежал Рик, перед Коди с Мирандой, уже почти переехавшими мост, из дыма что-то поднялось... человеческая фигура. Инстинктивно нажав на тормоз, Коди начал разворачивать машину, но не успел: мотоцикл мягко врезался в неизвестного, потерял управление, сбросил обоих седоков и с треском въехал в ограждение моста. Рама погнулась, издав тихий стон, как лопнувшая гитарная струна. Переднее колесо отлетело. Коди приземлился на правый бок, проехался по земле — бок обожгло болью — и скорчился в позе зародыша.

Он лежал, хватая ртом воздух, и думал: «Все-таки клюнул меня жареный петух». Но тут же решил: «Да нет; должно быть, это был Бормотун. Выполз на мост, старый хрен, и устроил нам бенц».

Миранда. Что с Мирандой?

Он попытался сесть, но был еще слишком слаб. Левая рука страшно болела, и Коди подумал, что там может быть перелом. Однако пальцы шевелились — хороший признак. Ребра казались осколками бритвы. Одно или два наверняка были сломаны. Хотелось уснуть, закрыть глаза и послать все подальше... но где-то рядом была Миранда... и то, во что они врезались. «Выискался защитничек, — обругал себя Коди. — С тобой только сортир с подкопом брать. Может, папаша все-таки прав?»

Он почувствовал запах бензина из пробитого бака. Через пару секунд грохнул взрыв, замелькало оранжевое пламя. На мост и в Змеиную реку с лязгом посыпались куски «хонды». Прерывисто дыша, Коди встал на колени. Примерно в шести футах от него, раскинув руки и ноги, как сломанная кукла, лежала навзничь Миранда. Он подполз девушке и увидел, что ее рот в крови из разбитой нижней губы, а на щеке — синие кровоподтеки. Но она дышала, и когда Коди окликнул ее по имени, ресницы девушки затрепетали. Он попытался приподнять ей голову, но нащупал какой-то желвак и счел за лучшее не трогать.

Коди услышал шаги. Один башмак цокал, второй шаркал.

Он увидел: кто-то, пошатываясь, шел к ним со стороны Окраины. От разбитого мотоцикла огненными ручейками растекся бензин, но неизвестный, не останавливаясь, шел сквозь пламя. Горбатая фигура с ошетилившимися шипами хвостом приблизилась, и Коди различил ухмылку, обнажавшую острые иглы зубов.

Полчерепа Санни Кроуфилда провалилось внутрь. Из пустой левой глазницы текло что-то блестящее, похожее на серый гной, по щеке малиновой татуировкой пролег отпечаток мотоциклетной шины. Существо подергивалось всем телом и при ходьбе приволакивало ногу.

Поджигая отвороты дымящихся джинсов, оно перешагивало через огненные ручьи и ухмылялось. Его губы ни разу не дрогнули.

Коди прикрыл Миранду своим телом и поискал усаженную гвоздями бейсбольную битку, но не нашел ее. Стук и шарканье башмаков приближалось, на фоне пламени рисовался сгорбленный силуэт с булавой на хвосте. Коди начал подниматься. Он знал: теперь ему крышка, но, может быть, удастся вцепиться этой гадине в последний глаз и вырвать его. Ребра Коди, не позволяя шелохнуться, прострелила боль, от которой перехватило дыхание. Парнишка опять повалился на бок, со свистом втягивая воздух.

Кусака добрался до Миранды и постоял над ней, разглядывая в упор. Потом рука с металлическими ногтями скользнула над лицом девушки.

Силы оставили Коди. Все было кончено. В глазах у него стояли слезы. Он понимал: сейчас Миранде разmozжат голову, и спасти ей жизнь можно только одним способом. Не успел Коди додумать эту мысль, как у него вырвалось:

— Я знаю, кого ты ищешь.

Чудовище подняло голову, с которой капала слизь, но не отняло руку от лица Миранды. Девушка застонала, к счастью, в бесспамятстве. Другой рукой Кусака взял ее за волосы.

— Хранитель, — пробубльнул он. — Где она?

— Я... не могу... — Коди чувствовал, что близок к обмороку. Говорить не хотелось. Но сквозь щипавшие глаза слезы он заметил, что когтистые пальцы крепче сдавили лицо Миранды.

— Говори, — велел Кусака, — не то я этой таракашке голову оторву.

На Первой улице Рик, залегший в проулке между домами, приник к земле и пополз. Монстр не мог протиснуться в узкое пространство, не мог он и дотянуться до Рика лапой. Парнишка услышал треск и грохот, от которых задрожала земля. Полетели доски. Он понял, что чудовище разносит хвостом дома. Крыша взорвалась черепицей и кусками дерева, как в бомбежку. Рик с трудом поднялся, припадая на больную ногу. Впереди была изгородь из металлической сетки высотой ему по грудь, а за ней — река. Рик увидел на мосту пламя, но времени раздумывать над тем, что горит, не было. Он перебрался через забор, съехал по рыжему земляному откосу и залег в грязноватой струйке воды. На Окраине, разваливаясь, трещали дома. Через минуту-другую существо должно было прорваться сквозь застройку и перебраться на другой берег. Не обращая внимания на боль в распухшей ноге, Рик заставил себя подняться и полез на крутой берег, куда выходили зады Кобре-роуд.

На мосту, в каких-нибудь пятидесяти ярдах от Рика, Коди Локетт понял, что его везению (а возможно, и везению Дифин) все-таки пришел конец. Кусака уничтожит город со всеми его обитателями и начнет с Миранды. Но общежитие защищали от Кусяки не только каменный фундамент и бронированные окна, но и электрический свет. Даже узнай Кусака, где Дифин, ему было никак не добраться до нее. Коди, у которого медленно кружилась голова, сел и мрачно улыбнулся.

— Она там, — сказал он, показывая на слабое пятно света, и увидел, что на изуродованном лице промелькнуло испуганное выражение. — Неплохо, а? Лучше надень темные очки, гандон.

Кусака отпустил Миранду. Обе руки стиснули горло Коди, хвост затрепыхался у мальчика над головой.

— Мне не понадобятся темные очки, — ответил булькающий голос. На Коди надвинулось страшное лицо. — Свое вознаграждение я заработаю тем, что прихвачу с собой в небольшое путешествие

несколько клопов. Живьем. Кроме того, я очень скоро найду ее спору. Если она не захочет лететь, отлично: пусть сгниет в этой говенной дыре. *Компренде?*

Коди не ответил. Дыхание монстра отдавало жженым пластиком. Чудовище выпустило шею парнишки, обхватило его за талию и оторвало от бетона легко, словно малого ребенка. От мучительной боли в груди Коди облился холодным потом. Другой рукой Кусака подхватил Миранду. Коди затрепыхался, пытаясь высвободиться, но боль и усилия оказались последней каплей. Он потерял сознание, его руки и ноги безвольно повисли.

Сунув бесчувственных землян под мышки, Кусака пошел через мост в Инферно, волоча больную ногу. У пересечения Республиканской дороги с Кобре-роуд он зашел в голубой дом, где в гостиной не было пола, и с грузом клопов прыгнул в темноту.

ВЫСОТА

Эд Вэнс с Селестой Престон в ожидании конца света распили в «Клейме» третью бутылку пива, и тут на улице взвизгнули колеса: кто-то свернул на Трэвис-стрит. За последние четверть часа пол в «Клейме» несколько раз вздрагивал, а в кухне, с грохотом, от которого Сю Маллинэкс подпрыгнула чуть ли не до потолка, рухнула стопка тарелок. Сидевшие у дальней стены завсегдатаи удрали, но Вэнс знал, что бежать некуда, и не двинулся с места.

Однако судя по шуму, сейчас на север по Трэвис-стрит ехало множество машин, да в такой спешке, что создавалось впечатление, будто они с лязгом таранят друг друга. Вэнс слез с табуретки, вышел на улицу и увидел огни целого каравана. Автомобили с ревом пронеслись по Селеста-стрит и сворачивали на Трэвис. Кое-кто гнал машины через дворы, добавляя пыли в и без того уже густой воздух. Все это напоминало массовый исход — но куда? Вэнс с трудом разглядел свет в крепости Щепов и сообразил, что именно туда стекаются машины. Они мчались так, будто их подхлестывал сам дьявол.

Вэнс сообразил, что следом за ним вышла и Селеста.

— Сгоняю-ка я лучше туда и выясню, что происходит, — сказал он. — Да и вам неплохо бы там отсидеться.

— Я уезжаю. — Не выпуская бутылки, в которой оставалось не больше трех глотков пива, Селеста полезла в карман спортивного костюма за ключами от «кадиллака». — Что хорошо в моей развалюхе, так это крепкий подвал. — Она обошла машину, но прежде чем сесть за руль помедлила. — В подвале полно места. Влезет даже жирный паразит вроде тебя.

Предложение было заманчивым. Виновато ли было пиво, плескавшееся в животе у Вэнса, или же тот факт, что жизнь не стоит и ломаного гроша, но в это мгновение Селеста Престон показалась шерифу... ну... почти красивой.

Ему захотелось поехать с ней. Действительно захотелось. Но на этот раз чудовищам из Кортес-парка не суждено было победить. Он сказал:

— Нет, я, наверно, останусь тут.

— Как угодно. Но мне казалось, что ты видел «Полдень» слишком много раз.

— Может быть. — Он открыл дверцу патрульной машины. — Будьте осторожны.

— Будь спок, партнер. — Селеста села в «кадиллак» и сунула ключ в зажигание.

Вэнс услышал звук, похожий на треск глиняных тарелок. По всей Селеста-стрит прокатилась медленная волна, по бетону зазмеились расселины. Кое-где мостовая провалилась, и из дыр полезли человеческие фигуры. Вэнс сдавленно хмыкнул.

Рядом с «кадиллаком» Селесты из-под земли что-то вылезло. Селеста взглянула в рябое лицо грузной мексиканки. Рука женщины стремительно просунулась в открытое окошко и плотно охватила запястье Селесты. Селеста тупо уставилась на смуглую руку, впившуюся в ее тело зазубренными ногтями. Ей следовало за долю секунды выбрать: завизжать или действовать.

Схватив с сиденья пивную бутылку, она ударила тварь по лицу. Из рассеченной щеки брызнула серая жидкость. Потом Селеста дала себе волю и отчаянно закричала, вырываясь, сдирая с руки ленточки мяса. Существо снова потянулось к ней, но Селеста уже удирала через пассажирскую дверцу. Когти вспороли спинку сиденья водителя.

Селеста кубарем выкатилась на тротуар. Существо проворно вскочило на капот, готовое прыгнуть на нее, и тогда Вэнс в упор выстрелил ему в голову из винчестера, который вытащил из патрульной машины.

Пуля, прошив череп монстра, разнесла ветровое стекло; теперь все внимание чудовища сосредоточилось на Вэнсе. Следующую пулю шериф вогнал твари между глаз, третьей своротил челюсть, и в воздух фонтаном полетели сломанные иголки. Чудовище завизжало и спрыгнуло с капота, выгибая спину, освобождая скорпионий хвост. Руки и ноги твари удлинлись, покрылись пятнами черной чешуи, и прежде чем Вэнс успел сделать очередной выстрел существо заковыляло прочь и ухнуло в дыру на мостовой.

Раскачивая усаженным шипами хвостом, как кобра головой, из дыма на Вэнса бросился другой сторбленный, уродливый репликант. Шериф успел заметить влажное от слизи лицо Гила Локриджа и начал стрелять. Одна пуля срикошетила о мостовую, но вторая впилась в тело монстра. Чудовище покачнулось, и Вэнс выстрелил ему в лоб. Хвост обрушился на капот «кадиллака» Селесты, проломив решетку радиатора. Монстр, пятясь, ретировался.

В воздухе висел едкий, тошнотворно-сладкий запах. Вэнс увидел, как из тумана выныривают другие фигуры, в четыре прыжка очутился

у патрульной машины, выдернул израсходованную обойму и вставил новую. У него было еще две, по шести зарядов каждая — их он сунул в карман. К нему качнулась третья фигура. Вэнс дважды выстрелил, не зная, нанес какой-нибудь ущерб или нет, однако существо с телом скорпиона и темноволосой человеческой головой зашипело и метнулось прочь.

— Ну! — крикнул Вэнс, с колотящимся сердцем озираясь по сторонам. — Тут, сукины дети, *Техас!* Мы вам дадим просрать!

Но больше на него не нападали. Оставалось еще, может быть, пять или шесть тварей — они лезли из дыр, как скорпионы из потревоженного гнезда, и быстро бежали в сторону Трэвис-стрит.

«Господи Иисусе, — подумал Вэнс. — Кусака узнал, где Дифин».

Раздался треск, следом — грохот падающих кирпичей. Вэнс посмотрел направо и увидел, что по Селеста-стрит в вихре дыма и пыли движется длинный, как тепловоз, силуэт. Шериф мельком заметил массивный хвост с шипами — и тот тут же метнулся из стороны в сторону, и фасады магазинов разлетелись, словно в них угодила «баба». Существо хлестнуло хвостом по сетчатой изгороди вокруг стоянки подержанных автомобилей Мэка Кейда, зацепило машину и опрокинуло ее на бок. Потом чудовище засновало между машинами, как таракан между хлебными крошками, безостановочно молотя хвостом. Полетели искры. Какой-то грузовик-пикап встал на дыбы и соскользнул под землю. Забравшееся в гущу машин существо бешено заработало хвостом — влево, вправо, — гулко ухнул взорвавшийся бензин, и к небу рванулось рыжее пламя. В его отблесках Вэнс с Селестой разглядели черное восьминое тело и узкую голову, диковинную комбинацию лошади со скорпионом. Существо расшвыряло машины, отчего еще в нескольких местах на разбитых бензобаках расцвели костры, и продолжило свое шествие по улицам Инферно.

Вэнс схватил Селесту за кровоточащую руку и притянул поближе к себе. В дверях кафе, следя за приближавшимся монстром, стояла Сью Маллинэкс. Ее веснушчатое лицо было белым как мел. Вэнс понял, что всего через несколько секунд чудовище, крушащее хвостом все без разбора, поравняется с ними.

— Уходи! — гаркнул он на Сью. Она попятилась в кафе. Вэнс потащил за собой Селесту. Сью перелезла через стойку и скорчилась на полу возле холодильника. Вэнс услышал, как на улице трещат камни: рухнула стена. Он бросил винтовку, подхватил Селесту Престон и перенес ее за стойку. Он и сам уже карабкался следом, когда фасад «Клейма» превратился в шквал белого камня и цемента. В кафе, сметая стулья и столики, въехала патрульная машина. Три камня величиной с кулак попали Вэнсу в плечо и перекинули его через стойку, как кеглю.

Крыша просела, воздух побелел от каменной пыли. Вокруг разбитых керосиновых ламп растеклись огненные лужицы. Фасад «Клейма»

превратился в зияющий провал. На улице монстр свернул направо, хлестнул хвостом по «Салону красоты» и по искореженным развалинам Трэвис-стрит пополз на север. Следом за ним из дыр вылезли пять тварей поменьше и двинулись в ту же сторону, как пожарители падали — за акулой.

В доме Хэммондов отчаянно лаял Бегун. Сержант лежал на полу в маленькой комнате, прикрывая голову руками и сильно дрожа всем телом. Прошло меньше минуты с тех пор, как в стену, выходящую на Селеста-стрит, что-то ударило и дом содрогнулся до основания. Градом посыпалось битое стекло и обломки камня. Сержант сел. Ноздри были забиты пылью, а широко раскрытые глаза остекленели от воспоминаний об артобстреле. Яростно лаял Бегун.

— Ш-ш, — еле слышно просипел Сержант. — Тихо, Бегун, — повторил он, и его лучший друг подчинился.

Сержант поднялся. Пол от ударов стал бугристым. За десять минут до происшествия Деннисон заходил на кухню, чтобы обследовать холодильник, и нашел коробок спичек. Теперь он чиркнул одной из них и двинулся за ее огоньком к входной двери.

Двери не было. Исчезла и большая часть стены. «Противотанковое ружье, — подумал Сержант. — Продырявили дом вчистую». В той стороне, где находилась стоянка подержанных машин Кейда, он увидел мелькание рыжих языков пламени. И что-то еще, скользившее сквозь огонь и дым. «Танк, «тигр», — подумал он. — Нет, нет. Два или три «тигра». Может, больше». Но гусеницы не лязгали, грохота двигателей не было слышно. Зато ощущалась страшная, гибкая и подвижная живая сила.

Селеста-стрит разверзлась. Сержант увидел другие силуэты — ростом с человека, но горбатые. Эти существа двигались с целеустремленным проворством муравьев, бегущих к пище.

Спичка обожгла Сержанту пальцы. Он затряс рукой и выронил ее, а потом отступил от рухнувшей стены и зажег другую спичку — у тьмы были когтистые лапы. Бегун крутился под ногами, нервно поскуливая. Дом перестал быть убежищем. Он раскрылся, как рана, и туда в любой момент могли нагрянуть существа с улицы. Сержант не осмеливался покинуть дом, но понимал, что им с Бегуном нельзя оставаться на открытом месте, как каким-нибудь контуженным идиотам. Он, пятясь, выбрался из комнатухи в коридор. Слева была дверь; он открыл ее и оказался перед шкафом, забитым какими-то коробками и всякой всячиной. Там же стоял пылесос. Шкаф был слишком узким, чтобы они с Бегуном уместились там оба. Спичка погасла, и снедаемый паникой Сержант зажег третью. Он вспомнил, с каким лицом капитан говорил: *«Всегда занимайте высоту!»* Он поглядел наверх, поднял руку со спичкой и нашел то, что искал.

В потолке коридора была небольшая квадратная выемка со свисающим шестидюймовым шнуром. Сержант ухватился за него и потя-

нул. Квадрат открылся, спустилась складная металлическая лесенка. Как и в его собственном доме, она вела на небольшой чердак. «Высота», — подумал Сержант.

— Айда, Бегун, — сказал он, и пес помчался вверх по ступенькам. Сержант полез следом. Чердак был чуть просторнее, чем у него, и все равно места едва хватало, чтобы лечь на живот. Он с трудом развернулся, втянул лесенку, и чердачный люк захлопнулся.

Спичка погасла. Сержант немного полежал в темноте. На чердаке пахло пылью и дымом, но дышать можно было нормально. Бегун прижался к нему.

— Никому нас тут не найти, — прошептал Сержант. — Никому. — Чиркнув еще одной спичкой, он поднял ее, чтобы оглядеться.

Он лежал на коврикe из розового пластика. Чердак был забит картонными коробками. К карнизу прислонилась разбитая лампа, а там, куда Сержант мог дотянуться, лежало что-то похожее на скатанные спальные мешки. Из-за пластика на него уже напала чесотка, и, ухватив спальник, он подтянул его к себе, чтобы подстелить. Когда Сержанту удалось наконец раскатать мешок, внутри оказалась какая-то шишка. Что-то круглое. Бейсбольный мяч?

Он полез внутрь и нащупал прохладную сферу.

Спичка погасла.

ТОПОТ И СКРЕЖЕТ

Увидев багровый взрыв в центре Инферно, Дифин поняла: час пробил.

Легковые автомобили и пикапы, подпрыгивая на ухабах, заехали на стоянку, люди кинулись в общежитие, а Ганнистон отправился выяснять, что происходит. Джесси, Том и Роудс остались с Дифин. Инопланетянка расхаживала перед окном, словно отчаявшийся зверь в тесной клетке.

— Я хочу, чтобы мне вернули дочь, — сказала Джесси. — Где она?

— В безопасности. В моей споре.

Джесси шагнула вперед и осмелилась схватить Дифин за плечо. Та перестала мерить шагами комнату и взглянула женщине в лицо.

— Я спросила тебя, где она. Сейчас ты мне скажешь.

Дифин окинула взглядом остальных. Все ждали, что она скажет, и Дифин поняла: пришла пора сознаться.

— Моя спора у вас дома. Я заложила ее в верхний люк.

— В верхний люк? — переспросил Том. — У нас даже второго этажа нет!

— Неверно. Я заложила спору в верхний люк вашего дома.

— Мы обыскали каждый дюйм! — сказал Роудс. — Сферы там нет!

Но Джесси, обшарив взглядом детское личико, вспомнила о крошках розового пластика в светло-русых волосах.

— Мы смотрели везде, куда ты, по-нашему, могла дотянуться. Но чердак мы не проверяли, правда?

— *Чердак?* Это безумие! — сказал Роудс. — Когда мы ее нашли, она не могла даже *ходить!* Как же ей было попасть на чердак?

Джесси уже поняла.

— К тому времени, как мы примчались, ты уже умела ходить, верно?

— Да. Я делала, как... в тээ-вээ. — Дифин увидела, что ее не поняли. — Притворялась, — пояснила она, — потому что не хотела, чтобы вы заглянули в верхний люк.

— Сама ты не могла туда забраться, — сказала Джесси. — На что ты встала?

— На телоподдерживатель. — Она сообразила, что перевела не так, как собиралась. — На стул. Я вернула его на то самое место, откуда взяла.

Джесси вспомнила, как маленькая девочка подтащила стул к окну, чтобы встать на него и прижать ладошки к стеклу. Ей тогда и в голову не пришло, что Дифин уже могла использовать стул, чтобы дотянуться до привязанного к люку шнура... Она выглянула на улицу и увидела: горит на Селеста-стрит, в двух шагах от их дома. — Откуда ты знаешь, что Стиви в безопасности?

— Моя спора... как это говорится... не-у-нич-то-жима. Ее нельзя вскрыть, даже Кусаке с его технической оснащенностью это не под силу. — Две минуты назад Дифин почувствовала холодок поискового луча и высчитала, что полный оборот луч делает за четыреста восемьдесят земных секунд. — Который час? — спросила она у Тома.

— Восемнадцать минут четвертого.

Дифин кивнула. Поисковый луч должен был вернуться приблизительно через триста шестьдесят секунд. Она начала мысленный отсчет, используя негибкую земную математику.

— Кусака разыскивает мою спору с помощью поискового луча, идущего с корабля, — сказала она. — Этот луч задействован с момента приземления Кусяки. Агрегат, питающий его энергией, вычислил параметры и плотность моей споры, но у споры есть защитный механизм, отклоняющий луч.

— Значит, Кусаке не удастся ее найти? — спросила Джесси.

— Кусака ее еще не нашел. Луч пока в действии. — Наблюдая за пляской огня, Дифин поняла, что придется рассказать все. — Луч очень мощный. Чем дольше я нахожусь вне споры, тем больше ослабевает защита. — Она встретила взгляд Джесси. — Мне и в голову не приходило, что я так долго пробуду вне ее.

— Ты хочешь сказать, у Кусяки есть неплохой шанс отыскать спору на нашем чердаке? — спросил Том.

— Если хотите, можно высчитать вероятность.

— Нет. — Джесси не желала слышать эти цифры: перевес — в который уже раз — опять оказался бы на стороне Кусяки.

Роудс подошел к окну, глотнуть свежего воздуха. На стоянку заезжали последние машины. Полковник не был уверен, хочет ли знать, от чего бегут эти люди. Он повернулся к Дифин.

— Ты собираешься улететь на корабле Кусяки. Разве это возможно?

— Я уже дважды бежала с Седьмой Цитадели. Оба раза Кусака выследил меня и вернул. Я знакома с корабельными системами и

приборами оперативного контроля. И знаю, как по звездному коридору добраться домой.

— Попад на корабль ты сумеешь отключить силовое поле?

— Да. Силовое поле создаст вспомогательный источник питания. Его энергия при перераспределении включает... — В земном словаре не нашлось слов для описания полетных систем пирамиды. — ...Главные двигатели, — только и удалось сказать Дифин.

— Значит, прежде чем включать двигатели, нужно отключить силовое поле? Сколько на это нужно времени?

— Это зависит от того, сколько энергии затрачено. По самым грубым прикидкам — от пятнадцати до двадцати ваших минут.

Роудс хмыкнул, пытаясь собраться с мыслями.

— Примерно через полтора часа взойдет солнце. Вероятно, к этому времени вдоль периметра решетки соберется несколько сот полицейских, представителей военно-воздушных сил и репортеров. — Губы полковника тронула слабая улыбка. — Еи-богу, это дело рук старины Бакнера. Бьюсь об заклад, эта сволочь на уши становится, лишь бы не дать газетчикам фотографировать. Глупо: через двенадцать часов все это будет в газетах и теленовостях, и тут уж ни черта не поделаешь. — Улыбка растаяла. — Если бы удалось отключить силовое поле, у нас появился бы шанс выбраться отсюда целыми-невредимыми. — Полковник поднял руку и посмотрел на впечатанный в нее синяк, повторявший очертания ладони. — Я хочу сказать, почти у всех у нас. Подумай как следует: есть хоть какой-нибудь способ проникнуть на корабль?

— Да, — немедленно ответила Дифин. — По тоннелям Кусаки.

— Меня интересуют другие способы. — От упоминания о тоннелях в сердце Роудса вонзился кинжал страха. — Как насчет портала, из которого появилась та летающая штуковина? Есть другие проходы на корабль?

— Нет. Только тоннели.

Полковник шумно выдохнул сквозь стиснутые зубы — с таким свистом выходит воздух из спущенной шины. Надежда улетучилась. Роудс ни за какие коврижки не согласился бы снова спуститься в эти тоннели.

Из коридора вернулся Ганнистон, и с ним — Зарра Альхамбра.

— Расскажи им то, что рассказал мне, — велел капитан.

— Там, на Окраине, что-то вылезло из-под земли, — сказал Зарра полковнику. — Мы все были в церкви. Коди Локетт и Рик засекли его, мы всех вывели из церкви и отправили сюда. Больше я ничего не знаю.

— Где Рик и Коди сейчас? — спросил Том.

— Не знаю. Все происходит так быстро. Наверное, едут сюда.

Дифин почувствовала, как мимо, выполняя очередной виток, проскользнул поисковый луч. Она ошиблась в расчетах на четыре секунды.

Дверь опять открылась. Появился Бобби Клэй Клеммонс — они с Майком Фрэкнером и парой других Щепов дежурили на крыше. Он стрельнул глазами в Гремучек; в любое другое время Бобби в бешенстве накинулся бы на них — нечего лезть на территорию «Отщепенцев!» — но сейчас распря была забыта.

— Эй, полковник! — сказал он. — Там что-то шевелится! — Бобби подошел к окну, Роудс — за ним.

В лабиринте автомобилей светились фары двух легковых машин. Сперва Роудс мало что мог рассмотреть в дыму и пыли. Потом он на миг увидел справа быстро движущийся силуэт, а слева — еще один. Пригибаясь к самой земле, подбежал третий; он шмыгнул под машину и остался там. Теперь по Трэвис-стрит шли и другие. Полковник услышал глухой стук и скрежет — это монстры, царапая когтями железо, перебирались через машины. Он содрогнулся; ему вспомнилось, как в детстве он однажды зашел на кухню их деревенского дома, включил свет и увидел, как от блюда с пирогом разбежалось с десятков тараканов.

В снопах света промелькнули черные чешуйчатые спины. Взмах усаженного шипами хвоста — и фара разлетелась. Другой монстр высоко задрал дрожащий от напряжения хвост и разбил одну за другой еще две. Со звоном осыпалась и четвертая, последняя. Твари дружно двинулись из мрака к общежитию, беспорядочно молотят хвостами по машинам, но на краю стоянки остановились.

— Кусака боится электрического света. — Дифин стояла рядом с Роудсом, выглядывая из-за подоконника. — Ему от него больно.

— Кусаке, может быть, и больно, а *этим*, возможно, нет.

— Все они Кусака.

Дифин понаблюдала за движениями шипастых хвостов. Теперь они выбивали размеренную дробь — можно было подумать, что чудовища издеваются над осажденными.

— Пока горит свет, он сюда не проберется.

Том взял винтовку со стола. Рядом лежало газовое ружье, которое принес Роудс. Ганнистон не расставался с автоматическим пистолетом. Роудс посмотрел на Бобби Клэя Клеммонса.

— У вас тут есть какое-нибудь оружие?

— Арсенал там. — Бобби Клэй провел его в следующую комнату и включил фонарь на стене. Стал виден стенд с развешанными на нем разнообразными предметами: там были обпиленные бейсбольные биты, пара дробовиков и четыре латунных кастета.

— Это все, что у вас есть?

— В общем, да. — Парнишка пожал плечами. — Нам никогда... ну... не хотелось убивать. Тут вот еще кой-чего. — Он подошел к зеленому шкафчику для обуви и открыл его. Внутри лежал инструмент — молоток, две или три отвертки, разнообразные баночки с гвоздями и прочий хлам. Пригодиться, с точки зрения Роудса, могли только две вещи: мощный переносной фонарь и карманный фонарик.

Он достал их и включил, чтобы проверить батареи. Фонарь светил достаточно ярко, но карманный фонарик был на последнем издыхании. Полковник забрал фонарь с собой в соседнюю комнату — на тот случай, если, не дай Бог, что-нибудь случится с настенными светильниками.

Мерный, настойчивый скрежет шипов о металл достал Тома. Он пересек комнату, высунул в окно ствол винтовки и выстрелил в темный силуэт. Пуля, если она и попала в цель, не прекратила ритмичных ударов.

— Поберегите пули! — сказал ему Роудс. — Кусака пытается провести психическую атаку.

Он услышал другие выстрелы, из других окон. Пули щелкали по бетону, высекая искры, но грохот продолжался. Шум стоял такой, словно целая армия маршировала по битому стеклу.

Том хотел убрать винтовку и тут увидел на улице нечто новое. Со стоянки на них надвигалось что-то крупное — больше он ничего не сумел рассмотреть.

— Роудс! — сказал он. — Поглядите-ка...

Заскрежетал сминаемый металл. В следующую секунду в торец здания с грохотом врезалась искореженная дверца машины. Тремя или четырьмя окнами дальше разлетелось стекло. Общежитие ответило лавиной ружейного огня. Роудс подошел к окну, успел разглядеть лишь какие-то смутные очертания — и примерно в десяти футах от него ударился о стену и с пронзительным скрежетом съехал вниз расплюснутый корпус «мустанга». Что бы ни орудовало на стоянке, эта тварь была достаточно сильна, чтобы отшвырнуть машину на два-три десятка футов.

— Ложись! — скомандовал полковник, приседая. Все бросились на пол. Джесси, не успев сообразить, что делает, схватила Дифин и подтащила поближе к себе.

— Ганни! — сказал Роудс. — Пройди по коридору и отгони всех от окон!

Ганни поспешно вышел. Роудс выглянул из-за подоконника. Неясная фигура приближалась, но еще не попала в льющийся из окон свет. С улицы прилетел еще один кусок металла (полковник подумал, что это, наверное, капот); он высадил окно первого этажа, но с таким треском и гулом, словно рухнул весь дом. Прилетевшая следом крышка выбила окно через две комнаты от них. Кто-то вскрикнул от боли, задетый летящим стеклом. Дифин вырвалась от Джесси.

Никто не успел ее остановить. Она устремила к окну, выхватила у Тома винтовку и с трудом установила ее на подоконнике. Роудс потянулся к Дифин, и в этот самый момент она двумя пальцами спустила курок. Отдача отшвырнула ее назад и проволокла по полу, но она мигом вскочила и попыталась снова подтащить винтовку к окну. Повлажневшие от ярости и замешательства глаза горели ярко-

стью. Но взгромоздить винтовку на подоконник Дифин не удалось: Том вцепился в нее и рванул от окна, а в следующий миг часть стены у них над головой рухнула в комнату.

Сквозь град обломков Роудс увидел, как в пролом, взметнув облако пыли, ворвался хвост чудовища. На пол дождем сыпались камни. Том загородил Дифин. Хвост мелькнул снова, проделав дыру с хорошей ванной в поперечнике. У выглянувшего из окна Роудса затряслись поджилки — он мельком увидел голову чудовища, которое, быстро перебирая ногами, пятилось от границы светового пятна. Убрав голову, существо снова хлестнуло хвостом, и шипы просвистели у самой стены.

Дифин, рассыпая крохотные молнии, точно электрический угорь, вскочила на подоконник. Роудсу показалось, что она собирается выскочить наружу, и он осмелился схватить ее за руку. Его дернуло током так, что лязгнули зубы, но он не выпускал девочку.

— Нет! — крикнул он, пытаясь удержать Дифин. Та билась в его руках, как зверек.

Дифин занимало только одно: выбраться из этой коробки и увести Кусаку от пойманных здесь в ловушку человек. Но вдруг она увидела в дыму огромный силуэт. Белый свет омыл его голову, блеснул на игольчатых зубах, которыми были усажены мясистые продолговатые челюсти. Взгляд одной пары глаз метнулся к ней, еще два оставались нацеленными на другое окно, и Дифин почувдилось, что в узких черных зрачках она видит свое отражение. Узнали ее эти глаза или нет? Они были холодными и бесстрастными, как льдистые своды глубокого космоса. Кусака продолжал продвигаться вперед быстрыми мелкими шажками, позади него смертоносным вопросительным знаком вздымался хвост. Голова монстра угодила в ослепительное сияние электрического света. Послышалось шипение, и Роудсу невольно вспомнилось мясо в гриле; он увидел, как там, где свет коснулся глаз чудовища, вздулись волдыри. Из волдырей потекла серая слизь. Монстр стегнул хвостом, и Роудс сдернул Дифин с подоконника на пол. Шипы впились в стену соседней комнаты. Послышались пронзительные крики, и весь второй этаж затрясся.

Комнату заполнила кирпичная пыль. Роудс сел и выглянул наружу, но существо уже убралось подальше от света. Другие Кусаки на стоянке продолжали выбивать хвостами мерную боевую дробь. Дифин лежала на боку, тяжело дыша. Она понимала, что Кусака пытается перебить лампы. Потом ее будто ударило: двенадцать секунд назад мимо должен был пройти поисковый луч, ведь она не прекращала мысленный отсчет. Так где же он? Если его отключили...

О том, что это означает, думать не хотелось.

— Держись, — лаконично сказал Роудс. — Оно возвращается. — И потянулся к винтовке Тома.

На тесном и темном чердаке Хэммондов заворчал Бегун. Сержант зажег еще одну спичку, поднес к черной как смоль сфере, которую держал в руке, и ничего в ней не увидел, но, когда он встряхнул ее, то подумал, что слышит тихий плеск. Сфера была холодной, будто ее только что вынули из холодильника. Сержант приложил ее ко лбу, потом к щекам, словно это был кусок льда. Бегун поднялся со спального мешка и нервно взвизгнул. Сержант сказал:

— Ну, ну, без капризов. Старина Сержант тебя не...

Дом задрожал. Внизу, лопаясь, оглушительно затрещали доски.

— ..бросит, — хрипло закончил он.

Загрохотала мебель — не то падая, не то переворачиваясь. Потом стало тихо. Бегун заскулил и прижался к боку Сержанта. Тот обнял своего лучшего друга. Спичка погасла, но он не пытался зажечь новую — она бы слишком громко чиркнула о коробок.

Затянувшуюся тишину нарушили шаги: кто-то вошел в коридор и остановился под люком.

Люк рывком раскрыли, и шаги возобновились.

Сержант, стискивая в руке черную сферу, начал отползать в глубь чердака.

— Спускайся, — произнес мужской голос. — Спору бери с собой.

Сержант не шевелился. Бегун тихонько заворчал.

— Если у тебя есть фонарь, бросай вниз. — Нетерпеливая пауза. — Ты же не хочешь, чтоб я окончательно взбесился?

Несмотря на техасский выговор, голос звучал как-то странно, в словах чудилась странная дребезжащая нотка, словно в горле у говорившего гнездились гремучие змеи. Потом к ней примешался другой звук: тихий стон агонизирующей собаки.

Сержант швырнул спичечный коробок в люк. Чья-то рука поймала его и смяла.

— А теперь ты. Со спорой.

Он не знал, что незнакомец называет «спорой», но дрожащим голосом прошептал Бегуну:

— Придется спуститься. Ничего не попишешь.

Он протиснулся к люку, Бегун — за ним.

В коридоре смутно виднелся силуэт, судя по росту — силуэт человека. Когда Сержант добрался до нижней ступеньки, чья-то рука вырвала у него сферу так быстро, что боль и проступившую на пальцах кровь он ощутил только через несколько секунд. «Острые у парня ногти, — подумал Сержант. — Враз меня раскорябал». Он разглядел, как неизвестный поднял сферу к лицу. На груди у него, там, где полагалось быть только рубахе да телу, что-то шевелилось.

Человек прошептал:

— *Есть.*

От того, как он это произнес, по спине у Сержанта пошли мурашки.

Рука поместила сферу в шевелившуюся на груди незнакомца массу. Сержант услышал, как, принимая ее, щелкнули клыки.

Потом влажная и скользкая, как брюхо многоножки, рука обхватила Сержанта и оторвала от пола, выжав из легких весь воздух. Сержант был слишком ошеломлен, чтобы сопротивляться. Он еще не успел понять, что же происходит, а незнакомец уже шагнул к зияющей в полу дыре. Сержант попытался кликнуть Бегуна — и не смог. Тут человек шагнул в дыру, и они полетели. Сержант намочил штаны.

Ноги похитителя самортизировали о дно, и тем не менее Сержанта так встряхнуло, что собственная голова показалась ему мешком битого стекла. Сержант издал сдавленный стон. Человек, чавкая башмаками по слизи, побежал во тьму извилистого тоннеля, унося Сержанта с собой.

СДЕЛКА

Хвост чудовища проломил стену и проник в комнату, где обнимались с полом Кёрт Локетт и еще четверо. Полетели кирпичи; один из них попал в светильник на стене у двери, и разбил его вдребезги. Свет погас. Кёрт услышал, как в соседней комнате гулко бухнул винтовочный выстрел. Хвост заметался у него над головой и убрался в кипящем облаке пыли, а Кёрт на полусогнутых, будто огромный краб, опрометью кинулся из комнаты в коридор.

Коридор был забит людьми. В резком свете ламп десятки жителей Инферно и Окраины сгрудились так тесно, что со стороны казалось, будто они сплывились в единое целое. Клубилась пыль, ревели младенцы, да и кое-кто из взрослых мужчин тоже пустил слезу. Кёрт и сам готов был расплакаться. Он пришел сюда за Коди, но кто-то из «Отщепенцев» сказал, что Коди уехал. Кёрт остался дожидаться сына, а потом начался суший ад. Он отполз от двери, чтобы между ним и зверюгой с колючим хвостом оказалась еще одна стена. Прямо над ухом кто-то заворчал по-испански, однако люди потеснились и дали Кёрту укрыться.

Пол вздыбился. В помещение опять посыпались кирпичи, крики стали громче. Рядом с Кёртом всхлипывала какая-то старуха. Вдруг ее ладони оказались у Кёрта на рукаве и скользнули по руке вниз, к пальцам, в которые она намертво вцепилась. Он заглянул в морщинистое лицо и увидел глаза, застланные пеленой катаракты. Старуха непрерывно раскачивалась. Сидевший рядом с ней мужчина обнял ее за плечи.

Кёрт и Ксавьер Мендоса уставились друг на друга.

— Где Коди? — спросил Мендоса.

— Все еще где-то там.

Старуха горячо заговорила по-испански, и Мендоса принялся ее успокаивать. Палома Хурадо отчаянно пыталась выяснить, что с Риком и Мирандой, но, насколько знал Мендоса, в здании ребята еще не появлялись.

Неподалеку Кёрт увидел притиснутую к стене жирную тушу Стэна Фрэйзера. С него градом катился пот, а в руках был зажат блестящий кольт с большущей рукояткой. Когда здание в очередной раз содрогнулось, Кёрт высвободил руку и подполз к соседу.

— Эй, Фрэйзер! Эта штука тебе нужна?

Белый от страха, одуревший Фрэйзер судорожно втянул воздух. Язык не повиновался ему. Кёрт сказал: «Извини», и вытащил пистолет из толстых, как сосиски, пальцев. Потом он ползком вернулся в комнату, откуда только что сбежал. В стене зияли два пролома величиной с колесо грузовика. Кёрт залег под разбитым окном, взвел курок и стал ждать, чтобы ходячий таран снова показался из дыма. Кёрт отдал бы левое ядро за глоток «Кентакки джент», но сейчас он не мог позволить нестерпимой жажде завладеть собой — дым расступился, смутно различимая тварь легко выбежала вперед и стегнула хвостом. Хвост обрушился на стену где-то справа от Кёрта, подняв кирпичную бурю. Кёрт начал стрелять и услышал, что две пули отскочили от бронированного тела, зато еще две с породавшим его чмоканьем вошли в более мягкие ткани. Монстр махнул хвостом в его сторону. Усаженный шипами шар промелькнул мимо окна и с треском проломил стену соседней комнаты. Пол дрогнул, словно от разрыва бомбы. Кёрт расстрелял два последних патрона, увидел, что из передней лапы монстра брызнула серая жидкость, но тут чудовище снова прынуло в темноту и отступило, с хрустом давя машины.

— На.

Кёрт огляделся. В комнату вползал Мендоса. Палому Хурадо он оставил со своей женой и дядей. Мендоса протянул ему на раскрытой ладони четыре пули и сказал:

— Нашел у него в кармане. И подумал, может, они тебе пригодятся.

— Похоже. — Кёрт торопливо вытряхнул пустые гильзы и трясущимися руками перезарядил кольт. — Сучья ночка, а?

Мендоса хмыкнул и позволил себе угрюмо улыбнуться.

— Си. Вид у тебя такой, словно на тебя наступили.

— И себячуйствие тоже. — С носа Кёрта сорвалась капля пота. — Не так давно я угодил в одну заварушку на Шестьдесят седьмом шоссе. Сигаретки не найдется, а?

— Нет, извини.

— Тут где-нибудь должно быть курево. — Кёрт со шелчком поставил барабан на место. — Не видел нынче вечером моего парня?

— Минут двадцать назад он был на Окраине. Потом я его не видел.

— Ничего с ним не случится. Коди крепкий орешек. В батю. — Кёрт хохотнул. Мендоса ползком двинулся обратно к своим, но Кёрт сказал: — Обожди. Хочу тебе кой-чего сказать... по-моему, самое время. Похоже, Коди думает, что ты мужик что надо. Пацан бывает идиотом каких поискать, но только не тогда, когда судит о людях. Должно быть, ты здорово много ему дал. Это... молодец!

— Коди парнишка хороший, — сказал Мендоса. Глядеть в водянистые глаза Кёрта, похожие на глаза больной собаки, было тяжело. — А мужик из него выйдет и того лучше.

— Лучше меня то есть?

На этот раз Мендоса не отвел глаз.

— *Си*, — ответил он. — Я именно это хотел сказать.

— Чего ты про меня думаешь, мне до фени. Ты по-людски обошелся с моим сыном, и я сказал спасибо. Так-то. — Кёрт повернулся к Мендосе спиной.

У его собеседника от злости внутри все скрутилось в твердый узел. Он не знал, что дает Кёрту право называть Коди «сыном». Судя по тому, что видел Мендоса, Коди был нужен Кёрту только, чтобы прибирать в доме или приносить деньги и сигареты. Что поделаешь, горбатого могила исправит. Мендоса процедил сквозь стиснутые зубы: «Не за что», — и вернулся к жене и дяде.

«Одно этот мокрозадый старый хрен забыл сказать, — подумал Кёрт. — Мужик из Коди выйдет и того лучше, *коли парень жив*. Хрен знает, что там бродит в дыму и пыли и где носит Коди. На кой ляд окаянный мальчишка поперся на Окраину, этого я ни в жисть не пойму, — сказал он себе. — Но одно знаю точно: я так надеру ему задницу, что звон пойдет...»

Нет. Нет, не надерешь.

Кёрт оперся подбородком на руку с пистолетом. Длиннохвостые гады за окном продолжали долбежку, словно понимали, что достали всех до единого в общаге. Он хотел пальнуть по сволочам, но сообразил, что лучше побереечь патроны. Выходило чертовски занятно: голова была ясная и чувствовал себя Кёрт нормально. Ободранная щека кровила и болела, как черт, но терпеть боль Локетт-старший умел. И не трусил — по крайней мере, не дурел со страху. Может быть, потому, что с ним была Сокровище. Если парень объявится — *когда* объявится — Кёрт... Он не знал точно, что сделает, но собирался обойтись без битья. Может быть, он втолкует пареньку, как красиво смотрится на стене вешалка для галстуков и как он надеется, что мальчик смастерит еще что-нибудь в том же роде. Скажет, что думает. Может, даже попытается бросить пить — невелика трудность, если учесть, что до конца своей жизни он, только понюхав виски, будет слышать хруст ломающихся костей. Но до этого было еще далеко, между ним и Коди была пропасть дряни, которую мало-помалу надо будет разгрести. Так, догадывался Кёрт, и делается все на белом свете.

Ощувив прикосновение к плечу, он резко обернулся и ткнул револьвером в лицо незнакомому молодому человеку:

— Какого черта подкрадываешься?

— Полковник Роудс велел всем отойти от окон, — сообщил Ганистон, отводя ствол револьвера в сторону.

— Опоздал, приятель. Окна-то повыносило.

— Все равно, лучше уходите и оставайтесь в коридоре.

Ганнистон пополз к выходу, направляясь в следующую комнату.

— Эй! — До Кёрта дошло, что за имя он услышал. — Кто, говоришь? Полковник Роудс? — Ганнистон кивнул, и Кёрт сказал: — Мне надо ему кой-чего передать. Где он?

— Через шесть дверей дальше по коридору, — сказал Ганнистон и уполз.

Кёрт выполз из комнаты, миновал Стэна Фрэйзера, поднялся и прошел по коридору, наступив всего на семерых или восьмерых. Отсчитав пять комнат, он без стука вошел в шестую, где на двери висело выведенное аэрозольной краской объявление: «Штаб» и «БЕЗ СТУКА НЕ ВХОДИТЬ». За дверью на полу скорчились двое парнишек, в которых Кёрт признал друзей Коди, дамочка-ветеринарша, ее муж и маленькая девочка, а под окном на коленях стоял коротко стриженный темноволосый мужик с винтовкой. Кёрт открыл дверь и оказался на мушке.

Кёрт поднял руки.

— Вы будете полковник Роудс?

— Правильно. Револьвер на стол.

Кёрт подчинился. Роудс производил впечатление человека, с которым не поспоришь. Обведенные темными кругами глаза ввалились, распухшее лицо пестрело порезами от осколков.

— Я Кёрт Локетт. Можно опустить руки? — Роудс кивнул и опустил винтовку. Кёрт опустил руки. — Я был на Шестьдесят седьмом шоссе, как раз на том краю, где эта фиолетовая клетка втыкается в землю. Там за ней целая уйма народу и полицейских машин. И начальников из правительства тоже пруд пруди. Знаете полковника Бакнера?

— Да.

— Он там с ними. Писал на листке и показывал мне — видеть-то я их видел, но не слышал. В общем, мне наказали передать: он хочет убедиться, что вы в норме и выяснить, чего тут делается.

— Спасибо. Думаю, поздновато.

— Да. — Кёрт посмотрел на многострадальную стену. — Похоже. — Его взгляд перекочивал на девочку. Она дрожала, и он опустился рядом с ней на колени. — Бояться нечего, голубушка. Выберемся, чтоб мне...

— Спасибо за участие, — перебила девочка, и взгляд старых как мир яростных глаз пронзил Кёрта, точно луч лазера — бумажную скатерть, — но я — не голубушка.

Улыбка сползла с губ Кёрта.

— Ох ты, — сказал он (или так ему показалось) и поднялся.

— Полковник, послушайте! — сказал Том. Мерный стук хвостов о металл замедлился, потом прекратился. Выглянув в окно, он увидел сновавшие среди машин небольшие силуэты. Более крупный отступил и снова исчез во мраке. — Они уходят!

Роудс выглянул и увидел, что твари в самом деле уходят.

— Что происходит? — спросил он у Дифин. — Это что, какая-то каверза?

— Не знаю. — Она подошла к окну, чтобы посмотреть. Поисковый луч не возвращался, и это могло означать только одно: ее спора обнаружена. Но, может быть, дело обстояло иначе. Может быть, луч вышел из строя или расход энергии оказался слишком велик. Впрочем, Дифин понимала, что хватаете за тонкую цилиндрическую трубочку для питья, как сказали бы человеки.

Том с Роудсом наблюдали за уходящими тварями, пока тех не поглотила дымка. Селеста-стрит еще горела. Где-то вдалеке затрещали летящие в воздух доски: видимо, снабженный стенобитным шаром хвост чудовища разнес в куски какой-то дом. Общежитие скovala тишина, которую нарушал лишь плач младенцев да всхлипы взрослых.

— Вернутся эти гады или как? — поинтересовался Кёрт.

— Кто их знает, — ответил Роудс. — Кажется, они дали отбой.

За каких-нибудь три секунды Дифин постигла смысл этого выражения.

— Неверно, — сказала она. — Кусака не давал отбой.

— Чудно ты балакаешь для такой малышки, — заметил Кёрт. — Не в обиду будь сказано, — прибавил он, обращаясь к Джесси. А потом вспомнил то, о чем очень хотел забыть: поднимающуюся из-под пола «Колючей проволоки» Лори Рэйни и ее дребезжащий граммофонный голос, который выговаривал: *«Сейчас вы расскажете мне про девочку, которая стала хранителем»*. Что бы ни творилось в городе, Кёрт вовсе не был уверен, что хочет знать подробности. — Есть у кого-нибудь сигарета и спички?

Бобби Клэй Клеммонс протянул ему пачку «Лакки» с последними шестью сигаретами и маленькую пластиковую зажигалку. Кёрт прикурил и глубоко затянулся.

— Дифин? Я знаю, что ты здесь!

Голос доносился со стоянки. Сердце в груди Дифин сильно заколотилось, и она покачнулась. Однако она понимала, что их встреча была лишь вопросом времени и это время пришло.

— Дифин? Ведь они так тебя называют? Ну давай, ответь мне!

Том и Джесси узнали голос Мэка Кейда. Роудс подумал, что как будто бы разглядел за самой границей света вскочившую на машину фигуру, но уверен он в этом не был. Голос мог доноситься откуда угодно.

— Не нужно излишне обострять ситуацию! Мое время — деньги!

Кёрт уселся на пол, зажав сигарету в уголке рта и шурясь сквозь окутавшую его дымовую завесу. Он наблюдал за девочкой, которая, как он понял, перестала быть человеком в полном смысле этого слова. Том хотел оттащить Дифин от окна, но она сказала: «Нет!», и он оставил ее в покое.

— Что, хочешь, чтоб я втоптал в грязь еще несколько клопов? Так я втопчу! — пообещал Кусака. — Тебе решать!

Охота закончилась. Дифин знала это. Пряткам пришел конец.

— Я здесь! — отозвалась она, и ее голос поплыл сквозь дым к едва различимому силуэту.

— А ведь от меня потребовалось не больно-то много усилий, а? Верно, сначала ты здорово меня погоняла, надо отдать тебе должное. В астероидном поле ты от меня ускользнула, но ты же знала, что я тебя найду. Мусоровозы не созданы для больших скоростей.

— Да и запас прочности у них тоже... — вздохнула она.

— Да уж. Ну, хочешь продолжить? Моим двигателям требуется некоторое время, чтобы разогреться.

Дифин медлила. Она чувствовала, как вокруг нее, обещая пытку иглами и зондами, смыкаются стены Седьмой Цитадели.

— На самом-то деле ты мне больше не нужна, — сказал Кусака. — У меня твоя спора. Этого достаточно, чтобы вознаграждение мне было обеспечено. Когда я улечу, тебе никак будет не добраться на свою планету. Но я подумал, что, может быть — только может быть, — ты захочешь обменяться.

— Обменяться? На что?

— У меня на корабле — трое живых клопов. Сержант Деннисон, Миранда Хурадо и Коди Локетт.

Кёрт сидел очень тихо и неподвижным взглядом смотрел прямо перед собой, пуская из ноздрей струйки дыма. Распластавшийся на полу Зарра прошептал:

— *Мадре де Диос.*

Дифин посмотрела на Тома и Джесси, и они увидели, как черты Стиви исказило страдание. Джесси почувствовала дурноту: если спора у Кусаки, значит Стиви тоже у него. Она опустила голову, и по ее щекам поползли слезы.

— Я жду, — поторопил Кусака.

Дифин глубоко вздохнула. На ум ей пришла еще одна земная фраза, которой она научилась у Танка и Отравы: *к едрене фене*. Человеки сделали для нее все, что смогли. Теперь она должна сделать все возможное для *них*.

— Отпусти их, и я выйду к тебе, — сказала она.

— Ишь ты! — Кусака сухо рассмеялся. — Я дожил до таких лет не потому, что родился идиотом. Сперва выйдешь ко мне, потом я их отпущу.

Дифин знала, что Кусака никогда не освободит своих пленников. Дом Кулаков щедро заплатит за них.

— Мне нужно время подумать.

— Думать некогда! — сердито крикнул Кусака. — Либо ты сию минуту выходишь, либо я улетаю с твоей спорой и тремя клопами! Понятно?

Кёрт угрюмо улыбнулся, но глаза были стеклянными.

— Безвыигрышная лотерея, пропади она пропадом, — пробормотал он.

— Да, — ответила Дифин внезапно севшим голосом. — Я понимаю.

— Хорошо. Кажется, мы до чего-то договорились, верно? На тутошней помойке полно скверных флюидов, Дифин. Ты могла бы разбиться на планете, которая по крайней мере *пахнет* не так мерзко.

Роудс выставил в окно ствол винтовки, но Дифин спокойно сказала: «Не надо», и он снял палец с курка. Дифин повысила голос:

— Забирай их. Я не выйду.

Воцарилось потрясенное молчание. Джесси, подтянув колени к подбородку, принялась раскачиваться, как малое дитя. Кёрт провожал глазами плывущий к потолку сигаретный дым.

— Я ослышался? — подал голос Кусака.

— Нет. Забирай их. И спору, и человек. Лучше умереть, чем провести жизнь в тюрьме. — Дифин почувствовала, как кровь бросилась ей в лицо, и, подхваченная потоком ярости, опасно высунулась в окно. — *Проваливай — и забирай их с собой!*

— Так, так, — протянул Кусака. — Выходит, я тебя недооценил? Ты уверена, что хочешь разыграть партию именно так?

— Уверена.

— Будь по-твоему. Надеюсь, тебе здесь нравится, Дифин. Тебе придется провести тут уйму времени. А я буду позванивать монетой и вспоминать тебя. — Фигура, заслонявшая глаза единственной рукой, слезла с машины и зашагала прочь.

Когда Кусака вышел со стоянки, из-за машин у дальнего левого края площадки, у рыжих валунов, которыми заканчивалась Оукли-стрит, поднялась и захромала к крепости другая фигура.

— Стиви... О Боже... Стиви, — простонала Джесси, зажимая рот ладонью.

В голосе женщины звучал неприкрытый ужас — чувство, переводимое на любой язык. Дифин круто повернулась от окна, подошла к Джесси и опустилась перед ней на колени.

— Послушай меня! — сказала она с нажимом и обвела всех горящими глазами. — Слушайте все! Кусака их никогда не отпустит! За них он получит большое вознаграждение!

Роудс положил винтовку. Он чувствовал, что постарел на сотню лет.

— Значит, Кусака победил.

ПУТЬ ОДИН

— Нет! — с ожесточением отрезала Дифин. — Кусака *не победил!* — Она заглянула Джесси в глаза. — Я не дам Кусаке победить. Ни теперь. Ни потом. Никогда.

Джесси не отзывалась, но ей отчаянно хотелось верить.

Дифин встала.

— Начнется полностью автоматизированный процесс проверки всех систем. Будут и другие обязательные вещи: например, заморозка спальных туб для узников. Кусака будет занят проверкой работы механизмов; эта процедура займет от двадцати до тридцати земных минут. Когда силовое поле будет свернуто, начнется запуск двигателей. Еще пятнадцать—двадцать минут, по моим расчетам, уйдет на достижение системой питания стартовой мощности. Значит, чтобы пробраться к Кусаке на корабль, разыскать пленников и вывести их оттуда, у меня есть, грубо говоря, тридцать пять — пятьдесят минут.

Роудс недоверчиво уставился на нее.

— Не выйдет.

— Путь один: через тоннели. Мне надо найти ближайший к кораблю Кусяки вход. Полагаю, он где-то за мостом.

Джесси через силу выговорила:

— Даже... если ты сможешь вывести их оттуда... как насчет Стиви? Как ты собираешься вернуть Стиви?

— Найду спору. Заберу ее у Кусяки. Я же говорила, что уже дважды побывала на Кусякином корабле и знаю, как работают системы. Я могу ввести в систему управления координаты своей планеты, включить автопилот, поместить спору в спальную трубу и забраться в нее раньше, чем завершится процесс замораживания. Когда я войду в спору, Стиви получит свободу.

— Но по-прежнему останется в пирамиде, — сказал Том. — А как ты собираешься искать там спору да еще тех троих? Корабль-то, должно быть, громадный!

— Из собственного опыта мне известно, где содержат заключенных: на третьем уровне, где клетки. Спора будет неподалеку от Кусаки.

— Значит, найдешь Кусаку — найдешь спору, ты это хочешь сказать? — спросил Роудс и поднял брови. — Тебе не кажется, что Кусака *хочет*, чтобы ты пришла за ними?

— Да. Я его не разочарую.

— Это безумие! — упорствовал Роудс. — Может, на своей планете ты что-то вроде пламенного ора, но здесь — просто маленькая девочка! Первое: идти придется по тоннелям, и я догадываюсь, что там тебя поджидают Кусакины репликаны. Второе: чтобы захватить корабль, тебе придется убить Кусаку. Как ты собираешься это сделать?

— Не знаю, — ответила Дифин. — Я еще ни разу не видела, как убивают Кусаку.

— Великолепно! — Роудс нахмурился и покачал головой. — У нас нет ни единого шанса, ребята.

— Я не сказала, что Кусаку *нельзя* убить, — продолжала Дифин, и сила, прозвучавшая в ее голосе, воскресила тающую надежду Джесси. — У Кусаки, как и у любого другого существа, должно быть свое слабое место. В противном случае нужды в репликантах не было бы.

— Слабое место, — тихо повторил полковник. — Да уж. Что до меня, я не пошел бы в этот тоннель без гранатомета и нескольких десятков напалмовых бомб. Иначе это будет самоубийство.

— Я хочу рискнуть. — Том схватился за винтовку и забрал ее у Роудса. Лицо учителя было бледным и потным, губы превратились в узкую серую полоску. — Я иду с Дифин.

— Чтобы погибнуть? Выбросьте это из головы!

Джесси потянулась и взяла Дифин за руку. К ней поплыли слабые волны статического электричества.

— Скажи мне правду: мы можем вытащить оттуда Стиви?

— Мы можем попытаться. Мне хочется попасть домой так же сильно, как вам — вернуть Стиви. Если мое племя не будет сражаться, оно погибнет. Если на вашу Землю придет Дом Кулаков, она погибнет. Ни у кого из нас нет выбора.

Джесси кивнула и посмотрела на Тома.

— Я тоже иду. — Она встала.

Ни Том, ни Роудс не успели ответить. Дверь открылась, и вошел Ганнистон в сопровождении Рика Хурадо и Пекина. Лицо Рика было в потеках пыли и смазки, а распухшая лодыжка туго-натуга забинтована обрывком простыни из «Выгодной покупки». К последним домам Оукли-стрит парнишка вышел как раз вовремя, чтобы услышать речь Кусаки. Он заскочил взглянуть на Мендосу и бабушку и наварлся на Ганнистона с Пекином. С облегчением увидев, что Зарра еще жив, Рик кивнул другу и сосредоточился на полковнике. Сквозь пыль заметно было, что паренек бледнее обычного, но его взгляд сохранял жесткое, решительное выражение.

— Этот гад забрал мою сестру! Что будем делать?

— Ничего, — сказал Роудс. — Извини, но нет никакого...

— Нет, есть! — выкрикнул Рик. — Я не позволю этой сволочи забрать Миранду!

— Мы идем за ними на корабль, — сказала Джесси. — Том, Дифин и я.

— Мечтайте-мечтайте, — Роудс вытер пот, заливавший глаза. — Из тоннелей Кусаки никому не вернуться. Елки-палки, даже если вы *проберетесь* на корабль, где вы возьмете оружие? Какое? Ладно, может, вы и разбудите еще несколько пушек, но не думаю, чтобы пули сильно повредили Кусаке.

— Нам нужны электрические фонари. — Дифин сознавала, что время уходит. — Мощные фонари.

Том сказал:

— Можно прихватить несколько настенных. Как их нести, сообразим. Может быть, свяжем проволокой три или четыре. Плюс вот это. — Он махнул в сторону мощного переносного фонаря.

— У нас еще до хрена всякого добра. — Рик повернулся к Пекину. — Ты же тусовался с Санни Кроуфилдом, верно? Ты знал про арсенал?

— Какой арсенал?

— Не прикидывайся дурачком, слышишь! В шкафу у Кроуфилда я нашел кучу стволов и прочего дерьма! Что он собирался сделать?

Пекин снова принялся отнекиваться, но он понимал, что Рик распознает ложь.

— Санни... собирался начать войну со Щепами. Хотел, чтобы думали, будто Щепы жгут дома на окраине.

— Но они этого не делали?

— Нет. Я был с ним, когда он поджигал. — Пекин пожал плечами. — Он хотел чуток расшевелить город, только и всего.

— Я хочу знать про динамит.

Пекин уставился в пол. Он чувствовал запах крови от рубашки Рика.

— Пару месяцев назад мы с Санни и Пако Ле-Гранде залезли на рудник. Ошивались там неподалеку, ну и... Там мы нашли сарай, где держали динамит. И сперва подумали, он весь забит пустыми коробками, но Пако наступил на незакрепленную доску, и у него провалилась нога. Под полом мы нашли динамит, сложили в коробку и унесли.

— Зачем? Взорвать чей-нибудь дом?

— Нет, — Пекин кротко улыбнулся, сверкнув фиксой. — Взорвать форт, когда начнется война.

— На окраине, в доме Санни Кроуфилда, лежит пять динамитных патронов с взрывателями и шнурами, — сказал Рик полковнику Роудсу. — И пушки с патронами. Санни теперь стал одной из этих тварей: там в полу дыра, а далеко она ведет или нет, я не знаю.

— Где этот дом? — спросила Дифин.

— На Третьей улице. — «Можно подумать, она знает, где это», — подумал он. — До корабля рукой подать.

— Значит, это самая короткая дорога на корабль, — сказала она. — Ди-на-мит. — Дифин отыскивала в памяти определение: взрывчатое вещество, как правило, сформованное в виде цилиндра со шнуром. Чтобы вызвать взрыв, следует поджечь шнур. — На что он похож?

— Если не поостеречься, то на билет в преисподнюю, — откликнулся Кёрт. Он затаился и поднял сигарету. — Вроде этого, только побольше. И пострашнее. — Он раздавил окурочек на полу. — Если у динамита с взрывателями да шнурами невесть сколько времени, валяется без присмотра, стало быть, этот хмырь напрашивается, чтоб его разнесло на мелкие кусочки.

— Там есть обгорелые патроны, — сказал Рик. — Как будто их подожгли, а они не сработали.

— Брак. Хотя иногда срабатывают и бракованные. С динамитом никогда нельзя знать — особенно с такой говенной дешевой, какую пригнал старый Престон. Эта дрянь может взорваться, если на нее косо помотришь, а можно жечь ее из огнемёта, и она будет только фырчать.

Большую часть сказанного Дифин не поняла, но она знала, что даже необработанная взрывчатка может пригодиться.

— Нам понадобится веревка, — сказала она Риду.

— В хозяйственном ее хоть ложкой ешь. И проволока, чтобы связать лампы, там тоже найдется.

— Тогда туда нам и надо в первую очередь. — Том подошел к стене и снял с крючка лампу. — Давайте организуемся — и вперед.

— То есть на тот свет! — рявкнул Роудс, да так, что все притихли. — Господи, вы собираетесь на войну с этой штукой, как скауты в поход! — Он приблизился к Тому Хэммонду и ухватился за винтовку. — Что вы станете делать, когда из-под земли вылезет тварь с металлическими когтями и вцепится вам в ружье? Или в горло? Кончится тем, что либо вас разорвут на куски, либо вы всех перестреляете! Это вернет вам Стиви? — Он обжег Дифин взглядом. — Это перенесет тебя домой?

— Дядь, нет яиц, так сиди тут! — сказал ему Рик.

— Первому яйца оторвут тебе, — сказал Роудс. Он пару секунд смотрел Риду прямо в глаза, а потом потянул винтовку к себе. Том не отдавал. Лицо полковника посерело, глаза ввалились, но сил еще хватало, да и задор отчасти вернулся к нему. — Прежде всего, — сказал он, — вам нужен руководитель.

— Их могу вести я, — заявила Дифин.

— Только не в теле маленькой девочки, которое тебе *не принадлежит*. Может, ты знаешь прорву того, чего не знаю я, но тело есть тело, и если с него сдерут кожу, Стиви некуда будет возвращаться. — Он сильнее потянул к себе винтовку. — Отдайте. Может быть, фонари и динамит дадут нам шанс. *Может быть*, я сказал. — Желудок полковника когтил страх перед тоннелями и существами, которые,

возможно, поджидали там, но Дифин была права: следовало рискнуть. — Вас поведу я.

Ганнистон немедленно сказал:

— Я с вами, сэр.

— Отставить. Если я не вернусь, ты понадобишься для срочной связи с полковником Бакнером. Ты остаешься здесь.

Капитан запротестовал.

— Это приказ, — с нажимом сказал Роудс, и Ганнистон замолчал.

Том отдал винтовку.

— Ладно.

Роудс оглядел собравшихся.

— Если насчет времени Дифин права, то нам пора. Кто еще идет, кроме Джесси и Рика?

Бобби Клэй Клеммонс прижался спиной к стене. Сидевший на полу Кёрт вытащил из кармана фотографию, развернул ее и теперь неотрывно смотрел на девичье лицо. Он не ответил Роудсу, на глаза легла тень.

— Тогда так. Нужно набрать еще ламп и фонариков. Пошли, займемся, — сказал полковник, пока здравый смысл в нем не возобладал над решимостью.

Кёрт не двинулся с места. Остальные ушли. Рик задержался, чтобы развязать обрывок простыни, затянуть его как можно туже и снова завязать. В ноге пульсировала сильная ноющая боль, но кости были целы. Рик спросил:

— Вы отец Коди Локетта?

— Да. — Кёрт снова сложил фотографию и убрал ее. — Коди мой сын.

— Мы вытащим его оттуда. И его, и мою сестру. Обоих. — Рик увидел на столе кольт с огромной рукояткой и взял его в руки. — Ваш?

— Да.

— Ничего, если я возьму его?

Кёрт проговорил:

— Господи, Господи, Господи.

Его лицо снова заблестело от пота. Кёрт на несколько секунд закрыл глаза; открыв их, он увидел, что все осталось по-прежнему. Кёрту показалось, будто он чувствует, как мир стремительной каруселью вращается вокруг своей оси. Жажда мучила Локетта-старшего так, словно в горле у него застрял кусочек солнца. Он встал, кривя рот в усмешке.

— В тот день, когда я доверю пацану из моченых делать за меня мою работу, цена мне будет грош, — сказал он и крепко сжал в руке кольт.

КЛЕТКА

Коди услышал стон очнувшейся Миранды. Он подполз к ней по кожистому полу.

— Голова... голова, — прошептала девушка, прижимая руку ко лбу. Над левым глазом багровел синяк. Ресницы Миранды затрепетали. Она попыталась открыть глаза, но веки были слишком тяжелые.

— Оклемается?

Коди оглянулся. Примерно в пяти футах от них, обхватив руками колени, сидел Сержант. Лиловое сияние прутьев клетки сообщало его лицу меловой оттенок.

— Не знаю, — ответил Коди. — Приложилась она очень крепко.

Стоны девушки, уплывающей обратно в небытие, звучали все тише. Сам Коди почти не пострадал — он выхаркал немного крови и дышал прерывистыми всхлипами из-за боли в сломанных ребрах, но был не столько напуган, сколько взбешен. Мышцы Коди до отказа были накачаны адреналином. Миранда опять затихла. Коди в шестой или седьмой раз пощупал ее пульс; ему показалось, что сердце девушки бьется чуть медленнее, чем следует, но, по крайней мере, сильно. Девчонка была куда крепче, чем казалась.

Держась за бок, Коди поднялся и сделал круг по клетке. Они находились в конусе из светящихся лиловых прутьев. Окружность основания составляла около пятнадцати футов. Коди на пробу лягнул прутья, и подошва башмака прогорела почти насквозь, брызгая огненными комочками расплавленной резины, которые, вновь попадая на прутья, взрывались. Что эти прутья делают с человеческим телом, Коди не хотел выяснять. Клетка висела примерно в трех футах над полом из перекрывающихся черных чешуй.

Он не знал, чего ожидал от интерьера звездолета — может быть, что тут будет полно «хай-тек» и таинственных жужжащих Гизмо, сияющих хромом, но здесь пахло как в переполненной помойной яме, а на полу мерцали лужи слизи. Под потолком и вдоль стен змеились какие-то трубы, сделанные будто из костей мертвого динозавра. Они

подрагивали от напора текущей по ним жидкости. Затхлый воздух был таким сырым и холодным, что Коди видел пар собственного дыхания. Однако холод обострил чувства паренька. Звездолет показался ему не столько чудом внеземной техники, сколько средневековым замком без отопления, электричества и санитарных удобств. Костяные трубы были украшены фестонами слизи, которая время от времени капала на пол и шумно всасывалась. Коди неуверенно подумал, что видит еще кое-что: чешуи пола не только поглощали выделения, но то и дело приподнимались на дюйм-два и снова опускались, словно были живыми и дышали.

Коди перестал кружить по клетке. Он стоял рядом с решеткой, но жара не чувствовал — прутья горели холодным огнем. На полу камеры стояла маленькая черная пирамида размером с обувную коробку. Когда пленников внесли сюда, зажатый у Кусаки под мышкой и полураздавленный рукой твари Коди увидел, как монстр тронул эту пирамидку башмаком. Она засияла изнутри тусклым фиолетовым светом. Раздалось басистое гудение, а затем Коди понял, что их с Мирандой сбросили на черный диск, оказавшийся полом клетки. Путь клетки засветились, и она поднялась в воздух.

Чуть погодя (сколько прошло времени, Коди не знал — с головой у него все еще было плохо) в помещение вошло существо с лицом Мэка Кейда и растущим из груди собачьим торсом и головой. Оно принесло еще кого-то. Коди следил, как существо коснулось башмаком пирамидки. Зажегся фиолетовый свет, клетка пошла на посадку. Когда она достигла пола, прутья погасли, и пленники оказались в обществе Сержанта Деннисона. Существо опять коснулось пирамидки. Путь выгнули. Клетка оторвалась от пола. Кусака посмотрел на Сержанта и спросил, как его зовут (у Коди он спрашивал, как зовут девушку). На то, чтобы понять вопрос, у Сержанта ушло несколько секунд, но в конце концов он, заикаясь, назвал, и Кусака ушел. Но Коди уже успел заметить зажатую в зубах у пса черную сферу.

Сейчас мальчик внимательно рассматривал темную пирамидку. Он подозревал, что это выключатель. Если дотронуться до нее, клетка опустится, а прутья отключатся. Но пирамидка находилась в трех футах под ними и еще в трех — от края клетки. Слишком далеко, чтобы дотянуться, даже если бы удалось просунуть руку между прутьями, не спалив ее до локтя. И все же... Коди не мог придумать иного выхода. Даже не зная, каковы планы Кусаки, он догадывался, что добра не жди.

Парнишка залез в карман и вытащил монетку в десять центов, четыре пенса и зажигалку. Какое давление нужно, чтобы выключатель сработал? Возможно, достаточно было попасть в него зажигалкой... но Коди быстро отверг эту мысль: если зажигалку пробьет, жидкость загорится и пламя охватит клетку. Он убрал зажигалку в карман, лег на живот, сделал ладонь «дощечкой» и, прижимая к ней

монетки большим пальцем, потянулся к огораживавшим клетку прутьям. Зазор между ними был достаточно велик, чтобы рука прошла, и Коди начал осторожно просовывать запястье наружу, благодаря судьбу за то, что он такой тощий. В ребрах снова вспыхнула боль. Мальчик судорожно втянул воздух, и от этого движения рука едва заметно отклонилась вправо.

Волоски на предплечье тихонько затрещали, выгорая. Коди держался по возможности неподвижно, но рука дрожала от усилий. Ладонь начала потеть. Он попытался передвинуть монетки так, чтобы щелчком запустить их в пирамидку — и немедленно лишился десятицентовика и одного пенни, упавших прямо на пол. Руку сводило, а прицелиться было некогда. Резким движением запястья Коди бросил обе монетки и увидел, что одна ударилась о пол за пирамидкой, а вторая — слева от нее.

— Черт! — сказал он и втащил руку обратно. Все волоски до середины предплечья выгорели, но кожа была невредима. Однако еще чуть-чуть — и в клетке запахло бы горелым мясом. Руку до самого плеча охватила дрожь. Осознав, что доставать этот выключатель — дело довольно безнадежное, Коди отполз от края и сел на корточки, потирая плечо. Он посмотрел вверх. Примерно в восьми футах над головой лучи сходились в одну точку. Где-то над ней располагался механизм, поднимавший и опускавший клетку. Взгляд Коди вернулся к пирамидке на полу.

— Не может быть, чтобы до нее нельзя было добраться, — сказал парнишка.

— До кого? — спросил Сержант.

— Вон до той штуки. — Коди ткнул пальцем вниз, в пирамидку. Сержант увидел, о чем идет речь, и кивнул. — Думаю, она управляет клеткой. Если бы я сумел как-нибудь дотронуться до нее, я бы смог...

— Коди, — страдальчески прошептала Миранда. Девушка пыталась сесть, широко раскрыв воспаленные глаза. — Коди!

Он перебрался к ней.

— Не переживай. Лежи и не шевелись.

— Что случилось? Где мы? — Она огляделась, увидела кольцо фиолетовых прутьев. — Рик... где Рик?

— Рик в порядке, — соврал Коди. Миранда заморгала. — Он перебрался через мост.

— Мы... на что-то наехали, да? Ой... голова... — Миранда нащупала снык и шишку, сморщилась, из глаз снова брызнули слезы. Она смутно помнила выросшую перед ними на мосту фигуру, столкновение, встряску и ощущение падения. Слава Богу, на этом воспоминания обрывались. — С тобой все в порядке?

— Более-менее. — Коди отвел со лба девушки влажные кудри и пригладил их. Сотрясение мозга, догадался он. — Что-нибудь чувствуешь? — спросил он, растирая ей руки, и Миранда ответила: — Да.

Он принялся за лодыжки.

— Да, — ответила Миранда, и Коди отчасти успокоился. На руках девушки алели ожоги от трения, нижняя губа треснула и распухла, но, по его мнению, если бы он не остановил Кусаку, дело могло обернуться гораздо серьезнее: переломами спины, рук, ног, и, разумеется, шеи.

— Мы наехали... на Бормотуна, да? — спросила Миранда.

Коди слабо улыбнулся.

— Еще как наехали. Он так и плюхнулся на задницу.

— Мне показалось... ты говорил, что умеешь водить мотоцикл.

— По-моему, я отлично справился. Мы ведь живы, верно?

— Не знаю, не знаю. — Теперь настала ее очередь изобразить бледное подобие непокоренной улыбки, хотя в глазах еще плавала муть. — По-моему, мне надо было остаться в Форт-Уорте.

— Угу, но тогда ты не встретила бы меня.

— Да пошел ты, — фыркнула Миранда, и Коди понял, что девчонка оклемается. Ее голос снова набирал силу.

Придя к выводу, что падать в обморок Миранда не собирается, Коди счел своей обязанностью объяснить ей, что произошло и где они находятся.

— Мы в звездолете, — сказал он. — По-моему, в чем-то вроде темницы. В общем, висим в клетке, которую Кусака считает тюремной камерой. — Коди подождал отклика, но девушка молчала. — Кусака мог нас убить. И не убил. Мы нужны ему живыми, что меня отлично устраивает.

— И меня, — сказал Сержант. Миранда подняла голову, чтобы посмотреть, кто это сказал. — Я Сержант, — представился он. — А это вот Бегун. — Он показал на пустое место.

— Бегун — его собака, — поспешно пояснил Коди. — Э... Сержант никуда не ходит без Бегуна, если ты понимаешь, о чем я.

Миранда осторожно села. В голове у нее еще стучало, но видела она уже нормально и не вполне понимала, кто же из присутствующих не в своем уме. Тут Сержант, поглаживая невидимую собаку, сказал:

— Спокойно, Бегун. Я о тебе позабочусь

Тогда девушка поняла, что Сержант постоянно проживает в сумеречной зоне.

— Извини, что втянул тебя в такое дело, — сказал Коди. — Надо лучше выбрать, с кем кататься.

— В следующий раз я так и сделаю. — Миранда попыталась встать, но почувствовала такую слабость, что поневоле опустила голову на колени. — Зачем он держит нас здесь?

— Не знаю. И не хочу гадать.

Коди показалось, что мчавшаяся по трубам жидкость зашумела громче. Вдалеке возник и другой звук, похожий на приглушенное гудение басового барабана или стук сердца. «Корабль-то живой, чтоб его», — подумал парнишка.

— Нам надо выбраться отсюда. — Он подполз к краю клетки, к самым прутьям, снова пригляделся к маленькой пирамиде внизу и понял: надо обязательно достать до выключателя. Но как?

— У тебя случайно нет при себе рогатки? — полусхути спросил он, и, конечно же, Миранда покачала головой: нет. Коди лежал на животе, опираясь подбородком на руки, и смотрел на пирамиду. Пряжка ремня вдавилась в живот. Мальчик заерзал.

«Пряжка», — подумал он.

Он резко сел, расстегнул ремень и вытащил его из брюк.

Сержант сказал:

— Эй, при барышне?! Ты что!

— Как по-твоему, далеко до той штуки? — спросил Коди Миранду и ткнул пальцем в пирамидку.

— Не знаю. Наверное, футов семь.

— Я бы сказал, шесть с половиной. Ремень у меня двадцать восемь дюймов... — Коди посмотрел на Сержанта и увидел, что рабочие штаны Деннисона удерживает заношенный черный ремень. — Сержант, дай-ка мне свой ремень.

— Ремень? Парень, да ты что?

— Сержант, снимай ремень! Ну, скорее!

Сержант неохотно подчинился и передал ремешок Коди.

— Какой это размер? — спросил парнишка. Сержант пожал плечами.

— Барахло мне покупают дамочки из церкви. Я к этому не касаюсь.

— На глаз — добрых сорок дюймов, — Коди уже связывал ремни так, чтобы пряжки оказались на противоположных концах. — Может, достанет дотуда. Сейчас выясним. — Он затянул узел и дернул, проверяя, не разойдутся ли ремни.

— Что ты собираешься делать? — спросила Миранда.

— Я совершенно уверен, что та штука внизу — пульт управления нашей клеткой. Думаю, что если я до нее достану, то опущу клетку. И тогда смогу вытащить нас отсюда.

— Пусть его, — прошептал Сержант Бегуну. — Он спятил, вот и все.

— Слушайте меня, — настойчиво перебил Коди. Сержант затих. — Я просуну руку между прутьями так далеко, как сумею. Если пошевелюсь, спалю ее в два счета. Ты, Сержант, будешь держать меня за ноги. Если рука загорится, сразу тащи меня обратно. Ясно?

— Я? Почему я?

— Потому, что ты гораздо сильнее Миранды, и потому, что она будет следить, не возвращается ли Кусака. Договорились?

— Договорились, — едва слышно ответил Сержант.

Сначала Коди протолкнул между прутьями решетки ремень. Пряжка свесилась за край клетки. Сержант ухватил Коди за щиколотки, парнишка осторожно продвинулся вперед, и прутья оказались

всего в нескольких дюймах от его лица. Коди медленно просунул на свободу кисть, потом запястье, потом предплечье с выгоревшими волосками. Пряжка лежала на полу под самой клеткой; теперь фокус был в том, чтобы, двигая одним только запястьем, попасть пряжкой в пульт управления.

Лицо Коди находилось почти у самых прутьев, он слышал их смертоносное гудение. Пришло время рискнуть — сейчас или никогда. Он резко вскинул кисть. Пряжка царапнула пол и остановилась, не долетев до пирамидки два или три дюйма. Коди подтянул ремень обратно и снова бросил вперед. Опять недолет.

Коди высунул руку еще на четверть дюйма. В зазор между прутьями и кожей парнишки можно было пропихнуть лишь зубочистку. Несколько волосков занялись и, потрескивая, сгорели, превратившись в крохотные огоньки. Сердце стучало так, что вздрагивало все тело. Твердя про себя «спокойно... спокойно», мальчик бросил ремень вперед. Недолет. Капля пота, закатившаяся в правый глаз, ослепила Коди, и первым его побуждением было утереться, но, сделай он необдуманное движение, либо лицо, либо рука попали бы на прутья. Он сказал:

— Сержант, тащи. *Медленно.*

Сержант потащил Коди от края. Руку парнишка держал неподвижно до тех пор, пока пальцы не прошли решетку. Потом он свободной рукой протер глаз, поднялся на колени и втянул ремень в клетку.

— Слишком короткий, — сказал он. — Еще бы пару дюймов.

Однако больше воспользоваться было нечем. Сконфуженный Коди хотел уже отшвырнуть связанные ремни, но Миранда сказала:

— Твоя серьга.

Коди поднес руку к мочке уха. Сережка-череп была чуть больше двух дюймов длиной. Он отцепил ее, привязал маленькую цепочку к одной из пряжек так, чтобы серебряный череп болтался как можно свободнее, крепко взялся за вторую пряжку и сказал:

— Сержант, давай попробуем еще раз.

Медленно, осторожно Коди спустил пряжку со свисающим с нее крохотным черепом за край клетки и позволил ей соскользнуть вниз. Потом он пополз вперед, Сержант опять вцепился ему в щиколотки, и Коди провел между фиолетовыми прутьями пальцы, запястье и предплечье. Однако, вопреки расчетам Коди, ремень снова чуть-чуть не достал до пирамидки. Нужно было высунуть голую руку еще на четверть дюйма наружу.

Коди начал миллиметр за миллиметром вытягивать руку вперед. Лоб мальчика густо покрылся бисеринками пота. Одна капелька сорвалась, коснулась прута и зашипела. «Еще чуток, — подумал Коди. — Самую капельку». Волоски у него на руке горели. Теперь ему казалось, что рука идет впритирку к решетке. Еще немного, и все...

Раздалось тихое «пиши» — прядь волос, свисавшая Коди на лицо, задела решетку и вспыхнула. Язычок пламени побежал к голове. Миранда вскрикнула:

— Вытаскивай!

Коди почувствовал, что руки Сержанта крепче сжали его щиколотки, и в ту же минуту быстрым, резким движением запястья бросил ремень.

И услышал металлическое, почти мелодичное *трень* серебряного черепа, коснувшегося пульта управления. Достаточно ли этого соприкосновения для того, чтобы выключатель сработал, Коди не знал. Но в следующий миг Сержант уже оттаскивал его от решетки, а Миранда обрывала горящие пряди и отбрасывала прочь. Рука у Коди затекла. Ремень, показавшийся над краем клетки, задел один из прутьев и был разрезан пополам так чисто, словно по нему провели раскаленным добела лезвием. Не выпуская пряжки, Коди лег на спину и стал растирать занемевшую руку.

А потом с замиранием сердца понял, что клетка опускается.

Он сел. Над левым глазом дымилась щетина выгоревших волос. Пирамидка фиолетово светилась. Клетка аккуратно приземлилась, и конус решетки погас.

ВЛАДЕНИЯ КУСАКИ

Первым в дыру под домом Санни Кроуфилда спускался по веревке Мэтт Роудс. К поясу полковника был привязан мощный переносной фонарь, а за спиной висела полностью заряженная автоматическая винтовка из арсенала Кроуфилда. Как только под ногами полковника зачавкали покрывавшие дно вязкие выделения, он отцепил фонарь от пояса и направил луч света в открывшийся перед ним тоннель. Никакого движения в тоннеле не было, лишь медленно капала серая слизь. Роудс задрал голову и примерно в двадцати футах над собой увидел Рика Хурадо. Он подергал веревку, и Рик начал спускаться.

У Рика была вторая винтовка Кроуфилда и один из фонарей, взятых в крепости у беженцев. Когда Рик оказался внизу, веревку втянули вверх и через несколько секунд спустили обратно с привязанной к ней конструкцией, идею которой подсказала им Дифин: четыре яркие лампы, работающие от батарей, скрепили проволокой и сделали проволочную ручку. Это подобие светящейся корзины залило тоннель резким, сильным белым сиянием. Когда «корзина» достигла дна, Роудсу заметно полегчало.

За «корзиной» спустилась Джесси с фонариком и винчестером за плечами. За ней появился Том с обнимавшей его за шею Дифин. Последним спустился Кёрт Локетт. На груди у него висел позаимствованный в хозяйственном магазине рюкзак с пятью динамитными патронами и кольцом.

Том поставил Дифин на землю. Простиравшийся перед ними тоннель был около семи футов высотой и шесть-семь футов шириной. Вокруг в илистой грязи валялись обломки половиц, матрас и сломанная кровать. «Наверное, когда пол раскололся, Кроуфилд спал», — подумал Рик. Он снял карабин с плеча и упер приклад в бедро. Роудс отдал свой фонарь Тому и взял связку светильников.

— Так, — спокойно сказал он, и по тоннелю пошло эхо. — Я пойду первым. Дифин за мной. Потом Джесси, Том, Локетт. Рик прикрывает тылы. Локетт, без моего приказа шапки не бросать. Ясно?

Вспыхнул огонек: Кёрт прикурил от зажигалки.

— Ясно, начальник.

— Рик, следы за нашим тылом как следует. Всем вести себя по возможности тихо, чтобы не прослушать, если начнут копать. — Полковник с трудом сглотнул. Тут, внизу, воздух был сырой, затхлый, от серой слизи шел едкий запах гнилых груш. Она уродливыми сталактитами свисала с потолка, натеками застыла на стенах, радужным серебром мерцала на полу.

— Что это за жидкое говно тут повсюду? — спросил Кёрт. Под ногами хлюпал скользкий, как машинное масло, слой глубиной около двух дюймов.

— Эти тоннели копает Кусака, — ответила Дифин. — И опыляет смазкой, чтобы можно было двигаться быстрее.

— Смазкой! — хмыкнул Кёрт. В животе выписывали восьмерки крохотные муравьи страха. — Эта дрянь похожа на сопли!

— Я хочу знать только одно, — сказал Роудс. — Источник энергии, питающей репликантов, — в самом Кусаке или на корабле?

— В самом Кусаке. — Дифин настороженно заглянула вперед, в тоннель, готовая уловить любые признаки движения. — Репликанты — расходный материал, предназначенный для одноразового использования.

«Процесс репликации должен идти невероятно быстро», — подумала Джесси. Создание живой ткани, сращенной с металлическими волокнами, внутренними органами, синтетическими костями, — этого земной разум постичь не мог. Но с возникшими у Джесси вопросами — как выглядит Кусака, как он создает из человеческих тел репликанты — приходилось ждать. Пора было идти.

— Все готовы? — Роудс подождал, чтобы все ответили, и двинулся в тоннель, осторожно ступая по слизи и изо всех сил стараясь не думать о размерах монстра, пробуравившего тексасскую землю.

Рик посветил фонариком назад. Никого. Прежде чем покинуть форт Щепов, он опустился на колени рядом с Паломой, взял ее руки в свои и рассказал, что должен сделать и почему. Она выслушала молча, склонив голову, а потом попросила внука помолиться вместе с ней. Рик прижался щекой ко лбу бабушки, и та попросила Господа быть милосердным к ее внукам. Она поцеловала мальчику руку и посмотрела на него незрячими глазами, которые всегда заглядывали ему прямо в душу.

— *Диос анда кон лос бравос*, — прошептала Палома и отпустила его.

Рик надеялся, что бабушка права и Господь действительно идет вместе со смелыми. Или, по крайней мере, приглядывает за отчаянными.

С тех пор, как они ушли из общежития, они не видели ни чудовища, вылупившегося из лошади, ни человеко-Кусак. Разыскав

в хозяйственном два пятнадцатифутовых куска веревки, они перешли через мост — при виде битых-перебитых догорающих останков мотоцикла Коди Локетта у Рика душа ушла в пятки. Узнал машину папаша Коди или нет, Рик не знал, а Кёрт Локетт молчал, точно набрал в рот воды.

Тоннель повернул направо. Лампы высветили пересечение трех переходов, расходящихся в разные стороны. Выбрав центральный тоннель, вливавшийся в то, что он посчитал дорогой к черной пирамиде, Роудс вопросительно взглянул на Дифин, и та кивнула. Они вошли в переход. В свете ламп поблескивали сырые стены. В следующий миг впереди послышался мерный, сильный стук, словно билось огромное сердце.

— Корабль Кусаки, — прошептала Дифин. — Системы заряжаются.

Рик шел, держа фонарик так, чтобы светить себе за спину. Однако все произошло настолько быстро, что крикнуть он не успел: примерно в двадцати футах от него в луч вбежала горбатая фигура, вскинула руки к лицу и быстро ретировалась во тьму.

Рик остановился. Ноги подкашивались. У существа он заметил извивающийся хвост — оно напоминало скорпиона с человеческой головой.

— Полковник? — Он повторил погромче: — *Полковник?*

Остальные успели отойти на несколько шагов, но теперь Роудс резко остановился и оглянулся.

— Что такое?

— Он знает, что мы здесь, — ответил Рик.

Впереди голос уроженки Техаса, растягивая слова, произнес:

— На вашем месте я бы дальше не ходила.

Роудс резко обернулся, высоко подняв связку фонарей. В двенадцати или пятнадцати футах впереди тоннель сворачивал налево. Полковник понял, что тварь, должно быть, стоит за поворотом.

— Вы, клопы, любите приключения, это уж точно, — сказал Кусака. — Хранитель с вами?

Дифин сделала шаг вперед.

— Я здесь, — с вызовом сказала она. — Я хочу, чтобы трое человек получили свободу.

Холодный смехок:

— Батюшки-светы! Это что, приказ? Милюпусенька, ты теперь в моем царстве. Хочешь — приходи и сдавайся, а я подумаю, отпустить ли клопиков.

— Ты не отпустишь, — пригрозила Дифин, — так отпустим мы.

Ее слова вызвали очередной смехок.

— Оглянись, милюпусик. Ты меня не видишь, но я здесь. Я в стенах. Я над вами и под вами. Я *везде*. — В голосе пробивались гневные ноты. — Теперь, милюпусик, твоя спора у меня — уже довольно, чтобы получить вознаграждение. Приплюсуй к этому то,

что я обнаружил мир, полный букашек, которые не умеют постоять за себя. Спасибо — это ведь ты привела меня сюда.

— Оставь свои благодарности при себе. Ты никуда не полетишь.

— Да? Кто же меня остановит?

— Я.

Воцарилась тишина. Дифин понимала, что Кусака не бросится в сияние фонарей. Потом Кусака прошипел:

— Ну, тогда иди сюда. Я тебя жду. Давай посмотрим, какого цвета у тебя потроха!

— Ложись! — хладнокровно скомандовал Кёрт и шнуром динамитного патрона коснулся красного огонька сигареты. Шнур задымился, заискрился, занялся, и Роудс крикнул:

— Я же велел не...

— А пошел ты, — сказал Кёрт и швырнул динамит в сторону поворота.

Схватив Дифин, Роудс бросился вместе с ней в слякоть. Остальные последовали их примеру, и через пару секунд полыхнуло и грохнуло так, словно выпалили из дюжины винтовок. Пол тоннеля задрожал. Посыпались комья грязи. Роудс сел. В ушах звенело. Дифин выкарабкалась из-под него и встала на колени. Она изумленно оглянулась на Кёрта. Тот уже успел подняться и попыхивал смятой сигаретой.

— Вот что такое динамит, — сказал он.

Кусака молчал. Но из-за поворота донесся страшный судорожный всхлип. Роудс поднялся, вскинул винтовку и, держа ее по возможности ровно, медленно двинулся вперед. Он пригнулся и, готовый в любой момент открыть огонь, зашел за поворот.

На полу тоннеля что-то копошилось, пытаясь уползти по слизи. Что-то однорукое. Другую руку, превращенную в обугленное месиво, отбросило на несколько футов, а на месте головы торчал бесформенный нарост. Лицо разнесло в клочья. Среди кровавых лохмотьев, словно жабры диковинной рыбы, зиял полный сломанных иголок рот. Единственный уцелевший глаз дрогнул, когда на него упал свет. Начинаящийся от копчика шипастый хвост приподнялся и слабо заметался из стороны в сторону. Пальцы монстра лихорадочно заскребли по земле — он пытался зарыться.

Уворачиваясь от подергивающегося хвоста, Роудс поднес связку фонарей поближе к лицу чудовища. Страшный разодранный рот широко раскрылся, потекла серая жидкость. Единственный глаз задымился и вспыхнул. В воздухе повис едкий запах жженных химикалий. Глаз лопнул, расплавился, превратился в ручеек слизи. Чудовище содрогнулось всем телом и замерло. Хвост дернулся в последний раз и упал, как мертвый цветок.

«Электрический свет выжигает им глаза», — подумал Роудс. Стоило репликанту ослепнуть, как он — по сути, ходячая и говорящая телекамера — становился бесполезным для Кусяки, и тот просто-на-

просто отключал его от источника питания. Но если все репликаны были частью Кусаки — например, питались энергией излучения его мозга — тогда, весьма вероятно, Кусака чувствовал боль, когда в него попадала пуля или взрывался динамит. «Ты меня обидел», — вспомнил полковник слова, сказанные ему тварью в доме Хитрюги Крича. Все репликаны были Кусакой, и через них Кусака становился уязвимым для боли.

Роудс быстро провел остальных мимо обгорелой фигуры на земле. Дифин незаинтересованно взглянула на нее, Джесси смотреть не стала. Кёрт стряхнул на изуродованную голову пепел, хотя прошел мимо так же быстро, как все.

Они отошли от мертвого репликанта примерно на десять футов, и тут из стены тоннеля справа от Роудса полетела земля. К фонарям кинулась горбатая фигура. Ее хвост вырвался из земли и с силой хлестнул по своду тоннеля. Роудс круто обернулся, но нажать на курок не успел — репликант набросился на него. Он услышал выстрелы: винтовки Рика и Тома били почти в упор. Потом его что-то ударило в плечо, и полковник почувствовал себя так, будто попал под взбесившуюся бензопилу. Ноги Роудса оторвались от земли, и его швырнуло о противоположную стену с такой силой, что он едва не сломал себе спину. Джесси пронзительно закричала. Снова затрещали выстрелы. Ноги у Роудса подкашивались, по руке стекала теплая влага. Он съехал по стене вниз.

Рик увидел лицо твари: темные глаза, седые волосы — на скорпионом теле сидела голова мистера Диаса, владельца обувной мастерской со Второй улицы. Ткнув ствол винтовки монстру в лицо, он выстрелом раздробил ему нижнюю челюсть. Тварь отшатнулась, вскинув руку, чтобы защитить глаза от света. Истратив одну из четырех припасенных пуль, Кёрт отстрелил чудовищу часть головы, и из раны хлынули какие-то темные червеобразные существа. Чудовище махнуло хвостом и чуть не попало Тому в голову. Потом репликант развернулся, нырнул в отверстие, из которого появился, и в считанные секунды исчез в толще земли.

По тоннелю плыл ружейный дым. Джесси уже стояла на коленях рядом с полковником. В глубине раны на плече Роудса поблескивала кость. Было много крови. Лицо Роудса приобрело пепельный оттенок, но он продолжал сжимать винтовку и фонари так, что суставы пальцев побелели.

— Порвал меня, гад, — сказал Роудс. — Пытался разбить лампы.

— Молчите, — Джесси разорвала рубаху на мелко вздрагивавшем полковнике. Рана была глубокой и опасной; расплосованная мышечная ткань пульсировала.

На лице Роудса выступил холодный пот. Полковник слабо улыбнулся тревожно нахмурившейся Джесси.

— Леди, а что еще я сейчас могу? Только разговаривать. Не плечо, а каша, да?

Она подняла голову и посмотрела на Тома.

— Нам надо вытащить его отсюда.

— Нет! Упустите Кусаку. — К счастью, к руке Роудса еще не вернулась чувствительность. Он крепко зажал рану ладонью, словно желая предупредить болевой удар. — Слушайте. Если вы хотите вернуть Стиви... и остальных... вам придется сделать это самим. Я прошел столько, сколько смог. — Он отыскал глазами Дифин — та стояла рядом с Риком и напряженно наблюдала за ним. — Дифин... ты говорила, что можешь возглавить операцию. Вот твой шанс.

— Он тяжело ранен? — спросила Дифин у Джесси.

— Крупные артерии не задеты. В основном повреждены мышцы. Меня больше беспокоит шок — мистер Роудс уже перенес сегодня достаточно травм.

— Один я, что ли? — Роудса знобило, он чувствовал, как его затягивает небытие. — Оставьте меня здесь и идите! Черт побери, мы уже столько прошли! Идите!

— Он прав, — сказал Рик. — Надо идти дальше.

— Клянусь Богом, я вытащу своего парнишку оттуда, — поклялся Кёрт, хотя живот у него сводило от страха. — Любой ценой.

— Надо идти, — согласилась Дифин. Мерный сильный стук, сопровождавший поступление резервной энергии в системы звездолета, делался все громче. Она опустила голову возле полковника Роудса на колени. — Кусака может прийти за тобой. Ты ведь знаешь это, правда?

— Ага. На, — он подтолкнул к ней связку фонарей. — Кто-нибудь, дайте мне фонарик.

Том отдал ему фонарик, и Роудс пристроил рядом с собой винтовку. Окровавленный палец лег на курок.

— Возьми и динамит, — предложила Дифин. Кёрт выдал полковнику патрон, раскурил сигарету и вставил Роудсу в серые губы.

— Спасибо. Теперь я снаряжился — хоть на медведя. — Роудс заглянул в лицо Дифин. Но маленькой девочки больше не было. Рядом с ним стояло на коленях существо пылкое, горячее и гордое, со старыми как мир глазами. Познавшее океан боли, но не утратившее мужества. — Молодчина, — сказал он ей слабым голосом. — Надеюсь, ты доберешься до своего... — Как она говорит? — Своего племени, — вспомнил он. — Надеюсь, ты научишь их, что за жизнь стоит бороться.

— Да. — Дифин осторожно коснулась его посеревшей щеки, и Роудс ощутил покалывание электричества. — Ты не умрешь. — Это был приказ.

— Тем более, что я всегда планировал умереть в Южной Дакоте. В собственной постели и не раньше, чем когда мне стукнет сто один. — Боль наконец добралась до полковника, но он ничем этого не выдал. — Пожалуй, вам пора.

— Мы вернемся за вами, — сказал Рик.

Та уж хорошо бы, черт возьми. — Он положил динамитный
себе на грудь — на всякий случай.

Дифин передала Джесси связку фонарей и мелкими быстрыми шагами двинулась по тоннелю. Остальные последовали за ней. Гулкое сталтинческое биение корабельного пульса сказало Дифин, что системы быстро заряжаются энергией. Тоннель повернул влево. Теперь они должны были находиться почти под кораблем. Скоро они увидят ведущий в него ход. Попытается ли Кусака остановить их или позволит им войти на корабль?

Взгляд Дифин заметался по сторонам. Прислушиваясь, не раздастся ли быстрый топот когтистых лап, она поняла, что Кусака сказал правду: он *действительно* был полновластным хозяином этого лабиринта тоннелей. Он был здесь повсюду.

Работая ногами, как маленькими поршнями, воин-инопланетянин, забравшийся в тело маленькой девочки, углубился во владения Кусаки.

МАСТЕРСКАЯ

— Тихо, — прошептал Коди. Шедшие за ним Миранда и Сержант остановились. — Я вижу впереди свет.

«Свет» было слишком сильно сказано: скорее, в глубине перехода, по которому они шагали последние десять минут, висел светящийся фиолетовый туман. Коди прикинул, что до тумана футов сорок, хотя понятие расстояния уже потеряло реальный смысл. Покинув помещение, где их заключили в клетку, они очутились в темноте и сейчас ощупью пробирались по коридору, где стены и пол казались сделанными из намокшей кожи. У Коди создалось впечатление, что они постепенно спускаются по виткам пологой спирали. Никаких входов или выходов, никакого иного света они пока не видели.

Держа Миранду за руку, Коди осторожно вел ее вперед. Девушка тянула за собой Сержанта. Преодолевая двух- или трехдюймовый слой густой слякоти, покрывавшей дно коридора, они добрались до светящегося сгустка тумана. Проход здесь поворачивал направо. Впереди, за круглым порталом, виднелось просторное помещение, залитое болезненно-лиловым светом.

— Пошли, Бегун! — прошептал Сержант, оглянувшись. — Не отставай!

Они вышли из-под сводов тоннеля, и Коди остановился, ошеломленный открывшейся картиной.

Футах в ста над ними, подобно солнцу чужого мира, висел огромный клуб светящегося лилового тумана. По стенам к далекой вершине звездолета взбегали какие-то дверцы и платформы. Коди пришло в голову, что так должен выглядеть внутри муравейник, однако никаких признаков жизни парнишка не заметил. Примерно в шестидесяти футах над полом висела еще одна черная пирамида величиной с гусеничный трейлер; ее соединяли со стенами две массивных консоли. От пирамиды к стенам тянулись и уходили в них тысячи сложно переплетенных серебряных кабелей, но Коди гораздо сильнее потрясло то, что оказалось прямо перед ними.

В пятидесяти футах от них, на дальнем краю квадратной площадки, расположились сотни конструкций — сферы, восьмиугольники, массивные плиты и даже целые композиции геометрических тел, изящные и загадочные, как абстрактные скульптуры, все — угольно-черные и как будто бы чешуйчатые. Они были выстроены длинными рядами и соединены серебристо-синими прутьями. Некоторые достигали в высоту двадцати, а то и тридцати футов.

— Двигатели! — В первый миг Коди подумал, что попал в машинное отделение корабля, но ритмичная пульсация зарождалась не здесь, а где-то внизу, на другом уровне. Одну черную стену покрывали тысячи тускло светившихся лиловых геометрических фигур. Вероятно, записи на языке Кусяки, догадался Коди. Другую стену занимали длинные ряды треугольных экранов. На них виднелось что-то вроде сделанных под различными углами рентгеновских снимков человеческих скелетов, черепов и органов. Каждые две-три секунды возникал новый набор изображений, словно экраны были анатомическим виде-оатласом.

— Боже правый! — Сержант уставился наверх. — Искусственное солнце!

Но свет туманного шара был холодным, а от вида этого стуска мгла у Сержанта заболела голова.

— Тут должен быть выход. — Не выпуская руки Миранды, Коди двинулся по черному кожистому полу. Повсюду стояли лужи слизи, словно по залу недавно проползла огромная улитка. Коди рассудил, что здесь должен быть еще один портал — возможно, в противоположной стене.

Они пошли между рядами агрегатов. Коди услышал медленные вздохи и, покрывшись гусиной кожей, понял, что некоторые машины дышат. Но живых машин не бывает! *Не бывает!* Тем не менее чешуйчатые поверхности расширялись и сжимались, каждая — в своем собственном, чуть отличном от других ритме. Коди подумал, что пальцы Миранды вот-вот сломают ему руку.

С одной из конструкций — большой, усаженной иглами плиты, похожей на инопланетную швейную машинку, — свисали какие-то лоскутья и клочки. Возможно, клочья человеческой плоти... или ее хорошей имитации. Рядом помещалось огромное веретено в обмотке из затейливо сплетенных проводов, тянувшихся к соседнему механизму — желобу, куда были небрежно свалены обрывки ткани, клочья волос и, по-видимому, переработанные кости. Коди сообразил, что именно эти машины делают репликантов. Помещение представляло собой мастерскую, до жути похожую на мастерские Мэка Кейда. Коди остановился.

— В чем дело? — встревоженно спросила Миранда, едва не налетев на него.

— Вот, смотри. — Коди ткнул пальцем. Над самым полом, уходя в открывшийся перед ними проход, тянулось самое малое тридцать

красных шнуров, сделанных из чего-то вроде эластичной мышечной ткани. Коди оглянулся, чтобы посмотреть, к чему они подсоединены. Пересекая зал над самым полом, мясистые волокна исчезали внутри самой большой из черных дышащих машин. Коди стало интересно: к чему эти волокна прикрепляются другим своим концом?

Оставалось одно: идти в переход.

— Пошли, — сказал Коди главным образом для того, чтобы самому стронуться с места. Он сделал три шага по илистой поверхности и услышал высокий ноющий звук, словно кто-то быстро сматывал рыболовную леску: это завибрировали, вытягиваясь в дышащую машину, проходящие над полом тяжи. Коди понял: по проходу к ним что-то движется. Послышался шум, быстрый топот когтистых лап. Судя по звуку, на марше была целая армия Кусак.

— Назад! — сказал он Миранде и Сержанту. — Отходим! Быстро!

Шум движения чего-то массивного раздавался уже совсем рядом. Коди отвел своих спутников под прикрытие гигантской наковальни, а сам, присев и пригнувшись, стал наблюдать за порталом. Дышащая машина неумоимо вытягивала алые тяжи в свои глубины, и по спине у мальчика побежали мурашки.

И вот под фиолетовым солнцем заблестело влажное крапчатое тело. Страшный топот в коридоре подняла не целая армия, а одно существо, но вид столь богопротивной твари наполнил Коди ужасом. Парнишка почувствовал, как внутри у него все сжалось. Он понял, на кого смотрит: на сей раз его взору предстал не очередной репликант, а то самое существо, которое избородило космос в погоне за Дифин. То самое существо, которое, посадив в Инферно свой звездолет, прорыло под городом тоннели и в поисках человеческих тел врывалось сквозь полы в дома. Его отделяло от Коди всего два десятка футов.

За стенами корабля Дифин миниатюрным джаггернаутом продолжала свое наступление по тоннелю. Остальные с трудом поспевали за ней. Кёрт поскользнулся на слизи и поднялся, чертыхаясь и отряхиваясь. Дифин вслушивалась в пульс корабельных систем, пытаясь понять, отключено ли уже силовое поле. После его отключения двигатели получили бы огромное количество энергии.

Рик, замыкавший группу, прошел еще четыре шага — и был схвачен руками, пробившимися из земли у его ног. Пальцы сомкнулись на распухшей лодыжке паренька, впиваясь когтями в тело. Вскрикнув «Иисусе!», Рик наставил винтовку в голову чудовищу и начал стрелять. Полетели клочья мяса. «Отвали!» — рявкнул Кёрт, приставил к темноволосой голове твари кольт и спустил курок. Голова раскололась, разбрызгивая свое содержимое. Но монстр упорно лез из земли, одной рукой стискивая лодыжку Рика, другой на шаривая ноги Кёрта. Кёрт подпрыгнул, словно угодил босиком на раскаленную

сковороду. Рик упал, осветил фонарем лицо твари и увидел, как ее глаза убрались в складки кожи, задымились и лопнули. Лицо исказила то ли боль, то ли ярость. Когти выпустили Рика. Монстр энергично зарылся в землю и исчез.

— Все целы? — Дифин остановилась в пятнадцати футах впереди. Джесси посветила назад, на остальных.

Кёрт помогал Рiku подняться. Оба дрожали.

— Идти можешь? — спросил Кёрт. Рик осторожно перенес вес тела на больную ногу. Оставленные когтями глубокие царапины частично сняли давление, но лодыжка кровоточила. Мальчик кивнул:

— Ага.

— Тише. — Заметив что-то, Том быстро посветил в ту сторону, откуда они пришли. Его глаза за стеклами очков расширились. — О Господи, — вымолвил он.

К ним, быстро перебирая лапами и молотя по воздуху шипастыми хвостами, бежали четыре человекоскорпиона. Попав на свет, они дрогнули, загородили глаза, но не остановились.

Том вскинул винтовку и начал стрелять. Кёрт сказал:

— Не трать зря пули, мужик. — Он чиркнул зажигалкой и поднес огонек к шнуру динамитного патрона. — Ложись! — Шнур сгорел, Кёрт швырнул динамит в монстров и плашмя кинулся на землю.

Бежали секунды. Взрыва не было.

— Матерь Божья! — Кёрт поднял глаза. Монстры топали по самому динамиту. Взрыва все не было. — Не иначе, эта чертова...

Тоннель озарило ослепительное сияние. Громовой раскат, сотрясший подземелье, швырнул четыре тела на стены. На Кёрта с товарищами палящим ветром пустыни дохнула взрывная волна. Дифин тоже лежала на животе. Поднятый взрывом ветер ерошил ей волосы.

Джесси приподняла связку фонарей и увидела, что два чудовища закапываются в стены. Третье лежало, подергиваясь, четвертое не шевелилось.

— Есть контакт, — удовлетворенно констатировал Кёрт.

Дифин встала.

Вдруг из тоннеля за ее спиной метнулась какая-то фигура, схватила ее сзади за шею и оторвала от земли. Два когтя рассекли кожу, вырвав у Дифин крик боли. Ее держали на расстоянии вытянутой руки, так что ноги болтались над землей.

— Все, — прошипел Кусака голосом Мэка Кейда.

Услышав крик Дифин, Джесси подняла связку фонарей над головой и хотела обернуться. Но голос Мэка Кейда резко скомандовал:

— Бросить оружие! Всем! Не то я сломаю ей шею!

Джесси замаялась. Взглянула на Тома. Тот пристально смотрел на нее, прижимая карабин к груди.

— Бросить оружие, — повторил Кусака. Репликант загородился Дифин от света. На его груди корчилась от боли собачья голова. — В переход, как можно дальше! Ну!

— Господи Иисусе! — Рухнув коленями в слякоть, Кёрт принялся раскачиваться из стороны в сторону. — Не убивай меня! Христом-Богом прошу! — В глазах Локетта-старшего плескался дикий ужас. — Не убивай!

— Вот вам клопиная смелость! — Кусака встряхнул Дифин, и от ранок на ее шее разлетелось несколько капель крови. — Посмотри на них! Вот тебе твои защитники!

Кёрт, всхлипывая, продолжал раскачиваться вперед-назад.

— Вставай, — сказал Рик. — Ну, мужик. Нечего валяться в ногах у этого засранца.

— Не хочу умирать... не хочу...

— Теперь мы все отправимся на чудесную долгую прогулку, — сказал Кусака. — Если будете меня слушаться, я вас не убью. Бросьте оружие в переход. *Сейчас же.*

Том пригнул голову, сделал глубокий вдох и отшвырнул винтовку. Когда она плюхнулась в слизь, он поморщился. Кёрт бросил кольт. Следом полетела винтовка Рика.

— Фонари тоже! — крикнул Кусака.

Первым бросил свой фонарь Кёрт. Потом на земле оказались фонари Рика и Тома. Скрепленные проволокой лампы приземлились возле убитого взрывом скорпиона.

— У вас осталось еще кое-что, — спокойно сказал Кусака. — Оружие, которое оглушает и сжигает. Как оно называется?

— Динамит, — ответила Джесси — и зажала рот рукой.

— Ди-на-мит. Динамит. Где он?

Все молчали. Сжавшийся в комок Кёрт не издал ни звука.

— *Где?* — настойчиво повторил Кусака и встряхнул Дифин так сильно, что та глухо застонала от боли.

— Кёрт, отдай, — сказал Том.

Кёрт распрямился и медленно снял рюкзак.

— Динамит тут, внутри, — сказал он и кинул сумкой в Кусаку. Сумка упала у ног Джесси.

— Вынь динамит и дай мне посмотреть, — сказал Кусака.

Джесси подняла рюкзак, запустила в него руку и вместо двух последних динамитных патронов нащупала сигареты.

— Давай, показывай! — потребовал Кусака.

— Валяй. — Тон Кёрта был взвинченным до предела. — Пусть посмотрит, раз приспичило.

— Но это... не...

— *Покажи,* — перебил Кёрт.

И тут Джесси поняла. Или, по крайней мере, ей так показалось. Она достала сигареты и на ладони протянула пачку Кусаке. Монстр следил за ней из-за плеча Дифин.

— Вот, — сказала Джесси. Горло было сухим, как наждак. — Динамит. Видишь?

Кусака не издал ни звука. Голубые глаза Мэка Кейда усталились на лежавшую у Джесси на ладони пачку «Лакки». Моргнули. Опять моргнули.

«Передает информацию, — подумала Джесси. — Может быть, обшаривает речевые центры всех тех мозгов, которые успел украсть. А вдруг он узнает, что такое динамит или как выглядит взрывчатка?» Из горла Кусаки вырвалось свистящее шипение.

— Это упаковка, — неожиданно сказал он. — Вскрой ее и покажи мне динамит.

Джесси трясушимися руками разорвала пачку и подняла три последних сигареты так, чтобы Кусаке было их видно.

На несколько секунд воцарилось молчание. Джесси казалось, что сейчас она не выдержит и закричит. Если Кусака располагал информацией о динамите, информация эта должна была совпадать с известным Дифин определением: «взрывчатое вещество, сформованное, как правило, в виде цилиндра, так называемого «динамитного патрона». Срабатывает при поджигании запального шнура». Сигареты имели цилиндрическую форму. Мог ли Кусака отличить одно от другого? Джесси так и видела, как за маской репликанта быстро крутятся шестеренки.

Кусака сказал:

— Положи динамит на землю и растопчи.

Джесси бросила сигареты наземь и глубоко вдавила в слизь.

На губах твари промелькнула быстрая улыбка. Кусака поставил Дифин на дно тоннеля, но продолжал сжимать ее шею.

— Теперь мне лучше! Снова хорошие флюиды, слышите? Ну, потопали. Вы впереди, я за вами. *Марш!*

Затаившая дыхание Джесси перевела дух. Кёрт Локетт сыграл на том, что Кусака никогда не видел динамита. Но куда девались два последних патрона?

Кёрт поднялся. Красная ковбойка была застегнута почти до горла. Держа руки по швам и слегка сутулясь, как собака, опасаящаяся трепки, он двинулся по тоннелю вслед за Риком.

Кусака толкнул Дифин в слякоть, поднял, грубо пихнул вперед. Она уже заметила, что собака держит в пасти ее жизнеспору. Кусака забрал в горсть волосы Дифин.

— Я знал, что клопы приволокнут тебя. Нам предстоит чудная, долгая прогулка. Ты, я и клопы. Только представь себе! — Он опять подтолкнул Дифин и, дергая шипастым хвостом, последовал за своими пленниками в темноту.

ЯВЛЕНИЕ КУСАКИ

В промозглом свете фиолетового солнца Коди посмотрел на Кусаку, и Земля прекратила свое вращение.

Кусака — наемный охотник с далекой планеты — оказался змеевидным куском крапчатой плоти. Ее темные и светлые участки ярко блестели от слизи. Сотни лап с серебряными когтями несли грузное, волнообразно колышущееся тело вперед. «Он похож на жирную многоножку», — подумал Коди. Однако у Кусяки были две большие, когтистые, суставчатые передние лапы, которые походили на отвалы живого бульдозера. Ими-то чудовище и копало тоннели и проламывало полы.

Голова Кусяки была точной копией головы того существа, что вытупилось из лошади: на уплощенном черепе, очень схожем с черепом рептилии, выдавались вперед мощные продолговатые челюсти и светились четыре янтарных глаза с тонкими черными зрачками-штрихами. Не было лишь зубов-игловок. На месте пасти была большая влажная присоска — такую можно увидеть, если посмотреть на пиявку снизу.

Тело Кусяки продолжало плавно вдвигаться в комнату. Красные эластичные мышечные тяжи, выходявшие из боков, связывали его с дышащей машиной. Коди догадался, что та в автоматическом режиме сматывает и разматывает их. Несомненно, Кусяка находился на своего рода привязи и, возможно, даже был частью этого агрегата.

Но, что хуже всего, тело Кусяки кое-где было почти прозрачным, и Коди разглядел, что внутри: там, словно жуткие рыбы в жутком аквариуме, плавали трупы, обвитые множеством клейких волосков, которые подавали их к органам. Там же, колыхаясь, как на волнах грязного прилива, плавала лошадь. Вдоль волосков плясали вспышки, вероятно, электрические. Они, как луч стробо-

скопа, освещали мертвецов, заключенных в этом раздувшемся от трупов теле. К чешуйчатой плоти прижалось заспиртованное женское лицо в плывущем ореоле рыжих волос. Потом женщина страшно медленно перекувырнулась. Во внутренних течениях тела Кусаки перемещались и другие трупы. С горьким сожалением Коди узнал и иные лица и зажал рот рукой, балансируя на краю Великой Жареной Пустоты.

«Оно знает, как меня звать», — подумал он — и чуть не оказался за гранью.

Наконец в портал проскользнул хвост Кусаки. Его венчал разрушительный шипастый шар, точь-в-точь такой, какими заканчивались хвосты всех созданных чудовищем тварей. Хвост подергивался, бурля отвратительной, ужасной жизнью; сотни ног со скрежетом несли пятнистое двадцатифутовое тело Кусаки по залу.

Коди парализовало. Портал, хотя и перепачканный выделениями Кусаки, был наконец свободен, и они могли бы удрать. Но что, если это им не удастся? Кусака заскользил к дальней стене, и дышащая машина снова взялась отматывать мясистые волокна. Коди оглянулся на сжавшихся в своем убежище Миранду и Сержанта: глаза Сержанта от ужаса лезли из орбит. Он жестом велел своим спутникам оставаться на месте и по-пластунски выполз из укрытия, чтобы посмотреть, куда делся Кусака.

Тварь добралась до покрытой геометрическими символами стены и встала на дыбы. Восемь футов туловища оторвались от пола, а лапы его нижнего, горизонтального, отрезка толкали монстра вперед. Брюхо Кусаки оказалось гладким, белым, как у червя. По сравнению с чешуйчатой спиной оно выглядело уязвимым. Коди подумал, что можно было бы, например, пальнуть из дробовика и прошибить в этом брюхе хорошую дырку.

Но дробовика не было. Коди мог только наблюдать за тварью, которая с головокружительной быстротой принялась дотрагиваться маленькими коготками до символов, причем каждая лапа двигалась сама по себе. Когда символы были приведены в рабочее состояние, фиолетовое сияние погасло. Кусака поднял голову, заглядывая вверх. Посмотрел вверх и Коди. В вышине, у вершины пирамиды, воронка силового поля стала замедлять обороты. Кусака начал манипуляции с другой серией символов. Световая воронка сбавила скорость... еще... погасла.

Силовое поле отключилось. Лиловое солнце сразу же засияло ярче.

Раздался басистый механический скрежет: металлические рукояти опускали на пол пирамиду поменьше. Снизившись, она раскрылась. Внутри оказался отсек, до отказа заполненный рядами металлических рычагов, очень похожий на центр управления. С тихим стуком пирамида встала на пол. При этом ее слегка трянуло.

Полностью поглощенный своей работой Кусака продолжал касаться значков. В стенах выли и жужжали какие-то механизмы. От пульсации энергии весь корабль вибрировал.

Коди отполз обратно, к Миранде и Сержанту.

— Надо уходить *сейчас*. Я иду первым. Вы сразу за мной. Понятно?

Сержант кивнул.

— Мы не можем бросить Бегуна! Бегуна надо взять с собой!

— Верно. — Коди опять выглянул из укрытия, отметил, где Кусака, и посмотрел на портал. Настала пора уходить. Парнишка напрягся, готовый вскочить и умчаться со всех ног.

И не успел. В портал, пошатываясь, вошла Джесси Хэммонд. От нового потрясения Коди остолбенел. Следом за Джесси показались Том Хэммонд, Рик Хурадо и...

— О Господи, — выдохнул Коди.

Из проема, сутулясь, появился его папаша. За ним, держась так, будто аршин проглотила, шла Дифин с дерзко поднятой головой... и похожий на Мэка Кейда однорукий кошмар с шипастым хвостом. Из его груди росла собачья голова. Миранда подалась вперед, увидела Рика и набрала воздуха, собираясь закричать, но Коди зажал ей рот ладонью и оттащил девушку за машины.

Желудок Рика подкатил к горлу. При виде стоящего у стены существа парнишка почувствовал, как кровь отхлынула у него от лица. Он быстро оглянулся на Керта; у того на лбу и щеках блестела испарина. Том взял Джесси за руку, а Дифин обернулась к однорукому репликанту.

— Я твоя, — сказала она. — И спора тоже. Отпусти человека.

— У заключенных нет права требовать, — в глазах репликанта светились непоколебимая уверенность и жгучее презрение. — Клопам так сильно хотелось тебе помочь — пусть уж проводят тебя в тюрьму.

Дифин знала, что репликант высказывает мысли Кусаки, но сам Кусака, занятый приготовлениями к взлету, не обернулся от панели программирования.

Кусака явно так презирал ее и человека, что не считал нужным увеличить число репликантов-охранников.

— Где моя сестра? — Рик заставил себя взглянуть монстру в лицо. — Что ты с ней сделал?

— Освободил. И двух других тоже — я освободил всех вас. Отныне вам уже никогда не придется тратить время попусту. Каждый миг вашей жизни будет созидательным. — Взгляд репликанта скользнул к Дифин. — Разве не так?

Она не ответила. Она знала, что их ожидает: пытка «тестами» и, в итоге, анатомирование.

Рик понимал: им крышка. Всем. Миранде тоже. Терять было нечего. Он предпочитал умереть на Земле, а не в космосе или на

какой-нибудь тюремной планете у чужой далекой звезды. Мгновенно приняв решение, Рик освободился от объявшего его ужаса. Он сунул руку в карман. Пальцы сомкнулись на лежавшем там предмете, и Рик выдернул его наружу.

Другой рукой парнишка схватил тварь за запястье.

Чудовище обернулось: разинутый рот, лицо задыхнувшегося от возмущения Мэка Кейда.

Из сжатой в кулак, опущенной вдоль тела руки Рика со щелчком выскочило отточенное лезвие Клыка Иисуса.

— На, подавись, — сказал Рик.

Он всегда был проворным. Достаточно проворным, чтобы внезапно увести вверх нож, нацеленный врагу в бок. Теперь он молниеносно взмахнул Клыком Иисуса и, вложив в удар все силы, вонзил лезвие в левый глаз репликанта.

Нож вошел по рукоятку. Из раны на руку Рiku брызнула серая жидкость. Существо изумленно хмыкнуло и отшатнулось, дергая хвостом. Но Рик не осмеливался ни отпустить запястье репликанта, ни бросить нож.

Кусака у дальней стены повернул голову. Когтистые лапы продолжали быстро бегать по геометрическим символам. Яростно зашипев, он с помощью излучения своего мозга повел Кейда-репликанта, как кукловод — марионетку.

Рик выдернул нож из поддельной плоти и ударил во второй глаз. Репликант дернул головой в сторону, и лезвие распороло щеку. Пес широко раскрыл пасть, выронив спору на пол, и игольчатые зубы щелкнули у самых ребер Рика. Доберман вырвал клочок ткани из рубашки мальчика.

Рик с угрюмой решимостью держал сопротивляющегося репликанта за руку и кромсал ножом его лицо, срезая пласты фальшивой плоти.

Пес напряг шею, собираясь вонзить зубы Рiku в бок.

Том стремительно бросился вперед и вцепился псу в горло. Шея оказалась чудовищно мощной, голова шелкала челюстями у самого лица Тома, но он не разжал рук, даже когда пес вскинул короткие передние лапы и прошелся крючковатыми когтями по его рукам, пробороздив кровавые полосы.

Трое, шатаясь, перемещались по залу. Дифин увидела, как спора, дважды подпрыгнув, покатилась к Кусаке. Она побежала за ней, перескакивая через шупальца, по которым шифрованные сигналы Кусяки поступали к машинам, создающим репликантов, прыгнула к споре и схватила ее.

Кусака спускался с панели программирования. Одна пара глаз продолжала следить за дракой, но вторая нацелилась в Дифин. Внутри монстра вспыхивали электрические взрывчики. Свистя, как паровая машина, волнообразно колыхаясь, разбухшее от трупов туловище двинулось к ней.

Репликант занес над головой Рика усаженный шипами хвост, собираясь раздробить пареньку череп.

Но Коди, пулей вылетев из укрытия, уже бежал вперед. Он вскинул руку, перехватил хвост под самым шипастым шаром и, хотя мощи хвоста хватило, чтобы оторвать Коди от пола, своей тяжестью остановил удар, не дал ему попасть в цель. Репликант злобно взревел, пытаясь стряхнуть мальчика.

Схватку Коди с хвостом увидели все, но выяснять, откуда появился мальчик, было некогда. Все происходило слишком быстро: когтистые лапы репликанта мотали Рика из стороны в сторону, а он как заведенный вонзал нож монстру в голову, пробивая ее до металлического черепа. По рукам Тома струилась кровь, во всем теле пульсировала свирепая боль. Все, что он сумел сделать, — это удерживал голову пса еще несколько секунд.

Джесси подбежала к Дифин, подхватила ее и обняла, защищая, как всякая мать — дитя. Кусака все быстрее наступал на них. Лапы с серебряными когтями резво топали по полу.

Кто-то оттолкнул Джесси в сторону. Кёрт Локетт поднес огонек зажигалки к первому из двух динамитных патронов, которые в тоннеле тайком вынул из рюкзака и зажал под мышками. Лицо Локетта-старшего побелело, на виске билась жилка: он увидел, как на него надвигается смерть. Ноги Кёрта затряслись, но он не двигался с места, храбро встречая стремительно приближающегося зверя, а тем временем запальные шнуры заискрили и занялись.

Кёрт швырнул взрывчатку в чудовище. До цели она не долетела, но Кусака, как сочащийся слизью железнодорожный состав, понес свое тело над ней.

Взрыва не было. «Затоптал шнур», — подумал Кёрт.

— Назад! — крикнул он Джесси. — Шевелись, дамоч...

Его голос потонул в гулком «бамм!», словно из огромного дробовика пальнули в грудь сырых подушек. Кусака содрогнулся, стегая хвостом стену. В тот же миг из пасти, зиявшей на изрезанном ножом лице Мэка Кейда, вырвался зычный рев боли, а собачья голова завывала. Клык Иисуса полоснул по ревущей пасти. Полетели зубы-иголки.

Огонь опалил лапы Кусаки, желтые языки пламени вгрызлись монстру в брюхо. По полу растекалась какая-то лужа.

Кусака, извиваясь, вздыбился квакающей горой, и Кёрт увидел на мягком белом брюхе трехфуттовую щель с обугленными краями. Внутри по сосудам и органам, треща, пробегали электрические разряды.

Но Кусака продолжал наступление, оставляя за собой след из слизи и внутренностей. Кёрт отступал, вытаскивая последний заряд динамита. Джесси, не выпуская Дифин из объятий, тоже пятилась. Кёрт чиркнул зажигалкой и дрожащими руками поднес огонек к бикфордову шнуру.

— Держи его! Держи! — прокричал Рик Тому, но песья голова ускользнула из покрытых бесчисленными порезами рук учителя. Рик увернулся от шелкающих челюстей. Тогда репликант отшвырнул его в сторону и размашистым шагом двинулся к Кёрту. Коди отчаянно тянул монстра за хвост. Шнур динамитной шашки дымился. Кёрт занес руку, собираясь бросить взрывчатку.

— Па! — пронзительно крикнул Коди. — Осторожно!

Кёрт резко обернулся. На него надвинулся репликант: лицо свисало лохмотьями, единственный глаз яростно блеснул.

Мелькнули когти взбешенного репликанта. Полетели клочья красной ковбойки и куски мяса, брызнула кровь. На бикфордовом шнуре расцвел огонек, но Кёрт выронил шашку, и та упала на пол. Репликант продолжал полосовать развороченную грудь своей жертвы. Кёрт пытался отбиваться, но кровь залила ему легкие и подступила к горлу.

Коди лихорадочно рванул на себя хвост, чтобы оттащить монстра назад (поврежденные ребра ввергли его в пучину страданий) и отшвырнул чудовище от отца на несколько футов. Кёрт упал. Хвост репликанта стал таскать Коди из стороны в сторону, но, вцепившись покрепче, парнишка удержался.

Над ними навис Кусака. Волнообразные колыхания тела все шире раскрывали обугленное, разорванное брюхо.

Коди увидел динамит: огонь с шипением подбирался по шнуру к капсюлю. До патрона было меньше десяти футов, но он не осмеливался отпустить шипастый хвост.

Дифин с трудом вырвалась из рук Джесси; коснувшись пола уже на бегу, она подхватила динамитный патрон. Кусака повел на нее парой глаз. Почти в тот же миг репликант бросил Кёрта Локетта и ринулся на нее.

«Нет! — подумал Коди. — Нельзя, чтобы он ее сцапал!» Стиснув зубы, он потянул хвост на себя. Глаза застлали слезы боли. Репликант потерял цель, и рука с металлическими ногтями прошла мимо головы Дифин.

Кусака начал подниматься перед Дифин на дыбы, но та не дрогнула.

Перед ее глазами промелькнула картинка: подающий из математической игры под названием «бейсбол». Дифин увидела, как подающий вскидывает и отводит руку назад, а затем вновь молниеносно выбрасывает ее вперед, творя чудо движения мышц, костей и сухожилий. Она замахнулась, подражая подающему, и, в мгновение ока высчитав углы и скорости, бросила шипящий динамитный патрон.

Пролетев двенадцать футов, отделявших Дифин от Кусяки, патрон приземлился в рану на мягком брюхе монстра, точно в то место, куда она целилась. Дифин упала на колени, и когти репликанта прошли по воздуху там, где секунду назад была ее

голова. Коди, в свою очередь, изо всех сил пытался оттащить чудовище назад.

Прошел миг, показавшийся Дифин мучительной вечностью.

Плоть Кусаки мелко задрожала, заколыхалась, тело изогнулось знаком вопроса. Раздалось гулкое «бум», заставившее Джесси подумывать о громе, пойманном в ведро. Произошли сразу две вещи: из органов Кусаки дождем посыпались искры, а готовое лопнуть туловище разбухло и вытянулось, как гигантская колбаса. Разрыв на брюхе разошелся еще шире, по краям запрыгали желтые язычки пламени. Кусака бешено забился, и наружу вывалились горячие кольца внутренностей. В теле чудовища заплескались голубые вспышки, как будто двойной взрыв запустил цепную реакцию.

Репликант с развороченным лицом Мэка Кейда издал задушенный стон и качнулся вправо, потом влево, размахивая скрюченными пальцами в пустоте, потому что Дифин отползла за пределы его досягаемости. Пес завыл — хрипло, полным страдания голосом, так скрежеща зубами-иголками, что те вываливались. Джесси пригнулась и притянула Дифин к себе. Их сердца стучали в унисон.

Крутя головой, Кусака попятился. Из рта-присоски сочились тягучая слизь, а под брюхом расползалось кольцо разорванных органов, похожих на самостоятельные темно-красные зубастые существа. Они вываливались, судорожно разевая рты, бились на полу уродливыми рыбами, а когда земной воздух касался их, вспыхивали желтым пламенем и сморщивались в кожистый пепел. Кусака вытянулся кверху, словно хотел достать до фиолетового солнца. Внутри его что-то взорвалось, полыхнув белым огнем. Щель на брюхе стала еще шире, наружу опять хлынули густые внутренности. Верхняя часть тела Кусаки рухнула на пол.

Репликант упал на колени.

Коди — его плечи, казалось, превратились в сплошной синяк, — выпустил хвост монстра и отскочил. Поскользнувшись на крови отца, он пополз туда, где лежал Кёрт.

Тело Кусаки обмякло и стало сдуваться, как разорванная кислородная подушка. Хвост безостановочно молотил по стене и по полу, но все слабее.

Репликант упал ничком. Лицо Мэка Кейда ткнулось в пол.

— *Всё,* — услышала Джесси шепот Дифин.

Рик, перебарывая шок, пытался подняться. Потом рядом с ним оказалась Миранда. Он не знал, умер он, спятил или спит, но сестра обняла его, и ее руки оказались вполне реальными. Рик положил голову ей на плечо.

Вывавшийся из укрытия Сержант Деннисон стоял и смотрел, как тварь медленно взрывается. По полу перекашивались солоноватые волны, а в них колыхалось то, что некогда было человеческими телами. Он опустил руку; Бегун лизнул его в ладонь.

— Хороший мальчик, — сказал он.

Выпотрошенную тушу Кусаки мелкой дрожью начали сотрясать огненные вспышки. Хвост продолжал слабо подергиваться, отдельные лапы еще скребли когтями пол, словно собираясь ползти. Одна пара глаз закатилась под череп. Тело все время содрогалось, рот-присоска издавал резкие звуки, как мотор, который вот-вот заглохнет.

— Силы небесные, — удалось выговорить Кёрту. — Что ж я натворил, черт возьми?

— Не разговаривай. Мы сейчас вытащим тебя отсюда. — Коди за плечи подтянул отца поближе и уложил его голову себе на ногу. На месте груди у Кёрта тяжело вздымалось мышечное месиво. Коди показалось, что он разглядел работающее сердце. Паренек вытер струйку крови, стекавшую у отца из рта.

Кёрт сглотнул и подумал: «Слишком много крови. Толком и не вздохнуть». Взглянув вверх, сыну в лицо, он подумал, что видит... нет, этого не могло быть. Кёрт учил своего сына, что настоящий мужик никогда не плачет.

— Чуток повредился, — прохрипел он. — Не велико дело.

— Тшш. — Голос Коди пресекся. — Побереги силы.

— У меня... в заднем кармане... фотография, — Керт попытался подвинуться, но тело было слишком тяжелым. — Можешь достать?

— Да, сэр. — Коди залез в карман и нашел много раз сложенный снимок. Когда мальчик увидел, кто там изображен, у него чуть не разорвалось сердце. Он отдал фотографию Кёрту, и тот окровавленными пальцами поднес ее к глазам.

— Сокровище, — тихо проговорил Кёрт. — Ты вышла замуж за круглого дурака. — Он моргнул, снова нашел глазами Коди. — Бывало, заворачивает твоя мамка мне обед и говорит: «Кёрт, сделай так, чтоб сегодня я тобой гордилась». А я отвечаю: «Бу сде, Сокровище». — Он закрыл глаза. — Давным-давно это было. Я тогда был плотником... и... брался за любую работу, что подворачивалась.

— Пожалуйста... молчи, — сказал Коди.

Натужно дыша, Кёрт открыл стекленеющие глаза и зажал фотографию в руке.

— Я... плохо обходился с тобой, — прошептал он. — Ужась как плохо. Прощаешь?

— Да, сэр. Прощаю.

Отец взял Коди за руку.

— Ты будешь... лучше меня, — сказал он и выдавил слабую угрюмую улыбку. — Дело нехитрое, верно?

— Я люблю тебя, пап, — сказал Коди.

— Я... — Внутри у Кёрта что-то надломилось. С души спала какая-то тяжесть, и, понимая, что жить ему осталось всего ничего,

он тем не менее почувствовал себя легко и свободно. — Я... тоже люблю тебя, — ответил он и горько пожалел, что ему не хватало мужества произнести эти простые слова давным-давно. — Чертов ты пацан, — прибавил он, стискивая руку сына.

Ослепший от слез Коди утер глаза, но они опять стали мокрыми. Он посмотрел на тушу Кусаки, которая еще содрогалась, потом опять на отца.

Тот закрыл глаза. В любое другое время это могло означать, что он уснул. Но Коди разглядел, что сердце в глубине трясины искромсанных мышц и легких перестало биться. Пальцы, сжимавшие руку Коди, ослабли. Коди не выпускал их, хотя понимал, что отец ушел — собственно говоря, бежал — туда, где нет тупиков, только новые дороги.

Рядом, крепко держа спору, стояла Дифин с темным, осунувшимся и утомленным лицом. Силы занятого ею тела были почти на исходе.

— Перед ним — и перед тобой — я в долгу, который никогда не сумею вернуть, — сказала она. — Он был очень смелым человеком.

— Он был моим отцом, — ответил Коди.

Рик поднялся на ноги. С помощью Миранды он подхромал к упавшему репликанту и пинком в плечо перевернул тело на спину. Мотнулась песья голова с пустыми янтарными глазами.

Тело внезапно дернулось. Еще не закрывшийся единственный голубой глаз Мэка Кейда с крайним отвращением сосредоточился на Рике. Репликант разинул рот и сквозь иглы зубов донеслось пронзительное замирающее шипение:

— Вы... таракашшшшшки...

Глаз закатился, рот в последний раз дробно лязгнул зубами.

Оболочка Кусаки глухо треснула. Хвост с дрожащим на конце шипастым шаром поднялся и в последний раз обрушился вниз, словно бросая вызов.

А потом туша замерла.

Но пульс корабля стал подобен грому, фиолетовое солнце потрескивало, насытившись энергией. Дифин повернулась к Джесси, стоявшей на коленях возле Тома. Его руки были ободраны до мяса, и Джесси отрывала полоски от рубашки мужа, чтобы перевязать раны.

— Времени мало, — сказала Дифин. Она обшарила взглядом панель программирования, отыскивая в геометрических фигурах ключ к коду. — Скоро двигатели выйдут на стартовую мощность. Если этот порог будет пройден, они могут выйти из строя. — Она взглянула на ряды рычагов внутри малой пирамиды. — Это пульт управления. Я могу задержать взлет, и вы успеете выбраться из тоннелей... но тогда не останется времени сменить навигационные координаты и забраться в спальную трубу.

— Попробуй сказать то же самое по-английски, — сказал Том.

— Я не могу долго удерживать корабль на земле, — перевела Дифин. — И у меня нет времени забраться в спору. Мне нужен новый хранитель.

Джесси почувствовала себя так, словно получила сильный удар в солнечное сплетение.

— *Что?*

— Простите. Чтобы не давать кораблю взлететь, пока вы будете в тоннелях, мне нужна физическая форма. Ударная волна убьет вас.

— Пожалуйста... верни нам Стиви, — Джесси встала. — *Пожалуйста!*

— Я хочу вернуть ее. — Лицо исказилось, маленькие ручки притиснули черную сферу к груди. — Мне нужен другой хранитель. Пожалуйста, поймите: я пытаюсь спасти всех, не только себя.

— Нет! Ты не можешь оставить себе Стиви! Я хочу, чтобы мне вернули мою дочь!

— Э... хранитель — это навряд ли сторожа?

Дифин повернула голову и подняла взгляд на Сержанта Деннисона.

— Чего делает хранитель? — осторожно поинтересовался он.

— Хранитель, — ответила она, — защищает мое тело и несет в себе мой разум. Я же облакаюсь в хранителя, как в броню, и уважаю и защищаю его тело и сознание.

— Похоже, работа круглосуточная.

— Да. Хранитель познает покой в краю, лежащем за пределами снов. Но возврата на Землю не будет уже никогда. Стоит этому кораблю взлететь...

— Небо — предел, — сказал Сержант.

Она кивнула, с надеждой наблюдая за ним.

— А если ты получишь другого хранителя, ты... ну... вроде как скинешь кожу? И Хэммонды получают свою настоящую дочку обратно? Так?

— Так.

Сержант помолчал. Лицо сморщилось от раздумий. Несколько секунд он смотрел на свои руки.

— А Бегуна мы можем прихватить? — спросил он.

— Мне бы и в голову не пришло бросить Бегуна, — ответила Дифин.

Сержант поджал губы и шумно выдохнул.

— А как с едой и водой?

— Нам они не понадобятся. Я буду находиться в спальной тубе, а ты — здесь. — Она подняла спору. — С Бегуном, если тебе так хочется.

Он робко улыбнулся.

— Я... это... боюсь.

— Я тоже, — сказала Дифин. — Давай бояться вместе.

Сержант посмотрел на Гома и Джесси, потом обернулся к остальным. И снова встретил напряженный взгляд сияющих глаз девочки.

— Ладно, — решил он. — Буду твоим хранителем.

— Положи пальцы вот сюда, — велела Дифин, и Сержант робко дотронулся до сферы. — Не бойся. Подожди. Просто подожди.

По черной поверхности поползли синие нити.

— Эй! — голос Сержанта был высоким и нервным. — Посмотри-те-ка на это!

Синие нити соединялись друг с другом и туманом клубились под их ладонями. Дифин закрыла глаза, отключившись от всех внешних раздражителей и настойчивого грохота корабля. Она сосредоточилась исключительно на необъятном резерве энергии, заключенном внутри сферы, и ощутила, как та отзывается ей, подобно океанским приливам ее родины, затягивая все глубже в свое царство, унося все дальше от тела Стиви Хэммонд.

Вокруг пальцев Дифин запрыгали синие искры.

— Господи! — сказал Сержант. — Что это... — Искры плясали и по его пальцам. Он ощутил слабую щекотку, которая как будто пробегала по его позвоночнику вверх-вниз. — Господи! — только и сумел он выговорить ошеломленным шепотом.

А в следующий миг руки Дифин и Сержанта обвили потоки энергии, вырвавшиеся из сферы. Сержант широко раскрыл глаза. Яркие синие ленты переплелись и с отчетливым гудением ударили ему и Дифин в ноздри, в глаза, оплели головы. По волосам Дифин заплясали искры. У разинувшего рот Сержанта с запломбированных зубов посыпались огненные точки.

Том и Джесси держались друг за дружку, не осмеливаясь ни заговорить, ни пошевелинуться. Все молчали.

Энергетическая волна запрокинула голову Сержанта. Ноги у него подломились, и он упал на пол. Через несколько секунд упала и Дифин. Поток энергии иссяк, спора выпала из детских рук и подкатилась к ногам Джесси.

Дифин села. Заморгала, глядя на Тома и Джесси. Хотела заговорить, но слова не шли с языка.

Сержант задрожал всем телом, перекатился на бок и медленно стал на колени.

Дифин терла глаза. Сержант несколько раз глубоко вздохнул, а потом заговорил:

— Забирайте дочку домой, Том и Джесси.

— Мама? — сказала Стиви. — Я такая... сонная.

Джесси кинулась к дочке, подхватила ее на руки, обняла. Том обхватил обеих.

— Почему ты плачешь? — спросила Стиви.

Сержант подобрал сферу и встал. Его движения стали более быстрыми, в глазах поблескивал незаурядный ум.

— Ваш язык... недостаточно емок, чтобы передать, как я вам благодарен, — сказал он. — Прошу прощения, что причинил этому миру столько боли. — Он посмотрел на бездыханного Кёрта и положил руку Коди на плечо. — Я не этого хотел.

Коди кивнул, но ответить не смог.

— Мы знаем, — сказал Том. — Жаль, что лучшей части нашего мира вы не увидели.

— Думаю, я увидел прекрасную его часть. Что такое любой мир, как не населяющее его племя? И грядущие поколения? — Он потянулся, осторожно коснувшись светло-русых волос Стиви изъеденными работой пальцами Сержанта.

Глаза и голову Стиви туманило непреодолимое желание выспаться.

— Я тебя знаю?

— Нет. Но когда-нибудь, может быть, родители расскажут тебе обо мне.

Стиви пристроила голову на плечо Джесси. Ей было все равно, где она и что происходит — силы ее телесной оболочки истощились. Но она видела такой чудесный сон про то, как на огромном лугу, под летним солнышком играет с Душистым Горошком. Такой чудесный сон...

— Новый шанс — это величайший дар, — сказал инопланетянин. — Вот что вы дали моему племени. Я хотел бы что-нибудь дать вам взамен, но могу лишь пообещать, что на моей родине всегда будут петь о Земле. — Уголки рта Сержанта тронула улыбка. — Кто знает? Может быть, в один прекрасный день мы даже научимся играть в бейсбол.

Джесси схватила его за руку. Слова ускользали от нее, но все-таки она сумела сказать:

— Спасибо, что вернули нам Стиви. Счастливо... и будьте осторожны, слышите?

— Слышу. — Он взглянул на остальных, кивнул на прощание Коди и Рiku и снова обратился к Джесси и Тому. — Идите домой, — велел он. — Дорогу вы знаете. Пора и мне.

Сержант повернулся и пошел в глубь помещения. Одна нога складывалась в колене, как гармошка. Он вошел в маленькую пирамиду, некоторое время внимательно изучал инструменты и наконец принялся быстро манипулировать рычагами.

Том, Джесси, Коди, Рик и Миранда покинули зал. Стиви цеплялась за шею матери. Они пошли той же дорогой, что пришли, по переходу, который спиралью спускался к широкому черному уклону, уходившему вниз, в тоннель. Вдалеке горели брошенные ими фонари.

Внутри черной сферы, которую держал в руках инопланетянин, на перекрестке стоял Сержант Деннисон — молодой, красивый, быстрый, и впереди у него была вся жизнь. По каким-то причинам

на Сержанте была оливково-зеленая форма. В руке он держал чемодан. День был солнечным, дул приятный ветерок, в обе стороны бежала проселочная дорога. Выведенные на дорожном указателе иностранные слова означали названия бельгийских деревень. Сержанту показалось, что вдали угрюмо заворчал гром, а от земли поднялись темные облака дыма. «Там творится что-то неладное, — подумал он. — Что-то очень скверное. Такое, чего и быть-то никогда больше не должно».

Залаяла собака. Он посмотрел в другую сторону и увидел Бегуна. Яростно виляя хвостом, «страсть до чего скакучая» зверюга поджидала его. Сержант взглянул на чистый горизонт. Что там, за зелеными деревьями и пологими холмами? Он не знал, но, может быть, стоило пройтись?

Времени, чтобы добраться туда, у него было более чем достаточно.

— Тихо! — крикнул он Бегуну. — Иду! — Сержант зашагал по дороге, и — странное дело! — чемодан оказался легким как перышко. Сержант нагнулся, подобрал палку, высоко и далеко швырнул ее и стал смотреть, как Бегун, взметая пыль, мчится за ней. Бегун схватил палку и принес обратно. Сержанту казалось, они могут играть в эту игру весь день.

Он улыбнулся и по проселку ушел в страну-фантазию.

РАССВЕТ

Рик полез по веревке наверх. Никогда еще двадцать футов не казались такой большой глубиной. Он одолел восемь футов, и его руки разжались. Измученный парнишка свалился вниз.

Сверху донесся голос:

— Сделай на веревке петлю и поставь в нее ногу! Мы тебя вытащим!

— Хорошо! — крикнул Том. — Держите! — Он завязал петлю, и Рик поставил туда ногу. Вербку потянули наверх, и через несколько секунд парнишку вытащили на пол дома Кроуфилда. В небе он увидел мазок красного рассветного солнца. Силовое поле исчезло, ветер пустыни разгонял дым и пыль, унося их прочь.

Из крепости сюда пришли Ксавьер Мендоса, Бобби Клэй Клеммонс, Зарра и Пекин. Они снова сбросили веревку вниз и подняли Миранду.

Роудс, очутившись наверху, чуть не кинулся целовать пол, но побоялся, что если сядет, то уже не поднимется. Зажимая искромсанное плечо, он, шатаясь, прошел к входной двери, глубоко вдохнул свежий воздух и выглянул наружу.

Над Инферно и Окраиной, осторожно облетая черную пирамиду, с ревом барражировали вертолеты. Еще выше тянулись белые следы реактивных истребителей — пилоты ждали приказа. На шоссе №67 горели сотни фар — там выстроились караваны грузовиков, джипов, фургонов и трейлеров. Роудс покивал. Вот-вот должно было начаться светопреставление. Полковник слышал шум, исходивший от пирамиды: отсюда он казался тихим рокотом. Дифин — теперь Сержант — еще удерживала корабль, давая им время выйти из тоннеля.

Услышав стрекот вертолета над головой, Рэй Хэммонд открыл глаза. Он лежал в ванне, а на плече у него покоилась украшенная «могауком» голова Отравы. Из разбитого окна падали косые полоски красного солнечного света. Укрывшись тут после того, как перевер-

нулся грузовик Танка, ребята слышали, как вокруг рушились дома, но не двинулись с места. Идея забраться в ванну принадлежала Рэю.

Он полез наружу, но Отрава что-то забормотала и прижалась к его груди. Она еще не вполне пришла в себя, и ее следовало доставить к доку Эрли. Заглянув Нэнси в лицо, Рэй пригласил ее буйную шевелюру — и тут красноватый свет открыл ему то, что темнота держала в секрете: блузка Отравы расстегнулась, и...

«Господи Боже! — подумал Рэй. — Боже, что я вижу!»

Взору Хэммонда-младшего предстала грудь Отравы. Соски и все прочее находились в нескольких дюймах от его пальцев.

Загипнотизированный, парнишка не сводил с них глаз.

Так близко. Так близко! С ума сойти, подумал он, как мысли человека могут перескакивать с того, что он едва уцелел, на идею утратить девственность в ванне — но таков уж был Инопланетный Секс-Луч. Непредсказуем.

«Разок потрогаю, и все, — решил он. — Быстренько потрогаю, и она никогда об этом не узнает».

Он осторожно потянулся к девушке. Она открыла красные, опухшие глаза. Все лицо было покрыто синяками и распухло, но Рэю Отрава все равно казалась красивой. Может быть, она никогда не была красивее, чем в этот миг, когда ее лицо было так близко, у его плеча. С трудом сфокусировав взгляд, Отрава сказала:

— Рэй?

— Единственный и неповторимый, — он нервно хохотнул.

— Да уж. — Она сонно улыбнулась. — Ты мальчик что надо. Когда-нибудь какая-нибудь девчонка почувствует себя с тобой совершенно по-особому. Настоящей дамой. — Отрава снова опустила тяжелые веки, и шею Рэя овесало ее тихое дыхание.

Он еще ненадолго задержал взгляд на груди Отравы, но пальцы не подкрались поближе. «Когда-нибудь, — подумал Рэй. — Но не сейчас. Не сегодня». Это «когда-нибудь» пока оставалось делом будущего. Может быть, место Отравы там занимала другая девушка, с которой Рэй еще даже не был знаком. Может быть, к этому имела некоторое отношение любовь. И, может быть, задумываться о подобных вещах и называлось «взрослеть».

— Спасибо, — сказал Рэй, но девочка не ответила. Он поправил Отраву блузку и пропихнул пару пуговиц в петли, чтобы, когда кто-нибудь их обнаружит, Нэнси показалась им тем же, чем ему: спящей Джиневрой. «Благородный поступок года», — решил мальчик. За стенами простирался Город Дикого Зверя. Рэй чувствовал, что на его теле не осталось живого места. Он откинул голову и стал смотреть, как красный шар солнца взбирается на небосклон.

Когда Эд Вэнс, Селеста Престон и Сью Маллинэкс вышли из «Клейма», над Селеста-стрит летали вертолеты, разгоняя винтами дымку. После того, как стена кафе обвалилась внутрь, залегшая

за стойкой лицом в обломки троица не пыталась двинуться с места. Шум разрушения не смолкал, и Вэнс, вообразивший, будто настал конец света, пребывал в этом заблуждении до тех пор, пока Селеста не испустила страшный вопль. Тогда вертолеты услышали все. Теперь они увидели, что силовое поле исчезло. По улице пронесся поднятый винтами вихрь, и Вэнс не сумел сдержаться. Он радостно заорал и облапил Селесту Престон, оторвав ее от земли.

Мимо лица шерифа, трепеща в потоке воздуха, пролетело что-то вроде зеленой летучей мыши. Потом, гонимые ветром, налетели и другие. Сью крикнула:

— Что это?

Протянув руку, Селеста ухватила горсть того, что несло мимо. Она разжала пальцы и увидела восемь стодолларовых банкнот.

Над Селеста-стрит летели деньги.

— Господи! — Ухватив две пригоршни купюр, Сью запихала их за пазуху. На разрушенной улице уже появились и другие горожане. Они тоже подбирали деньги. — Это откуда?

Вывравшись из медвежьих объятий шерифа, Селеста зашагала по скользящим денежным потокам к своему опрокинутому на бок желтому «кадиллаку» с двумя спущенными шинами. В красноватом свете Селеста разглядела, что всякий раз, как вертолеты пролетали над улицей, из машины вихрем вылетали банкноты. Она на подкашивающихся ногах добралась до автомобиля и сказала:

— Вот черт.

Стодолларовые бумажки летели из разорванного переднего сиденья, вспоротого когтями монстра. Подошел Вэнс, до отказа набивший деньгами пропотевшую рубашку.

— Ты видела что-нибудь подобное? — проорал он.

— Мы нашли, где Уинт спрятал деньги, — сказала Селеста. — Трехнутый сукин сын набил ими сиденья и велел мне нипочем не продавать эту машину. Похоже, теперь я знаю почему.

— Ну так начинай собирать! Они же разлетаются по всему городу!

Селеста хмыкнула и огляделась: зияющие провалы и трещины в мостовой, магазины, вид которых наводил на мысли о бомбежке, разбитые и расплюснутые машины, дома, годные только на растопку, и костры на стоянке подержанных машин Мэка Кейда.

— Немного же осталось от Инферно, — сказала она. — Старик долго не протянет.

— Держи деньги! — не отставал Вэнс. — Они же твои, ну! Помоги собрать!

Некоторое время Селеста внимательно рассматривала свою горсть наличных. А потом разжала пальцы, и деньги пустились в полет.

— Ты рехнулась? Они же разлетятся по всему городу!

— Они нужны ветру, — сказала Селеста. — Ветер и должен их получить. — Она разглядывала шерифа ледяными голубыми глазами. — Эд, после того, что мы только что пережили, я до чертиков благодарна, что жива. Я жила и в хибарке. и в хоробах, но будь я проклята, если знаю, что мне подходит больше. Если эти деньги нужны тебе — валяй, бери. Все равно все уйдет налоговым инспекторам. Зато я жива, Эд, и чувствую себя нынче утром богачкой, да еще какой! — Она глубоко вдохнула чистый воздух. — Еще какой!

— Я тоже, но это не значит, что я спятил! — Вэнс был занят тем, что набивал карманы — и задние тоже.

— Плевать. — Селеста отмахнулась от возражений. — Сью, есть там у тебя еще пиво?

— Не знаю, миссис Престон. — Сью перестала подбирать деньги. За пазухой у нее было полно банкнот, но в глазах плавал туман, а вид разгромленного Инферно делал все вдвойне нереальным. — Наверное я... схожу посмотрю, что осталось от моего дома. Угощайтесь, чем хотите. — И Сью зашагала сквозь денежный буран в сторону Боуден-стрит.

В дальнем конце улицы Селеста заметила свет фар.

— Похоже, очень скоро у нас будут гости. Хочешь, пока они не подъехали, махнем еще пивка?

Вэнс потянулся за очередной банкнотой. Когда он схватил ее, три других ускользнули от него. И шериф понял, что всех этих денег ему не собрать никогда, попытки же сведут его с ума. Бумажки, кружась, уже вываливались из его набитых до отказа карманов. Это был кошмар посреди сна, ютящегося в кошмаре, и реальной, кажется, была только стоявшая перед ним женщина. Пролетая мимо Вэнса, купюры издевательски похрустывали — он понимал, что ему до конца жизни не заработать и ведра тех денег, что кружились, подхваченные ветром.

Однако он не мечтал и дожить до рассвета, а вот теперь стоял и смотрел, как встает солнце. Теплые лучи коснулись лица Вэнса, и шериф заморгал, загоняя слезы обратно.

— Ладно тебе, Эд, — осторожно сказала Селеста. В реве вертолетов, в шуме ветра и шелесте летящих купюр ей на краткий миг показалось, будто она слышит смех Уинта. Или, по крайней мере, смешок. Она взяла шерифа за руку. — Пошли-ка мы, богатеи, с улицы. — С этими словами Селеста, как дрессированного медведя, повела его в «Клеймо» сквозь разбитый фасад.

Горожане, моргая в свете раннего утра, стали выходить из домов, где прятались. Инферно выглядел так, словно по нему зигзагом прошел торнадо. Там, где ставшая зыбкой земля обвалилась, зияли кратеры. Кое-кто обнаружил кое-что помимо разрушений: на Оукли-стрит лежало чудсѣише, отдаленно напоминавшее лошадь, — оно выкосило, раздробив на части, широкую полосу домов на Трэвис-, Сомбра- и Оукли-стрит, но пало, когда пал Кусака. В трещинах

застрали и другие твари: скорпионоподобные тела с человеческими головами, с пустыми глазами. Их жизненная сила иссякла одновременно с жизненной силой Кусаки. Было понятно: чтобы найти все трупы, потребуется не одна неделя.

Сью Маллинэкс приближалась к своему дому на углу Боуден и Оукли, как вдруг кто-то крикнул:

— Эй, леди! Стоп!

Она подняла голову и посмотрела на Качалку. Свет набирал силу, тени таяли, уползали. На вершине кряжа стоял небольшой покатый автомобильчик, а рядом с ним — двое мужчин. Один держал нацеленную на черную пирамиду видеокамеру. Он развернулся в сторону Сью. Второй мужчина, с темной бородой, в шапочке с надписью «Эн-Би-Си», вздымая пыль, спустился со склона под шорох осыпавшихся вниз камешков.

— Как вас зовут, леди? — спросил он, отыскивая в карманах блокнот и ручку.

Сью назвалась. Бородатый крикнул второму мужчине:

— Спускайся сюда! Нам подвалило интервью!

Видеооператор начал карабкаться вниз по кряжу и чуть не приземлился на копчик.

— Боже правый, — сказала Сью, лихорадочно пытаюсь привести в порядок прическу. — Господи, меня покажут по телеку?

— Национальное вещание, программа новостей, леди! Ну-ка, взгляните на меня! — На камере загорелась красная лампочка, и Сью, ничего не сумев с собой поделаться, уставилась в объектив. — Когда приземлился НЛО?

— Почти в без четверти десять. Я помню — прямо перед тем, как оно упало, я глянула на часы. — Сью отвела с лица пыльные волосы, сознавая, что из-за напиханных под блузку денег будет казаться еще крупнее, чем на самом деле. — Я работаю в «Клейме». В кафе. Господи, я, должно быть, похожа на пугало!

— Вы отлично выглядите. Сделай мне панорамку и потом опять ее лицо.

Оператор начал медленно разворачиваться, снимая дома Инферно.

— Леди, ваш город станет чуть ли не самым известным в стране! Черт, да во всем *мире*!

— Что... и я тоже? — спросила она.

— И вы, и все остальные. Мы получили сообщение, что здесь, возможно, произошел контакт с внеземной цивилизацией. Вы можете это подтвердить?

Сью сознавала важность своего ответа. Она вдруг представила свое лицо и лица других жителей Инферно и Окраины в выпусках новостей, на обложках журналов, в газетах и книгах, и обмерла. Голова у нее закружилась почти так же, как кружилась много лет назад, когда Сью сделала сальто под дождем. И Сью очень внятно ответила:

— Да. — Она повторила: — Да. Тут бывало два существа. Разных. Шериф — его зовут Эд Вэнс — сказал мне, что одно гналось за другим. Когда звездолет сел, весь город чуть не растрясло ко...

— Стоп! — сказал мужчина в шапочке. Он глядел через плечо и уже заметил, что приближалось к ним. — Спасибо, миссис Маллинэкс! Нам пора! — Они с оператором побежали вверх по склону, к малолитражке.

Сью увидела, что их спугнуло: на Боуден, рывками объезжая ямы и трещины, сворачивал джип, полный солдат с буквами «ВП» на касках. Несколько солдат на ходу выпрыгнули и кинулись вверх по кряжу, за репортерами.

— Мисс Маллинэкс! — крикнула Сью. Мотор «багги» завелся раньше, чем солдаты успели добраться до автомобильчика, и машина помчалась вниз по противоположному склону.

У северного конца моста через Змеиную реку остановилась темно-синяя машина без опознавательных знаков. Из нее вылезли двое в форме полковников военно-воздушных сил и мужчина в штатском. Они устремились к группе людей, которые шли с южной оконечности изуродованного огнем моста.

— Господи! — Горбоносый офицер, у которого на приколотом к нагрудному карману ярлычке было написано «Бакнер», резко остановился. Он узнал одного из приближавшихся к ним мужчин, но если это действительно был полковник Роудс, то за одну ночь Мэтт постарел на десять лет. — По-моему, мы его нашли. — Еще несколько шагов, и Бакнер выдавил: — Подтверждаю. Это полковник Роудс. Передайте Центральной.

У второго офицера, капитана Гарсии, был полевой телефон. Он сказал в трубку:

— Центральная, говорит Первый. Мы нашли полковника Роудса. Повторяю: мы нашли полковника. Нужна санитарная машина, срочно.

— Первый, медперевозка едет, — ответил диспетчер, регулировавший движение из припаркованного на стоянке клуба «Колочая проволока» штабного трейлера.

Роудс, опирающийся на Зарру Альхамбру, заметил идущего к ним полковника Бакнера из спецразведотдела.

— Доброе утро, Алан, — сказал он, когда тот поравнялся с ними. — Вчера вечером ты проморгал потрясающие события.

Бакнер кивнул. Темные глаза смотрели невесело.

— Наверное. — Он посмотрел на кучку презренных штатских. Создавалось впечатление, что они выбрались из зоны боевых действий: пыльная, грязная одежда, ввалившиеся глаза на покрытых синяками и потеками крови лицах. Жилистого парня с кудрявыми светлыми волосами поддерживали двое латиноамериканцев, парень и девушка. Неподвижные взгляды всех троих были устремлены куда-то мимо полковника, вдаль, как у жертв боевой усталости. С ними был

мужчина постарше. Изодранная на плечах сорочка свисала кровавыми лентами. Рядом стояла женщина с пепельно-серым лицом, она держала на руках девочку, которая — удивительное дело! — спала. Остальные были более или менее в таком же состоянии: ошеломленные и помятые. Но Мэтт Роудс... Вчера, когда Роудс покидал авиабазу Уэбб, это был молодой мужчина, теперь же в глубоких складках изрезанного стеклом лица осела пыль, а волосы за ночь, кажется, изрядно поседели. Между прижатыми к плечу пальцами виднелась запекшаяся кровь. Он бодро улыбался, но в глубоко ввалившихся глазах пряталось то, от чего ему было не избавиться до самой смерти.

— Это мистер Уинслоу. Специалист-координатор. — Бакнер махнул в сторону штатского — коротко подстриженного молодого человека в темно-синем костюме. Лицо мистера Уинслоу напоминало каменную глыбу, глаза прятались за темными очками. На Роудса повеяло «Вашингтоном». — Капитана Ганнистона уже отправили писать рапорт, — сказал Бакнер. В действительности Ганни отвезли в большой трейлер, припаркованный возле станции техобслуживания. — Через несколько минут придет грузовик, заберет тебя в санчасть. — Он осмотрел разрушения. — Похоже, этому городу досталось по первое число. Можешь оценить потери?

— Высокие, — сказал Роудс. Рука уже больше не болела; она просто была тяжелой, как мешок свежеразведенного цемента. — Но, думаю, мы отделались легким испугом. — Как объяснить этому человеку, стоящему перед ними, что на протяжении двадцати четырех часов — в масштабе Вселенной это лишь краткий миг — в техасской пыли шла борьба за судьбу двух цивилизаций?

— Полковник Бакнер? — сказал Гарсия, держа трубку полевого телефона возле уха. — Я дозвонился до контроля за периметром. Они докладывают, что через кордон службы безопасности проникают посторонние — вероятно, газетчики. Капитан Инголлс говорит, что при таких обширных площадях нет никакой возможности их остановить....

— Передайте Инголлсу, чтоб духу их здесь не было! — рявкнул Бакнер. В голосе полковника прозвучала паническая нотка. — Господи Иисусе! Велите ему посадить этих сволочей под замок, если придется!

— Можете с чистой совестью наплевать на это, — хладнокровно заметил Роудс. — Сохранить тайну никак не удастся.

Бакнер разинул рот, словно Роудс высказал утверждение, что цвета американского флага — зеленый, розовый и пурпурный. В зеркальных очках Уинслоу дважды отразилось лицо Мэтта.

Далекий рокот, доносившийся от черной пирамиды, внезапно оборвался.

Коди, Рик, Роудс — все обернулись. Основание «объекта» засветилось сине-оранжевым. В лучах утреннего солнца задрожали волны теплого воздуха.

Мост затрясся. Три верхние четверти пирамиды начали подниматься, оставив разогретое основание внизу. По его периметру ударили тонкие сильные струи белого пламени. Пламя с ревом промчалось по тоннелям за реку, на Окраину, и сплавило рыжую землю и песок в комья черного как смоль стекла. По мосту пронзительно просвистел горячий ветер.

Медленно поднявшись на четыреста футов, пирамида замерла, отражая черной чешуйчатой поверхностью золотистое солнце, и начала грациозный разворот.

— Капитан Реддинг докладывает: «Альфа-Страйк» расконсервировала и привела в боевую готовность «сайдвиндеры», — доложил Гарсия Бакнеру по полемому телефону.

Роудс знал, что такое снаряды «сайдвиндер». Он поднял голову и увидел выстраивающиеся для удара реактивные звенья.

— Не трогайте ее, — сказал он.

Бакнер схватил телефонную трубку.

— «Альфа-Страйк», — говорит Главный. — Не менять позиции. «Сайдвиндеры» пускать по моей команде, ясно?

— Нет! — запротестовал Том, проталкиваясь вперед. — Дайте кораблю улететь!

По бокам пирамиды бились энергетические хлысты.

— Готовность по моей команде, — повторил Бакнер.

— Дай истребителям отбой, Алан. — Роудс стиснул запястье Бакнера. — На твои инструкции мне наплевать. Прошу тебя, дай кораблю улететь.

У Бакнера на щеках проступили красные пятна. Он вырвался.

Грани пирамиды сжимались. С них, выстреливая на сотню футов во все стороны, с треском срывались похожие на молнии голубые протуберанцы. Разогретый воздух трепетал, отчего пирамида казалась зыбкой, как мираж. В следующие несколько секунд звездолет сжался в фигуру сродни заостренному копы и продолжил подъем, но более энергично, быстро набирая скорость. Секунда, другая — и корабль превратился в черную полосу, улетающую к синему куполу неба.

— Лети, — сказал Рик. — Лети!

Истребители ждали, кружа на одном месте.

Бакнер открыл рот.

Роудс потянулся, намеренно сильно рванул телефонный кабель и выдернул его из корпуса полевого телефона.

Акустический удар сбил первых стервятников, рыскавших в потревоженном воздухе, и взметнул пыль на тридцати милях техасской пустыни. Звездолет как бы удлинился и темной нечеткой полоской стремительно ушел в безоблачное небо. Он пронесся мимо кружащих истребителей так, словно они были нарисованы на небесной синеве, и исчез в лиловом мерцании.

Налетевший на мост ветер взъерошил волосы, поиграл одеждой и просвистел над уцелевшими крышами.

— Сэр? — Уинслоу говорил хрипло, неторопливо. Роудс подумал, что этих мальчиков из правительственных отделов безопасности высшего уровня, должно быть, выводят в инкубаторах. — По-моему, это было ваше последнее действие в качестве представителя военно-воздушных сил США.

— Поцелуй меня в жопу, — сказал Роудс и добавил, обращаясь к Бакнеру: — Ты тоже. — Он вгляделся в небо. Истребители шли на посадку. Все кончилось, оставалось только прибраться.

У северной оконечности моста затормозил грузовик с красным крестом. Задняя дверь открылась, выскользнула лесенка. В кузове были койки, кислородные баллоны и маски, запас медикаментов и два санитары.

— Пора ехать, — Бакнер жестом поторопил Роудса.

Полковник сделал с помощью Зарры несколько шагов и внезапно остановился. Солнце прошло четверть своего пути к зениту, небо постепенно выцветало. Предстоял очередной чудовищно жаркий день. Роудс обернулся и заглянул в лицо Коди, Рику, Миранде, Джесси, Тому и их дочурке. Ее не разбудил даже акустический удар. Роудс подумал, что скоро все они уснут так же крепко. Позже придут кошмары. Но все эти люди отлично справятся с ними — ведь если человек не знает, что такое терпение, он не знает ничего. «За одну ночь мы спасли две планеты, — подумал Роудс. — Неплохо для клопов».

Подставив солнцу лицо, он пошел к машине.

Джесси чувствовала, как у ее груди медленно и ровно бьется сердечко Стиви. Она коснулась лица дочки, пробежала рукой по пыльным светло-русам волосам и под ними, у корней волос на затылке, нащупала два пореза, покрытых коркой запекшейся крови. Стиви во сне заерзала и сделала обиженное лицо. Джесси убрала пальцы.

В один прекрасный день ей предстояло все рассказать дочке. В один прекрасный день — но не сегодня.

Одной рукой прижимая к себе Стиви, Джесси другой нашла руку Тома. Им надо было добраться до больницы, к Рэю, но с Рэем все должно было обойтись. Джесси знала, что ее сын рожден выживать. Должно быть, это была семейная черта. Они с Томом перешли через мост, а Стиви спала и видела во сне звезды.

Инферно заполонили грузовики и джипы. Несколько вертолетов неуверенно кружили над основанием улетевшего звездолета — впоследствии инженерные команды сочтут невозможным разделить его на части или же сдвинуть с места.

Все разошлись. На мосту осталась только одна фигура. Безвольно опустив руки, Коди смотрел на изуродованные останки своего мотоцикла. «Хонда», его старая подружка, тоже погибла, а мост, казалось, растянулся на сотни миль.

Рик оглянулся и остановился.

— Прихватите мою сестренку, — сказал он Мендосе, и тот помог Миранде дойти до грузовика. Потом Рик захромал обратно и остановился, выжидая.

Коди нагнулся, поднял кусок оплавленной выхлопной трубы и снова бросил его на мостовую. Хлам!

— Я слышал, ты неплохо умеешь обращаться с инструментом, — сказал Рик.

Коди не отвечал. Он сел, подтянув колени к груди.

— Ты идешь или нет?

Коди молчал. Потом, после длинного судорожного вздоха, выдал:

— Нет.

Рик, хромя, подошел еще на несколько шагов. Коди отвернулся. Рик заговорил было, но только для того, чтобы заполнить паузу. Он не знал, что сказать. Потом его внезапно осенило:

— Сегодня последний день занятий. Как по-твоему, нам дадут аттестат?

— Отвяжись. Топай отсюда. — Коди махнул в сторону Инферно.

— Коди, тут сидеть бесполезно. Или пойдешь особняком, или за тобой кто-нибудь явится.

— Пусть являются! — крикнул Коди, оборачиваясь к Риду, и тот увидел бегущие по его щекам слезы. — У меня батя умер, ты что, не понял? — От крика начало саднить горло. Слез было столько, что Коди ничего не видел. — Умер мой батя, — повторил он уже спокойнее, словно впервые в полной мере осознал это. Все, что произошло в звездолете Кусаки, помнилось смутно и хаотически. Коди предстояло потратить немало времени, чтобы разобраться. Но парнишка ясно помнил отца — тот успел перед смертью взглянуть на выцветшее фото. Коди было пусто и тоскливо. Он никогда не думал, что когда-нибудь станет тосковать по отцу.

— Да, умер, — согласился Рик, подходя еще на пару шагов. — Вот что я тебе скажу: наши жопы спас твой старик. То есть... Я знал его не слишком хорошо, но... на тот свет он отправился ради нас. Точно. И ради Дифин тоже.

— Герой, — фыркнул Коди. Он рассмеялся сквозь слезы и вытер нос. — Мой батя герой! Думаешь, на могиле так и напишут? — Безумная улыбка Коди пропала — он понял, что хоронить некого, тела нет.

— Запросто, — ответил Рик.

— Ага. Может быть. — Коди смотрел, как встает солнце. С тех пор, как он, сидя на Качалке, считал жизненные тупики, прошло двадцать четыре часа. Теперь он чувствовал, что стал старше, но не слабее. Да, отец умер, деться от этого было некуда, но мир сейчас казался иным, более просторным. Жизнь предлагала новые шансы и новые пути.

— Вчера ночью мы сделали по-настоящему важное дело, — сказал Рик. — Люди, может, даже и не поймут. Но мы-то будем знать. Может, этого довольно.

— Угу, — Коди кивнул. — Наверное. Как думаешь, что будет с Инферно?

— Думаю, он еще немного протянет. Краина тоже. Дай только народу выяснить, что тут приземлялось... ну ладно, никогда нельзя знать, что будет завтра. — Рик шагнул вперед и протянул руку. — Хочешь, пойдем на ту сторону прямо сейчас?

Коди некоторое время смотрел на смуглую руку с ладонью, обожженной веревкой. Потом вытер глаза и шмыгнул носом. Если бы кто-нибудь из Щепов застал его в таком виде...

«Нет, — подумал он. — Никаких Щепов и Гремучек. Хватит». Это было вчера, а сегодняшний день начинался для обоих ребят здесь, посреди моста, в эту самую минуту.

Коди ухватился за протянутую ему руку, и Рик помог ему подняться на ноги.

Набравший силу солнечный свет гнал прочь последние тени. Мужчины перешли через мост вместе.

С о д е р ж а н и е

Кусака	 5
---------------	--------------------

Литературно-художественное издание

Роберт Маккамон

КУСАКА

Выпуск 42

Сдано в набор 23.02.96. Подписано в печать 15.03.96 г.
Формат 60×88 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага книжно-журнальная.
Объем 27 п.л. Печать офсетная. Тираж 10 000 экз.

Издательство Сигма, Львов, а/я 25

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Львовской книжной фабрике "АТЛАС"
290005, г. Львов, ул. Зеленая, 20

РОБЕРТ МАККАММОН

В следующем выпуске
нашей серии
Вы встретитесь с новым
остросюжетным романом
Роберта Маккаммона